

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1998

№ 6-7

№ 6-7

Издательство Санкт-Петербургского
государственного университета выражает
искреннюю признательность Игорю
Захаровичу Вечеславу (Хартфорд, США)
за финансовую поддержку серии
“Библиотека журнала Новый Часовой”.

НОВЫЙ ЧАСОВИ

Русский
военно-исторический
журнал

Russian Military History Journal

№ 6-7

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1998

Представители журнала

- в Москве: *Девятов Владимир Кириллович*
123631, Москва, Д-631, ул.Исаковского, д.26,
корп.2, кв.106. Тел.: (095) 498-88-15
- в Вологде: *Конасов Виктор Борисович*
160024, Вологда, ул. Северная, д.28-А, кв.31.
Тел.: (8172) 24-64-31
- в Севастополе: *Ревин Сергей Федорович*
Тел.: (069) 41-31-97,
Ветров Игорь Геннадьевич (распространение, реализация)
Тел.: (069) 57-34-34
- в Екатеринбурге: *Дмитриев Николай Иванович*
620131, г.Екатеринбург, ул.Крауля, д.80, корп.1,
кв.49. Тел.: (3432) 461-342
- в Чебоксарах: *Шатунов Юрий Александрович*
428032, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д.17, кв.11.
Тел.: (8352) 22-22-84
- в Новгороде: *Трифонов Сергей Дмитриевич*
Тел.: (81622) 72-259; тел./факс (81622) 73-722
- в Калининграде: *Клемешев Андрей Павлович*
г. Калининград, ул. Гайдара, д.135, кв.2.
Тел.: (0112) 32-41-66
- в США: *Вербицкий Георгий Григорьевич (George G. Werbizky)*
409 JONES ROAD, VESTAL,
N.Y. 13850-3246, USA. Tel.: 607-748-4606
- в Германии: *Фризен Иван Иванович (J. Friesen)*
Flurscheideweg 15, D-65936 Frankfurt a.M. BRD
- в Испании: *Марк Руис-Соррилья Крусатэ*
(Mark Ruiz-Zorrilla Cruzate)
с/Rojas, 23 baix, 08301 Mataró (Barcelona)
Tel.: 34-3-7551666; fax: 34-3 7960992

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы “Нового Часового”, должны предварительно сообщить о своих намерениях редакционной коллегии журнала.

Главный редактор	<i>А. В. Терещук</i>
Редакционная коллегия	<i>К. М. Александров, А. Б. Егоров, А. П. Клемешев, В. Б. Конасов, В. А. Кудашкин, И. Я. Лapidус, В. М. Монахов, В. В. Носков, О. А. Поливанов, Б. А. Старков, С. Д. Трифионов, С. Л. Фирсов, М. Н. Яковлев</i>
Экспертный совет	<i>Вал. А. Булкин (искусствоведение), Вас. А. Булкин (история Древней Руси), Ю. Л. Коршунов (военно-морская проблематика), В. М. Лурье (биографика), В. В. Морозан (экономика и финансы), А. А. Папчинский (история отечественных спецслужб), С. И. Романовский (история науки, публицистика), В. Н. Седых (вспомогательные исторические дисциплины), А. Н. Цамутали (история России XIX—XX вв.)</i>
Зам. главного редактора по общим вопросам	<i>И. С. Петров</i>
Редакция журнала	<i>Г. И. Чередниченко (заведующая), Е. Р. Михайлова (редактор), Д. Н. Копелев (редактор), Е. А. Соловьева (художник), Л. Н. Иванова (техн. редактор), Е. С. Егорова (секретарь)</i>
Компьютерный набор	<i>Е. В. Величкина, Ю. Ю. Таурина</i>
Компьютерная верстка	<i>С. В. Лобачев, С. В. Стремилев</i>
Менеджер по распространению	<i>В. Г. Ситник</i>
Адрес редакции	Российская Федерация, 197198, Санкт-Петербург, Мытнинская наб., 5/2. Телефон: (812) 218-30-21, 238-47-09. Факс: (812) 233-06-72
Банковский счет В России:	р/с 40502810111000000167 Василеостровский филиал ОАО “Промышленно-строительный банк”; к/с 3010181020000000791; БИК 044030791
В Германии:	J.Friesen (“Новый Часовой” — С.-Петербург) Frankfurter Volksbank e G.Frankfurt am Main BLZ: 50190000 Conto NR: 0301188471

- © “Новый Часовой”, 1998
- © Издательство С.-Петербургского
университета, 1998
- © Авторы публикаций, 1998

Содержание

Олег Александрович Поливанов.....	7
-----------------------------------	---

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н.А.Мининков.</i> Донское казачество XVI—XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления	8
<i>О.М.Бражникова.</i> Братья Хрущовы: историко-генеалогический очерк	20
<i>А.А.Мисько.</i> “Сила русских ныне огромна...”. Наполеон о России (по дневниковым записям генерала Бертрана)	27
<i>В.А.Кудашкин.</i> Инженерная подготовка обороны западной границы России накануне Отечественной войны 1812 г.	40
<i>Ю.Д.Пряхин.</i> Греческий “Легион императора Николая I” и поселение его ветеранов в Приазовье	52
<i>В.В.Морозан.</i> Сберегательное дело в России во второй половине XIX в.	62
<i>С.А.Виноградов.</i> Югославянские военнопленные австро-венгерской армии в России в 1914—1918 гг.	74
<i>В.И.Мусаев.</i> Drang nach Osten и русская реакция: история “Западной русской армии” (1919 г.)	78
<i>А.Н.Кашеваров.</i> Высшее церковное управление Русской Православной Церкви в период гражданской войны	93
<i>Р.Ш.Ганелин.</i> Сталин и советская историография предвоенных лет	100
<i>В.А.Иванов.</i> Операция “Бывшие люди” в Ленинграде (февраль — март 1935 г.)	118
<i>А.А.Панчинский, М.А.Тумиш.</i> “Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов...”, или Истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон	132
<i>А.П.Крюковских.</i> Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого	147

Дискуссии

<i>К.Л.Козюренко.</i> К вопросу о причинах опалы А.В.Суворова 1800 г.	164
<i>Бернхард Кьяри.</i> “Отверстие в изгороди”, или Кому принадлежит история Второй мировой войны? (Пер. с нем. Т.Е.Егоровой)	172
<i>К.М.Александров.</i> Казачий Стан и Главное Управление Казачьих Войск в 1944 г.	187

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ВОЕННО-КОНСТРУКТОРСКОЙ МЫСЛИ

<i>А.Н.Кулинский.</i> Русское экспериментальное холодное оружие XIX—начала XX веков в фондах Артиллерийского музея	196
<i>М.Ф.Хартанович.</i> Первый русский электроход	208

ПАМЯТИ О.А.ПОЛИВАНОВА

- А.Б.Николаев.* Памяти друга и ученого: научные публикации
Олега Александровича Поливанова 215

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Из архива В.С.Дякина. Энциклопедические статьи 222
Из архива В.Г.Бортневского. Материалы по истории русской
эмиграции в архивах США..... 227
Д.К.Жеребов. «Любанская» операция 1942 года 233

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- А.Н.Шилин.* Военная жизнь сельского учителя. Дневник (1916—1917 гг.)..... 236

МЕМУАРЫ

- А.М.Агафонов (Глянцев).* В нацистских застенках 257
Т.Л.Пилецкая. Серебряные нити (Воспоминания) 272

ИЗ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ВОЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

- Легенда о подземном ходе в Пажеском корпусе 293

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

- Ю.Г.Епатко.* Автопортрет с... Пушкиным. Пушкиниана художника
К.С.Петрова-Водкина 297

ПЕРСОНАЛИИ

- Ю.Г.Епатко.* Флигель-адъютант Александра I, зять Кутузова 304
С.Л.Фирсов. “Архипастырь кроткий, терпеливый и непамятнозловивый”
Штрихи к портрету Митрополита Антония (Вадковского)..... 310
Людмила Дмитриева. О моей семье 319
С.В.Яров. Владимир Триандафиллов и его дело 320
В.М.Лурье. Адмиралы Военно-Морского Флота СССР 331
В.М.Лурье. Военно-морские атташе 340
П.А.Аптекарь, В.М.Лурье. Военные атташе 346
О.Ф.Сувениров. Мартиролог РККА. 1936—1941 гг. 351

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.И.Романовский.* Нетерпение мысли 363

ИНТЕРВЬЮ

Густав Александрович Богуславский.....	370
Иеромонах Сергей	381

РУССКИЙ СКАУТЪ

Хроника деятельности (январь—май 1997 г.)	383
Борис Борисович Мартино (к 35-летию смерти).....	389
Скаутмастер Р.В.Полчанинов. Будем как солнце! К 60-летию русских БКС курсов для руководителей	394

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Империи нового времени: типологии и эволюция (XV—XX вв.). Вторые петербургские кареевские чтения по новистике	399
Корниловские чтения	401
Ожоги прошлого: война и плен как трагедия. (О двух научных конференциях в Германии).....	404
Международная научно-практическая конференция “Проблемы военного плена: история и современность”	409

Рецензии

В.Б.Конасов, В.В.Судаков, А.Н.Быстрицкий. Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.....	412
Н. Ругыч. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России	413
Д.С.Фоглсонг. Секретная война Америки против большевизма: Интервенция США в период Гражданской войны в России (1917—1920)	414
Е.А.Вишленкова. Религиозная политика: Официальный курс и “общее мнение” России александровской эпохи.	418
Книжные новинки	422

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Где должны быть погребены жертвы екатеринбургской трагедии 1918 года?	430
Г.Г.Вербицкий. Встреча с Родиной. Воспоминания остовки	432
Ю.В.Братющенко. Отклик на материал А.В.Харламова	436
Из фотоархива журнала “Новый Часовой”	440

Олег Александрович Поливанов

(04.10.1962 — 26.07.1997)

Трагическая случайность оборвала жизнь Олега Александровича Поливанова. Его безвременный уход болью отозвался в сердцах родных, близких, друзей и коллег. Все мы, кто знал Олега Александровича, переживаем глубокое чувство невосполнимой утраты замечательного человека и испытываем горестное ощущение обиды от того, что судьба оказалась к нему столь несправедливой и жестокой.

Олег родился в Дрездене в семье советского военнослужащего, был с первых дней своей жизни окружен заботой любящих родителей. Затем были школьные годы, поступление на исторический факультет Педагогического института им. А.И.Герцена, где Олег очень скоро стал одним из лучших студентов. Его искренне любили и уважали как сверстники, так и старшие товарищи. Неординарные способности, интерес к исследовательской работе, продемонстрированные О.А.Поливановым в студенческие годы, были замечены, и последовало приглашение в аспирантуру. Под руководством профессора В.И.Старцева он написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию. При этом Олег не был молодым ученым — «сухарем». Его жизнь была яркой, насыщенной разными событиями и переживаниями. Это и счастливо обретенная любовь, семья, рождение детей, и искренняя взаимообогащающая дружба, и служба в армии. Ощущение полноты жизни, оптимизм, энергия, потрясающая работоспособность, коммуникабельность, — все это вызывало человеческую симпатию к сотруднику исторического факультета со стороны коллег и студентов. А его рассудительность, выдержка, исключительная порядочность и честность, профессиональная компетентность не могли не внушать доверия и уважения.

Работая заместителем декана исторического факультета Герценовского института, О.А.Поливанов глубоко и серьезно занимался научными изысканиями. Его статьи, доклады по проблемам истории России начала XX века получили самые благоприятные отклики специалистов. В 1994 году Олег Александрович перешел в Санкт-Петербургский государственный университет, стал членом редакционной коллегии журнала «Новый Часовой». Он очень легко и органично вписался в жизнь нового коллектива, был полон идей, творческих замыслов. Начиналась полоса нового жизненного взлета...

Олег Александрович Поливанов прожил 34 года. Прожил достойно. Он был человеком сильным, мужественным, выносливым, умевшим держать удары судьбы. Этой его жизненной стойкости и силы духа хотелось бы сегодня пожелать тем, кого больше всего ударила неожиданно навалившаяся беда — его вдове, трем осиротевшим мальчикам, маме... Разделяя горе, постигшее родных Олега Александровича, мы осознаем всю тяжесть утраты этого удивительного человека, светлую память о котором мы сохраним в своих сердцах.

Друзья и коллеги

Н.А.Мининков

Донское казачество XVI—XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления

За последние годы казачья тема стала одной из центральных в исследованиях российских историков. Причины такого интереса к ней вызваны не только значительной ролью, которую играло казачество в жизни России и на международной арене, начиная с эпохи позднего средневековья, не только яркостью его прошлого и трагической его судьбой, но и его своеобразием. Историки характеризовали казачество как российский феномен¹, хотя иногда находили некоторые сообщества в Европе и Азии, весьма напоминавшие казачьи². Среди особенностей казачества выделяются пестрота этнического состава, военно-промысловый образ жизни, а также его характер и менталитет. Последние изучены в наименьшей степени. К факторам, их определявшим, относились взаимодействие и взаимопроникновение различных этнических культур, носители которых (прежде всего — славяне и турки) нашли соединение в рядах казачества, а также сохранение и преломление в условиях казачьих окраин России культурных традиций, сознания и мировоззрения русского народа, выходцы из которого составили ядро казачества, в том числе и на Дону.

Формирование характера и личности казака в XVI—XVII вв. зависело также от положения казачества по отношению к России, к соседним народам и государствам. Тяга казаков к вольности заставляла их делать все возможное для сохранения самостоятельности и суверенитета. В то же время враждебные отношения с соседними мусульманскими государствами предопределяли их стремление к сближению с Москвой, к вступлению с ней в отношения, напоминавшие сюзеренитет — вассалитет³, к тому, чтобы пользоваться ее покровительством. К этому же побуждала ограниченность экономической базы существования казачества. Поэтому гордость своей вольностью, осознание ее общезначимой ценности, когда “все земли нашему казачьему житью завидовали”⁴ сочетались у казаков с обостренным чувством единства с русским народом и государством, с глубоким и искренним патриотизмом.

Патриотизм казаков, в том числе донцов, имел при этом существенные особенности по сравнению с патриотизмом народа России. Одна из них состояла в том, что казаки одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу, и к своему войсковому братству. Иногда у них прорывалась определенная настороженность по отношению к Москве. Это отразилось в отдельных источниках, общавших, например, о событиях на Дону 1630 г., когда казаки отказались идти на войну с Польшей совместно с турецкими войсками, убили царского посланника И. Карамышева, приписав ему намерение “донских казаков на Дону побивать и вешать и животы грабить”⁵, а затем опасались ответных мер правительства. Вполне осознавали

донцы несправедливое отношение к себе со стороны московских властей, не ценивших, по их мнению, в должной мере их вклад в оборону южных русских окраин. “А нас на Руси не почитают и за пса смердящего”, — с горечью отмечалось в повести об Азовском осадном сидении, — “кому об нас там потужить? Ради там все концу нашему”⁶. Тем не менее в источниках, исходивших от войска Донского, никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество русскому народу, а Дон — России. Напротив, несмотря на сравнительную оторванность Донской земли от России, на то, что между самыми верховыми казачьими городками по Дону, Хопру и Медведице и русскими поселениями в южных уездах лежало в XVI—XVII вв. незаселенное пространство Дикого Поля, казачество в полной мере ощущало себя частью общерусского единства. В повести о взятии Азова в 1637 г. “волное казачество великое Донское войско” причисляло себя к “Московской области”⁷, т.е. Дон казаки относили к русским землям. “А государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, паче всех иных государств и орд бусорманских, персидских и еллинских, аки в небе солнце”⁸, — отзывались казаки о Московском государстве в своем ответе туркам, приведенном в повести об Азовском осадном сидении. В этом ответе выразилась любовь казаков к своей стране и гордость за нее, которую они выражали перед врагом.

В той же повести казаки выразили свое не менее сильное чувство по отношению к Донской земле. Прощаясь друг с другом перед последним боем, казаки говорили: “Прости нас, государь наш тихий Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему з грозным войском не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в Тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать”⁹. Впрочем, иногда казаки заявляли о своей готовности покинуть Дон. Разговоры об этом ходили среди них в 1626 г. После опалы царя на войско Донское и ссылки казаков станицы атамана Алексея Старого на Белоозеро за самовольные морские походы на Крым и Турцию донцы заявляли, что “покиня Дон весь, пойдут з Дону в турецкого царя землю и учнут жить на турецкого царя на запольной реке”¹⁰. Был у казаков “меж себя” разговор об уходе с Дона на Яик в 1643 г., когда турки после возвращения в Азов в 1642 г. пытались “збить” войско Донское с Нижнего Дона и оно переживало тяжелые времена¹¹. Едва ли, однако, эти намерения можно принимать всерьез. Скорее всего, казаки стремились не к уходу из своих донских юртов, а лишь к тому, чтобы обратить внимание правительства на свое положение, заставить его сделать свою политику в отношении войска Донского более благоприятной и оказывать ему необходимую помощь. Только в конце XVII в., после того, как потерпело поражение движение донских старообрядцев в 1688 г., отдельные группы казаков покидали Дон и уходили во владения крымского хана на Кубань, а также в Кабарду и в Дагестан¹². В 1708 г. их примеру последовали некрасовцы, обосновавшиеся на Кубани. Но уход этих казаков с Дона был вынужденным, они спасались тем самым от преследований и возможного истребления.

Другой особенностью донского казачьего патриотизма было сочетание его с ненавистью к внешнему врагу, с которым казаки постоянно воевали. Подобное сочетание вполне соответствовало средневековому мышлению с его биполярным подходом к окружающему миру, с его четким представлением о том, что “по одну сторону был Бог, по другую — Дьявол”, и с господствовавшим во всем средневековом христианском мире представлением, что мусульмане — “отверженные враги Господа”¹³. Ненависть к врагу порождала жестокость по отношению к нему, которая отличала как казаков, так и их противников. Она являлась продолжением исторической традиции, глубинные корни которой — в ожесточенной борьбе между европейским христианским, в том числе и русским миром, и миром восточным — арабским, тюркским, монгольским, доисламским и исламским, развернувшейся с раннего средневековья. На “большую

жестокость” “неверных русов” — донских казаков в отношении азовцев указывалось еще в грамоте султана Сулеймана I Кануни хану Сахиб Гирею, относящейся ко времени до 1552 г.¹⁴. Жестоко поступили казаки низового войска Донского в 1592 г. с пленными знатными турками и горскими князьями, когда не получили требуемого за них выкупа. Одного из пленнх они казнили, а других били плетью на глазах азовских посланников. Русскому послу Г.Нашокину они объясняли свои действия тем, что турки, в свою очередь, пленнх казаков сажали на каторги¹⁵. Противник вообще мог поразить казаков своей жестокостью, как, например, в 1616 г., когда у пленного атамана Матвея Лисишника турки вырезали ремни из спины, прежде чем убить его¹⁶. Зная о подобной жестокости по отношению к себе, казаки не останавливались перед убийством десятков и даже сотен пленнх, особенно если было известно, что они ходили в поход на Русь за полоном. Так было, судя по войсковой отписке, в 1634—1635 гг., когда казаки перебили множество ногаев, крымцев и азовцев¹⁷. Хорошо зная, что турки и крымцы относятся к ним не просто как к военнопленным, но как к разбойникам, казаки в плену старались по возможности скрыть свою принадлежность к казачеству. Так поступили в 1649 г. донские казаки Ивашка Иванов и Андрюшка Сидоров, взятые в плен в 1646 г. На размене пленнх, как они объясняли, “не смели сказатца донскими казаки, и их бы де на розмену не привели, а продали б на каторгу”¹⁸.

С патриотизмом донских казаков был связан их монархизм. В личности монарха для казаков персонифицировалось само государство, а царь выступал в качестве гаранта его единства и силы. Всю свою боевую деятельность казаки рассматривали как службу государю, от которого получали за нее жалованье. Особенно популярен был среди казаков “царь Иван Васильевич”, образ которого занимал видное место в донском фольклоре. В одной из донских казачьих песен об Иване Грозном говорилось о том, что сам царь, которого окружали “князья, <...> боярушки неразумные”, ставил себе в заслугу: “Уж как мне-го можно хвастаться: Из Царьграда взял порфиру я, Взял Казань и славный Астрахань, <...>, Вывел злую я изменушку”¹⁹. Следовательно, и сами казаки считали заслугой царя укрепление государственной власти, повышение международного статуса страны, чему, по их мнению, способствовала взятая им якобы “порфира из Царьграда”, сокрушение ханств — остатков Золотой Орды, а также борьбу с “изменной”. Само жителство на казачьих реках (Дон, Терек) казачья историческая традиция связывала, судя по данным фольклора, с волей этого царя²⁰. Монархизм казаков выразился и в фактическом непризнании тех царей, которые им казались ненастоящими и, следовательно, незаконными — Бориса Годунова и Василия Шуйского и в признании многими казаками Лжедмитрия I, а затем — Лжедмитрия II, в которых видели законных наследников и сыновей Ивана Грозного. После того как в 1613 г. при участии донских казаков царем был избран Михаил Романов, на Дону выражали по этому поводу большую радость и в своих отписках 1613—1614 гг. даже называли нового государя “второй Израиль”²¹. Монархические чувства отличали и казаков-разинцев, заявлявших на круге в Паншине городке, что “мы де готовы за дом Преосвятыя Богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить”²².

По представлениям казаков, настоящий царь — обязательно “добрый”, готовый всегда жаловать донцов за их службу. Но за непослушание он мог быть на них “зело кручиноват”, например, за самовольное взятие Азова²³. Таким представлен царь Михаил Федорович в повести об Азовском осадном сидении.

Недовольство донских казаков русским правительством случалось нередко и по разным поводам, но оно не переносилось на государя. Лишь Кирей Чурносков, один из видных предводителей казаков-старообрядцев, допускал очень резкие высказывания в царский адрес. В 1687 г., накануне похода на Крым в составе русского войска под

командованием князя В.В.Голицына, он говорил: "... лучше де ныне крымской, нежели наши цари на Москве". Кроме того, он называл царей "Иродами", а "государскую силу — Голиядскою"²⁴. Такие высказывания появились в связи с общим обострением обстановки на Дону в конце XVII в., когда развернулось движение старообрядцев. Они отражали опасение части казаков по поводу стремления правительства усилить свою власть над войском Донским, ограничить традиционные казачьи вольности. Но даже в условиях ожесточенной внутренней борьбы на Дону традиционный казачий монархизм не был поколеблен среди массы старообрядцев. Во всяком случае, в многочисленных доносах, поступавших в Москву на старообрядческих казачьих предводителей, каких-либо иных высказываний по адресу царей Ивана и Петра не зафиксировано.

Патриотизм и монархизм казаков сочетались с религиозностью. Донцы не были глубокими знатоками христианской догматики и Священного Писания. Однако религиозность их была более глубокой, чем у населения городов и уездов внутренней России. В то время, как в XVII в. среди русского посадского и крестьянского населения распространялась в устной и письменной форме сатира на служителей Церкви и даже пародия на церковную службу ("Служба кабаку"), на Дону отношение к Церкви было иным. Это не значит, что на Дону не ведали о пороках русского духовенства. Характеризуя в 1652 г. одного из черкасских попов, отца Максима, войско Донское особо подчеркивало, что "он духовен, и смирен, и не упоец"²⁵. Следовательно, на Дону хорошо знали священников-пьяниц. Знали и таких священников, которым не чужд был грех стяжания. Так, например, черкасский поп Григорий посылал весной 1630 г. в морской поход на Крым вместе с казаками живших у него белгородцев Ваську Иванова и Федьку Семенова "для добычи"²⁶. Но если на Руси отношение к религии и Церкви во многом объяснялось личными качествами священников, то на Дону это обстоятельство не играло сколько-нибудь существенной роли. Определялось оно тем, что донские казаки постоянно выступали в роли защитников народа и православной христианской веры от "турских и крымских бусурман". Религиозные мотивы прослеживаются по разным источникам, вышедшим от казаков, — войсковым отпискам, челобитным отдельных казаков, литературным произведениям, посвященным азовским событиям 1637—1642 гг. Сохранилось немало казачьих челобитных с просьбой разрешить проезд на богомолье в Москву и в различные русские монастыри. Крепость религиозного чувства у казаков и невозможность его полного удовлетворения на Дону сделали такие поездки распространенным явлением.

Немало делало казачество для укрепления позиций Церкви на самом Дону. Уже в конце XVI в. у казаков сложился своеобразный религиозный центр в Монастырском (Нижнем) городке, где имела часовня и пребывало много священников — "попов по 10 и больше и дьяконы"²⁷. В 1637 г. часовня в Монастырском городке оставалась главным войсковым святилищем. Не случайно именно там происходил общевойсковой молебен накануне похода на Азов. В период пребывания в Азове войско Донское при всей затруднительности своего положения не забывало о нуждах азовских церквей Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца. В 1638 г. атаман Михаил Татаринов просил в Москве прислать для церкви Иоанна Предтечи богослужебные книги. Из Москвы было послано 18 книг²⁸. В 1641 г. казаки просили прислать в Азов колокольного мастера, чтобы отлить стопудовый колокол для этой церкви. И даже перед самой осадой Азова турками войско Донское сообщало, что хотело бы получить для обеих азовских церквей "миро, масло, и запасных даров, да два перелога, да два златоуста, да о правиле святых отец семи соборов, ... миней месячных печатных"²⁹.

С 1644 г. войсковой столицей стал Черкасский городок. Возможно, что еще у черкас — основателей этого городка имела часовня³⁰. Однако это не могло удовлет-

ворить войско Донское. После того как в 1649 г. Дон постигло “поветрие тяжкое” — эпидемия чумы, казаки поклялись построить храм. Саму эпидемию они связывали с гневом Божиим за невыполнение ими обета, данного еще во время осадного сидения в Азове 1641 г., согласно которому они должны были построить в Черкасском городке церковь во имя Воскресения Христова. На строительство правительство пожаловало войску Донскому в 1650 г. 100 рублей, а также книги и церковную утварь³¹. В 1652 г. церковь была построена.

Другие городки церквей, по-видимому, в XVII в. не имели. Прямое указание на существование церкви в одном из городков — в Иловлинском — относится к 1696 г.³². По другим городкам имелись часовни, где служили приезжие попы. Так было в Романовском городке, где, как сообщал в 1688 г. во время следствия по делу о донских старообрядцах казак Маркушка Васильев, “церкви Божии и священника нет, одна только часовня”³³.

При нехватке на Дону священников и почти полном отсутствии церквей казачество отличалось крепостью в вере и консерватизмом. Не случайно поэтому нововведения в церковной сфере, связанные с реформой Никона, прививались на Дону с большим трудом. Даже к концу 80-х годов, уже после того, как новшества, введенные по церковной реформе, внедрялись в русскую жизнь уже примерно 30 лет, “на Дону де”, — как говорил на допросе в 1688 г. старообрядческий поп Самойло, — “все, что ни есть, крест имеют по древнему приложению...”³⁴. Такая приверженность старой вере имела в своей основе постоянную, передававшуюся у казаков из поколения в поколение готовность к защите своей веры от “бусурман”. Она легко превращалась в готовность дать отпор попыткам духовного насилия со стороны самой Русской Церкви и стоявшего за ней государства. Потребовалась братоубийственная война между казаками в 1688—1689 гг., чтобы позиции реформированной патриархом Никоном Церкви на Дону более или менее укрепились.

Твердость донских казаков в вере и глубокое осознание ими своего положения защитников православного христианства не исключали распространения на Дону разного рода языческих в своей основе суеверий. Такое сочетание в сознании людей христианских и языческих начал не являлось какой-то особенностью Дона, а было характерно для средневековья³⁵. Различные суеверия были широко распространены в различных слоях русского общества того времени. Поэтому вера донских казаков в волшебство и колдовство не представляла для XVI—XVII вв. ничего необычного, если к тому же иметь в виду их военный уклад и зависимость от того, что называется “счастьем боевое”. Не случайно одну из причин своих неудач в начале осады Азова в 1637 г. казаки видели в том, что толмач турецкого посла Ф.Кантакузина “охреян” Осанко “своим волшебством Великому Донскому войску чинил пакость великую”. Чтобы прекратить эту “пакость”, его убили вместе с послом и со всем турецким посольством³⁶. Среди воинов-казаков была распространена вера в то, что с помощью чар можно уберечься от пули, пушечного ядра и холодного оружия. На Дону и на Волге, к примеру, ходило поверье, будто бы такие чары охраняли С.Разина. Когда в 1667 г. он проходил вниз по Волге мимо Царицына, то со стен города “пушка ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил”³⁷. Казаки верили в наговоры “от пули”, “от боя”, “от набега” и т. д., пользовавшиеся известностью еще в начале XX в. Для них было характерно причудливое сочетание старого и нового, и “образ врагов” современных — “австрийских” — упоминался наравне с “образом врагов” из далекого прошлого — “крымских”, “супостата татарского, и литовского, ... и калмыцкого”. В этих наговорах упоминались Иисус Христос и христианские святые, однако основа их — языческая. В них выделялись такие языческие образы, как “бел-горяч камень Алтор”, “колдун”, “колдуница” и т. д.³⁸

Сохранились на Дону и некоторые обычаи, ушедшие в языческую старину, например, венчание “около вербы”, что будто бы велел донским казакам С.Разин.

Русский патриотизм и приверженность большинства казачества, русского по происхождению, православной христианской вере вполне сочетались в этнической и конфессиональной пестротой в казачьей среде, со взаимной этнической и религиозной терпимостью всех донских казаков. На Дону не предъявляли к казакам жесткого требования, чтобы они как в Запорожской Сечи обязательно исповедовали православие. Казаки — “донские татары”, которых всегда было немало в войске Донском, продолжали исповедовать ислам, о чем свидетельствовали имена многих из них. Никаких ограничений в правах казаки-мусульмане не испытывали и очень часто их включали в состав зимовых и легких станиц, посылавшихся в Москву, что представляло собой почетную войсковую службу. Традиции совместной жизни и общей боевой службы на Дону связывали казаков славянского и тюркского происхождения со времен атаманов раннего времени — Михайла Черкашенина и Сары Азмана, упоминавшихся еще в 1548—1549 гг.³⁹, и были органически присущи казачеству. Поэтому у донцов, как говорил в Посольском приказе в 1706 г. атаман Савва Кочет, “распри и никакого посмеханья друг над другом нет”⁴⁰.

При всей этнической пестроте донского казачества и простоте вступления в его ряды в XVI—XVII вв. у казаков были редки случаи измены. На Дону бытовало мнение, что по сравнению с донцами запорожцы не отличались постоянством и верностью, а иногда были склонны и к измене. Об этом прямо говорил в Посольском приказе в 1657 г. донской атаман Михаил Лукьянов: “А в Запорожье де живут черкасы люди непостоянные и худые: как увидят неприятельский приход, и они де многие изменяют и передаютца из Запорожья в Очаков, а з Дону в Азов”. Далее М.Лукьянов сообщал, что черкасский атаман Берниченок, перешедший в Азов, не раз ходил со своими черкасами и под Валуйку и под другие города-государства⁴¹. В целом слова атамана едва ли можно признать справедливыми. В течение многих десятилетий донцы и запорожцы вели совместную борьбу с общим противником и между двумя казачьими войсками сложились отношения боевого братства. Вместе с тем атаман, как и многие донцы, знал такие факты, которые и давали ему известные основания для подобной характеристики. На Дону помнили, что Сечь, начиная с 1624 г., когда она оформила союз с ханом Магмет Гиреем и калгой Шагин Гиреем, не раз выступала в союзе с крымцами. Затем союз сложился у гетмана Б.Хмельницкого с ханом Ислам Гиреем. Для донских же казаков подобный союз с традиционными противниками казачества и России был невозможен. Помнили в войске Донском и рассказы вышедших на Дон участников неудачного для казаков сражения при Адахунском лимане 1638 г., где после того, как обозначилось преимущество турок и крымцев, некоторые запорожцы “учали переметыватца” к противнику⁴². Наконец, в 1657 г. донцы узнали о намерении гетмана И.Выговского “воевать государевы города” вместе с крымцами⁴³. Все это, возможно, и послужило М.Лукьянову основанием для приведенной ранее характеристики. В конце XVII в., после разгрома движения донских старообрядцев, из рядов войска Донского вышла группа казаков-раскольников во главе с атаманом Левкой Маноцким, которая в 1689—1690 гг. совершала совместно с азовцами и с “горскими черкасами” нападения на отдельные казачьи городки и на город Тор. Казаки расценили это как измену и объясняли в своих песнях тем, что сам Л.Маноцкий будто бы “прирожденная тума, из тум-то тума”⁴⁴. Таким наивным путем на Дону пытались обосновать причины его измены, столь необычной для настоящего донского казака.

Исключительно высоко ценили на Дону войсковое братство. Об этом свидетельствовали рассказы голландцев Я.Стрейса и Л.Фабрициуса о княжне, находившейся у

С.Разина и принесенной им в жертву реке⁴⁵. Предпринимая столь жестокий шаг, атаман стремился показать своим сообщникам-казакам отсутствие у него привязанностей вне войскового товарищества и готовность идти на все ради своих товарищей.

Верность донских казаков России и своему государю, их боевую доблесть и военное искусство высоко оценивал противник. Ногайский татарин Тугай Аталык, ездивший в 1641 г. под Азов, слышал от турок и крымцев “про донских казаков про азовских сиделцов, что они самые государю слуги, умели Азов взять, умели его и отсидеть, всякий бы де слуга своему государю так служил”⁴⁶.

Характерной для донских казаков была тяга к вольности. Вольность являлась побудительным мотивом русского продвижения на Дон. Это отразила донская войсковая печать допетровского времени, где изображен “Елень поражен стрелой”. Очевидно, потому, что она ярко выражала тягу казачества к воле, Петр I в 1704 г. отменил эту печать и ввел новую, с изображением голого казака верхом на бочке с вином. Вольнолюбие казаков выразил их фольклор, в котором распространены образы атаманов — предводителей вольницы Ермака и Разина. Дух вольности и свободы, господствовавший среди казачества, отличал его от населения городов и уездов, и известно немало случаев бегства донцов из турецкого и крымского плена.

Все казаки в России и на Украине рассматривали свои сообщества как рыцарские, а себя в качестве рыцарей. По-видимому, начало распространению такого взгляда положили запорожцы, более, чем другие казаки, знакомые с западной культурой и через Польшу, и путем личного знакомства, когда в составе французской армии в 1645—1646 гг. вели успешную осаду Дюнкерка, занятого испанцами⁴⁷. О донских и запорожских казаках как о рыцарях упоминалось в украинских народных песнях⁴⁸. Для XVI—XVII вв. рыцарство уже являлось анахронизмом, что ярко выразил на примере Дон-Кихота М.Сервантес. Однако в казачьей жизни того времени находили свое воплощение многие стороны средневекового рыцарства. Прежде всего — верная и бескорыстная служба своему сюзерену-государю и своей стране, что резко отличалось от наемной службы, известной казакам по распространенности ее у турок, а также в Польше и отчасти в XVII в. — в России. Другой сходной с рыцарством чертой донского казачества являлась его вольность — либо в форме полной независимости от России до начала царствования Михаила Романова, либо в форме вассалитета, установленного в первые годы пребывания на престоле этого царя. Характерная для рыцарства вольность вассальной службы резко выделяла донских казаков на фоне подневольного положения и подневольной службы служилых людей Московского государства. Такое сочетание верности службы и ее вольности делало положение казачества близким к положению средневекового рыцарства. Близость состояла и в том, что казаки правомерно считали себя защитниками христианства, подобно европейскому рыцарству, ходившему в крестовые походы и сражавшемуся с сарацинами.

Сходство имели и некоторые морально-нравственные и ценностные ориентиры рыцарства и казачества. Одинаково ценилась боевая доблесть, презиралась трусость. Мотивами чести и славы во многом определялось поведение как рыцарей⁴⁹, так и казаков. Так, в памятнике испанского героического эпоса “Песнь о моем Сиде”, созданном в XII в. и отражавшим события конца XI в., двоюродный брат Сиды Альвар Фаньез Минайва, советуя Сиду напасть на занятую маврами крепость Кастежон, обосновывал полезность этого дела, в частности, тем, что “об этом налете заговорит вся Испания”, т. е. мотивом рыцарской славы. Особенно опасались рыцари бесчестья. В “Песни о Роланде” франкские рыцари, узнав о скоплении больших сил мавров в Ронсевальском ущелье, превышавших их собственные силы, решили принять бой, так как “бегущему — позор!”, а сам Роланд, обосновывая недопустимость отступления, говорил, что ина-

че “в краю родном постигнет нас позор” и не желал, “чтоб за меня был посрамлен мой род”⁵⁰. На Дону также расценивали славу в качестве важнейшего побудительного мотива действий. В войсковой грамоте с призывом к казакам идти на защиту Азова, направленной в июне 1638 г., говорилось, что это необходимо для того, чтобы не потерять “своей отоманской и молодецкой славы”, а с потерей Азова “свою казачью славу потеряем”⁵¹. Дороже всего для донцов, как указывалось в повести об азовском осадном сидении, была “слава вечная по всему свету”⁵². Стяжание славы у рыцарства и казачества сочеталось со щедростью, считавшейся одной из основных феодальных добродетелей. Разорение для рыцаря было предпочтительнее скупости. В “Поучении” Владимира Мономаха, представляющем собой кодекс русских рыцарей-воинов, дружинников и князей, князь учил своих сыновей щедро кормить и поить нищих, так как эти люди “прославят человека по всем землям, любо добрым, любо злым”⁵³. Здесь, следовательно, мотивы щедрости и славы были тесно увязаны между собой. Мотив нестяжания богатства проявляется и в повести об азовском осадном положении. Когда турки стали просить казаков “дать отобрать побитой труп”, лежавший под стенами Азова, и предлагали за это большие деньги, казаки “не взяли у них ни серебра, ни злата”, и заявили туркам: “Не дорого нам ваше серебро и злато, дорога нам слава вечная!”⁵⁴. Тем самым казаки чисто по-рыцарски отдали явное предпочтение славе по сравнению с богатством. В XVII в., когда буржуазная эпоха шла на смену эпохе средневекового рыцарства, когда в сравнительно отсталой России быстро складывались крупные купеческие состояния, когда начинался процесс первоначального накопления капитала, когда погоня за деньгами, как это отражено в некоторых сатирических повестях, становилась характерной чертой русской жизни, ценностные установки донского казачества явно соответствовали временам рыцарства. По-рыцарски казаки в спокойной обстановке были склонны к разгулу, как, например, произошло в Азове осенью 1637 г., когда казакам стало известно, что турок в ближайшее время вблизи города не будет⁵⁵. Сходство между средневековым рыцарством и казачеством состояло также в том, что и в средневековой Западной Европе, и на Дону в XVII в. у рыцарей и у казаков была распространена семейная жизнь, и в том, что “в культурах, где”, — по словам М.Оссовской, — “человек прокладывает себе путь мечом, женщины обычно ценятся не слишком высоко”⁵⁶. На Дону, однако, не было ничего подобного рыцарскому культу “прекрасной дамы”. Отчасти это могло объясняться русскими средневековыми традициями женского затворничества, отчасти — тем, что у многих казаков жены были ясырками. В то же время жены казаков выступали нередко как боевые подруги. В таком виде они представлены в одной из донских казачьих повестей, описавшей осадное сидение в Азове в 1641 г.⁵⁷. Жены рыцарей в средневековой Европе в подобной роли не выступали.

Существенными особенностями отличались не только характер и личные качества, но и мировоззрение донских казаков. Основу его составлял средневековый провиденциализм с элементами рационализма, что в целом было характерно для эпохи перехода от средневековья к новому времени.

Отражением провиденциалистского начала в мышлении казачества являлась весьма распространенная в войсковых отписках в Москву словесная формула, употреблявшаяся в случаях, когда речь шла о боевых успехах казаков. Перед описанием этих успехов в отписках обычно писали: “милостию Божиею, а твоим государским счастьем”. Отчасти это был словесный оборот, а отчасти он выражал веру казаков в то, что Божья помощь им в самом деле сопутствовала. Повесть об азовском осадном сидении также выделяла эту помощь как одну из важнейших причин победу над вражескими полчищами. “Сослана на них (на турок. — *Н.М.*) победа была с небеси”, — отмечалось в повести. Точно также и причиной взятия казаками Азова в 1637 г., как подчеркивалось

в повести, было то, что “услыша Бог моление... и плач” христиан, которых турки про- давали в Азове, “разлучивша мушей от законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и матерей”, и “предал... город сей” “в руке” войска Донского. На стороне каза- ков сражались ангелы. Турки будто бы видели “мужа храбра и младова во одежде рат- ной со единым мечом голым на бою ходяше, множество бусурман побиваше”; “пласта- ют” турок “два младыя мужика в белых ризах с мечами голыми”. Ободряла защитников Азова и сама Богородица. А как только турецко-крымское войско стало уходить из-под Азова, ему грозили обнаженными мечами “два страшные юноши”⁵⁸ — святые Борис и Глеб, покровительствовавшие русским воинам. Точно также объясняли казаки и при- чины своего тяжелого поражения в 1656 г. под Азовом, когда погиб атаман Павел Чесночихин: “судьбами Божиими поишкодилось у нас по Азовом людей”⁵⁹.

Вместе с тем казаки-воины понимали, что военные победы или неудачи во мно- гом зависят не только от потусторонних сил, но и от самих людей. Поэтому в источни- ках, исходивших от войска Донского, подробно сообщалось о ходе боев, о смелых и решительных действиях казаков. Представление о большой роли в историческом дей- ствие человека, наделенного разумом, чувствами и личными качествами, сложившееся в XVII в. у донских казаков, в целом соответствовало основному направлению в развитии исторического мышления в период позднего средневековья, когда стал усиливаться ин- терес к человеку и формироваться представление о нем как о творце истории⁶⁰ и начался переход от средневекового провиденциализма к рационализму нового времени.

Проявлением рационалистического мышления являлось повышенное внимание к деятельности отдельных личностей. В “Сказочной” повести об азовских событиях 1637— 1641 гг. упомянуты известный донской атаман Наум Васильев и есаул Иван Зыбин. Однако этого есаула нельзя признать историческим лицом. Скорее всего, это — обоб- щающий образ казака-героя. Для источников, вышедших от казачества, характерно то, что атаманам и иным предводителям уделялось не столь уж значительное внимание. По ним трудно даже представить, каким образом атаман Михаил Татаринов лично руководил осадой Азова в 1637 г., а атаман Осип Петров — обороной города в 1641 г. В общем, вожди-атаманы сливались в единое целое с массой рядового казачества. Ис- ключение составляли, пожалуй, лишь казачьи песни о Ермаке и Степане Разине. Одна- ко и в них эти популярные атаманы — прежде всего художественные образы, выражав- шие определенные чаяния казаков, в первую очередь — их вольнолюбие. Столь незначительное внимание к предводителям в целом не типично для формировавшегося рационалистического понимания истории с его осознанием особо значительной роли выдающихся личностей. Но оно вполне типично для мышления и мировоззрения каза- чества с глубоко присущими ему уравнительными и демократическими традициями, не поощрявшими выделения кого-либо из рыцарского казачьего товарищества.

Оценивая свою историческую и геополитическую роль, донское казачество счи- тало себя защитником православной христианской веры, русского государя и своего народа от самого опасного с казачьей точки зрения внешнего врага — “турских и крым- ских бусурмаң”. Борьба, которую вело войско Донское с Турцией и Крымом, в целом соответствовала интересам московского правительства и, как правило, прямо или кос- венно поощрялась им. Однако на свою борьбу с этими государствами на Дону смотре- ли иначе, чем в Москве. Русские власти, исходя из общих соображений своей внешней политики, считали возможным и допустимым далеко не всякое боевое предприятие казаков против турок и крымцев, но только такое, которое отвечало бы их интересам. Казаки же, как правило, действовали против них гораздо более активно, чем это соот- ветствовало интересам московской дипломатии. Характер этих действий определялся тем, что взгляд казаков на борьбу с Турцией и Крымом и на свое место в ней отражал

не правительственное, а народное воззрение. Народ России и Украины, так много терпевший от этого врага, считал полезным и оправданным любое боевое предприятие против него.

Главным противником для себя и для всей России войско Донское считало Азов. Овладение этим городом составляло заветную мечту донцов. Оно позволяло им занять более выгодные позиции в борьбе с Турцией и Крымом и получить свободный доступ в Азовское море. В 1637 г. они осуществили свою мечту, и, находясь в Азове, высказывали намерение овладеть другими турецкими крепостями — Темрюком, Таманью, Керчью и Кафой⁶¹. Об этом намерении казаков известно было достаточно широко. Во всяком случае, на Руси ходили слухи о договоренности между государем и польским королем по поводу возможного захвата донскими и запорожскими казаками турецких городов: Азов и Темрюк должны были достаться донцам, а Тамань и Керчь — запорожцам⁶². В 1642 г. войско Донское вынуждено было оставить Азов, но продолжало думать о вторичном его захвате вплоть до Азовских походов Петра I.

Значительная международная роль донского казачества того времени предопределяла широту его исторического и географического кругозора. Так, донские писатели, авторы повестей азовского цикла, из которых нам известен автор повести об осадном сидении Федор Порошин, знали историю Троянской войны и падения Константинополя в 1453 г. Ф.Порошин сравнивал силы турок под Азовом с силами, которые привел к Трое “царь греческий”⁶³, а автор “Сказочной” Повести об азовском взятии и осадном сидении представил взятие Азова казаками наподобие того, как греки взяли Трою с помощью Троянского коня. В этой повести казаки вошли в Азов под видом купцов из “Астраханского государства” и спрятали в телегах своих вооруженных товарищей⁶⁴. Знал по-видимому Ф.Порошин повесть Нестора-Искандера о падении Константинополя с ее идеей возрождения христианства во втором Риме⁶⁵, на что могут указывать приведенные им слова из ответа казаков туркам: “Хочетца нам також взяти Царьград, то государство было христианское”⁶⁶. Что касается географии, то казаки хорошо знали Донскую землю и соседние степи вплоть до Очакова и Перекопа, Кубани и Терека, Волги и Яика, а также побережье морей — Азовского, Черного и Каспийского. Русскую землю они знали до Соловецких островов, а также до ее западных рубежей, когда они участвовали в войнах России XVII в. с Польшей и Швецией. Известны им были земли Османской империи от Константинополя до Кавказа, где они бывали в качестве пленных и откуда бежали в сторону враждебной туркам Персии. Знали казаки европейские страны Средиземноморья, воевавшие с Османской империей — Венецию, Испанию, Францию. Поэтому войско Донское со знанием дела могло сообщать в Москву о поражении турок на “белом море” в сражении “с фрянскими людьми” — с Венецией, как это было в войсковой отписке от 23 августа 1653 г.⁶⁷. На Кавказе казаки знали о Мегрелии (“Дальянском царстве”) и Имеретии⁶⁸. В Персии казаки бывали не только на Каспийском побережье во время “воровских” походов, но и в глубинных частях страны, когда уходили из турецкого плена через Ереван, Шамаху и Дербент⁶⁹. Как и везде на Руси, на Дону знали про Индию⁷⁰, но о пребывании там казаков сведений нет. Свидетельством географических знаний донских казаков являлось наличие у них карт-чертежей. Карта — “чертеж реки Дону и притокам, как впали в Черное море, и Черкасскому, и Азову, и иным крымским городам и Черному морю” была изъята в 1688 г. у донского атамана Кирея Чурносова, арестованного в Москве за раскол. Чертеж был “его Киреевой руки”⁷¹. Следовательно, на Дону в XVII в. уже существовала собственная картография.

Не только донцам был известен окружающий мир, но и самих их знали в этом мире. Народ России не только видел в донских казаках своих заступников, зная об их

самоотверженной борьбе с турками и крымцами и о том, что они нередко спасали людей от крепостной неволи, когда уводили их на Дон, но и сам стремился к утверждению у себя вольных донских порядков. Так, томские повстанцы в 1648 г. заявляли, что “вышибут” воевод и “Дон в Сибири заведут”⁷², а во время Разинского восстания повстанцы — крестьяне и посадские люди нередко именовали себя казаками. Более сложным было отношение к донцам со стороны верхов русского общества. Русские воеводы не раз видели примеры казачьей удали и боевой доблести. В то же время бояре, дворяне и церковные иерархи хорошо помнили о грабежах и разбоях в годы Смуты, к которым были причастны донские казаки, а торговые люди — о постоянной опасности волжскому судоходству и торговле с Персией по Каспийскому морю со стороны “воровских” донских казаков. Разинское восстание способствовало усилению их негативного отношения к донцам. В качестве значительной военной силы знали донских казаков за рубежом. Турки и крымцы, как сообщал русский посол С.Мальцев, серьезно опасались их нападения еще во времена русско-турецкой войны 1569 г., когда они шли вверх по Дону от Азова на Волгу и к Астрахани⁷³. На помощь донцов против турок рассчитывали в XVII в. разные государства — Речь Посполитая в 1621 г. во время Хотинской войны⁷⁴ и Венеция во время турецко-венецианской войны середины XVII в.⁷⁵, а персидский шах Сефи I призывал в 1640 г. к себе на службу и предлагал им свое жалованье за борьбу с турками⁷⁶.

Таковы были люди этого немногочисленного сообщества XVI—XVII вв. Типичные для своего времени — бурного, жестокого и героического, они в то же время отличались такими особенностями характера и личности, которые позволили им сделать то, чем они были в русской истории. внести в нее вклад и прославить звание донского казака по всей России и в соседних странах Европы и Азии.

Примечания

- ¹ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996. С.3.
- ² Казачий Дон: очерки истории. Ч.1. Р.н./Д., 1995. С.55—57; Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Р.н./Д., 1996. С.73—74.
- ³ Сватиков С.Г. Россия и Дон. Белград, 1924. С.2, 15, 65; Дворниченко А.Ю. О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994. С.107—110.
- ⁴ Донские дела. Кн.1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.18. Стб.810.
- ⁵ РГАДА. Ф.89. 1630. № 5. Л.78.
- ⁶ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С.68.
- ⁷ Там же. С.48.
- ⁸ Там же. С.68.
- ⁹ Там же. С.77.
- ¹⁰ РГАДА. Ф.127. 1626. № 1. Л.33.
- ¹¹ Донские дела. Кн.2 // Русская историческая библиотека. СПб., 1906. Т.24. Стб.702.
- ¹² Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889; С.192, 196, 208—212.
- ¹³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запа- да. М., 1992. С.136, 150.
- ¹⁴ Le Khanat de Grevee dans les Archives du Musee du Palais de Torkapi presente par A.Bennigsen, P.N.Baratav, D.Desaiive, G.Lemercier-Quelguejay. P., 1978. P. 131—133.
- ¹⁵ РГАДА. Ф.89. Кн.3. Л.92об., 112, 114об.
- ¹⁶ Там же. 1615. № 4. Л.33. 17 РГАДА. Ф.127.1635. № 2. Л.44, 45, 48.
- ¹⁸ Донские дела. Кн.4 // Русская историческая библиотека. СПб., 1913. Т.29. Стб.229.
- ¹⁹ Исторические песни XIII—XVI веков, М.; Л., 1960. С.435.
- ²⁰ Там же. С.479, 480, 482.
- ²¹ РГАДА. Ф.89. 1613. № 1. Л.165, 169; 1614; № 1. Л.61.
- ²² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т.1. С.253.
- ²³ Воинские повести Древней Руси. С.68.
- ²⁴ Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1872. Т.12. С.151, 153, 193.
- ²⁵ Донские дела. Кн.4. Стб.701.
- ²⁶ РГАДА. Ф.123. 1630. № 1. Л.261.
- ²⁷ Зимин А.А. Русские географические справочники XVII в. // Записки отдела рукописей Гос. Исторического Музея. М., 1959. С.229.

- ²⁸ Донские дела. Кн.1. Стб.723, 755.
- ²⁹ Там же. Кн.2. Стб.128,190.
- ³⁰ Сухоруков В.Д. Краткое историческое известие о бывшем на Дону городе Черкасске // Богатый колодезь. Историко-краеведческий альманах. Ростов-на-Дону, 1991. Вып.1. С.106—107.
- ³¹ Черницына В., Коршиков Н. Краса Донского края. Из истории строительства и реставрации Воскресенского войскового собора // Богатый колодезь. Вып.1. С.118—119.
- ³² Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частично Азова. Сост. Н.Второв и К.Александров-Дольник. Воронеж, 1851. Кн.1. С.48.
- ³³ Дополнения к Актам Историческим. Т.12. С.166.
- ³⁴ Там же. С.141.
- ³⁵ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С.126.
- ³⁶ Воинские повести Древней Руси. С.52.
- ³⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. I. С.136—137.
- ³⁸ Шолохов М.А. Тихий Дон. Ростов-на-Дону, 1969. Кн.1—2. С.216.
- ³⁹ Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т.7. М., 1951. С.294; РГАДА. Ф.127. Кн.3. Л.125об.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф.111. 1705. № 13а. Л.14.
- ⁴¹ Донские дела. Кн.5 // Русская историческая библиотека. Пг., 1917. Т.34. Стб.254.
- ⁴² РГАДА. Ф.123. 1638. № 1. Л.32.
- ⁴³ Апапович О.М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1962. С.124—125.
- ⁴⁴ Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. С.103—104; тума — сын казака и турчанки или татарки.
- ⁴⁵ Буганов В.И. С.Т.Разин // История СССР. 1971. № 2. С.71.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф.127. 1641. № 1. Л.222.
- ⁴⁷ Мицик Ю.А., Плохий С.М., Стороженко І.С. Як козаки воювали. Дніпропетровськ, 1991. С.222.
- ⁴⁸ Плисецкий М.М. Взаимосвязи фольклора донского и запорожского казачества. // Советская этнография. 1954. № 3. С.23.
- ⁴⁹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С.82.
- ⁵⁰ Хрестоматия по западноевропейской литературе. Литература средних веков (IX—XV вв.). М., 1938. С.181, 401.
- ⁵¹ Донские дела. Кн.1. Стб.810.
- ⁵² Воинские повести Древней Руси. С.78.
- ⁵³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т.1. С.158.
- ⁵⁴ Воинские повести Древней Руси. С.72.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф.127. 1637. № 1. Л.127—128.
- ⁵⁶ Оссовская М. Указ. соч. С.92.
- ⁵⁷ Воинские повести Древней Руси. С.100.
- ⁵⁸ Там же. С.78—80.
- ⁵⁹ Донские дела. Кн.5. Стб.154.
- ⁶⁰ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л., 1982. С.104.
- ⁶¹ РГАДА. Ф.123. 1638. № 1. Л.8.
- ⁶² РГАДА. Ф.127. 1637. № 1. Л.133.
- ⁶³ Воинские повести Древней Руси. С.62.
- ⁶⁴ Там же. С.87—90; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т.2. Ч.1. С.179, 297.
- ⁶⁵ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII—XVII вв. М., 1973. С.186—187.
- ⁶⁶ Воинские повести Древней Руси. С.67.
- ⁶⁷ Донские дела. Кн.4. Стб.660.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф.111. 1666. № 5. Л.2—3.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф.127. 1642. № 1. Л.214.
- ⁷⁰ Воинские повести Древней Руси. С.65.
- ⁷¹ Дополнения к Актам Историческим. Т.12. С.171; “чертеж” К.Чурносова не сохранился.
- ⁷² Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1986. № 1. С.65.
- ⁷³ Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. № 22. М., 1947. С.155.
- ⁷⁴ Османская империя в первой четверти XVII века. Сб. документов и материалов / Сост. Х.М.Ибрагимбейли и Н.С.Рашба. М., 1984. С.43—44.
- ⁷⁵ Алпатов М.А. Указ. соч. С.350—351.
- ⁷⁶ Донские дела. Кн.2. Стб.22.

О.М.Бражникова

Братья Хрущовы: историко-генеалогический очерк

В России было несколько родов, носивших фамилию Хрущовы (или Хрушевы). В настоящей статье речь пойдет о потомках Ивана Хруща — Ивана Ивановича Хрущова, выехавшего из Польши в Россию в 1493 г. Служил он в Москве, был пожалован поместьями в Туле и Веркуше. Было у него восемь сыновей, но мы расскажем о потомках только одного из них — боярина Степана, начав с Петра Яковлевича Хрущова. Петр Яковлевич (1760—1841) в службу вступил в Гвардии Преображенский полк поручиком. В отставке он — стряпчий в Тульской верхней расправе, титулярный советник; исправник в Тульском земском суде. Во время нашествия французов, по выбору дворянства, определен был комиссаром в г. Тулу “для продовольствия провиантом и фуражом в двух казачьих полках и артиллерии”. С 1820 г. он избирался заседателем в Тульский совестный суд.

Петр Яковлевич был женат на Елене Степановне Есиповой (1770—1852). Было у них восемь сыновей и одна дочь. Двое сыновей умерли в детстве. О судьбе остальных сыновей пойдет более подробный рассказ.

Старшие, Яков и Степан, были определены в Морской кадетский корпус в Петербурге в 1800 г., туда же в 1805 г. поступили и двое средних — Борис и Иван. Когда погиб в море Яков, младшие — Александр и Николай — были еще малолетними детьми. И не исключено, что беда, случившаяся со старшим сыном, повлияла на решение родителей в определении судьбы их младших сыновей. Они были отданы во 2-й Кадетский корпус в Петербурге.

Нарушив хронологию в рассказе о братьях Хрущовых, сначала коротко изложим судьбу двоих младших.

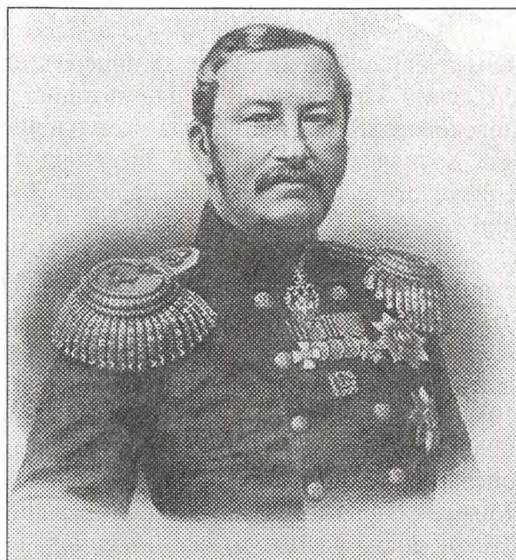
Александр Петрович (1806—1875) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета. В начале 1817 г. его вместе с братом Николаем определили во 2-й Кадетский корпус в Петербурге, куда привез их служивший тогда при Петербургском порте их старший брат — лейтенант Степан Хрущов.

А.П.Хрущов в 1825 г. был выпущен из 2-го Кадетского корпуса прапорщиком в 7-й пионерский батальон в Бендеры. Бригада, в которой служил Хрущов, состояла под непосредственным начальством главнокомандующего 2-й армией графа Витгенштейна, чрезмерная требовательность которого с педантичной точностью выполнять устав делала службу очень тяжелой. Александру Петровичу оказали поддержку старшие офицеры — Б.К.Данзас и М.Ф.Орлов, с которыми он сохранил дружеские отношения на долгие годы.

В 1827 г. А.П.Хрущова переводят в Скуляны, там он строит мост через реку Прут. В турецкую кампанию он был ротным командиром. За штурм крепости Брайлов (3 июля

А.П.Хрущов.

С.П.Хрущов.

1828 г.) Хрущов получил первую боевую награду — орден св. Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”, а затем за отличие в боях был произведен в поручики.

После кампании А.П.Хрущов оставил строевую службу и 17 лет подвизался на военно-педагогическом поприще. В 1831 г. Хрущов был назначен воспитателем во 2-й Кадетский корпус в Петербурге, где считался у воспитанников умным, гуманным и симпатичным батальонным командиром. В 1834 г. в чине штабс-капитана он был откомандирован в Институт горных инженеров, который из гражданского преобразовывался в военный, для ознакомления начальства с порядками в корпусе. За успешное выполнение поручения Александр Петрович был награжден бриллиантовым перстнем. Затем в 1835 г. Хрущов был награжден орденом св. Станислава 4-й степени, а в 1836 г. получил чин капитана, в 1838 г. — орден св. Анны 3-й степени и чин подполковника.

В 1839 г. А.П.Хрущов был переведен в Дворянский корпус (Константиновское артиллерийское училище), затем назначен ротным командиром Полтавского кадетского корпуса. В 1842 г. был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. В 1843 г. Хрущова откомандировали в Орел для организации Орловского-Бахтина корпуса, а через год он был переведен в 1-й Московский корпус. В течение своей педагогической деятельности Хрущов занимался самообразованием, изучал военное дело. Но такая служба тяготила А.П.Хрущова, и в 1848 г. он подал в отставку. Полковник Хрущов был назначен командиром Минского запасного батальона. В 1849 г., получив назначение в Подольский егерский полк, он выехал в Одессу. Служа в Одессе, А.П.Хрущов бывал в Николаеве и Севастополе, где виделся со своим старшим братом вице-адмиралом С.П.Хрущовым, был желанным гостем в домах адмирала М.П.Лазарева и графа М.С.Воронцова.

В 1851 г. А.П.Хрущов становится командиром Волынского пехотного полка. В 1852 г. получает орден св. Анны 2-й степени с Императорской короной.

С началом Крымской войны, в 1853 г., А.П.Хрущов был с полком переведен из Одессы в Севастополь, участвовал в “долговременной”, едва ли не беспрецедентной в военных летописях обороне Севастополя, где Хрущов в течение девяти месяцев не покидал передней линии обороны, принимая “самое деятельное участие в наиболее опасных предприятиях”.

В апреле 1853 г. Хрушов с полком занял бухты южной стороны — Стрелецкую, Камышеву и Казачью, а позже присоединился к войскам на реке Альме. В Альминском сражении был в резерве, заняв позицию при общем отступлении на высотах за Улукуловской долиной, прикрывая отступление. Французы видели с Альминских высот отряд Хрушова, составлявший арьергард отступавшей армии, и убедились, что русские войска отступали в полном порядке. За Альминское сражение А.П.Хрушов получил чин генерала.

В октябре 1853 г., по просьбе А.П.Хрушова, Волынский полк был введен в Севастополь и занял 4-й бастион. Служба была трудная, не было помешений, жили под открытым небом. На площадку в день попадало до 700 снарядов.

В феврале 1854 г. французы решили захватить Малахов курган, и, чтобы помешать этому, главнокомандующий приказал Хрушову с Волынским полком в ночь с 9 на 10 февраля построить редут (названный впоследствии Селенгинским). Приказ был исполнен, и наутро бросившиеся на штурм французы потерпели полную неудачу. За эту операцию А.П.Хрушов получил орден св. Анны 1-й степени. “Это первое чистое дело в Крыму”, — заметил главнокомандующий светлейший князь А.С.Меншиков, отнеся “такой достопамятный отпор отчаянного неприятельского нападения к храбрости, хладнокровию и распорядительности общего начальника войск генерал-майора Хрушова”. После окончания сооружения Селенгинского редута в ночь на 17 февраля был возведен Волынский редут. Позже, в ночь на 12 апреля, Хрушову было приказано построить большие ложементы между редутом Шварца и французской траншеей. Под сильным огнем неприятеля ложементы были построены. Неприятельские атаки, благодаря энергии и распорядительности Хрушова, оказались тщетными. “Как же нам было нейти вперед, когда наш генерал был постоянно впереди”, — писал ординарец Хрушова Г.К.Маклаков. Начальник гарнизона генерал Д.Е.Остен-Сакен записал: “Генерал Хрушов еще раз ознаменовал наше оружие блистательным отражением неприятельского нападения”. За эту операцию А.П.Хрушов получил орден св. Георгия 2-й степени.

В день общего штурма, 27 августа 1855 г., Хрушов, командуя атакованной частью, один удерживал укрепления левого фланга. За этот подвиг он получил золотую саблю, украшенную алмазами, с надписью “За храбрость”.

В 1863—1864 гг. А.П.Хрушов во главе 5-й пехотной дивизии принимал участие в польских событиях. В 1864 г. ему было пожаловано майоратное имение в Польше и затем золотая медаль за введение Положения по устройству крестьян в Царстве Польском.

В чине генерал-лейтенанта в 1864 г. А.П.Хрушов занял пост помощника командующего войсками Виленского военного округа, а в 1866 г. был назначен генерал-губернатором и командующим войсками Западной Сибири, позже и войсковым наказным атаманом сибирского казачьего войска. Он способствовал торговым отношениям с Китаем, Монголией и Средней Азией. За это в 1868 г. Хрушов получил орден св. Александра Невского и чин генерала от инфантерии. В столетнюю годовщину учреждения ордена св. Георгия, в 1869 г., А.П.Хрушов назначен в генерал-адъютанты, а позже он стал, кроме того, и членом Государственного Совета.

Его перу принадлежат “Записки по истории Севастопольской обороны” и “Автобиография”. Только тяжелая болезнь принудила Хрушова подать в отставку, которая была принята совсем незадолго до его кончины. Умер он на руках своего преданного адъютанта Г.К.Маклакова в родовом имении Басово Тульской губернии.

“Прямая, честная, русская душа, которая неодолимою силою привлекала к себе всех. И понятной становится та отвага, с которой по его слову шли войска на неприятельские батареи и всегда разили врага, и рады были отдать жизнь за этого человека,

потому что он не потребует ее даром для удовлетворения своего тщеславия и честолюбия, а для блага отечества,” — так было написано об А.П.Хрущове в некрологе.

Николай Петрович (1807—1828). Жизнь самого младшего Хрущова была так же коротка, как и самого старшего. Вместе с братом Александром он был в 1825 г. выпущен из 2-го Кадетского корпуса в Петербурге прапорщиком в тот же 7-й пионерский батальон в Бендеры. Но в первую же кампанию — турецкую войну — Н.П.Хрущов погиб на поле брани в чине подпоручика.

О судьбах четверых братьев Хрущовых, связавших свою судьбу с русским флотом, расскажем, следуя векам, обозначенным в “Общем морском списке”. К сожалению, это почти единственный источник информации даже об адмирале С.П.Хрущове. Он не оставил воспоминаний, как его брат А.П.Хрущов. Не удалось найти и каких-либо статей о нем. Сам же С.П.Хрущов написал только статью-дневник о кругосветном плавании на шлюпе “Аполлон” в 1821—24 гг.

Яков Петрович (1790—1909). После окончания Морского кадетского корпуса в 1805 г. он был переведен в гардемарины, служил на корабле “Гавриил” на Кронштадтском рейде. В 1808 г. стал мичманом, на фрегате “Поллукс” прибыл в Свеаборг. На том же фрегате в 1809 г. он плавал в Финском заливе, а 25 октября того же года утонул при крушении фрегата близ маяка Урренгрунт. Имя Якова Хрущова вписано в “Книгу памяти”, которая хранится в музее ВМУ им. Фрунзе в Петербурге (бывший Морской кадетский корпус).

Степан Петрович (1791—1865) адмирал, главная фигура нашего повествования. Его имя незаслуженно было предано забвению, а ведь он был одним из сподвижников адмирала М.П.Лазарева в деле строительства Российского флота и воспитания его личного состава.

После окончания Морского кадетского корпуса в 1806 г. и производства в гардемарины С.Хрущов перешел на фрегате “Легкий” из Кронштадта в Корфу. В 1809 г. он произведен в мичманы. В 1812—1814 гг. на корабле “Храбрый” Хрущов плавал у берегов Англии, Голландии, Франции, участвовал в десантной вылазке на голландский берег, за что получил благодарность от английского правительства и был произведен в лейтенанты. С 1818 г. по 1821 г. он служил при Петербургском порте. В 1821 г. правительство отправило к русским северо-западным берегам Америки и к Камчатке шлюп “Аполлон” под командованием капитана 1-го ранга Тулубьева и бриг “Аякс” под командованием лейтенанта Филатова с целью пресечения контрабанды англичан и американцев; кроме того, суда должны были доставить на Камчатку и в Новоархангельск грузы. В сентябре 1821 г. оба судна покинули Кронштадт, а в октябре в Северном море во время шторма они разъединились. Бриг “Аякс” у берегов Голландии потерпел крушение. Тулубьев на “Аполлоне” продолжил свой путь. В марте 1822 г. Тулубьев умер, и в командование шлюпом вступил лейтенант Степан Хрущов, который в августе благополучно дошел до Камчатки, а в октябре прибыл в Новоархангельск.

С.П.Хрущов заменил умершего Тулубьева как старший по званию, но это поставило его в шекотливое положение по отношению к команде и товарищам. Это заметил М.П.Лазарев, который прибыл в Ситху на фрегате “Крейсер” на смену “Аполлону”. Лазарев стал приглашать Степана Петровича к себе и к офицерам, отделяя от команды и давая всячески понять, что эта должность Хрущовым вполне заслужена.

Летом 1823 г. командир Хрущов, плавая вдоль берегов Америки, посылал “лейтенантов для обозрения ближайших проливов и мест. Они обследовали несколько бухт и заливов, открыли большой остров, который назвали Калошинским, поскольку на его восточном берегу виднелись остатки старой Калошинской крепости. Кроме картирования пролива между островом и побережьем Америки, велись метеорологические наблюдения”.

Слав “вахту” у берегов Русской Америки экспедиции П.М.Лазарева, шлюп “Аполлон” под командованием С.П.Хрушова в октябре 1824 г. возвратился в Кронштадт. За этот поход Хрушов получил звание капитан-лейтенанта, а затем и капитана 2-го ранга.

В 1826 г. он командовал фрегатом “Константин” на кронштадтском рейде. В 1827 г. на “Константине” С.П.Хрушов прошел до Портсмута. Из донесения вице-адмирала А.В.Моллера Государю Императору Николаю I о результатах депутатского смотра кораблям, с отправляющимся из Кронштадта в Портсмут:

“Фрегат «Константин» под командованием капитана 2-го ранга С.Хрушова и в эскадре контр-адмирала графа Л.П.Гейдена прибыл в Средиземное море, где участвовал в Наваринском сражении с турками”.

Из рапорта контр-адмирала графа Л.П.Гейдена Николаю I о Наваринском сражении: “Не нахожу достаточных выражений, дабы изъяснить Вашему Величеству храбрость, присутствие духа и усердие капитанов, офицеров и нижних чинов, оказанные ими во время кровопролитного сего сражения; они дрались, как львы, против многочисленного, сильного и упорного неприятеля, а в особенности отличились капитаны Лазарев, Авинов, Свинкин, Богданович и Хрушов”.

За эту кампанию С.П.Хрушов получил награды: орден Святого Георгия 4-го класса, Святой Анны 2-й степени, французский орден Святого Людовика, английский орден Бани.

В 1828—1830 гг. С.П.Хрушов на “Константине” крейсировал в Архипелаг, потом, командуя “Азовом”, участвовал в блокаде Дарданелл и с эскадрой контр-адмирала М.П.Лазарева возвратился в Кронштадт. Получил чин капитана 1-го ранга.

В эти же годы Хрушов “отправлял должность начальника штаба эскадры, и, как по познаниям своим, так и необыкновенной деятельности на службе может называться одним из отличнейших морских офицеров”, — такую характеристику дали ему при представлении к наградам.

С 1832 г. по 1838 г. С.П.Хрушов командовал кораблем “Память Азова” и отрядом из 8 фрегатом. В 1834 г. он получил чин контр-адмирала и имел свой флаг на фрегате “Беллона” и кораблях “Полтава” и “Лейпциг”, был награжден орденами Святого Станислава 3-й и 1-й степеней, Святого Владимира 3-й степени, греческим орденом Спасителя.

В 1838 г. контр-адмирал Хрушов был назначен начальником штаба Черноморского флота и портов. Каждую летнюю кампанию С.П.Хрушов проводил в море, совершенствуя боевую выучку моряков. Он ежегодно крейсировал с отрядами судов у северо-восточных берегов Черного моря. Длительные плавания при частых штормах и высокая требовательность Хрушова способствовали выработке кадров бесстрашных моряков, хорошо умевших управлять парусами и вести артиллерийский огонь. В 1838—1839 гг. под командованием С.Хрушова эскадра вела боевые действия у Кавказских берегов против англичан, турок и горцев.

Из журнала генерала Н.Н.Раевского, начальника 1-го отделения Черноморской прибрежной линии, о высадке десанта в устье реки Шапсухо: “В 10 часов утра эскадра стала на якорь на реке Шапсухо; несмотря на песчаный грунт, господин контр-адмирал Хрушов поставил линейные корабли на 6 сажень глубины, сколько можно ближе к берегу. Сей решительности можно приписать весь успех десанта. [...] Артиллерия с флота открыла огонь из своих орудий. Войска с криком “ура” бросились мигом в воду, вышли на берег и заняли лес...”

Об этом же событии в письме к М.П.Лазареву пишет генерал от инфантерии Е.А.Головин (под его руководством в 1838 г. был заложен город Новороссийск и ряд укреплений береговой линии): “...Необыкновенный успех высадки при Шапсухо должно по всей справедливости приписать решительному действию эскадры под начальством контр-

адмирала Хрушова и благоразумным его распоряжениям [...] О всем здесь изложено, я счел моей обязанностью довести до сведения Государя Императора и ходатайствовать о награждении командира эскадры контр-адмирала Хрушова". С.П.Хрушов был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени.

В 1839—1849 гг. С.П.Хрушов исполнял должность главнокомандующего Черноморского флота и портов, имел свой флаг на кораблях "Силистрия", "Флора", "Кагул", "Мессемврия", фрегате "Двенадцать Апостолов", в 1843 г. получил чин вице-адмирала, был награжден орденами св. Анны 1-й степени и св. Анны 1-й степени с Императорской короной.

В 1849 г. Хрушов получил новое назначение, он стал командиром Севастопольского порта и военным губернатором. В этом же году Хрушов награжден орденом Белого Орла. С 1852 г. С.П.Хрушов — член Адмиралтейств-Совета, в 1853 г. ему подарена табакерка с портретом Его Императорского Величества.

В начавшейся в 1853 г. Крымской войне русский Север, как и Черное море, стал ареной военных действий. Хрушов с 1854 г. — Главнокомандующий Архангельского порта и военный губернатор Архангельска, с 1855 г. он — адмирал.

Портрет адмирала С.П.Хрушова, так же как и портрет его брата, генерала от инфантерии А.П.Хрушова, помещен в альбоме — "Портреты лиц, отличившихся заслугами, командовавших действующими частями в войне 1853—1856 гг".

В 1857 г. Хрушов уволен от командования Архангельским портом с оставлением членом Адмиралтейств-Совета, в 1858 г. награжден орденом св. Александра Невского.

Проездом в свое имение в Тульской губернии в октябре 1865 г. Степан Петрович оказался в Москве, где и скончался 25 октября. При погребении полного адмирала С.П.Хрушова через всю Москву несли три военных флага, сопровождая гроб с телом к месту захоронения.

Борис Петрович (1795—1870). После окончания в 1808 г. Морского кадетского корпуса произведен в гардемарины, в 1811 г. — в мичманы, служил на Черноморском флоте на корабле "Дмитрий Донской". В 1812 г. Б.П.Хрушов на корабле "Правый" был в кампании на Севастопольском рейде и потом в действующей армии адмирала П.В.Чичагова в Бобруйске. В составе корпуса графа Ланжерона в 1813 г. участвовал во взятии Торна и Парижа, в Лейпцигском сражении. В 1814 г. возвратился из Плоцка в Николаев, был произведен в лейтенанты. В 1818 г. он был уволен по нездоровью с чином капитан-лейтенанта.

Перейдя на гражданскую службу, Борис Петрович управлял Пермской казенной палатой, был вице-губернатором в Калуге, Олонецким губернатором, дослужившись до чина Действительного статского советника.

Похоронены братья Степан, Борис и Александр в фамильной усыпальнице близ ц. Спаса-на-Рогозине имения Басово Тульской губернии.

Иван Петрович (1794—1826). В 1808 г. он окончил Морской кадетский корпус и был произведен в гардемарины, плавал на корвете "Помона" между Кронштадтом и Свеаборгом, крейсировал у Дагерорда на фрегате "Поллукс". В 1811 г. с производством в мичманы И.Хрушов переведен в Черноморский флот, на корабле "Правый" крейсировал в Черном море.

Судя по документам, братья Борис и Иван Хрущовы в войне 1812—1814 гг. участвовали, служа рядом. Возвратившись в Россию, вплоть до своей кончины в 1826 г., И.П.Хрушов в чине лейтенанта служил на Черном море.

Наверняка все братья Хрущовы могли сказать о себе словами А.П.Хрушова: "Я исполнял свой долг и готов пожертвовать жизнью своею за благо Отечества".

Источники и литература, использованные автором при подготовке настоящего очерка

- Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 1349.
- Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Фонды: 19, 26, 170, 195, 203, 205, 227, 243, 283.
- Рерберг И.Ф.* Севастопольцы: Сборник портретов: Альбом. СПб., 1861.
- Хрущов А.П.* Автобиография. СПб., 1881.
- Генерал-адъютант А.П.Хрущов: Биографический очерк. СПб., 1872.
- Плавание на шлюпе “Аполлон” в 1821—1824 гг.: Записки. Ч.10. СПб., 1826.
- Руммель В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.2. СПб., 1887.
- Общий морской список. Ч.8. СПб., 1894.
- Жерве Н.П., Строев В.Н.* Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712—1912 гг. СПб., 1912.
- Лазарев М.П.* Документы. М., 1952.
- Русский инвалид. 1875. № 163.
- Русский мир. 1875. № 104.
- Московское обозрение. 1876. № 1—12.
- Древняя и новая Россия. 1877. № 9, 10.

А.А.Мисько

“Сила русских ныне огромна...”

Наполеон о России (по дневниковым записям генерала Бертрана)

В 1997 году исполняется 185 лет Отечественной войны 1812 г. Великий российский историк В.О.Ключевский вопрошал: “Для чего мы празднуем юбилейные годовщины? Не для того ли, чтобы питать национальную гордость воспоминаниями о своих великих поколениях?” — и предостерегал от риска впасть в “национальное самомнение”, равно как и в “национальное самоуничужение”. По Ключевскому, “надобно добиваться истинного самосознания без участия столь сомнительных побуждений”.¹

Исторический путь русского народа, как и любого другого, богат событиями — светлыми и мрачными, но некоторые из них особенно ярко отразились в его сознании. Со временем они мифологизировались и стали частью национальной легенды. Отечественная война 1812 года — одно из таких событий, и это вполне объяснимо: нечасто России противостоял столь грозный враг, а победа русского народа и его армии была столь значительной не только для России, но и для всей Европы. Вместе с тем, нашествие Наполеона явилось в известной степени результатом внешней политики императора Александра I. В начале XX в. Россия неоднократно участвовала в военных действиях в Европе против Франции на стороне Великобритании, Австрии и Пруссии. Это обернулось для нее тяжкими поражениями при Аустерлице (1805 г.), при Фридрихсвальде (1807 г.), заключением Тильзитского мирного договора 8 июля 1807 г., согласно которому Россия должна была вступить в союз с Наполеоном против своего главного торгового партнера — Англии, и присоединиться к континентальной блокаде, что ставило российскую экономику в тяжелое положение. Кроме того, реальной становилась перспектива участия русских войск в очередных военных акциях Наполеона вопреки собственным интересам и возможностям. Перестав на время быть противниками, Россия и Франция не стали настоящими союзниками, между императорами Наполеоном I и Александром I шла сложная дипломатическая игра. Противоположные взгляды на самые важные вопросы европейской политики — польский, германский, континентальную блокаду — расшатывали основы союза и должны были рано или поздно привести к его разрыву. Каждая сторона преследовала собственные цели, и к лету 1812 г. обе державы изготавились к военным действиям. Проблема состояла лишь в том, кто начнет первым. Наполеон не напрасно опасался, что Александр упредит его. Российский император готовился не столько к отражению французской агрессии, сколько к действиям, направленным на пересмотр европейского *status quo*. Ему удалось развязать себе руки на севере и на юге, заключив выгодные для России договоры со Швецией и Турцией. Но этот выигрыш в конечном счете, как и победа русского народа в войне 1812 г. и военные кампании

1813 и 1814 гг. в Европе, завершившиеся низложением Наполеона и вступлением союзников в Париж, стоили России немалого числа человеческих жизней, разграбления множества городов и деревень, тяжких страданий мирного населения.

...Завершилась блистательная политическая и военная карьера Наполеона. По решению держав-победительниц он был сослан на остров Святой Елены в Южной Атлантике. Наполеону 46 лет... Он обречен на бездействие. “Надо работать, иначе я моментально умру”, — говорит он и начинает диктовать свои воспоминания людям, добровольно разделившим его изгнание. Это камергер императорского двора граф де Лас-Каз², генералы де Гурго³, де Монтолон⁴ и гофмаршал двора генерал Анри Гасьен (или Грасьен) Бертран.

Судьба последнего удивительным образом связана с судьбой Наполеона: участник почти всех крупных кампаний, начиная с первого Итальянского похода (1796—1797 гг.), он разделил с императором обе ссылки. Бертран умер 31 января 1844 г., а 5 мая 1847 г. его останки были торжественно перезахоронены под сводами Дворца Инвалидов рядом с гробницей человека, которому он был предан до последних мгновений своей жизни.

Родился Бертран 28 марта 1773 г. в небольшом городке Шатору, ныне центр департамента Эндр. Окончив Инженерную школу в Мезьере, всю дальнейшую службу он проходил в инженерных войсках. Уже в 27 лет Бертран стал бригадным генералом. Особенно отличился он в Австрийской кампании 1805 г. при легендарном захвате стратегически важного моста через Дунай у Вены. Проявив незаурядное мужество и военную хитрость, почти без единого выстрела, с батальоном гренадер, он овладел хорошо охранявшимся мостом. В кампании 1806—1807 гг. против Пруссии Бертран участвовал в генеральном сражении при Йене и в составе свиты императора вступил в Берлин. Затем — полная опасностей экспедиция в Испанию и в 1809 г. — кампания против Австрии. Во многом благодаря усилиям Бертрана и его саперов была одержана победа под Ваграмом, решившая судьбу Австрии. Наведение за 20 дней трех мостов через Дунай явилось, по оценке Наполеона, “самой прекрасной работой, совершенной со времен римлян”. Император высоко оценил заслуги Бертрана. Еще в мае 1807 г. он был произведен в дивизионные генералы, а 19 марта 1808 г. стал графом Империи. После того, как неприятельское ядро 1813 г. оборвало жизнь маршала Дюрока, исполнявшего обязанности гофмаршала императорского двора, Наполеон, ценивший в Дюроке честность и преданность и видевший такие же качества в Бертрane, назначил последнего гофмаршалом. Однако его служба по-прежнему проходила не в дворцовых залах, а на залитых кровью полях сражений. Последние победы... Отречение... Измена тех, в ком Наполеон, казалось, был уверен. Верность сохранили немногие, и в их числе — генерал Бертран. Должность гофмаршала он исполнял и на острове Эльба, и во время знаменитых Ста дней. Вместе с Наполеоном он пережил горечь поражения при Ватерлоо, затем сопровождал вторично отрекшегося императора в его последнюю ссылку — на остров Святой Елены.

В течение долгих 5 лет и 10 месяцев, до последних дней и часов жизни Наполеона, Бертран находился при нем. Он записал продиктованные великим узником описания походов в Египет и Сирию, а с 1818 г. вел удивительный дневник — так называемые “Тетради со Святой Елены” (“Cahiers de Sainte-Hélène”), о судьбе которых речь пойдет чуть ниже.

После того, как 5 мая 1821 г. Наполеона не стало, его спутникам было разрешено вернуться на родину. Восстановленный в чине Бертран в 1830 г. был назначен начальником Политехнической школы — привилегированного закрытого учебного заведения, а через два года вышел в отставку.

Наступил 1840 год. Правительство Луи-Филиппа решило исполнить последнюю волю Наполеона — захоронить его на берегах Сены, “среди французского народа, который я так любил”, — значилось в завещании императора. Бертран выполнил свой последний долг — он вновь отправился к берегам Святой Елены, к могиле Наполеона, и участвовал в перезахоронении его останков во Дворце Инвалидов. Вполне справедливы слова, сказанные о нем Наполеоном: “Имя Бертрана связано с моим: пока я буду жить, будет жить он!”, что является для памяти гофмаршала своего рода патентом на бессмертие.

“Тетради...” Бертран начал вести после того, как английские власти острова арестовали и выслали первого “хрониста” Святой Елены — графа де Лас-Каза. Рукописи Лас-Каза были конфискованы и после длительных злключениях возвращены графу лишь в Европе. Бертран продолжил работу по описанию пребывания Наполеона на острове. Опасаясь того, что бумаги попадут в чужие руки, гофмаршал зашифровал свои записи, поэтому судьба их оказалась по-своему уникальной.

После того, как спутники Наполеона вернулись в Европу, был опубликован целый ряд воспоминания и дневников, созданных на Святой Елене. Достоинством читающей публики стали “Дневник” генерала Г.Гурго, многотомные мемуары графа Ш.-Т. де Монтолона и, наконец, знаменитый “Мемориал Святой Елены”, изданный графом де Лас-Казом. Шли годы. Появлялись новые документальные свидетельства, но бумагам Бертрана, что называется, “не везло”. Ситуация складывалась парадоксальная: о существовании “Тетрадей” историки знали давно, но никто не мог их расшифровать и ввести в научный оборот. Фредерик Массон, один из ведущих французских наполеонистов, в 1908 г. подчеркивал: “Никто не может осмелиться описать шесть лет ссылки Наполеона, пока воспоминания гофмаршала будут пребывать неизданными”. Сам Массон тоже не мог расшифровать записи Бертрана. Хуже всего то, что некоторые историки, не сумев разгадать “шифр”, которым пользовался генерал, начали активно выдвигать версию о том, что “Тетради” — не что иное, как позднейшее воспроизведение Бертраном событий на Святой Елене. Такое мнение, в частности, высказывал французский историк Октав Обри, автор двухтомного сочинения “Святая Елена, 30-я миля” (Париж, 1935 г.). В обзоре источников и литературы, предварявшем книгу, автор признавался, что “не смог достичь, несмотря на несколько попыток, связного рассказа” (у Бертрана. — А. М.), но тем не менее весьма безапелляционно заявлял: “Они (записи — А. М.) изложены много лет спустя после возвращения во Францию разочарованным и озлобленным человеком, который говорит в основном о своих обидах [...] этот документ представляется второстепенным”.⁵ На основании чего сделан такой вывод, непонятно.

Лишь после окончания Второй мировой войны французскому исследователю Полю Флерю де Ланглю удалось расшифровать “Тетради со Святой Елены” и в 1949—1959 гг. издать их.

Наполеон Бонапарт. Портрет работы П.Делароша.

В комментариях к этой публикации Флерио де Лангль убедительно доказывает, что дневники Бертрана — ценнейший источник, притом источник достоверный. Бертран стремился донести до потомков слова величайшего человека своего времени. Поэтому гофмаршал день за днем фиксировал все, что говорил император и что происходило в доме, где он жил, а также за его пределами. Рукопись дневников полна мельчайших деталей, ее “действующие лица” — почти все, кто имел хоть какое-либо отношение к Лонгвудской колонии: английские чиновники и офицеры, врачи, обитатели близлежащих поместий, наконец, сами французы — спутники императора. Человеческая память просто не в состоянии сохранить в течение нескольких лет такое количество информации и реконструировать в мелочах и деталях. Поэтому Флерио де Лангль смог утвердительно ответить на вопрос: говорил ли Наполеон все это? Его ли голос доносится до нас? Вслед за французским исследователем мы можем сказать: да это его голос. Материал “Тетрадей” в силу выше перечисленных причин не мог появиться после Лонгвудского заточения или быть “подчищенным” в угоду кому-либо или чему-либо. Ценность его в том и заключается, что это — простое описание событий, без литературных прикрас, без эмоций и почти без комментариев, сухая протокольная запись, “калька”, по определению Флерио де Лангля.

На страницах “Тетрадей” наряду с хроникой событий — записи разговоров Наполеона со своими спутниками, а иногда и прямые диктовки или фрагменты диктовок. Так, записи, относящиеся к 1820 г., почти все продиктованы императором. В них Наполеон затрагивал такие темы, как военное искусство, политика, история. Естественно, больше всего записей о кампаниях самого Наполеона, начиная с Итальянской 1796—1797 гг. и кончая битвой при Ватерлоо.

Почему мы решили обратиться именно к записям Бертрана, не касаясь других источников? Из всех мемуаристов Святой Елены именно он, ничего не приукрашивая, протокольно записывал все высказывания Наполеона о России, российской истории и, конечно, о кампании 1812 г. Бертран занимал особое положение при дворе Наполеона, и как многоопытный военный и придворный, был хорошо информирован. Он участвовал в подготовке и проведении большинства кампаний, знал их в деталях. Во время ссылки он находился ближе других к императору, проводил с ним весь день, записывал больше всех и знал все, что продиктовал Наполеон. В январе 1821 г., понимая, что болезнь императора принимает трагический оборот, он напоминает Наполеону, что “нужно описать Русскую кампанию и сражение при Дрездене, также, как и кампанию 1814 г.

— О, это мне необходимо. Каждый согласится, что она прекрасна. Веллингтон говорил, когда мы были на острове Эльба, что он ее тщательно изучал и что он ее еще не понял.

— Но Русская кампания?

— Она хорошо известна. Хорошо известно, что привело к ее неудаче, и что в одну ночь я потерял 30 тысяч лошадей. К тому же пожар Москвы — такое экстраординарное событие”⁶.

Поэтому в тетрадах Бертрана нет последовательного изложения событий кампании 1812 г., есть лишь разрозненные высказывания Наполеона, относящиеся к разным событиям данной войны, сделанные им в разное время, с той или иной степенью откровенности, почти всегда краткие и подчас противоречивые. Но и они, на наш взгляд, представляют интерес. Отказ Наполеона описать войну в России можно объяснить

Ф.Хелминский. Побег из Москвы.

тем, что рассказать о русском походе значило бы признать свои стратегические просчеты, а этого он делать не хотел.

“С 1796 г. я делал карьеру завоевателя, — читаем мы в тетрадах Бертрана, — сегодня исполняется уже 22 года (1818 г.). Беспрецедентный случай, чтобы завоеватель имел карьеру дольше 12 или 14 лет”. Наполеон продолжает: “Не должно видеть предел, до которого может пойти великий завоеватель. Нужно оставить поле деятельности для воображения. Здесь же виден предел”. И этот предел он отмечает очень точно: “Я должен был умереть в Кремле. Тогда я имел величайшую славу, величайшую репутацию, которые когда-либо существовали. Я побывал во всех великих столицах Европы, победил самые цивилизованные народы. Цезарь не приблизился к моей подвязке! Умереть после Ватерлоо — это другое дело: я проделал уже отступление из России...”⁷⁷.

Итак, Наполеон, по сути, признает, что именно поход в Россию стал, с одной стороны, высшей точкой его полководческой карьеры, величия его империи, но с другой стороны, он стал началом конца великого завоевателя. После Русской кампании император еще надеялся, и след этих надежд виден в следующих словах: “В этих обстоятельствах нужен лишь успех, который все исправляет”. Успех, который бы все исправил... Но не исправил. И в кампании 1813 г., и в 1814 г. Наполеон, несмотря на громадный численный перевес союзников по антифранцузской коалиции, измену многих вассалов, сумел одержать немало побед. Но “рок”, о котором так часто вспоминал суеверный корсиканец, преследовал его: “...здесь виден предел”. “Предел” — это Россия, даже последняя катастрофа при Ватерлоо меньше повредила славе Наполеона, чем кампания 1812 г.

Доживая свой век на скалистом тропическом острове, обдумывая заново многое из прожитого и свершенного, император неоднократно признавал свой поход в Россию ошибкой. Он так объясняет свое решение: “Я предпринял экспедицию в Россию, потому что в данный момент Австрия бросилась в мои объятия, Пруссия была в полном повиновении, и потому что я верил, что другого такого случая не будет. Такой ход событий был большой ошибкой, когда дела в Испании еще не были завершены”⁸.

Каковы причины того, что Австрия и Пруссия “бросились в объятия” Наполеона?

Отступление Наполеона из России.

Во-первых, эти державы потерпели тяжелейшие военные поражения от наполеоновских войск, причем Австрия — неоднократно. Вести против Наполеона открытую борьбу они не решались, памятуя то, как в 1809 г., “воодушевленная” французскими неудачами в Испании, Австрия попыталась начать военные действия. Это завершилось очередным разгромом в битве под Ваграмом.

Во-вторых, между Австрией, Пруссией, с одной стороны, и Россией, с другой существовали весьма серьезные противоречия, в том числе территориальные. В частности, Австрия была серьезно встревожена претензиями Александра I на Галицию. Это обнаружилось в период франко-австрийской войны 1809 г. Пруссия же рассчитывала с помощью Наполеона отобрать у России Прибалтийский край.

В третьих, Наполеон возлагал надежды на так называемый “австрийский брак” — свою женитьбу на дочери Франца I и рождении в 1811 г. наследника престола.

Вместе с тем Наполеон понимал недолговечность и ненадежность этой коалиции. Ему неоднократно доносили, что настроения правящих кругов Австрии и Пруссии начали меняться. Австрия оправилась от разгрома, понесенного в 1809 г. В результате энергичных мер, предпринятых генералами Г.Шарнхорстом и А.Гнейзенау, возродилась и значительно усилилась прусская армия. Прусский режим, вынужденный проводить буржуазные, по сути, реформы, оставался таким же феодальным, таким же реакционным.

После Тильзитского мира Наполеон надеялся упрочить союз с Россией, он даже предполагал жениться на русской великой княжне. Позднее, на Святой Елене он говорил:

“Женитьба на Марии-Луизе⁹ была самой грубой ошибкой. Я должен был жениться на русской. Во-первых, я не воевал бы с Россией. Во-вторых, женитьба на австриячке была против моей системы. Франция не может идти вместе с Австрией, в то время как она может идти с Россией. У нас одни и те же интересы...”¹⁰

По словам Наполеона, именно Александр во время свидания двух монархов в Эрфурте в сентябре 1808 г., показав портрет своей младшей сестры Анны Павловны, которой в ту пору еще не исполнилось 14 лет, заявил, что предназначает ее в жены

императору французов. Наполеон якобы сказал, что весьма удивлен этим предложением, ибо еще никто, как он полагал, не знал о его намерении развестись с Жозефиной. Этот эпизод выглядит несколько иначе, когда знакомишься с мемуарами генерала Коленкура¹¹, тогдашнего посла Франции в Санкт-Петербурге. Накануне одной из встреч император «...заговорил со мной о предложении, которое, как он надеется, сделает ему император Александр, как "дружеский совет" ... снова жениться, чтобы основать новую династию. Император надеялся, что предложение будет сделано господином де Талейраном¹² или мною Александру как то, что было бы в общих интересах. Эти намеки должны были быть сделаны с соответствующими предосторожностями».¹³

Мемуары генерала Коленкура имеют репутацию вполне надежного источника, поэтому мы вправе задаться вопросом: от кого же исходила инициатива этого "сватовства"? По воспоминаниям Бертрана, Наполеон неоднократно излагал свою версию с такими подробностями, которые позволяют предположить, что он серьезно относился к идее "русского брака" и чувствовал себя оскорбленным, когда Александр не пошел навстречу его намерениям. Хорошо известно, сколь отрицательно к перспективе такого брака отнеслась вдовствующая императрица Мария Федоровна¹⁴ и стоявшая за ней высшая российская аристократия. Вообще в отношении союза с Наполеоном в верхах русского общества не было единого мнения. Учитывая консерватизм знати, присутствие в России большого числа французских эмигрантов-роялистов, становится понятным, почему столь многими Наполеон воспринимался как "Робеспьер на коне". К мнению этих людей Александр не мог не прислушиваться.

Тильзитские договоренности все более стесняли как Александра I, так и Наполеона. В 1811 г. отношения между двумя державами обострились. Наполеона беспокоили претензии России в отношении польских земель, нарушение ею континентальной блокады, Александр I был недоволен действиями Франции в отношении герцогства Ольденбургского. Война была, по сути, поставлена в порядок дня. Французские войска начали концентрироваться на территории герцогства Варшавского. Российские войска, сосредоточенные на западных границах империи, получили директиву военного министра М.Б.Барклая-де-Толли следующего содержания:

"Хоть и нет никакой причины ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами, — но, яко мера предосторожности, предполагается... по Высочайшему повелению, под строгим и непроницаемым секретом, следующее..." — и далее следует указание "в случае действительного открытия неприятельских действий французов и их союзников противу Короля прусского подкрепить прусские войска, в самой Пруссии находящиеся".¹⁵

Дальнейшее развитие событий привело к тому, что в ночь на 24 июня 1812 г. Наполеон во главе "Великой Армии" перешел Неман и вступил в границы России.

Когда читаешь "Тетради" Бертрана, создается впечатление, что в воспоминаниях о событиях, которых приняли для его армии трагический оборот, император обращается в основном к трем главным эпизодам: Бородино, пожар Москвы и переправа через Березину.

Генеральное сражение, на которое так надеялся Наполеон, произошло, вопреки его планам, не вблизи границы, а сравнительно недалеко от Москвы. Масштаб битвы, колоссальные потери потрясли и французов, и русских; неслучайно Наполеон говорит на Святой Елене:

"Битва под Москвой — самое крупное из моих сражений. У русских было 200 тысяч человек, прекрасное поле битвы, хорошо укрепленное. Я атаковал их в лоб. Я взял с бою прекрасный холм, который господствовал над всем. Если бы я не взял его сразу по прибытии, сражение было бы иным"¹⁶.

Можно спорить по поводу первой и последней фразы, но то, что численность русских войск им сильно завышена, это точно. На самом деле М.И.Кутузов имел в своем распоряжении при Бородине не 200, а лишь около 120 тыс. штыков и сабель. “Прекрасное поле битвы” было действительно выбрано русским командованием для генерального сражения и укреплено в максимально короткий срок. Наполеон вспоминает фронтальные атаки своих войск, так как это был его излюбленный тактический прием, который активно применялся в Бородинском сражении, в результате чего французы взяли Багратионовы, Семеновские флеши. Упомянутый “холм” — по-видимому, Шевардинский редут, захваченный после ожесточенной схватки 5 сентября, накануне главного сражения. Показательно, что Наполеон не говорит, кто победил в Бородинском сражении, о чем до сих пор спорят историки, зато мы слышим отголоски тех вопросов, которые волновали его в ночь после битвы: что предпримет Кутузов и что предпринять ему?

По его мнению, “Кутузов должен был дать бой под Москвой... Москва и спасение столицы стоили того, чтобы дать сражение: скорее меня нужно будет винить в том, что оно не состоялось”¹⁷.

Однако русский полководец, по словам Наполеона, “был здравомыслящим человеком, которых не было недостатка среди офицеров русской армии, знал, что делал и размышлял об этом”¹⁸.

Итогом этих размышлений стал приказ Кутузова оставить столицу. В город вошли французские войска. Москва произвела на Наполеона сильное впечатление:

“Окрестности Москвы и вся местность были прекрасным краем, покрытым красивыми и совершенно новыми деревнями. Многие дома в действительности построены из дерева, но выбелены известью и производят впечатление каменных. В Москве было 250 тысяч жителей. Это очень большой и очень красивый город. Его вид так же импозантен, как и вид Парижа”¹⁹.

Но вскоре покинутая жителями и отданная на разграбление всеевропейскому воинству столица стала жертвой чудовищного пожара. Наполеон охарактеризовал пожар Москвы как “экстраординарное событие”, и это вполне объяснимо: слишком велик был шок от невиданной доселе картины гибели в огне огромного города, священной столицы России. Вместе с Москвой “сгорели” расчеты французского императора на заключение мира или, в крайнем случае, на благополучную зимовку армии. Если раньше угроза захвата Москвы или самый захват ее могли служить средствами давления на Александра I, то ныне грозить стало нечем: столица была сожжена, святыни поруганы. В этой связи приходят на память в некотором смысле парадоксальные слова одного из зачинателей партизанских действий против наполеоновских войск Дениса Давыдова:

“Вопреки многим, я и тогда полагал полезным истребление Москвы. Необходимо было открыть россиянам высший предмет их усилиям, оторвать их от города и обратить к государству.

Слова “Москва взята” заключали в себе какую-то необоримую мысль, что Россия завоевана, и это могло во многих охладить рвение к защите того, что тогда только надлежало защищать. Но слова “Москвы нет” пересекли разом все связи с нею корыстолюбия и заблуждения зреть в ней Россию”²⁰.

Пожар возник в Москве действительно почти сразу же после занятия города наполеоновскими войсками, причем одновременно в нескольких местах. Огонь быстро перекидывался с места на место, охватил гигантскую площадь и за сравнительно короткий срок превратил древнюю российскую столицу в сплошной костер. Эта быстрота и кажущаяся одновременность и породила у Наполеона подозрение в преднамеренном поджоге:

"История, возможно, скажет, кто были истинные поджигатели Москвы. Быть может, первые два дня были некоторые подозрения на наших солдат. Коленкур, который много возмущался злоупотреблениями армии, жаловался на это... Но есть много свидетельств, что огонь был пушен противником"²¹.

Распространению огня способствовали почти сплошь деревянная застройка многих московских улиц, особенно на окраинах и в предместьях, обилие растительности, засушливое лето, оставленные бежавшими в панике жителями в домах горящие печи, грабеж, мародерство и прочие безобразия. Генерал Коленкур пишет:

"Жители и солдаты грабили лавки, куда они имели время проникнуть... Ночью были еще два малых пожара в предместьях... их отнесли к неосторожности на некоторых бивуаках и отдали приказ удвоить наблюдение"²².

Вместе с тем, отмечает Коленкур, "доложили, что уже арестовали некоторых из этих поджигателей, убили их... и уверились во мнении, что губернатором был отдан приказ полицейским агентам сжечь весь город за ночь"²³.

Наполеон упоминает о намерении главнокомандующего Москвы Ф.В.Растопчина²⁴ "защищать Кремль, ибо там нашли 30 или 40 тысяч ружей... но не было времени вооружить население, как обычно делается в подобных случаях"²⁵. Мемуары Коленкура подтверждают это и содержат утверждение, что "Кутузов и Растопчин накануне держали совет насчет эвакуации и что последний предложил уничтожить город, чему Кутузов воспротивился..."²⁶.

Представляется вероятным, что какие-то распоряжения насчет поджогов и "обороны Кремля" окончательно потерявший голову Ростопчин все-таки успел отдать. Что же касается позиции Кутузова, о которой говорит Коленкур, то она понятна и объяснима. Доказательство тому мы находим в рапорте фельдмаршала императору Александру о причинах оставления Москвы:

"Не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием... превращение в пепел самой Москвы"²⁷.

После пожара Москвы, видя, как на глазах разлагается его армия, Наполеон предпринимает несколько безуспешных усилий склонить Александра I к заключению мира. Не случайно впоследствии он прямо связал свое крушение и ссылку с провалом попытки заключить мир в завоеванной и сожженной Москве:

"Я не заключил мир в Москве. Я совершил ошибку. Я должен был его заключить. Свидетельством является то, что я на Святой Елене. Уверен, что если бы император Александр был в Москве, после битвы под Москвой он заключил бы мир..."²⁸

Но он говорил и другое. Если бы "вместо того, чтобы идти на Москву, я пошел бы на Петербург, я имел бы мир. Государь был там... Когда предложили бы мир, русские его заключили бы"²⁹.

У него однажды даже вырвалась фраза:

"Сегодня я такой же, как после Аустерлица... Я отправлюсь в экспедицию в Россию еще раз, но более мудро. Я сделаю меньше ошибок, как всегда, когда проходят тот же путь"³⁰.

Наполеон, по-видимому, так и не понял, а может быть, понял, но не захотел признаться даже самому себе, что дело было не в том, что он пошел не на Петербург, а на Москву, что там не было русского императора (он мог уехать оттуда, подобно тому, как он уехал в начале войны из Вильно), а в главном: каковы бы ни были намерения Александра, народ, уже испытавший на себе кошмары войны, и армия, прошедшая с боями от западной границы до Москвы, не желали мира иначе, как после изгнания захватчиков с территории России. Это обстоятельство укрепило и Александра I в нежелании вести какие-либо переговоры о мире. Выразителем настроений русского

общества выступил М.И.Кутузов, неоднократно заявлявший французским парламентарам, что народ России видит в наполеоновской армии лишь “орду татар под командой Чингисхана”, которую надлежит изгнать или истребить. После того, как стало ясно, что мира не будет, голод и неумолимо надвигающаяся зима ставили под вопрос само существование армии, Наполеон отдал приказ об отступлении.

Вспоминая об этом, Наполеон остается верен себе:

“После битвы под Можайском³¹, я должен был возвращаться по другой дороге. Все мои бедствия не произошли бы. Я потерял 4 дня на то, чтобы вернуться по моим следам, и эти 4 дня погубили армию, так как не хватило лишь [этих] 4 дней, чтобы армия достигла Смоленска до наступления холодов. Без этого происшествия я занял бы позицию у Смоленска, я был бы там в безопасности, но я потерял 30 тысяч лошадей. Я хотел повести армию по другой дороге, но во время битвы под Можайском я оказался вблизи 10 тысяч казаков. Бессьер³² и другие призывали меня вернуться. Я не мог противиться, это стало ошибкой. Я мог оказаться на 60 лье южнее, и кто знает, было бы там так же холодно?”³³

Действительно, кто знает, что произошло бы, если бы из двух одинаково тяжелых обстоятельств он выбрал бы не этот выход, а другой? Ведь эти обстоятельства в известной степени были созданы русской армией под командованием Кутузова. Армию Наполеона, затерянную на гигантских просторах, мучимую голодом и холодом, уничтожил все-таки не русский мороз, а российский солдат. Мысль эта не нова. Но при этом забывается то, что зима 1812—1813 года была холодной для всех, не только для французов. В “Тетрадах” Бертрана встречаются такие слова:

“...армии противника более не существовало”.

“...Русские страдали больше нас. У них больше не было армии...”³⁴.

Бытовало, а порой и сейчас встречается расхожее мнение, суть которого вкратце такова: армия Наполеона отступала, разлагаясь на ходу, а Кутузов по пятам преследовал ее. Так она и таяла, как снег, пока не исчезла в мутных водах Березины. Это глубоко неверно. Преследование французов стоило жизни тысячам русских воинов, погибших не только от пуль врага, но и от голода, холода, тифа, нечеловеческих страданий. Армия Кутузова потеряла до 3/4 личного состава³⁵. Постоянно, то тут, то там вспыхивали жаркие схватки, в которых измученные, обмороженные солдаты обеих армий дрались с огромным упорством и смелостью. Оба полководца — и Наполеон, и Кутузов — прилагали максимум усилий: первый — чтобы спасти французскую армию, второй — чтобы добить ее. О том, что произошло на берегах Березины, Наполеон вспоминал так: “На Березину армия пришла в беспорядке, без командования, не желая пропускать никого. Когда я прибыл туда, там было, быть может, 60 тысяч человек. Нужно было, чтобы полки проходили свободно. Все устремились туда, невозможно было никого остановить. Безумцы бросались в воду. Я хотел вначале остановить эту массу: затем отказался от этого. Раз проход свободен, то большинство разбились свои бивуаки на берегу, у въезда на мост. Люди следуют за движением гвардии. Чтобы дать им пройти, порой следовало стрелять из пушки, как если бы (нас) атаквали, тогда все подтягивались...”³⁶.

За этими скупыми строками — высокая трагедия. Когда думаешь об этом, перед мысленным взором встают леденящие кровь сцены, низость одних и величие души других. “Русская кампания” заканчивалась. Те, кто выжил, размышляли: что же дальше? Они гадали, но Он — знал: ничто не кончено. Не случайно, вспоминая кошмар переправы, Наполеон упомянул гвардию. Император понимал, что гвардия — не только элита армии, но и ее костяк: если сохранить гвардию, то вокруг нее можно собрать новую армию. Пока эта железная когорта сохраняла дисциплину и организованность,

даже остатки армии все равно были армией, а не просто беспорядочной толпой. Вот что пишет об одном из эпизодов отступления французов Денис Давыдов:

"...расстройство колонны неприятельской способствовало нам почти беспрепятственно затоптать ее и захватить генералов Альмераса и Бюрта, до 200 нижних чинов, 4 орудия и множества обоза. Наконец подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон [...] Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегли все усилия наши и остались невредимыми [...] Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля"³⁷.

Даже после тяжелейшего отступления и переправы через Березину, как вспоминал Наполеон, "гвардия сохранялась в целости, когда я ее покидал. Евгений [Богарне. — А. М.] хотел, чтобы ее ему дали под Москвой, но я этого не хотел, я одержал победу без этого, я ее сохранил"³⁸.

Тем не менее, анализируя на Святой Елене причины катастрофы империи, Наполеон признает:

"Поражение в России были ее единственными причинами. Я имел успех во всех своих предприятиях, но я не мог предотвратить этого"³⁹.

Трагический парадокс: кровью и мучениями сотен тысяч россиян была спасена Россия, впереди же — задуманный Александром I вместе с союзниками освободительный поход в Европу. Цель такого освобождения оценивалась Наполеоном вполне адекватно: "Державы не со мной воюют, а с Революцией!"

Отечественная война закончилась. Кутузов умер. Александр I, в распоряжении которого находилась закаленная в войне армия и ресурсы необъятной империи, решил, что вновь наступило его время, и повел войну по-своему, сочетая военные действия с лукавой дипломатической игрой. Столкнувшись с многократно превосходящими силами очередной антифранцузской коалиции, Наполеон был низвергнут и сослан на Святую Елену. Он внимательно следил за событиями в Европе по английским газетам, доставлявшимися на остров и, оценивая внешнеполитическую роль России, говорил:

"...Именно в Санкт-Петербурге решаются судьбы Европы"⁴⁰.

Продолжая размышлять о прошлом и настоящем, Наполеон пророчествует:

"Россия не заинтересована уничтожить мощь Франции, так как это возвысит германскую нацию, которая является ее естественным врагом. Россия поглотит Австрию, это неизбежное зло. Она будет хозяйкой Европы"⁴¹.

И далее:

"...Сила русских ныне огромна. Если амбициозный и талантливый император унаследует императору Александру, то где будет предел достигнутого им?"⁴²

Сбылись ли пророчества великого политика и полководца XIX века? Действительно, Россия продолжала проводить активную внешнюю политику, но попытки сменившего Александра на российском престоле Николая I играть первенствующую роль и в Европе, и на Ближнем Востоке закончились тяжким поражением в Крымской войне 1853—1856 гг. Достигнутое с помощью военной силы "величие" оказалось недолговечным.

Находясь между постоянными попытками самовозвеличивания и самоуничтожения, мы нередко забывали уроки прошлого, которое ясно указывает на то, что истинное величие России будет достигнуто лишь тогда, когда усилия власти и народа будут

направлены не только на укрепление военной мощи и международного престижа государства, а прежде всего на решение внутренних проблем и тем самым на реализацию потенциала огромной и богатой страны.

Примечания

- ¹ *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1990. С.400.
- ² Лас Каз, Эмманюэль Огюст Дьедонне де, граф (1766—1842). Выходец из древнего аристократического рода. До Великой Французской революции — морской офицер. С 1791 года — эмигрант. Вернулся во Францию в 1802 г. Выполнял ряд дипломатических и военных поручений Наполеона. С 1810 по 1814 г. и в период Ста Дней — камергер императорского двора. Добровольно последовал за Наполеоном на остров Св. Елены, откуда был выслан английскими властями в 1816 г. Автор “*Memorial de Sainte-Hélène*” — мемуаров, созданных на острове и опубликованных впервые в 1823—1824 гг.
- ³ Гурго, Гаспар (1783—1852) — генерал артиллерии. Адъютант Наполеона в 1811 г. Участник похода в Россию, первым вошел в Кремль. Покинул Наполеона после отречения в Фонтенбло, гвардеец Людовика XVIII. Вновь примкнул к Наполеону в период Ста Дней. Находился на Святой Елене с 1815 по 1818 г. Написал под диктовку императора 2 из 8 томов “*Memoires pour servir a l’histoire de France sous Napoleon...*” По возвращении в Европу пытался привлечь внимание держав к участию Наполеона.
- ⁴ Монтолон, Шарль-Тристан де, граф (1783—1853). Находился на военной и придворной службе. Камергер императрицы (1809 г.). Посол при великом герцоге Вюрцбургском (1811 г.). В 1812 г. был уволен в отставку. В 1814 г. перешел на службу к Бурбонам и был произведен ими в чин генерал-майора. Вновь присоединился к Наполеону после Ватерлоо и сопровождал его на Св. Елену. Опубликовал вместе с Гурго 8 томов “*Memoires pour servir a l’histoire de France sous Napoleon par les generaux qui ont partage sa captivite*” (1822—1825).
- ⁵ *Aubry O.* Sainte-Hélène. Paris, 1935. Т.1. P.XIV.
- ⁶ *General Bertrand, Grand Marechal du Palais.* Journal 1818—1820 (Т.1). Janvier-mai 1821 (Т.2). Manuscrit dechiffré et annoté par Paul Fleriot de Langle. Paris, 1959. Т.2. P.38—39.
- ⁷ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.134—135.
- ⁸ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.229.
- ⁹ Мария-Луиза (1791—1847) — дочь императора Австрии Франца I. Императрица Франции в 1809—1814 гг.
- ¹⁰ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.97.
- ¹¹ Коленкур, Арман Огюстен Луи, граф, герцог Виенский. (1722—1827). Участник войн Французской республики и Империи, генерал. Выполнял особо важные дипломатические поручения Наполеона. Посол Франции в Санкт-Петербурге в 1807—1811 гг. Всю Русскую кампанию 1812 г. — рядом с императором. После отречения Наполеона в 1814 г. на службу к Бурбонам не перешел. В период Ста дней — министр иностранных дел. Автор мемуаров.
- ¹² Талейран-Перигор, Шарль-Морис де, князь Беневентский (1754—1838). Крупнейший дипломат своего времени. Министр иностранных дел при Директории (1797—1799), при Наполеоне (1799—1807) и при Людовике XVIII (1814—1815). Возглавлял делегацию Франции на Венском Конгрессе (1814—1815 гг.).
- ¹³ *Memoires du general de Caulaincourt, duc de Vicence, grand ecuier de l’Empereur.* Т.1—3. Paris, 1933. Т.1. P.274.
- ¹⁴ Мария Федоровна (урожд. София-Доротея-Августа-Луиза, 1759—1828). Российская императрица. Вдова Павла I. С 1797 г. — “главная начальница над воспитательными домами”. Мать императоров Александра I (1801—1824) и Николая I (1825—1855).
- ¹⁵ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-учетного архива Главного штаба (ВУА) СПб., 1905. Т.5. Д.156. С.302—303.
- ¹⁶ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.43.
- ¹⁷ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.367.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.240.
- ²⁰ *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985. С.61.
- ²¹ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.239.
- ²² *Caulaincourt.* Op. cit. Т.1. P.8.
- ²³ *Ibid.* P.12.
- ²⁴ Растопчин, Федор Васильевич (1763—1826), граф. Фаворит Павла I. С 1798 по 1801 г. — фактический руководитель российской внешней политики. С 1801 г. в отставке. С мая 1812 по 1814 г. — главнокомандующий Москвы. Много сделал для создания московского ополчения. Скандальную известность приобрел своими лубочными воззваниями к населению (т.н. “растопчинскими афишками”).
- ²⁵ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.240.
- ²⁶ *Caulaincourt.* Op. cit. Т.2. P.9.
- ²⁷ *Кутузов М.И.* Документы. М., 1954. Т.IV. С.233.
- ²⁸ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.361.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Bertrand.* Op. cit. Т.1. P.249.
- ³¹ Наполеон ошибается. Речь в данном случае идет

о сражении под Малоярославцем, состоявшемся 23—24 октября 1812 г.

- ³² Бессьер, Жан-Батист, герцог Истрийский (1766—1813). Участник революционных и наполеоновских войн, маршал Империи (1804 г.). Командовал гвардейской кавалерией (1805) Отличился в сражениях при Аустерлице, Фридланде, Сомсьере, Ваграме. В русском походе прикрывал отступление из Москвы. Погиб в 1813 г. при Риппахе, в Саксонии.

³³ *Bertrand*. Op. cit. Т.1. P.230.

³⁴ *Ibid*. P.199.

³⁵ *Тарле Е.В.* Сочинения. М., 1959. Т.VII. С.718.

³⁶ *Bertrand*. Op. cit. Т.1. P.199—200.

³⁷ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С.114.

³⁸ *Bertrand*. Op. cit. Т.1. P.200.

³⁹ *Ibid*. P.112.

⁴⁰ *Bertrand*. Op. cit. Т.2. P.96.

⁴¹ *Bertrand*. Op. cit. Т.1. P.14.

⁴² *Ibid*. P.56.

В. А. Кудашкин

Инженерная подготовка обороны западной границы России накануне Отечественной войны 1812 г.

К концу первого десятилетия XIX века Россия оказалась в сложном международном положении. Продолжались затяжные военные действия с Турцией и Ираном, завершилась двухгодичная война с Швецией. Однако эти войны носили локальный характер и не существенно влияли на внутреннюю жизнь всей страны. Опасность грозила со стороны западной границы.

По условиям Тильзитского мира 1807 г. Александр I присоединился к континентальной блокаде, которую Наполеон проводил в отношении Англии. Тем не менее, противоречия между Россией и Францией усиливались, и обе стороны обвиняли друг друга в нарушениях союзного договора. Впервые за сто лет в пределы Российской империи могла вторгнуться сильнейшая в Европе армия.

В начале 1810 г. генерал от инфантерии М.Б.Барклай де Толли был назначен военным министром. Входя в курс дела, 22 февраля он запросил сведения в государственной военной коллегии о снабжении и вооружении армии. В делах инженерного ведомства Барклай особенно интересовался состоянием крепостей в Финляндии, Бессарабии и отбитых у турок в ходе войны с Турцией.

Новый военный министр представил Александру I подробный доклад о военно-стратегическом положении России. После победоносных военных кампаний Наполеона к 1810 г. на континенте установилась полная гегемония Франции. Такая расстановка сил, по мнению Барклая, требовала от России принять “все нужные меры для войны против Франции и ее союзников тем более, что Россия единственно на западной своей границе, где должна будет для существования своего вести кровопролитнейшую войну, менее всего приурочена к надежной обороне”¹. На прикрытии хорошими крепостями границы от Балтийского моря до Дуная потребовались бы огромные расходы и не менее двадцати пяти лет. Наиболее реально представлялась оборона на рубеже рек Западная Двина и Днепр.

Барклай считал, что на правом фланге укрепления Риги следовало подготовить так, чтобы крепость выдержала осаду в течение полугода. Кроме полного обеспечения гарнизона всем необходимым, в Риге следовало создать запас провианта для 20 тысяч человек на два месяца. Около Фридрихштадта или Якобштадта создать укрепленный лагерь для армии от 25 тыс. до 30 тыс. человек с запасами на три месяца. Эта армия оттянула бы на себя часть сил противника, действующего против Риги. У Динабурга или Друи следовало построить крепость для более прочной связи с этой армией и обороны центральных губерний.

На левом фланге надлежало привести в оборонительное состояние крепость Киев. Ее гарнизон имел полное обеспечение на полгода, и сверх этого в крепости заготовили

запасы провианта на армию в 60 тыс. человек на три месяца. Около Рогачева или Быхова предполагалось построить новую крепость для сообщения с резервной армией, а три укрепленных лагеря могли обеспечить оборону между Киевом и Днепром: в районе Житомира для армии в 50 тыс. человек с запасами на три месяца, около Мозыря для корпуса от 10 тыс. до 15 тыс. человек с запасами на два месяца и у Будилова для резервной армии из 30 тысяч человек с запасами на два—три месяца. Для обороны путей сообщения между Днепром и Двиной предполагалось построить на реке Березине укрепления у Бобруйска и Борисова.

Император одобрил все основные предложения Барклая по укреплению западной границы. В середине марта управляющий инженерным департаментом генерал-майор (с августа 1811 г. — генерал-лейтенант) К.И.Опперман, по заданию военного министра, отправился “для выполнения особых военных поручений” — обследовать территорию в районе рек Днепр и Березина. Ему предписывалось выбрать место для укрепленного лагеря у Будилова, затем определить место для построения крепости, которая господствовала бы над обоими берегами Днепра выше Киева и обеспечивала надежное сообщение между Будиловом и Киевом. Опперману надлежало также осмотреть местность вдоль Березины. Если на ее берегах природные условия будут лучше, чем на Днепре, то крепость следовало возводить на Березине.

В это же время тридцать офицеров квартирмейстерской части, разделенные на пять отделений, были командированы “для обозрения, с военными замечаниями, пространства, идущего от р. Западной Двины и Днепра до границы Пруссии, герц[огства] Варшавского, Галиции и Молдавии”.

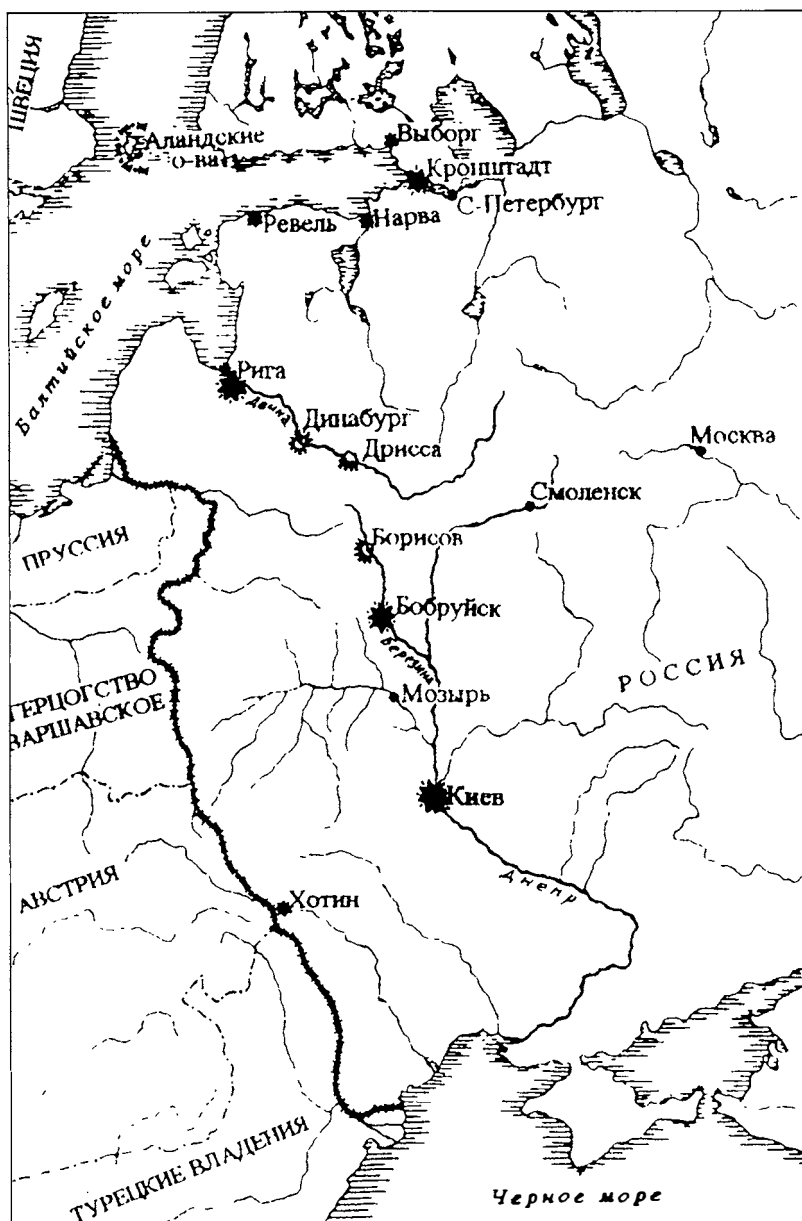
Кроме того, также по заданию военного министра, генерал-майор Берх направился осматривать все дороги и выгодные места для строительства укрепленных лагерей в районе Мозыря; подполковник Эйхен 2-й — вдоль Двины от Риги до Динабурга, полковник Вистицкий 3-й — в окрестности Будилова. Вистицкому поручалось также при Борисове и Бобруйске “учредить сильно-укрепленные передовые посты для авангарда, дабы через обладание Березиною иметь сообщение между Днепром и Двиною”. И сверх этого “обозреть пространство” от реки Припяти до Западной Двины и от Виленской губернии до Витебска, Рогачева и Друи.

В своих отчетах офицеры квартирмейстерской части должны были представить подробное описание дорог, течение и свойство рек, а также снять на план местность с обозначением на карте выгодных военных позиций. Все подобные мероприятия надлежало сохранять в “непропускаемой тайне”, под видом исправления погрешностей общей подробной карты Российской империи. Инженерная экспедиция предоставляла для таких командировок карты из своего ведомства.

14 марта Барклай предписал инженер-полковнику Гекелю, чтобы он немедленно отправился в Динабург, осмотрел все места по Двине до Друи и выбрал “выгоднейшее

Генерал-лейтенант Карл Иванович Опперман.

Западные русские крепости накануне Отечественной войны 1812 г.

местоположение к построению крепости для обладания обоими берегами Двины и обеспечения коммуникации между Ригою и Будиловым”. Чтобы выиграть время и сберечь средства, крепость предполагалось возводить без каменной одежды. Но сначала Гекелю следовало ехать в Ригу осмотреть крепость и дать необходимые распоряжения об усовершенствовании укреплений.

Предстояло выполнить большой объем строительных работ в районах Двины и Днепра. Ввиду нехватки рабочей силы к работе привлекались солдаты пехотных полков. Но Опперман считал, что “без достаточного числа пионер хорошего успеха в работах,

солдатами производимых, никогда ожидать нельзя”. По его расчетам в середине марта на строительстве укреплений требовалось иметь одну пионерную роту в Риге, две — в окрестностях Динабурга, две — при Будилове, полуроту — при Борисове, полуроту — при Бобруйске, две — в окрестностях Рогачева и одну — в Киеве, что составляло девять рот. Пять рот уже находились на местах, остальные нужно было направить — одну в Динабург, две в Витебск и одну в Могилев.

По штату 1806 г. русские инженерные войска составляли два пионерных полка, состоящих из трех батальонов каждый — два батальона пионерных и один минерный. В батальоне имелось три пионерные роты и одна минерная. Личный состав двух полков насчитывал 120 офицеров и 4516 солдат². На практике пионерные и минерные роты не собирались в составе полков и действовали самостоятельно в отдельных армиях и крепостях.

24 марта из Петербурга выступили две роты 1-го пионерного полка. Шефская рота направлялась в Витебск, а рота капитана Ерофеева в Динабург. Но, чтобы “по возможности не сделать о движении их пустой разгласки по городу”, ротам предписывалось сначала следовать в город Лугу и только потом по назначению. В начале июня в Ригу для производства крепостных работ направились два батальона Виленского и два батальона Волынского мушкетерских полков, а два батальона Тобольского мушкетерского полка — в Динабург. В назначенных местах батальоны расположились в палаточных лагерях.

В новые крепости на западной границе переводились гарнизоны из внутренних губерний, которые переименовывались согласно новому назначению, в частности, Митавский — в Динабургский, Минский — в Бобруйский, Нижегородский — в Хотинский. Оставлялись батальоны в Смоленске и Вильне. Смоленск являлся важнейшей базой армии, а в Вильно предполагалось для усовершенствования оборонительной системы на высотах правого берега Вилии построить сильное укрепление.

В мае Александр утвердил представление Оппермана об укреплении города Бобруйска и одобрил создание укрепленной позиции у города Борисова, а также утвердил представление Гекеля о построении крепости у Динабурга. Гражданским губернаторам Виленской, Витебской и Курляндской губерний предписывалось оказывать всемерную помощь Гекелю, но доставлять в Динабург бревна, доски, дерн, глину и прочее должны были солдаты. Как и в Киеве и Бобруйске, городские дома и земли попадавшие на территорию строительства, следовало выкупить в “непроницаемой тайне”, чтобы владельцы не запросили большой платы. Однако в Борисове строительство укреплений пока не начиналось.

В Киевской крепости резервные батальоны, задействованные на строительных работах, выравнивали осевший бруствер бастионов. Начались работы по насыпанию земли под профиль вновь спроектированных двух люнетов и отсыпке гласиса. В Рижской крепости большое внимание уделялось строительству Задвинских укреплений.

Основной рабочей силой в развернувшемся большом крепостном строительстве являлись солдаты пехотных полков, которые получали денежное вознаграждение. Солдаты считали, что деньги им положены за выполнение строительных работ. Но Александр I четко изложил свой взгляд на этот вопрос: “Солдат должен получать от казны все нужное для своего содержания, и со слепым повиновением без всякого вознаграждения исполнять все, что будет ему приказано”. Выполняя волю Александра военный министр 9 мая предписал Опперману: “Император указать соизволил не производить никогда рабочих денег и даже наименование таковой выдачи навсегда уничтожить; но чтоб нижние чины во время работы получали лучшую пищу и имели бы способы исправлять приходящую скорее в худобу свою одежду и обувь, то Высочайше повелевает в разные

сроки, по три раза в месяц или понедельно, выдавать рабочим воинским чинам в награду за успехи и прилежание по рублю или по два на человека. Для определительного же положения таковой выдачи денег иметь за правило расчет, чтоб на каждого человека выходило в сутки по 10 коп. медью”. Разъясняя слова императора, Барклай указывал, что деньги будут выдаваться те же самые, но не как должное за работу, а в награду за труды. Причем нижним чинам не следовало знать об этом повелении, а при составлении сметы какого-либо укрепления, следовало вычислить эти деньги под названием — “в награду рабочим людям”³.

Артиллерийский департамент, имевший прямое отношение к повышению обороноспособности крепостей, также проводил ряд соответствующих мероприятий. 12 марта инспектор всей артиллерии генерал-лейтенант П.И.Меллер-Закомельский представил военному министру доклад об артиллерийских запасах, необходимых для предполагаемой обороны границ России⁴. В Риге не хватало 185 орудий. Это количество следовало доставить из других крепостей, в том числе из Либавы и Виндавы, где находились для береговой обороны 52 орудия больших калибров осадной и крепостной артиллерии. Для двух крепостей, которые будут построены в Динабурге и около Рогачева или Быхова, планировалось направить до 200 орудий в каждую. Предполагалось создать воинские запасы для крепости и войск в Киеве, а также вооружить его укрепления артиллерией, которая отсутствовала по причине того, что Киев считали внутренней крепостью. К юго-западной границе в Каменец-Подольскую и Хотинскую крепости направлялось 87 орудий.

Несмотря на соблюдаемые секретные меры, в конце мая в военное министерство поступили сведения, что на строительстве крепостей по течению рек Днепр и Западная Двина, в разных местах обнаружены люди “нарочно присланные для тайного осмотра производимых работ и снятия на плане местоположений”. Командиры корпусов и дивизий получили предписание находить таких “злонамеренных людей”, брать их без огласки под арест и отправлять в Петербург. Над скитающимися около крепостей под видом путешественников, монахов и даже нищих подозрительными людьми следовало установить тайный надзор. Бродяг и “людей низкого состояния” следовало брать под арест, а в случае подозрения “людей чиновных и знатных или помещиков” немедленно извещать военного министра.

В свою очередь русское командование регулярно начало получать разведывательные данные о состоянии французской, австрийской, саксонской, польской армиях, о крепостях и укреплениях в Праге, Модлине, Сероцке, Сандомире, Замойске, Замостье. В депо карт поступили шесть томов карт Польши и один том карт Шведской Померании.

4 июня в Бобруйске приступили к возведению крепости. У города в лагере для производства строительных работ сосредотачивалось двенадцать пехотных батальонов. Для обеспечения материалом каменных сооружений задействовался кирпичный завод.

Главный директор путей сообщений принц Г.П.Ольденбургский и министр полиции А.Д.Балашов отвечали за ремонт дорог в районе крепостей Динабург и Бобруйск. Эти дороги надлежало содержать в хорошем состоянии “навсегда и во всякое время года”.

После возвращения из инспекционной поездки по западным крепостям в ноябре Опперман представил обобщающий секретный рапорт военному министру. Подробно описывая большие успехи сделанных в 1810 г. фортификационных работ, он отметил, что “окромя во время Государя Петра Великого, никогда в одном году столь обширные инженерные работы предприняемы и произведены не были”. Опперман просил для отличившихся начальников работающих войск, инженеров и пионеров “исходатайствовать Высочайшее благоволение”, а “некоторым из особо трудящихся” — награды.

Примечательна резолюция военного министра на это прошение, свидетельствующая о тщательном сохранении крепостных строительных работ в тайне: "...отдать им в Высочайших приказах благодарность, не упоминая, где какие работы производились". Барклай заверил Оппермана, что он может "обнадежить всех трудящихся в Риге, Динабурге, Бобруйске и Киеве инж. и пион. офицеров, что оные по окончании работ, по мере их старания и способностей, награждены будут"⁵.

К концу 1810 г. определились приоритетные пункты обороны западной границы России — усиление укреплений старых фланговых крепостей Риги и Киева и строительство новых крепостей Бобруйска и Динабурга.

В целом, по стране, инженерный департамент отвечал за 62 крепости, из которых 7 были упразднены и такое же количество новых поступило в ведение департамента.

В 1811 г. высшему военному руководству предстояло продолжить разработку стратегического плана обороны страны. В январе Барклай представил Александру доклад, в котором проанализировал политическую ситуацию. Военный министр видел два пути развития событий, если Наполеон нарушит мир с Россией: или самим начать превентивное наступление на герцогство Варшавское и Пруссию, или "укрепиться в оборонительных позициях внутри пределов наших"⁶. В случае ведения оборонительной войны "Вильно и Киев будут главными предметами неприятельских военных действий, следовательно на прикрытие сих двух мест нам должно обратить особенное внимание".

1 февраля Александр утвердил представленный Барклаем план по укреплению Борисова. Министру финансов Д.Гурьеву предписывалось отпустить "в ведомство инженерной экспедиции 60 тыс. рублей ассигнациями на предварительные заготовки шанцевых инструментов и других припасов к построению при Борисове укреплений"⁷. Около города ремонтировались дороги и скрытно размещались два запасных батальона, назначенных для производства строительных работ.

Барклай поставил инженерам и офицерам квартирмейстерской части большие задачи. Опытные офицеры посылались по трем операционным линиям: Ковно — Динабург, Брест-Литовск — Киев и Брест-Литовск — Бобруйск. Им поручалось описать все дороги в указанных районах с обозначением переходов и позиций. На левом берегу Двины надо было найти позиции, "в которых 40 или 50 тысяч человек, укрепясь, могли бы остановить сильнейшего неприятеля, и прикрыть или поддержать Динабург". Требовалось также исследовать Двину, Березину и Днепр, определить глубину, ширину, разливы, судоходство, берега, места для возможных переправ и строительства мостов. Для прикрытия определенных операционных направлений создавались три армии.

Анализируя состояние обороны западной границы, Опперман 8 апреля изложил военному министру свои взгляды на дальнейшее ее укрепление в инженерном отношении. Он считал, что Киев с Зверинецким укреплением, Бобруйск, Динабург с предмостным укреплением и Рига с Задвинскими укреплениями в следующем году будут достроены и в дальнейшем их оборону предполагалось совершенствовать. Но Опперман предложил "сверх означенных четырех крепостей, иметь между ними еще одну". Существующая линия обороны западной границы со временем станет второй. Рига и Киев являются крайними пунктами, так как Динамюнд защищает только устье реки Двины, а Киев, расположенный почти на равном расстоянии от границ с Молдавией и Галицией может служить как депо для второй линии обороны. Большое расстояние между Киевом и Бобруйском (около 400 км), тем не менее, не требует строительства новой крепости, потому что по середине этого пространства на обширной заболоченной, с большими лесами территории протекает река Припять и там прохождение войск крайне затруднительно. Расстояние между Бобруйском и Динабургом — около 500 км. Эта

территория имела много дорог и богатых населенных пунктов. Если противник будет наступать из Варшавского герцогства в Лифляндию, то русская армия будет иметь две крепости, Ригу и Динабург, на которые войска могут опереться. Но если противник двинется через Вильно и Минск в Могилевскую и Смоленскую губернии, тогда ни Бобруйск, ни Динабург на этом направлении не помогут. Здесь в районе верхней Березины “весьма полезно построить еще одну крепость”⁸.

Опперман был очень удовлетворен тем, что большие работы по строительству крепостей в 1810—1811 гг. дали “необыкновенную опытность” инженерным и пионерным офицерам и самому ему. Это позволяло во время осмотра производимых работ в Бобруйской и Динабургской крепостях осенью и зимой найти выгодное место для заложения новой крепости, произвести съемку, нивелировку, сделать проект и осуществить подготовительные работы так, чтобы при интенсивном строительстве новая крепость частично была обороноспособна зимой 1812 г., а полностью завершена в 1813 г. В середине мая Александр I поручил Опперману проинспектировать ход строительства западных крепостей и определить место для строительства новой крепости.

25 мая военный министр предписал инженерному департаменту создать новый инженерный округ из восьми завоеванных в Молдавии крепостей и назначить в нем начальника. И тут остро обнаружилась проблема нехватки офицеров инженерного корпуса, которые кроме крепостей были прикомандированы к министерству морских сил, к Тульскому оружейному заводу, в Казанский кремль и в другие места. Опперман считал, что принятие на службу новых инженерных офицеров приведет к новым денежным затратам, а также “прибавление сие будет более на бумаге, нежели в самом деле: ибо действительно знающих инженерную службу для такого прибавления взять ныне еще неоткуда”⁹. Наиболее целесообразным виделось утвердить командиром нового округа начальника инженеров Молдавской армии генерал-майора Е.Ф. Гартинга и из состоящих при нем 18 штаб- и обер-офицеров командировать нужное количество в новые крепости, а также придать им в помощь из четырех рот 2-го пионерного полка, находившихся в Молдавской армии, необходимое число офицеров и солдат.

Для исправления и содержания новых крепостей и создания в них инженерных команд требовалась значительная сумма, которую Опперман предлагал изыскать путем упразднения девяти второстепенных крепостей. Так, например, Звериноголовская крепость, находящаяся на Оренбургской линии, была обнесена только одними рогатками, а ее вал на песчаном грунте частично разрушен ветром. В конце мая вышел указ Государственной военной коллегии о создании Дунайского инженерного округа из завоеванных в Молдавии крепостей. Бендеры и Измаил определялись крепостями второго класса; Хотин, Аккерман, Килия, Браилов, Журжа и Турнов — третьего класса. В этих крепостях учреждались инженерные команды.

При выполнении строительных работ по совершенствованию укреплений в старых крепостях неожиданно возник конфликт с местным населением. В течение десятилетий мирной жизни за чертой города местные жители постепенно возводили различные постройки рядом с гласисом крепостей. Когда же начали приводить крепости в полную боевую готовность, то новые постройки за гласисом мешали нормальному обзору подступов к укреплениям и даже находились в секторе обстрела крепостной артиллерии. Но своей властью инженерное ведомство не могло решить эту проблему. Поэтому в начале августа Александр I лично утвердил предложение инженерной экспедиции. Отныне в пограничных крепостях разрешалось строить здания и каменные фундаменты под деревянные дома не ближе 315 метров от короны гласиса. При тех же крепостях на эспланадах ближе 270 метров “никаких строений не заводить”¹⁰.

В Рижской крепости на строительных работах использовался труд “невольников”,

т. е. осужденных за различные преступления. Они состояли в ведении местной инженерной команды и насчитывали 105 человек¹¹.

Значительное влияние на планы дальнейшего укрепления границы оказали результаты командировки флигель-адъютанта Л.И.Вольцогена. Летом 1811 г. он обследовал территорию по Западной Двине от Риги до Дисны и представил подробные планы по обороне западной границы, уделив большое внимание Риге, Динабургу и Дриссе. 7 августа донесение Вольцогена, посланное из Видз, было одобрено императором, и Опперману поручалось отрядить “знающих инженерных офицеров для аккуратного нивелирования Себежа, которое место Его Величество изволил приказать с будущей весны укрепить”, а именно “что касается до Себежа и его комуникации с Двиною, ибо предполагается у Дриссы занять укрепленный лагерь в случае отступления от Вильны”¹². Этот план держался в секрете.

В середине августа Опперман получил предписание военного министра на основании данных командировки Вольцогена произвести съемку и нивелирование позиций около Борисова и Мозыря, а также составить проект и смету предполагаемых укреплений. Пользуясь случаем, инспектор инженерного корпуса намеревался осмотреть местность, выбранную начальником Киевского инженерного округа генерал-майором И. А. Глуховым для создания укрепленной позиции у Мозыря. 25 августа неутомимый Опперман в очередной раз лично отправился в поездку по тяжелым российским дорогам¹³.

13 ноября Опперман представил военному министру отчет о командировке инженеров в район города Себеж. Подполковник квартирмейстерской части Гартинг с прикомандированными к нему инженерами “с редкой скоростью и в глубокой уже осени” произвел съемку и нивелирование окрестностей Себежа, а генерал-майор Гекель после изучения местности составил проект предполагаемой крепости, которую расположил на перешейке между озер. При этом Опперман отметил, что переданная ему ранее Барклаем записка с планом и профилями местности с предполагаемыми пунктами укреплений неизвестного ему автора (подполковника Вольцогена. — В.К.) подверглась критике Гекеля. Но и в плане Гекеля были недочеты. Главный вал по плану крепости проходил по озеру Карцы и для его возведения потребовалось бы сделать насыпь высотой до двух метров. Большие трудности представляла доставка издалека необходимых для строительства материалов. Много времени требовалось, чтобы на местности, предназначенной для крепости, засыпать лощины и скрыть возвышенности. Поэтому Опперман полагал, что крепость в районе Себежа следовало строить только, “если обстоятельства и общепринятый операционный план непременно требуют на оном местоположении крепость”¹⁴. Гораздо выгоднее было бы построить там лишь отдельные небольшие полевые укрепления и во время обороны в лощинах между ними разместить легкую пехоту с хорошими резервами.

Обстоятельный доклад Оппермана убедил Барклая отказаться от строительства крепости в районе Себежа.

Такой же подробный отчет был представлен о результатах командировки военных инженеров в Мозырь. Местность около города оказалась неудобной для строительства сильного укрепления, “по причине больших гор, пересеченных многими преглубокими крутыми лощинами и рытвинами, коих дно и большая часть боков никакими укреплениями по высотам располагаемыми, открываемы быть не могут”¹⁵. Из-за песчаной местности, строевой лес и дерн пришлось бы доставлять издалека. Но если, в виду стратегической необходимости, было бы принято решение укрепить Мозырь, то Опперман предлагал построить отдельные укрепления на главных высотах и разместить между ними по лощинам и рытвинам за эполементами и засеками достаточное число легкой пехоты с надлежащими резервами. Инженеры определили места, где следует построить предполагаемые

укрепления. Для их обороны требовалось 14 батальонов пехоты и 72 орудия. В лощинах и рытвинах должны были разместиться до 12 батальонов легкой пехоты с резервом до 8 батальонов, 8 орудий и до 10 эскадронов кавалерии. Этих сил было достаточно для отражения противника со стороны Слуцка. Но если предположить атаку противника от Жигомира, то для круговой обороны города требовался корпус до 40 тыс. человек.

Во второй половине 1811 г. в депо карт приступили к гравировке пограничных топографических карт в масштабе три версты в одном английском дюйме на основе карт с топографическим описанием, сделанных инженерами и офицерами квартирмейстерской части. Однако на этих картах был разный масштаб и, особенно, неодинаковое изображение гор, что затрудняло выполнение работы. Тем не менее, в начале декабря Опперман просил Барклая поощрить руководившего составлением карты подполковника Теслева 1-го и лучших граверов и словорезов, которые “могут сравниться с первейшими иностранными граверами”. При этом Опперман заметил, что на русскую службу приглашался гравер, участвовавший в изготовлении известной карты Пруссии, но тот запросил большое жалованье и ему было отказано, тогда как уже изготовленные два листа карты “превосходят искусною работою карту Пруссии”. Барклай представил образцовые два листа карт императору и сообщил Опперману, что “Его Величество весьма доволен искусством гравирования при депо карт”¹⁶.

Большая вероятность ведения боевых действий за границей требовала от военного министерства обеспечить войска соответствующими картами. 5 декабря Барклай предписал Опперману “приказать в Депо карт сочинить и выгравировать генеральную карту всей Германии до Рейна, Дании, Пруссии, герцогства Варшавского, Австрийских владений и королевства Итальянского с Иллириєю. На карте сей означать только города, большие почтовые дороги и главные реки; величина же оной должна быть три дюйма на градус”¹⁷. Военный министр надеялся получить в свое распоряжение 20 экземпляров готовых карт через два месяца. Первые листы этой карты были готовы в конце марта следующего года.

Военное министерство продолжало получать разведывательные данные из-за границы о количестве и дислокации французской, немецкой и польской армий. В то же время предпринимались меры по пресечению разведывательной деятельности иностранцев. Так, в середине июля военный министр послал секретное предписание командиру 1-го корпуса Витгенштейну и ряду других командиров, в том числе начальнику инженеров Рижской крепости полковнику Грузсону о том, что “для осмотра и съемки наших крепостей и местоположения въехали в границы наши трое офицеров герцогства Варшавского” и необходимо принять “секретные меры об открытии и поимке этих злонамеренных людей”¹⁸.

Еще более реальной угрозой войны стала в наступившем 1812 году. По обе стороны границы сосредотачивались большие массы войск. Крепости и крупные города превратились в базы снабжения армий. Разрабатывались новые планы вероятного хода боевых действий. 30 января подполковник квартирмейстерской части Л. Вольцоген представил военному министру наступательно-оборонительный план ведения войны Россией¹⁹. Этот план Вольцоген составил на основе личного осмотра летом 1811 г. позиций между Двиной и Днепром. Именно на основании данных его командировки генерал К.А. Фуль определил место для строительства укрепленного лагеря для русской армии в районе города Дриссы.

Стараясь учитывать в условиях назревающей войны способность русских крепостей самостоятельно выдержать осаду или штурм, Барклай в начале февраля 1812 г. запросил в инженерном департаменте планы и журналы примерной осады Риги и Киева, т.е. расчетные действия гарнизонов крепостей во время осады. Инженеры пред-

ставили соответствующие материалы. Но вскоре уже в инженерном департаменте забеспокоились длительным отсутствием в крепостях рассматриваемых планов. 19 марта Опперман настоятельно просил Баркляя, чтобы эти важнейшие документы обратно “отосланы были по секрету немедленно”, а также просил послать предписание начальникам в Риге и Киеве, чтобы указанные в журналах предварительные меры к подготовке вероятной осады сразу привести в исполнение. Параллельно следовало проконтролировать, чтобы Рига, Киев и Бобруйск “снабжены были теми съестными и другими запасами, коих по представленным на запасы сих крепостей ведомостям в то время от обывателей и от казны заготовить предположено”²⁰.

В начале марта запасные батальоны одиннадцати дивизий были направлены в западные крепости для усиления гарнизонов.

Чтобы лучше подготовиться на случай перехода границы, по секретному заданию Баркляя на Немане, Мерече, Нареве и Буге офицеры квартирмейстерской части разведали места, удобные для переправ и наведения мостов, а также везде подсчитали суда, паромы, лодки, якоря и канаты²¹.

Штабы 1-й и 2-й Западных армий и двух отдельных корпусов получили топографические планы и описания выбранных военных позиций, а также пограничные листы подробной карты России²². На протяжении двух лет офицеры квартирмейстерской части и корпуса военных инженеров обследовали западную часть территории России и составили 237 планов. Кроме того, в штабы корпусов, пехотных и кавалерийских дивизий поступили карты Пруссии, Галиции, Венгрии, Силезии и Моравии.

Франко-австрийский союз заставлял Баркляя уделить больше внимания укреплению южного участка западной границы. 11 марта военный министр предписал Опперману осуществить “немедленно все нужные распоряжения о приведении в оборонительное положение Хотинской крепости”. Расположенная рядом Каменец-Подольская крепость упразднилась, и из нее в Хотин переводились инженеры, а также шанцевый инструмент и крепостная артиллерия²³.

Весной увеличилось количество тревожных донесений о больших передвижениях войск противника в Пруссии и Польше. В начале апреля русская армия была готова вступить на территорию Пруссии, чтобы предупредить подход французских войск непосредственно к границе. Но на этот шаг Александр не решился. Оборонительный план войны становился все более очевидным. В течение двух лет близкие к императору генералы и старшие офицеры представляли ему специальные доклады о стратегии войны с Францией. Командующие 1-й и 2-й Западных армий Барклай и П.И.Багратион предлагали захватить инициативу в свои руки и начать наступательные действия. Волконский и Фуль убеждали императора в преимуществах обороны. Александр одобрил план генерал-лейтенанта Фуля.

Фуль перешел на русскую службу после разгрома Пруссии в 1806 г. Знаток тактики и истории войн XVIII века, он оказывал немалое влияние на Александра. Излагая свое мнение относительно начала предстоящих военных действий, Фуль скрупулезно просчитывал, сколько часов потребуется для получения предписаний корпусами и сбора войск, как должно происходить передвижение каждого корпуса отдельно. По его расчетам французская армия опережала русскую в сосредоточении у Вильны²⁴.

Исходя из того, что Наполеон имел численное преимущество, Фуль предлагал сразу после начала военных действий 1-й Западной армии отступить от границы в укрепленный лагерь на Двине и там занять сильную позицию. Тем временем 2-я Западная армия и казачий корпус М.И.Платова наступают во фланг и тыл противника, а 1-й отдельный корпус и 3-я Западная армия прикрывают Рижское и Киевское направления соответственно.

В апреле с усиленной энергией началось строительство большого укрепленного лагеря для целой армии у города Дрисса, расположенного на Двине между Витебском и Динабургом. Причем командование инженерного корпуса высказывало свое неодобрение, считая, что накануне войны строить укрепленный лагерь — значит раскрыть свои планы противнику.

Увеличился объем строительных работ в крепостях. Для их скорейшего выполнения из Минской и Могилевской губерний в Бобруйск дополнительно прибыло 2 тыс., а в Борисов — тысяча крестьян²⁵. В Рижской крепости работавших солдат заменили 150 мастеровых и 650 работников из местного населения, с которыми заключили контракт на производство работ в течение двух месяцев²⁶.

Продолжалось изучение приграничных дорог и местности, выгодной для создания укрепленных позиций. Офицеры квартирмейстерской части осматривали и описывали все важнейшие дороги от Вильны до Дриссы, у Ковно и Вилькомира.

Военные приготовления России и Франции говорили о том, что скоро мир будет нарушен. Огромные массы войск, запасы оружия, боеприпасов, амуниции, провианта, сосредоточенные по обеим сторонам границы, не могли долгое время оставаться в статичном положении. Наполеон выехал из Парижа к своим войскам через Германию в Польшу. Александр, официально являвшийся главнокомандующим русской армии, покинул Петербург и 14 апреля прибыл в Вильно в сопровождении большой свиты.

Вплоть до начала военных действий русское командование получало разведывательные данные из-за границы о концентрации французских и союзных им войск, о состоянии польских и немецких крепостей. В марте из-за границы вернулся капитан Коцебу. Он “сделал многим местам военные обозрения” и представил описание с планами крепостей Данцига и Пулавы, а также сообщил о возобновлении строительных работ в крепостях Торгау и Глогау²⁷.

Французская разведка также добывала достоверные сведения о русских крепостях и укреплениях. В январе 1812 г. И. Понятовский передал маршалу Даву план Бобруйской крепости, который ему был доставлен “одним чиновником тамошнего гарнизона жившего два месяца в Бобруйске”²⁸.

5 июня 1812 г. Александр I утвердил “Временное положение для крепостей, расположенных на базисе военных действий”. Это положение четко разграничивало сферы деятельности коменданта и начальника инженеров при ведении оборонительных работ в крепости. Секретная документация по крепости находилась в ведении начальника инженеров.

Таким образом, к началу военных действий оборона западной русской границы опиралась на следующие крепости и укрепления: Рига, Динабург, Дрисский укрепленный лагерь, Борисовские укрепления, Бобруйск, Киев.

Из них крепость Динабург и Борисовские укрепления находились еще в стадии строительства. Дрисский укрепленный лагерь, в целом построенный, тем не менее, накануне войны многими командирами признавался неудачной позицией²⁹. К второстепенным крепостям относились строящиеся в обычном порядке Хотин на юго-западной границе, Выборг, Кронштадт, Ревель и Нарва. При господстве английского флота на Балтике Выборгу и Кронштадту опасность не угрожала. Старинные крепости Смоленск и Псков были исключены из состава боевых крепостей еще в 1785 г. и являлись только базами снабжения армии.

Разразившаяся война проверила русскую оборону. Крепости сыграли внешне незаметную, но огромную роль. Большое численное превосходство противника заставило русское командование без боя оставить и заблаговременно эвакуировать Борисовские укрепления, Дрисский укрепленный лагерь и недостроенную Динабургскую крепость.

Из полученных до войны разведывательных донесений Наполеон сделал ошибочный вывод, что Динабург сильная крепость. Это вынудило его заблаговременно готовить и направлять часть сил для блокады крепости. После занятия Динабурга, Наполеон отдал приказ оказавшийся не у дел “осадный парк в Магдебурге, который предназначался для осады Динабурга, вернуть в Данциг”³⁰. Осадный парк, двигавшийся к Риге, Наполеон также вернул в Пруссию. Но растянувшаяся на бескрайних просторах в походе на Москву Великая армия Наполеона на флангах смогла лишь блокировать Ригу и Бобруйск.

Из всех выбранных военными инженерами и офицерами квартирмейстерской части мест, предназначенных для укрепленных лагерей полевой армии, в начале войны был построен один — в Мозыре для 2-го резервного корпуса. Наполеон опасался флангового удара русских от Бобруйска и Мозыря по своим коммуникациям.

Киевская крепость находилась в ближайшем тылу 3-й армии и служила одной из основных баз снабжения всей действующей армии.

Благодаря продуманным действиям военного министра Барклая де Толли в деле создания инженерной обороны западной границы, его правильному планированию и воплощению в жизнь задуманного, за два года русская армия получила оборонительную линию Двина — Березина — Днепр, позволявшую войскам маневрировать или твердо оборонять какой-либо ее участок.

Военные инженеры во главе с управляющим инженерным департаментом генерал-лейтенантом Опперманом сумели за два года привести в боевую готовность старые крепости Ригу и Киев, а также построить новую — Бобруйск. И только нехватка времени не позволила достроить крепость Динабург и Борисовские укрепления. Ни одна из русских крепостей не являлась неприступной, но на огромном театре военных действий они располагались на стратегически важных направлениях и на флангах сыграли ключевую роль в обороне.

Примечания

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы военно-ученого архива. (Далее — ВУА). СПб., 1900. Т.1. Ч. 2. С.13.

² Полное собрание законов Российской империи. Т.XXIX. № 22071.

³ Материалы ВУА. Т.1. Ч. 1. С.39.

⁴ Там же. С.34—43.

⁵ Там же. Т.1. Ч. 2. С.271—272.

⁶ Там же. СПб., 1907. Т.7. С.187.

⁷ Там же. СПб., 1908. Т.9. С.11

⁸ Там же. СПб., 1900. Т.2. С.155—157.

⁹ Там же. СПб., 1902. Т.3. С.55—57.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив. (Далее РГВИА). Ф.826. Оп.4. Д.810. Л.61—62.

¹¹ РГВИА. Ф.287. Оп.1. Д.243. Л.57.

¹² Материалы ВУА. СПб., 1903. Т.4. С.95.

¹³ РГВИА. Ф.826. Оп.4. Д.810. Л.25.

¹⁴ Материалы ВУА. СПб., 1905. Т.6. С.286—287.

¹⁵ Там же. СПб., 1907. Т.7. С.87—89.

¹⁶ Там же. С.39—41, 341.

¹⁷ Там же. С.327.

¹⁸ Там же. СПб., 1903. Т.3. С.307.

¹⁹ *Wolzogen L.F.* Memoiren. Leipzig, 1851. S. 79, CX—CXXX.

²⁰ Материалы ВУА. СПб., 1908. Т.10. С.105—106.

²¹ Там же. С.70—77, 95—98, 101—103, 117—118, 126—128, 218, 275—276.

²² Там же. С.35—47.

²³ РГВИА. Ф.826. Оп.4. Д.828. Л.906—908.

²⁴ *Беннигсен Л.Л.* Записки о войне 1812 года. Киев, 1912. С.46.

²⁵ РГВИА. Ф.827. Оп.1. Д.263. Л.95

²⁶ Там же. Л.351.

²⁷ Материалы ВУА. Т.10. С.67, 84.

²⁸ РГВИА. Ф.827. Оп.1. Д.262. Л.16.

²⁹ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С.42—43.

³⁰ *Correspondence de Napoleon I.* Paris, 1868. Т.24. P.135.

Ю.Д. Пряхин

Греческий “Легион императора Николая I” и поселение его ветеранов в Приазовье

Несомненно, забытой многими страницей истории греческой диаспоры на Украине является боевая деятельность греческого “Легиона императора Николая I” и дальнейшая судьба греков-волонтеров, участников Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг., а также образованного в 1857 г. легионерами греческого поселения Ново-Николаевка (Волонтеровка), в 6 верстах от города Мариуполя. Страницей истории, весьма занимательной еще и тем, что это было последнее, с середины XIX в., прибытие в регион достаточно значительной группы греков, расселенных компактно на “Митрополичьих землях” и образовавших новое, весьма специфическое греческое поселение, первыми жителями которого были исключительно бывшие воины, волонтеры греческого легиона.

Боевые воинские формирования волонтеров в составе действующих на Дунае и в Крыму российских армий из числа “подданных греческого королевства, а также выходцев из турецких владений — лиц греческого и славянских происхождений”, появились практически с началом Крымской войны. В период вступления российских войск в Молдавию и Валахию, сражений на Кавказе и в Крыму воины указанных добровольческих формирований горели единым желанием бороться совместно с россиянами против общего врага с целью “... освобождения края своего от ига турок”¹.

В период высадки союзников в Евпатории в составе Крымской армии действовала особая воинская часть, состоящая из греков-волонтеров, — “Легион императора Николая I” в составе свыше 700 человек, командиром которого являлся князь Панайоти Мурузи².

В Измаиле дислоцировались три роты болгарских и сербских волонтеров числом до 500 бойцов³.

Греческий легион совместно с частями Крымской армии принимал самое непосредственное участие в боевых действиях и особенно отличился в ходе героической обороны Севастополя, продолжавшейся 349 дней, находясь в составе отважного гарнизона с 1 марта по 27 августа 1855 года⁴.

К сожалению, немалые боевые заслуги данного воинского формирования, в свое время признанные современниками, ныне во многом забыты, не получили должного освещения в научной литературе. Славные дела, подвиги многих греков-волонтеров по сути преданы забвению.

· Одним из первых крупных ратных дел, в котором греческие волонтеры получили серьезное боевое крещение, показали свои высокие воинские качества, стала массированная атака, штурм позиций неприятеля у Евпатории 5 (17) февраля 1855 г. в составе группы российских войск.

Получив приказ главнокомандующего войсками в Крыму князя Меншикова взять штурмом Евпаторию, генерал-лейтенант С.А.Хрулев возглавил специально созданный для этого отряд в составе 22 батальонов, 24 эскадронов и 5 казачьих сотен общим числом около 19 тысяч человек со 108 орудиями. В данную группировку войск был включен и греческий “Легион императора Николая I” в составе 634 человек, который на основании диспозиции о штурме Евпатории входил в состав средней колонны, атакующей укрепления города⁵.

Рано утром 5 (17) февраля под прикрытием массированного артиллерийского огня, взаимодействуя с другими колоннами, средняя скрытно подошла со стороны Сакского озера на сто шагов к укреплению врага и завязала перестрелку. В ходе данной атаки впереди действовал греческий легион и 4 сотни спешенных казаков Донских полков, за ними в резерве следовал батальон спешенных драгун. Позднее, около 10-ти часов утра, поддерживаемые шквальным огнем российской артиллерии, на штурм устремились 3-й и 4-й батальоны Азовского пехотного полка под командованием генерал-майора Огарева 3-го, поддерживая их, левее пошел в атаку греческий легион.

Встреченные сильнейшим ружейным огнем и картечью с городских укреплений и кораблей противника, российские войска, неся значительные потери, героически преодолевая упорное сопротивление врага, подошли к глубокому крепостному рву, наполненному водой, но не смогли его с ходу форсировать, к тому же оказалось, что штурмовые лестницы коротки и это не давало возможности выйти на укрепления, взять их. Атака захлебывалась.

Оценив сложившуюся обстановку и убедившись, что дальнейший штурм бесперспективен, повлечет за собой лишь огромные людские потери, генерал Хрулев приказал отвести атакующих на исходные позиции, в укрытия, а 8 февраля отошел с войсками от города, отказавшись от последующих атак. В ходе данного сражения у стен Евпатории российские войска потеряли убитыми 168 человек, а с ранеными, контуженными, пропавшими без вести общий урон достиг 768 человек. Понес потери и греческий легион, в том числе и в офицерском составе. Так, среди смертельно раненных был командир одной из греческих рот капитан Стамати. Николай I “...был крайне огорчен неудачною попыткою...” взять Евпаторию и “...значительную потерю, вновь понесенную нашими храбрыми войсками без всякого результата”⁶.

Вся последующая боевая деятельность греческого легиона тесно связана с героической обороной Севастополя, в составе гарнизона которого он находился полгода, до оставления города. На греческих волонтеров полностью распространялось Высочайшее повеление о льготах, о том, чтобы каждый месяц пребывания в составе Севастопольского гарнизона в период осады города неприятелем зачислять “...за год службы по всем правилам и преимуществам...”, “в признательности за их (защитников города. — Ю.П.) беспримерное мужество, усердие и труды”⁷.

Действительно, греческие волонтеры, стойко державшие оборону на Инкерманских и Мекензиевых высотах, у села Чоргуна, постоянно участвовали в вылазках, в основных сражениях в период осады города.

Так, например, 10 (22) марта 1855 г. греческие легионеры в составе отряда капитана 2 ранга Будищева, состоящего из 4 рот греческих волонтеров, 150 охотников флотских экипажей и 200 охотников Минского полка, взаимодействуя с отрядом лейтенанта Бирилева, совершили дерзкую вылазку против англичан. Отряд Будищева, вышедший из укреплений 3-го бастиона, был разделен на три группы. Главной из них, в составе 4 греческих рот под командованием князя Мурузи и 30 матросов мичмана Макшеева, поручалось действовать против укреплений майора Гордона. Группе греческих волонтеров удалось застать англичан врасплох, стремительной атакой овладеть вражеской батареей, перебить прислугу, заклепать несколько орудий, при этом были убиты английские офицеры: капитаны Браун и Викар, а майор Гордон был ранен. Затем, уничтожив и серьезно повредив большую часть вражеских укреплений и траншей, отряды Будищева и Бирилева вернулись на исходные позиции, на свои оборонительные линии.

Несмотря на значительный боевой успех, разгром укреплений противника, огорчало то, что отряды Будищева и Бирилева, действовавшие на одном направлении, понесли немалые потери: было убито 2 офицера и 10 нижних чинов, ранено 4 офицера и 60 рядовых. У англичан в результате данного боя выбыло из строя до 100 человек убитыми и ранеными, взяты в плен 2 офицера и 12 рядовых. Указанная боевая вылазка показала высокую выучку, смелость и решительность греческих волонтеров, понесших в этом бою потери убитыми и ранеными⁸.

Активное участие греческий легион принял и в сражении российских войск с союзниками на реке Черной 4 (16) августа 1855 г. Здесь греческие волонтеры ожесточенно дрались в войсках левого фланга под общим командованием генерал-лейтенанта П.П.Липранди, находясь в левой колонне его войск, возглавляемой генерал-лейтенантом Бельгардом, имевшей в своем составе 13 батальонов, 2 сотни казаков и 42 орудия. Под руководством данного военачальника греческий легион численностью в 500 человек⁹ отважно действовал на протяжении всей операции, хорошо зарекомендовав себя.

До начала кровопролитного сражения в половине третьего утра 4 (16) августа колонна войск генерала Бельгарда из селения Мокрая Луговина выступила к Чоргуну. «Греческий легион спустился в Карловское ущелье и занял деревню Карловку...», участвовал во взятии Телеграфной горы. Однако общий ход событий складывался неудачно для россиян. Находясь на высотах, союзники уничтожающим артиллерийским и ружейным огнем встретили, а затем остановили на всех направлениях наступающие российские войска, нанесли им значительные потери, обескровив, заставили отойти на правый берег реки Черной и закрепиться там на расстоянии пушечного выстрела от берега. Союзники не преследовали отходящих, оставались на своих укрепленных высотах, по левую сторону реки Черной.

В ходе завершения сражения отряд генерала Бельгарда отступил к Юкары-Каралезскому ущелью, потеряв 14 человек убитыми. Среди отличившихся воинов можно назвать многих греков-волонтеров, например, командира 4-й роты Антона Гини, майора Аристиды Хрисовери и др.

Оценивая итоги проигранной боевой операции, император Александр II писал главнокомандующему князю М.Д.Горчакову: «...Огромная потеря наших славных войск, без всякого результата, Меня крайне огорчает... Славные войска наши исполнили свой долг свято. Прошу объявить им, от генерала до солдата, Мою искреннюю и душевную благодарность»¹⁰. Все это полностью относилось к греческим волонтерам — активным участникам этого тяжелого, но бесславного сражения.

После оставления Севастополя и перехода войск на Северную сторону 27 августа (8 сентября) 1855 г. и организации там дальнейшей обороны, в левом крыле российских войск, под начальством генерала от артиллерии Сухозанета, на позиции в ущелье Юкара-Каралес, среди других российских войск, разместился в боевых порядках и греческий легион императора Николая I. Позднее, в конце 1855 г., уже после перегруппировки сил, оставшиеся в Крыму войска занимали оборонительные укрепления на Северной стороне Севастополя, на Мекензиевых горах, в Инкермане. На промежуточной позиции между Мекензи и Инкерманом несли боевую службу до окончания войны греческие волонтеры.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всей войны греческий легион постоянно показывал себя подготовленной, боеспособной, весьма надежной в боевом отношении воинской частью, умело взаимодействующей с российскими войсками. Греки-волонтеры в боях отличались выносливостью, хорошей выучкой, мужеством и отвагой, дерзостью в атаках, стойкостью в обороне. К ним в полной мере относятся слова приказа Александра II от 30 августа 1855 г., в адрес воюющих российских армий: «...сии испытанные герои, служа предметом общего уважения своих товарищей, явят без сомнения новые примеры тех же воинских доблестей...»¹¹.

Высокую оценку своим подчиненным, героическим защитникам Севастополя дал и новый главнокомандующий Южной армией и войсками Крыма генерал-адъютант А.Н.Лидерс: «Храбрые воины сухопутных и морских сил, — говорится в приказе от 27 августа 1856 г., —

Именем Государя Императора благодарю Вас за Ваше беспримерное мужество, за Вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя”¹².

Воины российской армии, погибшие в ходе обороны Севастополя, с почестями хоронились на Северной стороне города, на братском кладбище, образованном в 1854 г. по указанию вице-адмирала В.А.Корнилова. Здесь впоследствии до 1912 г. хоронили умерших участников обороны города.

Братское кладбище Севастополя служит могилой 127 587 павших воинов, среди них есть и греки, из общего числа до 500 чел., погибших во время боевых действий в Крыму¹³.

Церковь Николая Морского на Братском кладбище, построенная в 1857—1859 гг. архитектором А.Авдеевым, является и поныне своеобразным надгробным памятником всем славным защитникам Севастополя.

Здесь, видимо, уместно вспомнить, что несколько позднее, в 1864 г., некоторые греки, проживавшие в России, высказали благородное желание соорудить на братском кладбище за счет добровольных пожертвований памятник погибшим грекам, “...в знак памяти павших во время Крымской кампании греческих воинов в Севастополе и в Крыму”.

27 августа 1865 г. было получено Высочайшее разрешение на “организацию негласной подписки добровольных пожертвований” и сооружения на эти средства памятника погибшим грекам по представленному проекту¹⁴.

Однако из-за явной недостаточности собранных по подписке денежных средств и некоторых других обстоятельств эта благороднейшая идея, к сожалению, так и не была реализована. Памятник погибшим грекам-волонтерам на Братском кладбище Севастополя не удалось соорудить до сего времени.

По высочайшему повелению от 11 октября 1868 г. был прекращен сбор добровольных пожертвований на сооружение вышеозначенного памятника, а собранные уже средства — 31 руб. 82 коп. (!!!) — было предложено раздать “...нуждающимся в помощи грекам, из числа проживающих в России...”¹⁵. Данный проект ждет своего осуществления и сегодня. Память о погибших свята.

Греческие волонтеры, как и все героические защитники Севастополя, “в память знаменитой и славной обороны” были награждены серебряной медалью на георгиевской ленте для ношения в петлице¹⁶.

После занятия союзниками Севастополя в Крыму наступило затишье, изредка прерываемое боевыми действиями тактического характера, стычками на аванпостах. Полностью подтвердился вывод российского военного командования, сделанный в октябре 1855 г., что после занятия Севастополя неприятель “...не в состоянии предпринять какие-либо решительные действия до весны” 1856 г. В указанный период активизировался переговорный процесс, было очевидно, что война идет к своему завершению.

В данных условиях во всей остроте встал вопрос о дальнейшей судьбе волонтеров, в том числе греческих легионеров, в среде которых стали нарастать демобилизационные настроения.

Уже к концу 1855 г. в связи с практическим прекращением боевых действий, ряд волонтеров заявили, что они не хотят далее “...оставаться на службе” и просят их уволить из легиона. Таким образом в начале 1856 г. покинуло легион около 120 человек, все они были отправлены в Кишинев¹⁷.

Следует заметить, что к этому времени на протяжении 1855 года уже были уволены со службы “...за нежелание продолжать ее” и отправлены в Николаев, Одессу, Измаил, Кишинев, Херсон, Бердянск до 100 чел. греческих волонтеров, в основном из числа выздоровевших больных и раненных, находившихся на излечении в госпиталях Симферополя. Следует заметить, что часть их, получив документы, разошлись, не желая отправки, осели, видимо, в Крыму и не были затем разысканы¹⁸.

Под влиянием уже названных и других причин, в основном личного характера, процесс

увольнения из греческого легиона постепенно нарастал, ускорялся. Как видно из доклада Главнокомандующего Южной армией и войсками Крыма генерала А.Н.Лидерса. Военному министру от 21 марта 1856 г.: “Из числа служивших в Крымской армии греков, до 640 человек, не пожелавших далее служить, уволены из легиона и отправлены по распоряжению генерал-лейтенанта князя Горчакова, под присмотром, на временное жительство в Бессарабию, с производством содержания в течение 3-х месяцев... В Крыму, — сообщает далее Лидерс, — в легионе осталось еще на службе обер-офицеров 5 и нижних чинов 67, кои по заключению ныне мира должны быть распущены”¹⁹.

Прибывшие в Бессарабию бывшие греческие волонтеры по разным обстоятельствам начали произвольно рассеиваться на юге Российской империи, что стало вызывать серьезное беспокойство местных властей. Требовалось немедленно решить дальнейшую судьбу этих заслуженных воинов, не находящихся ныне себе достойного применения.

В многочисленных документах того периода, направленных местными властями, командованием Российских войск на Высочайшее имя постоянно звучала серьезная озабоченность дальнейшей судьбой волонтеров, подчеркивалась настоятельная необходимость быстрейшего и разумного решения возникшей проблемы, указывалось, что распускаемые ныне волонтеры “...скитаются на Юге России без всяких занятий, без определенных средств к пропитанию...”, высказывались и серьезные опасения, что “...эти толпы людей бескровных, непривыкших к труду и умеющих только владеть оружием, составят не только бремя, но и опасную язву для Юга России”²⁰.

Опасения эти хорошо просматриваются, например, в письме Военного министра в адрес министра Государственных имуществ от 5 марта 1856 г. за № 382, в котором предлагался для согласования один из вариантов решения вопроса с целью последующего доклада императору, а именно: “...принять благонамеренные меры, к предохранению Юга России от накопления сего рода людей, сформированием из них батальонов по образцу существующего уже Балаклавского греческого батальона, или уже доставлением им оседлости, или правильных средств к существованию”²¹.

В результате тщательного и всестороннего обсуждения проблемы бывших волонтеров на уровне Кабинета министров было разработано наконец приемлемое для всех решение, высочайше затем утвержденное.

Волонтерам предлагалось самостоятельно сделать окончательный выбор: возвратиться в свое отечество или остаться в России, стать российско-подданным.

Пожелавшим вернуться на Родину представлялись средства для прибытия к границе и довольствия в пути. При переходе границы, посадке на корабли бывшим волонтерам выдавалось “...единовременное вспомоществование”, в “вознаграждение за службу и преданность России” в размере годового жалования, которое они получали на службе в войсках²².

Тем бывшим волонтерам, которые пожелали остаться в России и принять присягу на российское подданство, предоставлялась возможность “...избрать род жизни, со льготой от платежа податей на 3 года и с правом приписки к городам и селениям”. Грекам — “...к обществам греческих поселений около Мариуполя”²³.

Наряду с этим командованию предлагалось довести и детально разъяснить бывшим волонтерам статью V Парижского мирного договора 18 (30) марта 1856 г., которая “...дарует полное прощение” турецко-подданным, воевавшим на стороне России, защищает их от преследований турецких властей.

В июне 1856 г. греческий легион императора Николая I, полностью выполнивший возлагавшиеся на него в годы войны задачи, расформируется, а его командиру полковнику Папаафанасопуло пришлось возглавить работу по ликвидации части, по реализации выбора оставшихся еще в легионе подчиненных. Отправить пожелавших на Родину, организовать прием Присяги на подданство России и направить остающихся в места сбора и затем в регионы,

предназначенные для их местожительства.

Остающиеся в России получали единовременное вспомоществование в размере полугодового оклада и “кормовые деньги” до прибытия в отведенные места для поселения, где их ждали новые льготы и необходимые средства для первоначального обустройства.

К началу декабря 1856 г. в ведение Таганрогского градоначальника прибыли первые греческие волонтеры, 62 человека, вскоре из Одессы и Бессарабии приехало еще 139 бывших воинов греческого легиона для поселения их в Мариупольском округе²⁴, в уже существующих греческих селениях.

Однако прибывшие волонтеры, ознакомившись на месте с обстановкой, наотрез отказались жить в греческих населенных пунктах и высказали твердое желание “...быть поселенными на одной местности, своим обществом...”, ссылаясь при этом на серьезные различия с местным греческим населением “...в нравах, обычаях и даже самом языке...”²⁵.

Учитывая, что вблизи Мариуполя к этому времени свободных казенных земель практически не осталось, возникшую весьма непростую проблему пришлось спешно решать правительству. По представлению двух министров: Военного и Государственных имуществ, поддержанных Кабинетом министров, нашедших требования бывших волонтеров обоснованными, были направлены проекты решения непосредственно Александру II. Испрашивалось Высочайшее соизволение “...об отводе под поселение волонтеров” земельного участка вблизи Мариуполя, называемого Митрополитским, размером свыше 2 264 десятин удобной и около 100 десятин неудобной земли. Указанная земля, находившаяся первоначально в пользовании греческого митрополита Игнатия, понравившаяся бывшим легионерам, к этому времени, по контракту на 12 лет, начиная с 1857 г., была уже передана местному дворянину М.Заводскому (из платежа государству 951 рубль 30 копеек серебром в год)²⁶.

Данный контракт по просьбе властей вскоре был законным порядком расторгнут судом, основываясь на пункте № 4, заключенного договора (контракта). Землевладельцу была выплачена неустойка, изъята земля, что затем и дало основание принять окончательное решение в пользу греков.

22 мая 1857 г. последовало Высочайшее соизволение “...на отвод под поселение волонтеров упомянутого поземельного участка”. Повелевалось “...водворить на оной всех находившихся там 201 греческих волонтеров”, “...назначить тем волонтерам денежные ссуды, ...по 45 рублей серебром”, с тем чтобы “...столь значительное вспомоществование послужило к действительному устройству сих людей, прочным хозяйственным образом, в местах нового водворения”²⁷. Указанная ссуда давалась с возвратом на 5 лет без процентов. Наряду с этим волонтерам — нижним чинам для первоначального обзаведения безвозвратно было выдано единовременное пособие в размере по 55 руб. серебром, офицерам по 100 руб.

Вновь созданное поселение греков-волонтеров на бывшем митрополитском участке земли удобно размещалось в 6-ти верстах от Мариуполя “...между выгонною городскою землею и греческими поселениями: Сартаною и Старый Крым”, получило название Ново-Николаевка, но в народе, среди местного населения его чаще называли Волонтеровкой. Неофициальное название прижилось, сохранилось и по сей день, более того — оно приводится нередко и в документах²⁸.

Таким образом, греки-волонтеры достаточно быстро получили все обещанное им от правительства “...на первое обзаведение”. Им была оказана необходимая помощь со стороны местного греческого населения в строительстве домов, в создании продуктивного хозяйства на полученных земельных участках, в налаживании повседневной жизни быта в новом населенном пункте.

Несмотря на все это, общее обустройство бывших воинов шло тяжело, медленно, со многими трудностями, издержками, ибо “...непривычные к земледельческому труду и местным условиям” некоторые волонтеры уходили в Мариуполь и “...пускались на мелкие промыслы”,

не занимались всерьез землей, своим хозяйством, нередко отдавая их в поднаем. Значительным среди них был процент одиноких и бессемейных. Достаточно сложно, особенно первые годы, складывались отношения у волонтеров с местными греками, с трудом налаживались взаимопонимание, добрые отношения. Местное население "...узнав поближе своих соседей, не изъявляли вначале никакого желания родниться с ними"²⁹, и это было непростой проблемой, которая постепенно все же решалась.

Как бы там ни было, но жизнь брала свое, все, хотя и медленно, с трудом, но постепенно налаживалась. Уже через 12—15 лет Ново-Николаевка (Волонтеровка) достаточно обустроенное, зажиточное, крупное греческое поселение с общинным земледелием, с народной земской школой, в которой, например, в 1884 г. обучалось 37 учеников и учениц³⁰.

Через 30 лет после основания поселения, как это видно из результатов переписи 1885—1886 годов в Ново-Николаевке с населением в 306 душ числилось 67 домохозяйств. Среди жителей села 138 человек были дети и юноши в возрасте до 18 лет, что составляло 45% населения. Первопоселенцев, людей старше 55 лет, оставалось всего 46 человек (13% от общего числа жителей населенного пункта)³¹.

На каждый наделный двор приходилось в среднем 37,3 десятины земли, а на каждую ревизионную душу 17. Занимаясь земледелием, жители Ново-Николаевки сеяли: пшеницу, рожь, ячмень, просо, овес, гречиху, кукурузу, лен, коноплю; выращивали различные овощи, картофель, арбузы, отводя на все это около 540 десятин пахотной земли.

Занимались греческие семьи и скотоводством, содержали в своих хозяйствах волов, лошадей, коров, овец, свиней. Так, на период переписи в селении имелось: 137 голов крупного рогатого скота и 527 голов мелкого домашнего скота, среди них 200 овец.

25 семей Волонтеровки обладали современными, по тому времени, сельскохозяйственными орудиями, позволявшими своевременно и качественно обрабатывать всю имеющую в посевном обороте землю.

Жилищная проблема в селении была решена полностью. За 30 лет здесь было построено 77 добротных жилых домов, имелось также 7 амбаров, 55 сараев, конюшен и других хозяйственных построек. Все жилые дома строились на многие годы, из "земляного кирпича", 44 из них были покрыты черепицей, остальные соломой.

К этому времени в составе жителей греческого поселка появились первые представители других национальностей. Это были в основном украинцы и русские, обустроившиеся и мирно проживавшие по соседству, рядом с греками, нередко роднившиеся с ними. По состоянию на 1886 г. число негреческих семей в Ново-Николаевке достигло 16 и насчитывало 72 души: 45 мужского пола, 27 женского, — что составляло 23% жителей села.

На время переписи в селении функционировали: школа, греческая церковь, 2 лавки, трактир. Следует подчеркнуть, что среди населения Ново-Николаевки процент грамотных был сравнительно высок. В 49 семьях имелись умеющие читать и писать люди. Среди мужчин грамотных было 85 человек, среди женщин 20, всего 105 человек. Таким образом, грамотные составляли 34% всего населения³².

Даже беглый этнографический обзор позволяет вполне обоснованно заключить:

- за 30 лет своего существования поселение воинов-легионеров превратилось в достаточно благоустроенное, зажиточное греческое село, в котором наряду с греками постоянно проживали семьи людей других национальностей;
- основным занятием жителей являлось сельскохозяйственное производство: земледелие, животноводство, садоводство;
- бывшие греческие волонтеры и их потомки постепенно превращались в типичных приазовских поселян, по сути, мало отличавшихся от остального греческого населения региона;
- греки Ново-Николаевки за прошедшие годы не утратили своей ярко выраженной национальной самобытности, сохранили обычаи, нравы, традиции, свои праздники, различные

праздничные ритуалы, национальную одежду, язык своего древнего народа;

— с каждым годом Волонтеровка постепенно и неуклонно превращалась в многонациональное по своему составу поселение, и эти изменения становились все более необратимыми.

Представляют несомненный интерес этнодемографические процессы: динамика роста, расширения поселения, увеличения числа хозяйств, количества жителей и другие изменения, происходившие в поселении греков-волонтеров, что можно увидеть, проанализировав следующую таблицу³³:

Общее число:	1856–1857 гг.	1887 г.	1913 г.	1923 г.	1927 г.
жителей села	201	306	803	1161	1424
мужчин	201	161	435	554	678
женщин	—	145	368	607	746
хозяйств	—	67	190	226	303

Исходя из итогов сплошной подворной переписи, проведенной в Донецкой губернии в январе-феврале 1923 г., можно заключить, что жители села Ново-Николаевка Новосельского района из поколения в поколение бережно сохраняли свои земли, находящиеся в землепользовании³⁴:

Отведенные земли (в десят.)	1857 г.	1887 г.	1913 г.	1923 г.
удобные земли	2265	2288	2288	2033
неудобные земли	100	62	208	—
Всего	2365	2350	2496	

Несомненно, бурными, неоднозначными, судьбоносными для жителей Ново-Николаевки, как и всей Российской империи, были последующие 30 лет: вступление в XX век, бурное развитие капитализма, войны и революции, поворот к построению социализма, связанные с этим социальные потрясения.

О том, что из себя в экономико-демографическом отношении представляла Ново-Николаевка, с середины 20-х годов Красно-Волонтеровка, примерно через 70 лет после своего основания, в период НЭПа, можно судить на основе итогов сельскохозяйственной переписи Донбасса в январе—феврале 1923 года, статистических данных 1927—1928 гг.

Так, в 1923 г. на 226 хозяйств в селении с общим числом жителей в 1161 чел. приходилось свыше 60 лошадей, около 200 голов крупного рогатого скота, среди которых были: 26 рабочих волов, 149 тельных коров и др. Вместе с тем, в хозяйствах поселян имелись около 315 голов различного домашнего скота: овцы, свиньи, козы; свыше 430 различных домашних птиц: гусей, кур и другой живности. Для обработки 1258 десятин пашни и 632 десятин покосов, находившихся в севообороте, в селе имелась необходимая сельскохозяйственная техника и инвентарь, а именно: плугов — 74, борон — 64, сеялок рядовых — 8, жнеек — 38, молотилок — 33,

зерноочистителей — 44; а также достаточное количество транспортных средств: телег парных — 59, одноконных — 65, саней — 25.

Наряду с земледелием и скотоводством 76 семей занимались различными промыслами. В их составе были кузнецы, токари, столяры, сапожники, представители других специальностей. Садами было занято 37 десятин земли. Три семьи весьма активно занимались пчеловодством и имели 25 ульев, торговали медом.

В Волонтеровке функционировали неполная средняя школа, библиотека-читальня, рабочий клуб. 62% населения были грамотными, среди них 368 мужчин и 355 женщин. Дети до 18 лет составляли 548 чел., т.е. около 50% населения, что в целом обеспечивало благоприятную демографическую обстановку в будущем, постоянный рост населения села³⁵.

Следует особо отметить те весьма серьезные изменения, которые произошли к переписи 1923 г., в национальном составе жителей Ново-Николаевки. Она из чисто греческого поселения превратилась в многонациональное, в котором мирно проживали, трудились греки, украинцы, русские и представители других национальностей, нередко создавая смешанные по своему национальному составу семьи.

Если при переписи 1887 г. греки составляли в Ново-Николаевке около 76% населения, то в 1923 г. они представляли собой лишь 23,3%. Среди жителей села украинцев было — 66%, русских — 10%, представителей других национальностей — 0,7%. Таким образом, греки по своей численности стали второй национальной группой в интернациональном селе. Из 1 161 жителей Волонтеровки греками являлись всего 271 человек³⁶.

Поэтому в статистических документах 1927—1928 гг. и позже Красно-Волонтеровка отмечается как смешанное по своему национальному составу поселение.

Следует заметить, что к 1923 г. произошли определенные изменения в укладе жизни села, в способах производства. Здесь был создан колхоз “Универсаль” с 78 десятинами земли, имевший мельницу, кузницу в составе своего хозяйства, а также совхоз “Сад”, садоводческого и овощеводческого профиля. Со временем данные хозяйства увеличивались по своему составу, объемам производства³⁷.

Летом 1928 г. в соответствии с Постановлением Президиума ВУЦИКа “О создании греческих национальных регионов” образуются Мангушский и Сартанский греческие национальные районы.

Так, Сартанский греческий национальный район включал в себя 7 сельсоветов (4 греческих, один смешанный, два — украинских), в который административно входила Красно-Волонтеровка как сельский населенный пункт смешанного национального состава³⁸.

Политика сплошной коллективизации, ликвидация кулачества как класса в греческих селах имела форму национальной трагедии, ибо это означало экономическое разорение и выселение от 10 до 20% населения, так как греческое середнячество по среднеукраинским меркам могло свободно причисляться к кулачеству, что нередко и имело место. Не удивительно, что социальная политика властей воспринималась населением национальных греческих поселений как “антигреческая”, что вызывало возмущение, нередко сопротивление, а это предопределяло, в свою очередь, еще более тяжелые последствия для греков³⁹.

2 июля 1932 г. ЦИК Украины принял решение об образовании Донецкой области. Данным постановлением Мангушский и Сартанский греческие национальные районы были сформированы и присоединены к Мариупольскому городскому совету⁴⁰. Таким образом, Красно-Волонтеровка по сути превратилась в окраинный район города, оставаясь по-прежнему сельским населенным пунктом.

Следует подчеркнуть, что реорганизация Мангушского и Сартанского греческих национальных районов и присоединение их к Мариупольскому горсовету явилось первым шагом к полной ликвидации в Приазовье греческих национальных автономий. Со временем Волонтеровка все больше теряла свои земли, свой сельскохозяйственный уклад жизни, деревенский

облик и на самом деле постепенно превратилась в окраинный городской район крупнейшего индустриального центра в Приазовье — города Жданова (Мариуполя).

Ныне бывшая Волонтеровка, практически утратив свой сельский облик, является одной из частей современного городского района Мариуполя, имеет население свыше 7 тысяч человек, из которого лишь до 10% считают себя греками, потомками первопоселенцев. Об этом ярко свидетельствуют и их сохранившиеся фамилии: Будкос, Колотрони, Корсиатис, Критикос, Клитотехнис, Родити, Маргарити, Нанос, Останиди, Псарос, Париоти, Стефанис, Скоромихали, Тумари, Фасудати и др. Немногие жители Ильичовского района знают, что они проживают на территории бывшего национального греческого поселения, созданного воинами-волонтерами греческого “Легиона Императора Николая I”, активными участниками Крымской (Восточной) войны, героями легендарной обороны Севастополя, нашедшими здесь свое пристанище и вечный покой, внесшими свой достойный вклад в развитие данного региона, греческой диаспоры Приазовья.

Примечания

- ¹ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.1, 2.
- ² Там же. Л.12, 13; ИТУАК. Симф., 1905. № 37. С.229.
- ³ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.13, 14.
- ⁴ *Зайончковский*. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. СПб., 1904. С.77.
- ⁵ *Богданович М.И.* Восточная война 1853-1856 гг. СПб., 1876. Т.3. Приложение к т.3. С.24.
- ⁶ Там же. С.223, 224.
- ⁷ Там же. Т.3. С.224; Царский памятник Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С.56.
- ⁸ *Богданович М.И.* Восточная война 1853-1856 гг. СПб., 1876. Т.3. С.263.
- ⁹ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.12, 13.
- ¹⁰ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т.4. С.52, 176, 204.
- ¹¹ РГИА. Ф.1284. Оп.55. Д.42. Л.2.
- ¹² Там же. Л.16, 17.
- ¹³ Там же. Л.25, 35.
- ¹⁴ Царский памятник Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С.61.
- ¹⁵ Там же. С.60.
- ¹⁶ Там же. С.61.
- ¹⁷ ИТУАК. Симф., 1905. № 37. С.229—231.
- ¹⁸ ИТУАК. Симф., 1905. № 37. С.229.
- ¹⁹ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.12, 13.
- ²⁰ Там же. Л.1, 2.
- ²¹ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.1.
- ²² РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2623. Л.40; Ф.571. Оп.4. Д.2080. Л.1; РГА ВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.5857. Л.13.
- ²³ РГИА. Ф.571. Оп.4. Д.2080. Л.1; Ф.1263. Оп.1. Д.2623. Л.40; Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.20, 21.
- ²⁴ РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2623. Л.40, 41; Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.39, 40.
- ²⁵ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.34, 35; Ф.1263. Оп.1. Д.2623. Л.42.
- ²⁶ Там же. Д.25073. Л.66, 45; *Александрович И.Э.* Краткий обзор Мариупольского уезда. Мариуполь, 1884. С.65, 66.
- ²⁷ РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2623. Л.47, 48.
- ²⁸ РГИА. Ф.571. Оп.4. Д.2080. Л.4, 6—9; Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.75—78; Ф.1263. Оп.1. Д.2623. Л.42, 43.
- ²⁹ РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25073. Л.29; *Александрович И.Э.* Указ. соч. С.65, 66.
- ³⁰ Там же. С.67.
- ³¹ Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1887. С.260.
- ³² Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губернии. Вып.2. Мариуполь, 1887. С.260—275.
- ³³ Составлена автором на основе следующих статист. данных, публикаций: Статистико-эконом. таблицы по Екатеринославской губернии. Вып.2. Екатеринослав, 1887. С.260; Вся Екатеринославская губерния. Екатеринослав, 1913. С.220; Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губ. (январь-февраль 1923 г.). Т.5. Итоги сельскохозяйственной переписи Донбасса. Харьков, 1923. С.262.
- ³⁴ Там же. Статистический бюллетень Мариупольщины. Мариуполь, 1927. № 7-8. С.31.
- ³⁵ Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губ. (январь-февраль 1923 г.). Т.5. Итоги сельскохозяйственной переписи Донбасса. Харьков, 1923. С.262—268; Список населенных пунктов Донбасса. Т.6. Киев, 1924. С.80—81; Т.4. 1923. С.130, 131, 359.
- ³⁶ Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губ. (январь-февраль 1923 г.). Т.4. Итоги демографической переписи Донбасса, 1923. С.131, 359.
- ³⁷ Там же. Т.4. Список населенных пунктов Донбасса. Киев, 1924. С.92-94.
- ³⁸ *Яли С.* Греки в УССР. Харьков, 1931. С.208; ЦГА ВО Украины. Ф.413. Оп.1. Д.30. Л.10; Д.420. Л.45, 72, 79.
- ³⁹ Греки в Украине: история и современность. Материалы научно-практической конференции; Наседкина Л.Д. Греческие национальные сельсоветы во взаимодействии национальной и социальной политики. Донецк, 1991. С.125.
- ⁴⁰ *Наседкина Л.Д.* Греческие национальные сельсоветы и районы в Украине // Украинский исторический журнал. 1992. № 6. С.64—72.

В.В.Морозан

Сберегательное дело в России во второй половине XIX в.

В конце 1850-х годов Россия переживала острейший экономический и социальный кризис, который охватил все сферы жизни страны. В частности, тяжелое положение сложилось в кредитной сфере. Круг действовавших банковских учреждений империи сузился до минимума. Ситуация еще более осложнилась после принятия законов 1 сентября и 26 декабря 1859 г., в соответствии с которыми прекращался прием вкладов сохранными казнами и приказами общественного призрения. По этой причине в начале шестидесятых годов единственными кредитными учреждениями, куда частное лицо могло внести свои сбережения, оставались Коммерческий банк (преобразованный в 1860 г. в Государственный банк) и сберегательные кассы.

Как ни странно, уничтожение крепостного права еще более обострило и без того нелегкое положение в области кредита. Именно после крестьянской реформы стала очевидной потребность в демократизации кредита и расширении сети банковских заведений как за счет существовавших учреждений, так и за счет создания новых, в основном частных кредитных институтов. Следовательно, экономический кризис конца 1850 — начала 1860-х годов, осложненный нарушением денежного обращения и развалом кредитной системы, вынудил правительство приступить к проведению ряда назревших реформ, среди которых была и перестройка банковского дела.

Слабая банковская система России порождала трудности различного рода. Так, отсутствие доступного кредита на большей части российской территории приводило к значительным трудностям в развитии отечественной промышленности и торговли, которые испытывали хроническую нехватку свободных капиталов. Другая трудность заключалась в том, что, располагаясь в нескольких городах империи, государственные кредитные учреждения резко ограничивали круг потенциальных потребителей, а это не всегда позволяло выгодно использовать их капиталы. Ситуацию в экономике осложняла и узкосоциальная направленность отечественного кредита, которая делала его малопродуктивным.

Примером неблагоприятного положения в кредитной системе России может служить деятельность Государственного банка. В 1862 г. банк принял на свои депозиты такое количество вкладов, что их сумма превышала его средства употребления. Обороты всех его коммерческих операций не превышали 100 млн руб. в год, то есть около 50 млн руб. в полугодие, так как средний срок ссудных операций составлял 6 месяцев. Между тем, в Государственный банк было внесено денег на сумму более 120 млн руб.¹. Некоторое время излишки новых вкладов служили банку средством удовлетворения

интересов прежних вкладчиков, однако потребности в этом постепенно уменьшались, что неизбежно должно было привести к существенным убыткам. Было очевидно, что проблема выгодного приложения фондов Государственного банка являлась частью как общего экономического кризиса в целом, так и банковского в частности. К началу проведения буржуазных реформ в России ее кредитная система оказалась совершенно неприспособленной к новым требованиям социальной и экономической жизни страны. Обладая слаборазвитой структурой, узкословным характером и рядом других недостатков, она не могла эффективно использовать свои фонды. Малочисленность кредитных учреждений, расположенных главным образом в губернских центрах, указывала на то, что правительство до 60-х годов недостаточно учитывало экономические потребности российских регионов. Помимо этого, некоторые из них дублировали кредитные операции друг друга, сужая и без того их ограниченные возможности. Слабо развитой была и система отраслевого деления банковских органов страны, которое носило, как указывалось выше, сословный характер, обслуживая, главным образом, землевладельцев и тонкий слой “торгового класса”. Кредит же носил в основном потребительский характер. В силу этого роль банковских структур в хозяйственной жизни империи была крайне ограниченной, а подавляющее большинство населения оставалось не вовлеченным в кредитные операции.

Между тем, имевшийся опыт организации банковского дела показывал, что существовавшие кредитные учреждения оставались вполне жизнеспособными. Так, учреждение сберегательных касс явилось одной из первых удачных попыток правительства создать целостную кредитную структуру, которая должна была охватить всю территорию России и привлечь к своим операциям значительную часть населения страны. Переняв у западноевропейских государств основные принципы деятельности сберегательных учреждений, основатели отечественных касс привнесли в сберегательное дело и некоторые новшества. Благодаря им российское правительство могло активно влиять на развитие сберегательного дела, придавая ему то или иное направление и динамику. В частности, институты народного сбережения России являлись частью ее общей государственной кредитной системы, что позволяло правительству распоряжаться фондами касс по своему усмотрению, а также развивать их сеть, исходя из потребностей государства и населения. Если в первые годы существования касс правительство преследовало в основном филантропические цели, то с 60-х годов благотворительные задачи сберегательных заведений отошли на задний план, уступив место меркантильным интересам Министерства финансов, которые стали играть доминирующую роль в судьбе народных сбережений. С раскрепощением экономических отношений деятельность сберегательных институтов обещала быть более успешной, а вклады в них могли достичь несопоставимо большего размера в сравнении с дореформенным периодом. Неизменной оставалась лишь государ-

*Министр финансов
М.Х.Рейтерн (1862—1878 гг.).*

ственная гарантия сохранности вкладов населения, которая также отличала отечественные кассы от большинства подобных зарубежных учреждений.

Сознавая, какими неисчерпаемыми возможностями обладали сберегательные кассы, министр финансов М.Х.Рейтерн выдвинул предложение о кардинальном преобразовании этих институтов. Министр предлагал значительно увеличить число сберегательных заведений, а также максимально приспособить их к сложившимся нуждам государства и населения после проведения аграрной реформы. По проекту М.Х.Рейтерна намечалось существенно расширить общие правила деятельности касс и сделать последние основными аккумуляторами крупных и мелких капиталов в империи. Впервые за два десятилетия существования органов народного сбережения Министерство финансов стало рассматривать кассы как перспективные народные депозитарии, способные субсидировать крупнейшие проекты в области народного хозяйства, да и самого государства в целом. Заинтересованность правительства в развитии сберегательного дела была выражена главой финансового ведомства в записке от 15 июня 1862 г.: «Нельзя не предполагать, однако же, что с уничтожением крепостной зависимости, с возвышением заработной платы и развитием промышленности вообще, значительно возрастут заработки народа, а с отменой попечительства над ними помещиков и разных других властей, почувствует он и необходимость пещись о самом себе, почему и можно ожидать, что потребность в сбережениях сделается более ощутительною, и увеличатся средства к удовлетворению оной»².

Оставаясь практически единственными вне столиц и тех городов, в которых располагались конторы Государственного банка, хранилищами частных вкладов населения, сберегательные кассы, по проекту М.Х.Рейтерна, должны были охватить все городское население и существенно расширить свою операционную деятельность с придачей им и кредитных функций. По мнению министра, кассы должны были получить «в России совершенно иное значение, чем в других странах: кассы сделаются не только хранилищами сбережений рабочего класса, но и банкирами всего населения, проживающего вне столицы и главных центров»³.

Стремясь реализовать свои масштабные планы, руководитель Министерства финансов предлагал открыть кассы при уездных казначействах и городских органах управления практически во всех городах России, придав им функции мелких банков. Учитывая успешный опыт европейских стран, особенно Германии, где заботы по учреждению и руководству сберегательными кассами взяли на себя разного рода городские общества и союзы, М.Х.Рейтерн надеялся открыть подобные заведения не только по ходатайству городских властей, но и по предложению различных обществ или уездных мировых съездов. Учреждаемые муниципальные сберегательные кассы должны были осуществлять свою деятельность под руководством особых советов с сохранением контроля и ответственности государства за сохранность народных сбережений⁴.

Принимая во внимание общую нехватку свободных капиталов, отсутствие широкого интереса к биржевым операциям, а также существенный недостаток банковских учреждений, которые могли бы служить посредниками при покупке и продаже ценных бумаг, министр предлагал использовать денежные ресурсы сберегательных касс на покупку государственных 5-процентных банковских билетов, с помощью которых впоследствии совершались и выкупные операции⁵. Таким образом, правительство могло получить надежный способ реализации этих ценных бумаг.

Принимая во внимание, что в будущем общая сумма капиталов, обращающихся в сберегательных кассах, должна была постепенно увеличиваться, правительство получало возможность пускать в продажу на рынке ценных бумаг только малую часть 5-процентных банковских билетов, основную же часть бумаг могли приобретать кассы.

Благодаря этим операциям правительство было в состоянии с помощью фондов сберегательных учреждений, без особого убытка для казны поддерживать относительно высокую цену на банковские билеты.

Однако Государственный совет отверг проект Министерства финансов о переустройстве сберегательных касс, внесенный 12 ноября 1861 г. Негативное отношение Совета было вызвано, главным образом, намерениями главы финансового ведомства изменить первоначальное назначение касс. О бескомпромиссной позиции Департамента государственной экономии в этом вопросе можно судить по записке его председателя П.Ф.Брока, написанной 30 января 1862 г. П.Ф.Брок находил невозможным изменение основных правил деятельности сберегательных касс, главное назначение которых, по мнению председателя, состояло в удовлетворении интересов малообеспеченных слоев общества.

Основная задача Департамента, по убеждению его руководителя, состояла в том, чтобы не допустить к сберегательным операциям состоятельную часть общества и всевозможных финансовых дельцов⁶. В противном случае эта категория вкладчиков могла превратиться в непроизводительный класс “рантье”. Вовлекая в сберегательные обороты состоятельных вкладчиков, государство, по мнению П.Ф.Брока, становилось пособником “богатых тунеядцев, оно подложило бы мягкую подушку их лени, приняв на себя роль ответственного перед ними банкира”⁷.

Возражая против расширения кредитных функций сберегательных учреждений, Департамент государственной экономии выступил также и против изъятия из хозяйственного оборота значительных денежных средств, содержащихся в фондах касс, и использования их для покупки государственных ценных бумаг.

Отвергая представленный проект нового устава, председатель Департамента использовал в своем заключении весьма сомнительные доводы о якобы филантропическом характере сберегательных касс, совершенно игнорируя экономические потребности общества. Его аргументы напоминали архаичные представления о благотворительном назначении касс, использованные в свое время их учредителями. По мнению П.Ф.Брока, деятельность этих заведений должна была быть направлена на “обеспечение таких вкладчиков, коих общественное положение столь непрочное, что без некоторого запаса денег, они, в критическую минуту, рисковали бы погибнуть со своими семействами”⁸. Чтобы сохранить подобное положение и впредь, руководитель Департамента государственной экономии предлагал оставить прежние ограничения по сберегательным операциям, т. е. сохранить прежний предел вносимой суммы за один раз, жестко ограничить общую сумму накоплений, а также установить отличный от других кредитных учреждений процент по вкладам.

Неконструктивная позиция Государственного совета, которая практически возвращала сберегательные кассы к прежнему уставу, не могла способствовать динамичному развитию этих институтов в России. Напротив, провал проекта Министерства финансов привел к длительному кризису сберегательного дела.

Министр финансов Н.Х.Бунзе (1881—1887 гг.).

Негативной оказалась позиция Государственного совета и при решении вопроса о методах приложения фондов сберегательных учреждений. Отвергая предложение М.Х.Рейтерна о широком использовании сбережений населения при покупке государственных ценных бумаг, Совет ограничился лишь пожеланиями использовать вклады населения с большой осторожностью, в частности, покупать исключительно надежные бумаги и при этом такие, чтобы в случае внезапного востребования большого числа вкладов, кассы имели возможность их реализации в короткие сроки. Однако осуществить это предложение было достаточно сложно, так как рынок ценных бумаг в России был еще слабо развит, и продажа сколько-нибудь крупного пакета ценных бумаг требовала длительного времени.

Встретив жесткое противодействие Государственного совета, министр финансов М.Х.Рейтерн был вынужден отозвать свой проект и отказаться от кардинальной реформы сберегательного дела. В основу нового Устава, представленного впоследствии, министр положил прежний, несколько переработанный Устав 1842 г. Именно этот вариант и был утвержден Государственным советом 16 октября 1862 г.

Таким образом, новый Устав, который стал действовать с 1 января 1863 г., принципиальных изменений в сберегательное дело в России не внес. Прежде всего, этот документ был направлен на устранение недочетов и упущений старого Устава, сохраняя в целом прежние основы работы сберегательных касс.

С введением новых правил деятельности касс, во-первых, изменялся порядок выдачи вкладов предъявителю сберегательной книжки. В соответствии со статьей 13 “деньги по книжке возвращаются из сберегательной кассы никому иному, как только самому владельцу оной, или, по смерти его, наследникам и не иначе, как при предъявлении книжки лично, или с письменным на то доверием, удостоверенным местной полицией, или мировым посредником, или волостным начальством, если вкладчики или наследники их принадлежат к крестьянскому сословию”⁹.

Во-вторых, ставя сберегательные операции в крайне узкие рамки, как и в прошлые годы, новый Устав все же повысил общую сумму вкладов до 1000 руб., а отдельные взносы ограничил суммами от 25 коп. до 25 руб. При этом вклады, превышающие предельный размер, считались оставленными в кассе на хранение без дальнейшего начисления процентов¹⁰.

Новый Устав содержал и ряд правил, отражавших изменившиеся условия экономической жизни. В частности, Устав позволял руководству городскими кассами использовать капиталы этих учреждений на покупку государственных ценных бумаг, а вкладчикам, взносы которых превышали 100 руб., просить администрацию касс приобрести на их имя 5-процентные банковские билеты¹¹. С принятием нового Устава законодательно решался и вопрос о ведомственном подчинении сберегательных заведений, которые в тот момент действовали в стране. Все кассы теперь переходили в ведение Государственного банка и находились под общим надзором Министерства финансов.

Пытаясь преодолеть слабости в развитии сберегательного дела в империи, правительство предоставило право учреждать и заведовать сберегательными кассами городским обществам, но под непосредственным контролем Министерства финансов. Эта законодательная норма позволяла открывать кассы во всех без исключения городах, а также в посадах и местечках, имевших городской статус. Сберегательные учреждения могли быть открыты по ходатайству городских обществ или мировых съездов, при городских думах и ратушах, с разрешения местного или губернского руководства, или при уездных казначействах с разрешения министра финансов¹². Казалось, упрощенная процедура учреждения касс позволяла быстро расширить географию сберегательных

институтов и создать благоприятные условия для увеличения притока денежных средств населения. На деле же городские общества не стремились воспользоваться своими правами, проявляя полное равнодушие к кредитным заведениям. Из 107 касс, которые должны были быть открыты по ходатайству городских обществ, а немалое их число обращалось с просьбой об учреждении касс под давлением местной администрации, реально действовали лишь 13. Фактическое же открытие остальных заведений под разными предлогами задерживалось, многие затем и вовсе не начинали свою работу, существуя только номинально (50 касс). Таким образом, ко времени основания казенных сберегательных касс при казначействах в 1884 г. из 107 муниципальных сберегательных заведений в России действовала только небольшая их часть, при этом 7 касс работали при уездных казначействах (в Новом Осколе, Острове, Суроже, Валдае, Череповце, Ельце и Луге) и 5 при общественных банках (в Витебске, Костроме, Весьегонске, Славянске и Тирасполе).

Неудачный опыт муниципальных касс стал очевидным с самого начала введения в действие нового Устава. Слабая организация дела, неудовлетворительное делопроизводство, низкий профессиональный уровень, а главное — отсутствие заинтересованности городских обществ в этих органах привели к их полному упадку. Являясь депозитными кредитными учреждениями, капиталами которых пользовалось лишь правительство, кассы не могли представлять сколько-нибудь значительного интереса для обществ. К 1 января 1883 г. во всех реально работавших 13 кассах числилось вкладов лишь на 380 тыс. руб. по 4492 сберегательным книжкам¹³.

Между тем столичные сберегательные кассы, действовавшие при Государственном банке, проводили свои операции более успешно. Это обстоятельство побудило министра финансов Н.Х. Бунге обратиться в 1884 г. к императору с просьбой разрешить Правлению Государственного банка открывать сберегательные заведения при своих конторах и отделениях, вне зависимости от инициативы органов общественного самоуправления. Будучи подчиненной Правлению банка, деятельность этих касс определялась теми же правилами, что и работа столичных учреждений. Однако ожидаемого значительного прилива денежных средств во вновь открытых заведениях не произошло. Социальные и экономические условия в стране оставались еще чрезвычайно сложными. К тому же, деятельность сберегательных касс осложнялась и трудностями субъективного характера. В первые годы после принятия нового Устава на руководство сберегательных учреждений обрушился поток жалоб и нареканий. Вкладчики болезненно восприняли ужесточение правил приема и выдачи вкладов. Не способствовали притоку новых вкладов такие меры “безопасности”, как обязательное предъявление удостоверения личности, справки о благонадежности вкладчика, специально “выправленные” в полицию, и пр. Неблагоприятно отразился на работе касс и выпуск в начале 60-х годов билетов государственного казначейства, которые отвлекли значительную часть народных сбережений. Существенную роль в сокращении фондов городских касс сыграло массовое изъятие значительных денежных сумм нижними воинскими чинами, которые в 1863 г. перешли в категорию добровольных вкладчиков, а следовательно, получили право свободно распоряжаться своими сбережениями. Наконец, ужесточение правил выдачи сберегательных книжек, по формуле: один вкладчик — одна книжка, привело к сокращению количества состоятельных клиентов, так как в прежнее время, по данным статистики, вклады поступали преимущественно от обеспеченных слоев общества и, как правило, это были большие единовременные взносы, т.е. не менее, чем по 50 руб. Причем вкладчик, набравший на одну книжку предельно допустимую норму в 750 руб., брал другую или даже одновременно вносил деньги по нескольким книжкам на различные имена.

Значительно осложняло работу касс появление в конце 60-х годов частных кредитных учреждений, которые отвлекли часть потенциальных клиентов тем, что сулили им большую прибыль. Это подтверждается увеличением количества частных банков. Если в 1865 г. единственный в то время акционерный коммерческий банк имел остаток вкладов и текущих счетов на общую сумму 1,4 млн руб., то к концу 1872 г. число таких учреждений возросло до 12, а остаток вкладов поднялся до 170,2 млн руб.; спустя же 10 лет частных банков стало 34 с 227 млн руб.¹⁴. В то же время процесс расширения сети сберегательных касс шел очень медленно, а роста народных сбережений, внесенных в эти кассы, долгое время не наблюдалось.

То обстоятельство, что общее количество касс до начала 80-х годов было незначительным, служило немалым препятствием к тому, чтобы сбережения населения

могли достичь больших размеров. Из сферы сберегательных операций выпадала основная часть территории страны, главным образом, сельская, с ее значительными людскими и материальными ресурсами. Несколько лучше обстояли дела в С.-Петербурге и Москве, где процесс расширения сети сберегательных учреждений шел более динамично, чем в провинции. За первые 20 лет действия Устава 1862 г. в разных частях Москвы и С.-Петербурга были открыты соответственно 6 и 11 отделений касс. В целом же сберегательные операции развивались недостаточно успешно. Несмотря на увеличение числа новых касс, остаток вкладов неуклонно сокращался, достигнув в конце 1868 г. минимального уровня в 4,72 млн руб. Эта сумма составляла почти половину тех средств, которые содержались в кассах в 1862 г. Затем наступил период относительного равновесия, продолжавшийся вплоть до 1875 г.

Понимая все трудности, имевшиеся в сберегательном деле, руководство Министерства финансов предприняло в 80-е годы ряд мер, способствовавших активизации деятельности сберегательных учреждений. 80-е годы вообще явились переломными в истории сберегательного дела и во многом определили последующее развитие касс. Значительная роль в преодолении кризиса этих кредитных органов принадлежит Н.Х.Бунге, занимавшему с 1881 по 1886 г. пост министра финансов.

Первым шагом в этом направлении стало повышение процента по вкладам с 3 до 4. По Уставу 1862 г. вкладчик получал 3% годовых. Если сумма вклада превышала 100 руб., клиент вправе был просить руководство кассы приобрести на эти деньги государственные 5-процентные банковские билеты по существующему по ним курсу¹⁵.

В самих же сберегательных учреждениях оставались такие суммы денег, которые по приблизительным расчетам нужны были лишь для оборота, то есть для возврата вкладов с учетом новых поступлений. Остальные свободные суммы перечислялись в Государственный банк, который использовал их на покупку тех же ценных бумаг и хранил их на особом счету, принадлежащем сберегательным кассам. Прибыль от разности между суммой процентов, которая выручалась от помещения вкладов сберегательных касс в государственные бумаги, и суммой процентов, которая выплачивалась

клиентам, была достаточно значительна. Часть этой прибыли шла на покрытие расходов по содержанию и управлению кассами, другая же, накапливалась, составляла капитал, принадлежащий сберегательным органам, который к январю 1880 г. достиг суммы 1,5 руб.¹⁶. Учитывая это, руководство Министерства финансов предложило поднять размер процента до 4. Между тем повышение размера процента могло существенно повлиять на уровень вкладных операций, тем более, что опыт прошлых лет позволял рассчитывать на успех. Так, из 100 тыс. вкладчиков лишь 4,5 тыс. клиентов помещали свои средства в процентные бумаги на сумму чуть больше 500 тыс. руб., из общего размера вкладов в 8 млн руб. Значительное же большинство вкладчиков, у которых сбережения редко достигали 100 руб., не стремились приобретать банковские билеты. Это обстоятельство позволяло кассам иметь устойчивую прибыль за счет покупки тех же бумаг и не беспокоиться о своей рентабельности, даже при повышении процента покладам.

Следующим шагом к преодолению кризиса было решение внести дополнения в Устав 1862 г. о праве Государственного банка учреждать кассы при всех губернских и уездных казначействах без исключения, а также в любом другом городе, пригороде или крупном торговом, промышленном или земледельческом центре, где при этом окажется необходимость. Внесенные 21 февраля 1884 г. дополнения позволяли в очень короткий срок существенно расширить сеть сберегательных учреждений. Если в конце 1884 г. при казначействах действовали 42 кассы, то через год их количество достигло 206, спустя же десятилетие подобных касс стало 609¹⁸. Таким образом, в 80-е годы постепенно стала структурироваться система сберегательных учреждений, свойственная только России. Будучи сложно организованными¹⁹, все сберегательные органы тем не менее строили свою деятельность по единым правилам. Последний тип касс, по мнению управляющего Государственным банком А.В.Цимсена, можно было учредить лишь в тех населенных пунктах, в которых было достаточное количество рабочих, или в крупных торговых центрах. Такое положение позволило в достаточно короткий срок существенно увеличить общую сумму вкладов. За пять лет деятельности сберегательных органов, с 1884 по 1889 г., сумма внесенных средств возросла с 14,5 млн до 91 млн руб., которые числились более чем на 500 тыс. сберегательных книжек²⁰.

Однако с открытием касс при казначействах и в крупных экономических центрах еще не решалась основная задача, поставленная Министерством финансов. Не была привлечена к сберегательным операциям подавляющая часть российского населения, так как кассы учреждались исключительно в городах. Сельское же население практически было лишено возможности пользоваться услугами сберегательных органов. Эту задачу Министерство финансов решило в целом удачно²¹.

Учитывая, что государство испытывало постоянную нехватку денежных ресурсов при реализации своих проектов, правительство приняло в этих условиях единственно правильное решение. Оно использовало почтовое ведомство, которое охватывало своими отделениями значительную часть территории империи. С открытием в 1889 г. первых касс при почтово-телеграфных конторах этот тип сберегательных заведений стал преобладающим в России, достигнув в годы Первой мировой войны нескольких тысяч.

Меры правительства по распространению сберегательных касс не ограничивались лишь их учреждением при почтовых отделениях. Были предприняты попытки создать эти органы и в фабрично-заводской среде. По мнению министра финансов, особенности быта и образа жизни рабочих, которые в отличие от других людей наемного труда чаще располагали денежными сбережениями и в то же время “недостаточно продуктивно их тратили”, предаваясь пьянству, побудили правительство открыть на промышленных предприятиях особые сберегательные учреждения, в которых рабочие могли

бы в удобное для них время и в удобном месте вносить на хранение свой заработок²².

Открывать кассы при фабриках и заводах можно было и до 1889 г. Закон 1884 г. позволял кассам открывать в случае необходимости свои отделения в заводских районах. Однако характер деятельности этих учреждений не отвечал тем требованиям, которые предъявлялись рабочими к подобным заведениям. Помимо значительных расходов на содержание отделений центральных касс (особенно много средств тратилось на поездки чиновников к местам расположения заводских учреждений), возникали существенные неудобства и затруднения для самих вкладчиков. Отсутствие ежедневного приема и выдачи вкладов вынуждало рабочих оставлять у себя на всякий случай “лишние” деньги, а не доверять их кассе, которая могла работать от случая к случаю. Министерство финансов предполагало, что только постоянное производство сберегательных операций могло укрепить доверие рабочих к фабрично-заводским кассам. Осуществить же это можно было, только поручив прием и выдачу вкладов, безусловно, под наблюдением местной сберегательной кассы, фабричным чиновникам, которые уполномочивались владельцами предприятий. Последние несли и всю полноту ответственности за работу назначенных ими лиц.

Именно на этих принципах и основывался закон 1889 г. Впрочем, этот законодательный акт позволял Государственному банку открывать отделения сберкасс при фабриках и заводах лишь с согласия их владельцев, что впоследствии стало тормозить реализацию этого проекта. К 1 января 1895 г. действовало всего лишь 14 фабрично-заводских касс, с общим количеством вкладов на сумму в 79 954 руб., которые числились на 929 книжках²³. Несмотря на очевидную выгоду, которую могли принести эти заведения как рабочим, так и предпринимателям, владельцы фабрик и заводов отнеслись к кассам отрицательно, а потенциальные вкладчики так и не смогли преодолеть неприязнь к ним. Одна из причин негативного отношения к этим учреждениям со стороны владельцев предприятий заключалась в том, что, помимо заводской собственности, фабрикант владел и торговыми заведениями, которые в большинстве случаев являлись монополистами в заводском районе и потому были заинтересованы в том, чтобы рабочие не копили свои сбережения, а оставляли их в разного рода трактирах, магазинах и пр.

Однако и в тех случаях, когда заводское начальство давало согласие на открытие сберегательной кассы, рабочие не спешили доверить свои скудные заработки этим учреждениям. Возможно, многие из них не желали показывать руководству предприятий размеры своих накоплений.

Достигнув немалых успехов в развитии сберегательного дела, правительство не прекращало поиски возможностей для увеличения числа касс. Стремясь максимально расширить сеть этих учреждений, внедрив их во всех областях хозяйства, 4 апреля 1893 г. министр финансов С.Ю.Витте добился Высочайшего разрешения открывать кассы при таможенных пунктах, предварительно согласовав этот вопрос с Департаментом таможенных сборов. Располагаясь вблизи крупнейших железнодорожных узлов и портовых городов, таможни обладали немалыми возможностями привлечения народных сбережений. Опыт предыдущих лет показывал, что таможни могли вполне успешно справиться с этой задачей. Еще в 1864 г. при Кронштадтской таможне была открыта сберегательная касса, которая за короткий срок достигла существенных результатов. Основанная по просьбе Управления Морского министерства для хранения 85 тыс. руб. артельных и частных денег нижних морских чинов²⁴, Кронштадтская касса к моменту принятия закона о таможенных сберегательных органах имела в своих фондах вкладов на сумму 250 173 руб. по 5 490 книжкам²⁵.

Кассы при таможнях открывались на тех же условиях, что и сберегательные учреждения при губернских и уездных казначействах, которые были определены по закону 1884 г.

Руководство кассой осуществлялось управляющим или членом таможи, а производством сберегательных операций должны были заниматься либо сотрудник таможи, либо нанятый для этих целей чиновник. Всего к 1895 г. было открыто 27 таможенных касс.

Сохранившиеся отчеты различных ведомств по сберегательным операциям позволяют судить о значительном увеличении дополнительной нагрузки на тех служащих, которые помимо прямых служебных обязанностей занимались приемом и выдачей народных сбережений. Из докладной записки 28 января 1894 г. управляющего Смоленской казенной палатой действительного статского советника Корецкого следовало, что сохранять нормальную работу как сберегательных касс, на счетах которых находилось более 3,5 млн руб., так и казначейств, располагая одним и тем же незначительным количеством чиновников, становилось все труднее. Со времени преобразования казначейской службы в 1879 г. кассовые операции в этих учреждениях почти удвоились, что подтверждалось следующими цифрами: обороты по приему платежей в указанном году в казначействах Смоленской губернии составляли 9 млн руб., в то время как в 1893 г. они превышали 16 млн руб., выручка же от продажи разного рода казенного материального имущества составляла соответственно 607 тыс. и более 1 млн руб.²⁶. По сберегательным операциям нагрузка на чиновников увеличивалась еще значительно. При их открытии предполагалось на прием вкладов и их возврат выделить всего два дня в неделю. Однако в 1893 г. только Вяземская сберегательная касса производила операции в течение 279 дней, приняв взносов от 2886 клиентов и выдав 1573 вклада, то есть совершила 4459 сберегательных действий.

Количество же служащих оставалось на том же уровне, что часто приводило к отступлению от правил и нарушению существовавших инструкций. Эта ситуация стала постепенно изменяться только после 1895 г. с принятием нового Устава государственных сберегательных касс.

В целом 80-е и первая половина 90-х годов были для сберегательного дела России годами бурного развития, поставившими кассы на ведущее место в системе кредитных учреждений страны. Число сберегательных органов за этот период увеличилось с 76 до 3 180, а сумма вкладов возросла с 8 млн до 328,5 млн руб. Темпы роста денежных вкладов в сберегательных учреждениях были столь значительными, что к середине 90-х годов они превзошли уровень сосредоточения денежных капиталов в других кредитных органах, как государственных, так и частных. Сравнивая данные о росте денежных сбережений в различных банковских заведениях и сберегательных кассах, понимаешь, какими неограниченными возможностями они обладали.

К концу года	Число сберегательных касс	Остаток денежных вкладов в сберегательных кассах, млн. руб.	Остаток вкладов и текущих счетов в Гос. банке, млн. руб.	Остаток вкладов и текущих счетов в акционерных коммерческих банках, млн. руб.
1882 г.	91	11,0	229,1	227,0
1885 г.	326	24,8	290,7	219,2
1890 г.	1826	138,9	224,6	230,1
1895 г.	3875	367,9	197,7	307,7

Из приведенной таблицы видно, что народные накопления в сберегательных кассах, составившие в 1882 г. лишь двадцатую часть от остатков по вкладам и текущим счетам акционерных коммерческих банков, к концу 1895 г. превышали на 20% всю сумму вкладных капиталов, сосредоточенных в частных банках, или составляли 4/5 всей суммы вкладных средств, накопленных в Государственном банке и в акционерных кредитных учреждениях, вместе взятых.

Таким образом, можно утверждать, что благодаря быстрому росту числа сберегательных касс, эти органы начали проникать в самые отдаленные регионы страны, вовлекая в свои операции различные слои населения, становясь одновременно надежным аккумулятором не только мелких сбережений трудящихся, но и доходов среднего класса.

Правительственные мероприятия 80—90-х годов, направленные на усовершенствование сберегательного дела, не ограничивались только мерами по расширению сети касс, а затрагивали и методы приема и выдачи вкладов, а также виды услуг, которые оказывали эти органы. Постепенно стали сниматься ограничения предельного размера вкладов и единовременных взносов, упрощалось делопроизводство, максимально ограничивались формальности.

2 апреля 1888 г. Обер-Прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев обратился в Министерство финансов с ходатайством предоставить церквям и монастырям право вносить в сберегательные кассы денежные средства на сумму более 1000 руб. и получать по ним проценты. Это касалось тех вкладов, которые имели временное назначение, как, например, на постройку новых церквей, покупку колоколов, устройство ризниц и т. п. Следовательно, они не подлежали немедленному расходованию, а должны были постепенно накапливаться до определенного размера, необходимого на производство тех или иных работ. Министр финансов И.А.Вышнеградский поддержал эту просьбу, которая была Высочайше утверждена Александром III. Подобное исключение из общих правил было затем распространено и на фабрично-заводские штрафные капиталы, а также на продовольственные капиталы крестьянских обществ. Штрафные капиталы по закону 1887 г. могли служить пособием только фабрично-заводским рабочим, нуждавшимся в помощи. В случае же закрытия предприятия, эти деньги перечислялись в специальный фонд при Министерстве финансов и предназначались для помощи больным и увечным рабочим. Сберегательным кассам было разрешено использовать штрафные деньги на покупку свидетельства Государственной 4-процентной ренты и билетов государственного казначейства. В начале XX столетия штрафные деньги достигли значительных размеров и служили порой единственным источником помощи нуждающимся рабочим. К примеру, только во Владимирской сберегательной кассе хранилось в 1911 г. 900 тыс руб.²⁹ Продовольственные капиталы накапливались в сберегательных учреждениях для помощи нуждающимся крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий. Поводом к созданию продовольственного фонда послужил жестокий голод 1891 г. Поощряя рост этих капиталов, правительство в середине 90-х годов приняло решение начислять по вкладам обществ, церквей и монастырей и прочих учреждений, имеющих определенное назначение, 2,4%, по таким же вкладам без назначения — 1%.

Таким образом, по мере развития сберегательного дела в России кассы все активнее включались в социальную и экономическую жизнь страны. Особенно велико было влияние капиталов сберегательных учреждений на фондовый рынок империи. К 1 января 1896 г. в займах на общие государственные потребности было помещено 46% денежных сбережений населения, хранившихся в кассах, или 155,8 млн руб., в железнодорожное строительство — 35%, или 117,9 млн руб. и в операции государственного земельного кредита — 19%, или 63 млн руб.

Примечания

- ¹ РГИА. Ф.1152. 1862 г. Д.219. Л.16.
- ² Там же. Л.31.
- ³ *Петров Ю.А., Калмыков С.В.* Сберегательное дело в России: Вехи истории. М., 1995. С.23.
- ⁴ РГИА. Ф.1152. 1862 г. Д.219. Л.39.
- ⁵ Там же. Л.42.
- ⁶ Там же. Л.12.
- ⁷ *Белявский Н.Н.* Сберегательные кассы. СПб., 1896. С.153.
- ⁸ РГИА. Л.5.
- ⁹ Полное Собрание Законов Российской Империи (Далее — ПСЗ). Соб.2. Т.XXXVII. СПб., 1865. С.217.
- ¹⁰ Там же. С.218.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С.216.
- ¹³ РГИА. Ф.1152. 1883 г. Д.608. Л.24.
- ¹⁴ *Орлов А.* Общий очерк развития деятельности Государственных сберегательных касс за 75 лет их существования // Известия Государственных сберегательных касс. 1916. № 5.
- ¹⁵ ПСЗ. Соб.2. Т.XXXVII. С.217—218.
- ¹⁶ РГИА. Ф.1152. 1881 г. Д.196. Л.10.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ РГИА. Ф.565. Оп.3. Д.11423. Л.10,11
- ¹⁹ Столичные кассы находились в ведении двух директоров и обладали относительной самостоятельностью, провинциальные подчинялись управляющим конторами и отделами Государственного банка или казначейства; те же кассы, которые открывались в городах, где не было ни отделений банка, ни казначейств, находились в подчинении ближайшей кассы, работавшей при этих органах.
- ²⁰ РГИА. Ф.1152. 1889 г. Д.207. Л.47.
- ²¹ *Морозан В.В.* Из истории сберегательного дела в России // Русское прошлое. 1996. № 7. С.159—173.
- ²² РГИА. Ф.1152. 1889 г. Д.207. Л.53.
- ²³ Отчет по сберегательным кассам Государственного банка за 1894 г. СПб. С.93—95.
- ²⁴ РГИА. Ф.583. Оп.4. Д.272. Л.217.
- ²⁵ Отчет по сберегательным кассам... С.83.
- ²⁶ РГИА. Ф.565. Оп.3. Д.11423. Л.125.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Орлов А.* Указ. соч. С.526.
- ²⁹ РГИА. Ф.581. Оп.1. Д.638. Л.40.

С.А.Виноградов

Югославянские военнопленные австро-венгерской армии в России в 1914—1918 гг.

22 мая 1996 г. исполнилось 80 лет со дня начала 22 мая (4 июня) 1916 г. знаменитого Брусиловского прорыва — наступления русских армий Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А.Брусилова. Оно продолжалось до конца августа — начала сентября 1916 г. В течение июня—июля вся Буковина и Восточная Галиция была очищена от противника.

В своих воспоминаниях А.А.Брусилов писал позднее: “Со дня наступления 22 мая по 1 ноября Юго-Западным фронтом было взято в плен свыше 450 тыс. офицеров и солдат. За это же время противник потерял свыше 1 500 000 убитыми и ранеными”¹. Потери русской армии составили около 500 тыс. человек. Силы Австро-венгерской армии оказались настолько подорванными, что она до конца войны уже не была способна вести активные действия без поддержки германских войск. Резко усилился процесс политического распада австро-венгерской монархии. Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань военной и политической катастрофы. Это наступление имело и крупное стратегическое значение. Противник был вынужден прекратить наступление в Трентино в Италии и ослабить нажим на Верден. Под влиянием этих событий в войну на стороне Антанты вступила Румыния.

Наряду с боями на реке Сомме русское наступление положило начало перелому в ходе 1-й мировой войны в пользу Антанты, вынудив немцев в 1917 г. перейти к стратегической обороне.

После начала мировой войны огромное большинство югославян, находившихся в составе ненавистной им австро-венгерской армии, не желало воевать и при первой же возможности сдавалось в плен, иногда целыми подразделениями. К 1 сентября 1917 г. в России насчитывалось уже около 1 961,3 млн. военнопленных, из которых 1 736,7 млн. (почти 80%) составляли солдаты и офицеры австро-венгерской армии². В секретной записке о Сербии сербский королевский посланник в Петрограде от 15 декабря 1916 г. писал: “Пленных южных славян—сербов, хорватов и словенцев в России около 100 000”³. В докладной записке одного из руководителей Югославянской Революционной Федерации Д.Дмитриевича в Совнарком от 19 сентября 1918 г. указывается, что среди военнопленных находится очень много югославян (сербов, хорватов и словенцев), число которых составляет до 150 000 чел. В Сибири находилась большая часть военнопленных, так как по ту сторону Волги было всего 40 000 чел. из 150 000 чел.⁴

Надо сказать, что вопрос о югославянских военнопленных в России в 1914—1918 г. специально не освещался ни в отечественной, ни в югославской исторической литературе.

Обычно он рассматривался лишь попутно в связи с созданием в России в 1916 г. югославянского добровольческого корпуса, либо в связи с участием югославян в Октябрьской революции и гражданской войне в Советской России в составе интернациональных частей Красной

армии и белогвардейских интервенционистских войск. Поэтому автор предполагает кратко остановиться лишь на положении югославянских военнопленных в России в 1914—1918 г. (до заключения Брестского мира).

Царское правительство направляло военнопленных в специальные лагеря, где они содержались на строгом режиме без предоставления им возможности общения с местным населением. Как правило, военнопленных славян размещали в Европейской России, в Западной Сибири и Туркестане (преимущественно в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах). Офицеры находились в привилегированном положении. Вначале военнопленные использовались только на сельскохозяйственных работах, работах по устройству лагерей. Но уже с осени 1915 г. в связи с массовым призывом в армию, вызвавшим острую нехватку рабочих рук во всех сферах экономики, началось широкое использование военнопленных в промышленности, в т.ч. и военной, на строительстве и т.д. На эти работы посылались преимущественно славяне, как “наиболее благонадежные”⁵.

При этом военнопленным не платилось никакой зарплаты, а считалось, что вся она уходит на их содержание (питание и одежду), включая и охрану. На 1 мая 1916 г. в промышленности и сельском хозяйстве России же работало свыше 800 тыс. военнопленных.

Полуголодное существование военнопленных, нехватка зимней одежды, суровые наказания за малейшие провинности, эпидемии в лагерях из-за антисанитарных условий жизни — все это приводило к массовым возмущениям военнопленных.

Во многих местах России в 1915—1916 г. военнопленные отказывались работать, протестовали против плохого содержания.

Положение военнопленных славян в целом ничем не отличалось от положения военнопленных других национальностей⁶.

Правда, известная часть влиятельных военных кругов России (генералы М.В.Алексеев, А.А.Брусилов и некоторые другие) склонялись к мысли о возможном освобождении военнопленных славян и коренном улучшении их положения. Летом 1916 г. после настойчивых просьб чехословацких и других славянских буржуазных организаций в России им удалось добиться от царя указа об освобождении военнопленных славян. Однако под влиянием царицы Александры Федоровны, и особенно Григория Распутина, царь пошел на попятную и отменил свой указ, а разработанный позднее проект перевода славян на положение “трудообязательных” (без какого-либо действительного улучшения их участи) был похоронен в недрах царских канцелярий⁷. После Февральской революции безо всяких специальных постановлений лагерный режим был значительно смягчен, особенно в связи с ликвидацией полиции и заменой ее построенной на более демократических принципах милицией.

Но Временное правительство стремилось сохранить старые порядки содержания пленных. Так, военный министр А.И.Гучков приказом от 9 апреля 1917 г. запретил какое-либо улучшение положения военнопленных и предоставление им политических прав⁸. Однако революционно-демократические силы России, и в первую очередь Советы, обладая реальной властью на местах, вопреки директивам и циркулярам Временного правительства, в очень многих случаях явочным порядком проводили ряд мероприятий, существенно улучшавших положение военнопленных (повышение их зарплаты до уровня зарплаты русских рабочих, улучшение снабжения продовольствием, облегчение режима содержания, пресечение жестокого обращения и издевательств по отношению к пленным со стороны охраны, администрации предприятий и землевладельцев, у которых они работали)⁹. Ради объективности надо отметить, что только Октябрьская революция открыла путь к свободе двухмиллионной армии военнопленных, коренным образом изменив их положение. 15 декабря 1917 г. “Известия ЦИК” писали: “Октябрьское восстание и переход власти к Советскому правительству, открыв новую эру в жизни России и других стран, изменили положение военнопленных. Декрет о мире, переговоры о перемирии и мире явились первым шагом к их освобождению”¹⁰.

Уже 25 октября 1917 г. Петроградский ВРК назначил специального комиссара по делам военнопленных, которому было поручено провести реорганизацию Центрального комитета РОКК. Рядом инструкций и распоряжений Совнаркома, Военного отдела ВЦИК, Наркомвоена и Наркоминдела были проведены обширные мероприятия по улучшению экономического положения военнопленных, развертыванию среди них революционной агитации и интернационалистической пропаганды. Военнопленным было предоставлено право создавать свои организации — профессиональные и политические, избирать комитеты по образцу комитетов, существовавших в русской армии и т. д.¹¹

Одной из форм политической организации военнопленных были социал-демократические группы, стоявшие на революционных позициях¹².

В конце декабря 1917 — начале 1918 г. оформились интернациональные организации военнопленных: “Организация военнопленных социал-демократов в России” — в Петрограде, в Москве — “Союз военнопленных социал-демократов-интернационалистов Московского военного округа” (в его работе активное участие принимал серб П.Лазич) и другие. Советские органы власти оказывали широкую поддержку организациям военнопленных¹³.

21 февраля 1918 г. в Петрограде состоялось совещание Всероссийского бюро военнопленных при ЦИК Советов и Петроградского социал-демократического комитета военнопленных. Оно решило: создать по всей стране революционные организации военнопленных — сторонников Советской власти для борьбы против контрреволюционных элементов, созвать Всероссийский съезд пленных, для ведения этой работы при Всероссийском бюро пленных образовать сербский и другие отделы, а также информационный отдел с целью издания газет, брошюр, листовок и т. д. Совещание постановило: ходатайствовать перед ВЦИК об уравнении всех военнопленных пролетариев в правах с российскими трудящимися. На этом совещании от югославян присутствовал хорватский социал-демократ М.Радосевич, который был назначен заведующим сербским и польским отделом¹⁴.

С января 1918 г. под его редакцией выходит на сербохорватском языке газета “Земля и Воля”, орган отдела международной пропаганды Наркоминдела, “для бесплатного распространения среди югославянских братьев-солдат”. Всего в течение января—февраля 1918 г. вышло шесть номеров газеты. С переездом Совнаркома в Москву в марте 1918 г. выход этой газеты прекратился¹⁵.

3 марта 1918 г. Советская Россия была вынуждена заключить Брестский мир с центральными державами. Вскоре после этого 13 апреля 1918 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов открылся 1-й Всероссийский съезд военнопленных-интернационалистов. В течение трех дней заседало около 300 делегатов, представлявших 200 тысяч военнопленных. Они высказались за создание всероссийской организации военнопленных и избрали ЦИК, в состав которого вошли представители всех национальных групп.

Этот комитет объединил работу 55 местных организаций военнопленных, в состав которых входило более 100 тыс. членов. Он назвал новую организацию “Революционной интернационалистической организацией иностранных рабочих и крестьян”. В состав ЦИК были избраны серб Иван Стребяниц и другие¹⁶. И после заключения этого мира Совнарком по-прежнему уделял много внимания военнопленным в Советской России.

Так, 23 февраля 1918 г. Совнарком принял декрет об учреждении Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев (Центропленбеж) под председательством Ю.Уншлихта¹⁷.

27 апреля 1918 г. Совнарком принимает декрет об освобождении военнопленных от тюремно-лагерного режима, о предоставлении им свободы передвижения и об организации Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев¹⁸.

После заключения Брестского мира судьба югославянских военнопленных в России оказалась различной.

Так, по данным югославянской газеты “Борьба” в 1917—1920 г. за советскую власть сражалось примерно 30 тыс. югославов (около 20% всех военнопленных югославян)¹⁹.

Кроме того, вместе с белогвардейцами и интервентами на севере сражался запасной батальон Югославянского добровольческого корпуса в количестве 1 500 — 2 000 чел., а в армии Колчака воевало около 10 тыс. югославян (включая тех, которые находились в лагерях военнопленных), что составляло примерно 10% всех военнопленных югославян²⁰. Наконец, большая часть военнопленных югославян — около 110—130 тыс. человек была репатриирована на родину в течение 1918—1921 гг.

Репатриация первых групп военнопленных из Советской России началась еще в январе—феврале 1918 г. на основе достигнутого 22 ноября (5 декабря) 1917 г. предварительного соглашения советского правительства с правительствами центральных держав о приостановлении военных действий и приняла особенно большие размеры после заключения Брестского мира. Согласно венгерским источникам, к осени 1918 г. в империю Габсбургов вернулось из Советской России 670 092 военнопленных, не считая десятков тысяч тех военнопленных, которые добирались домой самостоятельно²¹.

Так сложилась судьба югославянских военнопленных в дореволюционной и Советской России.

Примечания

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С.247.

² Копылов В.Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. 1917—1918. М., 1977. С.7—8.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Оп.1. Д.1167. Л.44.

⁴ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.130. Оп.2. Д.144. Л.95.

⁵ Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября: югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921 гг. М., 1977. С.15.

⁶ Там же. С.16—17.

⁷ Там же. С.17.

⁸ Там же. С.29.

⁹ Там же. С.31.

¹⁰ “Известия Цик и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов”. 1917 г. 15 дек.

¹¹ Зеленин В.В. Указ. соч. С.72—73.

¹² Там же. С.73.

¹³ Там же. С.118—119.

¹⁴ Там же. С.119.

¹⁵ Там же. С.120—121.

¹⁶ Яковлев Л.И. Очерки по истории международной солидарности трудящихся. М., 1974. С.147—148.

¹⁷ Копылов В.Р. Указ. соч. С.183.

¹⁸ Очак И.Д. Из истории участия югославян в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.) // Октябрьская революция и зарубежные славянские страны. М., 1957. С.280.

¹⁹ Дело трудящихся всего мира. Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза. М., 1957. С.45—46.

²⁰ Очак И.Д. Указ. соч. С.310.

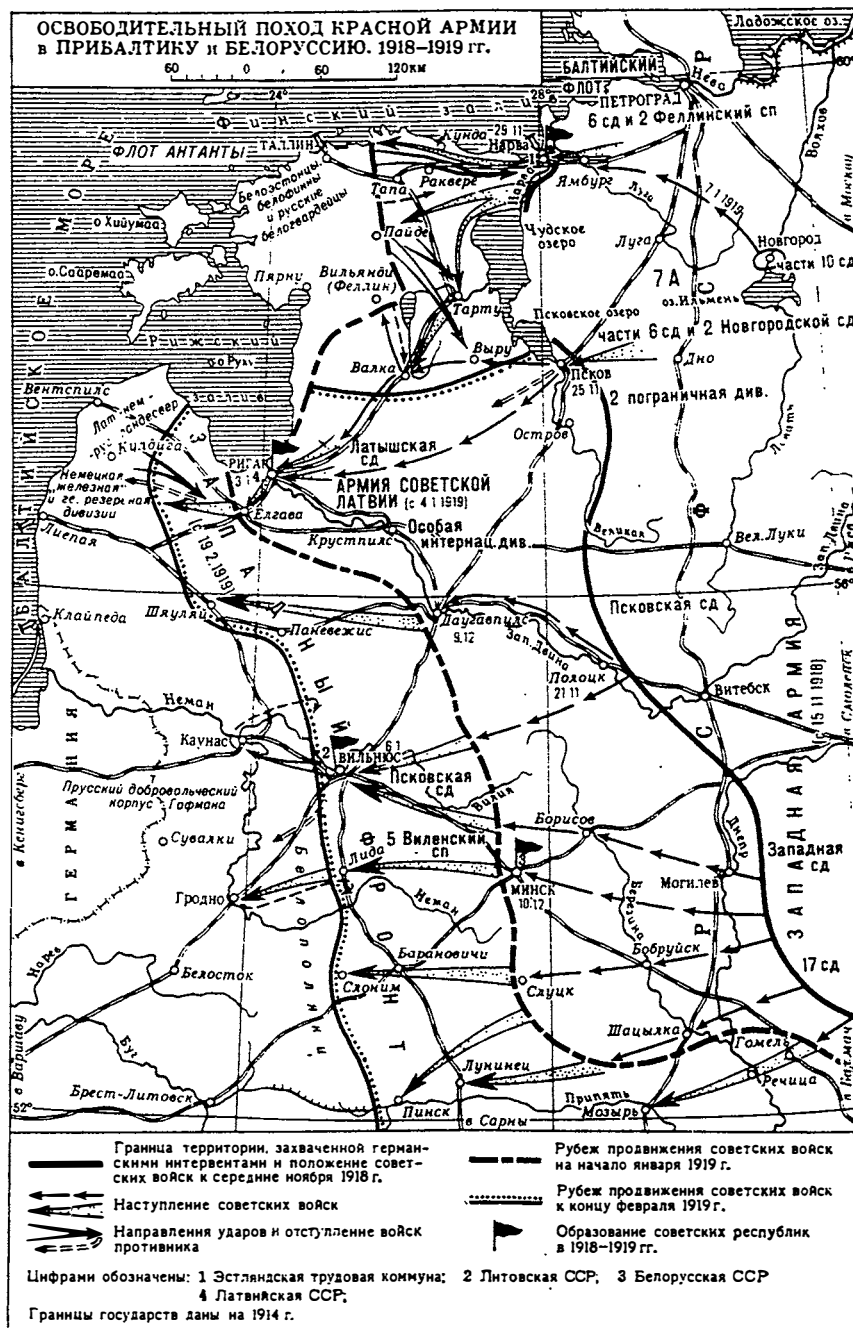
²¹ Шербаков Ю.Н. Искры великого Октября: вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917—1921 гг.). М., 1982. С.52.

В.И.Мусаев

Drang nach Osten и русская реакция: история “Западной русской армии” (1919 г.)

Одиннадцатого ноября 1918 г. во французском городке Компьень было подписано перемирие между державами Антанты и Германией, знаменовавшее собой окончание Первой мировой войны. Германия была вынуждена признать свое поражение в борьбе за геополитическое господство в Европе и мире. Это признание, однако, не влекло за собой полный отказ бывшего лидера Четвертного союза от отстаивания своих интересов и его полное подчинение воле государств победившей коалиции. Специфика военно-политической ситуации в Европе в конце 1918 г. заключалась в том, что Германия, ведя войну на два фронта, потерпела военное поражение только на одном из них — на Западном. На Восточном фронте немцы чувствовали себя победителями вплоть до заключения перемирия. Германские политики и военные рассчитывали компенсировать свои неудачи на Западе активностью на Востоке и укрепить свои политические и экономические позиции в Балтийском регионе и в России. Осуществлению этих замыслов в известной степени благоприятствовало отсутствие единства по германскому вопросу среди победителей. Франция продолжала считать побежденную Германию своим основным противником в Европе и стремилась к ее максимальному ослаблению. Позиция Великобритании была несколько иной. Британские правящие круги были вполне удовлетворены достигнутым в ходе войны крушением военно-морского и колониального могущества Германии. Дальнейшее ослабление этой страны не отвечало английским интересам. Британское руководство было озабочено проблемой поддержания баланса сил в послевоенной Европе и было готово использовать Германию для того, чтобы не допустить безраздельного господства Франции на европейском континенте, а также воспрепятствовать усилению в Европе американского влияния¹. Поэтому, как отмечал бывший глава Временного правительства России А.Ф.Керенский, “...в отличие от Франции, Англию ничуть не тревожило существование Германии, даже сильной Германии, но как исключительно континентальной державы”².

Другим фактором, которым германские правящие круги могли воспользоваться в своей восточной политике, было наличие в России политических сил, симпатизировавших Германии. Еще в годы мировой войны некоторые российские политики с неодобрением относились к участию России в войне против Германии в союзе с западными демократиями. В 1918 г. некоторые из лидеров белого движения (в частности, генерал П.Н.Краснов) занимали прогерманские позиции. На оккупированной немцами территории и с немецкой помощью в октябре 1918 г. начал формироваться так называемый Псковский отдельный добровольческий корпус Северной армии — будущая Северо-

Военная ситуация в Прибалтике (зима 1918—1919 гг.).

Западная армия. Эмигрантскую политическую организацию в Финляндии — Русский комитет — первое время возглавлял известный германофил А.Трепов. После окончания мировой войны военные и политические организации “северо-западной контрреволюции” начали пересмотр своей внешнеполитической ориентации в сторону сбли-

жения с Антантой. Однако некоторые политики и военачальники не отказались от своих прежних установок. Силы белогвардейского Северного корпуса при отступлении от занятого красными Пскова в декабре 1918 г. разделились: большая часть корпуса во главе с полковником Г. фон Нефом перешла в Эстонию, где командование корпуса заключило договор с правительством этой страны, всецело находившимся под влиянием Англии; в то же время отряд под командованием князя А.Ливена отошел на территорию Латвии вместе с отступавшими немецкими войсками. Есть основания полагать, что это разделение было вызвано политическими разногласиями. В Финляндии, после прихода сторонников Антанты к руководству Русским комитетом, прогермански настроенные деятели стали группироваться вокруг князя В.Волконского, бывшего товарища председателя Государственной думы.

В западных столицах с опаской относились к возможности сближения определенных сил в России с Германией. В подходе к русско-германским отношениям наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, вызывали опасения контакты немцев с крайне правыми кругами русской контрреволюции. С другой стороны, русских большевиков в Лондоне и Париже с апреля 1917 г. считали германскими агентами. По поводу многочисленных утверждений о немецко-большевистских связях следует заметить, что до октября 1917 г. такие связи действительно существовали: германское руководство считало допустимым оказывать поддержку силам, выступавшим против правительства страны — участника враждебной коалиции. Немецкие политики не скрывали своих контактов с РСДРП(б). В частности, в декабре 1917 г. тогдашний германский министр иностранных дел Р. фон Кюльман откровенно признавал: “Только благодаря средствам, которые поступали по различным каналам от нас к большевикам, они смогли наладить выпуск “Правды”, усилить агитационную деятельность и, в конечном счете, существенно расширить первоначально незначительное влияние своей партии”³. После выхода России из войны надобность в подобных контактах отпала. Однако слухи и домыслы о германско-советском сотрудничестве продолжали циркулировать в западных столицах на протяжении 1918 и 1919 гг. Было даже распространено мнение, что немцы ведут двойную игру. В донесениях английской военно-морской разведки сообщалось, что немецкое представительство в Петрограде вело агитацию против генерала Н.Н.Юденича и проводило агентурную работу, которая заключалась одновременно в поддержке большевиков в борьбе против союзных и связанных с союзниками русских подпольных организаций и в поддержке русских реакционных групп, стоящих на платформе абсолютной монархии⁴. Польский лидер Ю.Пилсудский в беседе с корреспондентом “Таймс” утверждал, что немцы, “с одной стороны, как будто борются с большевиками[...] с другой, посылают своих офицеров в большевистскую армию и содержат в Курляндии школы для большевистских агитаторов”. Цель германских монархистов, по мнению Пилсудского — “использовать большевизм для ослабления стран, им враждебных”⁵. Другой польский офицер, военный атташе в Берне О.Гурка в своей пространной памятной записке сурово критиковал поведение германского правительства и командования расположенной в Литве и Белоруссии 10-й германской армии. Когда польское руководство подняло вопрос о выдвижении в эти районы польских войск, то, несмотря на благожелательную позицию главнокомандующего немецкими войсками Восточного фронта генерала М.Гофмана и германского Военного министерства, берлинское правительство отказалось разрешить выдачу оружия польским жителям Вильно (Вильнюса), воспротивилось продвижению польских частей через район немецкой оккупации к Вильно. Польские формирования, оборонявшие Вильно от красных и вынужденные 5 января 1919 г. оставить город, были разоружены и “начисто обобра- ны” немцами⁶. В то же время, по утверждению О.Гурки, большевистские комиссары от-

крыто действовали в районах германской оккупации, а командование 10-й армии заключило с красными ряд соглашений о передаче им Минска и других населенных пунктов⁷.

Военно-политическая обстановка, сложившаяся в Прибалтике к концу 1918 г., давала Германии неплохую возможность для продолжения активной политики в этом регионе. Правительства молодых прибалтийских государств не располагали достаточными силами для борьбы с наступающими советскими войсками. Отправить сюда свои сухопутные силы державы Антанты не имели возможности. Не увенчались успехом попытки англичан привлечь к интервенции в Прибалтике Швецию и другие скандинавские страны⁸. Таким образом, единственной вооруженной силой, способной противостоять красным в Прибалтике, оставались германские части. Поэтому англичане не только не требовали немедленной эвакуации немецких войск из Прибалтики, но, напротив, настаивали на том, чтобы они оставались там как можно дольше. Войска расположенной в Прибалтике 8-й немецкой армии, однако, не желали больше воевать и самовольно отступали, вслед за ними продвигались части Красной Армии. В Эстонии силы, верные правительству, при помощи отрядов финских добровольцев, русских белогвардейцев и английского флота смогли остановить красных на подступах к Таллину и затем перейти в контрнаступление. В Латвии же правительству, возглавлявшемуся лидером крестьянской лиги К.Ульманисом, не удалось оказать серьезного сопротивления советскому натиску. Красные стремительно наступали. 3 января они заняли Ригу, а к концу месяца советская власть была установлена почти на всей территории Латвии⁹. Под контролем правительства Ульманиса остался только район Лиепаи (Либавы), где сосредоточились верные ему латышские части, различные немецкие формирования и русский отряд А.Ливена.

В этих условиях британские представители в Латвии были вынуждены согласиться на предложение А.Виннига, германского уполномоченного в Прибалтике, об использовании для борьбы с красными немецких добровольческих частей (в условиях деморализации основной части войск немецкое командование на Восточном фронте перешло к системе добровольческих формирований — “фрайкоров” (Freikorps), в определенной степени повторяя опыт русской армии весны-лета 1917 г.). За несколько дней до падения Риги, 29 декабря 1918 г., правительство Ульманиса заключило с Виннигом договор, который предусматривал использование немецких добровольческих частей для защиты Латвии. Немецким солдатам, сражавшимся против большевиков, было обещано предоставление латвийского гражданства¹⁰. Германское командование готовило силы для контрнаступления. В Лиепаю по железной дороге и морским путем перебрасывались новые воинские контингенты, заменявшие эвакуированные части 8-й армии (некоторые солдаты которой также остались в Латвии в качестве добровольцев). Недостатка в добровольцах не было. Причины, побуждавшие немецких офицеров и солдат записываться в фрайкор, были различны. Были среди немцев “патриоты-идеалисты”, ехавшие “защищать родину от большевистской угрозы”; многие надеялись осесть в Латвии, получить здесь гражданство и земельные участки. Преобладали же “солдаты удачи” — профессиональные головорезы, искатели приключений и легкой наживы, которым нечего было делать в Германии, где их ждала безработица¹¹. Одновременно с ноября 1918 г. шло активное формирование балтийского ландесвера — ополчения из местных немцев. К началу весны 1919 г. в Курземе (Курляндия) сосредоточилось значительное количество немецких войск. Их основу составляли добровольческая “Железная дивизия” (“Eiserne Division”) под командованием майора Й.Бишоффа, балтийский ландесвер, которым командовал майор А.Флетхер, и 1-я гвардейская резервная дивизия¹². Командованию ландесвера оперативно подчинялись латышские части и отряд князя Ливена. Численность русского отряда также увеличивалась в ре-

зультате переброски из Германии бывших русских военнопленных. Вербовкой в лагерях военнопленных занимался ротмистр П. фон Розенберг, который еще осенью 1918 г. принимал участие в формировании Северного корпуса¹³. Все немецкие части, расположенные в Курземе, были сведены в 6-й резервный корпус. Командующим корпусом был назначен генерал Р. фон дер Гольц, который в 1917 г. руководил операциями немецких войск в Прибалтике, а весной 1918 г. командовал экспедиционным корпусом, участвовавшим в подавлении революции в Финляндии. 1 февраля генерал прибыл в Лиепаяу. Общее руководство немецкими войсками в Прибалтике осуществляло образованное в Восточной Пруссии Верховное командование пограничной обороны “Север” (“Oberkommando Grenzschutz Nord”) во главе с генералом Ф. фон Квастом¹⁴.

Интересы различных сил, таким образом, временно совпали в борьбе с “большевистской угрозой”. Однако немцы, начиная антисоветское наступление, не собирались удовлетвориться ролью наемников Антанты и безвозмездно нести жертвы ради укрепления английского влияния на Балтике. Германское руководство надеялось в качестве вознаграждения за услуги в борьбе с большевизмом добиться от Антанты смягчения условий будущего мирного договора. Фон дер Гольц и стоявшие за его спиной германские военные шли в своих планах еще дальше. Они рассчитывали закрепиться в Прибалтике и, используя ее в качестве базы, в союзе с крайне правыми русскими монархистами привести к власти в России дружественное немцам правительство. Затем предполагалось свергнуть немецкое социалистическое правительство Ф.Эберта и, в союзе с новой Россией, добиться ревизии результатов Первой мировой войны. В своих мемуарах фон дер Гольц писал: “Почему бы не возродить в новой форме, в согласии с русской белой гвардией и под знаменем борьбы с большевизмом, нашу прежнюю восточную политику, от которой мы отказались в августе 1914 года? Почему бы не пойти на экономическое и политическое сближение с будущей Россией?”¹⁵. Результатом такого сближения должен был стать новый германско-русский союз против Антанты: “Россия и Германия вместе, свободные от большевизма и враждебные державам-победительницам, должны были бросить вызов западным государствам и освободить нас от оков Версаля”¹⁶.

3 марта началось общее наступление антисоветских сил в Латвии. Армия Советской Латвии, части которой были растянуты на широком фронте и утомлены длительными боями, не смогла оказать серьезного сопротивления и вынуждена была к концу марта очистить всю западную часть Латвии¹⁷. После этого фон дер Гольц, у которого уже неоднократно возникали противоречия с правительством К.Ульманиса, решил избавиться от него. 16 апреля в Лиепаяе произошел переворот: части немецкого ландесвера разоружили находившихся здесь латышских военных, арестовали штаб армии Ульманиса и часть членов его кабинета. Сам Ульманис едва спасся и бежал на стоявший в порту английский корабль. Власть была передана марионеточному прогерманскому правительству во главе с пастором А.Ниедрой¹⁸. 23 мая после кровопролитных боев войска ландесвера и Железной дивизии овладели Ригой. После этого ландесвер, к которому примкнула и часть солдат Железной дивизии, продолжил движение на север. Однако к северу от Риги советских войск уже не было: они отступили оттуда еще раньше под натиском двигавшихся с севера эстонцев. В Северной Латвии к началу лета находились латышская бригада полковника Й.Земитанса, сохранившая верность правительству Ульманиса, и союзные с ней эстонские войска. Между этими частями и ландесвером в начале июня в районе Цесиса (Вендена) начались стычки. Бои под Цесисом, знаменовавшие собой первый вооруженный конфликт в тылу контрреволюции, закончились поражением немцев, которые были отброшены к Риге¹⁹. Союзные представители, с тревогой следившие за событиями в Латвии, сочли необходимым вме-

шаться. По настоянию английского генерала Х.Гофа, возглавлявшего союзную военную миссию в Прибалтике, военные действия были прекращены. 3 июля в местечке Страздумуйжа (Штрасденхоф) при посредничестве Гофа между противоборствующими сторонами было заключено перемирие. Немецкие войска должны были очистить Ригу, Вентспилс (Виндаву) и Лиепая и отойти за демаркационную линию, установленную британской миссией. В то же время и эстонские войска отводились за свою границу. В условиях перемирия подчеркивалось, что немецкие войска должны были как можно скорее покинуть территорию Латвии и до этого не предпринимать никаких наступательных действий “кроме как против большевистских войск... в соответствии с условиями мирного договора”²⁰. Таким образом, мысль об использовании немцев против советской власти не была полностью отброшена.

8 июля, после эвакуации Риги немцами, Ульманис вернулся в столицу. Английскими и французскими военными представителями были приняты энергичные меры для укрепления латвийской правительственной армии. К концу июля 1919 г. она уже насчитывала более 20 тыс. человек²¹. Миссия генерала Гофа провела также преобразование ландесвера. Из его состава были удалены уроженцы Германии, командиром же был назначен английский подполковник Г.Александр. Вскоре ландесвер был переброшен на фронт в Восточной Латвии²². Англичане также приняли меры для того, чтобы “оторвать” русские части в Латвии от немцев и воссоединить их с находившейся на петроградском фронте Северо-Западной армией. Командир русского отряда ландесвера князь Ливен и раньше считал свое сотрудничество с немцами временным. В дальнейшем он рассчитывал начать наступление через Даугавпилс (Двинск) и Псков в направлении Николаевской железной дороги и перерезать сообщение между Москвой и Петроградом. В июньской аванюре Ливен отказался участвовать, заявив о своем нейтралитете²³. Русские части были выведены из ландесвера, и в начале июля генерал Н.Н.Юденич, “Главкомандующий всеми русскими силами Северо-Западного фронта”, издал приказ русским войскам в Латвии отбыть в Нарву на соединение с Северо-Западной армией²⁴.

На протяжении всей второй половины 1919 г. вопрос о немецких войсках в Прибалтике оставался источником головной боли для западных политиков. Отношение к этой проблеме в правящих кругах союзных держав не было однозначным. Государственный секретарь США Р.Лансинг в Париже не поддерживал антигерманские санкции, американский военный представитель в Прибалтике полковник У.Грин возражал против немедленного вывода немецких войск из Латвии, считая его преждевременным²⁵. Возможно, американцы рассматривали немецкие войска как средство нейтрализации чрезмерного английского влияния в Прибалтике. Британский военный министр У.Черчилль допускал возможность немецкой помощи Юденичу и участия германских войск в борьбе с большевизмом²⁶. Однако большинство членов британского руководства не разделяло этой точки зрения. Британское Адмиралтейство и Министерство иностранных дел пришли к выводу, что немецкая угроза опаснее большевистской²⁷. Такой же позиции придерживалось французское правительство. Немецкое военное присутствие в Прибалтике создавало угрозу интересам Антанты. Кроме того, оно прямо и косвенно влияло на рост прогерманских настроений среди русских белогвардейцев.

Влияние прогерманских элементов в Северо-Западной армии к началу августа действительно усилилось. Немцы использовали недовольство русских солдат и офицеров недостаточностью английской помощи для активизации своей агентурной работы в рядах армии. С конца июля на Северо-западный фронт из Латвии начали прибывать войска князя Ливена, отлично вооруженные и снаряженные за германский счет и регулярно получавшие жалование. На полуголодных и полураздетых солдат других частей

это оказывало сильное впечатление. Н.Н.Юденич доносил в Омск А.В.Колчаку, что контраст между ливенцами и остальными частями “дает обильную пищу для вредной пропаганды, сравнивающей отношение к нашим войскам немцев и Антанты”²⁸. Даже меры, предпринятые в начале августа англичанами по усилению снабжения белогвардейцев, не свели на нет деятельности прогерманских элементов. В Лондоне имелись сведения “из достоверных источников”, что город Ямбург, оставленный белыми 5 августа, был сдан назло Юденичу, чтобы подорвать его авторитет. Согласно информации из тех же источников, власть Юденича в армии была номинальна; для его личной охраны формировался отряд из германофилов, связанных с группой Маркова 2-го; этот отряд будет держать главнокомандующего не под охраной, а под стражей²⁹. По мнению К.Д.Набокова, поверенного в делах России в Лондоне, прогермански настроенные представители белогвардейского командования, сохраняя внешнюю подчиненность Юденичу и прикрываясь им как ширмой от союзников, проявят себя после занятия Петрограда и попытаются образовать прогерманское правительство³⁰. Активность немцев и русских германофилов внушала беспокойство правительствам прибалтийских государств и, наряду с другими причинами, склоняла их к мирным переговорам с Советской Россией. Генерал Х.Гоф сообщал в Лондон, что эстонцы боятся большевиков, обещавших не вторгаться в Эстолию и готовых признать независимость этой страны, меньше, чем русских реакционеров и немцев³¹. Латвийское правительство также неоднократно обращалось к лидерам западных держав с просьбой оградить Латвию от немецкой угрозы³².

18 июля в Елгаву (Митаву), где находился штаб фон дер Гольца, прибыла особая комиссия из представителей держав Антанты, Латвии и Эстонии для наблюдения за эвакуацией немецких войск³³. Одновременно было оказано давление на правительство Германии. 1 августа главнокомандующий союзными вооруженными силами маршал Ф.Фош передал ему от имени союзников ноту с требованием завершить эвакуацию до конца месяца³⁴. Германское правительство, опасаясь экономических санкций со стороны Антанты, было вынуждено отреагировать на этот ультиматум. 5 августа Ф.Эберт передал фон дер Гольцу приказ об эвакуации³⁵. В середине месяца немцы заверили союзников, что эвакуация из Курляндии уже началась. При этом они, однако, заявили, что завершить ее до конца августа невозможно, сложно также определить ее точный срок, так как все зависит от количества паровозов для перевозки войск, обещанных Антантой, и от угольного вопроса³⁶. Возможно, что эти маневры были связаны с тем, что правительству становилось все труднее воздействовать на фон дер Гольца, который вел себя излишне самостоятельно. Фон дер Гольц же под разными предлогами всячески затягивал вывод войск. С его ведома и молчаливого одобрения действовал командир Железной дивизии Й.Бишофф, который 24 августа спровоцировал беспорядки среди своих подчиненных. Солдаты дивизии отказались выполнять приказ об эвакуации и устроили в Елгаве вооруженную антилатвийскую демонстрацию, разоружив находившиеся здесь латышские части и разгромив латышскую комендатуру³⁷. В ответ на протест правительства Латвии фон дер Гольц выразил сожаление по поводу случившегося³⁸.

Позиция правительства Германии в связи с немецким военным присутствием в Прибалтике была двойственной. С одной стороны, оно было заинтересовано в том, чтобы сохранить и упрочить свое влияние в этом регионе. В то же время за спиной фрайкора стояли реакционно-монархические круги, которые в дальнейшем могли использовать добровольцев против социал-демократического руководства страны. Фон дер Гольц и не скрывал подобных планов: “Я неоднократно давал понять нашим войскам, что вслед за большевиками, латышами и Антантой их главным врагом станет собственное правительство в Берлине”³⁹. Кабинет Эберта не мог не сознавать опас-

ность, исходившую из Прибалтики. К тому же дальнейшее затягивание эвакуации грозило ухудшением отношений с Антантой, возможные экономические и военные санкции со стороны которой были чреваты катастрофой для обессиленной после войны Германии. 24 сентября Ф.Фохс выставил Германии новый ультиматум. В случае невыполнения требования об эвакуации союзники угрожали возобновлением блокады Германии и суровыми экономическими санкциями⁴⁰. Немецкому правительству пришлось энергичнее “нажать” на добровольцев. По приказу военного министра Г.Носке выплата жалования и отправка припасов войскам в Латвии были прекращены, была закрыта граница Восточной Пруссии с Литвой. Довести эвакуацию до конца должен был новый командующий в Прибалтике генерал фон Эберхардт, назначенный на место фон дер Гольца⁴¹.

Фон дер Гольц был готов к такому ходу событий и знал, что его рано или поздно отзовут с Балтики. Чтобы сохранить свои позиции и избежать выполнения приказа об эвакуации без его открытого нарушения, фон дер Гольц и его сподвижники заблаговременно произвели новый маневр: они решили разыграть “русскую карту”, то есть использовать в своих интересах находившиеся в Прибалтике русские формирования (в своих воспоминаниях фон дер Гольц указывал, что такую возможность он рассматривал еще в феврале)⁴². В конце лета на военно-политическую сцену в Прибалтике стремительно выдвинулась фигура П.Р.Бермондта, авантюриста с туманным прошлым, присвоившего себе чин полковника и якобы принадлежавшего к княжескому роду Аваловых⁴³. В июле 1918 г. Бермондт появился в Киеве, где, с согласия германских оккупационных властей, при союзе “Наша Родина” было образовано вербовочное бюро Южной армии. После занятия Киева петлюровцами Бермондт был ими арестован, затем благодаря заступничеству немцев освобожден и в конце 1918 г. с эшелоном отправился в Германию⁴⁴. Там он познакомился с фон Розенбергом и вместе с ним начал заниматься вербовкой в лагерях для русских военнопленных. Добровольцы набирались для трех самостоятельных русских отрядов, дислоцировавшихся в Прибалтике: князя Ливена, самого Бермондта и полковника Вырголича, формирования которого базировались на севере Литвы в районе Шауляя (в дальнейшем все три отряда предполагалось объединить под единым командованием)⁴⁵. 12 июня Бермондт прибыл в Елгаву, куда к тому времени была перевезена большая часть его отряда. Оперативно отряд Бермондта первое время подчинялся Ливену⁴⁶. От перевода в армию Юденича Бермондт уклонился на том основании, что его отряд еще не готов к боевым действиям. Ливен, который после серьезного ранения, полученного в боях под Ригой, отстранился от активного руководства войсками, сквозь пальцы смотрел на своеволие Бермондта: князь надеялся, что этот энергичный командир сможет осуществить его давний замысел наступления против красных через Даугавпилс и Псков. С отбытием войск Ливена отряд Бермондта продолжал пополняться благодаря притоку пополнений из Германии и Польши и был вскоре переименован в “Западный добровольческий корпус имени графа Келлера”⁴⁷.

Английская пропаганда не жалела красок, чтобы живописать пороки Бермондта, в частности, склонность к разврату и пристрастие к спиртному⁴⁸. Возможно, многое здесь преувеличено, но бесспорно, что это был авантюрист, страдавший к тому же манией величия. Фон дер Гольц, не испытывая, по-видимому, больших иллюзий в отношении этого человека, решил воспользоваться им в своих целях. Со второй половины лета 1919 г. он и его командиры стали поощрять переход немецких солдат и целых частей на службу под знамена так называемой Западной Русской армии под командованием Бермондта. К примеру, Немецкий легион, сформированный в конце августа из различных подразделений фрайкора под командованием капитана Зиверта и

насчитывавший около 10 тысяч человек, в полном составе вошел в эту армию⁴⁹. С присоединением к армии Бермондта почти всей Железной дивизии, добровольческого полка Плеве из Восточной Пруссии, отряда полковника Вырголича (который был включен в состав армии приказом от 28 июля), под его командованием оказалась внушительная военная сила, насчитывавшая около 40 тысяч человек⁵⁰. Формально эта армия считалась русской, фактически же она состояла по большей части из немцев. Бермондт в интервью корреспонденту хельсинской газеты “Хувудстадсбладет” утверждал, что немцев в его армии не более 16%⁵¹. Однако позднее в своих мемуарах он признавал, что среди солдат и офицеров его армии не менее 30 тысяч составляли немецкие добровольцы⁵². 21 сентября фон дер Гольц официально передал Бермондту командование войсками⁵³. В британских газетах совершенно серьезно пересказывались слухи, будто фон дер Гольц объявил себя русским, принял православие и облик казацкого генерала под именем Гольцов⁵⁴. “Обрусение” фрайкора происходило при молчаливом согласии нового немецкого командующего в Прибалтике фон Эберхардта. Поначалу не последовало и серьезных возражений со стороны правительства, настроение которого фон дер Гольц прозондировал заранее, съездив в Веймар и встретившись там с Ф.Эбертом и министром иностранных дел Х.Мюллером⁵⁵. К проектам фон дер Гольца благосклонно отнесся военный министр Г.Носке: в его телеграмме от 26 сентября было косвенно выражено согласие с действиями генерала⁵⁶. Правда, неделю спустя, 3 октября Носке, под давлением союзников, издал приказ, запрещающий немецким военным служащим переход на русскую службу и подтверждающий отзыв фон дер Гольца с Балтики⁵⁷. Однако сделано это было уже после того, как переход совершился. Как отмечал в своих воспоминаниях майор Бишофф, “во время всей... прибалтийской операции... правительством было запрещено многое из того, что потом с его ведома и при его молчаливом одобрении было все-таки проведено в жизнь”⁵⁸.

В то время, как на занятых немцами прибалтийских территориях формировались военные силы под русскими знаменами, в Берлине в июле 1919 г. был образован орган, претендовавший на руководство прогерманским течением русской контрреволюции — Западнорусский военно-политический совет. Его возглавил сенатор Н.И.Туган-Барановский, а в состав вошли сенатор А.В.Бельгард, барон А.Пиллер, полковник П.Дурново и другие лица, известные своими монархическими взглядами. Совет осуществлял связь с германскими правительственными сферами, организовывал поддержку русских формирований в Прибалтике деньгами и различными видами снабжения⁵⁹. 15 августа представитель Западнорусского совета А.К.Реммер встретился в Елгаве с фон дер Гольцем и Бермондтом. Он сообщил им о своей беседе с главой английской военной миссии в Германии генералом Малколмом, от которого он узнал, что Антанта не будет возражать против создания русского западного фронта с немецкой помощью. Это известие должно повлиять на позицию германских финансовых кругов, от которых теперь можно будет ожидать выделения необходимых средств⁶⁰. В общей сложности войска Бермондта получили материальные ценности на сумму более 300 миллионов марок⁶¹. К началу осени большое влияние в русских кругах в Берлине приобрел генерал В.В.Бискупский, находившийся в 1918 г. на службе у украинской Центральной Рады. Берлинский совет стал выдвигать его на роль командующего всеми русскими силами германской ориентации⁶². По сообщению генерала Малколма, Бискупский симпатизировал Антанте, однако в сложившихся условиях он считал возможным и необходимым воспользоваться немецкой помощью⁶³. П.Дурново в беседе с английским майором Торнберном откровенно высказывал мнение, что он не считает Антанту в данный момент способной помочь русским. Поэтому единственным выходом остается создание русско-немецкой армии, опиравшейся на германскую помощь⁶⁴. Схожих взглядов придер-

живался бывший военный министр Временного правительства А.И.Гучков, находившийся в то время в Берлине⁶⁵. 17 сентября между Западнорусским советом и Западной армией было заключено соглашение, по которому Западнорусский военно-политический совет признавался единственным правомочным государственным учреждением Западной России; со своей стороны, совет признавал Бермондта командующим русскими силами западного фронта⁶⁶. Бискупский и его коллеги пытались через русского военного представителя в Париже генерала Д.Щербачева скоординировать действия с белогвардейскими центрами, ориентированными на Антанту, однако ответа на свои предложения они не получили⁶⁷. Видимо, проантантовская часть Белого движения не хотела компрометировать себя связями с германофилами.

Английские военные представители на Балтике, несмотря на явное германофильство Бермондта, не оставляли надежд использовать Западную армию для наступления на Советскую Россию. 26 августа в Риге под председательством заместителя Х.Гофа генерала Ф.Дж.Марша состоялось совещание, в котором приняли участие военные представители прибалтийских государств, Польши, Западной армии и представитель Юденича генерал К.Десино. На совещании был разработан план совместного антисоветского наступления, начало которого было назначено на 15 сентября, при этом каждой из армий отводился определенный участок фронта⁶⁸. Член британской военной миссии полковник С.Таллентс в конце августа посетил Бермондта в Елгаве и вел с ним переговоры об участии его войск в наступлении. Таллентс добился от Бермондта обещания подписать пункты декларации, которые должны были оградить государственные интересы Латвийской республики (объявление о своих мирных намерениях по отношению к Латвии, обещание не оставаться на латвийской территории дольше, чем это будет необходимо, действовать под контролем латвийского главнокомандующего и т. д.)⁶⁹. Юденич, готовившийся к наступлению на Петроград и, видимо, не питавший особых иллюзий по поводу реализации рижских договоренностей, начал добиваться перевода войск Бермондта на северо-западный фронт. По сообщениям латвийских информационных агентств, в конце сентября представитель Юденича вел переговоры с Бермондтом, и последний якобы согласился на отправку своих войск в Нарву в течение десяти дней⁷⁰.

Таким образом, Бермондт, обуреваемый честолюбивыми замыслами и подстрекаемый своими немецкими покровителями, не спешил никому подчиняться и стремился проводить собственную политику. В начале октября Бермондт сформировал в Елгаве собственный орган политического управления — Совет управления при командующем Западной добровольческой армией, в состав которого входили граф К.Пален, барон Р.Ламсдорф, барон П.Энгельгардт, сенатор А.Римский-Корсаков и др.⁷¹ На должность председателя совета был назначен лидер русских германофилов в Финляндии князь В.Волконский. По сообщениям прессы, Центральному совету подчинялся особый латышский комитет, состоявший на две трети из латышей и на одну — из местных немцев. Он занимался подготовкой к выборам в латвийское Учредительное собрание⁷². Бермондтовский центральный совет, таким образом, выполнял на оккупированной территории Курземе функции правительства, сепаратного по отношению к правительству Латвии (в некоторых источниках он так и именуется — Западнорусское правительство). Как сообщалось в финской прессе, политической программой бермондтовского “правительства” было создание Российских Соединенных Штатов, в состав которых Польша и Финляндия вошли бы как автономные государства. За Латвией признавалось самоуправление⁷³.

7 октября Бермондт вручил ноту германскому представителю в Елгаве, в которой говорилось, что он берет на себя охрану порядка в освобожденных от большевизма

западных областях России. Как представитель российской государственной власти Бермондт благодарил германское правительство за неоценимые услуги и сообщал, что после эвакуации немецких войск возьмет на себя охрану территории, занимаемой его армией⁷⁴. Немцы усиленно подталкивали Бермондта к конфликту с латвийским правительством, рассчитывая взять реванш за летнюю неудачу. Из Елгавы в адрес членов союзной миссии постоянно звучали жалобы, что латышские войска якобы концентрируются у Олайне и в других местах вдоль демаркационной линии, открывают огонь и совершают нападение на русские и немецкие части⁷⁵. Все эти заявления делались, несомненно, с целью оправдать дальнейшие действия. 6 октября, через несколько дней после начала наступления Юденича на Петроград, Бермондт обратился к председателю Совета Министров Латвии с требованием пропустить его войска через Ригу, на соединение с Северо-западной армией. Получив отказ, Бермондт 8 октября открыл военные действия против латвийского правительства и начал наступление на Ригу⁷⁶. В тот же день пресс-служба Западной армии распространила заявление, в котором утверждалось, что латышские войска напали первыми, в связи с чем “Русское” командование было вынуждено принять ответные меры и перейти в контрнаступление⁷⁷. В действительности это “контрнаступление” было запланировано заранее: план операции разрабатывался в Елгаве 1 октября⁷⁸. 8 октября бермондтовцы взяли Тукумс и на следующий день заняли предместье Риги и начали обстрел города. Правительство Ульманиса бежало в Цесис и обратилось за помощью к державам Антанты, Эстонии и Польше⁷⁹.

Юденич был крайне встревожен поворотом событий в Латвии. 9 октября он издал приказ, в котором объявлял Бермондта изменником Отечества и исключал его из рядов российских вооруженных сил. В приказе содержался призыв к верным долгу солдатам и офицерам русских частей Западной армии оставить ее ряды и обратиться в британскую миссию за содействием их отправке на нарвский фронт⁸⁰. 13 октября Северо-Западное правительство опубликовало воззвание к солдатам и офицерам армии Бермондта, в котором, в частности, говорилось: “Бермондт получил приказ идти на подмогу нарвскому фронту, но он не исполнил этого приказа, мало того, он ударил на Ригу и на латышские войска, действующие в союзе с нами против большевиков. Вы знаете, чем грозит нашему фронту эта измена. Победоносно начавшееся наступление остановится, латышские войска будут отведены от борьбы с большевиками, эстонские войска пойдут на подмогу Латвии, тыл наш ослабнет [...] Большевики же получают передышку, соберутся с силами и начнут вновь бесчинствовать [...]”⁸¹. Эти слова оказались пророческими: все именно так и получилось. Латвийское командование бросило все силы на защиту Риги, фактически прекратив операции против красных в Латгале. Эстонцы перебрасывали две дивизии с артиллерией и бронепоездами с псковского направления на помощь латышам. Это заметно облегчило советскому командованию подготовку контрнаступления под Петроградом. 15-я армия красных получила возможность нанести удар по неприкрытому правому флангу Северо-западной армии, что она и сделала в конце октября.

Юденич прилагал все усилия, чтобы не дать эстонцам и латышам повод быть заподозренным в сговоре с Бермондтом, он даже демонстративно отправил четыре орудия в подарок латвийской армии⁸². Скорее всего, верхи Северо-западной армии действительно не имели отношения к бермондтовской авантюре: она не могла принести им ничего, кроме вреда. Тем не менее, избежать подозрений в связях с немцами им не удалось: сказалось давнее предубеждение прибалтийских политиков и военных против русских белогвардейцев, которых они считали (и не всегда без оснований) реакционерами и монархистами, противниками независимости балтийских государств. По свидетельству Г.Л.Кирдцеова, журналиста кадетской газеты “Речь”, “вмиг в Ревеле, в эстон-

ских народных массах, в Учредительном собрании и в правительственных кругах относительно благожелательное отношение к русским, к задачам Северо-Западной армии круто изменилось к худшему”⁸³. Несколько фантастическая версия происходивших событий поступила из Литвы: в местной прессе промелькнуло сообщение, будто Бермондт и Эберхардт были в сговоре с большевиками и имели с ними договоренность ударить латышам в тыл, если красных начнут теснить⁸⁴. При всей абсурдности подобного утверждения нельзя не признать, что больше всего от действий Бермондта выиграла именно красные — им оказалась очень на руку междоусобица в тылу их врагов.

События в Латвии вызвали незамедлительную реакцию со стороны держав Антанты. 10 октября союзники возобновили блокаду балтийского побережья в Курземе⁸⁵. В Париже по предложению Фоша было решено с 20 октября применить к Германии репрессивные меры, если к этому времени немецкие войска не уйдут из Латвии⁸⁶. Германское правительство находилось в состоянии некоторой паники и отправляло войскам в Прибалтике отчаянные обращения с призывами уходить. “Вон из Прибалтики, всякая другая политика есть политика преступных авантюров”, говорилось в одном из обращений⁸⁷. Союзные эскадры на Балтике получили от своих правительств свободу действий против бермондтовцев. 13 октября командующий английской эскадрой адмирал У. Коуэн ультимативно потребовал отвода бермондтовских войск от линии Даугавы, угрожая в противном случае открыть огонь⁸⁸. После того, как этот ультиматум был проигнорирован, английские корабли 15 октября начали интенсивный обстрел немецких позиций в районе крепости Даугавгрива (Усть-Двинск)⁸⁹. С английской помощью латышские войска сумели остановить наступление бермондтовцев на Ригу. Английские корабли, среди которых был и только что переведенный из Финского залива монитор “Эребус”, помогли своим огнем латышским гарнизонам отбить атаки немцев на Вентспилс и Лиепая⁹⁰. Бермондт, видя, что ситуация начинает складываться неблагоприятно, пытался маневрировать. Он дважды обращался к правительству Латвии с предложением о перемирии, но оно было отвергнуто⁹¹. В конце октября Бермондт отправил делегацию в Таганрог для переговоров с А.И. Деникиным, но последний отказался принять бермондтовских делегатов. В заявлении штаба Деникина было сказано: “Главное командование вооруженных сил Юга России, придерживаясь неизменно союзной ориентации, не вступало и не вступает ни в какие переговоры с представителями вооруженных сил, организуемых германцами...”⁹² В Омске также отвергали возможность сотрудничества с немцами. А.В. Колчак заявлял: “Мы отвергаем всякую мысль об искании германской помощи и продолжаем в этом смысле придерживаться прежней политики”⁹³. Неблагоприятно для Бермондта складывалась обстановка в Литве, к которой был обращен тыл его армии: прежнее литовское правительство, опасавшееся экспансионистских устремлений со стороны Польши и поэтому достаточно дружелюбно относившееся к немцам, было смещено под нажимом Антанты и заменено более лояльным по отношению к последней кабинетом⁹⁴. Если верить информации белогвардейских газет (“Приазовский край” от 3 ноября), Бермондт также отправил делегатов к Юденичу с изъявлением готовности немедленно присоединиться к нему⁹⁵. Это, однако, следовало сделать несколько раньше. Теперь же переброска армии Бермондта под Петроград была трудноисполнима даже чисто технически, не говоря уже о политической подоплеке проблемы.

3 ноября латышские войска при поддержке огня английских и французских кораблей и эстонских бронепоездов начали общее контрнаступление. Войска Бермондта были опрокинуты по всему фронту и начали отступать. В бермондтовской армии началось разложение, особенно сильно были деморализованы этнически русские части, так как многие русские солдаты и офицеры с самого начала не хотели участвовать в этой

авантюре. 21 ноября наступающие латышские войска заняли Елгаву, а к концу месяца вся территория Земгале и Курземе была очищена от интервентов⁹⁶. От полного разгрома Западную армию спас немецкий добровольческий отряд Г.Росбаха, который, несмотря на все запреты, в начале ноября перешел границу с территории Восточной Пруссии и, вступив в бой с латышами, стойко сдерживал их натиск, прикрывая отход бермондтовцев⁹⁷. Часть немецких отрядов, оставив знамена Западной армии и официально вернувшись в состав 6-го германского резервного корпуса, приступила к организованной эвакуации в Германию. Остальные, окончательно потеряв всякие признаки организованности, в беспорядке отступали через территорию Литвы, бесчинствуя по дороге и вступая в стычки с литовскими войсками⁹⁸.

Некоторые военные и политические деятели Антанты даже в этих условиях полагали, что не следует допускать полной ликвидации Западной армии. У.Черчилль заявлял о необходимости отделить русские части армии от немецких и направить их на соединение с войсками Юденича⁹⁹. Другие члены британского руководства не проявили, однако, интереса к разбитой армии: в меморандуме Министерства иностранных дел от 15 ноября отмечалось, что вопрос утратил практическое значение, так как армия Юденича сама подлежала роспуску¹⁰⁰. Эвакуация немецких войск из Прибалтики продолжалась до середины декабря. 14 декабря последние немецкие части пересекли литовско-германскую границу¹⁰¹. Остатки русской части армии (около 5000 человек) были сосредоточены в лагере Альтенграбов в Силезии¹⁰². 2 декабря германское Военное министерство направило своему Министерству иностранных дел запрос относительно того, что делать с этими частями, предлагая со своей стороны организовать их отправку на деникинский фронт. МИД заявило в ответ, что “заниматься отправкой подкреплений генералу Деникину — не дело германского правительства”, и предложило оставить этот вопрос на усмотрение Антанты¹⁰³. Союзные представители заявили солдатам Бермондта, что готовы обеспечить перевозку желающих к Юденичу. Желающих, однако, нашлось немного, так как Северо-Западная армия, вытесненная красными в Эстонию, и сама уже агонизировала: лишь 300 солдат и офицеров бывшей Западной армии воспользовались предложением присоединиться к Юденичу¹⁰⁴. Остальные были перевезены в Германию, где оказались в лагерях для интернированных. НКВД РСФСР в ноте германскому МИД от 29 декабря утверждал, что ему стало известно “из достоверных источников” о подготовке добровольцев из отрядов Бермондта для переброски на мурманский фронт¹⁰⁵. Нет никаких данных, которые могли бы подтвердить прибытие бывших бермондтовцев в Мурманск. Следовательно, подобный проект, даже если он и имел место, скорее всего, никогда не был осуществлен.

Рассматриваемый этап германского “натиска на Восток” на этом завершился. Альянс немецких и русских реакционеров не оправдал себя. Однако опыт 1919 года не был забыт в Германии. Офицеры и солдаты фрайкора не теряли связи друг с другом, вступая во всевозможные военизированные “трудовые общества” (“Arbeitsgemeinschaften”)¹⁰⁶. Многие из них участвовали в Капповском путче 1920 г. и в “пивном” путче 1923 г., а впоследствии стали членами нацистских формирований СА и СС. “Школу” фрайкора прошли такие известные генералы гитлеровского Вермахта, как Гудериан, Фрич, Кляйст, Рабенау, Сикст фон Арним¹⁰⁷. Фон дер Гольц во втором издании своих воспоминаний, вышедшем уже при нацистском режиме, очень точно охарактеризовал роль балтийского фрайкора в истории немецкого милитаризма: “Участники балтийского похода были не только солдатами последнего фронта, они были, и это особенно важно отметить, первыми бойцами за новую Германию, за Третий Рейх”¹⁰⁸. Сам фон дер Гольц с 1934 г. был председателем “Национального союза немецких офицеров”¹⁰⁹. Самозванный князь Авалов, нашедший после разгрома своей армии убежище в Германии, также сотрудничал с

нацистами, а генерал Бискупский в 1936 г. был назначен А. Гитлером и А. Розенбергом “правительственным комиссаром по русским делам”¹⁰. “Подвиги” германского воинства в Прибалтике романтизировались и воспевались немецкой историографией и беллетристикой второй половины 30-х гг., опыт его действий изучался и использовался при разработке планов новых завоевательных походов на Восток.

Примечания

- ¹ *Rosenfeld G.* Sowjetrußland und Deutschland. 1917—1922. Berlin, 1984. S.165.
- ² *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте // *Вопросы истории.* 1991. N 11. С.142.
- ³ Цит. по: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands. 1914—1918. Düsseldorf, 1961. S.477.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.200. Оп.1. Д.341. Л.91.
- ⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.15.
- ⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.2. М., 1964. С.89.
- ⁷ Там же. В феврале 1919 г. проблема передвижения войск была урегулирована между германской и польской сторонами, во всяком случае формально. 5 февраля в Белостоке было подписано соглашение, устанавливавшее порядок эвакуации немецких войск с оккупированных ими территорий и продвижения польских войск на антисоветский фронт (Deutsch-sowjetische Beziehungen von der Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluß des Rapallovertrages. Dokumentensammlung. Bd.2. 1919—1922. Berlin, 1971. S.60—63).
- ⁸ *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy. 1918—1921. Vol.1: From the Compiègne Armistice to the Implementation of the Versailles Treaty. Helsinki, 1980. P.69.
- ⁹ *Крестынь М.П.* Советская Латвия в 1919 г. Рига, 1957. С.53—54.
- ¹⁰ *Waite R.G.L.* Vanguard of Nazism: The Free Corps Movement in Postwar Germany. 1918—1923. Cambridge, 1952. P.104.
- ¹¹ *Ibid.* P.104—107.
- ¹² *Schmiedel K., Schniter H.* Bürgerkrieg und Intervention 1918—1922. Militärhistorisches Abriß des Bürgerkrieges und der ausländischen Intervention in Sowjetrußland. Berlin, 1970. S.188.
- ¹³ *Rosenfeld G.* Op.cit. S.207.
- ¹⁴ *Linke H.G.* Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1972. S.69—70.
- ¹⁵ *Goltz R. von der.* Als politischer General im Osten (Finnland und Baltikum). 1918 und 1919. Leipzig, 1936. S.85.
- ¹⁶ *Ibid.* S.165.
- ¹⁷ Иностранная военная интервенция в Прибалтике, 1917—1920. М., 1988. С.158—159.
- ¹⁸ *Waite R.G.L.* Op.cit. P.113.
- ¹⁹ *Ibid.* P.119—119; Иностранная военная интервенция в Прибалтике. С.158—159.
- ²⁰ Социалистическая Советская республика Латвии в 1919 году и иностранная интервенция. Документы и материалы. Рига, 1959. С.181.
- ²¹ *Schmiedel K., Schnitter H.* Op.cit. S.102.
- ²² Иностранная военная интервенция в Прибалтике. С.159—160.
- ²³ *Page S.W.* The Formation of the Baltic States. A Study of the Effects of Great Power Policies upon the Emergence of Lithuania, Latvia and Estonia. Cambridge, 1959. P.160,162.
- ²⁴ Социалистическая Советская республика Латвии в 1919 году. С.463.
- ²⁵ *Штейн Б.Е.* Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949. С.223; *Bilmanis A.* A History of Latvia. Princeton, 1951. P.324.
- ²⁶ *Gilbert M.* (ed.) Winston Churschill. Vol.4. 1917—1922. Boston, 1978. P.832.
- ²⁷ *Hovi O.* Op.cit. P.141.
- ²⁸ ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.319. Л.125.
- ²⁹ Там же. Д.324. Л.25.
- ³⁰ Там же. Л.126.
- ³¹ Documents on British Foreign Policy (DBFP). Ist Series. Vol.3. London, 1949. P.56.
- ³² *Ibid.* P.67,124.
- ³³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.Р-55. Оп.1. Д.16. Л.394.
- ³⁴ *Page S.W.* Op.cit. P.157.
- ³⁵ *Waite R.G.L.* Op.cit. P.124.
- ³⁶ РГА ВМФ. Ф.Р-92. Оп.1. Д.286. Л.67.
- ³⁷ *Waite R.G.L.* Op.cit. P.125.
- ³⁸ РГА ВМФ. Ф.Р-1. Оп.3. Д.406. Л.30.
- ³⁹ *Goltz R. von der.* Op.cit. S.140.
- ⁴⁰ *Page S.W.* Op.cit. P.159.
- ⁴¹ *Bilmanis A.* Op.cit. P.326.
- ⁴² *Goltz R. von der.* Op.cit. S.138.
- ⁴³ В своих мемуарах Бермондт следующим образом излагал свою биографию: он родился в Тифлисе, его отцом был князь М.А.Авалов, Бермондт — фамилия его отчима. Во время войны с Японией он добровольно поступил в армию и служил адъютантом у генерала Мищенко (*Авалов П.М.* В борьбе с большевизмом. Глюкштат, Гамбург, 1925. С.436).

- ⁴⁴ Там же. С.46, 48.
- ⁴⁵ Там же. С.137—138.
- ⁴⁶ Там же. С.149,151.
- ⁴⁷ Там же. С.154. Генерал граф Келлер осенью 1918 г. намечался на пост командующего силами северо-западной контрреволюции, однако отбыть из Киева, где он находился, во Псков не успел, будучи схвачен и убит петлюровцами.
- ⁴⁸ DBFR. Vol.3. P.88.
- ⁴⁹ *Авалов П.М.* Указ. соч. С.213.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ РГА ВМФ. Ф.Р-342. Оп.1. Д.671. Л.9.
- ⁵² *Авалов П.М.* Указ. соч. С.213.
- ⁵³ *Linke H.G.* Op.cit. S.79.
- ⁵⁴ РГА ВМФ. Ф.Р-92. Оп.1. Д.264. Л.36.
- ⁵⁵ *Goltz R. von der.* Op.cit. S.143.
- ⁵⁶ *Deutsch-sovjetische Beziehungen...* Bd.2. S.153.
- ⁵⁷ *Goltz R. von der.* Op.cit. S.151.
- ⁵⁸ Цит. по: *Норден А.* Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М., 1956. С.286.
- ⁵⁹ РГВА. Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.11.
- ⁶⁰ *Deutsch-sovjetische Beziehungen...* Bd.2. S.146—147.
- ⁶¹ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. С.214.
- ⁶² РГВА. Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.11—12.
- ⁶³ DBFR. Vol.3. P.94.
- ⁶⁴ Ibid. P.96—97.
- ⁶⁵ *Deutsch-sovjetische Beziehungen...* Bd.2. S.148.
- ⁶⁶ Интервенция на Северо-Западе России (1917—1920 гг.). СПб., 1995. С.352—353.
- ⁶⁷ *Федотов Б.Ф.* На дальних подступах к Красному Питеру // Вопросы истории. 1972. № 10. С.114.
- ⁶⁸ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. С.194.
- ⁶⁹ DBFR. Vol.3. P.87.
- ⁷⁰ *Авалов П.М.* Указ. соч. С.187—188.
- ⁷¹ Там же. С.196.
- ⁷² РГВИА. Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.7.
- ⁷³ РГА ВМФ. Ф.Р-342. Оп.1. Д.671. Л.3.
- ⁷⁴ Там же. Ф.Р-307. Оп.1. Д.74. Л.144.
- ⁷⁵ Там же. Ф.Р-92. Оп.1. Д.126. Л.230; РГВА. Ф.40147. Оп.1. Д.9. Л.15.
- ⁷⁶ *Ситолс В.Я.* За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920). М., 1959. С.162.
- ⁷⁷ РГВА. Ф.40147. Оп.1. Д.9. Л.18.
- ⁷⁸ Интервенция на Северо-Западе России. С.352.
- ⁷⁹ *Skrzypek F.* Związek Bałtycki, Litwa, Lotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSSR w latach 1919—1925. Warszawa, 1971. S.44.
- ⁸⁰ РГВА. Ф.40147. Оп.1. Д.9. Л.24.
- ⁸¹ РГА ВМФ. Ф.Р-92. Оп.1. Д.230. Л.371.
- ⁸² DBFR. Vol.3. P.177.
- ⁸³ *Кирдецов Г.Л.* У ворот Петрограда. Берлин, 1921. С.333.
- ⁸⁴ РГВА. Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.6. Бермондт, со своей стороны, называл правительство Ульманиса “большевистским”. Обе враждующие стороны прибегали к обвинениям в сговоре с большевиками.
- ⁸⁵ *Sullivan C.J.* German Freecorps in the Baltic, 1918—1919 // Journal of Baltic Studies. 1978. N 2. P.128.
- ⁸⁶ РГА ВМФ. Ф.Р-92. Оп.1. Д.126. Л.13.
- ⁸⁷ Там же. Ф.Р-307. Оп.1. Д.73. Л.26.
- ⁸⁸ DBFR. Vol.3. P.176.
- ⁸⁹ *Bennett G.* Cowan's War: The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920. London, 1964. P.178.
- ⁹⁰ Ibid. P.190—191.
- ⁹¹ РГА ВМФ. Ф.Р-307. Оп.1. Д.74. Л.149.
- ⁹² РГВА. Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.3.
- ⁹³ ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.291. Л.28—29.
- ⁹⁴ *Goltz R. von der.* Op.cit. S.148—149.
- ⁹⁵ РГВА. Ф.40298. Оп.1. Д.73. Л.2.
- ⁹⁶ Там же. Л.38.
- ⁹⁷ *Goltz R. von der.* Op.cit. S.157.
- ⁹⁸ *Skrzypek A.* Op.cit. S.45.
- ⁹⁹ Winston Churchill. Vol.4. P.957, 962.
- ¹⁰⁰ DBFR. Vol.3. P.226.
- ¹⁰¹ *Linke H.G.* Op.cit. S.81.
- ¹⁰² *Авалов П.М.* Указ.соч. С.225.
- ¹⁰³ *Linke H.G.* Op.cit. S.81.
- ¹⁰⁴ Ibid. S.82.
- ¹⁰⁵ Документы внешней политики СССР. Т.2. М., 1958. С.316.
- ¹⁰⁶ *Waite R.G.L.* Op.cit. P.137.
- ¹⁰⁷ *Норден А.* Указ.соч. С.273.
- ¹⁰⁸ *Goltz R. von der.* Op.cit. S.163.
- ¹⁰⁹ *Waite R.G.L.* Op.cit. P.288.
- ¹¹⁰ *Норден А.* Указ. соч. С.284; *Пелкаус Э.* Бермонтиада // Латвия на грани эпох. Ч.3. Рига, 1988. С.40.

А.Н.Кашеваров

Высшее церковное управление Русской Православной Церкви в период гражданской войны

Поместный Собор 1917—1918 гг. на первой же своей сессии разработал и принял положение об организации Высшего церковного управления (далее — ВЦУ), которое должно было работать в промежутках между сессиями Собора. Решено было, что Священный Синод должен состоять из председателя (патриарха) и 12 членов: постоянных — Киевского митрополита и 6 архиереев, избираемых Поместным Собором на 3 года, и 5 архипастырей, вызываемых по очереди на один год, по одному из каждого округа. Все епархии Русской Церкви предполагалось объединить в 5 округов: Северо-Западный, Юго-Западный, Центральный, Восточный и Сибирский. В состав Высшего Церковного Совета (далее — ВЦС) должны были входить: патриарх (председатель) и 15 членов: 3 иерарха по избранию Священного Синода, а остальные члены ВЦС по избранию Собора — один монах, 5 клириков из белого духовенства и 6 мирян. В ведение Священного Синода были отнесены дела, касающиеся вероучения, богослужения, церковной дисциплины и управления, общего надзора над духовным просвещением. Высший Церковный Совет должен был заниматься по преимуществу внешней стороной церковно-административных и церковно-хозяйственных дел, ревизией и контролем, в его же компетенцию входили вопросы социального характера, связанные с благотворительностью, светским правом и т.д. Особо важные дела: защита прав и привилегий Церкви, открытие новых духовных школ, подготовка к Поместному Собору, а также утверждение сметы расходов и доходов церковных учреждений — подлежали рассмотрению соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета¹.

На последних заседаниях своей первой сессии перед роспуском на рождественские каникулы Собор избрал высшие органы церковного управления — Священный Синод и Высший Церковный Совет. Именно этому составу ВЦУ надлежало вести церковный корабль в полные драматизма годы гражданской войны. Это бремя ответственности осложнялось тем немаловажным обстоятельством, что Поместный Собор не завершил своей работы; предстояло принять решения еще по 13 вопросам. Обсудить их предполагалось на следующей сессии в 1919 г., которая в тех условиях не могла собраться. Высшей церковной власти предстояло провести в жизнь, насколько это было возможно в обстановке полыхавшей гражданской войны, решения трех сессий Собора и определить позицию Церкви в связи с политикой новой власти по отношению к религии и православному духовенству.

В советской литературе атеистического характера был распространен тезис, высказанный впервые одним из лидеров обновленческого раскола А.И.Введенским, о том,

что ВЦУ во главе с патриархом Тихоном, занимаясь преимущественно контрреволюцией, тем самым довело церковь до разрухи². Некоторые церковные историки высказывают мнение о том, что к концу 1920 г. за убылью своих членов распались Синод и ВЦС, и поэтому с 1921 г. в сущности высшая церковная власть осуществлялась единолично патриархом, опиравшимся на помощь своих ближайших советников³. В современных отечественных и зарубежных исследованиях много внимания уделено выяснению позиции святителя Тихона в 1918—1920 гг., особенно анализу его посланий, касавшихся отношения Церкви к общественно-политическим событиям того времени и акциям Советской власти⁴. Однако несмотря на то, что на случай невозможности созывать Собор или Синод патриарху было дано Собором право управлять церковью единолично, важнейшие решения принимались в соединенном присутствии Синода и ВЦС, заседавших под председательством патриарха. Деятельность этих органов высшей церковной власти в бурные 1918—1920 гг. до сих пор почти не изучена. Цель предлагаемого исследования — восполнить указанный пробел в историографии.

Для изучения деятельности ВЦУ важно прежде всего установить, какие изменения в его составе произошли в годы гражданской войны. Собор избрал высшие органы церковного управления в следующем составе: Киевский митрополит Владимир вошел в Синод как его постоянный член. Членами Синода были избраны получившие наибольшее количество голосов митрополиты: Новгородский — Арсений, Харьковский—Антоний, Владимирский—Сергий, Тифлисский — Платон; архиепископы: Кишиневский — Анастасий и Волынский — Евлогий. Заместителями членов Синода были признаны без отдельного голосования те кандидаты, которые по количеству голосов следовали за избранными в Синод: епископ Вятский Никандр, архиепископ Таврический Димитрий, митрополит Петроградский Вениамин, архиепископ Могилевский Константин, архиепископ Тамбовский Кирилл, архиепископ Пермский Андроник. В Высший Церковный Совет Собор избрал от монашествующих архимандрита Виссариона; от клириков из белого духовенства — протоиерея А.В.Санковского, протопресвитера Н.А.Любимова, протоиерея А.М.Станиславского, протопресвитера Г.Шавельского, псаломщика А.Г.Куляшева и от мирян — профессоров С.Н.Булгакова, И.М.Громогласова, П.Д.Лапина, князя Г.И.Трубецкого, А.В.Карташева, С.М.Раевского⁵.

С начала 1919 г. из членов ВЦУ, кроме непосредственно возглавлявшего управление патриарха, присутствовали в Москве и участвовали в заседаниях Синода: митрополиты — Новгородский — Арсений, Владимирский — Сергий, Тифлисский — Кирилл (все — по избранию Собора), архиепископ Архангельский Нафанаил (в порядке очереди); в заседаниях Высшего Церковного Совета: архимандрит Алексей, протопресвитер Н.А.Любимов, протоиерей А.М.Станиславский, профессора И.М.Громогласов и П.Д.Лапин, псаломщик А.Г.Куляшев. Вместе с патриархом это было 14 человек, в то время как в полном составе ВЦУ должно было быть 28 членов. Таким образом, в начале 1919 г. реальный состав органов высшей церковной власти уменьшился вполтину.

Некоторые из членов Синода выехали в свои епархии для “устроения церковных дел” (например, митрополит Киевский Антоний и архиепископ Кишиневский Анастасий); несколько членов ВЦС были отпущены “для поправления здоровья” (например, профессор С.Н.Булгаков, С.М.Раевский, протоиерей А.В.Санковский). Вернуться в Москву через фронты гражданской войны им было непросто. О причинах неявки ряда членов ВЦУ, как и о том, живы ли они, высшая церковная власть сведений не имела. Так, архиепископ Оренбургский Мефодий был вызван ВЦУ телеграммой 10 июня 1919 г., но никакого известия в ответ не было получено; архиепископ Смоленский Феодосий был вызван в Москву по постановлению 10 февраля 1919 г., но этот вызов был возвращен почтой “за ненахождением адресата”⁷.

7 ноября 1919 г. патриарх, Синод и ВЦС в соединенном присутствии “имели суждение о неполноте личного состава Высшего церковного управления вследствие продолжительного отсутствия некоторых его членов, вызванного чрезвычайными обстоятельствами переживаемого момента”. Принимая во внимание, что “остающиеся налицо члены Высшего церковного управления не располагают точными сведениями не только о причинах отсутствия [...] некоторых лиц, но и месте их пребывания” и что “при наличном составе членов Св. Синода и ВЦС сохраняется законная возможность составления как каждого из этих учреждений, так и их соединенного присутствия”, было принято следующее постановление. “Не замещая отсутствующих членов ВЦУ по избранию Священного Собора их кандидатами и не вызывая вновь очередных иерархов в Священный Синод, ограничить временно состав Священного Синода и ВЦС наличными членами этих учреждений”⁸.

Отметим, что из той половины членов ВЦУ, которая находилась в Москве — 14 человек, постоянно участвовали в его работе не более 9. Однако Высшее церковное управление продолжало, как и раньше, регулярно, т. е. в среднем 3—4 раза в месяц, проводить свои заседания. ВЦУ обслуживали канцелярии Синода и Высшего Церковного Совета, число служащих которых из-за финансовых затруднений и значительного сокращения поступавших к рассмотрению дел с осени 1918 г. по осень 1920 г. уменьшилось более чем вдвое. 9/10 рассмотренных органами высшей церковной власти дел имели внутрицерковный характер, более половины из которых касались тяжелого материально-финансового положения духовных академий и семинарий, многих священнослужителей и даже целых епархий. В особо трудном положении оказалась целая категория лиц, обслуживавших важнейшие нужды Православной церкви, — бывшие преподаватели закрывавшихся Советской властью духовных школ.

Материальное положение самого ВЦУ, в адрес которого поступали прошения о помощи, было не намного лучше. Уже 25 октября 1918 г. оно констатировало, что “общецерковной казны фактически нет”⁹. 19 октября того же года ВЦУ постановило “в виду недостатка средств печатание Соборных деяний временно приостановить”¹⁰.

Для решения финансово-хозяйственных вопросов высшая церковная власть нередко использовала нетрадиционные приемы. Например, в ответ на ходатайство совета Казанской духовной академии о выдаче пособия за первую половину 1920 г. в 30 000 руб. ВЦУ постановлением от 3 мая разрешило “получить назначенную академии сумму из денег Казанского епархиального совета, подлежащих высылке в Москву на нужды Высшего церковного управления”¹¹. Сходные решения ВЦУ принимало и в связи с рядом других таких же прошений с мест.

В расходовании материальных средств на собственные нужды высшей церковной властью был установлен режим жесткой экономии. Примечательно, что соединенное присутствие Синода и Высшего Церковного Совета 17 декабря 1919 г. рассматривало в числе прочих вопрос о выделении 500 руб. члену ВЦС А. Г. Куляшеву за приобретенную им ленту для пишущей машинки в канцелярию ВЦУ¹². 13 февраля 1920 г. по докладу А. Г. Куляшева оно приняло постановление об организации снабжения членов высшей церковной власти и служащих канцелярии продуктами. В нем отмечалось, что “в связи с быстрым ростом цен на хлеб и предметы первой необходимости повышать параллельно с ценами ставки жалованья невозможно. Остается один исход — просить епархиальные советы плодородных губерний прийти на помощь и организовать посылку сухарей и печеного хлеба”¹³.

Несмотря на крайнюю стесненность в средствах, ВЦУ находило возможным выделять “от патриарших щедрот единовременные денежные пособия” обращающимся за помощью священнослужителям и членам их семей, а также лицам из профессорско-

преподавательского состава упраздненных Советской властью духовных школ. Разумеется, что это были не крупные денежные суммы, но и сравнительно небольшие выделенные средства — от 250 до 1000 руб. на одного просителя — являлись необходимой помощью для остро нуждавшихся. Для справки целесообразно привести следующие данные о ценах 1919—1920 гг. в центральных губерниях советской России за фунт: хлеб — 80—85 руб., масло сливочное — 650 руб., масло постное — 600 руб., картофель — 25 руб., крупа манная — 200 руб.¹⁴. Приведенные факты, свидетельствуя о весьма непростых материальных условиях функционирования ВЦУ, наглядно опровергают расхожие пропагандистские штампы официальной советской печати 20-х гг. о том, что “у кормила духовной власти стоят сытые и праздные князья церкви, ради своих земных богатств и выгод нещадно эксплуатирующие религиозные чувства трудящихся масс”¹⁵.

Важнейшим направлением деятельности ВЦУ являлось осуществление решений Поместного Собора 1917—1918 гг. В связи с соборным постановлением административно разделить церковь на 5 митрополичьих округов с митрополитами во главе, а округа на епархии ВЦУ приняло 23 июня 1919 г. указ “Об умножении числа епископов и образовании новых полусамостоятельных викариатств”. С осени 1919 г. Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии слушали рапорты правящих архиереев об учреждении новых викариатств в их епархиях. Так, две кафедры викарных архиереев были открыты в Московской епархии (в дополнение к четырем существовавшим), в Ярославской епархии вместо двух существовавших викариатств были утверждены пять полусамостоятельных викариатств, по одному новому викариатству было учреждено в Нижегородской и Калужской епархиях и т. п.¹⁶.

Исходя из того, что “преподавание Закона Божия вне школы не было воспрещено декретом Советской власти”, ВЦУ несколько раз обсуждало вопрос о религиозно-нравственном просвещении детей дошкольного и школьного возрастов. Совместное заседание органов высшей церковной власти 1 ноября 1919 г. постановило, что “крайне необходимо в спешном порядке разработать новую систему религиозно-нравственного просвещения детей”, и поручило выполнение этой задачи школьно-просветительскому отделу ВЦУ¹⁷.

Таким образом, основная деятельность Высшего церковного управления в 1918—1920 гг. была посвящена налаживанию канонически правильной церковной жизни, насколько это было возможным в условиях гражданской войны, а вовсе не “использованию церкви в целях контрреволюции и вооруженного свержения Советской власти”, как это пытался представить весной 1923 г. 1-й обновленческий Собор¹⁸.

На заседаниях ВЦУ неоднократно рассматривались вопросы отношений с новой властью. Еще в октябре 1918 г. был определен состав делегации ВЦУ для переговоров с Совнаркомом о внесении корректив в религиозную политику советского государства¹⁹. Для характеристики государственно-церковных отношений рассматриваемого периода показательны два заседания органов высшей церковной власти, состоявшиеся после ареста патриарха Тихона 23 декабря 1919 г. На заседании 26 декабря было заслушано сообщение члена ВЦС протопресвитера Н.А.Любимова о допросе патриарха в Секретном отделе ВЧК заместителем Ф.Э.Дзержинского М.И.Лацисом. Текст сообщения был составлен Любимовым со слов самого Святейшего. Характер заданных патриарху вопросов не оставляет сомнения в том, что Лацис искал политический “компромат” на членов Синода. Например, он спросил, почему члены Синода якобы издали указ, запрещающий духовенству оглашать в храмах послание Тихона от 8 октября 1919 г. о невмешательстве священнослужителей в политическую борьбу²⁰. Сопоставление этого вопроса с тем фактом, что несколько ранее, т.е. в ночь с 11 на 12 декабря, были арестованы члены ВЦУ митрополиты Новгородский — Арсений и Тифлисский — Ки-

рилл, возглавлявшие соответственно школьно-просветительский и финансово-хозяйственный отделы ВЦС²¹, позволяет сделать следующий вывод: в декабре 1919 г. ВЧК впервые попыталась парализовать деятельность органов Высшего церковного управления. Одновременно с митрополитами Арсением и Кириллом чекисты арестовали управляющего Московской епархией архиепископа Крутицкого Иоасафа. Извещение об этой акции от имени Московского епархиального совета было прочитано в храмах столицы 28 декабря²².

29 декабря ВЦУ назначило, впредь до освобождения арестованных иерархов, членами ВЦС и одновременно председателями указанных выше отделов митрополита Сергия и архиепископа Нафанаила. Выслушав сообщение Н.И.Любимова об аресте и допросе патриарха, Высшее церковное управление постановило: “изложенный доклад принять к сведению”²³. Тогда же ВЦУ решило “осведомить о происшедших арестах всех православных христиан Церкви Московской” и призвало их “соединить свои молитвы за лишенных свободы иерархов”²⁴. Таким образом, несмотря на всю серьезность создавшегося положения, высшая церковная власть проявила сдержанность и спокойствие, не дав никаких оценок случившемуся.

После ареста патриарха, который оставался жить в Троицком подворье, ВЦУ продолжало проводить заседания Синода и Высшего Церковного Совета, как и прежде, с регулярностью 3—4 раза в месяц, на которых патриарх уже не мог присутствовать. Одно из условий содержания Тихона под домашним арестом состояло в том, что в патриарших покоях нельзя было “устраивать заседаний без особого на каждый раз предварительного разрешения” Секретного отдела ВЧК²⁵. Однако патриарх мог принимать у себя посетителей, которые должны были записывать на особом листе не только имя и фамилию, но и дело, за решением которого они обращались к Святейшему. На следующий же день эти списки необходимо было представить в ВЧК Лацису. В таких условиях каждого заседания ВЦУ к патриарху являлся один из членов Синода или ВЦС “с рапортом дел, подлежащих рассмотрению высшей церковной власти” и получал благословение на проведение “соединенного присутствия”.

В начале 1920 г. ВЧК усилила давление на Высшее церковное управление. Это выразилось прежде всего в том, что Секретный отдел начал противодействовать реализации некоторых решений ВЦУ, принятых, что следует особо подчеркнуть, по внутрицерковным вопросам. 7 февраля Московская типография (бывшая Машистова) получила из ВЧК за подписью Лациса следующее отношение за № 21—91: “Просмотрев корректуру набора Православного календаря на 1920 г., разрешенного к набору Гос. издательством, Секретный отдел ВЧК выпуск данного календаря признает нецелесообразным с точки зрения политической”²⁶. Важно отметить, что в 1920 г. на территории советской России Патриархия не имела ни одного своего печатного органа, и поэтому Православный календарь планировался ВЦУ как своеобразный ежегодник Русской Церкви. Естественно, что его изданию высшая церковная власть придавала особое значение и неоднократно рассматривала связанные с этим вопросы на совместных заседаниях Синода и ВЦС²⁷. Осуществляя политическую цензуру подготовленного Патриархией календаря, Секретный отдел, по существу, вмешался во внутрицерковное дело. Члену ВЦС А.Г.Куляшеву, отвечавшему за подготовку издания, было предложено “выбросить как голословное утверждение” статью “О почитании мощей” и указать в разделе “О содержании епископов” их “доходы и источники содержания”. Чтобы устранить повод государственным органам препятствовать изданию, А.Г.Куляшев был вынужден “совсем выпустить из календаря эти две статьи”²⁸.

Несколько раз ВЦУ заслушивало сообщения и доклады о наиболее крупных антицерковных акциях государственных органов и о попытках православных мирян вполне

легальными методами убедить центральную и местные власти отказаться от подобных действий. Трижды в Москву в конце 1919 г. приезжал уполномоченный от православных церковных общин Сергиева Посада профессор И.В.Попов для подачи протеста в СНК, ВЦИК и Наркомюст против совершившегося в ночь на 2 ноября выселения иноков Троице-Сергиевой лавры из их келей в гостиницу Черниковского скита, а также намеченного местной властью вывоза уже вскрытых к тому времени мошей преподобного Сергия Радонежского в один из столичных музеев. О прохождении и результатах этих ходатайств 28 ноября, 5 и 12 декабря 1919 г. член ВЦС протопресвитер Н.А.Любимов сделал подробные доклады Высшему церковному управлению. В итоге таких слушаний ВЦУ неизменно принимало одно постановление — «вышеизложенный доклад принять к сведению»²⁹.

Отмеченная реакция вовсе не означала самоустранения Синода и ВЦС от острых проблем взаимоотношений с Советской властью. Как уже было показано, Высшее церковное управление находилось в курсе их. Исходя из опыта первых мероприятий советского государства в религиозной политике, ВЦУ предпочитало, чтобы за поруганные святыни власть услышала, в первую очередь, голос протеста тысяч православных верующих мирян, а не церковной иерархии, которую новые руководители страны рассматривали как выразительницу интересов свергнутых эксплуататорских классов и потому почти априорно причисляли к «контрреволюционным элементам». По принципиальным же вопросам церковно-государственных отношений к тому времени высказывались и Поместный Собор, и патриарх в своих обращениях к Советскому правительству, а также в посланиях к пастырям и мирянам Православной церкви³⁰.

Анализ работы ВЦУ с конца 1918 г. до конца 1920 г. позволяет заключить, что подозрения и обвинения, высказанные представителями советского государства в адрес органов высшей церковной власти, находившихся в Москве, в их крайней политизированности и даже контрреволюционности, не имели серьезных оснований. В чрезвычайных условиях гражданской войны ВЦУ, возглавлявшееся патриархом Тихоном, сделало все возможное, чтобы церковная жизнь протекала в русле канонических решений Поместного Собора 1917—1918 гг.

Опыт гражданской войны, когда была затруднена связь между церковным центром и епархиальными кафедрами, а самому ВЦУ грозила опасность ликвидации, подтолкнул высшей церковной власти решение, в котором указывался правомерный путь к сохранению канонического строя церковного управления на случай крайне нежелательного для ВЦУ развития событий. 20 ноября 1920 г. патриарх, Синод и ВЦС в соединенном присутствии приняли постановление о самоуправлении епархий при невозможности для них поддерживать связь с каноническим центром, а также в случае прекращения деятельности Высшего церковного управления³¹. В 1921 г. ВЦУ состояло из семи человек: патриарха Тихона, трех членов Синода (митрополитов: Владимирского — Сергия и Крутицкого — Евсевия, архиепископа Гродненского Михаила) и трех членов ВЦС (протопресвитера Н.А.Любимова, протоиерея А.М.Станиславского и псаломщика А.Г.Куляшева), что являлось лишь четвертой частью от полного состава органов высшей церковной власти.

Примечания

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Приложение к «Деяниям». Вып. I. М.; Пг., 1918. С.7—16.

² *Введенский А.И.*, протоиерей. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918—1920 гг. М., 1923; *Красиков П.А.* На церковном фронте (1918—1923). М.,

- 1923; *Брихичев И.* Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923; *Кандидов Б.П.* Религиозная контрреволюция 1918—1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). М., 1930; *Кагорницкий А.* Церковь в борьбе с социалистическим строительством М., 1939; *Плаксин Р.Ю.* Тихоновщина и ее крах. Л., 1987.
- ³ *Цытин В.*, протоиерей. Русская Церковь (1917—1925). М., 1925. С.156—157.
- ⁴ *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 гг. // Вопросы истории 1993. № 8; *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 1995; *Кашеваров А.Н.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви 1917—1945 гг. СПб., 1995; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
- ⁵ *Цытин В.*, протоиерей. Указ. соч. С.67—68.
- ⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.831. Оп.1. Д.25. Л.47об.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л.48.
- ⁹ Там же. Д.21. Л.30об.
- ¹⁰ Там же. Л.19.
- ¹¹ Там же. Д.26. Л.70.
- ¹² Там же. Д.25. Л.115.
- ¹³ Там же. Д.26. Л.31.
- ¹⁴ Там же. Д.25. Л.1.
- ¹⁵ См., напр.: Революция и церковь. 1919. № 1. С.1—2.
- ¹⁶ РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.25. Л.32—34об., 49, 62—63об.
- ¹⁷ Там же. Л.45—45об.
- ¹⁸ О позиции 1-го обновленческого Собора по указанному вопросу подробно см.: *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С.266—283.
- ¹⁹ РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.21. Л.69—69об.
- ²⁰ Там же. Д.25. Л.130об.
- ²¹ Там же. Л.126
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л.131об.,132.
- ²⁴ Там же. Л.126.
- ²⁵ Там же. Л.131.
- ²⁶ Там же. Д.26. Л.29.
- ²⁷ Там же. Д.22. Л.173—173об.; Д.23. Л.138—138об.; Д.24. Л.140—140об.; Д.25. Л.80об—81.
- ²⁸ Там же. Д.26. Л.56.
- ²⁹ Там же. Д.25. Л.70—70об.,93—95об.,106—107об.
- ³⁰ Подробнее об этом см.: *Кашеваров А.Н.* Указ.соч. С.50—53, 62, 81—85.
- ³¹ Русская православная церковь. Очерки истории. 1917—1988. М., 1988. С.27.

Р.Ш.Ганелин

Сталин и советская историография предвоенных лет

Существуют два взгляда на судьбы исторической науки в предвоенное десятилетие, которые представляются взаимоисключающими. Преобладает тот из них, согласно которому это десятилетие было для исторической науки безусловно пагубным. Действительно, на его пороге были произведены аресты “буржуазных” историков по так называемому “Академическому делу”. Открылось оно письмом Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция”, сигнализировавшим о закреплении его полного контроля не только над настоящим и будущим, но и над прошлым, и завершилось под знаком канонизации сталинского Краткого курса истории ВКП(б). Это было время массовых расправ, в том числе и над историками, установления нерушимых рамок для всей идеологической жизни страны, изъятия книг и организации отделов специального хранения в библиотеках и архивах¹.

Другой взгляд заключается в том, что несмотря на все перечисленное, для исторической науки это были годы если не расцвета, то возрождения и, во всяком случае, довольно значительных успехов.

Я.С.Лурье в известной биографии своего отца С.Я.Лурье, выпущенной в Париже под именем тети (позже Я.С.Лурье признал в печати свое авторство), посвятил этому специальную главу об историческом факультете, воссозданном в Ленинградском университете, как и в других высших учебных заведениях, в 1934 г. Она названа “Афины и Апокалипсис”. “Страшные годы! А начнешь вспоминать истфак тех лет — Афины!” — приводил он слова одного из старых студентов-историков².

А.С.Кан, один из наиболее талантливых и ярких советских исследователей истории зарубежных стран, ныне живущий в Швеции, посвятил интересующей нас проблеме специальную статью³. Как и у Я.С.Лурье, отец А.С.Кана С.Б.Кан являлся активным действующим лицом в исторической науке тех лет, он был одним из первых и самых серьезных советских германистов. Опыт отца в значительной мере определил позицию А.С.Кана, тем более что он сам, в отличие от Я.С.Лурье, перед войной еще не был студентом исторического факультета Московского университета и поступил на него, вернувшись с фронта. Он подходит к теме как историограф и в самом начале своей статьи заявляет, что существующее на Западе и в демократической среде пост-советской России представление о 30-х гг. как времени “массовых репрессий, шовинистических уклонов, догматического промывания мозгов, интеллектуальной стандартизации и почти всеобщего упадка” опровергается “по меньшей мере тремя бесспорными обстоятельствами”. Он формулирует их так: “1) именно под руководством Сталина в середи-

не тридцатых годов была создана на всех уровнях советская система преподавания и исследовательских учреждений в области истории. 2) В это же время были сделаны многие научные карьеры и написаны высоких достоинств работы в области истории, которые затем получили признание и за пределами Советского Союза. 3) Автор настоящей статьи, родившийся в 1925 г., учащийся школы второй ступени в 30-х гг., студент Московского университета в 40-х гг. и профессиональный историк второго поколения, может засвидетельствовать: качество преподавания как в столичных школах, так и в университетах было в сталинские годы весьма высоким, за исключением, конечно, того, что касалось истории советского периода и коммунистической партии”⁴.

“В отличие от ранних и поздних вкладов Сталина в политическую экономию, — пишет А.С.Кан, — его замечания об учебниках истории, включая всемирную историю, являются здравомыслящими. ...Сталин как самоучка испытывал подлинное уважение к регулярному и систематическому образованию. Не может быть сомнений в искренности его стремления к культурной революции (культурной в традиционном, а не маоистском смысле) хотя бы ради распространения гуманитарных знаний. Между тем более свободные и экспериментальные методы двадцатых годов были чуждыми и даже представлялись враждебными бывшему учащемуся духовной семинарии. Он стремился как к политически целесообразному, так и по крайней мере обогащающему в культурном отношении знанию, к большому количеству более систематически изучаемых фактов и приемов исследовательского мастерства, к большей идеологической дисциплине и послушанию вместо дискуссий, непосредственности, оригинальности. Так, официальное осуждение и кампания в печати, открытая в январе 1936 г. Бухариным и Радеком, но спровоцированная лично Сталиным против уже умершего Покровского и его «школы», была основана на обвинении их в ликвидации исторической науки в СССР (в дополнение к политическому соперничеству и стремлению к реваншу). Восстановление исторических знаний должно было служить преподаванию гражданской истории, которая в обстоятельствах того времени означала изложение общественной жизни прошлого, политики и дипломатии вместо исключительного изучения классовой борьбы в прошлом и настоящем. Такая гражданская история должна была стать привлекательной для более широких слоев советского общества, нежели чисто пролетарские и коммунистические. Обоснованно питавший подозрения по отношению к старым большевикам (грубо говоря, с дореволюционным партийным стажем) и к более молодым партийным активистам, участникам политической борьбы двадцатых годов, Сталин был в гораздо меньшей степени предрасположен против лояльных беспартийных людей, особенно тех, которые не были связаны с его оппонентами. В этой среде он предполагал найти и находил большую приверженность национальному прошлому, русскому государству в целом, более теплый отклик на его осторожные, но постоянные обращения к русским патриотическим чувствам как основе советских патриотических чувств, которые должны были поддержать и в конечном счете заменить собой международную пролетарскую солидарность”⁵.

“Веяло отказом от революционного ригоризма; отстоявшаяся жизнь делала заявку на устойчивое прошлое. Последствия были весьма неоднозначными, пробиваясь завязями разных возможностей. Далеко не все из них смогли воплотиться: одни были подрублены в корне, другие теряли свой голос, все больше впадая в официальную фальшь. Однако не сразу и все-таки не все. Ошутимей было другое: истории возвращались права гражданства. Исследование преодолевало сравнительно узкие заданные рамки событий и эпох, на которых фокусировалась советская историография своей ранней, штурмовой поры”, — вспоминал М.Я.Гефтер, поступивший на истфак МГУ в 1936 г.⁶

Но прекратим пространное цитирование, оправдываемое до некоторой степени малой известностью и ничтожной распространенностью цитируемых изданий. Присту-

пим к рассмотрению причин этого единодушно признаваемого парадоксальным явления. Оговоримся, что мы оставляем без специального внимания историю ВКП(б) и только нарождавшуюся тогда историю советского периода. В каком положении находилась советская историография к началу тридцатых годов? Сразу после 1917 г. происходит резкое ослабление, а затем и полное прекращение университетского преподавания истории, из петроградских историков умирают А.С.Лаппо-Данилевский, А.А.Шахматов, эмигрируют М.И.Ростовцев, А.А.Васильев, Н.П.Кондаков и др. С демонстративным и шумным назиданием прерываются связи с заграничными учеными. Прекращается выход продолжавшихся изданий типа “Былое”, “Дела и дни” и др. Наконец, в 1929-1931 гг. с помощью фальсифицированного “Академического дела” была прервана начатая до революции научная деятельность большой группы историков Ленинграда и Москвы, относившихся по понятиям того времени к буржуазным специалистам. И все больший размах и глубину приобретала наряду с этим безудержная политизация прошлого, в том числе и самого далекого.

Одним из такого рода центров в Ленинграде была Государственная академия материальной культуры. По словам В.В.Мавродина она представляла собою в начале 30-х годов “бурлящий котел идей и страстей”; “она отдала дань времени, когда основным содержанием деятельности гуманитарных институтов являлись диспуты, дискуссии, обсуждения, в процессе которых политические характеристики и политические обвинения самого серьезного характера предъявлялись друг другу всеми спорящими сторонами; попытки вести диспут даже с позиций, расценивавшихся как правильные, но в пределах научной терминологии, рассматривались как проявления «гнилого либерализма», «меньшевизма», «примиренчества». Стоявший во главе дела Н.Я.Март, писал Мавродин, “привносил в науку ту политическую остроту, которая побуждала его, разбирая концепцию того или иного автора, интересоваться не тем, что он пишет, а тем почему он пишет”⁷.

Эти догматические ристалища, как и те, которые были посвящены характеру империализма в России⁸, имели для партийных и других властей только тот практический смысл, что их участники, навесив друг на друга политические ярлыки, облегчали следователям их действия. Между тем история как наука и предмет преподавания могли принести режиму существенную пользу. Поэтому новые реформы и были предприняты, по всеобъемлюще выразительному определению И.М.Дьяконова, “в общем направлении обратно к традиционному университету”⁹. И даже для партийных школ Сталин допускал временное использование дореволюционных учебников¹⁰. Впрочем это, как и переиздание трудов В.О.Ключевского и С.Ф.Платонова, относилось уже к 1937 г.

Как читатель мог убедиться, М.Я.Гефтер, который в отличие от А.С.Кана не сводит дело к личной роли Сталина, придает своему объяснению восстановления истории более общий характер, видя в нем общественную потребность “отстоявшейся жизни ... на устойчивое прошлое”. Впрочем, есть основание отнести это за счет фрагментарного характера его записей. В другом месте находим у него слова: “История — «точная наука». Поелику способна «использовать законы развития общества для практического применения», притом такого именно, какое сулит «лучшее будущее человечества». «Краткий курс». Без сомнения, рукою Сталина. Год 1938-й, год распятого Мандельштама”¹¹.

Скорее всего, дело было в том, что Сталин сознавал потребность “отстоявшейся жизни” в “устойчивом прошлом” и использовал ее, тем более что и новой жизни он не дал отстояться самой по себе, а устраивал ее по-своему, и прошлое кроил на свой лад, как и будущее.

Так или иначе, именно Сталин стоял за всем, что происходило в области исследования и преподавания истории. До известной степени цели, которых он хотел добиться

с помощью исторической науки, совпадали с ее интересами. Прежде всего он разрешил ее существование, ранее запрещавшееся, но разрешение было связано с возможностью (как и запрет — с невозможностью) изучения истории национальных государств. Не имевшее смысла на казавшемся совсем коротким пути к всемирной революции и подменявшееся историей социализма или революционных идей, оно становилось необходимым для борьбы за победу социализма в одной отдельно взятой стране. История этой страны требовала особенного к себе внимания, а оно неизбежно было связано с известной “патриотизацией” осторожного, по выражению А.С.Кана, сталинского подхода, весьма умеренной на протяжении всех 30-х годов, с приступом к изучению истории именно государства с той или иной стороны. Такой стороной оказывалась внешняя и национальная политика. Здесь классовый принцип был менее обязателен, неукоснительное же его применение оказывалось неизбежно чреватым такой мерой нигилистического отношения к истории государства, которая исключала возможности не только конструирования “устойчивого прошлого”, но и сколько-нибудь серьезного изучения истории страны¹². Осторожность Сталина прикрывала проявления национал-большевизма более раннего происхождения, носившие вызывающе националистический характер с нарочитым пренебрежением к интернационалистской идеологии, хотя и носившей официальный характер.

Так, во время организованной ГПУ в 1926 г. поездки в СССР В.В.Шульгина, которая была частью провокационной операции “Трест”, один из собеседников Шульгина, представившийся как высокопоставленный советский работник и одновременно член националистической организации, развивал перед ним тему мирной замены советской власти как власти еврейской, русской национальной государственностью. Разумеется, речи высокопоставленного собеседника, попросившего Шульгина о написании книги, посвященной его советским впечатлениям, были частью многосложного провокационного сценария, хотя могли соответствовать не только расчетам провокаторов, но и их взглядам¹³. Мы обратили внимание на этот эпизод как проявление государственной националистической идеологии именно в 1926 г., так как начиная с этого года, по данным В.А.Шишкина, в стране усиливается бытовой антисемитизм. Но до приступа к молчаливому выдворению евреев из партийного и государственного аппарата оставалось еще чуть больше десяти лет, а до кампании против космополитов — более двадцати.

Что же касается осторожности Сталина, то она вовсе не была одним только замечанием следов. И не одной только постепенностью, той же, что характеризовала его борьбу с оппозицией, она определялась. Важнее всего было стремление составить причудливую смесь патриотизма с марксизмом. При этом пролетарский интернационализм должен был способствовать политике СССР на мировой арене (так трансформировалась идея мировой революции). Отметим, что соединение любой национальной идеи с революционным интернационализмом дело неосуществимое¹⁴, а классовую борьбу как движущую силу истории следовало сочетать с идеей государственности (некоторая трансформация понятия классовой борьбы для такого соединения состояла в том, что укрепление государства в условиях победы диктатуры пролетариата в одной стране объяснялось происками внешнего врага). “Государственником” по убеждениям Сталин, очевидно, стал довольно рано. На обложке ленинской работы “Государство и революция” 1923 года издания Сталин написал: “Теория изживания [государства] есть гиблая теория”. По поводу слов Энгельса о том, что “государство есть не что иное как машина для подавления одного класса другим”, в его введении к работе Маркса “Гражданская война во Франции” 1937 г. издания Сталин написал: “Не только”¹⁵.

Не отказываясь от старого идейного багажа, Сталин придавал своим новациям намеренно неотчетливый характер. По отношению к его фаворитам из числа истори-

ков в этом был скрыт и элемент иезуитства. Е.М.Ярославский, Б.Д.Греков, Е.В.Тарле часто страдали от отсутствия его ясных указаний и, ощущая грозные признаки его недовольства, не понимали, чего он от них хочет. Положение рядовых научных работников и преподавателей было в этом смысле не лучшим. «К интеллигенции, к науке предъявлялось требование — «перейти на марксистские рельсы»; но часто было не ясно, какие именно рельсы являются марксистскими, а какие взгляды «льют воду на мельницу» врагов рабочего класса и коммунизма», — вспоминал И.М.Дьяконов применительно к первой половине 30-х годов¹⁶. Последовавшие затем руководящие указания и *modus vivendi*, который они, по словам Я.С.Лурье, устанавливали, далеко не обеспечивали, как мы увидим, полной безопасности работы в области истории ввиду их противоречивости. Противоречивость эта имела одной из своих причин осмотрительность Сталина. Пожалуй, раннее исключение из этого правила об осмотрительности, соблюдавшегося Сталиным, составило бы его письмо Д.Бедному 19 декабря 1930 г., если бы оно не было опубликовано да и то в выдержках, только в 1951 г., хотя несомненно, что само письмо и, особенно его главная идея, стали сразу же известны тем, кому, по мнению Сталина, следовало об этом знать. Д.Бедному инкриминировалась «клевета на СССР, на его прошлое, на его настоящее», причем под прошлым имелась в виду дореволюционная Россия, «клевета на наш народ». Сталин придал своему подходу демонстративно классовый характер, опираясь на ленинскую статью «О национальной гордости великороссов» и вводя понятие «революционной национальной гордости». Он писал о «поучительнейшей истории рабочего класса России», которую изучают революционные рабочие всех стран, но несколькими строками выше сообщал, что они рукоплещут «прежде всего русскому рабочему классу»¹⁷. «Кроме России реакционной существовала еще Россия революционная», — писал он. В соответствии с этим Д.Бедный обвинялся в провозглашении «на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, ...что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими»¹⁸. Тут же фигурировали «революционеры, кровно связанные со своим рабочим классом, со своим народом», а, с другой стороны, «выродки типа Лелевича, которые не связаны и не могут быть связаны со своим рабочим классом, со своим народом»¹⁹.

Через год в беседе с Э.Людвигом 13 декабря 1931 г., запись которой была вскоре опубликована, Сталин проявил строго классовый подход к оценке деятельности Петра Великого. «Сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев», — как бы поправил он своего собеседника, сказавшего: «очень много сделал для развития своей страны», и продолжал: «Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»²⁰.

1931 год в интересующей нас области был главным образом ознаменован известным письмом Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» под названием «О некоторых вопросах истории большевизма»²¹. Оно означало установление полного контроля Сталина над всем, что касалось истории партии, а заодно и истории вообще²². При этом условия можно было и возродить историю как науку, подчинив ее своему диктату. Гневные слова об «архивных крысах» и «безнадежных бюрократах», полагающихся на «одни лишь бумажные документы», при несомненной правильности требования проверять партии и лидеров «по их делам, а не только по их декларациям», таили угрозу делу исследования и публикации источников по истории революционного движения, а также политической истории предреволюционных лет, революции и граж-

данской войны. В этой области исторических знаний, сохранившейся и даже развившейся в условиях общей ликвидации исторической науки, успешно работали и некоторые профессиональные исследователи дореволюционной выучки. Пересмотр старобольшевистского подхода к истории партии вскоре оказался связанным с закрытием обществ старых большевиков, политкаторжан, испартов, Института истории Комкадемии. С другой стороны, помимо открытия исторических факультетов, был создан Институт истории АН СССР. Но обратимся к самой теме письма Сталина в редакцию “Пролетарской революции”. Выбор ее представляется случайным и трудно объяснимым, если не видеть за ним специального расчета. В самом деле, какой смысл был в том, чтобы со всей силой отстаивать против А.Слуцкого тезис о непримиримости Ленина по отношению к германским левым, виновным в недооценке опасности центризма в социал-демократии перед первой мировой войной? Для германских коммунистов это означало только одно: Сталин именем Ленина запрещал им всякое “дружелюбие» к оппортунистам” и требовал не бояться раскола с социал-демократами в любой ситуации²³. Прошло совсем немного времени до того как этой установкой воспользовались на выборах национал-социалисты.

Письмо в редакцию “Пролетарской революции” кончалось выражением немотивированного легкого недовольства Е.М.Ярославским. Для его соперника М.Н.Покровского, одного из творцов Академического дела, это был как бы благоприятный знак. Но Покровский вскоре умер, а через четыре года после его смерти началась ожесточенная критика его концепций. Впрочем, предзнаменование этого появилось раньше.

В 1934 г., ознаменованном расправой над делегатами XVII съезда, убийством Кирова и разгулом террора, а с другой стороны — освобождением арестованных по Академическому делу “буржуазных” историков, Сталин дважды высказался по вопросам истории России. 20 марта 1934 г. на заседание политбюро под председательством В.М.Молотова с докладом наркома просвещения А.С.Бубнова об учебниках истории была приглашена группа историков. Входивший в нее С.А.Пионтковский записал в своем дневнике: “Пока говорили Бубнов и Крупская, в комнате стоял шум, присутствующие разговаривали между собой, обменивались впечатлениями и глядели на нас, как на выставку приведенных из зоологического сада зверей.

После Крупской сейчас же взял слово Сталин. Как только начал говорить Сталин, сидевшие в конце зала встали и подошли ближе, таким образом, вокруг Сталина образовался полукруг, сидели только ближайšie за столом, остальные стояли полукругом и с напряженным вниманием слушали. На лицах было глубочайшее внимание и полное благоговение. Сталин говорил очень тихо. В руках он держал все учебники для средней школы, говорил с небольшим акцентом, ударяя рукой по учебнику, заявлял: «учебники эти никуда не годятся»... Что, говорит, это такое «эпоха феодализма», «эпоха промышленного капитализма», «эпоха формаций» — все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится. То, что учебники никуда не годятся, Сталин повторил несколько раз. Нам, сказал Сталин, нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов. Бубнов сказал, может быть, не СССР, а история народов России. Сталин говорит — нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас. Дальше, между прочим, он сказал, что схема Покровского не марксистская схема и вся беда пошла от времен влияния Покровского...”²⁴ Что касается названия “история народов СССР” (именно оно было в ходу: а не “история народов России”, как выразился Бубнов), то его выдвинул Покровский, на-

чина с всесоюзной конференции историков-марксистов в конце 1927 — начале 1928 г. взамен термина “русская история”²⁵. На практике дело это шло довольно туго. Сказывалась, по-видимому, недостаточная разработанность истории нерусских народов. Во всяком случае, как вспоминает И.М.Дьяконов, в Ленинградском институте лингвистики и истории, в который он поступил в 1932 г., преподавалась русская история, “курса «истории народов СССР» еще как будто не существовало”²⁶.

Содержавшаяся в ответе Бубнову директива (нужна не история народов СССР, а история СССР ввиду собирательской роли русского народа) означала осторожный, как бы пробный приступ к патриотизации исследований и преподавания истории России.

Вторым выступлением Сталина в 1934 г. по вопросам истории России, имевшим такое же значение, было его письмо членам политбюро 19 июля этого года “О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»”. Вплоть до опубликования перед самой войной²⁷ оно было известно в некотором числе экземпляров “самиздатской” машинописи. Смысл письма состоял, как известно, в опровержении тех определенно и неизменно негативных оценок внешней политики России как контрреволюционной, которые принадлежали не только Энгельсу, но и Марксу. Как бы продолжая полемику с Энгельсом применительно к тому времени, когда того уже не было в живых, Сталин называл в качестве основной причины Первой мировой войны не тяготение России к черноморским проливам, как это можно было заключить, следуя Марксу и Энгельсу, а англо-германское соперничество. “В своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что «победа Германии есть, стало быть, победа революции», что если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!” — писал Сталин, в сущности обвиняя Энгельса в германском социал-шовинизме²⁸.

Письмо не оставляло сомнений в том, что традиционному для марксистской литературы разоблачению российской внешней политики кладется конец. “Завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей”, — отмечал Сталин²⁹.

Но рассуждения Сталина в толпе участников мартовского заседания 1934 г. вряд ли были записаны кем-либо, кроме Пионтковского, и не носили обязывающего для Сталина характера. Письмо же против Энгельса и вовсе могло рассматриваться как не подлежащий оглашению служебный документ. Таким образом, директивный характер обоих сталинских высказываний 1934 г. был как бы условным в зависимости от развития событий и политических потребностей времени.

В последовавших в 1934 г. директивных документах — постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О преподавании гражданской истории в школах СССР” (оно было принято 29 марта, то есть спустя самое короткое время после указания об “истории СССР”, оформлено в качестве постановления 15 мая и на следующий день опубликовано в “Правде”³⁰), решении ЦК ВКП(б) и СНК СССР о введении элементарного курса истории СССР в 3—4-х классах средней школы (9 июня) и “Замечаниях И. Сталина, А.Жданова, С.Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР” (8 августа), фигурировала “История СССР”, а не “История народов СССР”. Но противопоставлялась она не истории народов СССР или России, как это было в ответе Сталина Бубнову, а русской истории. “Группа Ванага не выполнила задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т.е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР”, — так начинались “Замечания”, составленные таким образом, словно слова Сталина о русском народе-собирателе и его только что написанное письмо об Энгельсе были не реальностью, а чьим-то фантастическим сном.

Вполне возможно, что Н.Ванаг, присутствовавший на мартовском заседании политбюро, руководствовался не только указанием Сталина об изменении названия курса, но и его словами о русском народе-собирателе. Однако теперь у Сталина и его соавторов русский народ в качестве собирателя исчез, дело выглядело в ином свете, более близком к тому, в котором оно изображалось до сталинских высказываний этого года. «В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»). В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм как международный жандарм»)", — по-сталински назидательно как бы повторяли высокопоставленные рецензенты³¹.

«Замечания» были опубликованы лишь в январе 1936 г. по принятому тогда же постановлению СНК и ЦК уже не о конспектах, а о самих учебниках, из которых принадлежавший Ванагу был признан особенно неудовлетворительным без каких бы то ни было аргументов³². Когда же в июне 1936 г. Ванаг был арестован, ему припомнили и упрек в том, что он представил в свое время конспект не истории СССР, а русской истории. Превратившийся в формулу: «сознательное игнорирование истории отдельных народов России, входивших ранее в состав Российской империи» он стал заключительным 8-м пунктом предъявленных Ванагу обвинений, которые он не только признал, но и сам подвел итог своей контрреволюционной деятельности. Предшествовавшие 7 пунктов носили такой же характер сознательно совершенных историко-теоретических грехов. По-видимому, даже по нормам того времени этого было недостаточно для обоснования смертного приговора, приведенного в исполнение 8 марта 1937 г. Перед этим Ванаг должен был признаться в намерении убить Сталина³³.

В августе этого года появилось постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов по истории СССР. Текст постановления был составлен Я.А.Яковлевым при некотором участии В.А.Быстрянского и правлен Сталиным³⁴. В нем были в равной мере представлены и тема присоединения к России различных народов и тема их порабощения царизмом. Авторы учебников были подвергнуты критике за то, что рассматривали присоединение Грузии и Украины к России как «абсолютное зло», игнорируя альтернативу, состоявшую для Грузии в поглощении Персией и Турцией, а для Украины — Польшей и Турцией. «Они не видят, — постановило жюри, — что вторая перспектива (присоединение к России. — Р.Г.) была все же наименьшим злом»³⁵. М.В.Нечкина утверждает, что слова о присоединении Грузии как «наименьшем зле» были вставлены Сталиным³⁶.

С другой стороны, «как крупное достижение авторов учебников» жюри отметило «тот факт, что их учебники перестали быть историей одного только великорусского народа». При этом считалось необходимым «ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, порабощенные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой Социалистической революции», — задача, которая, однако, ни одним из авторов учебников, по мнению жюри, решена не была³⁷.

Члены жюри попытались сделать то, что эмигрантский историк и философ Г.П.Федотов считал невозможным, — «сочетать Маркса с Александром Невским»³⁸. Они использовали для этого слово «прохвосты», примененное к рыцарям в хронологических выписках Маркса³⁹. Никаких упоминаний о критике Сталиным Энгельса за его отношение к русской внешней политике не было, хотя указующий в этом направлении перст был теперь различим. Вскоре члены жюри были, за исключением Жданова и Быстрянского, уничтожены⁴⁰. Вряд ли споры на заседаниях жюри послужили причинами этого. Скорее всего участь каждого была предрешена независимо от деятельности жюри. То, что происходило на заседаниях, было со стороны Сталина до некоторой

степени игрой кошки с мышами. Но противоречивость “руководящих указаний” и их осуществления в представленных учебниках была на заседаниях жюри выявлена. А.С.Бубнов, помня, как Сталин возразил ему в 1934 г., отмечал применительно почти ко всем рукописям, что “при анализе процесса «собираания Руси»... события рассматриваются лишь сквозь призму их классовой ограниченности”. Наоборот, П.О.Горин вступил в спор с А.А.Ждановым, возражая против наметившейся тенденции замены прежнего гиперклассового подхода к истории другой крайностью — идеализацией старой государственности и самодержавия⁴¹.

Однако нельзя не отметить, что слова постановления жюри о “введении в качестве субъектов истории” нерусских народов империи не были пустыми. Именно в это время достигает научной эффективности изучение истории народов СССР, развиваемое в Москве, Ленинграде и других городах с привлечением исследователей высокого профессионального мастерства на основе обширного корпуса новых источников⁴². Делаются значительные шаги в области исследования истории войн и внешней политики.

Понимали ли происходившее современники? С наибольшей отчетливостью такое понимание отразилось по понятным причинам в эмигрантской печати. Рассматривая учебник А.В.Шестакова, единственный одобренный жюри, Г.П.Федотов, объясняя промедление с его появлением, писал: “Сталинская национальная идеология, поскольку, например, она отражается на страницах «Правды», настолько противоречива, что у самых смелых составителей должны были опускаться руки”⁴³. Эту противоречивость Федотов видел и в тех шагах Сталина в области истории, которые он готов был, хотя и с серьезными оговорками, отнести к достижениям. Первое из них он усматривал во включении в историю России восточных ее народов, что налагало “на сталинскую историю неумышленно евразийский отпечаток”, “личный корень” которого обнаруживался в подчеркнутом упоминании о Грузии до ее включения в империю. В противоположность этому западные соседи Руси рисовались в неизменно черных красках. “Самые эти провалы, — писал Г.П.Федотов, — драгоценны для нас как свидетельство нового национального сознания сталинской знати и ее вождя”⁴⁴.

“Вторым достижением можно было бы признать некоторые попытки реабилитации государства русского в древнейшие моменты его истории”, — писал Федотов, отмечая, что классовый подход не препятствует такому изображению положительного процесса построения государства до XVI века, которое вполне удовлетворяет русского националиста, а “с XVII века оно становится чистым объектом ненависти — фоном для революции”. Но было здесь “важное и, может быть, плодотворное противоречие”. Выявляя его, Федотов писал: “Государство русское, грабительское и захватническое с начала и до конца, представляется все же положительным явлением, даже в имперской своей экспансии... Порабощенные Россией народы ждут своего конечного освобождения. Иначе говоря, становятся подданными Сталина. В этом ключ к двойственности всей концепции. Сталин чувствует себя преемником не только разбойников и казаков, но и царей российских, которые для него собирали и ширили государство”⁴⁵.

Отмечая “бессвязность и противоречивость” сталинской схемы, Федотов писал: “Как сочетать Маркса, Грозного и Пугачева, Сталин и сам не знает. Он неуклюже топчется в новой для него области”⁴⁶.

Отметим прежде всего, что во влиятельных кругах эмиграции отмеченные Федотовым как бы с положительной стороны новые идеологические установки Сталина, как и некоторые акты его политической практики, постепенно стали встречать одобрение. После нападения Германии на СССР такое одобрение выразилось в поддержке Сталина как вождя России. Это обстоятельство довольно известно, в частности по выступлениям П.Н.Милюкова, и мы не будем на нем останавливаться.

Что касается историографических наблюдений Г.П.Федотова, нельзя не иметь в виду, что научно-историческая литература в целом оставалась вне его рассмотрения.

Советским же историкам независимо от того, насколько они сознавали научную и даже чисто логическую несовместимость сталинских команд, оставалось искать в каждом новом начальственном слове и особенно в их противоречивости, возможности для исследовательской и преподавательской работы. “В этих неожиданных постановлениях были неясности, результат недостаточной продуманности или же слишком длительных схоластических раздумий. Некоторые положения давали повод для разнотолков. Открытая критика неясных или спорных пунктов, конечно, была исключена, — ведь постановление подписано самим Сталиным [имеется в виду постановление “О преподавании гражданской истории в школе”. — Р.Г.], а такие документы обсуждению не подлежали”, — вспоминает осведомленный и наблюдательный современник М.Б.Рабинович, поступивший в аспирантуру истфака ЛГУ в 1935 г.⁴⁷ К называемым им в качестве причин идеологической путаницы недостаточной продуманности и схоластическим раздумьям следует добавить, что такая путаница могла иногда создаваться Сталиным и намеренно — так удобна была управляемая имитация политической борьбы для его выступлений в роли арбитра с последующим наказанием идеологических злоумышленников или “ошибавшихся”.

Созданию некоторой неопределенности, в частности в национально-государственном вопросе, способствовало и то, что Сталин не только предпочитал не связывать своего имени с отказом от марксистского интернационализма в пользу патриотической идеологии, но и объявлял незыблемым интернациональный идеал революции⁴⁸.

“Краткий курс истории ВКП(б)”, “установочное” значение которого обстоятельно рассмотрено в новейшей литературе, в сфере национально-государственной руководящих новаций не содержал. Противоречивость указаний, известное равновесие между как бы исключаящими друг друга “установочными материалами” (так это тогда называлось) были до некоторой степени благоприятны (о плодотворности противоречий говорит и Федотов, хотя не совсем ясно, в чем именно он ее усматривает). По наблюдениям М.Б.Рабиновича, исчезновение одного за другим учебников вслед за их авторами увеличивало роль лекционных курсов и их конспектов. Все это давало возможность лавирования, оставляя известную свободу действий исследователям и преподавателям, подобно тому, как с этой же целью предпринимались ими в разные, преимущественно поздние, годы попытки “нового прочтения” Ленина.

Так, даже в вопросе о происхождении Первой мировой войны, который был затронут в письме Сталина в политбюро в 1934 г., могли и после этого существовать различные точки зрения, Н.П.Полетика в 1935 г. выпустил книгу “Возникновение мировой войны”, в которой ответственность России за первую мировую войну, как и в его книге “Сараевское убийство”, вышедшей в 1930 г., была представлена весьма значительной. Е.В.Тарле был, естественно, его противником⁴⁹. Так называемых “оргвыводов”, однако, не последовало, вскоре после войны Н.П.Полетика даже возглавил созданную в ЛГУ кафедру истории международных отношений. Заведовал он ею недолго. Его отъезд из Ленинграда в Ташкент в 1951 г. (затем он переехал в Минск и, наконец, эмигрировал в Израиль), был вызван бывшими у него опасениями ареста, не относившимися, однако, к его книгам и концепции.

Канун войны с Германией ознаменовался не столько усилением “патриотизации”, по крайней мере, в явных формах, сколько таким изображением Ивана Грозного, которое служило обоснованием диктатуры Сталина. По-видимому, в его представлении это был самый эффективный способ идеологической подготовки к войне. В 1939 г. в статье “Опричнина” в Большой советской энциклопедии и в первом томе учебника по

истории СССР для вузов под редакцией С.В.Бахрушина, Б.Д.Грекова, В.И.Лебедева было положено начало оценке опричнины как прогрессивного явления⁵⁰, и в марте 1941 г. в “Известиях” появилась статья писателя В.Костылева, хвалебная по отношению к Ивану Грозному и отрицающая его жестокость⁵¹.

Впрочем, намечались сдвиги в вопросе о присоединении народов к России. Как отметил недавно Г.А.Санин, со второй половины 1939 или начала 1940 г. по отношению к русскому, белорусскому и украинскому народам стал применяться термин “воссоединение”, употреблявшийся в дореволюционной литературе Д.И.Бантыш-Каменским, акт 1645 г. начали тогда же оценивать как добровольный с обеих сторон, русской и украинской⁵². Это было, несомненно, прямое последствие присоединения западных областей Украины и Белорусии в сентябре 1939 г.

Прямое, но не подлежащее оглашению указание об усилении патриотизации историографии представляла собой реакция ЦК на обсуждение в Институте истории АН СССР доклада М.В.Нечкиной “Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития?”, которое Е.М.Ярославский и зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК Д.А.Поликарпов⁵³ назвали примером “бесплодных, подчас вредных дискуссий”. Доклад М.В.Нечкиной, представлявший собой яркое сравнительно-историческое исследование, был посвящен проблеме, постановка которой вызвала официальное неодобрение и в 70-х годах. Ее попытка опереться на слова Сталина о “вековой отсталости, переданной нам в наследство всей историей нашей страны”, которую “можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства”, не пошла ей на пользу. “Вопрос о том, почему Россия позднее других стран вступила на путь капиталистического развития, т.Нечкина подменила другим вопросом — о причинах отсталости России, причем отсталость эту Нечкина изобразила как абсолютную, исконную, на протяжении истории России от скифов до XX века. Вместо того, чтобы показать связь между развитием России и Европы, Нечкина фактически доказывала полное своеобразие исторического развития России, происшедшего будто бы изолированно от общеевропейской цивилизации”, — говорилось в докладной записке Ярославского и Поликарпова секретарям ЦК А.А.Андрееву, А.А.Жданову и Г.М.Маленкову 17 апреля 1941 г.⁵⁴.

Недопустимость своеобразия (она проявилась и в 70-х гг.) влекла за собой обвинения С.С.Дмитриева и других в попытке реабилитации славянофилов, а эмигрировавшего из Чехословакии Зд.Неедлы — в том, что он, кичась своим европейским происхождением, делает клеветнические утверждения об отсталости русских народных масс.

В заключение Ярославский и Поликарпов заявляли, что директор Института акад. Греков не обеспечивает руководства им, а его заместители коммунисты А.М.Панкратова и А.Д.Удальцов “попустительствуют имеющимся в Институте небольшевистским порядкам”⁵⁵.

Ныне широко известны совещания в ЦК ВКП(б) летом 1944 г., на которых развергивалось столкновение между А.М.Панкратовой, олицетворявшей интернационалистски-разоблачительную концепцию истории колониальной и внешней политики России, и Е.В.Тарле и другими, с такой же энергичностью отстаивавшими патриотическую. Материалы, связанные с этим совещанием, которого в сущности добилась А.М.Панкратова, ныне опубликованы, оно рассмотрено в частности биографом Е.В.Тарле Б.С.Кагановичем, а главное, оно — вне хронологических рамок темы настоящей статьи. Ограничимся поэтому отысканием в событиях 1944 г. признаков того, что они являлись продолжением игры, начатой Сталиным в 1934 г. двумя его “установками”, которые оказывались то обязательными к руководству, то как бы вовсе не существовавшими. Как явствует из выступления на совещании Э.Б.Генкиной, она, как и неко-

торая часть историков, увидела запрет обеления царизма и требование умеренности и дифференцированного подхода к “патриотизации” прошлого в словах доклада Сталина 6 ноября 1941 г. о том, что гитлеровский режим является “копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме”, вплоть до “средневековых еврейских погромов”⁵⁶.

С другой стороны, те участники совещания, которые были подвержены, выражаясь официальным партийным языком того времени, “настроениям великодержавного шовинизма”, Е.В.Тарле, А.И.Яковлев, С.К.Бушуев выступали, по крайней мере до совещания, с такой решительностью и безоговорочностью, что в среде историков не могло не возникнуть предположения о некотором особом доверии, которым они пользуются. В самом деле, Е.В.Тарле в лекции в Саратове призывал отказаться как от шаблона от формулы о царизме — жандарме Европы, закрепленной в замечаниях Сталина, Кирова, Жданова в известном противоречии, как мы уже отмечали, с письмом Сталина о статье Энгельса. На совещании он, явно имея в виду это письмо, говорил о 1934 г. как положившем конец господству школы Покровского и просил “раскрепостить науку, как это было в 1934 г.” Откуда знал он, чему отдавал теперь предпочтение Сталин, своему письму или сделанным вместе с Кировым и Ждановым замечаниям? А.И.Яковлев, отрицательная рецензия которого воспрепятствовала присуждению Сталинской премии “Истории Казахской ССР” как антирусской (одним из редакторов этой работы была А.М.Панкратова, и этот вопрос среди прочих явился для нее поводом для обращений в ЦК), в январе 1944 г., выступая в Наркомпросе, заявил: “Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным... Мы русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях”⁵⁷.

По воспоминаниям автора этих строк, в конце 1943 г. в Москве появились слухи о такого рода высказываниях Сталина (и даже гораздо более радикальных — “О Петре Первом не должен писать Рабинович”). Но произнесенные в официальной обстановке слова А.И.Яковлева вызвали вместе с лекцией Е.В.Тарле неодобрение партийного руководства. А они были знаменательны в устах А.И.Яковлева, как и история его отношений с советской властью. Старый историк, мордвин по национальности, связанный в молодости с отцом Ленина, он был в 1890-х гг. участником марксистских кружков. В.О.Ключевский помог ему тогда избежать неприятностей. При советской власти он арестовывался по Академическому делу. Ярославский и Поликарпов в упоминавшейся записке назвали его в числе старых специалистов, далеких от марксизма. Во время войны, однако, он оказался достаточно влиятельным, чтобы воспрепятствовать премированию “Истории Казахской ССР”. В 1943 г. он сам получил сталинскую премию за изданную в том же году книгу “Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.”, в которой парадоксальный факт такого премирования отмечен на обороте титульного листа. На совещаниях и книга Яковлева, и его высказывания вызвали критику. Но премия и обстоятельства ее присуждения не упоминались. (В 1949 г. в “Вопросах истории” № 8, В.Т.Пашуто подверг его критике за немарксистское апологетическое отношение к Ключевскому.)

С.К.Бушуев, на заседании редколлегии второго тома вузовского учебника по истории СССР отвергавший критическое отношение к внешней и колониальной полити-

ке России, возглавлял Высшую дипломатическую школу. “Все стали говорить, что Бушув заявил все эти «новости» не от своего имени, а ссылаясь на свою осведомленность и ориентированность”, — писала по этому А.М.Панкратова⁵⁸.

Однако такое объяснение решительности Бушуева и его единомышленников не остановило ее, как и неудача ее попытки откликнуться статьей в “Правде” на новый гимн со словами: “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь”, в сущности повторявшими слова Сталина о русском народе-собирателе, сказанные в 1934 г. А.М.Панкратова доказывала в этой статье, что Союз — не продолжение, а отрицание “единой неделимой России”, а единство его народов выросло в результате разрушения царской России как тюрьмы народов. Но статья напечатана не была.

“Осведомленность” и “ориентированность” в мыслях и намерениях Сталина не были возможны ни для кого. Длившиеся более месяца совещания ничем не кончились. Собственно, они так и были задуманы и проводились на основе записки Г.Александрова, П.Поспелова и П.Федосеева секретарям ЦК 18 мая 1944 г. и дополнения к ней, оставшихся для участников совещания секретными. Сами их заголовки и подзаголовки означали принудительное установление равновесия между противниками со строгим внушением всем сторонам, как участвовавшим, так и не участвовавшим в конфликте. Записка называлась “О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков”. Она состояла из трех разделов: “О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию”, “О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины”, “Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу”⁵⁹. В ней с патриотических позиций критиковалась не только А.М.Панкратова, которой в частности вменялось в вину неупоминание в статье о задачах историков в Великой отечественной войне сталинского письма против Энгельса в связи с его опубликованием⁶⁰, но и многие другие известные историки и их труды, включая, кстати сказать, премированную книгу А.И.Яковлева. Казалось бы, это была победа, условно говоря, линии Тарле. Но дополнение к записке, озаглавленное “О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков”, было обращено и против него. Правда, на первом месте был все тот же А.И.Яковлев с его речью в Наркомпросе и рукописью (по-видимому, самодельной) “Пособие для изучения приказов и речей товарища Сталина”, в которой он назвал Англию классической страной политической свободы, в связи с чем авторы записки предостерегали: “Некоторое возрождение националистической идеологии у ряда историков тем более опасно, что оно связано с идеализацией буржуазно-демократического строя и надеждой на эволюцию советского государства к обычной буржуазной республике”⁶¹.

В дополнении к записке был назван и Б.Д.Греков, заявивший, что разделить государство и народ невозможно. “Как известно, вся кадетская и меньшевистская историография, исходя из этой же предпосылки о единстве государства и народа, объявляла всякое революционное движение антигосударственным и, следовательно, антиисторическим”, — говорилось по этому поводу в дополнении к записке. В нем с особой силой был осужден Х.Г.Аджемян, именно в этом духе не только порицавший национально-освободительные движения, восстания Болотникова, Разина, Пугачева, а также движение декабристов, но и отрицавший значение классовой борьбы⁶².

Когда руководивший совещанием А.С.Щербаков отказался от принятия подготовленных постановлений, Е.В.Тарле счел себя неудовлетворенным. В письме к наркому просвещения главному редактору “Истории дипломатии” В.П.Потемкину в явном расчете на ознакомление с ним Сталина он обвинил “птенцов гнезда Покровского” в том, что они “опять ведут кипучую пропаганду (имеющую в своих выводах решительно ан-

типатриотический характер)”. “Без вмешательства Вашего, тов. Молотова, — Иосифа Виссарионовича со временем — дело никак не обойдется, потому что о выступлении 1934 г. все эти эпигоны и последыши Покровского постарались уже забыть”⁶³.

Но и сам Е.В.Тарле опубликованный (!) сталинский труд несколько туманно называл “выступлением 1934 г.”, явно избегая — даже в названии — прямого напоминания о критике Сталиным Энгельса, чтобы не оказаться единственным смертным, говорящим о расхождениях между богами. Ведь замалчивание сталинского труда, отмеченное в записке, не было случайным. И это было тем более полезное со стороны Тарле благоразумие, что в дополнении к записке ему вменялось в виду покушение на формулу о царизме — жандарме Европы, подтвержденную замечаниями Сталина, Кирова и Жданова. Появившаяся через год в “Большевике” статья ответственного сотрудника ЦК ВКП(б) Н.Н.Яковлева “О книге Е.В.Тарле «Крымская война» свидетельствовала, что устные и письменные ссылки на 1934 г. не нашли того отклика в Кремле, на который Е.В.Тарле надеялся, отправляя письмо Потемкину. Логика и практика Сталина были таковы, что прав мог быть только он один. Попытки к нему пристроиться были опасны или, по меньшей мере, бесполезны. Тарле обвинялся в статье Яковлева в том, что “обходит молчанием позицию Маркса и Энгельса по вопросу о Крымской войне”, а “некоторые историки” — в том, что они “склонны замалчивать коренное различие между народом и царским правительством”⁶⁴.

У Сталина был свой взгляд на то, что он написал и произнес в 1934 г., и на проблему “русского национализма”, как попросту, без затей, выразился А.И.Яковлев. Даже когда официальная патриотизация идеологии, переставшая быть умеренной, вылилась в борьбу с космополитизмом, которую как бы накликал своим письмом Потемкину Е.В.Тарле (а в сфере истории она проводилась под руководством А.Л.Сидорова, в уничижительном смысле названного в этом письме по подозрению в антипатриотизме), Сталин как бы остался в стороне, ни разу не связав с этой кампанией своего имени. В противоположность этому, разгром школы Марра, рассматриваемый как завершение этой кампании, в результате чего окончательно победила тенденция русского национализма в этногенетических исследованиях⁶⁵, Сталин осуществил сам.

В 1951 г. Тарле опять подвергся критике в “Большевике”. Антипатриотизм был усмотрен в “Нашествии Наполеона на Россию”. Он снова обратился за помощью, на сей раз прямо к Сталину, подписавшись: “Сердечно Вас любящий и почитающий Евг. Тарле”, и получил право на ответ в “Большевике”, который был, однако, признан в редакционном примечании недостаточно самокритичным⁶⁶. Панкратова же после XIX съезда оказалась по воле Сталина членом ЦК и стала официальным руководителем исторической науки. И это несмотря на то, что Г.Ф.Александрову, начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК удалось после совещаний, объявив ее реакцию на них “антипартийным поведением”, в котором он усмотрел следствие ее пребывания в партии левых эсеров и “антипартийных троцкистских группировках Фридлянда-Ванага”, привести ее к покаянию, в частности признанию критики “Истории Казахской ССР”. Не помешало взлету Панкратовой и возобновление критической кампании по истории Казахстана в 1950—1951 гг. с указанием на ее собственные ошибки и даже арестом одного из авторов “Истории Казахской ССР” Е.Б.Бекмаханова⁶⁷.

Вернемся, однако в тридцатые годы. Готовность ряда историков к восприятию сталинской идеологической системы в немалой степени объяснялась тем, что главное зло эпохи они видели в гитлеризме, а в Сталине — силу, ему противостоящую. Но происхождение самой этой системы было, несомненно, связано с приходом Гитлера к власти и успехами идеологии национал-социализма, а также с трансформацией марксистско-ленинской идеи мировой революции в доктрину проведения государственных

интересов СССР в мировой политике. “В основном сталинская генеральная линия остается неизменной: это линия национализации революции, т.е. линия национал-социализма”, — констатировал в 1938 г. Г.П.Федотов⁶⁸. В самом деле, после пакта 1939 г. значительные изменения этой линии не понадобились.

Примечания

- ¹ См.: Советская историография. (Россия XX век. Кн. вторая). М., 1996.
- ² *Копржива-Лурье Б.Я.* История одной жизни. Paris, 1987. С.163
- ³ *Kan Alexander.* Soviet historiography of the West under Stalin's prewar dictatorship // *Storia della Storiografia.* 21 (1992). P. 45—63.
- ⁴ *Ibid.* P.45.
- ⁵ *Ibid.* P.52.
- ⁶ *Гефтер М.Я.* Атлантида // Век XX и мир. 1996. № 1. С.59. Взгляд, аналогичный высказанному Я.С.Лурье, А.С.Каганом и М.Я.Гефтером недавно развит С.В.Константиновым. См.: *Константинов С.В.* Дореволюционная Россия в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С.217—243.
- ⁷ *Валк С.Н.* Иван Иванович Смирнов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С.9—10.
- ⁸ См.: *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М., 1965.
- ⁹ *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С.258.
- ¹⁰ *Артизов А.Н.* В угоду взглядам вождя // Кентавр. 1991. Окт.—дек. С.133.
- ¹¹ *Гефтер М.Я.* Прощальная записка // Век XX и мир. 2. С.32.
- ¹² “И шовинизм, и национальный нигилизм в равной степени противопоставлены исторической науке”, — писал В.Б.Кобрин (*Кобрин В.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С.147).
- ¹³ Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Часть I. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С.151.
- ¹⁴ О еврейских революционерах прошлого современный поэт написал:
“Мне жалко тех, кто кровью обливаясь,
провел весь век в тоске чистосердечной,
звезду шестиконечную пытаясь
хоть как-то совместить с пятиконечной”
(*Губерман И.* Гарики на каждый день. М., 1992. С.217).
- ¹⁵ *Симонов Н.* Размышления о пометах Сталина на полях марксистской литературы // Коммунист. 1990. № 18. С.72. “Трудно сказать, усвоил ли Сталин «органическую» теорию происхождения государства в процессе изучения исторических исследований проф. Р.Виппера (книги его находились в личной библиотеке Сталина) или пришел к ней самостоятельно”, — замечает Н.Симонов (Там же. С.73). См. также: *Дубровский А.М.* А.А.Жданов в работе над школьным учебником истории / Отечественная культура и историческая наука XVIII-XX вв. Сборник статей. Брянск, 1996. С.130.
- ¹⁶ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С.275.
- ¹⁷ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С.24—25.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С.27. — Р.Г.Лелевич — Лабори Гилелевич Калмансон (1901—1945, он был назван в честь французского адвоката Лабори, защитника А.Дрейфуса. — *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С.33). Через три недели в ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства Сталин заклеил антисемитизм как “наиболее опасный пережиток каннибализма”. Ответ этот был, однако, опубликован лишь в 1936 г. (*Сталин И.В.* Соч. Т.13. С.28).
- ²⁰ Там же. С.105—105.
- ²¹ Там же. С.84—102.
- ²² См.: *Дунаевский В.А.* 1) Большевики и германские левые // Европа в новое и новейшее время. М., 1966: 2) О письме Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” // История и сталинизм. М., 1991.
- ²³ *Сталин И.В.* Указ. соч. С.87. О том, что “лучшие люди из рабочего класса уже отвернулись от социал-фашистов”, Сталин заявил летом 1930 г. на XVI съезде партии. Он говорил о “непримиримой борьбе с социал-демократией, представляющей агентуру капитала в рабочем классе”. Сталин предсказывал, что буржуазия будет проводить “дальнейшую фашизацию в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию” (Там же. Т. 12. С.253—254). Однако никакая страна при этом названа не была. На доклад Сталина на XVI съезде обратил внимание в этой связи И.М.Дьяконов. Выдающийся востоковед, он во время войны по долгу военной службы занимался изучением германского фашизма (*Дьяконов И.М.* Указ. соч. С.327, 565). Непримиримость отношения Сталина к социал-демократии и германской в частности была более раннего происхождения (См.: *Фирсов Ф.И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории. 1989. № 8. С.20—22. 1989. № 9. С.8—10).
- ²⁴ *Литвин Алексей.* Без права на мысль. История в эпоху Большого Террора. Очерки судеб. Казань,

1994. С.56-57. В “Краткой хронике событий” в истории советской исторической науки, составленной С.Ю.Вершинской, А.П.Логуновым и О.Н.Панковой, отмечено: “1934 г., март, 5. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривает вопрос о преподавании истории в школах” (Советская историография. М., 1996. С.549).
- ²⁵ *Нечкина М.В.* Вопрос о М.Н.Покровском в постановлении партии и правительства 1934—1938 гг. о преподавании истории и исторической науке // Исторические записки. 118. М., 1990. С.245. М.В.Нечкина, ссылаясь на опущенный при опубликовании в Сочинениях Сталина его письма т.т. Цветкову и Алыпову 7 марта 1927 г. пункт 4 этого письма, отмечает, что Сталин “не всегда был против Покровского”. Корреспонденты Сталина слушатели I курса исторического отделения Института красной профессуры Цветков и Алыпов усмотрели в его докладе на X съезде партии в 1921 г. “утверждение, что централизованное государство в России (самодержавный строй) образовалось не в результате экономического развития страны, а в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока”. В этом свете у них возникли сомнения, не были ли правы С.М.Соловьев, “который наше государство вывел именно из борьбы со степью (монголы и т.д.)” и Троцкий, “когда он утверждал, что наше государство в своем развитии обогнало экономику”. Сталин в своем ответе в сущности подтвердил трактовку первокурсников, хотя и утверждал в той части ответа, которая оказалась опубликованной в 1948 г., что он имел в виду образование не самодержавного строя в России, а централизованных многонациональных государств на востоке Европы (Россия, Австрия, Венгрия). В опубликованном же после смерти Сталина п. 4 его письма, посвященном “теории образования русского самодержавного строя”, он указывал, что с Троцким не согласен “в корне”, а теорию Покровского признает “в основном правильной, хотя и не лишенной крайностей и перегибов в сторону упрощенного экономического объяснения процесса образования самодержавия” (Там же. С.242—243). Нельзя не отметить, что в этих словах Сталина 1927 г. было отмечено едва ли не самое уязвимое место конструкций Покровского, о котором тот и сам стал писать в 1931 г. (*Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С.736). В докладе на X съезде Сталин исходил, по-видимому, из теорий австрийских марксистов.
- ²⁶ *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С.264.
- ²⁷ Большевик. 1941. № 9. Журнал был подписан к печати 18 мая 1941 г. и опубликование в нем письма, несомненно, было связано с идеологической подготовкой к войне с Германией.
- ²⁸ Там же. С.5.
- ²⁹ Там же. С.3.
- ³⁰ *Артизов А.Н.* Критика М.Н.Покровского и его школы // История СССР. 1991. № 1. С.106. Современники не сразу поняли происхождение термина “гражданская история”, многим не известного. “Предполагалось, что «гражданская история» противопоставлялась военной. Однако позднее ларчик раскрылся. С большой точностью определили (Я.С.Лурье и другие), что во введении термина «гражданская история» аукнулось семинарское образование Сталина, дальше которого он, как известно, не пошел. В программах же духовных семинарий в отличие от истории церковной — ведущей дисциплины — существовала история гражданская, т.е. обычная история. В семинарии это разделение имело смысл, было оправдано. В 1934 году это звучало довольно-таки нелепо. Конечно, термин этот был подхвачен, всюду употреблялся до тех пор, пока (уже в постсталинское время) не исчез” (*Рабинович М.Б.* Указ. соч. С.137).
- ³¹ К изучению истории. М., 1946. С.21.
- ³² Там же. С.19.
- ³³ *Литвин А.* Без права на мысль. С.52, 57—59; *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. С.29—30.
- ³⁴ *Нечкина М.В.* Указ. соч. С.241.
- ³⁵ К изучению истории. С.37.
- ³⁶ *Нечкина М.В.* Указ. соч. С.241. Основные этапы смены взглядов в советской историографии на присоединение народов к России — от “абсолютного зла” к “наименьшему злу”, а затем к признанию присоединения прогрессивным и добровольным — охарактеризованы С.Г.Агаджановым (Основные проблемы истории образования и развития многонационального Российского государства // История и историки. М., 1995. С.7—8).
- ³⁷ К изучению истории. С.35—36.
- ³⁸ *Федотов Г.П.* Как Сталин видит историю России? // Федотов Г.П. Полн. собр. статей. IV. Защита России. Paris, 1988. С.135.
- ³⁹ К изучению истории. С.37.
- ⁴⁰ *Нечкина М.В.* Указ. соч. С.241.
- ⁴¹ *Артизов А.Н.* В угоду взглядам вождя // Кентавр. 1991. Октябрь—декабрь. С.131—132.
- ⁴² Ср. концепцию изучения этногенеза и этнической истории в СССР В.А.Шнирельмана, согласно которой господству марризма сопутствовал “главный упор ... на изучение “социально-экономических формаций”, соответствующих всеобщей универсальной стадильности развития, не допускавших сколько-нибудь существенных отклонений от генеральной схемы”. С середины 30-х годов усматривается, употребляя данное в 1989 г. определение С.Эфирова, вызревание “СССРовского национализма”, породившего “малые региональные и этнические национализмы” (*Шнирельман В.А.* Наука об этногенезе и этнополитика // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы международной теоретической

- конференции. Ижевск, 1993. Часть I. С.4—5).
- ⁴³ Федотов Г.П. Указ. соч. С.135.
- ⁴⁴ Там же. С.136—137.
- ⁴⁵ Там же. С.138—139.
- ⁴⁶ Там же. С.141—142.
- ⁴⁷ Рабинович М.Б. Указ. соч. С.136.
- ⁴⁸ Об этом, по наблюдению Г.П.Федотова, свидетельствовал ответ Сталина комсомольцу Иванову 12 февраля 1938 г. В нем он обескуражил тех партийцев, которые вслед за ним заменили лозунг мировой революции теорией о возможности победы социализма в одной стране, заявлением о том, что полная победа возможна лишь с помощью международного пролетариата (Большевик. 1938. № 4. С.12-16). Оппоненты Иванова, против которых он искал поддержки у Сталина, имели неосторожность объявить устаревшими некоторые работы Сталина, предшествовавшие провозглашению им возможности победы социализма в одной стране и представлявшиеся им после этого чрезмерно интернационалистскими.
- ⁴⁹ См.: Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим, 1990.
- ⁵⁰ Учебник тем не менее наряду с учебником для средней школы под редакцией А.М.Панкратовой за резко отрицательную оценку личности Ивана критиковался в секретной записке Г.Александрова, П.Поспелова и П.Федосеева к совещаниям историков в ЦК летом 1944 г. (см. о ней ниже).
- ⁵¹ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С.10.
- ⁵² История и историки. М., 1995. С.30.
- ⁵³ В его функции в течение ряда лет входил контроль за художественной литературой, и М.А.Шолохов называл Поликарпова ее “мудрым пастырем”. Скептики, наоборот, называли его “Политкарповым”, т.е. Карповым над литературой, имея в виду ведавшего церковью сначала в НКВД, а затем в качестве председателя Совета по делам православной церкви при Совете министров СССР Г.Г.Карпова.
- ⁵⁴ М.В.Нечкина о причинах отсталости России. Доклад и итоги дискуссии 1941. Публ. А.Н.Артизова и О.В.Наумова // Исторический архив. 1993. № 3. С.202.
- ⁵⁵ Там же. С.203-204.
- ⁵⁶ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Публ. Ю.Н.Амиантова и З.Н.Тихоновой. Вводн. ст. Ю.Н.Амиантова // Вопросы истории. 1996. № 5—6. С.93.
- ⁵⁷ Дополнение Г.Александрова, П.Поспелова, П.Федосеева к их записке на имя секретарей ЦК 18 мая 1944 г. // Вопросы истории. 1991. № 1. С.202.
- ⁵⁸ Письмо А.М.Панкратовой друзьям 15 июня 1944 г. Публ. Ю.Ф.Иванов // Вопросы истории. 1988. № 11. С.59.
- ⁵⁹ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1994 г.) Публ. И.В.Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С.190—201.
- ⁶⁰ Там же. С.197. Впрочем, тут же отмечалось, что оно вообще замалчивается историками.
- ⁶¹ Там же. С.203.
- ⁶² Там же. С.202—203. На совещании он отвергал обвинение Е.Н.Городецкого в великодержавном шовинизме, объявив его “выразителем космополитизма, у которого чувства патриотизма, национальной гордости атрофированы” (Стенограмма... // Вопросы истории. 1996. № 9. С.61—62).
- ⁶³ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С.80—83.
- ⁶⁴ Там же. С.84.
- ⁶⁵ См.: Шнирельман В.А. Указ. соч. С.5.
- ⁶⁶ Каганович Б.С. Указ. соч. С.98-100. “С конца 40-х гг. становится заметной относительная “опала” Тарле у Сталина”, — пишет Б.С.Каганович. В этой связи отметим, что весной 1949 г. Е.В.Тарле, выслушав благодарность за помощь в хлопотах по делу своего ученика М.Б.Рабиновича, который, несмотря на это, был арестован (после чего Тарле продолжал свое заступничество), добавил: “При этом вспоминаю, что когда арестовали Киреевского, семья, конечно, бросилась ко всеобщему заступнику Василию Андреевичу Жуковскому с просьбой о помощи. Василий Андреевич, выбрав удобный момент, обратился к Николаю I со словами: “Ваше величество, за Киреевского я ручаюсь, как за самого себя!” Николай I посмотрел на него и сказал: “А за тебя, батенька, кто поручится?!”” (Рабинович М.Б. Указ. соч. С.254).
- ⁶⁷ Ильина И.В. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944). Вступление // Вопросы истории. 1991. № 1. С.190; Бекмаханова Н.Е. М.П.Вяткин — мой научный руководитель // М.П.Вяткин. Ученый. Человек. Учитель / Под ред. С.И.Потолова. СПб., 1996. С.61-62.
- ⁶⁸ Федотов Г.П. Что происходит в России? // Федотов Г.П. Полн. собр. статей. IV. С.186. Современная исследовательница судеб германской историографии в годы фашизма отмечает, что немецкие историки, которые в 30-е годы оправдывали присоединение к Германии территорий с немецким населением, перешли к “государственным” и геополитическим аргументам в 40-х годах, когда германские захваты вышли за пределы этих территорий (*Schonwalder Karen*. Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus. Frankf. — N.Y. 1992. S.273). Таким образом, и здесь было “собрание”... Как ни удивительно, но “собиратели” порой испытывали почтение друг к другу. У гитлеровского правительства были, казалось бы, все основания рассматривать сталинскую “патриотизацию” историографии как средство идеологической подготовки на случай войны с Германией. Но в Берлине, наоборот, видели в ней предпосылку к заключению пакта с Кремлем, предпочитая ее про-

летарскому интернационализму и доктрине мировой революции. “Слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (празднование годовщины Полтавской битвы, Петра Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского) изменили интернациональный характер большевизма, как нам это видится, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию”, — так германский представитель на советско-германских переговорах К.Шнурре излагал в меморандуме Гитлеру и Риббентропу сказанное им по поручению Риббентропа 26 июня 1939 г., советскому поверенному в делах Г.А.Астахову и заместителю торгпреда Е.И. Барбарину (Оглашению не подлежит. СССР-Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 1991. С.30). Любопытно, что Г.А.Астахов в своем меморандуме о беседе этого не отметил (Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы в 2-х тт. М., 1990. Т.2. С.136—139). Прямо названному Сталину немцы ставили теперь в заслугу возрождение даже тех русских патриотических традиций, происхождение которых было связано с вооруженной русско-немецкой борьбой в прошлом.

В телеграмме германскому послу в СССР графу Ф. фон Шуленбургу 14 августа 1939 г., предназ-

наченной к передаче Сталину и Молотову, Риббентроп, сообщив о своей готовности прибыть в Москву для переговоров, добавил, что и за годы идеологической вражды между Германией и СССР “естественная симпатия немцев ко всему истинно русскому никогда не исчезала”. “На этом можно вновь строить политику обоих государств”, — заключил он (*Риббентроп И. фон*. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С.137—138). В документальном приложении, сделанном вдовой Риббентропа, текст телеграммы воспроизведен по: *Die Beziehungen zwischen Deutschland und Sowietunion 1939 bis 1941*. Herausgegeben von Dr. Alfred Seidl. Tübingen. 1949. S.56. Это издание нам недоступно. В имеющейся в нашем распоряжении публикации на немецком языке приведен текст, сохранившийся в бумагах германского посольства в Москве, с правкой разных лиц, в том числе Шуленбурга, сделанной им, как считают публикаторы, перед встречей с Молотовым. В результате бывшие в тексте слова: “естественная симпатия немцев к русскому” превратились в “естественную симпатию немецкого народа к русскому”. В другом месте Шуленбург заменил “русский народ” на “народы СССР” (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Ser. D. Band VII*. 1961. S.51—52).

В.А.Иванов

Операция “Бывшие люди” в Ленинграде (Февраль – март 1935 г.)

В ночь на 28 февраля 1935 г. по решению директивных органов в Ленинграде началась одна из самых драматичных по своим последствиям операция НКВД по выселению так называемых “бывших людей”: дворян, фабрикантов, торговцев, домовладельцев, чиновников различных министерств, офицеров армии и флота, жандармов и полицейских, а также деятелей Церкви, оставшихся после Октябрьского переворота 1917 г. в России. Операция явилась результатом политических комбинаций региональной партийной номенклатуры в угоду интересам политического “олимпа”.

В так называемом “кировском потоке” проводимая акция занимала особое место, а по обстоятельствам ее проведения, с точки зрения местных властей, имела ключевое значение. Это была первая операция 30-х годов, когда в массовом порядке репрессировалось гражданское население, обвиненное в партнерстве с партийными оппозиционерами.

На ее проведение, в соответствии с циркуляром Управления НКВД СССР по Ленинградской области (УНКВД СССР по ЛО) от 27 февраля 1935 г. “О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов”, отводился один месяц, в ходе которого должно было быть выселено 5 тыс. семей “бывших людей”¹. Таким образом, “бывшие” проходили как государственные преступники, по отношению которым ставилась задача нанести оперативный удар как по “контрреволюционному резерву”². Кроме того, приказывалось надежно перекрыть пути их возможного бегства от арестов и выселения.

Для практического руководства операцией приказом по Управлению 25 февраля был организован штаб, в состав которого вошли: заместитель начальника Управления Николаев, начальник Секретно-Оперативного Отдела (СПО) УГБ Лупекин, заместитель начальника Особого Отдела (ОО) УГБ Шапиро, заместитель начальника Экономического Отдела (ЭКО) УГБ Ржавский, заместитель начальника Транспортного Отдела (ТО) УГБ Брозголь, начальник Оперода УГБ Алехин, начальник Учетно-Статистического Отдела (УСО) Егорова, начальник Административно-Хозяйственного Управления (АХУ) Состэ и начальник отдела кадров Управления Рогов³. Через два дня начальник УНКВД СССР по ЛО Заковский ввел в состав штаба начальника ТО УГБ Перельмутра и заместителя начальника СПО УГБ Стромина.

Штабу и оперативным службам Управления приказывалось немедленно мобилизовать всю агентуру на своевременное выявление “бывших” и освещение настроений населения города вокруг этой операции. Ставилась задача активизации всех имевшихся агентурных разработок и даже зацепок по ним.

Территориальным органам НКВД в связи с операцией отдавалось распоряжение об усилении общей и пожарной охраны наиболее важных объектов города от возможных диверсий со стороны “бывших”. Оперативным подразделениям ставилась задача усиленного наблюдения за гостиницами и домами приезжих, а органам милиции через паспортные столы и агентурную сеть — за перемещениями “бывших граждан империи”. Несмотря на охотничий азарт, предусматривалось и тщательное отслеживание настроений вокруг этого массового выселения, поиска и разработок их носителей. Спецсводки об этом приказывалось высылать еженедельно в СПО УГБ УНКВД.

Условно операция делилась на три периода: с 28 февраля по 9 марта; с 10 по 19 и с 20 по 27 марта 1935 г. По окончании каждого периода планировалось составление детальных справок для спецсообщений в НКВД СССР и секретарям областного и городского комитетов партии Жданову, Чудову и Угарову.

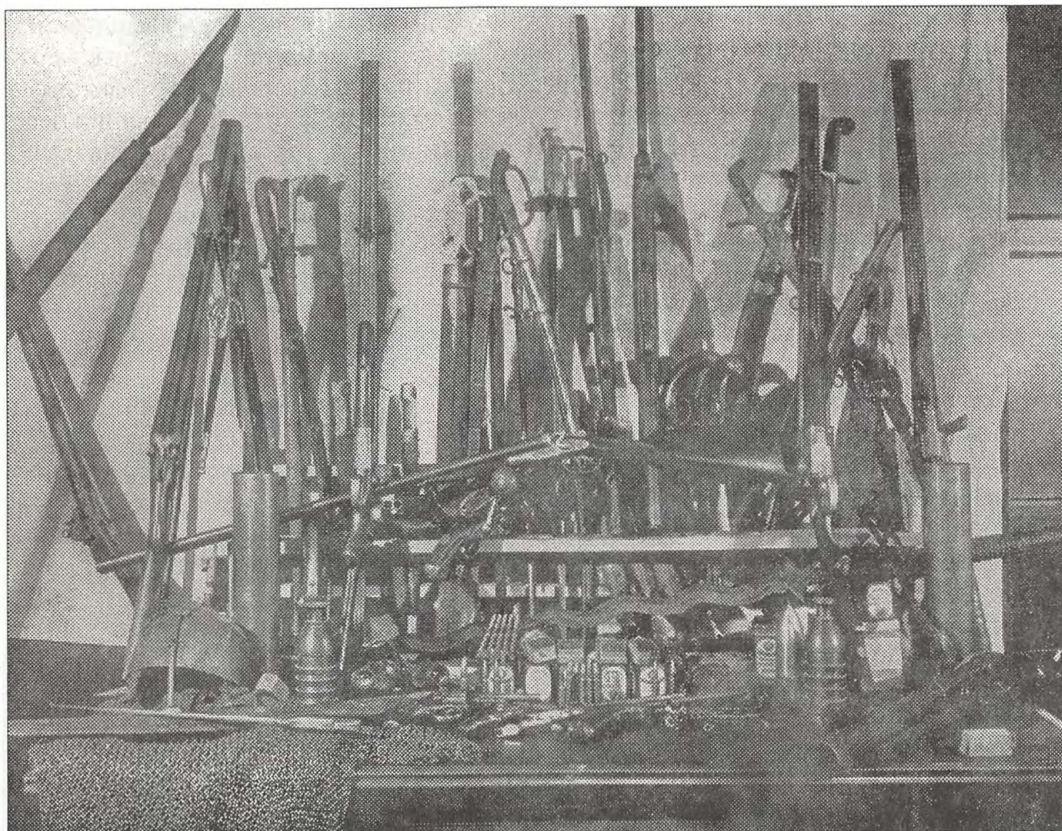
Эта оперативно скомбинированная акция закончилась изъятием из Ленинграда и осуждением Особым Совещанием при НКВД СССР к выселению свыше 11 тыс. “бывших”, из которых 4833 являлись главами семей⁴. Они практически навсегда расстались с городом их детства и юности, местом их активной, в прошлом созидательной деятельности, кипучей культурной и духовной жизни. Незначительная часть вернувшихся после высылки глав семей, как и их родственники, была позже выселена из города за стокилометровую черту⁵ или вновь отправлена в лагерь.

Как справедливо заметил С.Шинкарчук, в создавшейся ситуации люди были обречены своим дворянским происхождением, родством с офицерами императорской армии и флота, университетским образованием, наконец, умением правильно говорить по-русски...⁶. Ведь из 4833 арестованных и осужденных глав семей 1434 человек принадлежали к дворянскому сословию. При этом 67 из них были князьями, 44 — графами и 106 — баронами. Свыше тысячи человек в прошлом представляли офицерский корпус императорской и белой армий. Более 700 человек в свое время владели крупными промышленными и торговыми предприятиями, личными домами в России. В процессе операции были арестованы и осуждены 370 крупных помещиков и 393 чиновника различных министерств. В числе репрессированных оказалось 511 бывших жандармов и охранников. Среди обреченных насчитывалось около тысячи священнослужителей.

Почему “бывшие” подверглись массовому репрессированию только в середине 30-х гг., а не в конце 20-х или начале 30-х? Объясняется ли это только тем, что Сталин и его окружение стремились механически создать “новое сталинское человечество”⁷, отвечающее духу нарождающейся “сталинской” конституции 1936 г.? Или преследовались другие цели? Почему после кулачества (крепких и рачительных крестьян) очередная массовая акция была направлена не против уголовных и деклассированных элементов Северо-Запада России, терзавших население, а против его законопослушной части? Существовала ли опасность для общества с их стороны?

Массовое изъятие “бывших” в феврале—марте 1935 г., не планируемое властями вообще, приобрело ключевое значение в деле ликвидации оппозиции в Ленинграде и регионе в целом после провала основной операции по “зиновьевско-троцкистской организации”. Решение об основной операции было принято еще 31 января 1935 г. на объединенном закрытом заседании бюро ОК и ГК ВКП(б), рассматривавшем вопрос “О зиновьевцах”⁸.

В целях форсирования операции, Управлению НКВД СССР по ЛО было предложено закончить выдачу к 5 февраля путевок всем оппозиционерам, а к 15 февраля завершить их “откомандирование” (так в тексте. — В.И.) вместе с семьями в отдаленные районы страны. Это решение касалось не только зиновьевцев, но и других “неразоружившихся” членов партии, выступающих якобы против политики центральных

*Оружие и предметы вооружения, изъятые в ходе операции “Бывшие люди”.**

властей. Речи о “бывших людях” тогда не шло и задачи по их выселению Управлению не ставилось ни обкомом партии, ни наркоматом из Москвы.

Первые результаты основной операции разочаровали новое руководство Смольного. На 20 февраля из города было отправлено только 466 семей исключенных из партии оппозиционеров — общее количество 1 117 человек⁹. Недовольство темпами и масштабами чистки проявляли и в Москве. УГБ УНКВД по ЛО в эти дни было рекомендовано усилить мероприятия по изъятию контрреволюционных элементов, а самому Заковскому периодически докладывать на бюро ОК ВКП(б) о ходе ее проведения. Операция продлевалась на неопределенное время, до полного разгрома зиновьевско-троцкистской организации.

Чистке Ленинграда от оппозиционеров, по мнению партийного руководства, явно не хватало динамики и впечатляющих масштабов. Но в то же время существовала и опасность основательного разгрома Ленинградской партийной организации, в которой было немало выдвиженцев Зиновьева и Кирова.

Перебирая в “номенклатуре врагов” наиболее компактные ареалы, региональные “организаторы страха”¹⁰ ловко использовали вывод Сталина о якобы давних связях оппозиционеров с “белобандитами” и эмиграцией, содержащихся в секретном письме ЦК ВКП(б) по поводу убийства Кирова. Участь “бывших” была предрешена.

* Все публикуемые здесь фотографии и подписи к ним взяты из Коллекции документов Службы регистрации архивных фондов Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Практически за два дня, с 25 по 28 февраля, “выполняя директивные указания”, Управление НКВД СССР по ЛО подготовило документы оперативного характера и провело первичные мероприятия столь неожиданной и масштабной операции. Всем участвующим в ней, и оперативному составу в первую очередь, предлагалось рассматривать категорию “бывшие люди” как идеологическую контрреволюционную базу, воспитывающую свое окружение в реакционном духе¹¹, а поэтому не менее опасную, чем всякого рода вредители и террористы. Опасность исходила, таким образом, не только от бывшей знати, офицерства, чиновничества, но и от их детей и внуков.

Вспомнили, что еще в 1929 г. Информационный Отдел (ИНФО) ОГПУ циркулярно доводил до сведения всех Полномочных представительств (ПП) информацию о враждебных намерениях “бывших людей” в связи со снятием с госнабжения продовольствием неорганизованного населения и удалением их из госаппарата¹². Позже, в январе 1931 г., была введена новая Инструкция по их учету и предварительной проработке по линии ИНФО¹³.

Маховик репрессий, допустивший небольшой сбой в начале чистки, с лихвой набрал обороты на новом витке, быстро и показательно проведя ликвидацию “бывших” как политических противников большевизма.

Число жертв, по мнению региональных “инквизиторов”, должно было успокоить Москву, а жестокость расправы над “бывшими” — доказать преданность центру. Так, из 4 692 осужденных Особой тройкой УНКВД СССР по ЛО по первой категории (расстрел) пошло 4 393 чел. (93,6%), а по второй (ИТЛ) — только 299 чел.¹⁴. Из 962 арестованных представителей духовенства 869 были уничтожены. Такая же участь ждала и 320 церковных активистов.

Для того чтобы придать чистке региона более впечатляющий эффект и политическую целесообразность, власти спешно расширяли “номенклатуру врагов” и районы их изъятия.

Идея массового выселения неблагонадежных элементов из погранполосы была как нельзя кстати. То, что подобные облавы на них стали носить ритуальный характер, начиная с 1930 г., Жданова и его помощников не интересовало.

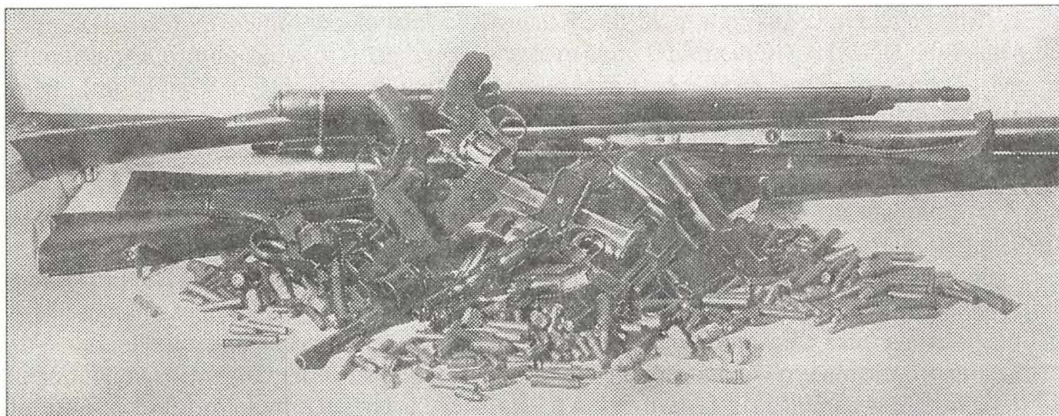
Собрав в срочном порядке 10 марта 1935 г. в Смольном совещание секретарей райкомов партии пограничных районов, Чудов, а затем и Жданов без предисловий обозначили тему и желаемый результат встречи. К концу совещания руководство получило “добро” территориалов на очередную чистку их участков от контрреволюционеров. Попытка некоторых из них обсудить хозяйственные проблемы закончилась неудачей.

Передавая содержание совещания Сталину, Жданов убеждал его, что немалое число “бывших” все же скрылось от ареста и осело в пограничных районах области и Карелии, устанавливая связи с заграничными террористическими организациями. По соображениям безопасности, советовал Жданов, необходимо принять специальные меры по укреплению границ области и Карельской АССР.

Через 5 дней документ об этом был подписан Сталиным от имени ЦК ВКП(б), а 16 марта бюро ОК ВКП(б) на его основании поручило Жданову и Заковскому до конца месяца внести свои предложения о порядке выселения неблагонадежных элементов из пограничной полосы¹⁵.

31 марта на заседании бюро обкома партии было принято постановление “Об очистке погранполосы Ленинградской области и КАССР от кулацкого и антисоветского элемента”, рассмотрен и одобрен план оперативных мероприятий по его выполнению, доложенный Заковским¹⁶.

По предварительным расчетам, из погранполосы должно было быть вывезено 11 795 чел., а операция, по решению ОК ВКП(б), должна была пройти с конца марта по

Оружие и боеприпасы, изъятые в ходе операции “Бывшие люди”.

15 апреля 1935 г. Между тем начальником Управления были внесены в план некоторые изменения как по срокам операции, так и по контрольной цифре выселяемых, диктуемые чрезмерной служебной загруженностью оперсостава по прежним операциям и весенней распутицей.

На этот раз также были перевыполнены все установленные нормы “зачистки”. Уже к 25 апреля из пограничной полосы оказались выселенными 5100 семей с общим количеством 22 511 чел.¹⁷. Однако в числе репрессированных семей органы НКВД выявили только 101 семью “бывших людей”. Основной контингент выселенных состоял из так называемых бывших “кулаков” и лиц без определенных занятий.

Вместе с тем и на этот раз самые жесткие меры внесудебной расправы были обращены против арестованных “бывших людей”. Так, из 163 чел., осужденных Особой Тройкой УНКВД СССР по ЛО, по первой категории пошло 134 чел., в основном из числа “бывших людей”, а по второй — 29 чел. Свыше 20 тыс. насильственно выселенных обвинялись в “антисоветизме”, враждебности и непримиримости к режиму. На самом деле это были крестьяне, вернувшиеся в родные места после “кулацкой ссылки” 1930—1932 гг.

Таким образом, операция “Бывшие люди” сыграла заметную роль в создании местными властями видимости развернувшейся борьбы с политической оппозицией. Обвиненные в связях с зиновьевцами, “бывшие” стали легкой жертвой в политических комбинациях режима.

Никакой реальной опасности для центральной и региональной властей и тем более для аполитичного населения Ленинграда в середине 30-х гг. “бывшие люди” не представляли.

К этому времени заметно изменился классовый состав населения Ленинграда и особенно такая ее часть, как буржуазия (бывшие собственники, кустари, частники и т. д.). Если в 1926 г. буржуазные слои составляли 2,8% городского населения при его численности в 1 535 тыс. чел., то в 1934 г. — только 0,04% при численности в 2 711 тыс. чел.¹⁸

Уже анализ итогов первого периода операции показал, что они не занимали ведущих постов в структуре государственного управления, армии, милиции, безопасности, образования и других отраслей городского хозяйства. Так, из всех арестованных глав семей свыше тысячи человек на момент задержания вообще не имели определенных занятий, а около 200 находились на пенсии. Более 500 чел. принадлежали к числу техников, кустарей, врачей, инженеров и научных сотрудников. Самыми многочисленными оказались служащие небольших учреждений, предприятий и мелких организаций

(счетоводы, приемщики, инспектора, делопроизводители и т.п.). К ним относились 2 844 главы семей¹⁹.

Князь Б.Д.Волконский, например, принимал молоко на Ленмолококомбинате, княжна М.А.Алфераки подрабатывала уроками рисования, княжна Е.В.Гагарина была секретарем факультета Первого медицинского института, графиня Е.В.Татищева служила инструктором Института наглядных пособий, князь М.Д.Волконский работал маляром, барон В.Н.Таубе — счетоводом ЖАКТа, а потомственный дворянин К.И.Беллен-де-Баллю служил конструктором. Баронесса В.В.Кнорринг-Формен работала санитарной сестрой в столовой № 89, бывший обер-прокурор Сената В.П.Иванов — юрисконсульт на заводе, князь Д.Б.Черкасский — помощником бухгалтера конфетной фабрики “Аврора”, граф А.С.Ланской — чернорабочим завода “Электроаппарат” и т.д.

Не были они и предметом исключительных забот подразделений УГБ УНКВД СССР по ЛО. Развернувшаяся по инициативе ОК ВКП(б) бойня крестьянства в регионе обозначила свои приоритеты в их деятельности, сосредоточенные главным образом на противоулацком терроре.

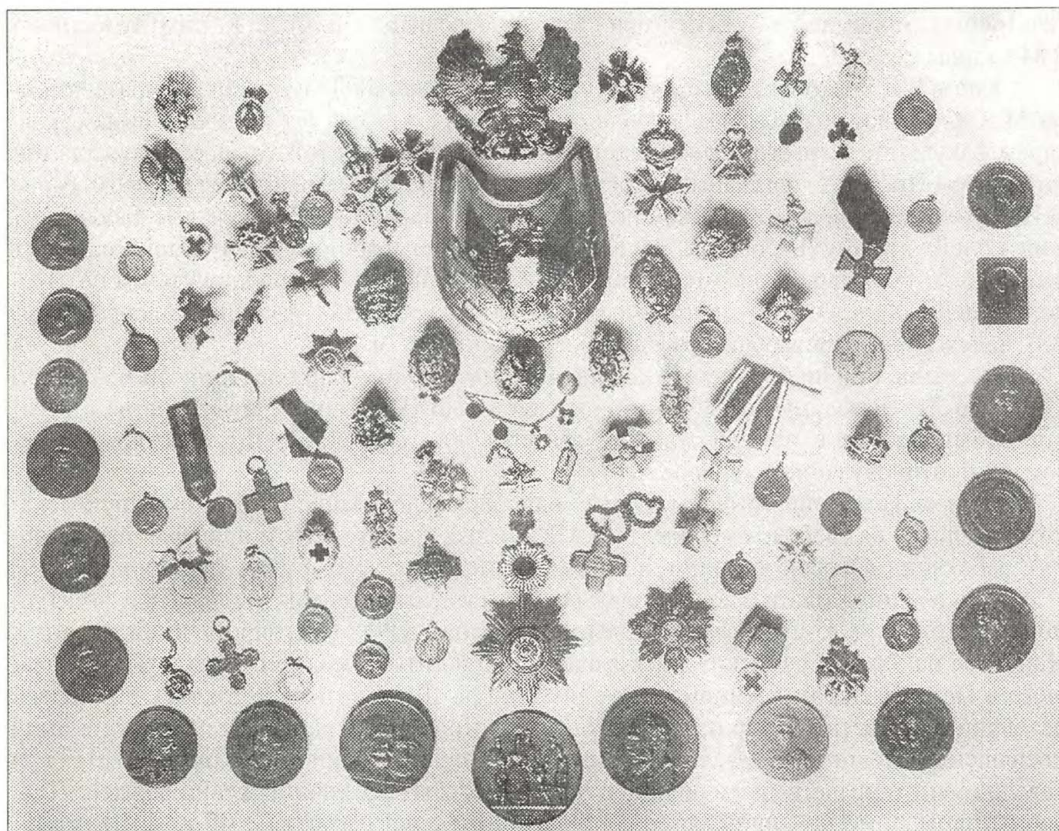
Из всех категорий “бывших людей” наибольшее внимание сотрудников привлекали оставшиеся на свободе бывшие чины МВД белых правительств и прокуратуры, судебные работники царской юстиции, а также полицейские, жандармы и тюремщики²⁰.

С особенной тщательностью шел розыск штатных агентов и секретной агентурной сети бывших контрразведывательных отделов (КРО) (государственной охраны). Наиболее напористо разыскивались люди и документы из такого отдела, существовавшего в Петроградском военном округе по октябрь 1917 г. Это объяснялось не столько реальной опасностью давно отошедших от дел сотрудников, сколько тем, что они были посвящены в некоторые детали большевистской практики вплоть до октября 1917 г. и осведомлены о нравственном облике и некоторых сюжетах личной жизни вождей. Подробный компрометирующий материал, собранный с начала июня 1917 г. Л.П.Кредингером и Коропачинским на Ленина, Каменева и других, был сведен ими в так называемую “Красную картотеку” и оказался нужен теперь центру в его политических играх²¹.

В связи с этим еще в 1928 г. были арестованы и осуждены бывшие сотрудники КРО при штабе Петроградского военного округа: Д.Д.Андреев, В.М.Петров, А.М.Волькенштейн, Л.П.Гредингер, М.М.Гурьев, Д.В.Иваев, И.О.Кучков, И.В.Деменчук, Я.Г.Лященко, А.П.Кравченко, И.П.Васьков, Н.М.Гнедич и А.П.Михайлин. В ходе следствия уточнялись, главным образом, содержание компрометирующих материалов на руководителей переворота, их местонахождение и кто из Отдела этим занимался.

Арестованные главы семей “бывших людей” были в основном людьми пожилого и преклонного возраста. Так, например, А.А.Остен-Сакену в 1935 г. было 78 лет, Г.А.Кондратьеву и А.А.Башинову — 75 лет, Е.В.Гагариной — 72 года, Н.В.Монахову и Н.П.Курбатову — 71 год, Н.К.Паль — 70 лет, В.В.Таубе — 65 лет, А.А.Фридес — 66 лет, Н.А.Волконской — 62 года, О.В.Урусовой — 59 лет, Е.В.Татищевой — 58 лет, О.Н.Шванебах — 66 лет, Н.С.Масловой — 65 лет. Большинство из них находились на иждивении своих взрослых детей или сами еще заботились о более пожилых и немощных родственниках. У арестованного сына В.К.Плеве — 62-летнего Николая Вячеславовича Плеве на иждивении была больная мать, у Ю.Н.Шувалова — больные 50-летняя мать и преклонного возраста бабушка, у К.И.Бален-де-Баллю — 53-летняя больная мать и парализованная сестра и т.д.²²

“Бывшие люди” были потрясюще одиноки. Некогда активная часть столичного общества теперь вела замкнутый образ жизни, редко или вовсе не встречалась с прежними друзьями и коллегами по службе. Ведь таковые могли быть последними в жизни этих затравленных людей. “Однажды, прописываясь на Елагинском острове по под-

Ордена, медали и знаки отличия, обнаруженные у “бывших людей” в ходе обыска.

ложному паспорту, — вспоминал на допросе Н.В.Плеве, — я узнал в управдоме бывшего курьера канцелярии Совета Министров Ушакова, который хорошо помнил меня в должности помощника статс-секретаря... Но он не узнал меня. В этот момент я пережил жуткую картину”²³.

“Бывшие” были не нужны режиму даже при всей их изолированности и конформизме. Для властей они оставались самыми точными экспертами их социальной алхимии над российским обществом и государственностью в течение почти двадцати лет.

Муки разлуки, тоска по Родине и близким, оставшимся в России, терзали большинство соотечественников и на Западе. Но попытки помощи с их стороны носили робкий и несистемный характер. Европейские правительства и монархи, к которым нередко обращались эмигранты, предпочитали не вмешиваться во внутренние проблемы большевистского режима. Да и установление таких отношений в Советской России заканчивалось внесудебными расправами над близкими родственниками.

Только за связь с так называемой белогвардейской эмиграцией (легальной и нелегальной) в 1935 г. было репрессировано 1 846 глав семей. Более 700 чел. были обвинены как контрреволюционеры, существовавшие на средства иностранных фирм и заграничных родственников. При обысках у них было изъято бон на 3 тыс. 841 руб., а также 769 американских долларов, 285 германских марок, 175 франков, 52 фунта стерлингов и 100 крон. Из этих сюжетов легко формулировались статьи обвинения в шпионаже и вредительстве.

Условия жизни “бывших” в Ленинграде и области заметно отличались от их прежнего положения и сводились в основном к удовлетворению самих примитивных потребностей. Наиболее острыми были проблемы питания, медицинского обеспечения и сохранения личной безопасности. Каждый день их жизни напоминал схватку за право существовать. Особенно глумились новые квартирные соседи, сами оказавшиеся в ситуации постоянного “уплотнения”, бытовых разборок и нищеты. Даже работающие на производстве и в государственных учреждениях жители Ленинграда в течение 1934 и 1935 гг. в месячных нормах выдачи продуктов не имели мяса, масла и маргарина²⁴. В июле 1934 г. по постановлению Комитета Заготовок при СТО СССР и указаниям Уполномоченного этого комитета по Ленинградской области в городе вовсе прекратилась всякая свободная торговля на рынках и базарах хлебом и картофелем — основными составляющими ежедневного рациона “бывших”²⁵. Даже колбасные изделия из испорченного мяса предназначались по решению секретариата ОК ВКП(б) исключительно ленинградским детям взамен масла и не были доступны остальным жителям города²⁶. На улицах и в кварталах пожилые люди с хорошими манерами легко становились жертвами налетчиков, хулиганов и воров.

Сопrotивление властям носило со стороны “бывших” вялый характер и сводилось, главным образом, к написанию жалоб, обращений и заявлений в местные партийные и советские органы.

Хотя власти искали у “бывших” оружие, его количество, собранное в ходе операции явно разочаровало организаторов чистки. Так, из 722 единиц оружия 469 оказались охотничьими и только 253 ствола относились к разряду боевого. Из них 40 стволов было изготовлено в XVIII — начале XIX в. Многие револьверы не имели боевых патронов, а часть импортных пистолетов была неисправна. При этом оружие их владельцами не носилось, а хранилось в тайниках и закрытых шкапулках.

Многие “бывшие” грезилл возможными переменами в России, надеялись на смягчение обстановки, благоразумие властей. Некоторые рассчитывали на вмешательство зарубежной общественности и т.п. Лишь немногие, такие, как Ольга Николаевна Шванебах (Бобрикова) и Сергей Николаевич Федоровский, открыто выступали против опостылевшего режима. Ольга Николаевна, например, пыталась объединить верующих людей для защиты церковных ценностей и фамильных склепов от разорений, гневно и публично обличая замыслы и практику grabительской власти.

Сергей Николаевич после произведенного у него обыска сам извлек не обнаруженный сотрудниками органов листок с авторским стихотворением “Народная гордость”, передав его и “подписав” себе, таким образом, заключение в Сиблаг и последующую гибель там²⁷. Арестованное произведение с поразительной силой типизации всех сторон жизни советского общества клеймило подлость и низменность коммунистичес-

Проценко, протоиерей Введенской церкви.

Н. Ф. Колоушин — счетовод.

цией и воровством, грабежами и убийствами. Только за 1 квартал 1934 г. силами уголовного розыска ЛОУМ было привлечено к ответственности 30 441 чел., в том числе за грабежи и кражи около 8 тыс. чел. и за хищения свыше 1 тыс. чел.²⁹.

За первое полугодие 1935 г. одни органы ленинградской милиции ликвидировали 25 бандгрупп (296 чел.) и задержали свыше 49 тыс. чел., нигде не работавших и неоднократно совершавших уголовные преступления³⁰.

Власти путем высылки из Ленинграда “бывших людей” и членов их семей рассчитывали частично решить за их счет острую жилищную проблему в городе. В начале 30-х гг. она серьезно встревожила партийно-хозяйственную номенклатуру. Значительные массы разоренных крестьян устремились в города и на крупные региональные стройки, увеличивая число и без того остро нуждающихся в крыше над головой. Темпы же городского жилищного строительства, до этого удовлетворявшие потребности в нем лишь на одну треть, в изменившихся условиях грозили отрицательно повлиять на более широкие задачи индустриального рывка. Только на 1932 г. общая потребность в жилье по Ленинграду составляла 1,5 млн кв. м и 852 тыс. кв. м по области³¹.

Не имея возможности получить жилье в городе и устроить детей, многие отчаявшиеся главы семей нанимались на любую работу, лишь бы получить комнату или спальное место. Часто для достижения этих целей применялись взятки, сговор с работниками ЖАКТов, а иногда и самовольный захват комнат и подсобных помещений.

К весне 1931 г. практика самовольного заселения домов отдельных наркоматов и ведомств настолько охватила бездомные слои, что власти поспешили принять ответные меры³².

Уже в марте они вынуждены были выдворить из домов НКПС всех лиц, не являвшихся работниками этого наркомата. В августе 1932 г. эта участь постигла самовольно занявших под жилье школьные помещения³³, а в сентябре 1933 г. — разме-

ких жрецов, гнусность и лживость их дел и намерений.

К середине 30-х гг. Ленинград и Северо-Западный регион действительно нуждались в чистке, но не от законопослушного населения, а от уголовных и социально “опущенных” элементов в рамках гражданского судопроизводства, а не паспортных операций, облав и насильственных выселений.

В свое время, стремясь не отстать от Москвы, где с 5 января 1933 г. власти приступили к чистке города, местная номенклатура превратила процесс паспортизации населения региона в массовую операцию по выселению лиц, намеренно не получивших необходимые для проживания документы. Тогда только из Ленинграда было удалено 77 835 чел.²⁸. Подводя итог операции, Киров убеждал Сталина, что город и область очищены от уголовных и деклассированных элементов, приводя впечатляющие статистические данные.

На деле в городе и области оставалось много лиц, промышленявших спекуля-

стившихся в помещениях электростанций, подстанций и теплоэнергоцентралей³⁴. В 1934 г. прошло массовое принудительное выселение из домов Военведа, УРКМ УНКВД по ЛО, УИТУ УНКВД по ЛО, Наркомвода, а также мельниц, элеваторов, складских помещений и т. п. В апреле 1935 г. дело дошло и до “очистки” от бездомных зданий иностранных миссий, музейных залов, банковских подсобок, помещений кинотеатров, лесных дач, турбаз и аварийных домов. Во всех случаях ведомственные органы освобождались от предоставления выселяемым другой жилой площади, а само выдворение могло проходить в любое время года.

В промежутке между этими операциями Ленсовет еще 2 сентября 1931 г. отдал распоряжение всем районным домоуправлениям провести изъятие “лишних” комнат. При этом дела об отчуждении жилья должны были рассматриваться судебными органами, а не решаться через милицейские структуры³⁵.

Однако “вырвать” таким образом излишки жилья у населения городским властям не удалось. Уже к 1 июня 1935 г. поток жалоб и просителей по жилищным вопросам в приемную Ленсовета составил свыше 45% от всех остальных³⁶. Районные суды, и без того перегруженные делами, стали “тонуть” в длительных процедурах уточнений и разбирательств по квартирным искам.

Заполучить таким образом резервное жилье для частичного разрешения острой жилищной проблемы в городе не представилось возможным. К тому же добротное жилье, по меркам местной администрации, имели не рабочие и вчерашние крестьяне, а номенклатурные чины, попавшие в опалу, и “бывшие люди”, проживавшие в основном в старой части города.

Первое откровенное решение, раскрывающее один из мотивов выселения членов семей оппозиционеров и “бывших людей”, было продемонстрировано на заседании объединенного бюро ОК и ГК ВКП(б), рассматривавшего вопрос “О зиновьевцах”. Тогда исполнительным властям города поручалось “взять на учет все освобожденные после выселения зиновьевцев квартиры”³⁷.

В результате их выселения к концу февраля 1935 г. Смольный заполучил чуть больше 450 комнат и квартир, что никак не решало даже задачи распределения жилья среди номенклатуристов, число которых увеличивалось в связи с прибытием из других регионов страны.

Выслав по итогам двух операций 39 660 чел., город должен был получить свыше 9 950 комнат и квартир, передать их остро нуждающимся жителям и тем самым хотя бы частично снять социальную напряженность среди населения.

Вместе с тем к осени 1935 года выяснилось, что это жилье не было своевременно учтено и, как отмечал президиум Ленсовета, проанализировавший порядок учета освобожденного жилья, оно “чаще всего было незаконно заселено случайными жиль-

С.И.Чердынцев, бывший генерал-майор, ныне пенсионер (получает 70 руб. ежемесячно).

*В.П.Крестовоздвиженский. Быв. поп.
Лаборант "Кр.Треугольника"*

таточно жестким требованиям циркулярного письма СПО ПП ОГПУ в ЛВО от 7 октября 1933 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании церковников, сектантов и «бывших людей»».

По сути, «бывшие» были лояльными к властям жителями города. Хотя около тысячи глав семей ранее и репрессировались органами ВЧК—ОГПУ, новых сведений о них в оперативных отделах УГБ НКВД СССР по ЛО не было.

Списки «бывших» составлялись не только по старым учетным материалам на них, но даже с использованием городских справочников, изданных в 1910—1917 гг. В ход шли и телефонные книги прошлых лет. Просматривая их, сотрудники оперативных отделений находили там известные в России имена, такие, как В.Л.Голицын, Н.П.Гарин, А.Л.Пампель, А.В.Татишева, Е.В.Гагарина, С.Д.Кандаурова, Е.П.Аничкова и многие другие. Не исключался метод выборки по благозвучности фамилий, например, А.Кленов-Шидловский, В.В.Таубе, Н.Н.Магден, В.В.Кнорринг-Формен, Н.К.Паль, Л.А.Баратянский, Л.Ф.Пеппе, Чавчавадзе, А.С.Ланской, С.Ф.Фрейгант и другие.

Позже, после первых неудачных ночных визитов, оперативные органы стали использовать еще и архивные именные списки кадровых аппаратов бывших учреждений (до октября 1917 г.), а также адреса и данные по чекистским операциям в Петрограде в 1918—1921 гг. Немало выездов все же оказывалось безрезультатными: эти люди там давно не проживали.

Отсутствие четкой системы учета «бывших» свидетельствовало о том, что они не представляли для региональных властей и политического режима в целом никакой опасности. И это несмотря на циркулярное распоряжение Управления НКВД СССР по ЛО от 23 января 1935 г. о «немедленном и совершенно секретном оформлении личных дел на всех лиц, подлежащих изъятию... в том числе имеющих связи с заграницей по линии белой эмиграции...»³⁹.

цами в основном по усмотрению ЖАК-Тов»³⁸.

Даже отобрав жилье у «бывших», вытолкнув на улицу их семьи и родственников, власти не смогли в полном объеме воспользоваться плодами своего грабежа. Это сделали дельцы уголовного мира, разного рода аферисты и некоторая часть работников домоуправлений. Особенно сильное давление последние испытывали со стороны администрации промышленных предприятий и строек города, различных хозяйственных учреждений. Впечатляюще поживились спекулянты.

Операция показала неподготовленность Управления НКВД ЛО к изъятию «бывших» и вскрыла серьезные недостатки в агентурно-оперативной и следственной работе по этой категории репрессированных. Арестам «бывших людей», как правило, не предшествовали агентурные разработки, сбор и обработка компрометирующих материалов на них. Такая практика Управления не соответствовала доста-

В ходе операции у “бывших” не было найдено типографий, шпионских принадлежностей и мятежных листовок. Не нашлось документов, свидетельствовавших о существовании среди них различных групп и организаций. В последующем на допросах, комбинируя вопросы, оперативные сотрудники старательно “лепили” из обычных житейских встреч и разговоров “бывших” между собой некие объединения контрреволюционной, террористической направленности и т.п.

Уже после первых десяти дней операции в донесениях замелькали такие контрреволюционные группы, как “Фашистская террористическая группа бывших праведов” (14 чел.); “Террористическая группа бывших офицеров”; “Шпионско-террористическая группа из бывших офицеров и лицеистов из знати” (17 чел.); “Террористическая группа бывших дворян”; “Шпионско-диверсионная группа вокруг Родосских” и др.

Иногда ведущий допрос как бы вступал в дискуссию с арестованным по поводу ключевых понятий вокруг “контрреволюционной организации”, оставляя за собой право вольно делать рискованные для последственного умозаключения.

Весьма характерной, например, была затея Ульриха, который вел арестованного С.Н.Федоровского, по определению сущности активиста такой организации. Так, “убедив” на предыдущих допросах С.Н.Федоровского в ее существовании и планируя ему роль организатора, Ульрих намеренно поинтересовался мнением Сергея Николаевича о внешних проявлениях активиста контрреволюционной группы. Федоровский, не придав значения направленности вопроса, заявил, что это “человек, осуществляющий какие-либо действия, в результате которых можно было бы ожидать свержений советской власти...”⁴⁰.

За все это время у арестованных не было найдено ни фамильных драгоценностей, ни золота, ни художественных полотен и даже обычных для этого круга людей книг редких изданий, хорошей одежды и галантереи. Опись имущества каждой арестованной семьи оказывалась настолько малой, что даже небольшая их выборка позволила заметить отсутствие у многих из них демисезонных пальто, летней обуви, летних костюмов и платьев, зонтов и шляпок. Очевидно, еще зимой 1934—1935 гг. “бывшие”, испытывая значительные материальные трудности, распродали остатки своего гардероба местным “барыгам”. На питание были истрачены и остальные сбережения. В свое время при обыске у светлейшего князя Антония Викторовича Барклая-де-Толли — внучатого племянника знаменитого полководца Отечественной войны 1812 г. — в небольшой комнате на Б.Московской, д.16, в описи вещей упоминалась только одежда годовалого сына Игоря⁴¹.

Особенно усиленно на допросах уточнялись каналы переписки с границей и способы получения оттуда денежных средств. На первом допросе Николай Вячеславович Плеве, пытаясь держать себя достойно, категорически заявил, что он не даст сведений о способах получения денег из-за рубежа, так как опасается репрессий по отношению к своим благодетелям здесь, в Ленинграде. Через несколько дней, при повторном допросе он уже признал, что вспомнил часть своих бывших знакомых, живущих в Зубчанином переулке в д.12, по Конногвардейскому бульвару в д. 15 и др. После перевода Николая Вячеславовича из одиночки в карцер он вынужден был показать, что “деньги (доллары) и письма получал из-за границы через свою знакомую — дочь сенатора Д-С, ныне жену советского служащего Д. Она была подруга моей родной сестры, живущей сейчас в Бостоне”⁴². В целях конспирации Н.В.Плеве подписывался женским именем Алина.

К ведению следствия Управлением НКВД СССР по ЛО были привлечены в основном курсанты пограничных школ и практиканты оперативных отделов УГБ УНКВД. Впервые после 1930 г. в массовом порядке использовались и бывшие сотрудники орга-

нов, находившиеся на пенсии (так называемый чекзапас). Все это свидетельствовало о второстепенности операции и ее месте в действительных планах ленинградских властей и Управления. На допросах особенно контрастировали уровень интеллектуального развития и профессиональной подготовки практикантов и слушателей с позицией и аргументацией бывших государственных сановников, старой российской интеллигенции, прожившей большую и полную ярких впечатлений жизнь. Излюбленными вопросами начинающих были: “Где вы находились в октябре 1917 г.?”, “Расскажите о ваших политических убеждениях до октября 1917 и после”, “Назовите знакомых вам лиц, проживающих за границей” и т.п.

Операция “бывшие люди” завершила разгром оставшихся на Родине представителей российской элиты, деятельных в прошлом личностей, обладавших опытом государственного руководства, людей высочайшего благородства и культуры, не востребованных политическим режимом в интересах культурного строительства Отечества.

Оставшиеся по разным причинам в советской России “бывшие” составляли обедневшую часть родовых фамилий, чаще всего среди них встречались жены князей и баронов со взрослыми детьми, а также “служилое” дворянство и сотрудники различных ведомств и министерств. В России ни в прошлом, ни в настоящем они не были активными противниками режима, предпочитая доживать свой век на родной земле, лишённые взаимной поддержки и былого общения.

Примечания

- ¹ Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ РФ по СПб. и Ленинградской области (СРАФ УФСБ РФ по СПб и области). Коллекция документов. Арх. № 133. Л.98—99.
- ² Там же. Коллекция документов. Арх. № 73. Л.26.
- ³ Там же. Арх. № 53. Л.203.
- ⁴ Там же. Арх. № 106. Л.10.
- ⁵ Ленинград и область после приказа ОГПУ 4 ноября 1929 г. входили в перечень местностей, в которых ограничивалось проживание лицам, осужденным Особым Совещанием. В апреле 1931 г., в соответствии с приказом ОГПУ “О запрещении въезда в пограничные районы на время и на постоянное проживание всем административно высланным”, лица, раз высланные из пограничных районов, навсегда теряли свое право проживать в них (СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 68. Л.148). Позже, выполняя постановление СНК СССР от 19 марта 1935 г., эти запретные пограничные зоны были значительно увеличены (Там же. Арх. № 12. Л.139).
- ⁶ Шинкарчук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы. Доклады, сделанные на международной конференции 16—19 августа 1994 г. СПб., 1995. С.27.
- ⁷ Советский народный суд // Социалистическая законность. 1977. № 9. С.2.
- ⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф.24. Оп.2а. Д.18. Л.1.
- ⁹ СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 106. Л.10. — В конце 1935 г., подсчитав результаты главной операции года, УНКВД СССР по ЛО докладывало в Москву и Смольный о ее общих итогах. Только Особой Тройкой УНКВД СССР по ЛО было осуждено 28 588 чел., из них по первой категории (расстрел) — 13 384 чел. и по второй (ИТЛ) — 15204. (СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 109). Автор не учитывает в их числе административно высланных и ссыльных по этой операции.
- ¹⁰ Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. С.112, 113.
- ¹¹ СРАФ УФСБ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 73. Л.31. — До 1922 г. большевистский режим считал “бывшими” тех, кто не только принадлежал к эксплуататорским классам, но и с оружием в руках боролся против него. До 1931 г. правящая верхушка относилась к ним всех спецов и служащих, участвовавших во вредительской деятельности по срыву хозяйственного строительства. С 1931 г. власти связывали их с идеологической контрреволюцией и реставрационными замыслами. Об этом прямо писала 20 марта 1935 г. и газета “Правда”.
- ¹² СРАФ УФСБ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 59.
- ¹³ Там же. Арх. № 72. Л.2об. Постановка на учет и оперативная ликвидация оказавшихся в разработке “бывших людей” за эти годы не имели боль-

- шого разрыва. Обычно они быстро арестовывались и осуждались без каких-либо задержек.
- ¹⁴ СРАФ УФСБ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 109.
- ¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.2а. Д.20. Л.2—5. — За несколько лет до того, в январе 1931 г. ПП ОГПУ в ЛВО информировало партийные инстанции и территориальные органы о чрезмерной засоренности “бывшими” Учлесхозов, лесной стражи и других учреждений пограничной полосы.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Д.21. Л.1а, 3, 26, 27—35, 44. — План Управления НКВД СССР по ЛО сопровождался подробной Инструкцией и справкой с расчетами по выселению. Только для перевозки имущества и скота, например, требовалось 786 вагонов и 52 платформы. По уточненным данным Управления, предстояло выселить из погранполосы 3 547 семей.
- ¹⁷ СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 106. Л.10.
- ¹⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.4965. Оп.3. Д.2. Л.31.
- ¹⁹ СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 942.
- ²⁰ В новых условиях уже никто не вспоминал о существовавшем еще с февраля 1919 г. приказе ВЧК, разъяснявшем порядка ареста бывших царских чиновников и полицейских, по которому в случае ручательства за них со стороны советских и партийных организаций последние подлежали освобождению (Там же. Ф.8. Оп.1. П.1. Л.72). Показательно, что только за январь—апрель 1931 г. из ОГПУ на места было направлено шесть циркуляров об усилении работы по их выявлению и учету, препровождены списки обнаруженных в архивах, но скрывшихся лиц этой категории. (Там же. Коллекция документов. Арх. № 72. Л.2об, 87, 375; Арх. № 73. Л.26—28, 38, 197, 198; Арх. № 75. Л.681).
- ²¹ *Иванов В.* Компроматы и их жертвы (Загадки одной операции органов ОГПУ в Ленинграде в конце 20-х гг.) // Санкт-Петербургский криминальный вестник. 1997. № 11—13. С.18.
- ²² Сын крупного фабриканта и домовладельца Н.В.Шувалова — Юрий был хорошо известен в Ленинграде и стране как инициативный производственник, техник-испытатель завода “Светлана”. Его портреты помещались в газетах “Светлана”, “Смена”, “Красная газета”, журнале “Комсомол и электрификация”. Журнал “Рабселькор” даже опубликовал статью “Вырастим десятки Шуваловых”, обобщающую опыт работы этого деятельного комсомольца. Однако ни лояльность к режиму, ни производственное ударничество не уберегло его и семью от репрессий.
- ²³ Архивное следственное дело Попова Н.П. (Плехве Н.В.) № 13875. Л.22об.
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф.960. Оп.1. Д.9. Л.7.
- ²⁵ Отдел специальных фондов и реабилитации ИЦ-ГУВД СПб и области (ОСФ и РИЦ ГУВД СПб и области). Ф.1. Оп.1. Д.29. Л.251.
- ²⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф.24. Оп.1а. Д.16. Л.114.
- ²⁷ Архивное следственное дело Федоровского С.Н. № П-6879.
- ²⁸ СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Коллекция документов. Арх. № 97. Л.19.
- ²⁹ Там же. Л.263, 264.
- ³⁰ Там же. Арх. № 106.
- ³¹ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.1. Д.316. Л.8.
- ³² Президиум Облсисполкома 10 февраля 1931 г. (Прот. 60, п.79) принял постановление “О выселении посторонних лиц из домов НКПС”, по которому органы ленинградской милиции, в соответствии с пп. 43—52 приказа Обладмотдела № 102 от 12 сентября 1929 г., обязаны были немедленно выселить всех граждан, не работавших в НКПС (ОСФ и РИЦ ГУВД СПб и области. Ф.1. Оп.1. Д.22. Л.33).
- ³³ ОСФ и РИЦ ГУВД СПб и области. Ф.1. Оп.1. Д.25. Л.56—58.
- ³⁴ Там же. Д.28. Л.71. Принудительное выселение осуществляли органы милиции по письменным заявлениям соответствующих органов Главэнерго.
- ³⁶ ЦГА СПб. Ф.960. Оп.1. Д.12. Л.1. Попытка уплотниться после введения в действие 14 апреля 1934 г. Инструкции органам РКМ г. Ленинграда и области “Об административном выселении, переселении и уплотнении” не дала прироста свободной жилплощади (ОСФ и РИЦ ГУВД СПб и области. Ф.1. Оп.1. Д.30. Л.175—178).
- ³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф.24. Оп.2а. Д.18. Л.1. Выборочная проверка архивных следственных дел “зиновьевцев” (1934—1936 гг.) свидетельствовала, что большинство из них проживало на момент ареста в центральной части города и прилегающих к нему районах. Анализ адресов арестованных жителей Ленинграда в 1937—1938 гг. показал, что в квартирах этих районов в основном изымались лица из числа руководящего состава партийных, советских и хозяйственных органов, творческие работники, профессорско-преподавательский состав, сотрудники НКВД, проживающие там с 1934—1935 гг.
- ³⁸ ОСФ и РИЦ ГУВД СПб и области. Ф.2. Оп.1. Д.21. Л.203.
- ³⁹ СРАФ УФСБ РФ по СПб и области. Арх. № 33. Учитывая поисковые проблемы, Управление НКВД СССР по ЛО 26 апреля 1935 г. рекомендовало РО НКВД на местах при выявлении “бывших” и контрреволюционеров активно использовать материалы записи актов гражданского состояния (АГС).
- ⁴⁰ Архивное следственное дело Федоровского С.Н. Л.31.
- ⁴¹ Архивное следственное дело Барклай-де-Толли А.В. № 21564.
- ⁴² Архивное следственное дело Попова Н.П. (Плехве Н.В.). Л.29.

А.А.Папчинский, М.А.Тумшиц

“Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов...”, или Истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон

Слова, вынесенные в заголовок, были сказаны в декабре 1937 г. начальником УНКВД по Дальневосточному краю комиссаром госбезопасности 3-го ранга Г.С.Люшковым и обращены к трудящимся, выдвинувшим его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В них отразилось умонастроение тех тысяч чекистов “ежовского” призыва, кто, став палачами миллионов своих сограждан, был вознесен из безвестности к власти, чинам и наградам, а затем безжалостно уничтожен и канул в забвение.

Через полгода, в ночь с 12 на 13 июня 1938 г. Г.С.Люшков перешел государственную границу в полосе 59-го Посъетского погранотряда НКВД и сдался японским оккупационным властям Маньчжурии. 6 июля 1938 г. японские войска, получившие от перебежчика дополнительные сведения о дислокации сил и системе приграничной обороны Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, начали наступательную операцию у озера Хасан. Только через пять недель упорных боев японцы были остановлены, а затем отбиты советскими войсками...

Что же заставило члена ВКП(б), высокопоставленного чекиста, кавалера ордена Ленина и депутата Верховного Совета СССР предпринять этот отчаянный шаг — изменить Родине и обречь своих родных на суровое наказание сталинской карательной системы? Современные исследователи высказывают на этот счет разные предположения. Причинами побега называют и страх перед заслуженным возмездием за массовые необоснованные репрессии на советском Дальнем Востоке¹, и некомпетентное вмешательство Люшкова в дела агентурной разведки за рубежом², приведшее к многочисленным провалам, и некие исподволь созревшие антисталинские настроения перебежчика³.

Правда, до сих пор как-то в стороне оставался сам “герой” событий — Г.С.Люшков, его морально-психологический тип, характерный для чекистов тех лет. Располагая некоторыми документами, касающимися личности Г.С.Люшкова и его служебной карьеры в органах ВЧК-НКВД, авторы предприняли попытку реконструировать последовательность событий, свидетелем и участником которых Люшков был с начала 20-х гг. и вплоть до упомянутой роковой ночи на границе, и выяснить истинные причины его побега за кордон.

Генрих Самойлович Люшков⁴ родился в 1900 г. в семье небогатого одесского еврея-портного. Семья, по-видимому, была вполне городской, не отличавшейся особой религиозностью, так как будущего чекиста, вместо традиционного хедера, сразу отдали

в шестиклассное начальное казенное училище. По его окончании, в 1915 г., юноша продолжил учебу на вечерних общеобразовательных курсах, подрабатывая днем переписчиком в автомобильной конторе. По словам самого Люшкова, в конце 1917 г. под влиянием своего брата он оказался “вовлечен в Революционную Бурю”: в рядах дружины социалистической молодежи участвовал в уличных боях при захвате власти в городе Одесским Советом.

Однако уже в марте 1918 г. Одесса была занята германскими оккупационными войсками, и с этого момента Люшков уходит в городское подполье. Как и во многих биографиях его современников, “пребывание в подполье” — самый неясный эпизод в жизни Люшкова. Известно лишь то, что в феврале 1919 г., во время разгрома белыми одесского подполья, направляясь на явку, он был арестован. Из-под стражи удалось сбежать и по подложным документам пробраться в освобожденный красными войсками Екатеринослав. В марте под Николаевом Люшков добровольно вступил в Красную Армию — красноармейцем-политработником 1-го Николаевского советского полка, откуда был направлен в Киев на центральные Военно-политические курсы Наркомвотена Украины. Здесь в июле 1919 г. он вступил в партию большевиков. Вскоре вместе со своими товарищами-курсантами он был переброшен на станцию Жмеринка, чтобы воевать с прорвавшимися петлюровцами, а затем работал помощником военного организатора Киевского губкома партии.

Когда началось наступление белых и Киев был сдан, Люшков вместе с эвакуированными советскими работниками Украины оказался в Брянске. В сентябре 1919 г. он был направлен политруком в 1-ю Отдельную бригаду 14-й Армии на Южный фронт. С бригадой прошел весь путь на Мозырском и Речицком направлениях Польского фронта, являясь секретарем и начальником Политотдела бригады. В сентябре 1920 г. он впервые ненадолго попал на чекистскую работу — уполномоченным Особого отделения ВЧК 57-й стрелковой дивизии. После советско-польской войны Люшков был демобилизован и вернулся в родную Одессу, поступил на учебу в Институт гуманитарных наук, но закончить образование не удалось: в ноябре 1921 г. он был отозван с учебы и направлен на работу в Одесскую губЧК.

Украина, неоднократно переходившая из рук в руки противников в гражданской войне, в начале 20-х гг. оставалась ареной ожесточенной борьбы органов ВУЧК-ГПУ УССР с многочисленными противниками большевистского режима: петлюровцами, эсерами, польскими националистами, анархистами, крестьянскими повстанцами и просто уголовно-бандитскими элементами. Кроме того, на Правобережье Украины, имевшем выход к двум границам — с Польшей и Румынией, органы ГПУ вели борьбу с проникавшими из-за кордона вооруженными формированиями и шпионско-диверсионной агентурой иностранных государств.

Именно такого рода служба досталась Люшкову в период 1921—1924 гг. в ряде пограничных и окружных отделов ГПУ Тирасполя, Вознесенска, Первомайска, Каменца-Подольского и Волочиска на юго-западе Украины. Работа чекиста-оперативника в приграничье зачастую была связана с риском для жизни: в 1921 г. во время ликвидации банды в Вознесенском уезде Люшков был ранен в руку.

В ноябре 1924 г. он был выдвинут на самостоятельную руководящую работу начальником Проскуровского окружного отдела ГПУ, входившего тогда в Подольский губернский отдел ГПУ, которым в то время руководил крупный, “идуший в гору” украинский чекист — И.М.Леплевский. Именно ему и предстояло сыграть заметную роль в судьбе Люшкова.

Израиль Моисеевич Леплевский³ (1896—1938), как и Люшков, происходил из бедной еврейской семьи рабочего-табачника. В молодости он был членом “Бунда”, но в

феврале 1917 г. примкнул к большевикам. Отсутствие какого-либо образования (он был “самоучкой”) компенсировалось у него природной предприимчивостью, опытом практической работы в ЧК с 1918 г. и наличием покровительствующей “руки” в Москве в лице старшего брата — Г.М.Леплевского⁶, занимавшего видные посты в Малом Совнаркоме и Наркомвнуделе РСФСР. К моменту сближения Люшкова с Леплевским последний уже “показал себя стойким большевиком-чекистом, проявив выдающиеся способности в деле борьбы со всеми видами контрреволюции”⁷ на Украине и был награжден орденом Красного Знамени (1921 г.).

Когда в октябре 1925 г. им пришлось расстаться (Леплевский был назначен начальником Одесского окротодела ГПУ), бывший начальник Люшкова рекомендовал его на ответственную работу в центральный аппарат ГПУ Украины, дав тем самым первоначальный толчок его карьере. Перебравшись в Харьков, Люшков как хороший “агентурист” был сразу назначен начальником Информационно-осведомительного отдела (ИНФО) ГПУ Украины. Получив в свои руки всю агентурно-осведомительную сеть республиканского ГПУ, Люшков перешел к делам “крупного масштаба” и уже в 1926 г. “нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на председателя ВУЦИКа тов. Петровского”⁸.

Забегая вперед, отметим, что опыт в делах такого рода очень пригодился Люшкову во время его ленинградской командировки в связи со следствием по делу об убийстве С.М.Кирова и способствовал его сближению с одним из “кураторов” этого следствия — Н.И.Ежовым.

В мае 1930 г., уже занимая прочное место в аппарате республиканского ГПУ, Люшков назначается начальником Секретного (с 1931 г. — Секретно-Политического) отдела ГПУ УССР. Тогда отдел “контролировал” не только остатки “антисоветских политических партий” (эсеров, меньшевиков, анархистов и т.д.), но и активно боролся с “внутрипартийной” оппозицией.

К этому времени ситуация в политической жизни страны круто изменилась: нэп был свернут, началась коллективизация деревни, правая и левая оппозиции в партии оказались под мощным давлением сталинского ОГПУ. “Оперативным наркозом” для советского общества в этой ситуации стали развернутые чекистами с конца 20-х гг. судебные процессы по “вредительству” — “Шахтинский”, “Промпартии” и др. Не оставало в выполнении “социального заказа” Сталина и ГПУ Украины. Еще в декабре 1929 г. старший товарищ и покровитель Люшкова Леплевский и сам перебрался в Харьков. Став начальником Секретно-Оперативного Управления (СОУ) и членом Коллегии ГПУ УССР, он вместе с Люшковым активно участвовал в разработке и проведении крупнейших операций чекистов на Украине. Председатель ГПУ Украины В.А.Балицкий свидетельствовал: “ликвидация крупных дел [...] “Украинского Национального Центра”, “Военно-офицерской организации” (дело “Весна”) и других крупных контрреволюционных повстанческих организаций на Украине, проведена благодаря исключительной энергии, четкости и оперативному руководству и непосредственному участию в практической работе со стороны тов. Леплевского”⁹.

Существенно, что ликвидация “военно-фашистского заговора в Красной Армии” весной—летом 1937 г. стала для Леплевского (тогда — начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР) реализацией, с кое-какими изменениями, его “заготовок” начала 30-х гг.

Бок о бок с Леплевским работал на Украине Люшков. По мнению В.А.Балицкого, он сыграл не менее значительную роль “в развороте и ликвидации дел диверсионно-повстанческих организаций — “Украинского Национального Центра” и военно-офицерской организации (дело “Весна”). Личные выезды тов.Люшкова в районы, руко-

водство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых организаций"¹⁰. В августе 1931 г. Балицкий и его украинские чекисты добились своего: "развернутые" ими дела были замечены и по достоинству оценены Москвой — Балицкий получил повышение и стал заместителем председателя ОГПУ Союза. Как бывало и прежде, за новым зампредом ОГПУ из Харькова в Москву, в центральный аппарат ОГПУ, потянулись его чекисты с Украины.

"Массовости" украинского потока чекистов способствовали и открывшиеся вакансии на Лубянке: в августе 1931 г. Сталин устроил очередную "перетряску" чекистских кадров в Москве, в опалу попали и были удалены крупные чекисты: Е.Г.Евдокимов, Я.К.Ольский-Куликовский, И.А.Воронцов, Л.Н.Бельский и др.¹¹. Тогда-то для "людей Балицкого" с Украины — И.М.Леплевского, Г.С.Люшкова, М.К.Александровского, Я.В.Письменного и других, открылась возможность занять ответственные посты в центральном аппарате ОГПУ.

Новым начальником Секретно-Политического отдела ОГПУ (прежний, Я.С.Агранов, был понижен в должности и назначен полпредом ОГПУ по Московской области) стал мало кому известный "человек со стороны", бывший полпред ОГПУ по Ивановской промышленной области Г.А.Молчанов, выдвинувшийся на ликвидации "вредительства" в текстильной промышленности и отмеченный орденом Красного Знамени (1931 г.). Именно к нему в отдел попали на работу "украинцы" — Г.С.Люшков и М.К.Александровский.

Если Люшкова тогда можно было смело назвать "человеком Балицкого", то Молчанов был и остается одной из самых загадочных фигур сталинского ОГПУ-НКВД, равно как не вполне ясной является и его роль в последующих событиях. Несмотря на дотошное разбирательство на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), так и не было выяснено: кому принадлежала инициатива его выдвижения в 1931 г. на эту ответственную должность¹².

Георгий Андреевич Молчанов¹³ (1897—1937) родился в Харькове в семье офицанта, окончил торговую школу и в 1917 г. вступил в партию большевиков. Его служебную карьеру едва ли можно назвать блестящей: работая с 1918 по 1925 гг. в органах ВЧК-ОГПУ Восточного фронта, Туркестана, Северного Кавказа, Сибири, он оставался на второстепенных должностях и не был широко известен в чекистской среде. Лишь в 1925 г. он был выдвинут на самостоятельную руководящую работу — начальником Ивановского губотдела (с 1928 г. — полпредом ОГПУ по Ивановской области). В течение пяти лет (1931—1936 гг.) Молчанов руководил ведущим Секретно-Политическим отделом (СПО) ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР, занимавшимся разработкой и ликвидацией политической и внутрипартийной оппозиции. Если практически все украинские чекисты (И.П.Леплевский, Я.В.Письменный, М.К.Александровский и др.) были вынуждены в 1933 г. вернуться с Балицким на Украину, то Люшков вполне "прижился" у Молчанова и вскоре стал его заместителем. В этой должности с 1934 по 1936 гг. он принимал самое активное участие во всех крупных делах сталинского НКВД: "Ленинградского террористического центра" (1935 г.), "Террористического центра и заговора в Кремле" (1935 г.), "Троцкистско-зиновьевского объединенного центра" (1936 г.).

Особенно заметную роль в его судьбе сыграло участие в ленинградском следствии по делу об убийстве С.М.Кирова. Прибывшие в Ленинград в составе партийно-правительственной группы чекисты выполняли в следственной бригаде вполне определенные обязанности. Так, заместитель наркома НКВД СССР Я.С.Агранов вел общее руководство следствием и временно исполнял обязанности начальника УНКВД по Ленинградской области. Начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД К.В.Паукер ре-

визовал систему личной охраны убитого партийного руководителя. Люшков (Молчанов оставался в Москве) должен был заниматься политической подоплекой преступления. А именно эта сторона дела более всего интересовала Сталина и заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) Н.И.Ежова, “курировавшего” следствие и направившего его в русло деятельности “зиновьевской оппозиции”. По-видимому, Люшков, так же как и Агранов, сразу понял и принял замысел Сталина и Ежова обвинить в убийстве оппозицию. Это не сразу сделал Ягода, что в конечном счете повлияло на решение Сталиным его судьбы. Правильно “сориентировавшийся” в данной ситуации Люшков был сразу замечен и завоевал симпатии Ежова, в недалеком будущем — секретаря ЦК ВКП(б) и наркома внутренних дел СССР. Упоминание Я.С.Аграновым имени Люшкова на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК как чекиста, и в дальнейшем с готовностью сотрудничавшего с Ежовым, это косвенно подтверждает¹⁴.

Тем временем на Украине в среде прежних коллег-чекистов Люшкова назревали драматические события. По возвращении В.А.Балицкого и его сотрудников из Москвы где-то в конце 1933 г. произошел конфликт между Балицким и его “правой рукой” Леплевским. Причиной разлада, возможно, стала неспособность Балицкого “закрепить-ся” в Москве, в результате чего “его люди” тоже потеряли свои посты.

Близкие лично Леплевскому сотрудники Джирин и Инсаров стали вести среди работников ГПУ Украины разговоры, “заявляя, что все успехи ОГПУ в оперативной работе являются результатом оперативности Леплевского. Эти разговоры дошли до Балицкого, который немедленно удалил Леплевского из Украины...”¹⁵.

Развитие событий приобрело прямо-таки драматическую окраску: “Во время отъезда Леплевского на вокзале никого из провожающих не было, кроме Амирова-Пиевского. Леплевский к нему обратился в озлобленном тоне со следующими словами: «Я мол, уезжаю из Украины, но еще сюда вернусь и рассчитаюсь со всеми...»”¹⁶. Так, совсем в “миргородской манере” жестоко поссорились два бывших украинских покровителя Люшкова...

На XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. был избран новый состав ЦК. Его полноправными членами, сравнявшись своим партийным статусом с Ягодой, были избраны председатель ГПУ УССР (с июля 1934 — нарком внутренних дел УССР) В.А.Балицкий и бывшие видные чекисты — секретарь Северо-Кавказского крайкома Е.Г.Евдокимов и секретарь Закавказского крайкома Л.П.Берия.

В декабре 1934 г., после убийства С.М.Кирова, значительная часть ответственности за случившееся могла быть возложена Сталиным на действующего главу НКВД СССР Ягodu. Ягода понимал, что в таком случае у Балицкого, члена ЦК, наркома внутренних дел второй крупнейшей республики Союза и бывшего зампреда ОГПУ, появлялись реальные шансы занять его место. Пожалуй, единственным “темным пятном” на репутации Балицкого было обнаружение в июне 1934 г. грубых нарушений финансовой дисциплины в НКВД УССР.

Не менее, чем Балицкий, был опасен для Ягоды и бывший крупный чекист Е.Г.Евдокимов¹⁷. Вплоть до своего ухода на партийную работу (январь 1934 г.), Евдокимов был неформальным главой мощного клана северо-кавказских чекистов, сложившегося вокруг него в Ростове-на-Дону в бытность полпредом ОГПУ по Северному Кавказу (1923—1929 и 1932—1933 гг.)¹⁸. Шагом, направленным на “нейтрализацию” Евдокимова как своего возможного преемника или заместителя, стало назначение Ягодой в августе 1936 г. Г.С.Люшкова в Ростов-на-Дону начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Этим Ягода пытался достичь двух целей: получить от Люшкова, никак не связанного с интересами местного партийного и чекистского руководства, компрометирующих их и Евдокимова материалы, а заодно избавиться в Москве от Люшкова как

от чекиста, сотрудничавшего с Ежовым. В связи с этим представляется спорным утверждение Р.Конквеста (речь идет о 1938 г.) о Люшкове, как об "одном из немногих оставшихся в НКВД людей Ягоды"¹⁹. Как чекист из "свиты" Балицкого Люшков не числился в любимцах Ягоды. М.П.Шрейдер, знавший Люшкова по работе в Москве, дает ему весьма бледную характеристику, вспоминая о нем лишь как о "скромном человеке и неплохом работнике"²⁰.

Отметим и отсутствие у Люшкова каких-либо заметных правительственных наград за период работы в СПО ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР за 1931—1936 гг. Вообще, за свою чекистскую службу с 1921 по 1936 гг. он был награжден лишь двумя знаками "Почетного Чекиста" да дважды на Украине (1927 и 1931 гг.) безрезультатно представлялся Балицким к ордену Красного Знамени. Высокое, "генеральское" спецзвание комиссара госбезопасности 3 ранга, присвоенное ему в ноябре 1935 г., явилось лишь соответствующим оформлением в табели о рангах его ответственной должности в одном из ключевых отделов ГУГБ НКВД СССР.

В Ростов-на-Дону Люшков прибыл в сопровождении двух своих ближайших сотрудников-чекистов, М.А.Кагана и Г.М.Осинина-Винницкого, хорошо ему знакомых еще по прежней работе на Украине. Через месяц, в сентябре 1936 г., Ягода был снят и новым главой НКВД СССР был назначен председатель КПК и секретарь ЦК ВКП(б) Н.И.Ежов. В связи с этим несколько корректировалась "ростовская миссия" Люшкова.

В конце 1936 — начале 1937 гг. Сталин и Ежов намеревались нанести первый удар по руководству двух комитетов партии (Киевского обкома — секретарь П.П.Постышев; Азово-Черноморского крайкома — секретарь Б.П.Шеболдаев). Сложность предстоявшей "операции" заключалась в том, что оба секретаря никогда не состояли в оппозиции, имели безупречное партийное прошлое и считались твердыми "сталинцами"²².

Таким образом, решением Ежова Люшков ставился в авангарде репрессивной практики на местах, причем тогда, когда в центре еще царило относительное спокойствие. Реализованное Люшковым "ростовское дело", направленное против Шеболдаева, стало "пробным камнем, на котором Сталин проверял возможность наступления на партийных руководителей высшего ранга и подавления их недовольства ударами, наносимыми по партийным кадрам"²³. Уже на декабрьском (1936 г.) пленуме ЦК ВКП(б) Ежов огласил первые итоги деятельности Люшкова в Ростове-на-Дону, когда выяснилось, что "...по Азово-Черноморской организации арестовано свыше 200, во главе с Глебовым и Белобородовым и пр. троцкистов и зиновьевцев"²⁴. "Обогащенный" своим "московским опытом" ведения следствия и подготовки политических процессов, Люшков на новом участке работы блестяще справился с заданием Сталина и Ежова: после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 января 1937 г. "Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома тов.Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)" местная парторганизация подверглась жесточайшему разгрому, а Шеболдаев был политически дискредитирован и сослан руководить "второстепенным" Курским обкомом, где позднее был репрессирован в ходе развернувшейся "ежовщины".

По грустной иронии судьбы, разоблачительная кампания Люшкова в Ростове-на-Дону, независимо от замыслов Ягоды, приобрела совсем иные масштабы и направленность, а новым секретарем крайкома (затем — Ростовского обкома партии) в январе 1937 г. был поставлен ... Е.Г.Евдокимов. Видимо, считалось, что как бывший чекист, имеющий многолетний стаж работы на Северном Кавказе, он лучше других наладит "чистку" по партийной линии в русле указаний Москвы.

На февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК Ежов окончательно растоптал авторитет бывшего наркома Ягоды. Вместе с другими чекистами (здесь особенно усер-

дствовали Е.Г.Евдокимов и Л.М.Заковский) он уличил Ягоду в развале кадровой работы в НКВД, позволившем проникнуть в его центральный аппарат “предателям” и “шпионам”²⁵. Характерно, что и в этой ситуации Люшков первым из руководителей органов НКВД на местах оперативно имитировал на своем уровне начало репрессий Ежова в самой чекистской среде. Именно в УНКВД по Азово-Черноморскому краю были разоблачены первые “изменники-чекисты” — начальник Таганрогского горотдела НКВД Е.Н.Баланюк и начальник Новочеркасского райотдела НКВД Д.И.Шаповалов, которые “систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах антисоветской деятельности последних”²⁶.

Кроме желания выслужиться перед новым наркомом, существовало еще одно обстоятельство, заставившее Люшкова торопливо выискивать “врагов” среди чекистов краевого УНКВД: на пленуме как “пособник троцкистов” был разоблачен бывший начальник Люшкова по СПО ГУГБ НКВД СССР Г.А.Молчанов. Люшкова, проработавшего бок о бок с Молчановым в течение пяти лет, при желании тоже можно было бы обвинить по меньшей мере в “политической слепоте и идиотской болезни беспечности”. Несмотря на симпатии Ежова, Люшков чувствовал двусмысленность своего положения и, взяв на себя роль ревностного исполнителя политики разоблачения и репрессий, стремился приобрести определенный “иммунитет” к обвинениям в связях с “людьми Ягоды”. Случай с Молчановым стал одним из рискованных поворотов карьеры, в которых Люшкову будет удаваться опередить на один-два шага приближающуюся гибель...

Февральско-мартовский пленум ЦК стал поворотным пунктом в кадровой политике Ежова в НКВД СССР. Отныне на смену руководящим работникам, связанным с Ягодой, стали выдвигаться чекисты “северо-кавказской группы” Евдокимова-Фриновского: В.М.Курский, А.М.Минаев-Цикановский, Н.Г.Николаев-Журид, И.Я.Дагин, Я.А.Дейч и др.²⁷. Именно их и их главного покровителя — Евдокимова, должен был, по замыслу Ягоды, дискредитировать в глазах партийного руководства Люшков. В известной степени ему, чуждому их групповым интересам и покровительствуемому лично Ежовым, эта “миссия” удалась. Так, в июле 1937 г., в начале ежовской “чистки” чекистского аппарата на местах, был арестован один из видных членов “северо-кавказской группы” и предшественник Люшкова по руководству УНКВД Азово-Черноморского края комиссар ГБ 3 ранга П.Г.Рудь. Еще более скандальным происшествием стало таинственное самоубийство в июле 1937 г. “фаворита” Ежова, заместителя наркома внутренних дел СССР, комиссара ГБ 3 ранга В.М.Курского²⁸.

Владимир Михайлович Курский (1897—1937) работал в органах ВУЧК-ОГПУ с Е.Г.Евдокимовым с 1921 г. на Правобережной Украине и Северном Кавказе, участвовал в следствии по “Шахтинскому делу” и был одним из его преуспевавших выучеников²⁹. Как и Люшков, в августе 1936 г. он получил новое назначение в Новосибирск — начальником УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Как и Люшков, он осенью 1936 г. “раскрыл” троцкистских вредителей-заговорщиков в горной промышленности Кузбасса и провел показательный судебный процесс в Новосибирске, ставший серьезным подспорьем Ежову, готовившему в Москве процесс по делу “Антисоветского троцкистского центра” (январь 1937 г.). Благодарный Ежов осыпал Курского милостями: повысил в звании, назначил начальником СПО ГУГБ НКВД СССР на место Молчанова. В апреле 1937 г. Курский стал заместителем Ежова и начальником 1-го отдела (охраны) ГУГБ, отвечавшего за личную безопасность партийно-советского руководства и самого Сталина.

В июне Курский был неожиданно снят с работы по охране руководства и переведен начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД. 8 июля, оставив

какое-то письмо³⁰, Курский покончил с собой. Люшкову для возможной дискредитации столь высокопоставленного назначенца Фриновского было вполне достаточно сообщить Ежову о факте исключения Курского из партии в августе 1928 г. “за причастность к убийству селькора газеты “Туалу-Джашау” в г. Микоян-Шахор в Карачаево-Черкесии”³¹. Такой факт биографии делал кандидатуру Курского как начальника охраны явно неуместной.

Конечно, заместитель Ежова и начальник ГУГБ НКВД СССР комкор М.П.Фриновский пытался препятствовать появлению подобных материалов о своих выдвиженцах. Возможно, что это и были те случаи, когда он, по словам Ежова, — “... как только арестуют кого из сотрудников НКВД, сразу бежал ко мне и кричал, что все это “липа”, арестован неправильно и т.д.”³². Естественно, что такие действия Люшкова в Ростове-на-Дону вызывали раздражение Фриновского, Евдокимова и всех чекистов “северокавказской группы”. Отметим лишь факт того, что Люшков, считавшийся у Ежова “хорошим чекистом”, уже никогда не назначался на работу в центральный аппарат НКВД СССР, контролировавшийся Фриновским и его ставленниками. Тем не менее, конфликт между Фриновским и Люшковым не помешал Ежову высоко оценить заслуги последнего. В июле 1937 г. Люшков, Каган и Осинин-Винницкий были награждены орденами Ленина и получили новое назначение на Дальний Восток.

Для более глубокого понимания обстоятельств дальнейшей служебной карьеры и судьбы Люшкова нам придется обратиться к событиям в НКВД Украины, последовавшим за февральско-мартовским (1937 г.) пленумом ЦК. На пленуме был снят с работы 2-й секретарь ЦК КП(б)У и секретарь Киевского обкома партии П.П.Постышев, с 1933 г. являвшийся вторым лицом в партийной иерархии Украины и неизменно поддерживавший политический авторитет руководителя НКВД УССР В.А.Балицкого. В связи с этим пошатнулось положение и самого Балицкого. В мае 1937 г. он был снят с должности и назначен начальником УНКВД по Дальне-Восточному краю в Хабаровск. Увольнение многолетнего шефа и покровителя вызвало настоящую панику среди украинских чекистов, особенно из числа близких к нему сотрудников.

Это состояние паники только усилилось, когда новым главой НКВД УССР стал комиссар ГБ 2 ранга И.М.Леплевский, некогда “правая рука” Балицкого, а теперь его могущественный недоброжелатель. Новый нарком прибыл на Украину в сопровождении Фриновского, “героя” ликвидации “военно-фашистского заговора в Красной Армии”. Если учесть то, что вторым лицом в “заговоре военных” числился бывший командующий Киевским военным округом командарм 1 ранга И.Э.Якир, то теперь украинским чекистам предстояла расплата за потерю “бдительности”. В июле-августе 1937 г. Леплевский устроил настоящий погром “чекистов Балицкого” в НКВД Украины. Были сняты и арестованы три бывших заместителя Балицкого — Н.С.Бачинский, З.Б.Кацнельсон, В.Т.Иванов, уничтожены практически все начальники отделов НКВД УССР и областных УНКВД. В отношении них Леплевский сфабриковал дело “о заговоре в НКВД УССР”, якобы возглавленном самим наркомом Балицким и организационно примыкавшем к “военно-фашистскому заговору в Красной Армии”³³.

Истребление “заговорщиков” из НКВД Украины велось Леплевским по всему Союзу ССР, где бы они ни находились. В Ташкенте был арестован начальник 3-го отдела УГБ НКВД Узбекской ССР П.М.Рахлис. В Воронеже схвачен начальник областного УНКВД А.Б.Розанов. В Москве арестованы работник Особого бюро НКВД СССР В.М.Горожанин и заместитель начальника Главного Разведуправления РККА М.К.Александровский.

В вихрь этой кровавой мясорубки могло затянуть и Люшкова. Конечно, сам Леплевский вовсе не собирался этого делать, но в Москве Фриновский мог добиться от

этапированных украинских чекистов показаний, включающих Люшкова в список “заговорщиков”. Возможно, именно тогда, в июле 1937 г., между Ежовым и Фриновским был заключен некий “компромисс”: Люшкова убирают из Ростова-на-Дону и отсылают в Хабаровск, подальше с глаз Фриновского.

В 1937 г. гигантская приграничная территория РСФСР из девяти областей (Хабаровской, Приморской, Амурской, Нижне-Амурской, Уссурийской, Камчатской, Сахалинской, Зейской и Еврейской Автономной) составляла т.н. Дальневосточный край (ДВК) с административным центром в Хабаровске. В руководстве ВКП(б) край слыл сильно “засоренным” право-троцкистскими оппозиционерами. С этим была связана “кадровая чехарда”, характерная для расстановки партийно-советского руководства края.

В январе 1937 г. 1-й секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И.Лаврентьев (Картвелишвили) за “либерализм” и конфликты с командующим ОКДВА маршалом В.К.Блюхером был снят и заменен более “жестким” партийным руководителем И.М.Варейкисом. По прибытии в Хабаровск Варейкис начал кампанию “разоблачений” среди представителей партийного, советского и хозяйственного руководства края, ответом на которую стала волна самоубийств — начальника Дальне-Восточной железной дороги Л.В.Лемберга, управляющего трестом “Дальтрансголь” И.Н.Котина, директора Акционерного Камчатского общества И.А.Адамовича³⁴. Особо яростному политическому шельмованию со стороны Варейкиса подвергся бывший председатель крайисполкома Г.М.Крутов. От начальника УНКВД по ДВК комиссара ГБ 1 ранга Т.Д.Дерибаса Варейкис требовал немедленного разоблачения краевого “право-троцкистского подполья”.

В апреле 1937 г. из Москвы в Хабаровск прибыла группа оперативных работников во главе с начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л.Г.Мироновым для оказания помощи в разоблачении “антисоветской шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых”. В мае 1937 г. Дерибас за пассивность в проведении следствия был снят и отозван в Москву, а его место занял бывший нарком внутренних дел УССР Балицкий. На следующий день по вступлении Балицкого в должность заместитель Миронова по оперативной группе ГУГБ НКВД А.А.Арнольдов-Кесельман получил у него санкцию на арест Г.М.Крутова³⁵. Используя тактику “кнута и пряника” (Арнольдов представился Крутову личным уполномоченным наркома Ежова), он добился от арестованного показаний о существовании в крае “право-троцкистской заговорщицкой организации”. Восхищенный Балицкий назвал Арнольдова “чародеем”³⁶.

В середине июня, когда Балицкого отозвали в Москву (туда он ехал на расправу — на него уже имелись показания “заговорщиков в НКВД УССР”), и его место опять занял Дерибас, у Арнольдова имелись обширные показания арестованных о “Дальневосточном параллельном правотроцкистском центре”. Однако все лавры и “разворот” дела “Центра” достались не на долю Арнольдова (он и сам был вскоре арестован), а назначенному в конце июля 1937 г. начальником УНКВД по ДВК Люшкову. К этому времени в Москве Ежов уже проводил “чистку” центрального аппарата НКВД СССР (среди ее жертв оказался и Л.Г.Миронов), и поэтому в августе-сентябре Люшков развернул в крае не только широкомасштабное истребление партийного и хозяйственного руководства, но и подверг жестокой “чистке” местные органы НКВД.

В письме Сталину от 8 сентября 1937 г. Варейкис сообщал: “...После приезда в край нового начальника НКВД Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерибас. Участником заговора являлся также его первый заместитель — скрытый троцкист Западный. Второй заместитель Барминский (он же начальник осо-

бого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Арестованы как японские шпионы и участники заговора: Визель — начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов — начальник НКВД Амурской области (г.Благовещенск). Входил в состав правотроцкистской организации Пряхин — начальник НКВД Уссурийской области, Богданов — начальник политического управления пограничных войск, и значительная часть других чекистов”³⁷.

В дальнейшем список “разоблаченных” Люшковым чекистов-дальневосточников пополнился именами двух начальников УНКВД по Нижне-Амурской области — Л.Ф.Липовского и С.М.Сидорова, начальника УНКВД по Сахалинской области — А.П.Льва, начальника УНКВД по Еврейской АО — А.Н.Лавтакова и десятков других чекистов. Их места заняли прибывшие с Люшковым Каган и Осинин-Винницкий, направленные из Ростова-на-Дону и Москвы чекисты среднего звена: Л.М.Хорошилкин, М.И.Диментман, А.М.Малкевич, А.П.Малахов, В.П.Крумин, И.Н.Евтушенко, М.П.Рысенко, И.Л.Кабаев, М.И.Говлич, В.И.Осмоловский, Д.М.Давыдов. С 15 августа, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., Люшков приступил к массовой операции по репрессированию “бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов” в крае. Всего по существовавшим “лимитами” в ДВК планировалось осудить решением “тройки” 2 000 человек по “первой категории” и 4 000 человек “по второй категории”³⁸. Но эти “лимиты” вскоре были исчерпаны и получены новые.

Кроме того, по постановлению СНК СССР от 21 августа 1937 г. Далькрайкому, Далькрайисполкому и УНКВД по ДВК предстояло выселить в Среднюю Азию и Казахстан все корейское население (около 175 000 человек) из пограничных районов края³⁹. Обе массовые операции планировалось завершить к январю 1938 г.

В первых числах октября 1937 г. Варейкис был снят с должности 1-го секретаря Далькрайкома. В самом ближайшем будущем ему самому предстояло стать одним из участников “право-троцкистского заговора” в ДВК. Его место занял назначенец из Москвы, бывший аппаратчик Московского комитета партии Г.М.Стацевич, некоторое время до того подвизавшийся у Ежова в начальниках Отдела кадров НКВД СССР. С этого момента началась “вторая волна” репрессий в крае — “изъятие” Люшковым и Стацевичем партийно-советских и хозяйственных кадров, выдвинутых “врагом народа Варейкисом”...

В ноябре-декабре 1937 г. шло выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР. По всей стране, вперемежку со “знатными людьми” города и деревни, кандидатами выдвигались представители нового поколения сталинской партийно-советской номенклатуры, заявившей о себе в последние месяцы политического террора. Вместе с краевым руководством — секретарем крайкома Стацевичем, председателем крайисполкома П.К.Легконравовым, командующим ОКДВА В.К.Блюхером и другими в кандидатские списки попал и Люшков.

28 октября на собрании коллектива рабочих лесокombината “Амургосрыбтреста” в Николаевске-на-Амуре его кандидатура была единогласно поддержана собранием⁴⁰. Инициатива выдвижения “зоркого чекиста” в Верховный Совет принадлежала некоему “товарищу Фельдману, присутствующему на собрании”, и одновременно являвшемуся начальником УНКВД по Нижне-Амурской области Я.Л.Фельдманом.

С этого дня Люшков стал политической фигурой краевого масштаба: его фотографии и хвалебные статьи о нем появляются в газетах, он выступает на встречах с избирателями и принимает их “наказы”, неизменно включается в состав “почетных президиумов”, стоит на трибуне с Блюхером и Стацевичем, принимая ноябрьский парад войск хабаровского гарнизона. Внешность Люшкова ничего не говорила окружающим

о характере его деятельности в крае: несколько одутловатое лицо с выпуклыми глазами, буйная, зачесанная назад шевелюра и усики “мушкой”, делавшие его похожим на несколько раздобревшего чаплинского персонажа.

Еще больше почестей принесли ему торжества по случаю XX-летия органов ВЧК-НКВД в декабре 1937 г. На торжественном заседании в приветствии чекистам Стацевич отметил “сложность работы Дальневосточных наркомвнудельцев, находящихся на границах с иностранным государством”, и то, что “здесь на ДВК, долго действовали враги народа крутовы, лаврентьевы, варейкисы и прочая сволочь, пытавшаяся продать наш цветущий край Дальнего Востока японскому империализму. Наркомвнудельцы ДВК во главе с тов. Люшковым разгромили шпионские гнезда, но капиталистические государства будут и впредь засылать к нам в тыл шпионов и диверсантов. Поэтому нужно еще выше поднять бдительность и зоркость, беспощадно уничтожать всех врагов народа...”⁴¹. Москва тоже высоко ценила “работу”, проделанную Люшковым в ДВК. На январском (1938 г.) совещании в НКВД СССР Ежов ставил в пример другим чекистам Люшкова, репрессировавшего 70 000 “врагов народа” — это был самый высокий показатель по стране⁴².

Однако в январе 1938 г., по окончании упомянутых торжеств, на Ежова сверху было оказано давление с целью ослабить волну массового террора, грозившего стать совершенно неуправляемым. После доклада Маленкова 14 января на пленуме ЦК ВКП(б) и известного постановления “Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...” наметилась тенденция некоторого “отката” в практике массового политического террора. Ежову пришлось пожертвовать наиболее одиозными фигурами из местных чекистов-“перегибщиков”. Одних из них арестовали и начали следствие по их “вредительской деятельности”, другим просто “дали по рукам” и перевели на новое место службы с понижением в должности.

Люшков не попал в число ни тех, ни других, оставаясь “неуязвимым” благодаря личному расположению Ежова. Однако на уровне политического руководства края тенденция “отката” проявилась: с этого времени яркий “разоблачитель” Стацевич ушел в тень, уступив место 2-му секретарю Далькрайкома (и сослуживцу по МК) А.М.Анисимову. Последний сделал доклад на краевом партактиве — “Итоги январского Пленума ЦК ВКП(б) и задачи парторганизации ДВК”, свалив всю вину за массовые исключения коммунистов на районное партруководство⁴³.

Одним из последних широко освещавшихся в советской прессе награждений чекистов (в 1938 г. их почти не было) стало награждение дальневосточных наркомвнудельцев Люшкова, “отличившихся” в ходе депортации корейцев и транзитных перевозках заключенных в лагеря Колымы. 6 февраля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР “О награждении работников УНКВД по ДВК и работников НКПС”, где фигурируют отмеченные орденами Красной Звезды начальник УНКВД по Амурской области М.И.Говлич, начальник УНКВД по Приморской области М.И.Диментман и другие⁴⁴. Тучи над головой Люшкова и его чекистов стали сгущаться лишь с апреля 1938 г., и этому предшествовали грозные события в Киеве и Москве.

Среди тех, кому Ежов был вынужден “дать по рукам” в январе 1938 г., оказался давний покровитель Люшкова, нарком внутренних дел УССР И.М.Леплевский. Уже через два месяца после его назначения на Украину, в августе 1937 г., Ежову пришлось посылать в Киев комиссию НКВД во главе со своим заместителем Л.Н.Бельским для рассмотрения многочисленных жалоб на произвол нового наркома. Как выяснил Бельский, Леплевский ориентировал чекистов исключительно “на цифру” разоблаченных “врагов народа”, и “липачество” в органах НКВД Украины, даже на всесоюзном фоне ежовщины выглядело чудовишно. Кроме того, 1-й секретарь ЦК КП(б)У Косиор пла-

номерно уничтожал руками Леплевского остатки партийного аппарата своего бывшего соперника Постышева.

В январе 1938 г. Леплевский был отозван из Киева (расследованием его бурной деятельности в 1937 г. теперь занялся новый руководитель НКВД УССР А.И.Успенский) и назначен начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. 26 апреля 1938 г. он был арестован по обвинению в “активном участии в право-троцкистской антисоветской организации и проведении контрреволюционной предательской деятельности”. Вскоре Леплевский признался, что в 1932 г. был вовлечен в организацию “правых” (затем — “право-троцкистов”) своим братом Г.М.Леплевским. Во главе заговорщиков стояли Рыков, Бухарин и Томский. После своего назначения на Украину в 1937 г. Леплевский “начал очищать аппарат НКВД от кадров Балицкого, принимая меры для предотвращения полной ликвидации антисоветского подполья”⁴⁵.

Далее Леплевский показал, что “в 1930 г. Балицкий и Леплевский создали в аппарате ГПУ УССР право-троцкистскую группу, на которую опирались в предательской работе”. Личное соперничество между Балицким и Леплевским, вылившееся в соперничество групп ориентированных на них украинских чекистов — “было по существу расхождения между правыми и троцкистами, связанными с борьбой за преимущество в аппарате”. Таким образом, с 1930 г. в ГПУ-НКВД Украины зрели два параллельных заговора — “заговор Балицкого” и “заговор Леплевского”⁴⁶. Такая версия событий, данная арестованным Леплевским, опять ставила под косвенное подозрение Люшкова.

Если Балицкий признавал возникновение “заговора в НКВД УССР”⁴⁷ в конце 1935 г. (в это время Люшков работал в Москве), то датировка “заговора Леплевского” 1930-м годом, приходилась на время наиболее тесного сотрудничества Леплевского и Люшкова на Украине. Более того, хотя Леплевский в числе десятков имен новых “украинских чекистов-заговорщиков” не упомянул имени Люшкова, в его показаниях от 22 мая 1938 г. названы оба “верных паладина” — М.А.Каган и Г.М.Осинин-Винницкий⁴⁸. Попав из-за них в своеобразную “вилку” подозрения, Люшков и сам мог стать теперь легкой добычей для Фриновского.

Вероятнее всего, что никаких деталей, кроме факта ареста Леплевского, находящийся в Хабаровске Люшков не знал. В это время он был занят доработкой своего главного “дела” в крае — “Дальневосточного параллельного право-троцкистского центра”, которое было рассмотрено выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР где-то в первых числах июня 1938 г.⁴⁹

Подобные “дела” на Дальнем Востоке зачастую рассматривались “заочно”, и более того — без следственных дел, по справкам УНКВД. К чему это приводило, явствует из справки следователя по важнейшим делам Главной Военной Прокуратуры РККА бригадвоенюриста Далицкого от 20 марта 1940 г.: “...УНКВД ДВК были составлены альбомные справки на арестованных по имеющимся в УНКВД ДВК данным... В целях уточнения запрашивались местные органы НКВД по телеграфу. Таким образом составлены справки на 171 человек. Из них на 170 имеется отметка “Р” (расстрелять) и подписи Люшкова (нач. УНКВД), Никитченко (пред. выездной сессии) и Калугина (пом. главного военного прокурора). На основании этого указанные 170 человек были расстреляны. Эти решения оформлены приговорами”⁵⁰. Далее Далицкий констатирует: “в результате оказалось, что ни одна справка не соответствует делу. Дела эти в процессе следствия не проверялись, обвинительные заключения не составлялись. Часть обвиняемых была на свободе”⁵¹.

В то же время вместе с секретарем далькрайкома Анисимовым Люшков “штамповал” приговоры в “тройке” при краевом УНКВД. Его последнее присутствие в ней зафиксировано 8 мая 1938 г., за неделю до его побега⁵². В первых числах мая в Москве

решили разобраться с показаниями, данными Леплевским на двух “заговорщиков-чекистов” — Кагана и Осинина-Винницкого, находившихся на Дальнем Востоке. Первым вызвали в Москву Кагана. Заподозривший что-то недоброе Люшков попросил его позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова. Обещанного Каганом звонка Люшков не дождался: Каган уже был арестован...

Не в самом лучшем расположении духа Люшков отбыл из Хабаровска в служебную командировку в Приморскую область. Бывший сотрудник УНКВД по ДВК Н.С.Кардовский вспоминал, что о предстоящем смещении с должности Люшков узнал, находясь в этой командировке: “...оставшийся в Хабаровске за Люшкова начальником Управления его заместитель Г.М.Осинин... уведомил находящегося в Приморье Люшкова: в Хабаровск вскоре прибудет Горбач”⁵³. По-видимому, перспектива прибытия и сдачи дел по УНКВД края именно Горбачу (наряду с арестом Леплевского и “исчезновением” Кагана) стала переломным моментом в решении Люшкова совершить побег за кордон.

Майор госбезопасности Григорий Федорович Горбач (1898—1939), член партии с 1916 г., до 1937 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД Северного Кавказа и плотно вошел в “обойму” чекистов “северо-кавказской группы” Евдокимова-Фриновского⁵⁴. Летом 1937 г. он стал начальником УНКВД по Западно-Сибирской (затем — Новосибирской) области. По мнению такого компетентного руководителя, как заместитель наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышов, — “Горбач пользовался большим авторитетом у Ежова и являлся близким человеком Фриновского”⁵⁵. Встречавшемуся с ним в Новосибирске М.П.Шрейдеру Горбач сам заявлял, что назначен сюда Фриновским “очистить область от врагов народа и особенно от врагов, пробравшихся в НКВД”⁵⁶.

Люшков знал, что покровительствующий ему Ежов все больше “увязает” в делах параллельно руководимого им (с апреля 1938 г.) Наркомата Водного Транспорта, поручая решение большинства вопросов в НКВД своему первому заместителю Фриновскому. Что могло помешать Фриновскому, через голову Ежова, дать Горбачу задание “очистить от врагов” аппарат УНКВД по ДВК? 11 июня Горбач был освобожден от должности начальника УНКВД в Новосибирске приказом по личному составу НКВД СССР. Возможно, что в это время он уже находился по пути в Хабаровск...

12 июня 1938 г. Люшков, в сопровождении заместителя начальника Разведотдела краевого УНКВД К.Н.Стрелкова, вышел в полосу 59-го Посьетского погранотряда к государственной границе для встречи с “агентом”. Залегший на расстоянии 300 метров от “места встречи” Стрелков уже никогда не увидел своего начальника⁵⁷.

Позднее Рихард Зорге так прокомментировал “дело генерала Люшкова”: “Я придерживаюсь мнения, что Люшков перебежал не потому, что был недоволен действиями советского руководства или совершил какой-либо недозволенный поступок, а потому, что сам опасался оказаться жертвой чисток, которые прокатились по рядам ГПУ. Я полагаю, что именно Люшков своему дезертирству придал политическую окраску...”⁵⁸. И сегодня, когда мы знаем немного больше о “деле Люшкова”, остается согласиться с выводом известного советского разведчика: наученный горьким опытом сталинских “калифов на час” от НКВД — Ягоды, Молчанова, Балицкого, Леплевского и других, Люшков не стал дожидаться момента, когда будет брошен в лубянские подвалы “за ненадобностью”.

Авторы выражают свою благодарность украинскому исследователю истории органов ВУЧК-ГПУ-НКВД УССР В.А.Золотареву (г.Харьков) и Пресс-службе УФСБ по СПб и ЛО за помощь в работе над статьей.

Примечания

- ¹ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2, 3; Николаев С. Комиссар, перебежник, предатель // Труд. 1990. 5 августа.
- ² Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.
- ³ Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3, 4, 5; 1991. № 3, 5, 6, 7.
- ⁴ Архив Службы Безопасности Украины (СБУ). Архивное личное дело № 1310 на Люшкова Г.С.
- ⁵ Архив СБУ. Архивное личное дело № 83046 на Леплевского И.М.
- ⁶ Леплевский Григорий Моисеевич (1889—1939), "бундовец", член РСДРП(б) с 1917 г. В 1917—1918 гг. — член Полесского комитета РСДРП(б); в 1918—1920 гг. — зам. пред. Самарского губисполкома и Самарского горсовета; с 1920 г. — член Коллегии, зав. Оргинструкторским отделом и зам. наркома внутренних дел РСФСР, одновременно — член Коллегии и пред. Малого СНК РСФСР; затем — пред. Административно-финансовой комиссии СНК СССР; в 1927—1930 гг. — пред. Подготовительной комиссии СНК СССР, в 1931—1933 гг. — зам. Управделами, зам. Главного арбитра СНК СССР; в 1934—1938 гг. — зам. Прокурора СССР. Репрессирован.
- ⁷ Архив СБУ. Архивное личное дело № 83046 на Леплевского И.М. Л.4.
- ⁸ Архив СБУ. Архивное личное дело № 1310 на Люшкова Г.С. Л.2.
- ⁹ Архив СБУ. Архивное личное дело № 83046 на Леплевского И.М. Л.5—6.
- ¹⁰ Архив СБУ. Архивное личное дело № 1310 на Люшкова Г.С. Л.2.
- ¹¹ Шрейдер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С.13—14.
- ¹² Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 12. С.6—7.
- ¹³ УК ФСБ РФ. Служебная карточка на Молчанова Г.А.
- ¹⁴ Материалы февральско-мартовского пленума... С.18.
- ¹⁵ Наше минуле (Журнал незалежної столичної думки за редакцією Сергія Білокона). Київ. 1993. № 1. С.53.
- ¹⁶ Там же. С.53.
- ¹⁷ Архив УФСБ по Омской области. Архивное личное дело № 189733 на Евдокимова Е.Г.
- ¹⁸ Папчинский А. Продолжая разговор, начатый Авторхановым // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С.188—189; Тумиш М. Еще раз о кадрах чекистов 30-х годов // Вопросы истории. 1993. № 6. С.190—191.
- ¹⁹ Конквест Р. Большой террор. Т.2. Рига, 1991. С.277.
- ²⁰ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.16.
- ²¹ Архив СБУ. Архивное личное дело № 1310 на Люшкова Г.С. Л.3.
- ²² Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД, советское общество. М., 1992. С.94.
- ²³ Там же. С.92.
- ²⁴ Фрагменты стенограммы декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1936 г. // Вопросы истории. 1995. № 1. С.5.
- ²⁵ Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова от 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С.22—26.
- ²⁶ Там же. С.23.
- ²⁷ Папчинский А. Указ. соч. С.188—189.
- ²⁸ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.43.
- ²⁹ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С.30—31.
- ³⁰ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.43.
- ³¹ Архив авторов. Справка Центра документации новейшей истории Ростовской области № 48—51 от 14.06.1994 г.
- ³² Последнее слово Николая Ежова // Московские новости. 1994. № 5.
- ³³ Наше минуле. 1993. № 1. С.42—43. (Обзорная справка от 26.04.1956 г. по архивно-следственному делу № 612517 по обвинению Балицкого В.А.).
- ³⁴ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С.14—15.
- ³⁵ Там же. С.20.
- ³⁶ Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2. С.140.
- ³⁷ Сутурин А.С. Указ. соч. С.47—48.
- ³⁸ Альбац Е. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1992. (Приложение к главе III. Палачи и жертвы. Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г.).
- ³⁹ О выселении корейцев из Дальневосточного края (Сост. Н.Ф.Бугай) // Отечественная история. 1992. № 6. С.141.
- ⁴⁰ Тихоокеанская звезда. 1937. 28 октября.
- ⁴¹ Тихоокеанская звезда. 1937. 22 декабря.
- ⁴² Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С.129.
- ⁴³ Тихоокеанская звезда. 1938. 5 февраля.
- ⁴⁴ Тихоокеанская звезда. 1938. 6 февраля.
- ⁴⁵ Наше минуле. 1993. № 1. С.56. (Обзорная справка от 8.06.1956 г. по архивно-следственному делу № 967454 по обвинению Леплевского И.М.).
- ⁴⁶ Там же. С.56—57.
- ⁴⁷ Там же. С.42. (Обзорная справка от 26.04.1956 г. по архивно-следственному делу № 612517 по обвинению Балицкого В.А.).
- ⁴⁸ Там же. С.57. (Обзорная справка от 8.06.1956 г. по архивно-следственному делу № 967454 по обвинению Леплевского И.М.).
- ⁴⁹ Сутурин А.С. Указ. соч. С.11.

- ⁵⁰ Архив УВД Самарской области. Архивное личное дело на Марина Г.А. Из заключения проверки архивно-уголовного дела на бывшего первого секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) П.М.Ульяновского Военной прокуратурой дальневосточного военного округа. Л.12.
- ⁵¹ Там же. Л.12.
- ⁵² Николаев С. Выстрелы в спину. С.138.
- ⁵³ Николаев С. Комиссар, перебежчик, предатель.
- ⁵⁴ Архив УВД Хабаровского края. Архивное личное дело на Кривец Г.Ф. Послужной список.
- ⁵⁵ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.89.
- ⁵⁶ Там же. С.89.
- ⁵⁷ Николаев С. Выстрелы в спину. С.136.
- ⁵⁸ Кубеев М. Обреченный на казнь. Документальный рассказ о Рихарде Зорге и его соратниках // Дальний Восток. 1990. № 2. С.94.

От редакции:

Сведения о дальнейшей судьбе Г.С.Люшкова, о его смерти весьма противоречивы. Как явствует из архивно-следственного дела № 980947/особ. по обвинению Люшкова Г.С. (в трех томах) в КГБ (ФСБ), он был убит 19 августа 1945 г. начальником японской разведки капитаном Такеока Юсака, когда возникла угроза захвата бывшего чекиста советскими войсками. Факт смерти подтвержден самим Такеока Юсака, а также начальником госпиталя, оформившим документы на кремацию. Жена Г.С.Люшкова, Нина Васильевна Письменная (1909 года рождения), была арестована 13 ноября 1938 г.; 19 января 1939 г. она была осуждена ОСО НКВД на 8 лет лишения свободы “за антисоветские действия” и содержалась в местах заключения Карагандинской области. Сестры, мать и брат Г.С.Люшкова были подвергнуты выселению как члены семьи изменника Родины.

Точки над “i” в истории с побегом чекиста Люшкова за границу расставлять пока рано. Полагаем, что многое прояснится тогда, когда упомянутое архивно-следственное дело, а также ряд иных документов будут тщательно исследованы историками.

А.П.Крюковских

Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого

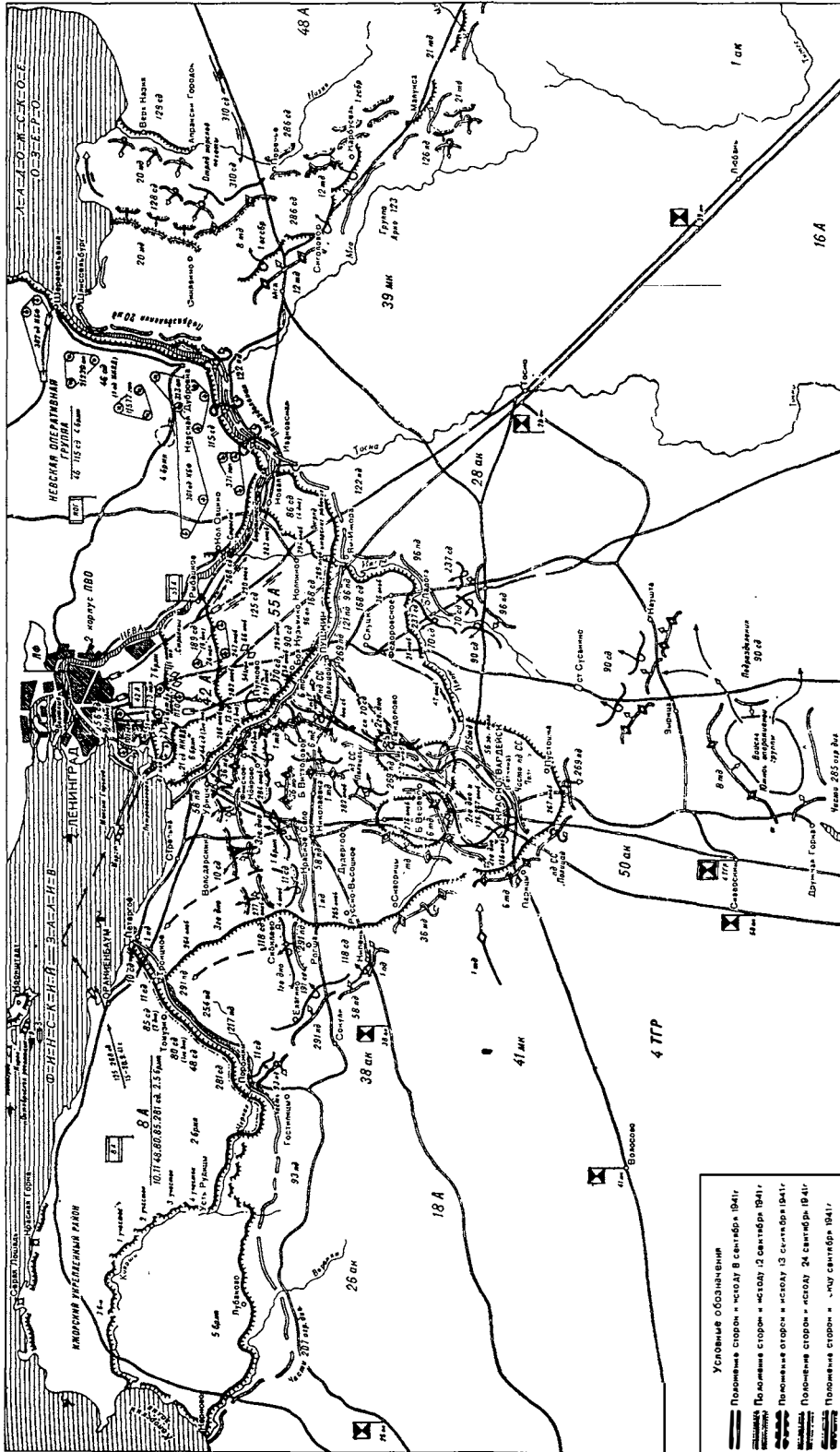
В конце августа 1941 г. обстановка под Ленинградом резко осложнилась. Противник вышел к Копорью, Ропше, Красногвардейску (Гатчине), Сиверскому, полуокружил Лугу. Крупное поражение наши войска потерпели на Карельском перешейке. К этому времени определилось еще одно направление вражеского наступления, последствия которого могли стать роковыми для Ленинграда.

Сосредоточив севернее Чудово 39-й моторизованный и 28-й армейский корпуса, организационно входившие в 16-ю армию, противник 25 августа возобновил продвижение вдоль шоссе Москва—Ленинград. После упорного боя он к исходу дня овладел Любанью и важным участком Октябрьской железной дороги. Оборонявшиеся здесь соединения и части нашей 48-й армии вследствие своей малочисленности и низкой боеспособности серьезной угрозы для врага не представляли. К 24 августа армия насчитывала всего 6250 человек, имела 30 орудий и 180 пулеметов¹. Немецкие моторизованные и танковые дивизии фактически беспрепятственно устремились с юго-запада к Ленинграду, угрожая перерезать коммуникации, связывавшие город со страной.

Еще 24 августа главное командование Северо-Западного направления в разговоре со Ставкой ВГК выразило обеспокоенность по поводу продвижения противника вдоль западного берега Волхова. Просьба К.Е.Ворошилова усилить Ленинградский фронт свежими соединениями осталась, однако, без внимания. И.В.Сталин и Б.М.Шапошников заявили: “К вам направлены маршевые батальоны для укрепления дивизий, число которых вполне достаточно. Необходимо лишь их восстановить. Поэтому новых дивизий из резерва Главного Командования дать не можем. Необходимо перегруппировать восстановленные дивизии к востоку и в резерв Красногвардейского УРа”². 26 августа Ставка ВГК заверила командование Ленинградского фронта, что в ближайшие дни в его распоряжение должны прибыть десять маршевых батальонов и четыре авиационных полка³.

Обещанные подкрепления 48-я армия так и не успела получить. Утром 27 августа немецкие танки и мотопехота при поддержке пикирующих бомбардировщиков атаковали наши части сразу по всему фронту и вскоре вынудили их к беспорядочному отходу. На следующий день противник в 12 часов почти без боя занял Тосно. В 18 часов он захватил Саблино, а к 20 часам достиг поселка Красный Бор, продвинувшись за сутки на 30 километров. Одновременно враг развернул наступление вдоль западного берега Волхова и, форсировав реку Тигода, подошел к Киришам.

Дальнейшее продвижение немецких войск грозило привести к дестабилизации всего фронта южнее Ленинграда. Ставка встревожилась. В телеграмме, направленной 29 августа И.В.Сталиным секретарю Ленинградского горкома партии А.А.Кузнецову

Ход боевых действий на ближних подступах к Ленинграду. Сентябрь 1941 г.

для членов ГКО В.М.Молотова и Г.М.Маленкова, прибывших в город, говорилось: “Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен”⁴. Однако ни одной дивизии Ленинградскому фронту Ставка опять не выделила, полагая, что он и так имеет достаточно танков, самолетов и орудий.

Чтобы воспрепятствовать прорыву противника к Ленинграду, командование фронта 29 августа срочно перебросило в район Ям-Ижоры 168-ю стрелковую дивизию, которая была эвакуирована с острова Валаам в Шлиссельбург. Вслед за тем 4-я дивизия народного ополчения, прибывшая из-под Красногвардейска, развернулась восточнее Колпино.

30 августа произошло событие, оказавшееся совершенно неожиданным для командования фронта. Свернув в Саблино с Московского шоссе, авангард 122-й немецкой пехотной дивизии вышел к Неве и вечером захватил Ивановское (юго-западнее Отрадного). Последняя железная дорога, связывавшая Ленинград со страной, оказалась перерезанной. К счастью, попытка врага с ходу форсировать Неву сорвалась. К исходу дня 31 августа в руки противника после трехчасовой борьбы перешла Мга, оборонявшаяся подразделениями 1-й отдельной горнострелковой бригады и 1031-м маршевым батальоном.

Стремясь вернуть назад станцию, командование фронта бросило в бой 1-ю дивизию НКВД, вновь сформированную из пограничных отрядов Карельского перешейка и включенную в состав 48-й армии. 1 сентября ее части предприняли несколько атак против немецкого моторизованного полка, занявшего Мгу. К вечеру станцию удалось почти полностью очистить от врага. Успех был бы большим, если бы не слабость артиллерийской поддержки, неопытность многих командиров. Утром 2 сентября противник перешел в контратаку и вновь занял Мгу, отбросив к северу и востоку подразделения 1-й дивизии НКВД и 1-й горнострелковой бригады. Их настойчивые попытки прорваться к станции в последующие два дня оказались безуспешными⁵. В связи с опасностью выхода немецких войск к верховьям Невы, для обороны ее правого берега в ночь на 4 сентября в район деревни Манушкино (около Невской Дубровки) была переброшена из резерва фронта 115-я стрелковая дивизия.

6 сентября части 20-й моторизованной дивизии, поддержанные 12-й танковой дивизией, нанесли новый удар по нашим войскам. Утром 200 самолетов подвергли бомбежке их боевые порядки. В результате воздушного налета взаимодействие между подразделениями 1-й дивизии НКВД нарушилось, значительная часть боевой техники вышла из строя. После полудня немецкая пехота, поддержанная танками, атаковала позиции пограничников. К 15 часам противник захватил Келколово, а в 20 часов занял Мустолово. 1-я дивизия НКВД оказалась разрезанной на две части. Два ее полка были отброшены к Московской Дубровке, один полк прижат к Неве у деревни Кузьминка, западнее Павлово, откуда он спустя сутки перешел на правый берег реки⁶.

Вражескому удару подверглась и 1-я горнострелковая бригада. После непродолжительного боя ее подразделения отошли на восток, оставив поселок Михайловский. Между бригадой и дивизией НКВД образовалась многокилометровая брешь.

7 сентября обстановка на фронте еще более ухудшилась. Попытка частей дивизии НКВД задержать противника у 1-го Городка успеха не имела. В 19 часов передовой батальон 20-й моторизованной дивизии занял Марьино. Почти одновременно другой ее батальон без боя овладел Синявиным. Поздно вечером остатки частей 1-й дивизии НКВД сосредоточились на южной окраине Шлиссельбурга, охваченного пожарами. Около полуночи они на судах и баржах переправились на правый берег Невы. Некоторые подразделения отошли на восток к деревне Липка⁷.

Утром 8 сентября части 20-й моторизованной дивизии вступили в Шлиссельбург. «Уже в 7.40 был водружен флаг на церковной колокольне и марш-броском достигнут берег Невы, — писал немецкий военный историк Вернер Хаупт. — Около 10.00 боевые группы 424-го пехотного полка вошли в Шлиссельбург. Ладожское озеро было достигнуто — Ленинград окружен!»⁸

В тот же день противник предпринял две попытки форсировать Неву в районе Марьино, но они были отражены нашими частями. Сутки спустя он попробовал переправиться через реку вблизи деревни Пороги, однако и здесь потерпел неудачу. Тем не менее, угроза соединения немецких и финских войск западнее Ладожского озера обрела зловещую реальность.

Можно с полным основанием утверждать: Ставка ВГК явно недооценила мощи удара 39-го моторизованного корпуса в направлении Ладожского озера. Лишь 2 сентября, с большим опозданием, она отдала директиву о сосредоточении в районе Новой Ладоги, Волхова, Городища, Тихвина вновь формируемой 54-й армии⁹. На него отводилось всего три дня. Срок был совершенно нереальным. Фактически дивизии армии смогли развернуться на исходном рубеже только 10—12 сентября. Активные боевые действия начались еще позднее. Время для нанесения контрудара по противнику было безвозвратно упущено. Более того, после захвата противником Мги в боевых действиях наступила непродолжительная пауза, вполне достаточная для принятия хотя бы частичных контрмер. Однако и это не было сделано. За четверо суток, пока противник осуществлял перегруппировку своих сил, левое крыло Ленинградского фронта не получило ни одной дивизии, ни одного полка из резерва Ставки ВГК.

Критическая обстановка сложилась к этому времени и на Карельском перешейке, где оборонялась 23-я армия. В конце августа ее Выборгская группировка потерпела крупное поражение. Финские войска захватили Выборг, Райволу (Рошино), Терийоки (Зеленогорск). Чтобы предотвратить их прорыв к Ленинграду с северо-запада, командованию фронта пришлось направить на усиление 23-й армии последнюю — 265-ю стрелковую дивизию из своего резерва и 291-ю стрелковую дивизию из Красногвардейского укрепленного района. 1—3 сентября соединения 23-й армии заняли оборону на рубеже Карельского укрепленного района, проходившего по линии государственной границы 1939 г.

Блокада Ленинграда стала свершившимся фактом. Посетившая город в конце августа — начале сентября комиссия ГКО пришла к неутешительному заключению о непрочности его военного положения.

Уже захват Мги и выход немецких войск к Неве, а финских — к Сестре укрепили уверенность вражеского командования в том, что под Ленинградом главная цель достигнута и отныне северное направление становится второстепенным. 6 сентября Гитлер подписал директиву о подготовке генерального наступления на Москву. Командованию группы армий «Север» совместно с финскими войсками предлагалось завершить окружение оборонявшихся Ленинград войск и не позднее 15 сентября передать группе армий «Центр» большую часть своих танковых и моторизованных соединений, а также авиации. В то же время подтверждалась директива от 28 августа о проведении наступательной операции на ленинградском направлении.

К концу первой недели сентября немецкое командование закончило перегруппировку своих войск под Ленинградом. Непосредственно для наступления на город оно выделило 11 дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованную. Им противостояли силы 42-й и 55-й армий, левого фланга 8-й армии, имевшие вместе с резервом фронта

12 стрелковых дивизий и 1 бригаду морской пехоты¹⁰. В целом противник располагал небольшим превосходством в людях, полуторным — в танках и авиации. Зато в артиллерии несомненное преимущество было на нашей стороне.

Немецкое командование предполагало нанести главный удар из района северо-западнее Красногвардейска в направлении Красного Села, Лигово, Автово и вспомогательный удар - из района южнее Колпино вдоль Московского шоссе на Купчино. В приказе, отданном войскам штабом группы армий “Север”, подчеркивалось: “50-й армейский корпус берет 9 сентября Красногвардейск как плацдарм для проведения наступления против внешнего укрепленного пояса Петербурга”¹¹.

К сожалению, командование Ленинградского фронта просмотрело сосредоточение немецкой ударной группировки в районе Волковицы-Педлино, на стыке флангов 3-й и 2-й гвардейских дивизий народного ополчения. Никаких мер для усиления этого участка фронта не было принято. Начавшееся утром 9 сентября наступление немецких 38-го и 50-го армейских и 41-го моторизованного корпусов явилось для Военного Совета полной неожиданностью. Более того, оно посчитало его отвлекающим маневром, полагая, что главный удар последует вдоль Московского шоссе.

На протяжении двух дней части 3-й гвардейской ополченской дивизии полковника В.П.Котельникова, подразделения отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов вели тяжелую борьбу с немецкими подвижными группами. Несмотря на все усилия, противнику удалось продвинуться всего на 2—3 километра. Развязка наступила во второй половине дня 10 сентября. Введя в бой на узком участке фронта около 130 танков, враг к вечеру прорвал оборону наших войск севернее Сквориц и вышел на подступы к Дудергофу.

В приказе, отданном командованием фронта вечером 10 сентября, говорилось: “Дерзкий прорыв врага угрожает дальнейшим развитием его продвижения в направлении Красное Село и окрыляет надеждой зарвавшихся фашистов подойти вплотную к Ленинграду, если не ликвидировать в самом начале этот прорыв...”¹² По-видимому, командование фронта не слишком серьезно отнеслось к “дерзкому прорыву врага”, допустив тем самым крупный просчет. Вместо того чтобы попытаться обескровить противника упорной обороной занимаемых рубежей, К.Е.Ворошилов решил разгромить его лихими фланговыми контрударами, введя в бой минимум фронтовых резервов — 1-ю бригаду морской пехоты и 500-й стрелковый полк. Их должна была поддерживать малочисленная 11-я стрелковая дивизия. Эти слабые силы получили категорические приказ — “разгромить и уничтожить Высоцко-Скворицкую прорвавшуюся группу противника”, состоявшую из 36-й моторизованной и 1-й танковой дивизий!

Разумеется, задуманный контрудар не состоялся. Морская бригада во второй половине дня 11 сентября втянулась в тяжелую борьбу с немецкой мотопехотой и за короткое время потеряла убитыми и ранеными пятую часть личного состава. Бой с врагом 500-го полка продолжался всего 6 часов, после чего полк оставил позиции и отошел в тыл. 11-я дивизия так и не успела подойти к полю сражения.

Утром 11 сентября противник возобновил наступление в обход Красного Села с юга. Активно маневрируя, блокируя наши опорные пункты, он в 13 часов захватил Дудергоф, а затем и Воронью гору. На подступах к Красному Селу вражеские атаки были отбиты подразделениями 3-й гвардейской ополченской дивизии и 1-й бригады морской пехоты. Несмотря на мужество ополченцев и моряков, их оборона под массированным воздействием немецкой авиации, артиллерии и танков постепенно теряла устойчивость. К сожалению, по вине командования фронта и армии значительная часть артиллерийских средств Красносельского сектора Красногвардейского укрепрайона использовалась неэффективно, а иногда и просто бездействовала.

Упорное сражение за Красное Село продолжалось весь день 12 сентября. Настойчивые попытки подразделений 58-й немецкой пехотной дивизии овладеть районом вокзала на протяжении десяти часов отражались нашими бойцами. Врагу приходилось выбивать их буквально из каждого здания. Только к 16 часам ему удалось захватить южную половину города и железнодорожную станцию.

Вечером 12 сентября развитие событий на фронте приняло драматический оборот. Совершив внезапный рывок на северо-восток, части 1-й немецкой танковой дивизии к 20 часам захватили поселок Большое Виттолово и вышли на подступы к Пулково. В сложившихся условиях Красное Село пришлось оставить. В руки противника перешла и Ропша, на протяжении нескольких дней удерживавшаяся частями 1-й гвардейской ополченской дивизии.

Одновременно части 6-й немецкой танковой дивизии смяли подразделения правого фланга 2-й гвардейской ополченской дивизии полковника В.А.Трубачева, оборонявшей Красногвардейск, и заняли Большое Верево. Железная и шоссейная дороги Красногвардейск—Ленинград оказались перерезанными. К 19 часам пехотные части противника обошли город с востока и, взяв Романовку, перехватили пути отхода наших войск на Пушкин. В результате два полка 2-й гвардейской ополченской дивизии и два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона были отрезаны от главных сил фронта. Несмотря на безнадежность положения, их бойцы продолжали биться с врагом. Блокированные защитники дотов и дзотов дрались до последнего патрона, до последней гранаты. Многие долговременные сооружения были взорваны противником вместе с их гарнизонами.

Рассказывая о развернувшемся в районе Красногвардейска сражении, немецкий историк Вернер Хаупт писал: “6-я танковая дивизия в первые два дня наступала медленно. Ей пришлось взять с бою 32 дота и 2 укрепленных узла, прежде чем она смогла продвинуться вперед... Полицейская дивизия СС была вынуждена остановиться 10 сентября перед Красногвардейском. Тем временем сражавшаяся рядом 269-я пехотная дивизия пробивалась в город с юго-востока. 42-я советская армия ввела здесь в бой большие силы. Уличная борьба продолжалась до полудня 13 сентября, затем Красногвардейск пал”¹³.

К вечеру 13 сентября положение на фронте стало предельно критическим. Тесня остатки наших подразделений, части 1-й и 6-й немецких танковых дивизий вплотную приблизились к Александровской, вышли на подступы к Пушкину. Создалась реальная угроза тылу соединений 55-й армии, потери Слуцко-Колпинского укрепленного района, где противник также активизировал свои усилия.

Падение Красногвардейска ускорило финал трагедии Южной группы войск, пробиравшейся три недели по немецким тылам из-под Луги к Ленинграду. В четырех ее дивизиях, блокированных противником южнее Вырицы, насчитывалось почти 30 тысяч человек. У бойцов оставалось мало боеприпасов, давно кончилось продовольствие, не было медикаментов. Все попытки окруженных подразделений прорваться на север ни к чему не привели. Потерпели неудачу и атаки частей 90-й стрелковой дивизии, пытавшихся пробиться на соединение с ними. Положение окруженных стало безнадежным. Разбившись на небольшие группы, они предпринимали отчаянные усилия преодолеть линию фронта. В течение 14—16 сентября вблизи Антропшино и Пушкина из окружения с боем вышло несколько групп общей численностью 3 тысячи человек. Некоторые подразделения ушли по немецким тылам на восток. Большая же часть бойцов и командиров оказалась во вражеском плену.

В первой половине дня 13 сентября в Ленинград прибыл генерал армии Г.К.Жуков, назначенный командующим фронтом вместо К.Е.Ворошилова¹⁴. Можно предполагать, что после многочасового разговора с К.Е.Ворошиловым и А.А.Ждановым у него сложилось довольно оптимистическое представление об обстановке под Ленинградом. О падении Красногвардейска Военный Совет фронта, по-видимому, еще не знал. Главное, что заботило Жукова, — это налаживание взаимодействия с 54-й армией, находившейся с восточной стороны узкого шлиссельбургско-мгинского выступа. В случае ее немедленного решительного наступления, дополненного встречным наступлением войск Ленинградского фронта, можно было рассчитывать на скорый прорыв блокады Ленинграда.

Именно этот вопрос стал главной темой разговора по прямому проводу 13 сентября в 15 часов 30 минут между Г.К.Жуковым и Г.И.Куликом, командующим 54-й армией. При разговоре присутствовали К.Е.Ворошилов и А.А.Жданов. «Обстановка на нашем фронте в двух словах следующая, — сказал Жуков. — Противник 11 и 12 сентября, прорвав укрепленную Красногвардейского УРа у Красного Села, отеснил наши части, которые в настоящее время заняли фронт Ропша, Константиновка, Александровка, Пушкин. [В] направлении Федоровское, что на Московском шоссе у реки Ижора, противник вклинился небольшими силами и пытается расширить прорыв». Заканчивая разговор, Жуков высказал пожелание об ускорении подготовки наступления 54-й армии: «Просьба действовать напористей и без замедлений. Противник хотя и весьма нахален, все же истрепан до крайности и бить его не только должно, но и можно без особых [!] усилий»¹⁵.

К исходу суток на фронте, как говорилось выше, произошли крупные перемены. Поэтому, когда 14 сентября в 3 часа 45 минут утра состоялся разговор по прямому проводу между начальником Генерального штаба маршалом Б.М.Шапошниковым и Г.К.Жуковым, настроение генерала было уже другим. Частично этот разговор приведен во всех изданиях книги полковника «Воспоминания и размышления», правда, приведен не слишком точно, более того, с некоторыми искажениями. Начал его Жуков раздраженной фразой: «Обстановка в южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу». Оценки генерала были предельно резкими: «На Красногвардейском Уре уровские части серьезно не дрались, так как противник, прорвавшись перелесками, обошел части с фланга и тыла и под воздействием обхода противника третья [ополченская] дивизия полностью разбежалась, вторая дивизия разбежалась частично, и вот в эту зияющую дыру и устремился противник»¹⁶.

Возможно, давая подобную оценку действиям войск, Жуков основывался на анализе обстановки, представленной ему Ворошиловым и штабом фронта. Они же, естественно, меньше всего желали признаваться в собственных просчетах и ссылались на привычную причину неудач — низкую боеспособность войск.

Попутно выяснилось и еще одно недоразумение. Продолжая разговор, Жуков сообщил об оставлении накануне Красногвардейска. В ответ последовала недоуменная реплика Шапошникова: “У нас этого донесения не поступало. Было донесение только о занятии Большого Верево и выходе танков на дорогу Красногвардейск—Ленинград”. Как оказалось, штаб фронта в очередной сводке, направленной в Генеральный штаб, умолчал о захвате противником города.

Спустя несколько минут Шапошников, как бы не поняв слов Жукова, снова заметил: “Считаю, что Красногвардейск запирает дорогу на север, хотя противник и обошел его с запада”. На это Жуков еще более настойчиво повторил: “...Я уже вам доложил, что район Красногвардейска до реки Ижора и все пути, идущие через Красногвардейск на север, находятся у противника”¹⁷.

Между тем обстановка на фронте продолжала ухудшаться. Утром 13 сентября противник возобновил наступление вдоль Таллинского шоссе в направлении Урицка. Сломив после недолгой борьбы сопротивление остатков подразделений 3-й гвардейской ополченской дивизии и 1-й бригады морской пехоты, немецкие подвижные группы вскоре ворвались в Константиновку и Сосновку. Между войсками 8-й и 42-й армий наметился опасный разрыв.

Почти одновременно враг атаковал части 5-й дивизии народного ополчения полковника Ф.П.Уткина, занявшие накануне оборону по линии Гореловских и Пулковских высот. Главный удар он нанес по правому флангу дивизии, упиравшемуся в Горелово (южнее Урицка). За станцию завязался многочасовой изнурительный бой. К 15 часам Горелово, Финское Койрово и Верхнее Койрово оказались в руках противника. К концу дня брешь между 8-й и 42-й армиями еще более расширилась. Чтобы заполнить ее, Г.К.Жуков 14 сентября развернул южнее поселка Володарского (Троице-Сергиевой пустыни) свой последний резерв — 10-ю стрелковую дивизию генерал-майора И.И.Фадеева. На короткое время положение здесь удалось стабилизировать. Противник был вынужден оставить Горелово и Сосновку. Человек в высшей степени энергичный, Жуков в то же время решил нанести по врагу контрудар в направлении Красного Села силами 8-й армии, срочно проведя их перегруппировку на левый фланг.

По указанию Военного Совета фронта для прикрытия с запада района Пушкина и тыла Слуцко-Колпинского укрепленного района была сформирована боевая группа под командованием майора Петровского, в которую вошли остатки 1-й ополченской и 237-й стрелковой дивизий. В ночь на 14 сентября она заняла оборону на западной и юго-западной окраине Александровской. Одновременно вышедшие из окружения подразделения 2-й гвардейской ополченской дивизии закрепились в районе Пендолово.

В сложившейся обстановке очень многое зависело от успеха действий 54-й армии. В ночь на 15 сентября состоялся новый телеграфный разговор Жукова с маршалом Г.И.Куликом. Явно раздосадованный информацией о принимаемых тем мерах, генерал недовольно сказал: “У меня к тебе есть настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать контрподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мга... Если ты не перейдешь в наступление завтра же, то у нас положение может быть катастрофическое, а отсюда все последствия и для тебя, и для меня”.

Кулик ответил, что начать наступление он может только 16—17 сентября. Разговор закончился резкой фразой Жукова: “Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом”¹⁸.

15 и 16 сентября в расположении противника были замечены крупные передвижения войск. Особенно большое оживление наблюдалось в районе западнее Пушкина.

Можно было предположить, что противник готовится к решающему прорыву нашей обороны, перегруппировывает свои силы. В действительности же в соответствии с директивой Гитлера немецкое командование начало вывод в тыл частей 6-й танковой дивизии, которые в ближайшие дни должны были быть переброшены на московское направление. Ее место на фронте временно занимали части 1-й танковой дивизии. Одновременно 1-я пехотная дивизия перенацеливалась с пулковского на стрелнинско-петергофское направление. Истинная причина этих передвижений стала понятна нашему командованию лишь спустя полторы-две недели.

16 сентября Военный Совет фронта утвердил глубоко секретный «План мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города Ленинграда на случай вынужденного отхода наших войск»¹⁹. Согласно этому плану в случае прорыва врага в город подлежали уничтожению свыше 140 важнейших предприятий и сооружений. Сигнал об уничтожении должен был подать городской комитет ВКП(б) персонально секретарям райкомов партии, которые, в свою очередь, отдавали приказание директорам и секретарям парткомов предприятий. Тремя днями ранее Ставка ВГК направила специальную директиву командующему фронтом Г.К. Жукову, члену военного совета А.А. Жданову и заместителю наркома Военно-морского флота И.С. Исакову, которой известила об утверждении ею «Плана мероприятий по уничтожению флота на случай вынужденного отхода из Ленинграда»²⁰. Уничтожению подлежали «все корабли Военного флота, торговые, промысловые и технические суда». Подчеркивалось, что «уничтожение производится с максимально возможными разрушениями на возможно длительный период, т.е. объекты и корабли взрываются и топятя». Сигнал к выполнению плана подавался командующим Ленинградским фронтом.

Тогда же в Ленинград прибыл заместитель наркома НКВД СССР В.Н. Меркулов, «уполномоченный ГКО по специальным делам». В постановлении, принятом Государственным комитетом обороны 13 сентября, указывалось: «Тов. Меркулову поручается совместно с членом военного совета Ленинградского фронта тов. Кузнецовым тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района»²¹. Военный Совет Ленинградского фронта, а также руководящие партийные и советские работники Ленинграда обязывались оказывать В.Н. Меркулову всяческую помощь. В течение трех дней основная работа по подготовке к разрушению крупных предприятий Ленинграда и всех судов флота была завершена.

15 сентября произошло дальнейшее ухудшение обстановки на фронте. Рано утром 1-я и 58-я немецкие пехотные дивизии нанесли удар по самому уязвимому месту — стыку 8-й и 42-й армий. Прорвав слабую оборону частей 10-й стрелковой дивизии, они к исходу следующего дня захватили Урицк и вышли к южному побережью Финского залива. Дивизия в беспорядке отошла к восточной окраине Стрельны, потеряв около 50 процентов личного состава и материальной части. Связь по суше между 8-й и 42-й армиями прервалась. Противник оказался у самых стен города. До его окраин оставалось не более 5—6 километров.

В результате вражеского удара 16 сентября оказалась расчлененной на две части 3-я гвардейская ополченская дивизия. Один ее полк откатился к Стрельне, другой отошел к Дачному. «Это произошло потому, что штадив потерял связь с частями, не управлял ими, — констатировалось в донесении политуправления фронта. — Часть разбежавшихся бойцов собрана. Дивизия отведена на переформирование»²².

Попытки противника овладеть станцией Лигово и продвинуться в направлении Автово были отражены полками вновь сформированной 21-й дивизии НКВД полковни-

ка М.Д.Папченко, занявшими оборону на внешнем обводе укрепленного рубежа Ленинграда. Эффективную огневую поддержку оказали им суда Балтийского флота. «Русская артиллерия, в том числе орудия боевых кораблей в Кронштадтской бухте, и морская авиация причиняли наступающим огромные потери, — отмечал уже упоминавшийся немецкий историк Вернер Хаупт. — Роты насчитывали только по 30 человек!»²³

Тяжелый бой разгорелся 16 сентября на участке, обороняемом правофланговыми частями 5-й дивизии народного ополчения. Позиции ополченцев атаковали свыше 30 немецких танков и два усиленных пехотных полка. Противнику удалось вклиниться в их оборону и смять наши подразделения. Угрожая обходом, он вынудил 2-й и 3-й полки дивизии отойти из Горелова, Сосновки и Старо-Панова. Ополченцы закрепились южнее Ульянки и Дачного. Командование дивизией после ранения полковника Уткина возглавил генерал-майор П.А.Зайцев.

Крайне недовольный малоэффективными действиями войск 42-й армии, Г.К.Жуков решил заменить ее руководство. 16 сентября в командование армией вступил генерал-майор И.И.Федюнинский, членом военного совета стал корпусный комиссар Н.Н.Клементьев.

17 сентября бои достигли еще большего ожесточения. В этот день правофланговые соединения 42-й армии нанесли контрудар в направлении Урицка. После многочасового уличного боя полки 5-й дивизии народного ополчения, усиленные 701-м полком, к вечеру овладели центром и восточной окраиной города. Одновременно части 21-й дивизии НКВД очистили от противника Старо-Паново. Ожесточенное сражение в Урицке продолжалось весь последующий день. В конце концов наши части, понеся значительные потери, должны были отойти, удержав за собой северо-восточную окраину города.

Два эти дня — 16 и 17 сентября — стали самыми кризисными для Ленинграда. С часу на час нашим командованием ожидался прорыв немецких войск в южную часть города. Любопытно, что в боевом донесении, направленном 17 сентября Сталину, Г.К.Жуков об оставлении поселка Володарского и выходе противника к Финскому заливу ничего не сообщил.

К вечеру 16 сентября резко ухудшилось положение на фронте и в районе Пушкина, Слущка (Павловска). Немецкое командование усилило действовавшие здесь полицейскую дивизию СС и 269-ю пехотную дивизию 1-й танковой дивизией, которая сменила выведенные в тыл части 6-й танковой дивизии. Оно рассчитывало окружить и уничтожить оборонявшие этот район основные силы 55-й армии, а затем ударом во фланг 42-й армии, защищавшей Пулковскую позицию, дестабилизировать весь фронт и открыть своим войскам дорогу на Ленинград.

Утром 17 сентября около 200 немецких самолетов подвергли бомбежке позиции наших войск. В 12 часов дня противник атаковал подразделения боевой группы майора Петровского, 329-го полка 70-й стрелковой дивизии и 3-го полка 2-й гвардейской ополченской дивизии, укрепившиеся в Екатерининском и Александровском парках. После ожесточенного боя он захватил оба парка и к 18 часам вклинился в центр города Пушкина. Весь вечер на его улицах не прекращались схватки между нашими бойцами и немецкими автоматчиками, поддерживаемыми танками и бронемашинами.

Тяжелые бои шли в эти часы и южнее, в районе Слущка, где противник вынудил отойти за Русские Липицы части 168-й стрелковой дивизии. Их отход поставил в сложное положение 90-ю стрелковую дивизию, которая оказалась отрезанной от главных сил. В течение ночи и утра 18 сентября ее подразделения с боем пробивались через Пушкин. Когда они достигли рубежа наших частей, оборонявшихся на окраине города, возникла неизбежная в таких случаях неразбериха. Как отмечалось в боевом донесении

штаба фронта, охваченные замешательством “отдельные подразделения 70-й и 2-й гвардейской стрелковых дивизий начали отходить вместе с частями 90-й стрелковой дивизии; к 12.00 расплывшиеся группы дивизий сосредоточились около Шушары, где приводились в порядок”²⁴. Воспользовавшись этим, противник оттеснил оставшиеся на позициях наши части и в 14 часов захватил северо-восточную окраину Пушкина. Его дальнейшее продвижение было остановлено подразделениями 2-й гвардейской ополченской дивизии и 55-го стрелкового полка. Левее отразили все атаки врага бойцы 168-й стрелковой и 4-й ополченской дивизий. Захватить Колпино противнику не удалось.

С 19 сентября фронт 55-й армии стабилизировался на рубеже Пулково, Большое Кузьмино, Путролово, Новая. Днем ранее соединения 42-й армии закрепились вдоль линии Лигово, Нижнее Койрово, Пулково. Рубеж, занятый бойцами и ополченцами, стал последним пределом, которого врагу удалось достигнуть в своем продвижении к Ленинграду. Отныне бои здесь приняли позиционный характер.

В период боев за Урицк и Пушкин противник нанес один из самых сильных артиллерийских и авиационных ударов по Ленинграду. 19 сентября город обстреливался в течение восемнадцати часов. Снаряды разрушили два десятка зданий. Одновременно вражеская авиация произвела шесть налетов на город, сбросив на его кварталы 1860 фугасных и зажигательных бомб.

Захватом Пушкина завершился боевой путь на севере соединений 41-го немецко-моторизованного корпуса. В соответствии с приказом Гитлера, отданным 16 сентября, вслед за 6-й танковой дивизией срочно выводились в тыл для переброски на московское направление 1-я танковая и 36-я моторизованная дивизии. Немецкий историк Гартвиг Польшман в своей книге “Волхов” писал: “Это явилось переломным моментом для Северного фронта, повторением “чуда на Марне”. День 16 сентября 1941 г. создал оперативную обстановку, которой суждено было стать определяющей для всех боевых действий в этом районе на протяжении последующих 800 дней... 20 сентября наступление на Ленинград было окончательно прекращено”²⁵.

Вряд ли, конечно, вывод из боя 41-го корпуса имел столь глобальные последствия, но в одном Польшман прав: 18-я немецкая армия осталась без своего ударного кулака. Тот факт, что с фронта под Ленинградом ушли 32 тысячи немецких солдат и 260 танков, не мог не отразиться на характере последующих боевых действий. После 18 сентября вражеское командование уже не помышляло всерьез о крупных наступательных акциях под Ленинградом. К тому же вслед за 41-м моторизованным корпусом перебазировался на московское направление и 8-й авиационный корпус. Эффективность поддержки действий сухопутных войск воздушными силами резко снизилась. Стремясь сохранить в тайне столь крупную передислокацию войск, немецкое командование приняло меры по максимальной активизации усилий оставшихся пехотных соединений. И, надо сказать, ему удалось создать впечатление готовящегося штурма Ленинграда, дальнейшего наращивания своих сил на фронте. Докладывая Сталину об обстановке на фронте, Г.К.Жуков сообщал: “В течение 17.9.41 шли упорные бои на всем фронте южнее Ленинграда. Особенно ожесточенные бои шли в районе Разбегай, Стрельна, Урицк. Здесь противник в дополнение к пяти ранее наступавшим дивизиям ввел в бой еще одну пехотную дивизию (58 пд). В результате левый фланг 8 А был оттеснен противником к Стрельна...”. Противник также вел настойчивые атаки в направлении Пушкин, где дополнительно к ранее наступавшим четырем пехотным и одной танковой дивизиям ввел в бой еще одну пехотную и одну танковую дивизию”²⁶.

Как видим, фактически дело обстояло совсем иначе.

17 сентября Военный Совет фронта направил военным советам 42-й и 55-й армий известный приказ № 0064, в котором подчеркивалось особо важное значение в обороне

Ленинграда рубежа Лигово—Кискино—Верхнее Койрово—Пулковские высоты, а также районов Московской Славянки, Шушар и Колпина. “За оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа, — говорилось в приказе, — все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу”²⁷.

В последующие два дня в соответствии с приказом наркома обороны в 42-й и 55-й армиях были созданы заградительные отряды, которые задерживали покинувших фронт, потерявших свои части бойцов и командиров. О суровой необходимости подобной меры говорит тот факт, что только 17—19 сентября заставы охраны войскового тыла и комендатура Ленинграда задержали 4 425 военнослужащих. Из них почти 400 были переданы следственным органам.

19 сентября последовал новый приказ (№ 0040), на этот раз приказ всем войскам фронта, в котором военный совет констатировал:

“Наряду с массовым героизмом частей Ленинградского фронта, постоянной готовностью уничтожать фашистов, в некоторых частях фронта имеют место позорные факты, когда отдельные командиры и красноармейцы бросают оружие и боевую технику, покидают поле боя и уходят в тыл. В момент, когда над Ленинградом нависла смертельная опасность непосредственной угрозы вражеского вторжения, такое поведение является худшей изменой и предательством.

Военный Совет Ленинградского фронта приказывает командирам частей и особым отделам расстреливать всех лиц, бросивших оружие и ушедших с поля боя в тыл”²⁸.

Среди расстрелянных на основании этого и предыдущего приказов были командир 2-й гвардейской ополченской дивизии майор Новгородцев, командиры 268-го пулеметно-артиллерийского батальона старший лейтенант Павлов и политрук Новиков. День спустя Ставка ВГК утвердила предложение командующего Ленинградским фронтом об аресте и предании суду генералов И.И.Фадеева, А.С.Цветкова и Н.П.Колышкина, обвиненных в неспособности организовать отпор врагу. (Хотя эти генералы и были некоторое время спустя оправданы, сам факт привлечения к суду негативно сказался на их дальнейшей судьбе.)

Военный совет фронта принял жесткие меры по восстановлению численности частей и соединений, пополнению их личным составом и боевой техникой. В течение первых трех недель сентября в войска было направлено свыше 45 тысяч человек. В результате соотношение сил сторон существенно изменилось. С 20 сентября войска фронта по пехоте и танкам уже несколько превосходили врага. Более чем полуторное превосходство над ним было достигнуто в артиллерии. Утратил противник преимущество и в авиации. Разумеется, это было достигнуто ценой огромного напряжения сил, ценой почти поголовной мобилизации в армию мужской части населения Ленинграда.

Тем не менее, противник все еще продолжал владеть инициативой. 20 сентября немецкие войска внезапно нанесли встречный удар по левофланговым соединениям 8-й армии, которые в соответствии с приказом Г.К.Жукова пытались наступать на Красное Село. Численное превосходство в целом было на нашей стороне, однако противник действовал более решительно и активно. 21 сентября он захватил Стрельну и Знаменку, а 23 сентября — восточную часть Петергофа, существенно укрепив свои позиции на побережье Финского залива.

В тот же день распоряжением Г.К.Жукова командующий войсками 8-й армии генерал-майор В.И.Щербаков и член военного совета дивизионный комиссар И.Ф.Чухнов были отстранены от занимаемой должности. Командование армией возглавили генерал-лейтенант Т.И.Шевалдин и бригадный комиссар А.Д.Окорочков. Одновременно военный совет фронта направил в соединения и части директиву, в которой все командиры пре-

дупреждались о том, что “они за самовольное оставление Петергофа и оборонительных позиций южнее Петергофа будут расстреляны как трусы и изменники”²⁹.

21 и 23 сентября немецкая авиация совершила массированные налеты на боевые корабли и Кронштадт, в которых участвовало до 80 самолетов. Тяжелое повреждение получил линейный корабль “Марат”. Пострадало еще несколько судов. Однако в целом огневая мощь кораблей сохранилась.

В ходе боев за Петергоф противник полностью исчерпал свои наступательные возможности. Его настойчивые усилия продвинуться дальше оказались безуспешными. 24—25 сентября войска 8-й армии окончательно закрепились на рубеже станция Старый Петергоф, Томузи, (иск.) Петровское. И здесь бои приняли позиционный характер.

Остановив немецкие дивизии у стен Ленинграда, наши войска внесли существенный вклад в срыв вражеского плана “молниеносной войны” на одном из важнейших участков советско-германского фронта. Как известно, 25 сентября командующий группой армий “Север” доложил главному командованию германских сухопутных войск, что он не может продолжать наступление оставшимися силами.

После того как фронт на подступах к Ленинграду стабилизировался, задача прорыва пока еще неокрепшего блокадного кольца стала первоочередной. Напряженность боев, развернувшихся юго-западнее Ладожского озера, почти сразу возросла. Сюда постепенно переместился центр боевых действий.

По приказу Г.К.Жукова в ночь на 20 сентября в районе Московской Дуборовки на левый берег Невы переправился батальон 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф.Конькова. Командовал батальоном старший лейтенант В.П.Дубик. Противник не оказал серьезного сопротивления, и утром реку преодолело еще несколько подразделений дивизии. В середине дня немецкий пехотный полк, поддержанный танками и авиацией, предпринял контратаку. Наши бойцы ее не только отразили, но даже несколько расширили захваченный плацдарм. Вместе с частями 115-й дивизии форсировал Неву и батальон 4-й бригады морской пехоты генерал-майора Б.Н.Ненашева. В районе Марьино, юго-западнее Шлиссельбурга, преодолели реку отдельные подразделения 1-й дивизии НКВД полковника С.И.Донскова, которым удалось закрепиться вдоль самой кромки берега.

Начались тяжелые бои за расширение плацдарма. После ряда кровопролитных атак наши части перерезали шоссе Ленинград—Шлиссельбург и вплотную приблизились к 8-й ГРЭС. На правом фланге они ворвались на окраину поселка Арбузово. 22 сентября войска, действовавшие на этом участке, были объединены в Невскую оперативную группу (НОГ), командование которой возглавил генерал-лейтенант П.С.Пшенников. Постепенно плацдарм удалось расширить почти до 4 км по фронту и до 700—800 метров в глубину. Вероятно, успех был бы значительнее, если бы 4-й ополченской дивизии, действовавшей из района Колпино, удалось отбить у врага Ивановское и Отрадное.

Между тем со стороны Волхова к плацдарму пытались пробиться войска 54-й армии. 21 и 23 сентября они предприняли несколько разрозненных атак на синявинском и мгинском направлениях, но вперед так и не продвинулись. В 4 часа утра 24 сентября командование армии получило из Москвы шифротелеграмму, продиктованную Б.М.Шапошниковым: “В третий раз Ставка ВГК приказывает вам принять все меры к незамедлительному занятию Синявино и соединению с ленинградскими войсками. Личная ответственность за выполнение этого возлагается на маршала Кулика. Сталин”³⁰.

В первой половине дня соединения армии возобновили атаки в направлении Синявино и Мги. Наибольшего успеха добилась 310-я стрелковая дивизия, которая при поддержке 122-й танковой бригады вытеснила противника из Гайтолово и вышла к речке Черной. Правее несколько продвинулись вперед и части 128-й стрелковой дивизии, подошедшей почти вплотную к деревне Липка. Однако этим все и кончилось. Многократные попытки частей армии продолжить наступление 25 и 26 сентября оказались безрезультатными. Атаки наших бойцов, поддерживаемые редким артиллерийским огнем, как правило, захлебывались уже в самом начале. Противник, хорошо пристрелявший местность, расчетливо оборонялся. Закопав в землю танки, он был практически неуязвим для нашего оружия.

За две недели боев войска армии на синявинском направлении продвинулись всего на 6—10 км, а на мгинском направлении сами вынуждены были отойти от железной дороги Мга—Кириши на реку Назия. Потеряв свыше 3700 человек убитыми и пропавшими без вести, они остро нуждались в отдыхе и свежих пополнениях. Строго говоря, наступательная операция наших войск, именуемая в литературе как Первая Синявинская, вообще не получила развития, фактически не состоялась. Как бы то ни было, действия 54-й армии позволили сковать довольно значительные силы врага, главным образом, танковые и моторизованные.

На Карельском перешейке соединения 23-й армии после упорных пятидневных боев 20 сентября овладели Белоостровом. Наши потери оказались очень большими. Атаки пришлось прекратить.

Утром 26 сентября состоялся очередной разговор Г.К.Жукова со Ставкой ВГК. Информировав ее о военной обстановке, генерал докладывал:

“Двадцать третья [армия] на прежних позициях. Забрав Белоостров, закрепляет за собой этот район и ведет активную разведку на всем фронте. Восьмая армия ведет бой на линии дороги Петергоф—Порожки. После смены военного совета и ареста некоторых командиров соединений армию заставили перейти к активным действиям. Во всяком случае остановили ее отход. Полагаю через пару дней этой армией отбросить противника на линии Стрельна, Гостилицы... Сорок вторая армия прочно сидит на прежних позициях, ведет разведку на всем фронте с целью изучения слабых мест противника. Пятьдесят пятая прочно занимает прежний рубеж. Ведет частные операции по возвращению Новой и занятию Ивановского. Группа Пшенникова, прочно закрепив за собой восточный берег [Невы], ведет бой в направлении Синявино, Мга. Шлиссельбург нами окружен со стороны Ладожского озера и со стороны Марьино. Думаю к исходу дня и не позже как завтра Шлиссельбург взять. Противник из района Городок пытался сегодня переправиться на западный берег [Невы]. Противник рассеян. Страшно возмущен топтанием на месте правофланговой группы Кулика. Просил бы заставить его немедленно занять Рабочий поселок № 6 и со стороны поселка Эстонский нажать на Мгу. У меня все. Морская обстановка вам известна. О ней не докладываю”³¹.

В этот день (26 сентября) ожесточенность борьбы достигла кульминации. Рано утром батальон 1-й дивизии НКВД форсировал Неву и завязал бой с врагом на северной окраине Шлиссельбурга. Около полудня еще один батальон с большими потерями преодолел реку и закрепился на южной окраине города. К сожалению, неудача постигла десантные отряды моряков, высаженные с Ладоги 23 и 25 сентября восточнее Шлиссельбурга. Они вскоре были блокированы противником и почти полностью уничтожены. (Очевидно, отнюдь не случайно именно в этот день, 26 сентября, командующий группой армий “Север” генерал-фельдмаршал В.Лееб охарактеризовал положение своих войск как кризисное.)

Вечером того же дня Ставка ВГК командующим 54-й армией вместо маршала Г.И.Кулика назначила генерал-лейтенанта М.С.Хозина. Одновременно армия была включена в состав Ленинградского фронта и усилена двумя гвардейскими стрелковыми дивизиями: 3-й генерал-майора Н.А.Гагена и 4-й генерал-майора А.И.Андреева. Противник также наращивал свои силы южнее Ладожского озера, где вслед за 8-й танковой дивизией появились части 96-й пехотной дивизии, переброшенные из-под Павловска.

Учитывая опасность малейшего промедления, Г.К.Жуков приказал войскам левого крыла Ленинградского фронта безотлагательно возобновить наступление. Части 1-й дивизии НКВД должны были взять Шлиссельбург. Перед соединениями 54-й армии ставилась задача «с утра 27.9.41 перейти в энергичное наступление, имея целью к исходу дня соединиться с частями 115 сд и уничтожая противника, овладеть Мгой»³².

Однако ни 27, ни 28, ни 29 сентября нашим войскам нигде продвинуться не удалось. Слабость артиллерийской поддержки, распыление и без того ограниченных сил и средств, неумение командиров организовать бой обрекали на неудачу почти все атаки нашей пехоты. Части и подразделения сплошь и рядом посылались на штурм вражеских опорных пунктов, огневые средства которых не были подавлены. Все это вело к неоправданно высоким потерям личного состава. Так, численность 4-й бригады морской пехоты за 11 дней боев уменьшилась с шести до полутора тысяч человек.

В боевом донесении, направленном И.В.Сталину 30 сентября, Г.К.Жуков вынужден был признать: «В ночь на 30.9 попытка 1 сд НКВД переправить один батальон из крепости в Шлиссельбург успеха не имела вследствие сильного артиллерийского, минометного и пулеметного огня противника. Мною приказано лобовые атаки на Шлиссельбург прекратить и форсирование Невы перенести на участок 115 сд»³³.

Действительно, к этому времени в полосе наступления частей 115 стрелковой дивизии как будто бы наметился успех. В ночь на 28 сентября разведывательный батальон капитана Д.И.Соколова форсировал Неву восточнее Отрадного. Сбив немецкие заслоны, он закрепился в деревне Петрушино. Наше командование начало спешно перебрасывать на новый плацдарм подразделения недавно сформированной 10-й отдельной стрелковой бригады полковника В.Н.Федорова, занимавшей ранее оборону в районе Автово. Из-за нехватки плавсредств их переправа продолжалась почти четверо суток. За это время противник успел укрепить свои позиции перед Петрушино, сумел стянуть к деревне значительные силы. Попытки частей бригады пробиться к Отрадному и Пелле, навстречу подразделениям 86-й стрелковой дивизии (4-й дн), успехом не увенчались. 3 октября противник сам перешел к активным действиям и спустя три дня ликвидировал плацдарм. В боях пали 1400 наших бойцов. Среди погибших был и командир полковник В.Н.Федоров.

Боевые действия, предпринятые войсками левого крыла Ленинградского фронта в последней декаде сентября 1941 г., вошли в историю обороны города на Неве как наиболее кровопролитные и нерезультативные. Несмотря на все усилия, размеры Невского плацдарма не только не увеличились, но даже уменьшились к началу октября до 2 км по фронту и до 400—500 метров в глубину. «Командование фронта продолжало по частям наращивать удар с плацдарма, и это было большой ошибкой», — вспоминал участник тех боев генерал С.Н.Борщев³⁴. Бои постепенно затихли.

Подведем краткий итог. В результате наступления немецкой армии Ленинград в начале сентября 1941 г. оказался в блокаде, которая продолжалась почти 900 дней. Прорыв врага к Ладожскому озеру во многом стал возможен из-за непринятия Ставкой ВГК мер по усилению войск, оборонявшихся на западном берегу Волхова. За полмесяца, с 21 августа, сражавшаяся здесь 48-я армия не получила ни одной дивизии из резерва Верхов-

ного Главкомандования. В равной мере Ставка недопустимо промедлила с развертыванием в районе города Волхова 54-й армии, которая сосредоточилась здесь только 10—12 сентября. Она считала, что “наиболее опасным направлением продвижения противника является восточное направление в сторону Новгорода, Чудово, Малая Вишера и дальше через реку Волхов”³⁵. В результате на протяжении более чем трех недель ладожское направление оставалось фактически открытым, незащищенным нашими войсками. Сталин и Ставка при этом категорически полагали, что Ленинградский фронт имеет достаточно сил, чтобы противостоять наступающим дивизиям 16-й армии. Буквально чудо спасло Ленинград от прорыва немецких и финских войск навстречу друг другу вдоль западного берега Ладожского озера и тесного окружения ими города.

Нельзя не сказать и еще об одном. Командование Ленинградского фронта, руководствуясь указаниями Ставки ВГК, наряду с постановкой армиям оборонительных задач, постоянно ставило и наступательные. Фактически на протяжении всего сентября дивизии фронта на ряде участков пытались наступать, не имея для этого объективных возможностей. Подобная раздвоенность в действиях сыграла отрицательную роль, привела к большим потерям личного состава и боевой техники.

Остановить наступление противника удалось дорогой ценой. С 23 августа по 30 сентября 1941 г. общие потери войск Ленинградского фронта составили 116 тысяч человек, из них безвозвратные — 65 тысяч³⁶. Противник потерял в пять раз меньше.

Период крупных боевых действий в районе Ленинграда в основном завершился. Многомиллионный город вступил в полосу тяжелых блокадных испытаний, которой суждено было стать одной из самых трагических страниц летописи Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Битва за Ленинград. 1941—1944. М., 1964. С.60.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф.132-А. Оп.2642. Д.30. Л.22—23. Во второй половине июля — первой половине августа Ставка ВГК выделила из своего резерва Северному (Ленинградскому) фронту всего четыре стрелковые дивизии. В то же время из 320 тысяч человек, призванных в армию в Ленинграде в первые два месяца войны, почти две трети были направлены на другие фронты. Ленинград передал другим фронтам свыше половины выпущенной им военной продукции, прежде всего, танков и орудий.

³ Битва за Ленинград. 1941—1944. С.62.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С.213.

⁵ Обстоятельства оставления Мги до сих пор во многом остаются невыясненными. В боевом приказе № 009, отданном штабом главкома Северо-Западного направления и Ленинградского фронта 31 августа в 10 часов 35 минут, констатировалось, что противник “к исходу 30.8 занял Мгу до пп [пехотного полка]”. В связи с этим 1-й дивизии НКВД ставилась задача — “к исходу 31.8 овладеть станцией и поселком Мга”. В то же время в оперативной сводке штаба Ленинградского фронта, переданной в Генеральный штаб в 20 часов 31 августа, утверждалось,

что подразделения 1-й горнострелковой бригады вечером 30 августа вели оборонительный бой на линии Пухолово, Сиголово, т.е. находились южнее Мги. Во внесрочном боевом донесении № 14, направленном в Москву штабом фронта 1 сентября в 12 часов 30 минут, говорилось, что противник занял Мгу к исходу дня 31 августа. Факт, таким образом, совершенно прискорбный: на протяжении трех суток главное командование Северо-Западного направления не знало истинной обстановки на важнейшем участке фронта, не имело никакой достоверной информации ни от разведывательных служб, ни от органов НКВД.

⁶ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.220. Л.366.

⁷ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.100. Л.65; Д.185. Л.98.

⁸ Haupt W. Leningrad. Die 900-Tage-Schlacht. Podzun-Verlag GmbH. 1980. S.69.

⁹ История орденов Ленина Ленинградского военного округа. 3-е изд., испр. и доп. М., 1988. С.198, 199.

¹⁰ Битва за Ленинград. 1941—1944. С.67.

¹¹ Haupt W. Op. cit. S.69.

¹² ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.7. Л.38.

¹³ Haupt W. Heeresgruppe Nord. 1941—1945. Bad Nauheim: Podzun, 1966. S.83.

¹⁴ В своих воспоминаниях маршал Г.К.Жуков при-

- водит более раннюю дату, но она не подтверждается ни документами, ни фактами.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.174. Л.54—56.
- ¹⁶ Там же. Л.64.
- ¹⁷ Там же. Л.65—67.
- ¹⁸ Там же. Л.93—96.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф.217. Оп.1238. Д.10. Л.71—73.
- ²⁰ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф.77. Оп.25. Д.9480. Л.184.
- ²¹ Там же. Ф.644. Оп.1. Д.9. Л.100.
- ²² ЦАМО. Ф.217. Оп. 1217. Д.32. Л.172.
- ²³ *Haupt W.* Leningrad. S.75.
- ²⁴ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.100. Л.99.
- ²⁵ *Pohlman H.* Wolchow. 900 Tage Kampf um Lenin-grad. 1941—1944. Bad Nauheim, 1962. S.18, 19.
- ²⁶ ЦАМО. Ф.217. Оп. 2970. Д.6. Л.310.
- ²⁷ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.7. Л.76.
- ²⁸ ЦАМО. Ф.217. Оп.1217. Д.1. Л.62.
- ²⁹ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.220. Л.389.
- ³⁰ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.25. Д.9480. Л.299.
- ³¹ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.126. Л.18, 19.
- ³² ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.220. Л.396.
- ³³ ЦАМО. Ф.217. Оп.1221. Д.101. Л.72, 73.
- ³⁴ Оборона Ленинграда. 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С.266.
- ³⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С.204.
- ³⁶ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С.167, 168.

К.Л.Козюренко

К вопросу о причинах опалы А.В.Суворова 1800 г.

Во второй половине 1995 — начале 1996 гг. на страницах Санкт-Петербургской газеты “Час пик” появилась серия статей старшего научного сотрудника С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН, кандидата исторических наук М.М.Сафонова, в которых он изложил свои оригинальные взгляды на ряд дискуссионных проблем отечественной истории. Они во многом отличаются от принятых ныне в историографии. Один из этих материалов, по-новому трактующий события междоусобицы и восстания 1825 г., уже получил отклик в периодике¹. Мы же остановимся на статье “Загадка опалы Суворова”². Поскольку изложенные в ней соображения М.М.Сафонова ранее были обоснованы автором в специальной работе, опубликованной на страницах журнала “Вопросы истории”³, есть удобная возможность оценить весомость аргументации исследователя, так как в газетной статье ссылочный аппарат по понятным причинам отсутствует.

Итак, вполне справедливо заметив, что “последняя страница жизни А.В.Суворова — предсмертная опала — остается до сих пор не вполне понятной”, М.М.Сафонов предложил читателям новое объяснение причины немилости, постигшей полководца у императора Павла I непосредственно перед кончиной в 1800 г. По мысли автора, источником опалы явилась связь между А.В.Суворовым и т. н. “смоленским заговором” против императора.

В историографии “смоленским заговором” именуется существовавший в 1797—1798 гг. антиправительственный кружок из числа офицеров расквартированных в этой губернии полков, чиновников местной администрации, гражданских лиц и отставных военных. Руководили им отставной полковник А.М.Каховский и исключенный из службы полковник П.С.Дехтерев. Материалы следствия по делу этой организации были введены в научный оборот в 1952 г. Т.Г.Снытко⁴. Тогда она трактовалась в историографии как преддекабристская⁵. Эту версию поставил под сомнение Н.Я.Эйдельман. Обратив внимание на обширные связи заговорщиков в высших сферах столицы, откуда во время следствия они получали действенную помощь и поддержку, он связал “смоленский заговор” с антипавловской дворцовой интригой, которая существовала в 1797—1799 гг.⁶. Это мнение поддержал в своей монографии и М.М.Сафонов, в специальной главе, посвященной организованной оппозиции Павлу I, увязав кружок Дехтерева — Каховского с деятельностью “молодых друзей” наследника престола и клана братьев Зубовых⁷.

Имя Суворова фигурирует в документах следствия всего единожды, на втором его этапе, уже после того, как в июле—августе 1798 г. “смоленский заговор” был разгром-

лен, а его руководители отправлены в крепость и ссылку⁸. Откровенные показания одного из арестованных, капитана В.С.Кряжева, позволили руководившему дознанием генералу Ф.И.Линденеру в ходе возобновленного в ноябре 1798 г. разбирательства вскрыть связи смоленских заговорщиков с широким кругом высокопоставленных лиц в Петербурге. Преодолевая сопротивление столичных “протекторов” заговора, включая генерал-прокурора П.В.Лопухина, которые добились прекращения дела, Линденер передал в начале 1799 г. показания Кряжева лично Павлу⁹. Именно в них арестованный, среди прочего, писал: “Еще однажды случилось мне слышать от полковника Каховского, что он при самом начале царствования государя имел план к перемене правления...”, который состоял в том чтобы склонить командовавшего в 1796 г. войсками в Тульчине Суворова выступить против Павла и свергнуть его с престола. “Но сего плану не мог открыть графу Суворову не быв допущен к нему его адъютантами, которым он однако ж о сем открыл”¹⁰.

Как видим, из показаний Кряжева следует, что Суворов лично о планах Каховского не узнал. Однако это свидетельство арестованного было поставлено Т.Г.Снытко под сомнение: “Во-первых, Каховский не стал бы излагать свой план адъютантам Суворова, и, во-вторых, не пустить Каховского к Суворову адъютанты не могли: к Суворову он имел доступ в любое время”¹¹. Эти утверждения, на наш взгляд, бездоказательны. Во-первых, мнение Т.Г.Снытко и М.М.Сафонова о том, что “... А.М.Каховский занимал видное место при штабе А.В.Суворова ... являлся одним из немногих офицеров, сохранивших надолго расположение Суворова ...” и даже был “его любимец”¹², не подкреплено фактами. В период 1787—1798 гг. Каховский всего дважды упомянут в суворовской корреспонденции, оба раза среди десятков других офицеров, отличившихся при штурмах Измаила в 1790 г. и Праги в 1794 г.¹³ Других свидетельств общения Суворова и Каховского как будто бы не известно. Поэтому не ясно, каким образом обер-кригскомиссар Инспекторской экспедиции Военной коллегии, каковую должность А.М.Каховский занимал перед отставкой в 1796 г., мог иметь “доступ в любое время” к генерал-фельдмаршалу, под командой которого в это время даже не служил.

Во-вторых, поскольку не ясно, о каких “адъютантах Суворова” идет речь в рассказе Кряжева, интерпретировать это свидетельство вообще затруднительно. С одной стороны, фельдмаршал имел при себе в Тульчине большую офицерскую свиту, как было принято в екатерининской армии. Распоряжение Павла о ее роспуске послужило одним из поводов к конфликту между императором и Суворовым. После выхода последнего в 1797 г. в отставку 18 офицеров его штаба последовали за опальным полководцем в Кобрин, где им была то ли подарена, то ли временно предоставлена часть суворовских имений. Лишь немногие из них сохранили расположение фельдмаршала в последующие годы, а с большинством тяжбы о возвращении имущества продолжались еще и после смерти Суворова¹⁴. С другой стороны, по свидетельству ряда осведомленных мемуаристов, канцелярией командующего в Тульчине заправляли генеральс-адъютант Суворова П.Г.Тищенко и адъютант Д.Д.Мандрыкин, которые фактически и решали, кого допустить к фельдмаршалу на прием¹⁵. В любом случае все эти личности ничего выдающегося собой не представляли и крайне маловероятно, чтобы они передали своему патрону план государственного переворота, даже если и узнали о нем.

Не ясно также, на чем основано мнение Т.Г.Снытко, что “Кряжев явно желал выгородить фельдмаршала” путем оговорок в конце своих показаний¹⁶. Имей он такое желание, гораздо проще было бы вовсе не упоминать об этом рассказе Каховского, тем более что подобных сведений никто другой следствию не давал. Из предыдущей биографии Кряжева также нельзя усмотреть никаких причин для особой любви к Суворову, под командой которого он даже ни разу не состоял. Зато В.С.Кряжев являлся прак-

тически единственным из арестованных заговорщиков, кто, испугавшись, давал весьма подробные показания¹⁷. Поэтому гораздо логичнее, на наш взгляд, предположить, что привлеченный к ответственности капитан, стремясь смягчить свою вину чистосердечным признанием, выдал следствию все, что когда-либо слышал от Каховского и других. Поскольку от полноты и точности показаний зависела его собственная судьба, не доверять им оснований как будто бы нет.

Правда, Т.Г.Снытко, в подкрепление своей версии, приводит также неопубликованный рассказ из воспоминаний брата по матери А.М.Каховского и тоже участника “смоленского заговора”, знаменитого генерала А.П.Ермолова. По его версии, Каховский, “однажды, говоря об императоре Павле” с Суворовым, прозрачно намекнул фельдмаршалу на возможность вооруженного выступления против самодержавца. “Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховского «Молчи, молчи, — сказал он, — не могу. Кровь сограждан!»”.¹⁸ Однако эта сцена, без указания времени и места, имеет все черты апокрифа, одного из многочисленных суворовских анекдотов. Александр Васильевич, бывало, сознательно совершал подобные эскапады с прыжками на людях, давая пищу пересудам о своих чудачествах. Но в серьезных разговорах наедине, как отмечают все близко общавшиеся с ним, он вел себя вполне адекватно. Наличие же этих двух версий обращения Каховского к Суворову, на наш взгляд, может вызвать сомнение в достоверности самого события. Не распространял ли Каховский среди своих сторонников для поднятия их духа рассказ в разных вариациях о том, что в замыслы заговорщиков в той или иной степени посвящен самый знаменитый российский полководец того времени? Во всяком случае из всего вышеприведенного никак нельзя заключить “...с полной очевидностью... что Суворов не только был в курсе планов Каховского, но и сочувствовал им”¹⁹.

Мы столь подробно остановились на суждениях Т.Г.Снытко, поскольку М.М.Сафонов принял его аргументацию практически без изменений. При этом исследователь изложил историю обращения Каховского к Суворову в 1796 г. таким образом, что из текста следует, будто содержание ермоловского рассказа об этой беседе принадлежит Кряжеву, между тем, последний, как мы помним, утверждал обратное²⁰. Кроме того, автор выдвинул еще одно доказательство осведомленности фельдмаршала о замыслах будущего главы смоленских заговорщиков: «Д.И.Хвостову Суворов 6 января 1797 г. писал: “Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил»”²¹. Подобная интерпретация этой фразы вызывает сразу два вопроса. Во-первых, удивительно, что уже находившийся в конфликте с Павлом полководец столь безбоязненно излагает в письме свои мысли о военном мятеже против законного государя. Хвостов хотя и был долгие годы доверенным корреспондентом Суворова, но все же отнюдь не в той степени, чтобы сообщать ему мысли о самом тяжком из всех возможных государственных преступлений. Во-вторых, непонятно, почему речь идет о “гербе России”, ведь Каховский отнюдь не собирался выступать на стороне какой-либо иностранной державы. Чтобы попытаться разъяснить эти сомнения, обратимся непосредственно к тексту суворовского письма.

В начале января 1797 г. фельдмаршал собирался просить об увольнении его от командования войсками ввиду несогласия с некоторыми из армейских реформ нового императора. Д.И.Хвостов в то время, как и предшествовавшие шесть лет, снабжал Суворова информацией о происходившем в столице, при дворе, а также давал советы, как вести себя в той или иной ситуации, складывавшейся во взаимоотношениях полководца с Петербургом. Поэтому, рассматривая корреспонденцию фельдмаршала, следует учитывать, что перед нами своеобразный диалог с Хвостовым. Многие в посланиях Суворова является ответом на различные замечания, предложения, соображения, вы-

сказанные последним. Вне этого контекста интерпретировать переписку фельдмаршала весьма затруднительно, толкование ее содержания может быть весьма различным. Именно так, на наш взгляд, обстоит дело с изложенным в письме от 6 января 1797 г.: “Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил. Разве без головы или прусский в прусской службе. Здесь Александру Дмитриевичу (маленький сын Хвостова — К.К.) кокард Петра Великого, который я носил и не оставлю до кончины моей”²².

Думается, что данная сентенция может являться ответом фельдмаршала на вопрос, предположение или предложение Д.И.Хвостова о возможности перехода А.В.Суворова на иностранную службу. В самом обсуждении этой темы не было ничего особенного, поскольку в 1793—1794 гг., в ситуациях, когда Суворов считал себя обиженным и несправедливо обойденным верховной властью, он дважды официально просил: “...Высочайше повелеть меня ... уволить волонтером к немецким и союзным войскам...”²³. Во время конфликта рубежа 1796—1797 гг. фельдмаршал вспоминает о том, что у него осталась “...власть Выс[очайшего] указа 1762 году (вольность дворянства)”²⁴. Этот указ, как известно, декларировал, кроме права служить или не служить в России, еще и право дворянина выезжать за рубеж и поступать на службу к иностранным монархам. В январе 1797 г., обдумав различные возможности, Суворов предпочел лишь отказаться от командования войсками и просил Павла “...о Всемиловейшем увольнении меня в мои здешние кобринские деревни на сей текущий год”²⁵. В письмах же к Хвостову вполне возможно содержатся объяснения причин, по которым фельдмаршал в данное время не может поступить на службу другой державы. Во-первых, это общее его недоброжелательное отношение к “волонтерству”: “И великий Кобург мерсинер (наемник — К.К.), но ни я, ни русские — они отечественники — различие иностранных правлением в российском”²⁶. Во-вторых, в отличие от 1793—1794 гг., Россия находилась в этот период в весьма сложных отношениях с Пруссией и Австрией, так что не исключалась даже возможность войны с первой. Отсюда опасения Суворова, как бы не оказаться на службе у державы, которая вступит в конфликт с его Родиной, “...которой я столько служил”. А поскольку он не желает стать “прусским в прусской службе” или лишиться головы за измену, то следует вывод: “Я, Боже избавь, никогда против отечества”²⁷.

Еще одним доказательством причастности фельдмаршала к “смоленскому делу” М.М.Сафонов считает то, что “среди членов кружка было несколько человек, лично связанных с Суворовым”. Исследователь называет М.Д.Балка, М.И.Зыбина, П.Г.Гагарина²⁸. Насколько это утверждение обосновано? Сафонов посчитал, что М.Д.Балк “близкий Суворову человек... очевидно, родственник А.М.Балка, управляющего новгородскими деревнями Суворова”, опираясь на утверждение В.С.Лопатина в комментарии к суворовскому письму от 1796 г., а последний, в свою очередь, вероятно, почерпнул это у составителей именного указателя к предыдущей публикации корреспонденции полководца²⁹. Однако данное мнение основано на недоразумении, поскольку в указанном письме явно имеется в виду А.М.Балк, так как речь идет о подготовке для Суворова дома в “Новгородских деревнях”. Что же касается Михаила Дмитриевича Балка, то он никогда не состоял под командой Суворова и не упоминался в его переписке. Близкое его родство с А.М.Балком требует доказательств, поскольку эта фамилия была весьма разветвленной³⁰. Михаил Иванович Зыбин упомянут Суворовым лишь однажды, когда в 1788 г. генерал-аншеф просил начальника канцелярии Потемкина В.С.Попова в последних строках своего письма из Кинбурна: “... ежели можно, пособите ему в его просьбе...”³¹. Более сведений о том, что Зыбин пользовался “покровительством Суворова”, не имеется, и после 1788 г. он под начальством Александра Васильевича не состоял. В письме от 13 декабря 1792 г., на которое также ссылается М.М.Сафонов,

определенно упомянут другой Зыбин, скорее всего адъютант Суворова в обер-офицерских чинах, тогда, как Михаил Иванович еще четырьмя годами ранее был подполковником³². Наконец, М.И.Зыбин был полностью оправдан Линденером, который, после ознакомления с добровольно переданными полковником в следственную комиссию личными бумагами, донес генерал-прокурору о том, что сведений, подтверждающих связи Зыбина с заговором, не найдено³³.

Однако наиболее интересная ситуация складывается с наличием в списке Сафонова князя Павла Гавриловича Гагарина, который аттестован исследователем как “сын одного из участников панинского кружка... (сочинитель антиправительственных песен и стихов)”, который “видимо, тоже был близок Суворову”. При этом автор ссылается на Русский биографический словарь, в котором, однако, содержатся совсем другие сведения. До 1799 г. П.Г.Гагарин с Суворовым, вероятно, вовсе не встречался, зато в 1793—1794 гг. служил при штабе известного антагониста полководца Н.В.Репнина. Адъютантом к фельдмаршалу Гагарин был назначен уже в Италии, после чего на него посыпались императорские милости: чин полковника в Преображенском батальоне Его Величества, генерал-адъютантство. “Причиной такого быстрого возвышения Г. было то, что фаворитка Павла I княжна Анна Петровна Лопухина призналась Государю в своей любви к Г. 8 февраля 1800 г. произошло венчание Г. и княжны”³⁴. Со стороны императора это весьма странный способ наказания “сочинителя антиправительственных стихов и песен”...

Вряд ли можно считать, что Суворов “представил в столицу новые доказательства своей политической неблагонадежности” и когда, уже будучи в Италии, просил Ф.В.Ростопчина исходатайствовать у императора прощение для заключенного в крепость А.М.Каховского и прислать его в действующую армию. М.М.Сафонов пишет, что “разумеется, просьба не была удовлетворена”³⁵. Однако, судя по всему, она и не дошла до Павла, поскольку “...Ростопчин ответил, что ходатайствовать за Каховского «еще рано»”³⁶. Эта просьба фельдмаршала, скорее всего инициированная кем-либо из офицеров, ранее знавших Каховского, имела целью дать ему возможность загладить свою вину на поле боя, и не видно, каким образом она повлияла в отрицательном смысле на отношение императора к Суворову.

Собственно вышеизложенными соображениями и исчерпывается фактическое обоснование М.М.Сафонова своего нового объяснения причин предсмертной опалы Суворова. Утверждения же о том, что “в воображении царя” имя полководца было связано с братьями Зубовыми и “всякие новые сведения о конспиративной деятельности и Зубовых, и “молодых друзей” наследника престола являлись одновременно ударом и по Суворову, так как после признаний Кряжева в конце 1798 г. все эти имена были связаны в один узел”³⁷, не подкреплены источниками. Не известно, какие именно бумаги передал в начале февраля 1799 г. Павлу I Линденер, поскольку исследователь не указал, откуда именно почерпнуты им эти сведения. В работе Т.Г.Снытко никаких данных по этому поводу не содержится. Фигурировало ли вообще имя Суворова в донесениях следствия императору? Если да, то в каком контексте? Ответов на эти вопросы М.М.Сафонов не дает, а без них судить о возможном влиянии “раскрытий” Линденера на судьбу Суворова невозможно, равно как и утверждать, что “... никакие победы не могли заставить Павла I забыть о том, что Суворов в свое время не донес на Каховского ...”³⁸. Ведь об интересе властей к сообщенным Кряжевым фактам ничего не известно. Нет сведений о том, предпринимались ли попытки проверить данные о наличии у Каховского уже в 1796 г. плана государственного переворота и причастности к ним Суворова хотя бы путем допроса людей из бывшего окружения фельдмаршала в Тульчине. Показания Кряжева на их судьбе как будто бы не отразились³⁹.

Думается, что М.М.Сафонов напрасно с ходу отверг мнения предшествующей историографии по поводу последней опалы Суворова. В нашу задачу не входит доказательство альтернативного объяснения причин этого события, но все же нельзя не обратить внимание на возможную связь его как с изменениями во внешней политике Российской империи второй половины 90-х гг. XVIII в., так и с особенностями личности Павла I. Обе эти причины уже рассматривались историками, правда, как правило, без взаимной связи. Прежде всего следует отметить, что почти все лица, причиной падения “кредита” которых при дворе М.М.Сафонов считает причастность к “смоленскому делу” — А.Б.Куракин, А.А.Безбородко, В.П.Кочубей являлись противниками войны с Францией. Историки дипломатии придерживаются мнения, что в начале 1799 г. они впали в немилость именно в связи с этой своей позицией⁴⁰. Далее, на наш взгляд, сомнительно утверждение М.М.Сафонова о том, что “когда тучи сгустились над головой Суворова” в начале 1799 г., “затевать дело” против него было невозможно по причине требования Австрии и Англии назначить полководца командующим союзной армией в Италии⁴¹. Павел вступал в войну с намерением сделать Россию основной силой европейской политики, дабы установить на континенте выгодное ей “равновесие”, не останавливаясь при необходимости и перед тем, чтобы “предписать закон Венскому двору”⁴². С учетом особенностей личности императора кажется невероятным, чтобы он уступил давлению какого-либо иностранного двора в вопросе назначения главнокомандующим человека, подозреваемого в соучастии в заговоре с целью свержения своей особы с престола!

Между тем, в начале 1800 г., возвращавшийся из армии в Россию Суворов совершил ряд шагов, которые вполне могли раздражить Павла I до той степени, чтобы он выказал генералиссимусу знаки своего неудовольствия. По мнению современного исследователя мировоззрения императора, “характерной чертой личности Павла Петровича является его стремление к законности, весьма своеобразно понимаемой как возможно более точное и быстрое выполнение всех указов, циркуляров и предписаний, особенно если они исходят от государя”⁴³. Как известно, в декабре 1799 — январе 1800 г. Россия совершила резкий поворот в своей внешней политике, выйдя из войны и второй коалиции против Франции. В период с января по апрель 1800 г. император фактически разорвал отношения с бывшими союзниками. Более того, уже в январе Павел говорил о своей готовности откликнуться на мирные предложения Бонапарта⁴⁴. Однако Суворов в это же время вел в Чехии переговоры с английским посланником в Вене Минто и австрийским представителем Бельгардом, а также неаполитанским дипломатом Галло, которые пытались предотвратить выход России из коалиции⁴⁵. Хотя генералиссимус, судя по всему, держался в рамках данных ему из Петербурга инструкций, не было тайной то, что он ждал возобновления войны и возможно “был против выхода России из коалиции”⁴⁶. Вряд ли это могло понравиться императору, который, кроме того, в свете нового направления своей внешней политики, был вероятно уже не заинтересован в чрезмерном акцентировании внимания на недавних успехах русского оружия в Италии.

Еще одной характерной чертой Павла являлось то, что “лица, уличенные в отступлении от установленного порядка, сурово наказывались, вне зависимости от тяжести проступка и прошлых заслуг”⁴⁷. В этой связи мы бы не рискнули считать “вздорными” возможные причины недовольства императора Суворовым из-за состояния российских войск, возвращавшихся на Родину. Кроме того, генералиссимус в первой половине марта 1800 г. “отказался выполнить переданное ему пожелание Павла сложить с себя звание австрийского фельдмаршала” и даже высказал желание появляться в Петербурге в этом мундире⁴⁸. Это последнее могло быть рас-

ценено императором уже как непопустительная дерзость и открытая демонстрация против его политики.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что М.М.Сафонов не привел достаточных доказательств для обоснования своего мнения о причинах предсмертной немилости А.В.Суворова, тем более нет оснований для столь решительного вывода, какой сделан им на страницах газеты: “Павел ни на минуту не забывал об изменнических «конспирациях» Суворова. Поэтому вместо триумфа по возвращении его ждала вполне заслуженная опала”⁴⁹. Явные знаки неудовольствия, которые оказал император генералиссимусу по приезде его в Петербург, еще требуют своего объяснения.

Примечания

- ¹ Бартошевич В.В. На что способны “Глаза нумизмата”! // *Миниатюра*. 1996. № 28. С.4—5.
- ² Сафонов М.М. Загадка опалы Суворова // *Час пик*. 1995. 11 окт. С.14.
- ³ Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I // *Вопросы истории*. 1993. № 4. С.127—134.
- ⁴ Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения кон. XVIII в. // *Вопросы истории*. 1952. № 9. С.111—122.
- ⁵ Там же. С.122; Рябов Т.Г. Ранняя предекабристская организация (к истории кружка А.М.Каховского) // *Материалы по изучению Смоленской области*. Вып.5. Смоленск, 1963. С.146—164.
- ⁶ Эйдельман Н.Я. Дворцовый заговор 1797—1799 гг. // *Вопросы истории*. 1981. № 1. С.103—112.
- ⁷ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С.53—59.
- ⁸ О ходе следствия см.: Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I. С.129—130.
- ⁹ Там же. С.130.
- ¹⁰ Снытко Т.Г. Указ. соч. С.112.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С.111; Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I. С.128.
- ¹³ См.: Рапорт А.В.Суворова Г.А.Потемкину о взятии крепости Измаил, 21 декабря 1790 г. // А.В.Суворов. Документы. Т.II. М., 1951. С.570; Реляция А.В.Суворова П.А.Румянцеву о штурме Праги, 7 ноября 1794 г. // Там же. Т.III. М., 1952. С.415. Служа в кавалерии, Каховский участвовал в обоих штурмах волонтером, командуя пехотными частями.
- ¹⁴ Об этих делах см.: Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т.2. СПб., 1884. С.349—350, 355—356, 363—364, 380—383, 394—396.
- ¹⁵ См. напр.: Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // *Русская старина*. 1895. Т.83. № 3. С.159; № 5. С.186; Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1868. С.184, 188—190.
- ¹⁶ Снытко Т.Г. Указ. соч. С.112.
- ¹⁷ См.: Снытко Т.Г. Указ. соч. С.114. В.С.Лопатин предположил, что именно Кряжев являлся переводчиком и составителем двух книг о Суворове, вышедших в 1805 и 1809 гг. Но данная гипотеза требует дополнительного обоснования. См.: Суворов А.В. Письма. М., 1986. С.419, 421.
- ¹⁸ Цит. по: Снытко Т.Г. Указ. соч. С.112.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I. С.128. Эта, недопустимая с источниковедческой точки зрения, “амальгама” двух совершенно различных по типу, времени и происхождению источников не разъясняется и в сделанной автором “глухой” ссылке на работу Снытко и место хранения видимо неопубликованного фрагмента воспоминаний Ермолова. См.: Там же. С.133, прим.8.
- ²¹ Там же.
- ²² Письмо А.В.Суворова Д.И.Хвостову, 6 января 1797 г. // Суворов А.В. Письма. М., 1986. С.318.
- ²³ Письмо А.В.Суворова Екатерине II, ... июня 1793 // Там же. С.252; То же. 24 июля 1794 г. // Там же. С.274.
- ²⁴ Письмо А.В.Суворова Д.И.Хвостову, 11 января 1797 г. // Там же. С.318.
- ²⁵ Письмо А.В.Суворова Павлу I, 11 января 1797 г. // Там же. С.319.
- ²⁶ Письмо А.В.Суворова Д.И.Хвостову, 29 декабря 1796 г. // Там же. С.316—317.
- ²⁷ Письмо А.В.Суворова Д.И.Хвостову, 10 января 1797 г. // Там же. С.318. Как записку Суворова “о невозможности для него поступить на службу в иностранную армию” интерпретировали подлинник письма Хвостову от 6 января 1797 г. и составители описания собрания бумаг полководца в Отделе рукописей РНБ. См.: Описание собрания рукописных материалов А.В.Суворова. Л., 1955. С.170.
- ²⁸ Сафонов М.М. Суворов и оппозиция Павлу I. С.133, прим.11.
- ²⁹ Ср.: Суворов А.В. Письма. С.680. А.В.Суворов. Документы. Т.III. С.545, 604.
- ³⁰ Подробнее о М.Д.Балке и Балках см.: Русский

- биографический словарь. Т. "Алексинский — Бестужев-Рюмин". СПб., 1900. С.446—447, 449—450.
- ³¹ Письмо А.В.Суворова В.С.Попову, 24 января 1788 г. // *Суворов А.В.* Письма. С.124.
- ³² "Зыбин, что вы бежите в роту, разве у меня вам худо..." (Там же. С.244). Такого же мнения придерживается и комментатор этого письма В.С.Лопатин: "О каком Зыбине идет речь, не ясно". (Там же. С.640).
- ³³ *Снытко Т.Г.* Указ. соч. С.120.
- ³⁴ Русский биографический словарь. Т. "Гаг—Гербель". М., 1914. С.84. См. также: Знаменитые россияне XVIII—XIX вв. Биографии и портреты. СПб., 1995. С.324—325.
- ³⁵ *Сафонов М.М.* Суворов и оппозиция Павлу I. С.131—132.
- ³⁶ *Снытко Т.Г.* Указ. соч. С.111.
- ³⁷ *Сафонов М.М.* Указ. соч. С.130, 132.
- ³⁸ Там же. С.131.
- ³⁹ И.Ф.Антинг и С.Х.Ставраков находились при штабе Суворова в 1799—1800 гг., так как не утратили его доверия после истории с кобринскими именами. Прочие офицеры, пробыв в 1797 г. некоторое время под арестом, были освобождены и более, насколько известно, не преследовались (*Петрушевский А.Ф.* Указ. соч. С.363—364). Тищенко и Мандрыкин с нач. 1797 г. находились в Петербурге под судом о финансовых злоупотреблениях, но о предъявлении им других обвинений ничего не известно (Там же. С.356).
- ⁴⁰ *Вербицкий Э.Д.* Борьба тенденций в правящих кругах России в отношении буржуазной Франции в кон. XVIII ст. (1795—1800 гг.) // Доклады симпозиума по истории Франции XVIII ст. и ее связей с Россией, Украиной и Молдавией. Кишинев, С.44—45, 47.
- ⁴¹ *Сафонов М.М.* Суворов и оппозиция Павлу I. С.131.
- ⁴² *Лалин Р.С.* Внешняя политика Павла I в 1796—1798 гг. // Ученые записки ЛГУ. Сер. исторических наук. Вып.10. Л., 1940. С.42—44.
- ⁴³ *Сорокин Ю.А.* Российский император Павел I: Автореферат канд. дис. Томск, 1989. С.17.
- ⁴⁴ См.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962. С.115—125, 161.
- ⁴⁵ *Суворов А.В.* Письма. С.746—747, 748.
- ⁴⁶ Там же. С.750.
- ⁴⁷ *Сорокин Ю.А.* Указ. соч. С.17.
- ⁴⁸ *Суворов А.В.* Письма. С.755.
- ⁴⁹ *Сафонов М.М.* Загадка опалы Суворова. С.14. Авторы одной из недавних работ, опираясь на выводы М.М.Сафонова, сделали даже следующее заключение: "Связующим звеном между оппозиционными Павлу I группами выступал А.В.Суворов, через которого организаторы заговора получили выход на Лопухиных — родственников фаворитки императора..." (*Волкова И.В., Курукин И.В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII—XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5—6. С.50). Однако на указанных в ссылке страницах сборника писем Суворова и статьи Сафонова таких сведений не содержится.

Бернхард Кьяри

“Отверстие в изгороди”, или Кому принадлежит история Второй мировой войны?*

Редакционная коллегия журнала предлагает вниманию наших читателей полемическую статью Бернхарда Кьяри, научного сотрудника Семинара истории Восточной Европы Франкфуртского университета, и надеется на то, что разговор о спорных проблемах изучения Второй мировой войны будет продолжен в очередных номерах журнала.

Две собаки, разделенные изгородью, тявкают и рычат друг на друга. Снесите участок изгороди — они по-прежнему будут метаться туда-сюда вдоль незримой уже границы, и ни одна из них не осмелится ступить во “владения” другой. Такой мне видится ситуация, сложившаяся в восточноевропейской и западной историографии. Спустя 50 лет после крушения “третьего рейха” исследование истории Второй мировой войны и нацистской оккупации Советского Союза приносит новые открытия. Не только в бывшем СССР официальная картина истории Великой Отечественной войны оказалась сметена лавиной политических и социальных преобразований¹. Официальные концепции Второй мировой войны, ставшие воплощением “подретушированного” и приукрашенного изображения исторической действительности, еще не получили замены в виде новых “эталонных трудов”². Тем не менее, повсюду историки, журналисты — и не только они — занимаются изучением “белых пятен” истории.

С момента либерализации советского архивного дела объектом пристального внимания исследователей по понятным причинам стало в первую очередь политическое и военное руководство СССР. В связи с этим можно упомянуть о дискуссиях, посвященных роли Сталина как полководца, а также о реконструкции подвергнутых цензуре мемуаров маршала Жукова, ставших в начале 90-х гг. чем-то наподобие символа наступления новой эры³. После десятилетий тенденциозной интерпретации исторических событий возникла необходимость в воссоздании исторической реальности. Усилия ученых-историков оказались сосредоточены на “классических” темах и вопросах⁴. В

* Перевод с немецкого Т.Е.Егоровой.

дискуссиях, касавшихся военной катастрофы первых недель войны и потерь в советских вооруженных силах и среди мирного населения, по-прежнему наблюдалась тенденция рассматривать происходившее главным образом с точки зрения деятельности "выдающихся личностей", военных штабов, министерств и ведомств. То же можно сказать и о дипломатической предыстории германской агрессии, о судьбах национальных меньшинств, проживавших на территории Советского Союза, или о шекотливой теме коллаборационизма. Представления о "моральном потенциале советского народа и Советской Армии"⁵ имеют смысл в качестве некоего "кодового обозначения" реакции населения СССР на захватническую войну, развязанную нацистами. Эти представления, однако, искажают картину региональных особенностей и различий.

Экономические проблемы, испытываемые институтами, занимающимися исследованиями в области исторических наук, а также возможности заработка, предоставляемые публицистикой, привели в бывшем Советском Союзе к усилению тенденции осуществлять исторические изыскания таким образом, чтобы за короткое время достичь результатов, способных оказать воздействие на читающую публику. К этому прибавилось недостаточное владение методами работы с источниками, призванными все эти годы служить опорой прочно возведенного здания исторической науки. Сообщения о пострадавших среди мирного населения давались в приложении к официальным отчетам о причиненном ущербе, но никогда не анализировались как разновидность исторического источника. Считалось предосудительным подвергать сомнению и изучать показания жертв войны либо свидетельства, касающиеся их психологического состояния.

В СССР и государствах — его преемниках не ощущается недостатка в мемуарной литературе и воспоминаниях, относящихся к военному времени. Примером тому служат многочисленные материалы, собранные основанным в 1989 г. обществом "Мемориал"⁶. На "Мемориал" обрушился настоящий поток частных мнений и высказываний, вызванный к жизни дебатами о судьбе лиц, занятых принудительным трудом в Германии и Советском Союзе. Большею частью речь шла о воспоминаниях, десятилетиями не предававшихся гласности⁷. Ветераны войны и гражданские лица, проживавшие на оккупированных территориях Советского Союза, рассказывали о себе главным образом в средствах массовой информации. Деятельность общества "Мемориал" первоначально определялась политическими соображениями, а именно — стремлением добиться возможной компенсации ущерба, нанесенного жертвам войны⁸. Однако в ходе осмысления и обработки материала вспыхнули дискуссии, посвященные вопросам методики и связанные с существовавшими в немецкой и англо-американской историографии разногласиями, касавшимися возможностей изучения истории повседневной жизни людей и т.н. "устной истории" (oral history)⁹. Во всяком случае, необходимо было найти адекватные методы и изобразительные средства освещения истории войны, представшей в новом, как бы лишенном черт мифологизма облике.

Деятельность "Мемориала" символизирует всеобщую смену парадигм в историографии Востока и Запада. Эта смена не исчерпывалась привлечением новых источников для исследования прежней проблематики на основе старых стереотипов мышления. В немецкой и англо-американской историографии усилилось также понимание необходимости расширения и дополнения того неизбежного круга вопросов, на котором, начиная с 1945 г., строился анализ национал-социалистической системы и грабительской войны на уничтожение, которую Германия вела против СССР. Общими тенденциями, наблюдавшимися в исторических исследованиях, были интерес к "повседневной истории" военного времени и субъективному восприятию войны, а также сосредоточение на частных темах и "малых фактах" (small facts)¹⁰. Настоящая статья

имеет целью сформулировать и предложить на обсуждение проблему нового подхода к истории Второй мировой войны. Мы не в состоянии представить здесь широкую панораму необозримой литературы, посвященной этой войне. Тем не менее, представляется возможным посредством некоторых ключевых понятий выявить направление и тенденции, способные дать импульс дальнейшему развитию историографии Второй мировой войны.

Предлагаемый обзор концентрируется на трех основных аспектах. Во-первых, это психологические барьеры, которые вынужден преодолевать в своей работе ученый, занимающийся “устной” и “повседневной” историей национал-социализма. Во-вторых, часть обзора посвящена немецкой военной истории, которая все же способна указать многообещающие пути развития исследований. Пользуясь подчас нетрадиционными методами, она поставила под сомнение, а иной раз даже разоблачила как мифы широко распространенные стереотипные представления о “незапятнанности” германского Вермахта в период проведения операции “Барбаросса”, о “чрезвычайном военном положении” или разделении населения Германии на ни о чем не ведавших “попутчиков” и узкую национал-социалистскую элиту. Провести такого рода анализ по отношению к оккупированным территориям СССР удалось далеко не в полной мере. Это, в-третьих, становится очевидным на примере “партизанской республики Белоруссия”. Огромный недостаток глубоких исследований особенно отчетливо обнаруживается именно тогда, когда речь заходит об этой важной теме советской историографии Второй мировой войны, с ее застывшими изображениями “всенародной борьбы” против проявляющего якобы “монолитное единство” агрессора.

Основная проблема как западной, так и восточноевропейской историографии состоит в том, что каждая из сторон недостаточно хорошо знает другую. Здесь продолжает сказываться наряду с причинами прагматического характера — такими, например, как незнание иностранного языка, — десятилетиями культивировавшееся стремление ограничить себя рассмотрением некоего традиционного круга вопросов. Если бы большее число западных историков пошло на то, чтобы, пусть даже вопреки собственному неприязненному отношению, проанализировать результаты, достигнутые официальной советской историографией, мы бы уже гораздо дальше продвинулись вперед на пути изучения Второй мировой войны. Наши коллеги из стран СНГ, в свою очередь, также испытывают трудности при освоении западных научных разработок. Причины тому заключаются, главным образом, в особенности менталитета. Говоря чисто теоретически, и в советский период труды западных ученых находились в распоряжении заинтересованных исследователей. Только расширение контактов, обмен мнениями и критический диалог способны преодолеть эту позицию неприятия. Первые шаги в верном направлении, пожалуй, были сделаны тогда, когда российские историки начали помещать свои статьи в сборниках, издаваемых в Германии¹¹. Тем не менее, предпочтение, которое в таких случаях по сей день оказывалось и оказывается именитым и консервативным авторам, свидетельствует об ограниченных возможностях развития связей в области российско-германского научного обмена. Между тем, желательно было бы дать доступ к международным дискуссиям именно молодым, неортодоксально мыслящим историкам. Один только национально-исторический самоанализ, которому предавались участники дискуссий, не в состоянии обеспечить адекватного освещения такой болезненной темы, как катастрофа Второй мировой войны. В связи с этим ни одна из сторон не может считать себя вправе указывать другой путь движения либо пытаться давать советы. Первым шагом, скорее, могло бы стать предпринятое сообща осмысление случившегося. Настоящая статья ставит перед собой задачу обосновать необходимость такого подхода.

Изучение "повседневной" и "устной" истории: возможности и ограничения

Такая трудно поддающаяся определению дисциплина, как "повседневная история", развивалась как дополнение к историографии, в течение длительного времени почти игнорировавшей повседневную жизнь¹². Проблематика этой дисциплины касалась тех лиц, которые, будучи донныне рассматриваемы как "базис" или "попутчики" социальных и политических систем, находились скорее на периферии научных интересов. Предметом "повседневной истории" служили не только политические и социальные структуры, но, прежде всего, проблемы их субъективного восприятия¹³. Особенно перспективными представлялись попытки достичь достоверных результатов путем опроса современников той эпохи. Поборники "устной истории" связывали со своими научными замыслами чисто политическое требование "демократизации истории"¹⁴. Страх изобразить "социальную историю без людей" был сопряжен с обращенным к пострадавшим в годы войны обещанием самообретения и пробуждения к новой жизни. Жертвы войны реконструировали свое собственное прошлое, что воплощалось в лозунге "осязаемой истории"¹⁵. Объекты стали субъектами исторических изысканий. При реконструкции способов толкования и восприятия, а также тенденций интерпретации событий возникает немаловажная проблема источниковедческого характера. Историками изучались, в том числе с привлечением материальных свидетельств, как отдельные биографии, так и более значительные по объему контексты (предприятия, деревни, городские кварталы) или совершающиеся в течение длительного времени изменения ментальности и мыслительных образов. Эти области были легко доступны, их можно было не только без труда фиксировать, но и "прочувствовать", и создавалось впечатление, будто существует возможность написать "достоверную" историю¹⁶. Рамки исследований нередко определялись не столько систематическими критериями, сколько по большей части состоянием источников¹⁷. Несмотря на трудности, связанные с подготовкой и обработкой интервью, биографические исследования особенно привлекали тем, что обращались непосредственно к миру отдельной личности¹⁸. "Насыщенное описание", пользуясь выражением Клиффорда Геерца, призвано было помочь историку, стремящемуся почти что к гипертрофированной точности отображения исторической реальности, как можно глубже "вникнуть" в изучаемую им область¹⁹. Что касается изложения, появилась необходимость при известных условиях освещать исторический процесс посредством множества частных наблюдений. На основе небольших фрагментов можно было раскрывать жизненные ситуации и взаимосвязи между отдельными поступками и действиями. Важный шаг вперед в использовании воспоминаний, относящихся к сфере повседневной жизни и нашедших отражение в интервью, сделал, например, Лутц Нитхаммер в своих исследованиях, посвященных истории Рурской области в годы нацизма²⁰.

Конечно, эта разновидность "истории на микроуровне" имела и уязвимые места. Так называемые "исторические мастерские" и другие подобные объединения историков-любителей, ссылаясь на недостаток профессионализма у приверженцев "повседневной истории", подвергали критике использовавшиеся последними, нередко представлявшиеся нетрадиционными методы как "ненаучные" и "противоречащие задачам просвещения"²¹. Академическая историография ставила "повседневной истории" в упрек, что она, последовательно отказываясь от способа изложения, основанного на аргументах, утрачивает самое себя, становясь неким механическим соединением пере-

числяемых и пересказываемых курьезных случаев. Противники “повседневной истории” снова и снова указывали на эффективность макроуровневых теорий и понятий, которые предоставляли возможность объяснить системы и позволяли делать обобщения. Другие, в свою очередь, выдвигали упрек в неприятии каких-либо теорий вообще. Они порицали исследователей, занимающихся “повседневной историей”, за то, что те провозгласили своей программой “расплывчатость”²².

“Повседневная история” периода нацизма означала, во-первых, смену перспектив и поворот к жертвам войны, преследований и геноцида, а, во-вторых, также и отказ от чрезмерного теоретизирования и абстрактного анализа национал-социалистской системы. Примером последнего служит привлекающий большое внимание тезис о модернизирующем влиянии национал-социализма. Этот тезис воспринимался как спорный уже тогда, когда был применен к изучению немецкого общества. Такие аспекты, как усиление социальной мобильности вследствие социального планирования и проводимой социальной политики, создание общества массового потребления, модернизация жилищного строительства, социальная интеграция армии в результате отстранения аристократической элиты, представленной выходцами из знати, а также стимулирование технологических нововведений, служили, главным образом, оружием в идеологическом “обмене ударами” немецких историков²³. Распространение теории модернизации на оккупированные территории Советского Союза и национал-социалистскую политику истребления привели в конце концов к утрате всякой связи с реальностью²⁴. Правда, изучение важнейших, связанных с разработкой соответствующих планов, основ проводившейся Германией политики истребления также оказалось не в состоянии дать реалистическую картину происходивших на оккупированных территориях процессов²⁵.

В идее исследования “повседневной истории” национал-социализма получило выражение усиливающееся понимание политического характера господства — понимание, которое в последние годы наблюдается, впрочем, и в освещении истории сталинизма²⁶. Правда, “повседневная история” позволила пересмотреть часто использовавшееся в качестве аргумента утверждение, будто “чрезвычайное военное положение” служило оправданием ложных действий. С помощью описания выработанных “попутчиками” национал-социализма стратегий выживания и адаптации было показано, насколько каждый способствовал сохранению и безупречному функционированию преступной системы. Таким образом, сократилась дистанция между властью имущими и теми, кто им повиновался, что в воспоминаниях часто вело к субъективному “отмежеванию” участников преступлений от содеянного ими.

Остается спорным, соответствуют ли подобные результаты тем усилиям, какие были затрачены на подготовку и проведение интервью²⁷. Во-первых, не во всех случаях удалось решить вопросы методического и технического характера. Уже одна только запись интервью, данных в устной форме, и перевод их с диалекта на литературный язык при сохранении максимально возможного соответствия являли собой проблему²⁸. Кроме того, историку требовались в его работе немалые знания в области психологии. С особенными трудностями оказалась сопряжена обработка устных воспоминаний солдат и полицейских. События последующей жизни и психологическая эволюция этих лиц заслонили собой субъективные впечатления военного времени. Солдаты Вермахта — уроженцы Австрии — впоследствии стали ощущать себя служившими в армии чужого государства. Что касается военного времени, то необходимо было учитывать помимо этого коренное изменение отношения к действительности, проявленное непосредственными участниками военных действий. Образ мыслей, свойственный гражданским лицам, очевидно, был вытеснен ментальностью военнослужащего. Например, бросалось в глаза, что частные воспоминания почти всегда представляли собой пересказ истории

воинской части или подразделения, к которому принадлежал респондент. Даже спустя десятилетия после демобилизации по-прежнему сохранялись критерии оценки, свойственные военному времени — такие, как пересиливающее какие бы то ни было моральные соображения стремление охарактеризовать "степень безопасности" оккупированной территории или описание преступных действий с точки зрения профессионализма и эффективности их осуществления²⁹. Тем самым реалии мирной жизни стирались из сознания и заменялись "ментальностью гарнизона крепости" и параноидальной воинственностью. Принадлежность к воинскому подразделению впоследствии превратила индивидуальное деяние в коллективное и таким образом оградило от чувства ответственности³⁰.

Важный шаг на пути написания истории Второй мировой войны в упомянутом выше смысле сделал в США Кристофер Браунинг³¹. Браунинг изучил вопрос о том, как происходило вовлечение "совершенно нормальных" немцев в осуществлявшийся национал-социализмом геноцид в отношении еврейского населения. В "микроуровневом исследовании", посвященном полицейскому батальону запаса, который в Польше и на оккупированных территориях Советского Союза занимался депортациями евреев и борьбой с партизанами, Браунинг получил результаты, способные вызвать шок. На основе послевоенных судебно-процессуальных актов, личных дел, военных дневников и историй болезни он продемонстрировал психологические процессы и динамику групповых представлений в батальоне вплоть до каждого отдельно взятого случая. Для проверки достоверности источников необходимо было точно знать индивидуальные биографии и социальную структуру такого вида сообщества, как армейское подразделение³². Невзирая на эти трудности, Браунингу удалось обосновать, что любой из служащих батальона имел практическую возможность уклониться от участия в зверских акциях истребления. Тем не менее, всякий раз находилось достаточно добровольцев. Браунинг смог выделить такие факторы, оказывающие существенное воздействие на исполнение приказов, как стремление адаптироваться в группе. Напротив, авторитет военного командования, а также антисемитизм и антибольшевизм, развитие которых стимулировалось нацистской пропагандой, играли для большей частью немолодых уже резервистов подчиненную роль. С помощью аналогичных методов Омер Бартов проанализировал искажение восприятия реальности у служащих Вермахта³³. Он показал, как многочисленные потери, понесенные в первые месяцы войны, привели к "архаизации" и распаду социальной структуры, а также к усилению жестокости среди солдат. Хотя можно усомниться в том, что речь при этом идет о феномене, изначально присущем национал-социализму, исследование Бартова в огромной мере способствовало развитию изысканий в области "повседневной истории" Второй мировой войны.

Что касается Советского Союза, то тщательная обработка личных воспоминаний с точки зрения психологии и психоанализа только еще начинается. Конечно, в то же время действовали и механизмы вытеснения и переосмысления тех реалий войны, изучение которых в течение долгого времени считалось нежелательным. Именно те, кто на себе испытал оккупацию своей страны, порой в течение 45 лет не могли рассказать о пережитом. Наряду со страданиями, вызванными оккупацией и насильственными угонами в Германию, тягостное впечатление производило и то, как после 1945 г. обращались с репатриированными "коллаборационистами". Таким образом, у западного историка неизбежно возникает вопрос, не оказались ли в СССР впечатления военного времени как бы замкнуты и законсервированы в результате своего рода внутренней эмиграции, либо советской пропаганде удалось привести в действие механизмы вытеснения, приведшие к последующей переоценке и пересмотру воспоминаний? Ориентиром, способным помочь ответить на этот вопрос, могли бы служить исследования Хан-

са Йоахима Шредера, посвященные проблемам восприятия войны, а также и коллективной памяти рядовых германской армии³⁴. Равным образом представляется нужным осуществить систематизированную публикацию писем, отправленных полевой почтой³⁵, не говоря уже о давно назревшей необходимости проанализировать изданные в СССР мемуары военных лет с применением современных категорий изучения биографий³⁶.

Несмотря на все трудности, “повседневная история”, с ее широким спектром методов, представляет собой исследовательский замысел, который не могут обойти вниманием ни военная история, ни историография мировой войны и оккупации. “Повседневная” и “устная” история помогают расширить и, прежде всего, лишить оттенка мифологизма наши представления о Второй мировой войне. Это особенно отчетливо проявляется в области военной истории.

Изучение военной истории в Германии

Вторая мировая война как нельзя лучше показала, что хаос войны и оккупации невозможно описать посредством военно-исторических доктрин. Масштабы этого хаоса, а также взаимосвязь и взаимозависимость его проявлений были почти диаметрально противоположны классической задаче военной истории, а именно — осуществлявшемуся на конкретных примерах анализу военно-исторических процессов и созданию на этой основе чисто военных образцов для подражания, предназначавшихся для последующих поколений.

В ФРГ имелись хорошие предпосылки для расширения исследований, относящихся к сфере военной истории, и тем самым для достижения нового уровня исторического осмысления Второй мировой войны. Ведущая роль принадлежала в этой связи Управлению военно-исторических исследований (*das Militärgeschichtliche Forschungsamt*) во Фрейбурге, созданному после войны как научное учреждение, призванное заниматься историческими изысканиями под эгидой министерства обороны. Первым руководителем Управления во Фрейбурге был Ханс Майер-Вельккер. Провозглашенная им цель состояла в том, чтобы вывести военную историю из состояния научной и общественной изоляции, в котором она находилась³⁷. Существенное отличие от национал-социалистской “истории армии” (*Wehrgeschichte*) состояло в том, что Управление военно-исторических исследований считало военную историю в ее “классическом” понимании, равно как и создание “военно-исторических образцов” для обучения офицерского состава и проведения занятий в воинских частях, лишь одной из многих своих задач³⁸. Так сложилось уникальное, получившее международное признание объединение военных и гражданских специалистов, во главе которого стояли такие историки, как Андреас Хилльгрубер, Манфред Мессершмидт и Вильгельм Дайст³⁹. Характерными особенностями атмосферы, царившей в этом научном учреждении, были не только удовлетворяющие всем научным запросам фундаментальные исследования, но и широчайший спектр мнений в научном коллективе. Подчас под критическим оком участников войны, а также западногерманских военных выходили в свет работы, в которых уже в конце 60-х гг. обосновывалось идеологическое тяготение командования вооруженных сил к национал-социализму и впервые были поставлены под сомнения представления о “незапятнанности Вермахта”⁴⁰.

Историки из Фрейбурга выступили в ходе общественных дискуссий с далекими от каких бы то ни было догм тезисами, что послужило доказательством плюралистического характера исследований, проводившихся в их научном учреждении. Находясь на посту руководителя исторических изысканий, Манфред Мессершмидт занял однозначную позицию в жарком споре по поводу отношения к традициям бундесвера и отмеже-

вания вооруженных сил ФРГ от наследия национал-социализма. Самосознание западногерманской армии послевоенного периода должно было формироваться на основе “освобождения от груза традиций” в сочетании с такими исходными предпосылками и критериями, как способность к осмыслению политической реальности и ощущение собственной ответственности, воспринимаемыми как исторические ценности. Мессершмидт привлек к себе внимание тем, что назвал эти доблести, о которых подобно заклинанию твердили создатели теории “освобождения от груза традиций”, никогда не существовавшими в немецких вооруженных силах⁴¹.

Управлению военно-исторических исследований принадлежала главенствующая роль в изучении Второй мировой войны и немецкого общества военного времени. Уже в 70-е гг. началась реализация гигантского проекта — подготовка десяти томного исследования, посвященного истории Второй мировой войны⁴². В этом издании, выходящем под заголовком “Германская империя и Вторая мировая война”, с небывалой дотошностью освещались события, происходившие на полях сражений. Но не меньше внимания авторы этого труда уделяли политическим, идеологическим и экономическим аспектам войны, рассматриваемым на основе практически неисчерпаемого материала источников, содержащихся в Федеральном военном архиве во Фрейбурге⁴³.

Тогда же, в 70-е гг. представители немецкой военной истории, стремившиеся определить и сформулировать суть своей позиции, выступили с требованием, чтобы эта научная дисциплина обратилась к проблематике, “соответствующей исследовательским задачам современной исторической науки”⁴⁴. Ориентиром при этом служила историографическая работа ученика Ранке Ханса Дельбрюка, который еще в эпоху существования Германской империи требовал научного и универсального подхода к военной истории и претворял это требование в жизнь⁴⁵. К этому добавился поиск новой проблематики и методов, наподобие тех, какие, например, предлагала социальная история. Одновременно последовало сближение с общественными науками и освоение их методов исследования⁴⁶. Ставшая насущной потребностью смена парадигм создала возможность сочетать военную и общеисторическую проблематику в такой уязвимой, в особой мере отягощенной, наполнявшей послевоенную литературу апологетикой области, как изучение Второй мировой войны. Преследовавшаяся при этом цель междисциплинарного сотрудничества, создание теоретической основы военной истории и ее традиционного методологического инструментария призваны были в условиях противостояния Востока и Запада повысить общественную значимость военно-исторических изысканий.

Исследования, посвященные Второй мировой войне, во многом отвечали тем высоким требованиям, которые к ним предъявлялись. Правда, труды таких известных историков, как, например, Хорст Боог, Рольф-Дитер Мюллер, Ханс Умбрайт, Бернхард Р.Кренер, Бернд Вегнер, Вольфрам Ветте или Герд Р.Юбершер, получили признание в Германии прежде всего не как пример научной деятельности Управления военно-исторических исследований, а скорее как индивидуальные достижения этих авторов⁴⁷.

К пятидесятой годовщине нападения Германии на Советский Союз стало очевидным, что военную историю давно уже нельзя отождествлять с историей боевых действий. Герд Р.Юбершер и Вольфрам Ветте создали концепцию операции “Барбаросса”, в которой наряду с такими аспектами, как пропаганда и социальные предпосылки нападения на СССР, получила освещение и проблема отношения к советским военнопленным⁴⁸. В том же году был опубликован содержащий около сорока статей сборник “Два пути на Москву”, изданный Берндом Вегнером по поручению Управления военно-исторических исследований⁴⁹. В этом сборнике, состоявшем из пяти тематических разделов, перед широким кругом читателей был впервые развернут весь спектр истори-

ческих подходов к изучению Второй мировой войны. В очерках Беттины Бирн, Ханса Йоахима Шредера и Омера Бартова, посвященных реальным обстоятельствам “борьбы с бандитизмом” на восточных территориях, вопросу о субъективном восприятии войны немецкими солдатами, а также проблеме усиления “варварского характера” ведения войны⁵⁰, были намечены важные тенденции дальнейшего развития историографической проблематики и методики. Во всех случаях источниковую базу составляли документы, хранящиеся в Германии. Упомянутые выше статьи положили начало изменению направления исследований и обращению к повседневному опыту службы в Вермахте и существования на оккупированных территориях⁵¹.

В 1992 г. вышли в свет два сборника, призванные воплотить в жизнь программное требование изобразить “военную историю на уровне повседневности” и содержащие статьи, отвечающие этому смыслу⁵². Вольфрам Ветте настоятельно требовал преодолеть стремление рассматривать все те же четыре основных круга вопросов “классической” военной истории, а именно: вопрос о соотношении войны и политики, историю военных организаций и учреждений, историю боевых операций и военной техники, а также проблему исторической роли военного командования. Ветте уже имел возможность сослаться на первые успешные попытки исследований. Уже в 80-е гг. рабочая группа Управления военно-исторических исследований проанализировала субъективное восприятие реалий военного времени и наблюдавшееся у немецких солдат чувство “усталости от войны”, сделав тем самым шаг вперед по сравнению с социально-историческими изысканиями, посвященными “Неизвестному Солдату” и испарившимися себя в установке памятников⁵³.

Темой второго из сборников, изданных в 1992 г., были впечатления и переживания тех 99,7% немецких военнослужащих, которые не принадлежали к армейской элите⁵⁴. Изучение самых разных источников создало возможность описать как настроения немецких солдат накануне операции “Барбаросса”, так и субъективное восприятие войны теми, кто участвовал в боях под Сталинградом. Свидетельства очевидцев послужили при этом только исходным материалом. Статьи большинства авторов являли собой нечто, превосходящее по значению простой пересказ курьезных случаев — при том, что подобные случаи образовывали порой целые антологии⁵⁵. Детлефу Фогелю удалось убедительно воссоздать повседневную жизнь на основе анализа писем, отправленных немецкой полевой почтой. Питер Джон Дайнз и Петер Кнох отобрали психологическое состояние пилотов бомбардировщиков (“Бомбить и выжить”) и их попытки преодолеть угрызения совести. Манфред Мессершмидт обратился к протоколам судебных процессов, содержанием которых было рассмотрение дел уставших от войны солдат, обвиненных в том, что они оказывают “разлагающее влияние”. С помощью “устной истории” Ханс Йоахим Шредер реконструировал такие ситуации, когда в последние месяцы войны по приговору военно-полевого суда были казнены, по-видимому, десятки тысяч дезертиров и гражданских лиц, “разлагавших” армию. Повседневной жизни замкнутых сообществ заключенных в лагерях для советских военнопленных посвятил свое исследование Альбрехт Леманн⁵⁶. Аналогичный характер носили и публикации в первом сборнике, темой которого стала битва под Сталинградом. В этом сборнике, благодаря подходу к истории через повседневность, удалось освободить имевшее решающее значение поражение Вермахта от черт мифологизма и представить его в реальном свете.

Одним из спорных вопросов, разрабатывавшихся в новейших исследованиях, было участие Вермахта в нацистской политике истребления. Эта проблема только в последние годы стала служить предметом интенсивных дискуссий⁵⁷. Еще недавно в числе работ, появившихся в связи с пятидесятилетием со дня нападения на Советский Союз,

увидела свет написанная несколько ранее статья Андреаса Хилльгрубера, который в общем и целом сводил осуществлявшееся в рамках военной кампании уничтожение евреев к расистским идеологическим установкам нацистского руководства, с одной стороны, и к претворению этих установок в жизнь силами "специальных отрядов" — с другой. Командование Вермахта было осведомлено о продиктованных идеологией расизма целях войны и, как в случае с Манштейном, несомненно, сочувствовало им. Тем не менее, Хилльгрубер ограничил прямое участие армии в проводившихся немцами акциях по уничтожению лишь "организационно-подготовительными работами", такими, как прикрепление опознавательных знаков на одежду лиц еврейской национальности⁵⁸.

Между тем, стало очевидно, что нельзя исследовать эту тему только на основе анализа актов судебного процесса против верховного командования Вермахта⁵⁹. Именно потому, что "тот самый" Вермахт вследствие многообразия составляющих его и взаимосвязанных структур, а также неоднородности воззрений даже в офицерской среде "противится" попыткам историков формулировать широкие обобщения и выдвигать глобальные обвинения, тезисы о роли армии в национал-социалистской системе вызвали глубокий интерес со стороны общественности: будучи одной из опор нацистского режима, германский Вермахт в 30-е гг. способствовал реализации военно-политических планов Адольфа Гитлера. Вооруженные силы в равной мере участвовали как в базировавшейся на идеологии расизма войне на уничтожение славянского населения Польши и СССР, так и в геноциде против евреев и цыган. Вермахт несет ответственность за гибель приблизительно трех миллионов советских военнопленных; и именно он продолжал (несмотря на попытку антигитлеровского выступления 20 июля 1944 г.) тотальную войну до полного разрушения Германии⁶⁰. Такие исследования, как статья Ханнеса Хеера, касающаяся роли Вермахта на оккупированных восточных землях, представлялись бы нежелательными, да, пожалуй, и вовсе не могли бы увидеть свет, окажись они написаны до того, как завершилась "холодная война" и были открыты советские архивы⁶¹.

Хеер не был единственным, отправившимся в "плавание к новым берегам". Омер Бартов, исходя из концепций англо-американской историографии, также требовал полного обновления немецкой военной истории⁶². Он упрекал ее в неспособности освободиться от устаревших стереотипов мышления. Кроме того, по мнению Бартова, ей присущ такой недостаток, как не критический подход к источникам. Таким авторам, как Манфред Мессершмидт, Клаус-Юрген Мюллер, Кристиан Штрайт, Хельмут Краусник и Ханс-Генрих Вильгельм, он ставил в вину, что они не являются "первооткрывателями в этой области" и к тому же "недостаточно свободны от двух уже упомянутых особенностей, а именно — пристрастия к изучению военных операций и неоднозначного отношения к преступным деяниям армии". Серьезнее, нежели определение "неоднозначное отношение", которое, в общем-то, должно быть применимо к любым разработкам исторической тематики, звучал упрек, что немецкая историография не принимает во внимание передовых достижений англо-американской исторической науки либо делает это с большой неохотой. Так, Бартов утверждал, что немецкие военные историки отвергают любые нововведения в области методики и "цепляются за свои документы с отчаянием", подобным тому, какое свойственно "отступающей армии, предчувствующей катастрофу, ожидающую ее в конце пути"⁶³. Таким образом, по крайней мере, была выявлена взаимосвязь с апологетическими формами послевоенной историографии, вплоть до распространявшихся большими тиражами военных мемуаров немецких генералов, отстаивавших "чистоту" Вермахта⁶⁴.

Отправным пунктом для критики послужила концепция, нашедшая отражение в издании "Германская империя и Вторая мировая война". Нападки при этом вряд ли

затрагивали представителей немецкой военной истории, отличающейся плюрализмом мнений. Упреки скорее касались проблематики крупных научных проектов, сроки реализации которых столь велики, что уже одно это обстоятельство крайне ограничивает возможности освоения новых исследовательских тенденций. В связи с тем, что работа была направлена на изучение институционального аспекта военной истории, оказались оставлены без внимания такие важные темы, как история идей и представлений и “повседневная история”; кроме того, был лишь едва затронут вопрос о том, какую роль в войне на Востоке играла политика расизма и геноцида.

У ряда наблюдателей вызывает тревогу возможность грядущей “милитаризации” военной истории. Именно по этой причине вспыхнула дискуссия, касавшаяся переезда Управления военно-исторических исследований из Фрейбурга в Потсдам. Это мероприятие было рекомендовано министерством обороны в рамках осуществления преобразований в немецких вооруженных силах после воссоединения Германии. Перенос военной служебной инстанции Управления (в Институте работают как гражданские лица, так и военнослужащие) был официально мотивирован стремлением разместить престижные учреждения также и в новых федеральных землях, чтобы таким образом содействовать скорейшей унификации общегерманских структур⁶⁵. После принятия этого решения в Управлении военно-исторических исследований также разгорелся конфликт, развивавшийся в соответствии с несколькими различными линиями аргументации. Основным по содержанию аргументом противников перевода Управления в Потсдам была угроза отрыва ученых от используемых ими источников. Переезд Федерального военного архива, который также находится во Фрейбурге, пока что не предусмотрен. Второе существенное опасение заинтересованных лиц отражено в самом названии города Потсдама, ассоциирующемся обычно с германским милитаризмом. Некоторые обстоятельства, по-видимому, указывают на то, что у министерства обороны имеются принципиальные соображения по поводу снижения доли трудоемких фундаментальных исследований в пользу других, традиционных задач, соответствующих чисто военным научно-познавательным интересам. Подтверждением тому могли бы служить изменения в штатном расписании и увеличение числа сотрудников, состоящих на военной службе. Некоторые историки, не являющиеся военнослужащими, уже покинули Управление, что, конечно, повлияет на его способность к диалогу⁶⁶. Военная история в ее широком понимании представляет собой основное направление исследований, посвященных военному времени. Несмотря на упомянутые здесь передовые достижения, эта дисциплина в Германии — по крайней мере в институциональном отношении — сейчас находится на распутье. Академическая историография национал-социалистской системы господства, считающая проблемы ведения войны лежащими скорее на периферии своих интересов, и основанная на автобиографиях, нередко имеющая апологетический характер историография Второй мировой войны, по содержанию представляющая собой классическую “историю боевых действий”, во многих областях, как и прежде, развиваются независимо друг от друга⁶⁷.

Тем сильнее обнадеживает общественный резонанс, который вызывает военная история. Управление военно-исторических исследований приняло участие в реализации нескольких интереснейших проектов, находящихся как бы на стыке профессиональной историографии и публицистики. Это касается, например, телевизионной версии исследования, осуществленного Паулем Колем. Идя по следам группы армий “Центр”, Коля провел среди оставшихся в живых гражданских лиц опрос, темой которого были их переживания и впечатления военного времени⁶⁸. Примечательно, что книга Коля, ставшая вехой на пути развития немецкой “устной истории”, в течение долгих лет не находила издателя в Германии. Наконец, она вышла в свет с предисловием

Вольфрама Ветте, высказавшего сожаление по поводу того, что в Германии публикуется недостаточно работ, посвященных “повседневной” и “устной” истории. Сотрудники Управления впоследствии выступили в качестве консультантов на съемках фильма по мотивам этой книги. Работа Коля показывает, какие возможности открывает сотрудничество “серьезной” исторической науки с теми исследователями, которые претендуют на то, чтобы рассматривать историю “снизу” и при этом не боятся использовать нетрадиционные методы. Кроме того, именно в последние годы существования Советского Союза стало очевидно, как много способны сделать историки-непрофессионалы, которые в течение долгого времени были отстранены от своих исторических корней⁶⁹. С другой стороны, трудности, возникшие в связи с опубликованием книги Коля, служат подтверждением тому, что многие немецкие военные историки не сразу осознали, какие возможности заключает в себе происходящее расширение методологической основы исследований. Тем не менее — или, может быть, именно поэтому — научно-популярные проекты, такие, например, как экранизация “повседневной истории” в большей степени способствовали избавлению немецкой общественности от стереотипов, нежели многие историографические труды⁷⁰. То же касается популярных книг, содержащих иллюстрации, не издававшиеся ранее документы и воспоминания — книг, нередко считавшихся только “побочным продуктом” телесериалов и документальных фильмов⁷¹.

Продолжение следует.

Примечания

- ¹ *Bonwetsch B.* Der “Große Vaterländische Krieg” und seine Geschichte // Die Umwertung der sowjetische Geschichte. Hrsg. von D.Geyer. Göttingen, 1991. S.167—187.
- ² История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т.1—6. М., 1960—1965; История второй мировой войны: В 12-ти т. М., 1973—1982; Великая Отечественная война Советского Союза, 1941—1945. 2-е изд. М., 1984; Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974.
- ³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3-х т. М., 1992; Мингазутгенов А.Ф., Темченко Е.В. Мемуары как источник изучения опыта идейно-политической работы среди воинов в годы Великой Отечественной войны // 1941 год: Трагическое и героическое. Тезисы межреспубликанской научной конференции, посвященной 50-летию начала Великой Отечественной войны, 19—21 июня 1991 г. Минск, 1991. С.204—209.
- ⁴ Ржешевский О.А. Война // История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С.217, 256.
- ⁵ Там же. С.228.
- ⁶ Memorial-Aufklärung der Geschichte und Gestaltung der Zukunft. Hrsg. von Arbeitskreis Memorial in der Heinrich Bohl-Stiftung. Bad Honnet, 1989.
- ⁷ Из новейших исследований см.: *Goeken U.* Die sowjetischen Zwangsarbeiter aus der Materialperspektive von “Memorial”. Magisterarbeit. Munster/Westfalen, 1994.
- ⁸ *Paulita C.* Wiedergutmachung als Rechtsfrage in der politischen und juristischen Auseinandersetzung. Bonn, 1993. Центральное значение для немецкой стороны имело выступление фракции бундестага “Союз 90/Партия “зеленых””.
- ⁹ См. обзорные работы: Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Eine Diskussion. Hrsg. von W. Schulze. Göttingen, 1994; Lebenserfahrung und kollektives Gedächtniß. Die Praxis der “Oral History”. Hrsg. von L. Niethammer. Frankfurt am Main, 1985.
- ¹⁰ Из последних работ см.: Pahl D. Rückblick auf das “Unternehmen Barbarossa” // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd.42. T.1. 1994. S.77—94.
- ¹¹ См. статьи Ю.Я.Киршина, А.Г.Хорькова и Д.А.Волкогонова, посвященные состоянию Красной Армии в начале войны и личности Сталина как главнокомандующего; Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum “Unternehmen Barbarossa”. Hrsg. von Wegner. München, 1991.
- ¹² См. классическое определение, данное Альфом Людтке в его статье “Was ist und wer treibt Alltagsgeschichte?": Alltagsgeschichte: Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Hrsg. von A.Lüdtkе. Frankfurt am Main—New York, 1989. S.9—48; *Wehler H.U.* Aus

- der Geschichte lernen? München, 1988. S.307ff.
- ¹³ *Erhalt H. Ch.* Geschichte von unten // Geschichte von unten. Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags. Hrsg. von H. Ch. Erhalt Wien, 1984. S.11–40.
 - ¹⁴ *Niethammer L.* Einführung // Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis der "Oral History". Hrsg. von L. Niethammer. Frankfurt am Main, 1985. S.8.
 - ¹⁵ *Borscheid P.* Alltagsgeschichte-Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? // Sozialgeschichte in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang. Hrsg. von W.Schieder, P.Borscheid. Bd 3. Göttingen, 1957. S.78–100.
 - ¹⁶ *Meier Ch.* Notizen zur Verhältnis von Makro- und Mikrogeschichte // Acham K., Schulze W. Teil und Ganzes: Zum Verhältnis von Einzel- und Gesamtanalyse in Geschichte- und Sozialwissenschaften. München, 1990. S.111–140.
 - ¹⁷ *Schulze W.* Mikrohistorie versus Makrohistorie? Anmerkungen zu einem aktuellen Thema // Historische Methode. Hrsg. von Ch. Meier., J. Rösen, München, 1988. S.111–140.
 - ¹⁸ *Fuchs W.* Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methoden. Opladen, 1984.
 - ¹⁹ *Geertz C.* Dichte Beschreibung: Bemerkungen zu einer deutenden Theorie der Kultur // Idem. Dichte Beschreibung: Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main, 1983. S.7–43.
 - ²⁰ "Die Jahre wei man nicht, wo man die heute hinsetzen soll". Hrsg. von L. Niethammer. Berlin–Bonn, 1983. "Hinterher merkt man, da er richtig war, da es schlie gegangen ist". Hrsg. von L.Niethammer. Berlin–Bonn, 1983.
 - ²¹ *Kocha J.* Geschichte als Aufklärung? // Die Zukunft der Aufklärung. Hrsg. von J.Rösen. Frankfurt am Main, 1988. S.91–98, S.97.
 - ²² *Kocha J.* Klassen oder Kultur? Durchbrüche und Sachgassen in der Arbeitergeschichte // Merkur. H.36. 1982. S.955–965.
 - ²³ *Konke G.* "Modernisierungsschic" oder relative Stagnation? Einige Anmerkungen zum Verhältnis von Nationalsozialismus und Moderne // Geschichte und Gesellschaft. Bd.20, H.4. 1994. S.585–609. Nationalsozialismus und Modernisierung. Hrsg. von M. Prinz und R.Zitlmann. Darmstadt, 1991.
 - ²⁴ "Vernichtungspolitik: Eine Debatte ber den Zusammenhang von Sozialpolitik und Genozid im nationalsozialistischen Deutschland. Hrsg. von W.Schneider. Hamburg, 1991. В этом издании см. в первую очередь статьи Геца Али и Зузанны Хайм.
 - ²⁵ Der "Generalplan Ost": Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Hrsg. von M.Rössler und S.Schleiermacher. Berlin, 1993.
 - ²⁶ Stalinist Terror: New Perspectives. Ed. J.N. Getty and R.T. Manning. Cambridge, 1993; Schröder H.H. Stalinismus "von unten"? Zur Diskussion um die gesellschaftlichen Voraussetzungen politischer Herrschaft in der Phase der Vorkriegsfünfjahrpläne // Die Umwert der sowietische Geschichte. Hrsg. von D. Ceyer. Göttingen, 1991. S.133–166; *Fitzpatrick Sh.* New Perspectives on Stalinism // Russian Review. T.45. 1986. S.357–373.
 - ²⁷ Из последних работ см.: *Ziegler M., Kannonier-Finster W.* Österreichisches Gedächtnis: Über Erinnern und Vergessen der NS-Vergangenheit. Wien–Köln–Weimar, 1993.
 - ²⁸ *Fischer G.* Autobiographische Texte als historische Quelle // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags. Hrsg. von H.Ch. Erhalt. Wien, 1984. S.81–94.
 - ²⁹ *Ziegler M., Kannonier-Finster W.* Op. cit. S.126.
 - ³⁰ *Duster J.* Bediengungen für Massenmord ohne Schuldgefühl // Symbolische Interaktionen. Hrsg. von H.Steinert. Stuttgart, 1973. S.80.
 - ³¹ *Browning Ch. A.* Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York, 1992. См. также немецкий перевод: Idem. Canz normale Männer: Das Reserve-Polizei-batallion 101 und die "Endlösung" in Polen. Reinbek, 1993.
 - ³² Из последних работ см.: *Siegel A.* Im Interesse der Gerechtigkeit: Die Dachauer Kriegsverbrecherprozesse 1945–1948. Frankfurt am Main–New York, 1992.
 - ³³ *Bartov O.* Hitler's Army: Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. Oxford, 1991.
 - ³⁴ *Schröder H.J.* Die gestollen Jahre: Erzählgeschichten und Geschichtserzählung in Interview. Der Zweite Weltkrieg aus der Sicht ehemaliger Mannschaftssoldaten. Tübingen, 1991.
 - ³⁵ "Ich will raus aus diesem Wahnsinn": Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945. Aus sowjetischen Archiven. Hrsg. von A.Colovchansky et Al. Wuppertal. Moskau, 1991.
 - ³⁶ *Köstlin K.* Erzählen vom Krieg. Krieg als Reise: Teil 11 // BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History. S.173–182.
 - ³⁷ *Deist W.* Die Militärgeschichte ger de erneut in den Griff der Armee // Frankfurter Rundschau. № 118 (24 Mai). 1994. S.12.
 - ³⁸ Zielsetzung und Methode der Militärgeschichte // Militärgeschichte: Probleme-Thesen-Wege. Hrsg. von M.Messerschmidt und and. Stuttgart, 1982. S.58.
 - ³⁹ Речь идет о таких историках, как Детлеф Бальд, Мартин Куц, Манфред Мессершмидт, Вольфрам Ветте, см. Die Zeit. № 19 (6 Mai). 1994. S.52.
 - ⁴⁰ См. *Messerschmidt M.* Die Wehracht im NS-Staat: Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969 (серия "Truppe und Verwaltung". Bd.16), или Müller K.J. Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistische Regime 1933–1940. Stuttgart, 1969 (серия "Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte". Bd.10; 2-e изд.: Stuttgart, 1988), а также — *Abenheim D.* Bundeswehr und Tradition: Die Suche nach dem gültigen Erbe des deutschen Soldaten,

- München, 1989 (серия Beiträge zur Militärgeschichte. Bd.27), S.167—168, 203.
- ⁴¹ Messerschmidt M. Kein gültiges Erbe // Süddeutsche Zeitung. 21—22.1.1981.
- ⁴² Имеется в виду серия "Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg". Hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. До настоящего времени увидели свет шесть книг этой серии: Bd.1: Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. Stuttgart, 1979; Bd.2. Die Errichtung der Hegemonie auf dem deutschen Kontinent. Stuttgart, 1979; Bd.3: Der Mittelmeerraum und Südeuropa: Von der "belligeranza" Italiens bis zum Kriegseintritt der Vereinigten Staaten. Stuttgart, 1981; Bd.4: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1981; Bd.5, Teil 1: Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereichs: Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen 1939—1941. Stuttgart, 1981; Bd.6: Der Globale Krieg: Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941—1943. Stuttgart. 1990. В настоящее время по инициативе издательства Oxford University Press начата работа над переводом этой серии на английский язык.
- ⁴³ Сдвоенный том IX вышеназванной серии должен был быть посвящен теме "Государство и общество в годы войны" ("Staat und Gesellschaft im Kriege").
- ⁴⁴ См. тезисы рабочей группы "Цель и методика исследований в области военной истории", созданной в Управлении военно-исторических исследований и руководимой Х.Хюртеном: Zielsetzung und Methode der Militärgeschichte // Militärgeschichtliche Mitteilungen. Jg.20, H.2. 1976. S.9—17, особенно S.9.
- ⁴⁵ *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. 7 Bd. Berlin, 1920—1936.
- ⁴⁶ *Wegner B.* Kilometre das Krieges. Ein Plädoyer für eine quantifizierende Militärgeschichtsforschung in vergleichender Absicht // Militärgeschichte: Probleme — Thesen — Wege. Hrsg. von M.Messerschmidt und and. Stuttgart, 1982, S.60—78; Idem. Kriegsgeschichte—Politikgeschichte—Gesellschaftsgeschichte: Der Zweite Weltkrieg in der westdeutschen Historiografie der siebziger und achtziger Jahre // Neue Forschungen zum Zweiten Weltkrieg: Literaturberichte und Bibliographie. Hrsg. von J. Rohwer und H.Müller. Koblenz, 1990. S.102—129.
- ⁴⁷ Сравн., например, последние статьи Вольфрама Ветте, Вольфганга Михалки, Юргена Ферстера и Рольфа Дитгера Мюллера в книге: Das Rußlandbild im Dritten Reich. Hrsg. von H.-E. Volkmann. Köln, 1994.
- ⁴⁸ Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: "Unternehmen Barbarossa" 1941. Hrsg. von G.-A. Ueberschär und W.Wette. Frankfurt am Main, 1991. Речь идет здесь о втором, переработанном издании этой книги. Первое издание увидело свет в Падерборне в 1984 г.
- ⁴⁹ Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler—Stalin — Pakt zum "Unternehmen Barbarossa". Hrsg. von B.Wegner. München, 1991.
- ⁵⁰ Так гласит подзаголовок книги Омера Бартова: Bartov O. The Eastern Front 1941—1945. German Troops and the Barbarisation of Warfare. Basingatoke, 1985.
- ⁵¹ *Birn B.* Zweierlei Wirklichkeit? Fallbeispiele zur Partisanenbekämpfung im Osten // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hilter—Stalin Pakt zum "Unternehmen Barbarossa". Hrsg. von B.Wegner. München, 1991. S.275—290; *Schräder H.J.* Erfahrungen deutscher Mannschaftsoldaten während der eraten Phase des Ru landkrieges // Ibidem. S.309—325; *Bartov O.* Von unten betrachtet: berleben, Zusammenhalt und Brutalität an der Ostfront // Ibidem. S.326—344.
- ⁵² Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Hrsg. von W.Wette und G.Ueberschär. Frankfurt am Main, 1992; сравн. с основанным главным образом на немецких документах, в высшей степени традиционным описанием Сталинградской битвы, данным в кн.: *Jamant V.E.* Stalingrad: dichtung of an agony. New York, 1992; Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militärgeschichte von unten. Hrsg. von W.Wette. München—Zürich, 1992.
- ⁵³ *Wette W.* Militärgeschichte von unten // Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militärgeschichte von unten. Hrsg. von W.Wette. München—Zürich, 1992. S.9—50, S.11—13; Müller R.-D., Ueberschär. G.F., Wette W. Wer zurückweicht wird erschossen! Kriegsalltag und Kriegsende in Südwestdeutschland 1944—45. Freiburg, 1985. В 1995 г. во Франкфурте-на-Майне выйдет в свет книга под редакцией Норберта Хаазе и Герхарда Пауля: Die anderen Soldaten: Wehrkraftsersetzung, Gehorsamsverweigerung und Fahnenflucht im Zweiten Weltkrieg.
- ⁵⁴ Имеется в виду генералитет вермахта. Примером другой, прямо противоположной точки зрения может служить психологический портрет, созданный Кристианом Шнайдером: *Schneider Ch.* Denkmal Manstein: Psychogramm eines Befehlshaber // Mittelweg. Jg.36. H.5. 1994. S.23—36.
- ⁵⁵ *Keegan J.* Das Antlitz des Krieges: Die Schlachten von Azincourt 1415, Waterloo 1815 und an der Somme 1916. Frankfurt am Main, 1991. S.5—34. Английское издание этой книги вышло в Лондоне в 1975 г.
- ⁵⁶ *Vogel D.* Der Kriegsalltag im Spiegel von Feldpostbriefen (1939—1945) // Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militärgeschichte von unten. Hrsg. von W.Wette. München-Zurich, 1992; *Dines P.J. Knoch P.* Erfahrungen im Bombenkrieg // Ibidem; Messerschmidt M. Der "Zersetzer" und sein Denunziant: Urteile des Zentralgerichts des Heeres-Au enstelle. Wien-1944 // Ibidem; *Schräder H.J.* "Ich hänge hier, weil ich get rmt bin": Terror und Verfall im deutschen Militär bei Kriegsende 1945 // Ibidem; *Lehmann A.* In sowjetischer Kriegsgefangenschaft // Ibidem.

- ⁵⁷ The Final Solution: Origins and Implementation. Hrsg. von D.Cesariani. London — New York, 1994.
- ⁵⁸ *Hillgruber A.* Der Ostkrieg und die Judenvernichtung // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: "Unternehmen Barbarossa" 1941. Hrsg. von G.A. Ueberschaar und W.Wette. Frankfurt am Main, 1991. S.185—206, особ. S.192, 196.
- ⁵⁹ Сделать это недавно попытался Йорг Фридрих в своем обширном исследовании: *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges: Das deutsche Heer in Rußland 1941—1945. Der Prozess gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. См. также статью Вольфрама Ветте в журнале: *Die Zeit*. № 46, 12.11.1993. S.14.
- ⁶⁰ Основные аргументы были высказаны в ходе дискуссии, в которой точку зрения историков представляли Ханнес Хеер и Вольфрам Ветте. *Heer H., Wette W.* "Wir hatten geglaubt, wir könnten anständig bleiben // *Die Zeit*. № 10, 3.3. 1995. S.14—20.
- ⁶¹ *Heer H.* Killing Fields: Die Wehrmacht und der Holocaust // *Mittelweg*. Jg.36. H.3. 1994. S.7—29; По поводу этой важнейшей "закрытой темы" в немецкой историографии новейшей истории см. также: *Die Zeit*. № 28. 8.7.1994. S.14.
- ⁶² *Bartov O.* Wem gehört die Geschichte? Wehrmacht und Geschichtswissenschaft // *Mittelweg*. Jg.36. H.5. 1994. S.5—2, S.22.
- ⁶³ *Ibidem*. S.11—12.
- ⁶⁴ *Guderian H.* Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951; *Manstein E.* von. Verlorens Siege. Bonn, 1955; *Kesslering A.* Soldat bis zum letzten Tag. Bonn, 1953.
- ⁶⁵ Weißbuch 1994. Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr. Hrsg. vom Bundesministerium der Verteidigung. Bonn, 1994. S.19—21.
- ⁶⁶ *Maier K.A.* Überlegungen zur Zielsetzung und Methode der Militärgeschichtsschreibung im Militärgeschichtliche Forschungsamt und die Forderung nach deren Nutzen für die Bundeswehr seit der Mitte der 70-er Jahre // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. Bd.52. 1993. S.359—370. *Особ. Anm.*28, 31.
- ⁶⁷ *Wegner B.* Erschriebene Siege: Franz Halder, die "Historical Division" und die Rekonstruktion des zweiten Weltkrieges im Geiste des deutschen Generalstabes // *Politischer Wandel, organisierte Gewalt und nationale Sicherheit: Beiträge zur neueren Geschichte Deutschland und Frankreichs*. Festschrift für Müller K.-J. Hrsg. von E.W.Hansen u.a. München, 1995. S.287—302.
- ⁶⁸ *Kohl P.* "Ich wundere mich, da ich noch lebe": sowjetische Augenzugen Berichten. G ntesloh, 1990.
- ⁶⁹ *Dawies R.W.* Perestroika und Geschichte. Die Wende der sowjetischen Historiographie. München, 1991.
- ⁷⁰ Из работ последних лет следует назвать оставшийся, к сожалению, почти неизвестным документальный фильм "Еврейка и капитан" ("Die Jude und der Hauptmann"), сценарий и режиссура Ульфа фон Мехова, 1994, в котором повествуется о судьбах конкретных людей в оккупированном Минске, или — как пример противоположной точки зрения — имевший большой успех немецкий кинофильм "Сталинград" ("Stalingrad"), режиссер Йозеф Вильсмайер, 1992. Сравн. в этой связи: *Klieb A.* Neue Kameraden // *Die Zeit*. № 4. 22.1.1993. S.45—46'
- ⁷¹ *Leetz A.* Blockade: Leningrad 1941—1944. Dokumente und Essays von Russen und Deutschen. Reinbek, 1992. В сериях "Проклятая война" и "Сталинград: решающее сражение" вышли в свет следующие иллюстрированные издания: *Knoop G.* Der verdammte Krieg. München, 1991; *Idem.* Entscheidung Stalingrad. München, 1992; *Karpow W.* Der Krieg in Rußland 1941 bis 1945. München, 1991.

К.М.Александров

Казачий Стан и Главное Управление Казачьих Войск в 1944 г.

Декларация Германского правительства от 10 ноября 1943 г. положила начало процессу создания верховных органов управления казачьими формированиями, а также казачьей эмиграцией на территории Германии и оккупированных европейских государств¹. Таким образом, закономерным стало появление колоритнейшей личности, которая при всей своей противоречивости, безусловно, оставила заметный след и в истории Русской Императорской армии, и в истории русской военной публицистики, романистики, и тем более — в новейшей истории русского казачества. Генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов с начала 1943 г. играл важную роль в драматических событиях, участниками которых явились десятки тысяч казаков и их семей. В 1943 г. ему шел 75-й год. Тем не менее возраст Краснова не препятствовал активной военно-политической деятельности, первоначально сводившейся к распространению десятков обращений и листовок, адресованных казакам За рубежом, Дона, Кубани и Терека. К сожалению, отсутствуют специальные исследования, посвященные деятельности П.Н.Краснова в 1942—1945 гг., равно как и корпус мемуаров, представленный лишь воспоминаниями Генерального штаба генерал-майора И.А.Полякова, соратника Краснова по Донской армии в 1918 г.² Вряд ли отвечает действительности попытка некоторых современных исследователей представить Краснова в качестве заурядного пособника нацистов. При этом в качестве доказательства используются тексты его открытых заявлений, сделанные в условиях нацистского режима³. Как нам представляется, в течение 1943—1944 гг. надежды и симпатии бывшего героя Луцкого прорыва 1916 г. несколько раз полностью разрушались под влиянием складывающихся обстоятельств. Зачастую Краснов был лишен какого-либо влияния на события. Неоднозначно относились к усилиям Краснова по формированию строевых казачьих подразделений Вермахта чины Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), подавляющее большинство которых горячо симпатизировало Русскому Корпусу генерал-лейтенанта Б.А.Штейфона на Балканах. Например, полковник С.А.Мацылев, фактический руководитель в 1943 г. управления 1-го отдела РОВС в Париже в письме от 12 октября 1943 г. писал генерал-лейтенанту М.А.Свечину: “Краснов прислал в Париж письмо с просьбой к казакам записываться в казачьи формирования, насколько мне известно, обращение это сочувствия не встречает, да оно и понятно. Хочется верить, что у Краснова, хоть и ошибочные, но чистые намерения. Многие расценивают его действия иначе”⁴. Чрезвычайно сложно складывались отношения П.Н.Краснова с деятелями казачьей эмиграции — сторонниками “казачьей самостийности”, безоглядно-восторженно принявшими нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. и рассчитыв-

вавшими на создание “самостийного казачьего государства” под протекторатом Германии. Однако первые попытки “казакийцев” вступить в контакт с Красновым закончились тем, что их представители оказались изгнаны из дома престарелым генералом. В 1943 г. ситуация изменилась — апологеты “Казакии” сумели “инфильтрировать” ряд казачьих изданий, в первую очередь журнал “На Казачьем Посту”. Под видом литераторов и журналистов “самостийники” П.Поляков, Б.Кундюцков, И.Седов, И.Томаревский, В.Карпушкин, И.Коваленко, Е.Якименко, И.Назаров, С.Федоров, П.Макаренко и другие добились для себя режима наибольшего благоприятствования со стороны германских цензоров и существенно потеснили позиции сторонников единой и неделимой России во главе с В.Никоновым. Для “казакийцев” делом первостепенной важности стала задача убедить П.Н.Краснова в своей правоте и колоссальном “казачьем патриотизме”. К лету 1943 г. “самостийники” представляли в Берлине серьезный фактор влияния и добились, если не благорасположения, то по меньшей мере внимательного отношения к себе со стороны Краснова⁵.

Вопрос о возглавлении П.Н.Красновым казачьей диаспоры возник еще до официальной публикации Декларации Германского правительства. После того, как Козакен Ляйте-Штелле (КЛШ) совершенно утвердилась в складывавшейся обстановке, начальник Управления доктор Н.А.Гимпель в конце июля 1943 г. сделал Краснову официальное предложение принять участие в подготовке и разработке вопроса о создании Временного Казачьего Правительства на чужбине. После 10 ноября 1943 г. Гимпель и Краснов сосредоточили все свои усилия на формировании Главного Управления Казачьих Войск (ГУКВ) и его структуры как первого шага на пути к оформлению Временного Казачьего Правительства.

На предложение занять пост Верховного Атамана Казачьих Войск Краснов ответил категорическим отказом, мотивируя свое решение тем, что все Войсковые Атаманы и тем более Верховный Атаман Казачьих Войск, могут занимать свои должности в обязательном порядке лишь на основе выборного начала и согласно Войсковым Конституциям исключительно на непосредственных территориях Войск. Избирать Атаманов могли только Войсковые Круги и Войсковые Рады⁶. Еще более серьезным препятствием для начинания Гимпеля послужили действия имперского министра А.Розенберга. Розенберг не пожелал утверждать верховные органы управления казачьими частями и массами беженцев под названием Главного Управления Казачьих Войск, а взамен такового утвердил название — Главное Управление казаков, что имело существенную разницу именно в вопросе о праве распоряжения боевыми частями, равно как и их создания. Но уже в 1944 г. под влиянием обстоятельств Розенберг оказался вынужденным признать существование ГУКВ в соответствии с первоначальным замыслом. Согласно разработке Гимпеля и после согласия Краснова, должностной табель ГУКВ выглядел следующим образом: начальник ГУКВ, 3 действительных члена, 3 заместителя последних⁷.

С конкретными кандидатурами особых затруднений почти не возникало. Предполагалось, что все Походные Атаманы Казачьих Войск Дона, Кубани и Терека, признанные военным командованием Вермахта на Восточном фронте, автоматически станут членами ГУКВ. Однако в реальности имелись лишь Походный Атаман Войска Донского⁸ полковник С.В.Павлов⁹ — организатор и руководитель Казачьего Стана, а также войсковой старшина¹⁰ Н.Л.Кулаков¹¹ — Походный Атаман Войска Терского, находившийся при 6-м Терском казачьем полку 2-й бригады 1-й казачьей кавалерийской дивизии Вермахта. Кубанский Атаман отсутствовал, поскольку объявивший себя Атаманом Войска Кубанского полковник И.И.Белый, будучи самозванцем, подвергся разоблачению и лишился атаманской булавы¹². Наказание для Белого последовало более чем суровое: по приказу генерал-майора¹³ Х. фон Паннвица Белый оказался арестован и

Х. фон Паннвиц и П.Н.Краснов. Лето 1943 г. Лагерь под Млавой (Польша).

этапирован в концентрационный лагерь в Гогенштейне¹⁴. Так как на Восточном фронте Походного Атамана Войска Кубанского избрать не предполагалось, доктор Н.А.Гимпель на его место в качестве действительного члена ГУКВ кооптировал Атамана Войска Кубанского в Зарубежье Генерального штаба генерал-майора В.Г.Науменко¹⁵. П.Н.Краснов полностью согласился с выбором Гимпеля. Преодолев сопротивление органов СД, имевших право отклонить кандидатуру любого из членов ГУКВ, Н.А.Гимпель добился в конце марта 1944 г. утверждения штатного расписания ГУКВ в составе 7 человек:

Начальник Главного Управления Казачьих Войск — генерал от кавалерии П.Н.Краснов.

Члены Главного Управления Казачьих Войск:

1. Походный Атаман Войска Донского полковник С.В.Павлов (эмигрант 1943 г.)
2. Атаман Войска Кубанского за границей Генерального штаба генерал-майор В.Г.Науменко (эмигрант 1920 г.).
3. Походный Атаман Войска Терского полковник¹⁶ Н.Л.Кулаков (эмигрант 1943 г.).

Заместители членов ГУКВ:

1. Атаман округа Донских станиц Казачьего Стана войсковой старшина М.М.Ротов (эмигрант 1920 г.).
2. Атаман отдела Кубанских станиц Казачьего Стана полковник В.И.Лукьяненко (эмигрант 1943 г.).
3. Атаман отдела Терских станиц Казачьего Стана полковник В.И.Зимин (эмигрант 1920 г.).

Функции и задачи ГУКВ определялись в опубликованном сообщении командующего Восточными добровольческими войсками Вермахта генерала от кавалерии Э.Кестринга:

“От Генерала Добровольческих Войск.

Учреждено Главное Управление Казачьих Войск. Главное Управление Казачьих Войск является представительством перед Германским Командованием для защиты казачьих прав и состоит из следующих лиц:

Генерал Краснов, Начальник.

Генерал Науменко.

Полковник Павлов.

Полковник Кулаков.

31 марта 1944 г. Кестринг, Генерал от кавалерии.

О времени начала работы Главного Управления Казачьих Войск и о месте его нахождения, будет объявлено дополнительно¹⁷.

Учреждение ГУКВ свидетельствовало о централизации управления казачьей жизнью и формированием боевых подразделений. С официальной точки зрения констатации подлежал тот факт, что Германия начала считаться с существованием весьма значительной и специфической силы в пределах Третьего рейха, каковой являлось казачество. Организацию кадров рабочего аппарата Н.А.Гимпель предоставил П.Н.Краснову. В первую очередь Гимпель добился разрешения Главного Управления СД и перевез из Парижа в Берлин Гвардии полковника С.Н.Краснова, считающегося племянником П.Н.Краснова. В действительности С.Н.Краснов — троюродный брат Краснова-старшего, причем их деды имели разных матерей¹⁸. Один из родственников П.Н.Краснова, довольно пристрастно относившийся к деятельности генерала и казачьим войскам Вермахта, характеризовал С.Н.Краснова как человека “крайне ограниченного и совершенно неопытного”¹⁹. По прибытии в Берлин С.Н.Краснов занял должность штаб-офицера для поручений при ГУКВ, а позднее П.Н.Красновым был произведен в чин генерал-майора и назначен начальником штаба ГУКВ²⁰.

В аппарат штаба ГУКВ входили следующие сотрудники: полковник С.Н.Гусев, начальник административно-хозяйственного отдела, войсковой старшина Моргунов, адъютант П.Н.Краснова, есаул Р.А.Кузнецов, офицер для поручений, сотник П.Гусев, редактор журнала “На Казачьем Посту”, а также есаул В.Донсков, хорунжий Авилов, хорунжий Анисимов, профессор Минаев и др.

Сам Краснов периодически читал лекции, отдавал приказы, вступал в контакты с казачьими и германскими представителями, писал очерки для казачьей и германской прессы. При необходимости встреч с высшими должностными лицами армии и государства доктор Н.А.Гимпель выступал в качестве посредника. Гимпель присутствовал при представлении Краснова весной 1944 г. Э.Кестрингу в Мауервальде (Восточная Пруссия), где находился штаб Восточных войск и Ставка ОКВ. Вскоре после организации ГУКВ, с его начальником изъявил желание встретиться А.Розенберг. Организацией встречи занимался Гимпель, а посредником явился начальник политического отдела Министерства по делам восточных территорий профессор, доктор Г. фон Менде. Лично Краснов расценивал встречу с Розенбергом как визит вежливости в условиях военного времени, разговор с министром происходил на русском и немецком языках. Позднее Розенберг сообщил Г. фон Менде о сильном впечатлении, произведенном Красновым и, по-видимому, не препятствовал в дальнейшем деятельности единого казачьего центра. Помимо политической деятельности Н.А.Гимпель многократно выезжал в боевые казачьи подразделения на фронт. В 1943—1944 г. Гимпель посетил 360-й казачий полк в районе Бордо, 5-й казачий запасной полк в Дижоне, 1-ю казачью кавалерийскую дивизию на формировании в Млаве, Казачий Стан на этапе эвакуации в Галиции и т. д. К лету 1944 г. ГУКВ превратилось в действительный центр управления казачьими беженскими потоками, за исключением казачьих формирований, интегрированных в Вермахт. Деятельность ГУКВ осложнялась яростной борьбой между сторонниками и противниками идеи “казачьей государственности”, “борьбы с москвитами-оккупантами”. Первым явно покровительствовал А.Розенберг и всячески поощрял их усилия. Последних защищали С.Н.Краснов и, как ни странно, доктор Н.А.Гим-

пель²¹. Сам П.Н.Краснов склонялся то к одному, то к другому полюсу. В июле 1944 г. возник вопрос о превращении ГУКВ во Временное Казачье Правительство со всеми вытекающими отсюда идеологическими построениями. Второй важной проблемой для чинов ГУКВ оставалось чрезвычайно тревожное и сложное положение многотысячного Казачьего Стана, отягощенного огромным обозом, а также наличием большого числа женщин, стариков и детей.

4 февраля 1944 г. в Берлине состоялось совместное заседание КЛШ и ГУКВ; в центре внимания собравшихся находился доклад Походного Атамана полковника С.В.Павлова о положении Стана. Павлов получил крупные денежные кредиты для содержания строевых частей, беженцев и 20 000 комплектов обмундирования Вермахта. Распределением кредитов занимался референт КЛШ Э.Э.Радтке, находившийся на Восточном фронте с конца января 1944 г.

На вокзале в Варшаве Радтке встретился со следовавшим в Берлин на совещание Павловым, которого сопровождал сотник П.Н.Донсков. Прощаясь, Атаман Павлов настоятельно просил Радтке обеспечить незамедлительный переезд его жены Фаины Андреевны вместе с дочерью из Проскурова, где остановилась семья, в богатое и большое село Балино (Западная Украина, район Проскурова). В первых числах февраля 1944 г. в Балино сосредоточивался Казачий Стан, эвакуировавшийся из Проскурова. Остановка в Балино увеличила нервозность некоторых лиц из окружения Павлова. В.М.Одноралов — сотрудник штаба, вспоминал, что приказ, исходивший от Радтке об остановке в Балино, привел всех в ужас, так как таким образом Стан двигался не на Запад, а на Восток, то есть к приближавшейся линии фронта. Благожелательно относившиеся к казакам и в целом настроенные против Советской власти жители Балино резко изменили свое отношение к беженцам, когда последние, выполняя приказ Радтке, попытались самовольно занять часть домов²². Впрочем, опасения Одноралова нельзя назвать основательными, как и обвинения в адрес Э.Э.Радтке по поводу “преднамеренности” его действий с целью обеспечения захвата Стана противником²³. Ведь вопрос о передислокации Казачьего Стана Павлова с территории Западной Украины юго-восточнее Лиды в район Новогрудка—Новоельни был решен КЛШ совместно с Павловым еще в начале января 1944 г., если не ранее. По ходатайству КЛШ ОКВ, основываясь на Декларации от 10 ноября 1943 г., предоставило 180 тыс. гектаров земли в Белоруссии для расселения Казачьего Стана²⁴. Естественно, что ОКВ рассчитывало на боевой эффект от казачьего присутствия, умышленно расселив Стан на территории “партизанского края” в зоне активных операций бригады им. Ф.Э.Дзержинского и иных партизанских формирований. Добавим к этому, что продвигавшийся из традиционных казачьих областей Стан превратился в постоянный объект нападений со стороны советских партизан.

Подвергаясь постоянным атакам, беженцы часто оказывались перед выбором: сохранить свою жизнь или погибнуть, отдав ее подороже. Сказывалась и подсознательная ненависть к партизанам, в которых чаще всего казаки видели либо обыкновенных грабителей местного населения, либо — “энкаведистов”, заброшенных в тыл врага. В.М.Одноралов, описывая повседневный быт трудного пути с Востока на Запад, указывал, что зачастую в отражении партизанских налетов принимали участие женщины и дети. «Пулемет ставился на беженскую подводу, на которой сидела казачка и правила лошадьми, не желавшая расставаться с ним, не считаясь с тем, что она могла оставить на фронте не только лошадей, но и свою головушку. “Умрем, но не сдадимся”, — говорили казаки»²⁵.

Новогрудок, находящийся на левом берегу Немана, входил в состав Гродненской области. С 1507 г. город считался главным городом одноименного воеводства, а в 1795 г.

вошел в состав Российской империи. В 1939—1943 гг. Новогрудок подвергся сильным разрушениям, уцелело лишь 30% городских зданий. Стратегически Новогрудок имел важное значение для фронтового тыла Вермахта, так как, во-первых, был связан узкоколейкой через Новоельню с магистралью Барановичи — Лида, а во-вторых, через него проходило важное шоссе Слоним — Новогрудок — Мир. Район Новогрудка был достаточно заселенным, плотность населения составляла 55—60 человек на 1 кв. км.

В январе 1944 г. из Проскурова в Новогрудок отправилась боевая группа Казачьего Стана под командованием полковника А.И.Медынского, занявшая первоначально Новогрудок и распространившая свое влияние в радиусе до 80 км. 28 января из Проскурова выехала пешая сотня хорунжего Корытина в составе 132 казаков, 4 офицеров с полным вооружением и приданным музыкальным взводом, двигавшаяся по маршруту Лемберг (Львов) — Брест — Барановичи — Новогрудок. На 17 февраля 1944 г. в Новогрудке находилось до 400 казаков, на станции Лесной — 425, еще 325 человек двигались от Бреста. К 29 февраля 1944 г. дополнительно прибыли 1-я Донская сотня сотника Извозчикова (деревни Кустино и Кошелево) в количестве 120 казаков и 2 офицеров, 2-я Кубанская сотня хорунжего Ананько (деревня Зарой) в количестве 135 казаков и 3 офицеров, 3-я Донская сотня сотника Костюрина (деревня Кошелево) в количестве 108 казаков и 3 офицеров, 4-я Кубанско-Терская сотня хорунжего Дмитриева (деревня Кузиничи) в количестве 127 чинов, 5-я резервная сотня хорунжего Козлова (деревня Кузиничи) в количестве 154 чинов, всего — 655 человек²⁶. К концу марта 1944 г. в группе полковника А.И.Медынского насчитывалось не менее 4 000 строевых казаков²⁷. Главная задача группы сводилась к организации приема основных сил Казачьего Стана и максимальной локализации партизанских акций. В составе группы Медынского Атаман Павлов приказал сформировать 1-й и 2-й казачьи полки, ставшие первыми регулярными строевыми полками Казачьего Стана. Таким образом, процесс превращения Казачьего Стана в отдельный казачий корпус, закончившийся весной 1945 г. в Северной Италии, начался 17 февраля 1944 г. в Белоруссии. 1-й казачий сводный пеший полк Донского Атамана генерала от кавалерии П.Н.Краснова под командованием войскового старшины В.А.Лобyseвича начал формироваться 17 февраля 1944 г. в Новогрудке из первых 1 000 казаков, прибывших в Белоруссию в конце января 1944 г. Через несколько дней стало возможным комплектование 2-го казачьего полка под командованием полковника Г.П.Тарасенко. Основой полка стал дивизион капитана Русакова численностью около 350 человек. К лету 1944 г. Русаков заслужил производство в чин войскового старшины и принял полк. В п. 14 приказа от 17 февраля 1944 г. Павлов предписывал: “Имеющиеся при штабе знамена восставших на Дону казаков, освященные у памятника Ермаку в г.Новочеркасске, передать: знамя бывшего 1-го Добровольческого полка — 1-му казачьему полку, знамя бывшего Синегорского полка — 2-му казачьему полку”²⁸. На полковника А.И.Медынского возлагались обязанности по формированию новых частей и сводной казачьей бригады из вышеуказанных полков. Показательно, что 1-й и 2-й полки Стана состояли в основном из донцов и являлись Донскими. В основу структуры всех регулярных подразделений Стана был положен принцип комплектования казачьих полков Русской Императорской армии. В полк входило 6 сотен. Личный состав — командир и 2 заместителя, адъютант, 6 командиров сотен, 24 командира взводов, 24 вахмистра, 24 урядника, 768 строевых чинов, 16 писарей полковых и сотенных, 2 делопроизводителя и казначея, 36 обозных 1-го разряда (сотенных), 28 обозных 2-го разряда, 8 поваров, 2 знаменосца, 8 портных, 16 сапожников, 8 фуражиров, 1 врач, 8 фельдшеров, 16 санитаров, 7 оружейных мастеров, 2 переводчика и 1 священник. Всего — 1000 человек²⁹. Во взводах и сотнях стремились сохранять станичный принцип комплектования. Терских казаков вливали в кубанские сотни,

так как терцев и казаков прочих Войск в Стане было немного. Команда “есть” запрещалась как советский термин, вводились команды: “так точно”, “слушаюсь”, “никак нет”. Погоны носились казачьи, практиковалось использование традиционных казачьих воинских чинов, офицеры носили личное оружие только с правой стороны. Официальные оккупационные и белорусские власти приняли группу Медынского довольно благожелательно. Официальный орган печати Новогрудского округа “За праўду” от 6 марта 1944 г. цитировал окружного комиссара штандартенфюрера Бушмана, который подчеркнул старую ненависть казаков к большевикам, высоко отозвался о вооружении, дисциплине подчиненных Медынского. В речи перед парадом казачьих сотен Бушман произнес: “Будете вы, как всегда в вашей истории, богатой на славу, отважно сражаться против бандитов, которые мучают, жгут и убивают невинных жителей этого края”³⁰. Любопытно, что редактором газеты, несколько раз весной—летом 1944 г. посвящавшей свои полосы казакам, являлся Борис Рагуля, в дальнейшем — командир кадрового белорусского батальона Белорусской Краевой Обороны (БКО) в чине майора Вермахта и офицер связи в декабре 1944 г. между Белорусской Центральной Радой Р.Островского и командиром 30-й пехотной дивизией войск СС оберштурмбанфюрером Зиглингом³¹.

С первых дней существования 1-го и 2-го Донских казачьих полков в Новогрудском округе казакам пришлось оперировать против партизан. О характере операций можно судить по боевым донесениям в первую очередь начальников полевых застав, разбросанных вокруг Новогрудка. Например, начальник заставы № 1 в селе Бассино сообщал командиру 6-й сотни 1-го полка сотнику Корытину по итогам боевого охранения 26—28 февраля 1944 г. следующее: “Застава в количестве 28 человек по прикрытию Вашей и своей сотен. За два дня выявлено 11 человек сочувствующих партизанам и их актив. Из них 1 расстрелян по постановлению немецких распоряжений. Расстрел произведен в присутствии немцев, солтуса и граждан села... Остальные взяты как заложники. 26—27 в селе были партизаны конные и пешие в количестве 20 человек. Узнав... мы их обстреляли, они ушли в северном направлении... в 2 часа ночи с подводы был обстрел из пулемета по нашей заставе... Из нашего села 8 человек ушли в партизаны, имущество которых конфисковано, а дома переданы беженцам”³². Партизаны с тревогой отмечали, что казачьи гарнизоны активно проводят массовые аресты семей партизан и бывшего совпартактива³³. Войсковой старшина В.А.Лобысевич с 1-м Донским полком в феврале—апреле 1944 г. провел ряд успешных операций против разрозненных партизанских отрядов, хотя партизанская печать уже в начале марта писала, что 1-й полк разгромлен, а его командир убит³⁴. К моменту прибытия основных сил Стана во главе с Походным Атаманом в мае 1944 г. Лобысевич выполнил в целом поставленную перед ним в Проскурове задачу, создав более-менее сносные условия для развертывания Казачьего Стана в Новогрудковском округе.

Казачий Стан пробыл в Балино до 8 марта 1944 г. 8 марта казачий авангард под командованием капитана Вермахта Эккерта — заместителя майора О.В.Мюллера³⁵, находившегося во Львове, двинулся из села Балино в направлении на село Городенко за Днестром, северо-западнее Залешики. Непосредственно за Эккертом тронулись бесконечные колонны беженцев, обозы, подводы, охраняемые казачьими вооруженными отрядами во главе с полковником С.В.Павловым. Прикрывал эвакуацию арьергард под командованием Генерального штаба полковника Маркевича. Начальный этап пути пролегал по маршруту Балино — Скала — Городенко — Станислав — Стрый — Львов. Перед эвакуацией Павлов пригласил к себе начальника штаба Казачьего Стана есаула Т.И.Доманова и поручил обеспечить вывоз продовольственных запасов и части снаряжения, сохранившихся в Балино. При Доманове оставался штабной казачий конный

дивизион, отряд вооруженных беженцев, а также референт КЛШ Э.Э.Радтке, питавший к Доманову определенное благорасположение. (Всего до 450 человек.) Поручение, данное Павловым Доманову, можно расценивать, как свидетельство высокого доверия, а можно — как попытку избавиться хоть на время и от Доманова, и от Радтке. В своих искренних, но все же небеспристрастных записках, В.М.Одноралов описывал возмущение Атамана и необдуманными распоряжениями Радтке — Доманова в период атаманского пребывания в Берлине в начале февраля 1944 г., и мифическими проектами начала посевной кампании на окрестных землях, имевших к тому же конкретных хозяев, и явно непонятными ему закулисными интригами³⁶. Но ни Павлов, ни штаб Походного Атамана не могли предположить, что в результате советского прорыва у Старо-Константинова спустя несколько недель группа казаков во главе с Домановым и Радтке окажется полностью блокированной в Балино... А Казачий Стан продолжал двигаться на Львов.

Примечания

¹ См.: *Александров К.М.* Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории // *Новый Часовой*. 1995. № 3. С.76—96. Его же. Трагедия русского казачества: 1943—1944 гг. // *Новый Часовой*. 1996. № 4. С.97—114. Его же. Казачество России во Второй мировой войне: к истории создания Казачьего Стана (1942—1943) // *Новый Часовой*. 1997. № 5. С.163—175.

² *Поляков И.А.* Краснов—Власов. Нью-Йорк, 1959.

³ См., например: *Решин Л.Е.* “Кзаки” со свастики // *Родина*. 1993. № 2. С.77.

⁴ Бахметьевский Архив Колумбийского Университета (Далее — БАКУ). Коллекция Русского Обще-Воинского Союза. Коробка № 31. Письмо С.А.Мацылева — Свечину от 12.10.1943 г.

⁵ *Никонов В. О Казачьих Делах* // *Часовой*. 1950. № 302. С.17.

⁶ *Ленинов А.К.* Под казачьим знаменем в 1943—1945 гг. Мюнхен, 1970. С.43.

⁷ Там же. С.44.

⁸ Первоначально, как, очевидно, помнит читатель, Сергей Васильевич Павлов был избран Походным Атаманом Всевеликого Войска Донского, а в 1943 г. стал при эвакуации общеказачьим Походным Атаманом.

⁹ Подробнее о Павлове см.: *Александров К.М.* Казачество России во Второй мировой войне.. С.175.

¹⁰ На конец 1943 г.

¹¹ О Н.Л.Кулакове см.: *Александров К.М.* Казачество России в 1941—1943 гг.... С.94. В связи с вновь открывшимися материалами, приводим более подробную справку.

Кулаков Николай Лазаревич (27 июля / 9 августа) 1880 — май 1945, предположительно). Казак станицы Ессентукской Войска Терского. Из семьи урядника. 1/14 марта 1900 г. нижним чином вступил в 1-й Волгский полк Войска Терского. В январе 1904 г. произведен в младшие урядники, в

декабре — в старшие урядники. 1/14 января 1906 г. остался на сверхсрочную службу. С 6/19 сентября по 1/14 июля 1907 г. учился в школе подхорунжих. В июле произведен в чин вахмистра, в декабре — в чин подхорунжего. 1/14 апреля 1912 г. награжден серебряной медалью на станиславской ленте “За усердие”. 17/30 июля 1914 г. по мобилизации призван в 1-й Волгский полк. В сентябре произведен в зауряд-хорунжие приказом по 2-й сводной казачьей дивизии. 18 октября/1 октября в бою на перевале Ужок в Карпатах ранен, 10/23 октября возвратился в полк. 11 декабря в конной атаке контужен, но остался в строю. 28 января 1915 г. приказом Главкома Юго-Западного фронта № 122 произведен в прапорщики. С мая 1916 по февраль 1917 гг. — командир обоза полка. 15/28 июля 1916 г. Высочайшим Приказом произведен в хорунжие. В феврале—апреле 1917 г. — командир 2-й сотни полка, в апреле—мае — командир 5-й сотни. 6/19 июля 1917 г. приказом по Армии и Флоту произведен в чин сотника. По демобилизации в марте 1918 г. возвратился в станицу. Полный Георгиевский кавалер (4 ст.: № 5785 — 7/20 ноября 1914 г., 3 т.: № 13206 — 19 мая/1 июня 1915 г., 2 ст.: № 606 — 1915 г., 1 ст.: № 12146 — 10/23 марта 1916 г.); награжден Георгиевской медалью 4 ст.; орденами: Св. Анны 4 ст., Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом в 1916—1917 гг. В октябре 1918 г. для борьбы с большевиками вступил в 1-й Волгский полк. Занимал должности: командира 2-й сотни, помощника командира полка по строевой части. В 1918—1919 гг. в составе полка сражался в отряде А.Г.Шкуро. В 1919 г. ранен, находился на излечении в Пятигорске. В январе 1920 г. убыл на фронт. Войсковой старшина (1920). Близ станицы Кагальницкой тяжело ранен, в результате чего лишился ног по колено. При эвакуации в Крым

- брошен в Новороссийске. Спасен женой Д.С.Балицкой-Кулаковой и вывезен ею в родную станицу. В 1920—1932 гг. скрывался в подвале своего дома, затем легализовался с разрешения уполномоченного ОГПУ. Как инвалид не репрессировался. После занятия Северного Кавказа немцами в 1942 г. избран вначале станичным атаманом, а затем Атаманом Войска Терского. Находился при 6-м Терском полку 1-й казачьей дивизии Вермахта, с марта 1944 г. — член ГУКВ. Полковник (1944). В мае 1945 г. в Южной Австрии в районе Инсбрука захвачен сотрудниками контрразведки “СМЕРШ” и погиб.
- ¹² Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне... С.170.
- ¹³ На 1943 г.
- ¹⁴ Ленивов А.К. Указ. соч. С.44.
- ¹⁵ Подробнее о В.Г.Науменко см.: Александров К.М. Трагедия русского казачества... С.114. На 1944 г.
- ¹⁶ Цит. по: Ленивов А.К. Указ. соч. С.45.
- ¹⁷ БАКУ. Коллекция А.И.Махонина — родственника П.Н.Краснова. Л.53.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Ленивов А.К. Указ. соч. С.46.
- ²¹ Никонов В. Указ. соч. С.17.
- ²² Казачья трагедия. Нью-Йорк, 1959. С.93—94.
- ²³ В.М.Одноралов “не исключал” принадлежности Э.Э.Радтке к органам НКВД. (Казачья трагедия. С.90, 93—94.)
- ²⁴ Ленивов А.К. Указ. соч. С.50.
- ²⁵ Казачья трагедия. С.86.
- ²⁶ Литвин А. Казачий Стан в Беларуси (1941—1944) // Неман. 1996. № 12. С.216—217.
- ²⁷ Ленивов А.К. Указ. соч. С.53.
- ²⁸ Цит. по.: Литвин А. Указ. соч. С.216.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Газетная статья там же (пер. с белорус. — К.А.).
- ³¹ Акула К. Боевые дороги (машинопись, рукопись). Пер. с белорусского М.Н.Герасимова (1996). С.10 (Личный Архив Александрова К.М); *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. San-Jose, 1994. Vol.4. P.223.
- ³² Цит. по: Литвин А. Указ. соч. С.219.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Ленивов А.К. Указ. соч. С.51—53.
- ³⁵ Подробнее о роли О.В.Мюллера см.: Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне... С.94—97.
- ³⁶ Казачья трагедия. С.94—97.

А.Н.Кулинский

Русское экспериментальное холодное оружие XIX—начала XX веков в фондах Артиллерийского музея

В начале 1870-х годов с предложениями о существенной модернизации холодного оружия неоднократно выступал генерал-майор А.П.Горлов, член технического комитета Главного артиллерийского управления, в 1873—1882 гг. военный атташе при русском посольстве в Лондоне. Под наблюдением Горлова английской фирмой “Вилкинсон” было изготовлено около 40 экземпляров нескольких экспериментальных образцов (вероятно, по 2—4 экземпляра каждого образца), которые Горлов разработал и предлагал для русской армии. Все эти экземпляры оружия имели на обухе клинка клеймо фирмы “Вилкинсон” и производственный номер. В коллекции музея сохранились 12 таких экземпляров, которые имеют следующие производственные номера: 19900, 19901, 19905, 19909, 19910, 19913, 19915, 19916, 19917, 19926, 19931, 19933.

В августе 1875 года Горлов привез партию экспериментального холодного оружия в Петербург и представил императору Александру II, после чего оно было передано на испытания в учебный кавалерийский эскадрон. Ниже описаны 7 образцов из этой партии оружия, сохранившиеся в коллекции музея.

Сабля кавалерийская солдатская. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 12.

Клинок незначительной кривизны, с одним долом и острием на средней линии.

Эфес состоит из рукояти с головкой и латунной гарды. Деревянная рукоять покрыта кожей, имеет поперечные желобки, по которым обмотана витой проволокой. Внизу на рукояти латунная втулка, сверху — фигурная латунная втулка, сверху на ней овальная выпуклая головка. Гарда образована защитной дужкой, расширяющейся в широкую симметричную чашку с четырьмя треугольными прорезями в форме мальтийского креста и двумя прямоугольными прорезями для темляка.

Стальные ножны имеют две гайки с кольцами и башмак. Общая длина без ножен 1035 мм, длина клинка 895 мм, ширина клинка 33 мм. № 0115/248.

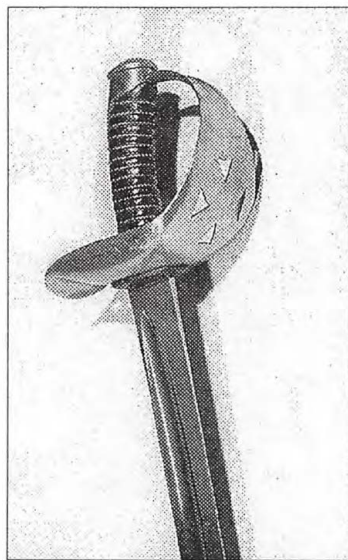

Фото 12.

Фото 13.

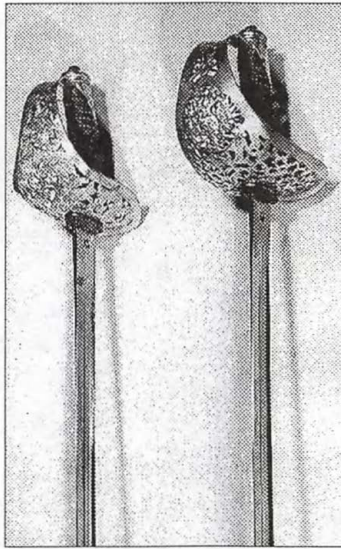

Фото 14-15.

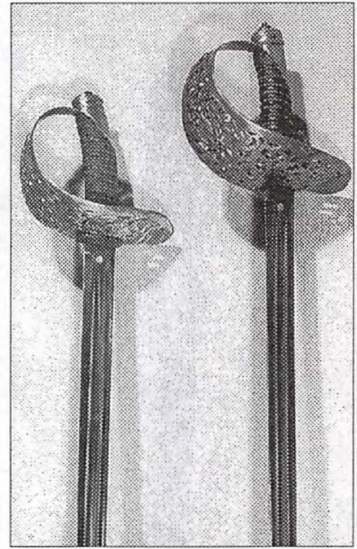

Фото 16-17.

Сабля кавалерийская солдатская. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 13.

Отличается от предыдущего образца только тем, что имеет стальную гарду, стальные втулки на рукояти и пуговку на головке. № 0115/251.

Сабля кавалерийская офицерская. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 14.

Клинок незначительной кривизны, с одним долом и острием на средней линии.

Эфес состоит из рукояти с головкой и латунной гарды. Деревянная рукоять покрыта кожей, имеет поперечные желобки, по которым обмотана витой проволокой. Внизу на рукояти латунная втулка, сверху — фигурная латунная втулка, сверху на ней овальная ступенчатая головка. Гарда образована защитной дужкой, расширяющейся в симметричную чашку с прорезным растительным орнаментом.

Стальные ножны имеют две гайки с кольцами и башмак. Общая длина без ножен 975 мм, длина клинка 825 мм, ширина клинка 28 мм. № 0115/266.

Сабля кавалерийская офицерская. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 15.

Отличается от предыдущего образца несколько иным рисунком прорезного орнамента гарды и наличием накладного изображения российского двуглавого орла с наружной стороны гарды.

Общая длина без ножен 980 мм, длина клинка 828 мм, ширина клинка 30 мм. № 114/561.

Палаш кавалерийский офицерский. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 16.

Клинок прямой, с двумя долями и острием на средней линии. Эфес такой же, как у сабли, изображенной на фото 14. Стальные ножны имеют две гайки с кольцами и башмак. Общая длина без ножен 1065 мм, длина клинка 925 мм, ширина клинка 30 мм. № 0110/39

Палаш кавалерийский офицерский. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 17.

Отличается от предыдущего образца несколько иным рисунком прорезного орнамента гарды и наличием накладного изображения российского двуглавого орла с наружной стороны гарды.

Общая длина без ножен 1075 мм, длина клинка 925 мм, ширина клинка 31 мм. № 109/203.

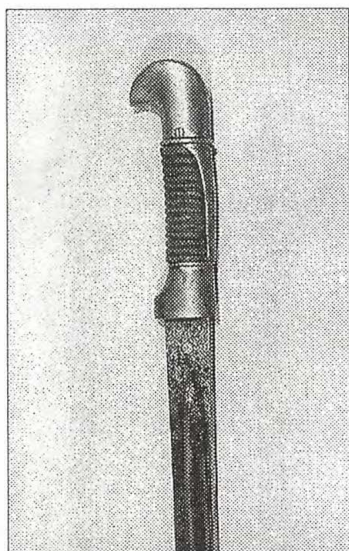

Фото 18.

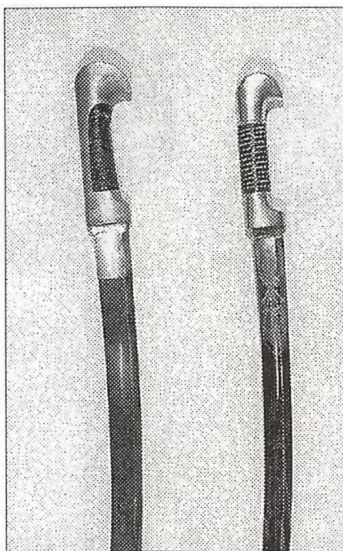

Фото 19.

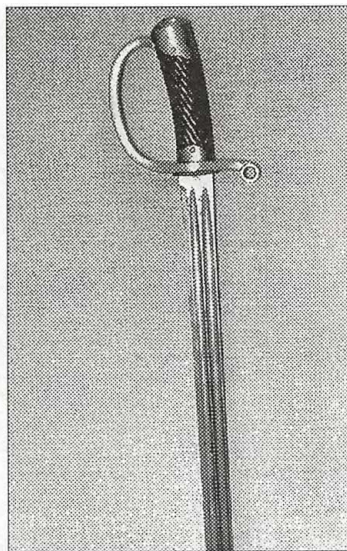

Фото 20.

Шашка казачья. Экспериментальный образец 1874 г. Фото 18.

Клинок незначительной кривизны, с одним долом и острием на средней линии. Эфес состоит только из рукояти и представляет собой как бы соединение эфесов солдатской и офицерской казачьих шашек обр. 1838 г. (фото 19). Головка и втулка отделены от остальной части рукояти небольшими утолщениями, в то же время на спинке рукояти имеется латунная планка.

Ножны этой экспериментальной шашки не сохранились. Общая длина без ножен 980 мм, длина клинка 825 мм, ширина клинка 27 мм. № 117/29.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. рассмотрением новых образцов холодного оружия занялась специально созданная комиссия, которая в 1881 г. одобрила усовершенствованные Горловым к тому времени образцы драгунской и казачьей шашек. Они были приняты на вооружение приказами по военному ведомству № 151 и 222 за 1881 г. Любопытно, что в этих приказах упоминался и кирасирский палаш нового образца. Фактически на вооружение такой палаш не поступал, хотя в очень небольшом количестве был все же изготовлен, очевидно для испытаний.

Палаш кирасирский солдатский. Экспериментальный образец 1881 г. Фото 20.

Клинок прямой, однолезвийный, с двумя долами. Эфес такой же, как у солдатской драгунской шашки обр. 1881 г., и состоит из рукояти с головкой и латунной гарды, образованной защитной дужкой, переходящей в крестовину с загнутым вниз концом, имеющим отверстие для темляка. Деревянная рукоять имеет продольные наклонные желобки. Вверху на рукояти латунная втулка, сверху на ней овальная выпуклая головка.

Деревянные ножны покрыты кожей. Латунный прибор состоит из устья, двух гаек с кольцами и наконечника.

Общая длина без ножен 1155 мм, длина клинка 966 мм, ширина клинка 30 мм. № 109/211.

Через некоторое время после того, как новые шашки обр. 1881 г. стали отправляться в войска, оттуда стали поступать довольно многочисленные жалобы на неудобство в обращении с новым оружием. Объяснялось это в основном непродуманным углом между линией рукояти и линией клинка, из-за чего, по отзывам

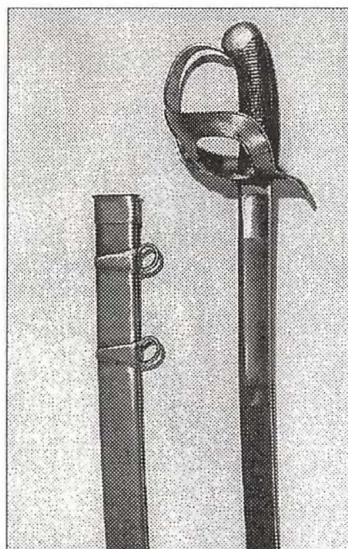

Фото 21.

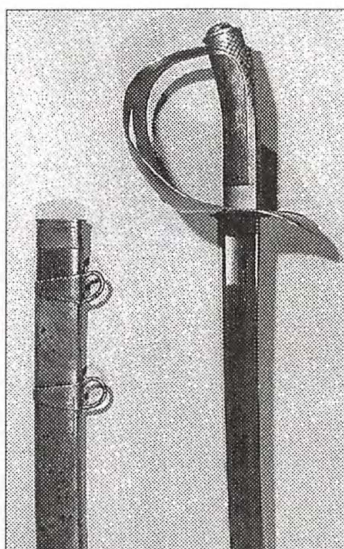

Фото 22.

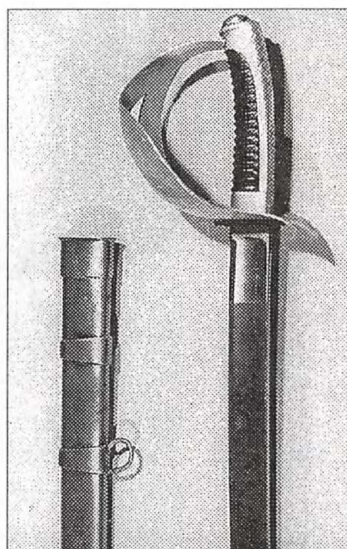

Фото 23.

кавалеристов, новой шашкой нельзя было эффективно ни рубить, ни колоть. Поэтому одновременно с заменой старых образцов холодного оружия новыми шашками продолжались разработки новых образцов кавалерийского оружия как для солдат, так и для офицеров. При этом за основу в ряде случаев брались австрийские и итальянские сабли.

Сабля кавалерийская солдатская. Экспериментальный образец 1896 г. Фото 21.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Эфес состоит из рукояти с головкой и стальной гарды, образованной широкими плоскими дужками — передней и двумя боковыми, а также узкой чашкой. Конеч чашки загнут вниз. Деревянная рукоять имеет поперечные желобки. Внизу на рукояти стальная втулка. Слегка загнутая головка рукояти покрыта стальным колпачком.

Стальные ножны имеют две гайки с неподвижными скобами и башмак. Общая длина без ножен 977 мм, длина клинка 812 мм, ширина клинка 33 мм. № 114/554.

Сабля кавалерийская солдатская. Экспериментальный образец 1899 г. Фото 22.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Эфес состоит из рукояти и стальной гарды, образованной широкими плоскими дужками — передней и боковой, а также узкой чашкой с слегка загнутым вниз концом. Деревянная рукоять имеет гладкую поверхность. Спинку рукояти покрывает стальная планка с шероховатой поверхностью. Внизу на рукояти стальная втулка. В чашке с внутренней стороны имеется прямоугольное отверстие для темляка. Ножны такие же, как у предыдущего образца, но без башмака.

Общая длина без ножен 1015 мм, длина клинка 865 мм, ширина клинка 34 мм. № 114/557.

Сабля кавалерийская солдатская. Экспериментальный образец 1900 г. Фото 23.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Эфес отличается от предыдущего образца более широкой боковой дужкой и наличием желобков на рукояти.

Стальные ножны имеют две гайки с неподвижными скобами и башмак. На верхней гайке скоба находится с внутренней стороны, на нижней — на кромке ножен.

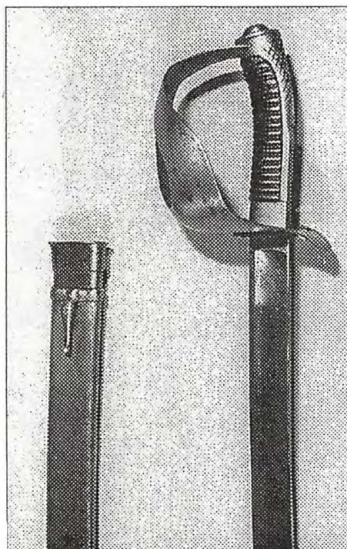

Фото 24.

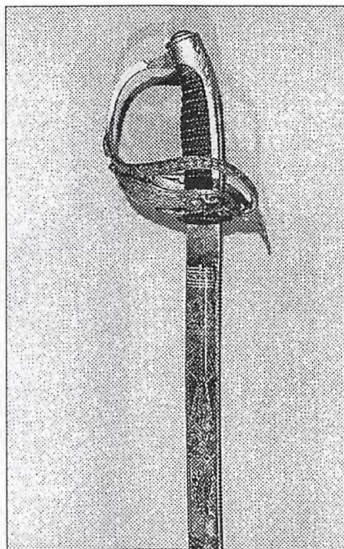

Фото 25.

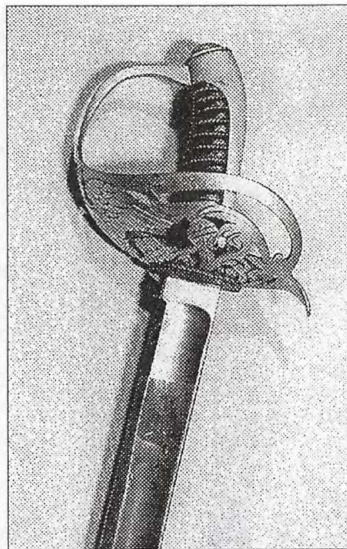

Фото 26.

Общая длина без ножен 1030 мм, длина клинка 868 мм, ширина клинка 34 мм. № 114/558.

Сабля кавалерийская солдатская. Экспериментальный образец 1900 г. Фото 24.

Клинок и эфес такие же, как у предыдущего образца. Стальные ножны имеют одну гайку с крючком и башмак. Общая длина без ножен 1020 мм, длина клинка 860 мм, ширина клинка 31 мм. № 114/555.

Сабля кавалерийская офицерская. Экспериментальный образец 1905 г. Фото 25.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним узким долом вдоль обуха.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды, образованной передней дужкой, четырьмя боковыми (по две с внешней и внутренней стороны) и узкой чашкой с загнутым вниз концом. На гарде имеется накладное изображение российского двуглавого орла. Деревянная рукоять покрыта кожей, имеет поперечные желобки, по которым обмотана витой проволокой. Спинку рукояти покрывает латунная планка. Крайние боковые дужки и верхняя часть планки украшены рельефным орнаментом.

Стальные ножны имеют две гайки с неподвижными скобами и фигурный башмак. На верхней гайке скоба находится с внутренней стороны, на нижней — на кромке ножен.

Общая длина без ножен 1012 мм, длина клинка 863 мм, ширина клинка 28 мм. № 14/564

Сабля кавалерийская офицерская. Экспериментальный образец 1905 г. Фото 26.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Эфес отличается от эфеса предыдущего образца следующим: а) отсутствует рельефный орнамент на дужках и планке; б) изображение орла на гарде не накладное, а прорезное. Ножны и размеры оружия те же, что и у предыдущего образца. № 114/565.

Сабля кавалерийская офицерская. Экспериментальный образец 1905 г. Фото 27.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом и двумя узкими долами. Эфес состоит из рукояти с головкой и латунной гарды. Деревянная рукоять имеет поперечные желобки. Спинку рукояти покрывает латунная планка

Фото 27.

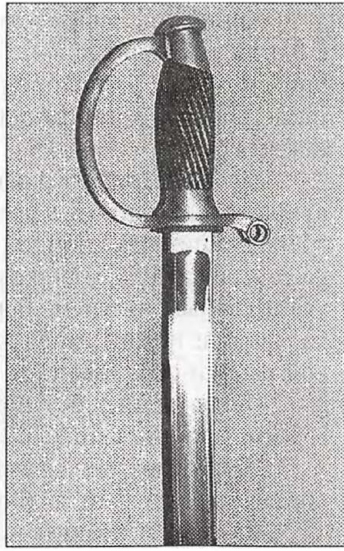

Фото 28.

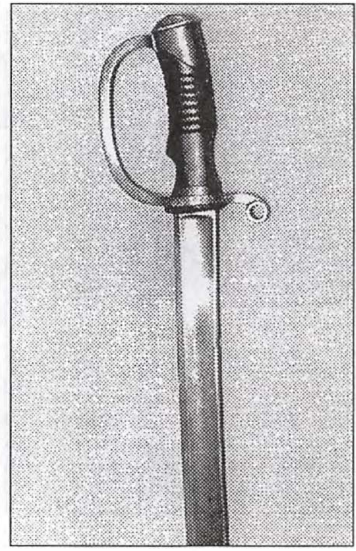

Фото 29.

с шероховатой поверхностью, переходящая в головку, выполненную в виде головы орла. Внизу на рукояти латунная втулка. Гарда образована тремя широкими плоскими дужками, соединяющимися внизу в широкую асимметричную чашку. На внешней поверхности гарды в средней части имеется накладное изображение российского двуглавого орла. С внутренней стороны в чашке имеется небольшое прямоугольное отверстие для темляка.

Стальные ножны имеют две гайки с неподвижными скобами и башмак. Общая длина без ножен 935 мм, длина клинка 785 мм, ширина клинка 30 мм. № 114/568.

Как мы видим, все описанные выше экспериментальные образцы кавалерийских сабель 1896—1905 гг. имели так называемые “бесшумные” ножны с неподвижными скобами (или даже с крючком) вместо подвижных колец, бряцание которых могло например демаскировать передвижение конницы вблизи от позиций противника в ночное время. Однако на вооружение подобные ножны в русской кавалерии так и не были приняты.

Параллельно с разработкой и испытаниями этих новых кавалерийских образцов продолжались попытки усовершенствования драгунской солдатской шашки обр. 1881 г., особенно ее рукояти и клинка. Приведем описания четырех таких вариантов.

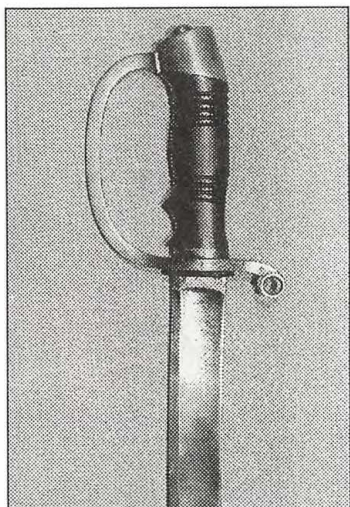
Шашка драгунская солдатская. Экспериментальный образец 1908 г. конструкции штабс-капитана И.П.Пивоварова. Фото 28.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом и узким долом вдоль обуха. Боевой конец двулезвийный.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Прямая деревянная рукоять имеет продольные накладные желобки, в средней части — плавное утолщение. Вверху на рукояти короткая латунная втулка, резко расширяющаяся в овальную выпуклую головку. Внизу на рукояти также латунная втулка. Гарда и ножны такие же, как у солдатской драгунской шашки обр. 1881 г.

Общая длина без ножен 1050 мм, длина клинка 870 мм, ширина клинка 33 мм. № 117/481.

Шашка драгунская солдатская. Экспериментальный образец начала 1910-х гг. Фото 29.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный, причем острие расположено на линии лезвия. Очевидно таким образом предполагалось лучше приспособить клинок для укола.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Деревянная рукоять имеет в средней части 8 поперечных желобков. Внизу на спинке рукояти углубление для большого пальца, а на брюшке рукояти — выступ для обхвата указательным пальцем. Верхняя втулка рукояти, головка, гарда и ножны такие же, как у солдатской драгунской шашки обр. 1881 г.

Общая длина без ножен 1040 мм, длина клинка 855 мм, ширина клинка 32 мм. № 117/500.

Шашка драгунская солдатская. Экспериментальный образец начала 1910 г. Фото 30.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Деревянная рукоять имеет 5 поперечных желобков в верхней части и 4 поперечных желобка в нижней части. Внизу на спинке рукояти углубление для большого пальца, а на брюшке рукояти — выступ для обхвата указательным пальцем. Вверху на рукояти короткая латунная втулка, сверху на ней — выпуклая шляпка стального винта, навинчивающегося на конец хвостовика клинка и скрепляющего эфес. Гарда и ножны такие же, как у солдатской драгунской шашки обр. 1881 г.

Общая длина без ножен 1050 мм, длина клинка 865 мм, ширина клинка 32 мм. № 117/493.

Шашка драгунская солдатская. Экспериментальный образец начала 1910-х гг. Фото 31.

Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный.

Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Деревянная рукоять имеет в верхней части 8 поперечных желобков. На спинке рукояти бороздки по всей длине. В средней и нижней части на брюшке рукояти имеются два небольших утолщения для более удобного обхвата указательным и средним пальцами. Вверху на рукояти

Фото 31.

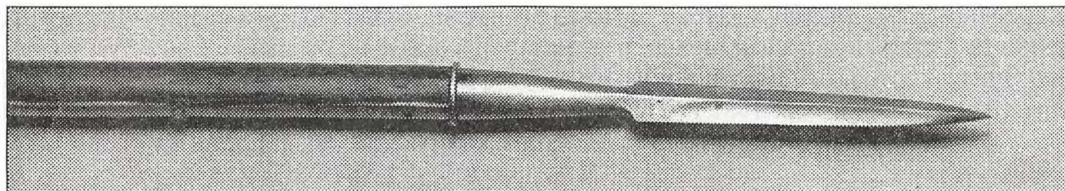

Фото 32.

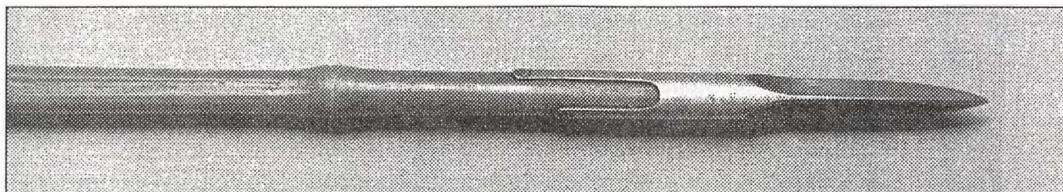
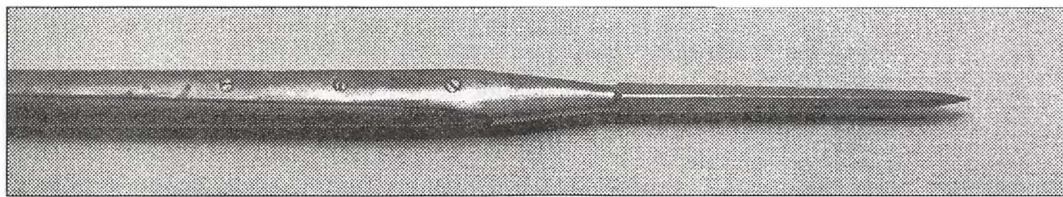

Фото 34.

короткая латунная втулка с плоской верхней частью. Дужка слегка отличается изгибом от уставной обр. 1881 г.

Ножны такие же, как у солдатской драгунской шашки обр. 1881 г. Общая длина без ножен 1060 мм, длина клинка 870 мм, ширина клинка 33 мм. № 117/502.

Этот образец проходил испытания в Офицерской кавалерийской школе.

Наряду с саблями, шашками и палашами в кавалерии испытывались также и различные образцы пик. До начала 1840-х годов даже в одном и том же кавалерийском полку могли использоваться пики, различавшиеся не только размерами, но и формой боевого наконечника. В 1840 г. в целях унификации и совершенствования состоявшихся на вооружении пик генерал-адъютант князь И.В.Васильчиков и генерал от кавалерии Рожнецкий предложили пики своих конструкций, однако эти образцы были признаны неудобными в обращении и предпочтение было отдано пике для тяжелой и легкой кавалерии конструкции генерала от кавалерии А.П.Никитина, утвержденной и принятой на вооружение в 1843 г. (фото 32).

В середине 1850-х гг. вновь был поднят вопрос о кавалерийских пиках. В Образцовом кавалерийском полку был разработан и испытан новый образец пики, который отличался от пики обр. 1843 г. следующим: а) пожилыны боевого наконечника были укорочены; б) под копыцем боевого наконечника имелась стальная круглая пластина, препятствовавшая слишком глубокому проникновению наконечника в поражаемое тело. Тем самым облегчалось высвобождение пики для продолжения боя.

Этот образец был также утвержден в 1855 г., однако императором было приказано “иметь оный в виду на будущее время, не приступая к переделке пик по этому образцу” (Циркуляр Инспекторского Департамента Военного министерства № 49 за 1855 г.).

Во второй половине 1850-х годов были рассмотрены еще несколько конструкций пик: полковника Ганцера (по австрийскому образцу), генерал-адъютанта Бетанкура (пика с косой), генерала от кавалерии барона Офенберга, три варианта пик генерал-адъютанта графа Ф.В.Ридигера. Пики Ганцера и Ридигера даже испытывались в войсках. Надо отметить, что в коллекции музея эти экспериментальные образцы пик выявить, к сожалению, пока не удалось. А на вооружение в 1862 г. была принята другая пика, испытанная в кавалерийских полках в 1860—1861 гг. (фото 33).

В 1890-х годах в гвардейских казачьих частях испытывались 500 пик с бамбуковыми древками и боевыми наконечниками конструкции генерала Хрещатицкого.

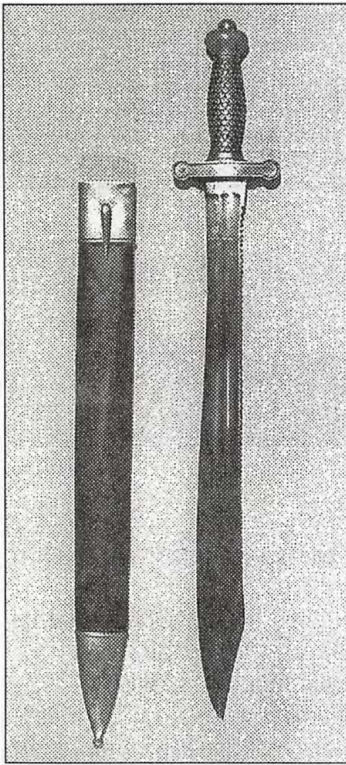

Фото 35.

Пика казачья. Экспериментальный образец 1890-х годов. Фото 34.

Боевой наконечник трехгранный, насажен на древко трубкой с тремя пожилинами. Поверх пожилин предполагалось надевать специальное нагнетательное кольцо.

Древко бамбуковое. Подток конический тупой, с двумя кольцами для крепления ножного ремня.

Общая длина 3100 мм, длина боевого наконечника без пожилин 230 мм, диаметр древка 36 мм, масса 2500 г.

Испытания показали, что бамбуковые древки легче перерубались сабельным ударом, чем деревянные. Кроме того, к тонким стенкам бамбукового древка трудно было надежно прикрепить боевой наконечник и подток.

Образованная в 1897 г. особая комиссия из представителей Главного артиллерийского, Главного интендантского и Главного управления казачьих войск предложила новый вариант казачьей пики с деревянным древком и тем же боевым наконечником генерала Хрещатицкого, одобренным еще в 1891 г. Эта новая пика и была принята на вооружение в 1901 г.

Во время первой мировой войны боевые испытания проходили также кавалерийские пики с приспособлениями для резки проволочных заграждений, однако на вооружение они приняты не были.

Опытные разработки велись не только над кавалерийским оружием, но и над оружием других родов войск. В начале 1830-х годов дирекции Сестрорецкого оружейного завода было поручено выработать новый образец

саперного тесака, взяв за основу французский артиллерийский тесак обр. 1816 г. Такое задание объяснялось тем, что состоявшие на вооружении саперные тесаки обр. 1827 г. не отличались высокой прочностью, нередко ломались при рубке дров или хвороста, а редкие крупные зубцы на обухе затрудняли рубку дерева.

В 1833 г. Сестрорецким заводом была изготовлена небольшая партия (несколько десятков) экспериментальных тесаков, которая была испытана в лейб-гвардии Саперном батальоне.

Тесак саперный солдатский. Экспериментальный образец 1833 г. Фото 35.

Клинок прямой однолезвийный, с одним долом. Имеет плавное расширение в нижней трети. Обух в виде пилы с двумя рядами мелких зубцов (число зубцов 73).

Латунный эфес состоит из рукояти и крестовины. Рукоять чешуйчатая, с утолщением в средней части, скреплена с хвостовиком клинка тремя железными заклепками. Головка рукояти утолщенная, слегка сплюснутая. С лицевой стороны на головке изображен двуглавый орел, с обратной стороны — императорский вензель “Н I”. Массивная прямоугольная крестовина имеет слегка утолщенные закругленные концы.

Деревянные ножны покрыты черной кожей. Латунный прибор состоит из устья с крючком и наконечника.

Общая длина без ножен 680 мм, длина клинка 530 мм, ширина клинка 36 мм (в нижней части 46 мм). № 119/296.

Испытания выявили прочность, легкость и хорошие рубящие качества нового тесака. В 1834 г. этот образец с некоторыми изменениями был утвержден и принят на

вооружение. Изменения заключались в замене чешуйчатой рукояти рукоятью с поперечными желобками, точно такой же, как у принятого на вооружение во французской пехоте незадолго до этого, в 1831 г., нового тесака.

В конце XIX в. в связи с принятием на вооружение полевой артиллерии новых скорострельных орудий возник вопрос о перевооружении прислуги новым холодным оружием. Созданная в 1891 г. при Главном артиллерийском управлении особая комиссия из строевых артиллерийских начальников пришла к заключению, что состоявшие на вооружении нижних чинов артиллерийские (укороченные драгунские) шашки крайне неудобны, так как мешали прислуге в движениях и в то же время не могли служить серьезным оружием для самообороны. Было принято решение изучить образцы холодного оружия, состоявшие на вооружении в артиллерии иностранных армий. При этом наибольшее внимание привлек к себе тесак итальянской артиллерии. В 1900 г. на Златоустовской оружейной фабрике была изготовлена партия экспериментальных артиллерийских тесаков, скопированных с итальянского артиллерийского тесака.

Тесак артиллерийский солдатский. Экспериментальный образец 1900 г. Фото 36.

Клинок прямой двулезвийный ромбического сечения. Латунный эфес состоит из рукояти с головкой и крестовины. Рукоять с утолщением в средней части, имеет 18 поперечных желобков. Головка полукруглая выпуклая. Концы крестовины прямые, слегка утолщенные.

Деревянные ножи покрыты черной кожей. Латунный прибор состоит из устья с крючком и наконечника.

Общая длина без ножен 575 мм (длинный вариант), 515 мм (короткий вариант), длина клинка 445 мм (длинный вариант), 385 мм (короткий вариант), ширина клинка 31 мм (длинный вариант), 29 мм (короткий вариант). № 119/369 (длинный), № 119/364 (короткий).

Отличие русского тесака от итальянского прототипа заключалось лишь в том, что у него заточенные лезвия начинались в 50—60 мм от эфеса, в то время как у итальянского — непосредственно у крестовины.

Было изготовлено 650 экспериментальных тесаков (по 325 длинных и коротких), которые были выданы на испытания в 13 артиллерийских батарей — по 50 единиц в каждую. Одновременно в артиллерийских частях испытывались кинжалы нескольких видов, специальный артиллерийский меч конструкции полковника Перекрестова, а также кривой кинжал-бебут. Именно бебут и был принят в 1908 г. на вооружение нижних чинов пешей артиллерии.

В коллекции музея сохранился такой кинжал, предлагавшийся одним из офицеров Кавказских казачьих войск для вооружения горной артиллерии.

Кинжал артиллерийский. Экспериментальный образец 1908—1910 годов. Фото 37.

Клинок прямой двулезвийный, с четырьмя долами. На правой стороне в верхней части в орнаменте аббревиатура “7-я К.Г.Б.” (очевидно “7-я конно-горная батарея”) и выбито “№ 5”. На левой стороне в орнаменте надпись: “ОРУЖ. ФАБРИКА ГУЗУНОВА”.

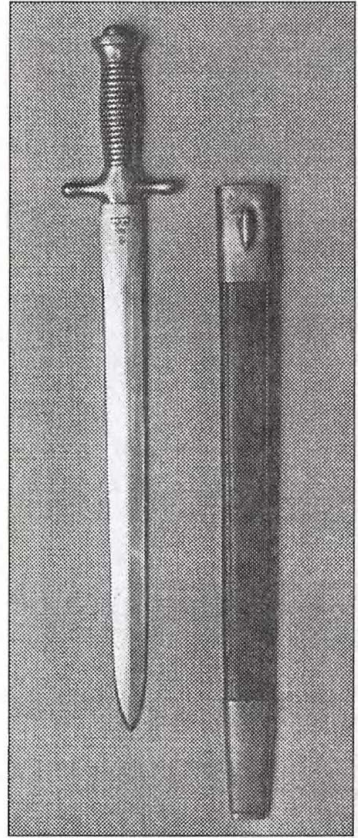

Фото 36.

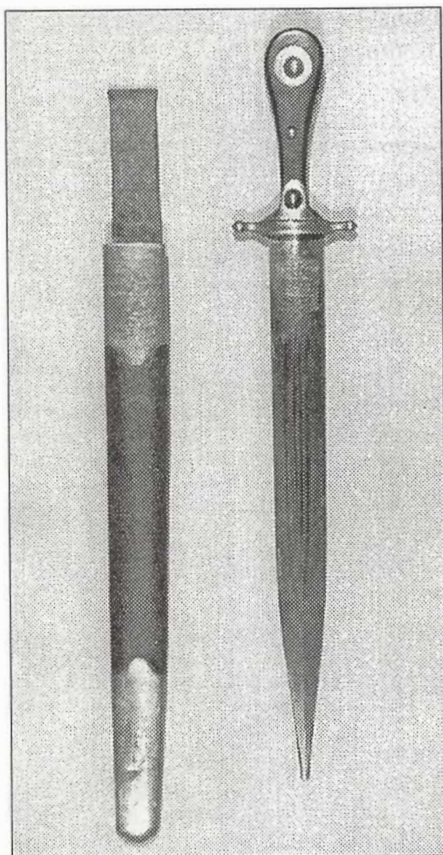

Фото 37.

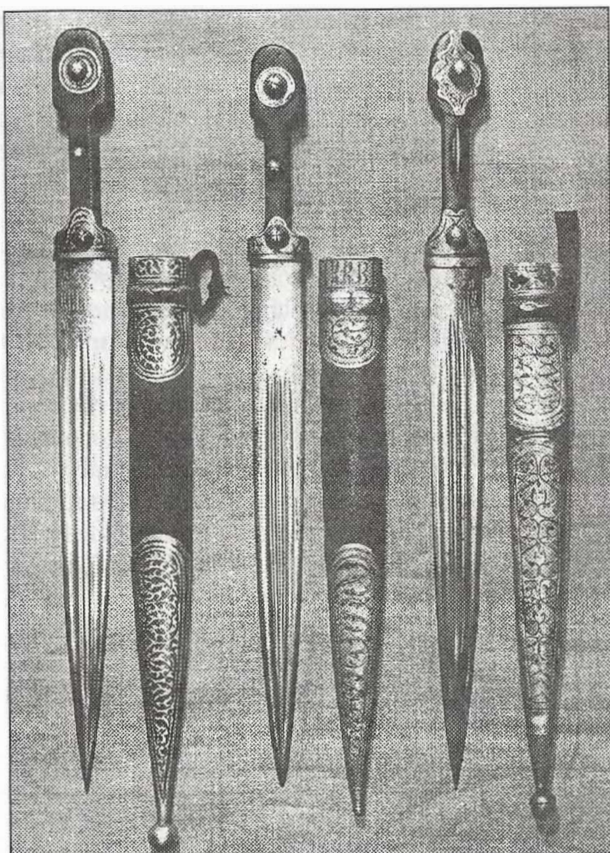

Фото 38.

Эфес состоит из рукояти и прямой латунной крестовины с каплевидными концами. Рукоять образована двумя роговыми щечками, скрепленными с хвостовиком клинка тремя латунными заклепками.

Деревянные ножны покрыты черной кожей. Латунный прибор состоит из устья и наконечника. На устье с внешней стороны надпись: "Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергею Михайловичу изобретатель штабс-капитан Ивановъ".

Общая длина без ножен 490 мм, длина клинка 360 мм, ширина клинка 36 мм. № 119/56.

Как видно из иллюстраций, этот кинжал имел довольно много общего с уставным казачьим кинжалом обр. 1904 г. (фото 38) и произвольными кавказскими кинжалами, в большом количестве использовавшимися в казачьих войсках (фото 39).

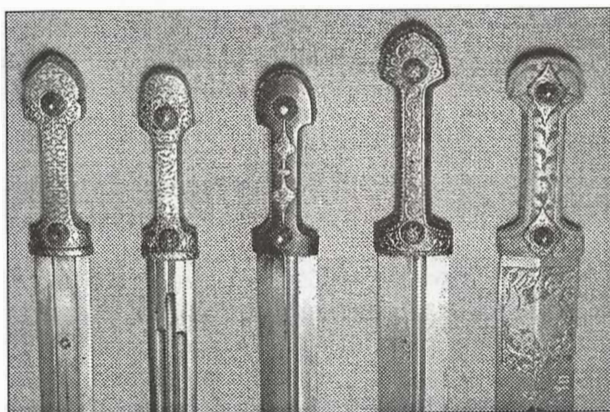

Фото 39.

К сожалению, значительно меньше сведений сохранилось об экспериментальном холодном оружии для флота. В коллекции музея удалось выявить лишь один такой образец.

Сабля морская офицерская. Экспериментальный образец 1827 г. Фото 40.

Клинок искривленный однолезвийный, с одним широким долом. Эфес состоит из рукояти с головкой и латунной гарды. Деревянная рукоять покрыта черной кожей, имеет поперечные желобки, по которым обмотана витой латунной проволокой в три ряда. Спинку рукояти покрывает латунная планка, переходящая в головку с шариком сверху. Внизу на рукояти латунная втулка. Гарда образована защитной дужкой, под прямым углом переходящей в крестовину с загнутым вниз и закругленным концом. От крестовины в средней части с обеих сторон отходят короткие треугольные планки, служащие для удержания клинка в ножнах.

Ножны кожаные черные. Латунный прибор состоит из устья со шпеньком и длинного наконечника.

Общая длина без ножен 955 мм, длина клинка 820 мм, ширина клинка 30 мм. № 111/69.

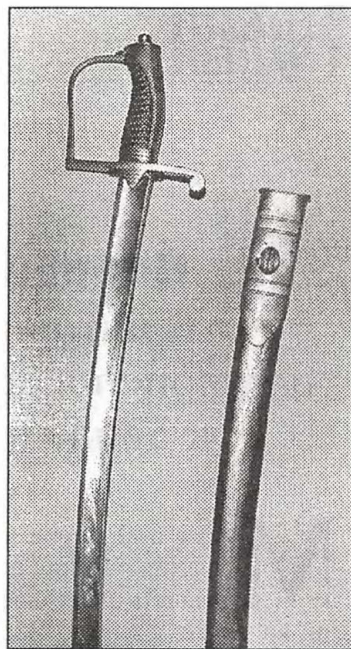

Фото 40.

Примечания

- ¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф.Зр. Оп.9. Ед.хр.10. Л.2—50.
- ² Архив ВИМАИВиВС. Ф.Зр. Оп.9. Ед.хр.9. Л.276—277.
- ³ Архив ВИМАИВиВС. Ф.Зр. Оп.9. Ед.хр.31. Лл.96—98.
- ⁴ Описание образцов ручного огнестрельного и бе-

лого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале. Государственная Публичная Библиотека. Ф.550. IV. № 617; Чертежи к Описанию образцов ручного огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале. Архив ВИМАИВиВС. Ф.57. Оп.1. Ед.хр.38.

Литература

Федоров В.Г. Холодное оружие. СПб., 1905.

Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Ч.1. Л., 1938.

Потоцкий Н. Современное ручное оружие. СПб., 1889.

М.Ф.Хартанович

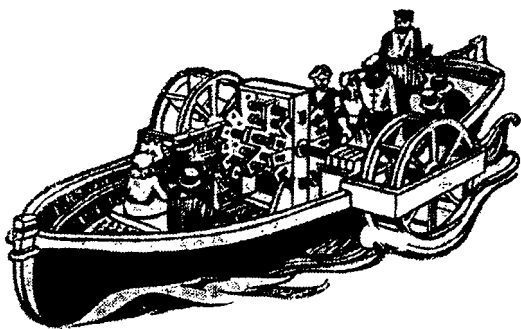
Первый русский электроход

К истории деятельности Комиссии для приспособления электромагнитной силы к движению машин. 1837—1842 гг.

Мысль о создании и совершенствовании электродвигателя возникла после открытия явления электромагнитного вращения¹. Возможность длительно преобразовывать электрическую энергию в механическую привела к лавине изобретений во многих странах. Профессор Дерптского университета и будущий академик императорской Академии наук Борис Семенович Якоби в 1834 г. построил «магнитный аппарат» (электродвигатель Якоби) на принципе вращательного движения. В ноябре 1834 г. он сделал доклад в Парижской Академии наук, а в 1835 г. издал трактат «О применении электромагнетизма для приведения в движение машин» (*Mémoire sur l'application de l'électromagnétisme ou mouvement des machines par M.N.Jakobi. Potsdam, 1835*)².

Академик В.Я.Струве, будучи еще профессором Дерптского университета, хорошо знал Якоби и его работы по электромагнетизму. Их высоко оценил и изобретатель электромагнитного телеграфа член-корреспондент Петербургской Академии наук П.Л.Шиллинг. Ученые обратились к министру финансов Е.Ф.Канкрину с просьбой поддержать изыскания молодого ученого. Е.Ф.Канкрин посоветовал обратиться к министру народного просвещения и гарантировал со своей стороны поддержку. С.С.Уваров встретился с профессором Якоби, обсудил предложение ученого и план мероприятий по созданию моделей и практическому применению электродвигателей на морских судах³.

28 июня 1837 г. министр народного просвещения и президент императорской Академии наук граф С.С.Уваров представил императору Николаю Павловичу доклад

Электроход. 1839 г. Реконструкция.

«О наблюдениях профессора Якоби по части электромагнетизма». «Открытие, или правильнее сказать, приложение новой силы доселе еще неизмеренной, но существенной в своих последствиях, электромагнетизма, — пишет С.С.Уваров, — начинает обращать повсюду на себя особенное внимание и любопытство. Ближайший результат сего приложения был бы замена паровой машины другой, более верной, менее опасной и почти никаких издержек не требующей». Уваров, ссылаясь

на зарубежную печать (французская газета «Quotidienne»), особо подчеркивает успех разработок электродвигателей в Северной Америке. «Между тем, — продолжает министр, — представляется случай в недрах Государства подвинуть значительно вперед столь занимательную и важную теорию»⁴.

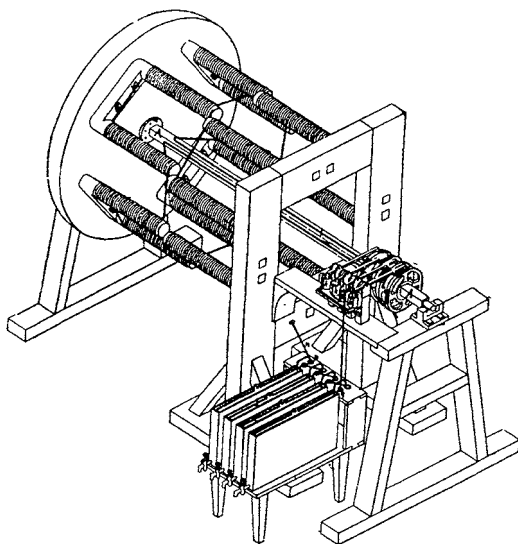
Получив согласие императора на организацию временного комитета, Уваров приглашает в Петербург профессора Якоби для работы по созданию приборов электрохода. Общая сумма затрат на существование подобного учреждения, по мнению министра, не превышала бы 50 тысяч рублей.

Уже 30 июня Уваров направляет письмо адмиралу И.Ф.Крузенштерну (будущему председателю или, как это официально звучало, — старшему члену) с сообщением о высочайшем соизволении на «составление особого Комитета из Вашего Превосходительства [т.е. И.Ф.Крузенштерна. — М.Х.], неперменного секретаря императорской Академии наук Фуса, академиков Ленца, Остроградского и Купфера, действительного статского советника барона Шиллинга фон Канштада⁵, корпуса горных инженеров полковника Соболевского и одного корабельного инженера по назначению начальника Главного Морского штаба, с тем, чтобы сей Комитет, по предварительном рассмотрении наблюдений и планов профессора Якоби, составил полный проект о произведении предполагаемых опытов с приложением сего нового рычага к ботику соразмерной величины и потом представил свой план для доклада Его Величеству»⁶. От Главного Морского штаба 20 июля был назначен корпуса корабельных инженеров капитан С.А.Бурачек.

На первом заседании Комиссии 9 июля Якоби представил модель машины, приводимой в движение «посредством электромагнитной силы». Убедившись в том, что «наступила пора к употреблению всех усилий для практического приспособления сего нового двигателя», подбадриваемые тем, что «во всех просвещенных государствах внимание устремлено на приспособление электромагнитной силы к судоходству»⁷, члены Комиссии представили министру смету расходов, в которой главное место занимала единовременная ежегодная дотация в 34750 рублей и ежемесячная — в 1200 рублей.

27 июля 1837 г. в Комиссию поступило уведомление обер-прокурора Святейшего Синода графа Протасова в том, что «Его императорское величество изволил изъявить высочайшее свое согласие на отпуск в распоряжение Комиссии начисленных по сметам 34750 рублей единовременно и по 1200 рублей ежемесячно, на время производства опытов»⁸.

В начале сентября Комиссия обратилась к директору Колпинского и Александровского заводов генерал-лейтенанту Вильсону с просьбой выполнить заказ профессора Якоби. В заказ вошли «24 шпиаутерных листа длиной в 2 фута и шириной в 1 фут, а толщиной в 2 линии; 4 шпиаутерных листа длиной в 3 фута, шириной в 9 футов и толщиной в 1/8; 100 кружков в диаметре 7, толщиной в 1/8; 200 дощечек длиной в 9 и шириной в 8 футов, а толщиной в 1/8 дюймов»⁹.

Магнитный аппарат из восьми стержней, расположенных симметрично на подвижном диске (машина Якоби).

Граф С.С.Уваров — министр народного просвещения и президент Академии наук.

Идея создания практического электродвигателя захватила многих ученых того времени. Так, из протоколов Комиссии явствует, что проблемами прикладного решения в этой области активно занимаются европейские исследователи: «министр народного просвещения извещает, что по донесению ординарного профессора Казанского университета Елагича, находившегося в Праге в сентябре с.г. на Конгрессе немецких ученых, ...внимание всех присутствующих было особенно обращено на донесение Венского профессора Етинсгаусена о вновь изобретенной им электромагнитной машине, имеющей чрезвычайную силу и особенно важной для физики и химии. Машину сего профессора Елагич заказал в Вене, для Казанского университета, за 255 гульденов. Положено: уведомить министра народного просвещения,

что Комиссия по предварительным описаниям находит, что машина Етинсгаусена не превосходит машину Кларка, которую Комиссия имеет»¹⁰.

К лету 1838 г. генерал-интендантом Морского министерства было выделено для Комиссии 8-весельное легкой постройки судно. На судне установлены попеременно две машины различного устройства, причем «в машине большего размера замечены некоторые недостатки, машина же среднего размера оказалась в действии более удовлетворительною и подала надежду, что этот новый рычаг может быть с достаточным успехом приложен к вышеозначенному судну»¹¹.

Первые испытания электродвигателя вселили большую надежду. Члены комиссии в течение лета 1838 г. совершали плавание на электроходе не только по каналам, но и по самой Неве, даже против течения.

7 ноября 1838 г. на заседании Комиссии Б.С.Якоби сделал доклад с отчетом о проделанной работе. Подчеркивая тот факт, что проблема «приложения электромагнетизма к движению гребного судна решена, потому что гребное 10-весельное судно несколько дней сряду по несколько часов ходило не только по каналам, даже и по Неве противу течения при тихой погоде, но скорость его движения в тихой воде была только от 2 до 3 футов в секунду и по опытам, сделанным... Ленцем сила машины бывшей на шлюбке не превышает 1/4 лошади и как причину этой незначительности силы преимущественно приписать должно новости дела и различным несовершенствам как в гальванической батарее, так и в самом составе машины»¹², Якоби предложил в течение зимы устранить все недостатки, собрать машину более мощную и продолжить опыты в следующее лето. Комиссия приняла предложение Якоби, оговорив следующее условие: «ежели опыты в будущем году не будут удачны, то тогда полагает считать свое поручение выполненным». При этом Комиссия оставалась совершенно убежденной, что «принесла большую пользу уже тем, что многие законы электромагнетизма открыты ею и поведут к важным в науке усовершенствованиям»¹³.

Итак, до намеченной цели было еще далеко. Главным недостатком электрохода была малая мощность и высокая стоимость применяемого для электродвигателя материала — в ход пошла даже платина. Выявился ряд дефектов как в самом двигателе, так

и в генераторе, главным из которых стала громоздкость. Нужно было увеличивать мощность машины, тогда только представлялось возможным говорить о преимуществах электродвигателя перед паровым. Решено было продолжать работу Комиссии в 1839 г. Император не оставлял надежды на высокие результаты опытов. В письме С.С.Уварова к И.Ф.Крузенштерну от 13 декабря 1838 г. есть следующие строки: «Донесение Комиссии... от 26 ноября я имел счастье всеподданнейше представить в подлиннике на высочайшее благоусмотрение Государя Императора... В 10-й день сего Декабря на всеподданнейшей докладной записке моей последовала собственноручная Его Величества резолюция: “Опыты необходимо продолжать с должным тщанием”»¹⁴.

На заседании Комиссии от 18 мая 1839 г. Якоби сообщил, что замена медных пластинок на платиновые при той же силе приводит к уменьшению объема механизма до 18 раз. Генерал-лейтенант Вильсон, присутствовавший на заседании, предложил списаться с английскими строителями «железных судов», и по их ответу решить — заказывать ли железное судно в Англии или выстроить новое деревянное здесь¹⁵. Однако успех новых разработок зависел и от финансовой поддержки государства. Об экономических трудностях Комиссии свидетельствует ответ министра народного просвещения на просьбу адмирала Крузенштерна о дополнительных ассигнованиях для постройки нового судна: «В представлении от 31 мая Ваше Превосходительство изъявляет, что Комиссия находит теперь, что оставшиеся от высочайше дарованной ей суммы деньги не будут достаточны, и потому представляет об исходатайствовании и отпуске в ее распоряжение еще 10 тысяч рублей. В донесении Комиссии о действиях своих в прошлом году она признавала, что оставшиеся у нея 6 тысяч рублей будут достаточны для окончательных опытов; и т.к. это донесение доведено было до высочайшего Его Величества сведения, то я, как лично объяснял вашему превосходительству, полагаю, что прежде испрашивания новых сумм, надлежит приступить к тем опытам, которые Комиссия намеривается производить на прежнем гребном судне; по успешном выполнении оных, удобнее будет ходатайствовать об отпуске денег и для опытов в большем размере. Равномерно, нахожу я затруднительным просить для Комиссии столь значительное количество платины, каково то, о котором ваше превосходительство представил мне от 19 мая. Усматривая из донесения Комиссии, что при действии снаряда убыль цинка очень незначительна, я покорнейше прошу ваше превосходительство, для предварительных соображений моих, сообщить мне, можно ли будет ожидать, что и расход платины будет також маловажен, и что количество, полученное от министерства финансов, можно будет возвратить оному. Уваров»¹⁶.

24 июня император дает свое разрешение на выдачу Комиссии одного пуда очищенной платины для замены цинковых пластинок платиновыми. Департамент горных

Академик Б.С.Якоби.

*Почетный член Академии наук
адмирал И. Ф. Крузенштерн.*

стантин Николаевич и С.С.Уваров. Опыты Якоби получили благоприятный отклик во всем ученом мире. М.Фарадей прислал Якоби восторженное письмо: «Я душевнейшим образом желаю, чтобы Ваши большие труды получили высокую награду, которую они заслуживают. Как подумаю только об электромагнитной машине на Great Western или British Queen и отправке в плавание по Атлантическому океану или даже в Ост-Индию! Какое это было бы славное дело!»¹⁸.

21 августа 1839 г. император Николай Павлович дал разрешение на финансирование Комиссии и дополнительный отпуск 18500 рублей к прежним ежемесячным отпускам 1200 рублей до 30 июня 1840 г.¹⁹

Весной 1840 г. И.Ф.Крузенштерн, находя, что старое судно тяжело в ходу, предложил из сумм Комиссии построить новое судно. С кондуктором Яковом Суловым был заключен контракт, по которому надо было «выстроить по данному членом Комиссии г. Бурачком чертежу катер длиною 35 футов, 11 дюймов, сосновый с дубовым набором, железным креплением, с проложенными по пазам обшивки нитками на белилах, с окрашиванием за два раза масляной краскою; постройку катера по всем правилам шлюпочного дела чисто окончить к 1 мая; по доставлении катера на пристань установить на нем сосновую площадку на трех кильснях под машину, полки под батарею, балки под водяные колеса и каусухи с употреблением ...дельного железа до 5 пудов. [...] За все это Комиссия должна заплатить 300 рублей серебром»²⁰. 7 мая Комиссия приняла новое судно. 8 июня был готов новый электродвигатель, собранный IV отделением Вольно-экономического общества.

Летом 1840 г. Б.С.Якоби находился в Англии на съезде Британской ассоциации естествоиспытателей и в Германии, а опыты в Петербурге проводил академик Ленц. На заседании Комиссии 21 августа Ленц отметил, что опыты «не имели надлежащего успеха».

и соляных дел сделал распоряжение о приготовлении в лаборатории пуда очищенной платины под расписку и возвратить по окончании опытов этот металл в том же количестве¹⁷.

Летом 1839 г. Якоби действительно удалось усовершенствовать свой двигатель, значительно упростив конструкцию гальванических батарей. Он поставил на прежнее судно новую батарею с платиновыми пластинами, которая заняла не более 1/6 места прежней батарее. Скорость судна увеличилась в несколько раз — на том же гребном судне, с 11-ю человеками на борту удалось достигнуть скорости 4-х верст в час. Фус предложил увеличить число машин на одном и том же судне (3—4 прибора), чтобы узнать: во сколько увеличится мощность в зависимости от числа машин. Эти опыты предполагалось проводить в следующем году.

8 августа состоялось публичное испытание электрохода, в котором принимали участие глава флота великий князь Кон-

«При всем блеске достижений того времени, — пишет М.И.Радовский, — наиболее дальновидным умам, и в первую очередь Якоби, было ясно, что все это — только частные вопросы, и о новой промышленной эре речь может идти только в том случае, если будет решена проблема электрического генератора и электрического двигателя»²¹. Ученый понимал, что на данном этапе электродвигатели в судоходстве не могли быть широко использованы. Сомнения усилились, и вскоре перед Комиссией встал вопрос о целесообразности дальнейшей деятельности.

С июня по сентябрь 1841 г. электрород проходил испытания на Малой Невке у Петровского острова. Опыты показали, что все усилия к усовершенствованию двигателя, т.е. увеличения его скорости, привели к незначительным результатам. На заседании Комиссии 16 сентября 1841 г. И.Ф.Крузенштерн высказал свои сомнения относительно возможности увеличения мощности электродвигателя «имея уже истощение всех средств». Все члены Комиссии, кроме Якоби, поддержали председателя. Адмирал Крузенштерн в записке министру народного просвещения от 4 декабря 1841 г. ознакомил с решением членов Комиссии о прекращении ее действий, «не лишая, впрочем, себя надежды возобновить свои действия ежели будут сделаны открытия, могущие послужить к усовершенствованию приложения электромагнетизма к движению судов»²².

С.С.Уваров довел решение Комиссии до сведения императора. Однако Николай Павлович приказал продолжить финансирование опытов адъюнкта Якоби — 500 рублей серебром одновременно и по 600 рублей ежемесячно в течение 1842 г. «Желательно, — сообщает решение императора С.С.Уваров, — чтобы Комиссия оставалась в прежних отношениях к г. Якоби», то есть продолжала свою деятельность²³.

Надежды высшего руководства на возможный успех исследований, проводимых комиссией, не оправдались. 28 ноября 1842 г. академик Якоби отчитывался перед членами комиссии о проделанной в этом году работе. Председатель Комиссии отметил, что «электромагнитная машина малого размера, которую Комиссия... предложила ему устроить, еще не совсем кончена и г. Якоби [в течение года. — М.Х.] не производил предполагаемых опытов. И что вообще занятия г. Якоби относились более к другим предметам, а не к вопросу, предложенному Комиссией. Вследствие этого Комиссия признала дальнейшее участие свое в занятиях г. Якоби излишним и положила прекратить временно свои действия»²⁴. На этот раз решение государя было твердым: работу Комиссии прекратить, а дальнейшие изыскания академика Якоби, выполнявшего заказы других ведомств, в частности лично для великого князя Михаила Павловича, «отпускать из тех ведомств, которые ему поручения делают»²⁵.

В 1843 г. И.Ф.Крузенштерн занимался передачей в государственные ведомства имущества Комиссии. Прежде всего надо было вернуть пуд платины на Петербургский Монетный двор: 8 фунтов 26 золотников 19 долей было возвращено сразу, а 20 фунтов 70 золотников 60 долей выплавлялись из приборов. 6 мая 1843 г. Адмиралтейство приняло для хранения в Новой Голландии 1 электрородный катер с цепью, замком и крышкой; 2 руля с железным румпелем; 6 весел; 2 багра и пр.²⁶, а протоколы заседаний Комиссии и переписка поступили в Архив Академии наук.

Академик Якоби в течение своей жизни продолжал работу над совершенствованием электродвигателей и, несмотря на все трудности, связанные с теорией и дорогостоящей приборостроением, никогда не сомневался в целесообразности проводимых исследований. «На одном пункте, — писал он, — необходимо стоять твердо и неуклонно — я имею в виду дальнейшее развитие науки. Дайте нам только время»²⁷.

Примечания

- ¹ М.Фарадей в своем трактате «О некоторых новых электромагнитных движениях и о теории магнетизма» (1821) показал, что проводник имеет стремление вращаться вокруг магнитного полюса, а полюс — вокруг проводника. См.: *Радовский М.И.* Борис Семенович Якоби. М.; Л., 1949. С.12.
- ² Электродвигатель в его историческом развитии. Документы и материалы / Сост. Д.В.Ефимов и М.И.Радовский. М.; Л., 1936. С.148—209.
- ³ *Радовский М.И.* Указ. соч. С.24.
- ⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф.44. Оп.1. Д.1. Л.8.
- ⁵ Павел Львович Шиллинг — изобретатель электрической мины, умер 25 июля 1837 г. См.: *Рубан Ю.И.* Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга // *Новый Часовой*. 1996. № 4. С.115—120.
- ⁶ ПФА РАН. Ф.44. Оп.1. Д.1. Л.5.
- ⁷ Там же. Л.28.
- ⁸ Там же. Л.31.
- ⁹ Там же. Л.49.
- ¹⁰ Там же. Д.8.—8об.
- ¹¹ Там же. Л.13.
- ¹² Там же. Д.8. Л.19.
- ¹³ Там же. Л.19об.
- ¹⁴ Там же. Д.2. Л.25.
- ¹⁵ Там же. Д.8. Л.25.
- ¹⁶ Там же. Д.3. Л.2.
- ¹⁷ Там же. Л.5.
- ¹⁸ Цит. по: *Радовский М.И.* Указ. соч. С.37.
- ¹⁹ ПФА РАН. Ф.44. Оп.1. Д.8. Л.32.
- ²⁰ Там же. Л.35об.
- ²¹ *Радовский М.И.* Указ. соч. С.38.
- ²² ПФА РАН. Ф.44. Оп.1. Д.5. Л.27.
- ²³ Там же. Д.6. Л.2.
- ²⁴ Там же. Д.8. Л.59.
- ²⁵ Там же. Д.6. Л.18.
- ²⁶ Там же. Д.7. Л.4.
- ²⁷ Цит. по: *Радовский М.И.* Указ. соч. С.42.

А.Б.Николаев

Памяти друга и ученого: научные публикации Олега Александровича Поливанова

26 июля 1997 года трагически оборвалась жизнь Олега Александровича Поливанова. Невозможно поверить, что его уже нет среди нас. Трудно подобрать слова, чтобы передать всю горечь утраты. Ушел из жизни талантливый историк и друг.

С Олегом Александровичем мы познакомились во время учебы на 1 курсе исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена, куда мы поступили в 1979 г. Постепенно сложилась дружеская компания, которая не была разрушена и тем, что вскоре стали образовываться семьи. Олег оказался первым из нас, кто обзавелся собственной квартирой. Теперь мы часто стали собираться у Поливановых. В однокомнатной “хрущобе” бывало народа больше, чем квартира могла вместить. Но в те веселые студенческие годы на тесноту обращали внимания мало. Одним из развлечений (тогда запретным!) было создание рукописного студенческого журнала с небезобидным названием “Дети подземелья”. Некоторые номера этого журнала родились на поливановской кухне. Последний номер “Детей подземелья” мы сделали уже после окончания института во времена “перестройки”.

Однако ни студенческие пирушки, ни материальные тяготы семейной жизни не отвлекали нас от главной идеи — получить как можно больше знаний. Во время учебы Олег для многих был примером. Учился он на “отлично”, что было отмечено Ленинской стипендией. В нашей компании, где было модно хорошо учиться, Олег оказался первым и сумел, как мы тогда говорили, “получить самую повышенную стипендию”.

Олег был коммуникабельным человеком и практически всегда мог найти точки соприкосновения с самыми разными людьми. В то же время подружиться с ним было трудно, а вот дружить легко. Даже те, кого он никогда не называл друзьями, ценили его качества. Смелый и уверенный, оптимистичный и защищенный, он был твердой опорой семье, друзьям и знакомым. На его помощь всегда было можно рассчитывать в тяжелую минуту. Олег Александрович был прекрасным собеседником за праздничным столом и в обыденной жизни.

После окончания в 1984 г. ЛГПИ им. А.И.Герцена Олег отслужил в армии. В 1986 г. он поступил в очную аспирантуру ЛГПИ по кафедре истории СССР, которую окончил досрочно. Затем преподавательская работа, успешно сочетаемая с административной. Олег Александрович был заместителем декана факультета социальных наук. Студенты высоко ценили его как прекрасного лектора и любили за человечность. Формалистом и бюрократом он так и не стал, но по отзывам администрации факультета прекрасно справлялся со своими обязанностями. Олег Александрович зарекомендовал себя и как исследователь. Его научные заслуги были отмечены стипендией Президента РФ для молодых талантливых ученых. Высоко ценили способности Олега Александровича его научный руководитель и заведующий кафедрой русской истории В.И.Старцев. Об этом говорит и тот факт, что именно его Старцев пригласил в соредакторы сборника статей о революции 1917 года (см. список публикаций, 18.2).

Олег Александрович всегда мечтал работать в “большом университете”. Когда представилась возможность, он перешел на кафедру лингвострановедения СПбГУ. Однако и после этого он поддерживал хорошие отношения с бывшими коллегами — часто появлялся на факультете, принимал участие в конференциях, которые проводила кафедра русской истории. Он не собирался порывать с “альма-матер” и в дальнейшем, связывая с РГПУ им. А.И.Герцена реализацию ряда учебно-методических и научных проектов. Судьба распорядилась так, что его не стало. Но осталась наша память и его научные труды.

Жизнь историка воплощена в его публикациях. Научные интересы Олега Александровича были связаны в основном с проблемами российского парламентаризма в 1917 году. Из 33 работ 20 посвящены именно данной теме. В рамках изучения российского парламентаризма О.А.Поливанов главное внимание уделял Советам. Уже в первой своей опубликованной статье (1.1.) Олег Александрович показал себя как внимательный и вдумчивый исследователь. Рассмотрев вопрос об изложении в трудах советских историков хода заседаний ЦИК Советов I-го созыва, он пришел к сенсационным выводам. Выяснилось, что в советской исторической науке ряд заседаний ЦИК был охарактеризован односторонне — только с точки зрения принятия им антибольшевистских резолюций, а некоторые — вообще обойдены вниманием. Среди последних — два торжественных заседания: 1-е, от 7 июля, “когда лидеры ЦИК и представители войск, прибывших с фронта для подавления революционных выступлений, пели в адрес друг друга дифирамбы”; 2-е, от 26 августа, “посвященное полугодовщине революции, на котором эсеро-меньшевистские лидеры превозносили свою роль в революции” (1.1. С.159).

Кандидатская диссертация по истории ЦИК Советов I-го созыва, защищенная Олегом Александровичем досрочно, получила высокие оценки оппонентов и специалистов. Все признавали ее новизну, которая состояла в том, что автор диссертации впервые дал полную картину “парламентской деятельности” ЦИК, выявил и проанализировал те из заседаний ЦИК Советов, которые не были отражены в советской исторической науке. Не менее важным достижением работы был факт реконструкции механизма создания и функционирования ЦИК, уточнение его партийного состава и подробного рассмотрения ряда других принципиальных вопросов истории этого “парламентского” органа. Несколько позднее А.И.Разгон — один из крупнейших специалистов по истории Советов — говорил, что диссертация Олега Александровича стала настоящим прорывом после 25 лет молчания в исторической науке. Особенно Разгон отмечал успех диссертанта в показе взаимодействия политических партий, инструментом которого был ЦИК Советов.

После защиты диссертации Олег не дал себе ни минуты отдыха. Он продолжал работать над историей Советов, принимал участие в научных конференциях. Так, на

конференции, проходившей 14—16 ноября 1991 г. в г.Калинине, он выступил с сообщением “Первый съезд Советов и образование ЦИК” (3.1). На конференции были весьма известные историки — специалисты по истории Советов и революции 1917 года. Сообщение, сделанное Олегом Александровичем, привлекло к нему внимание ряда участников, среди которых были Б.Д.Гальперина, В.И.Миллер и др. Интерес к выступлению и самому исследователю вызывался тем, что Олег поднял важную проблему. Он попытался разобраться в давнишнем споре о том, “являются ли Советы органами власти или общественными организациями”. Выводы, которые сделал автор заставляли несколько иначе взглянуть на Советы в 1917 г.

Укажем, что взгляды и суждения Олега Александровича по вопросам истории ЦИК вызвали противодействие со стороны официальной заидеологизированной исторической науки. В 1989 г. он предложил журналу “Вопросы истории” для публикации свою статью “ЦИК Советов в политическом кризисе накануне Великого Октября”. 9 марта того же года она была принята редакцией. И только через три года с большим трудом, преодолевая препоны цензуры, она была опубликована под названием “ЦИК Советов накануне Петроградского вооруженного восстания” (см. 4.1.). Прележав в издательском портфеле журнала “Вопросы истории” столь длительный срок, она не утратила своей научной значимости. Опубликование ее стало возможным только после краха советской системы. Многие выводы статьи были новы для отечественной историографии. Но с точки зрения дальнейшего изучения проблемы развития российского парламентаризма в революционный период наиболее значимым выводом ее была мысль о том, что идя на Демократическое совещание, лидеры ЦИК Советов стремились использовать его не только в качестве подмены Учредительного собрания, но и похоронить центральную советскую организацию. Именно отсюда затем последует суждение о некоторых особенностях становления и характерных чертах российского предпарламентаризма.

Блестящая защита кандидатской диссертации навела Олега Александровича на мысль об издании монографии по истории ЦИК. В 1989 г. он обратился в некоторые крупнейшие издательства с предложением опубликовать книгу “Советы и власть”. Конечно, в ответ пришли отписки. 3 апреля 1990 г. из редакции исторической литературы “Политиздата” Олег Александрович получил письмо, в котором сообщалось следующее: “Предлагаемая Вами тема “Советы и власть” уже значится не только в наших планах, но и нашла свое отражение в книгах, находящихся уже в производстве. Так, в конце 1990 г. ожидается выход семитомника Н.Н.Суханова “Записки о революции”, где деятельность ЦИК Советов прослеживается день за днем; идет работа над рукописью А.Я.Сливы “Ленинская концепция Советов”, с Институтом истории СССР прорабатывается перспектива выпуска документальных сборников по истории Советов. Поэтому не можем принять Ваше предложение”. Более мягкий отказ пришел из издательства “Мысль”. Таким образом, московские историки Октябрьской революции сумели отстоять свою монополию на трактовку истории Советов, а отечественная историческая наука не получила интереснейшей работы о ЦИК Советов. Заметим, что и до сегодняшнего дня нет ни одного монографического исследования, посвященного истории ЦИК Советов I-го созыва.

С 1991 г. Олег Александрович начал рассматривать проблему российского парламентаризма не только через историю Советов, а значительно шире. Он не раз сам позднее признавал, что большую роль в таком осознании парламентского развития России в 1917 году сыграл “круглый стол” историков, проходивший в Архангельске 4—5 сентября 1991 г. Научное общение за “круглым столом” заставило нас несколько иначе взглянуть на историю развития российского парламентаризма. Уже в Архангель-

ске были намечены контуры будущих совместных исследований данной темы. Вернувшись в Ленинград, мы приступили к подготовке нашей первой статьи о парламентаризме.

Новизна подхода состояла в том, что при рассмотрении проблем российского парламентаризма образца 1917 года был использован факторальный анализ, а само развитие рассматривалось как многолинейное. Первые итоги научной разработки темы были доложены 19 января 1993 г. на симпозиуме “Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды” в совместном докладе “Российский парламентаризм в 1917 г.” Он был зачитан Олегом Александровичем и вызвал оживленные прения. Большинство участников симпозиума высоко оценило качество доклада. Заметим, что О.А.Поливанов был превосходным рассказчиком, умел логично и доказательно строить свои выступления. Именно с этого симпозиума наши совместные доклады на конференциях зачитывал Олег Александрович.

За первым успехом на поприще изучения парламентаризма последовали неудачи. 7 июля 1993 г. редакция журнала “Отечественная история” отказалась напечатать нашу совместную статью “Из истории российского парламентаризма в 1917 г.”, сославшись, в частности, на то, что в работе отсутствует “упоминание о В.И.Ленине и его концепции государственного строительства, поскольку именно он явился одним из главных действующих лиц рассматриваемой эпохи”. Были и другие замечания. Но мы поняли их как попытку заставить нас вернуться к ленинской методологии в ущерб реальным фактам многолинейного развития российского парламентаризма. Именно поэтому мы не пошли на компромисс, предложенный редакцией. Суть его состояла в возможности рекомендации статьи к публикации “при условии реализации высказанных редколлегией соображений”. И если в данном случае были соблюдены все формальности, присущие нормальным отношениям авторов и редакции журнала, то иногда мы наблюдали и оказывались жертвами совершенно невозможного поведения. Речь идет о 1994 г., когда мы, рассчитывая получить финансирование для реализации совместного проекта, связанного с историей российского парламентаризма, обратились в фонд “Культурная инициатива”. Однако фонд даже не удосужился оповестить нас о том, что проект не получил поддержки. Таким образом, приходилось рассчитывать на собственные средства и искать для публикации неангажированные журналы. Олег Александрович предложил нашу статью в журнал “Кентавр”. Редактировал ее В.И.Миллер (21.5). К сожалению, поблагодарить Виктора Иосифовича за помощь, оказанную при подготовке статьи к печати, мы не успели. Олег, отвечавший за связь с Москвой, узнал, что Миллер умер, и сумел по телефону только высказать слова соболезнования родным.

Последняя наша публикация связана с международной конференцией по истории Февральской революции (33.6). Конференция проходила в Москве 4—5 февраля 1997 г. Доклад, посвященный проблеме организации власти в феврале—марте 1917 г., вызвал оживленные прения. При подведении итогов академик П.В.Волобуев дал докладу высокую оценку, сравнив его с трудами известных историков И.И.Минца и В.И.Старцева.

Научные интересы Олега Александровича не ограничивались только проблемами российского парламентаризма. Он увлекался написанием биографических очерков видных деятелей нашей Родины (9.4; 25.3). К сожалению, не все они были опубликованы. В столе автора осталась лежать статья о Николае II, А.Блоке и некоторые другие работы по ряду сюжетов истории России начала XX века. Надеемся, что все они будут напечатаны в ближайшее время и список научных трудов, публикуемых ниже, пополнится. Это то, что мы — его друзья и коллеги — можем и должны сделать.

1987

1.1. Хроника заседаний ЦИК Советов первого созыва и новейшая советская историческая литература // Политическая борьба в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: Межвузовский сборник научных трудов. Л.: Ленингр. гос. педаг. ин-т им. А.И.Герцена, 1987. С.150—160.

1988

2.1. Вопрос о власти на заседаниях ЦИК Советов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов в дни борьбы с корниловщиной / Ленингр. гос. педаг. ин-т. Л., 1987. 33 с. — Депонировано в ИНИОН АН СССР № 32575 от 26.01.88 (Библиографическое описание: Новая советская литература по общественным наукам: История, Археология, Этнография. — 1988. — № 6. С.45.)

1991

3.1. Первый съезд Советов и образование ЦИК // Общественные организации в политической системе России в 1917 г. Мат. конф. М.: Твер. гос. ун-т, 1991. С.44—52.

1992

4.1. ЦИК Советов накануне Петроградского вооруженного восстания // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С.168—171;

5.2. Психология русской эмиграции (наблюдения над материалами) // Из истории российской эмиграции: Сб. науч. ст. СПб.: Третья Россия, 1992. С.21—23.

1993

6.1. Российский парламентаризм в 1917 году // Новые подходы и взгляды: Сб. ст. СПб.: Третья Россия, 1993. С.22—32. (В соавторстве с А.Б.Николаевым);

7.2. К вопросу о российском парламентаризме в 1917 году // Российская государственность: этапы становления и развития: Тез. и мат. науч. конф. Кострома, 1993. Ч. III. С.3—7. (В соавторстве с А.Б.Николаевым);

8.3. Список членов ВЦИК, избранных на 1-м Всероссийском съезде Советов РСД // Политические деятели России 1917 год: Биограф. словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С.375—377;

9.4. Александр Иванович Гучков // История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. Брянск: Грани, 1993. Вып.3. С.65—74.

1994

10.1. “Звездная палата” в ЦИК Советов первого созыва // Россия в 1997 году. Новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. СПб.: Третья Россия, 1994. Вып.2. С.9—12.

11.2. Парламентаризм как фактор советского менталитета // Советский менталитет: источники и тенденции развития (социальный и педагогический аспекты): Мат. межвуз. конф. Армавир: Армавир. гос. педаг. ин-т, 1994. [Вып.1]. С.41—43. (В соавторстве с А.Б.Николаевым);

12.3. [Выступление в прениях] // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. [Международный коллоквиум, 11—15 января 1993 г.]*. СПб.: Глагол, 1994. С.162—163;

13.4. ЦИК Советов I-го созыва как форма политического взаимодействия социалистических партий // *Научная республиканская конференция “Политические партии. История. Современность”*. Орел: [Орл. гос. педаг. ин-т], 1994. С.185—187;

14.5. Крестьянство и парламентаризм в 1917 году // *Крестьянство и власти в России в 1917—1994 гг. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Ростов-н/Д: Логос, 1994. С.5—7. (В соавторстве с А.Б.Николаевым)*;

15.6. Парламентская элита России в 1912—1917 гг. // *Из глубины времен. [Альманах]*. СПб.: С.-Петербург. гос. университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, 1994. № 3. С.57—66. (В соавторстве с А.Б.Николаевым).

16.7. Россия в 1900—1917 годы // *Барабанов В.В., Николаев И.М., Поливанов О.А., Рожков Б.Г. Русская история: Пособие для поступающих в вузы*. СПб.: Образование. С.104—137.

1995

17.1. *Новый Часовой: Русский военно-исторический журнал*. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 1995. № 3. 237 с. (Член редакционного совета); научное редактирование.

18.2. *Революция 1917 года в России*. Сб. науч. ст. СПб.: Третья Россия, 1995. С.182. (совместно с В.И.Старцевым); научное редактирование.

19.3. От редакции // Там же. С.3—4. (В соавторстве с В.И.Старцевым);

20.4. *Комиссары Петроградского Совета в феврале—марте 1917 г.* // Там же. С.21—26;

21.5. *Российский парламентаризм в 1917 г.* // *Кентавр: Историко-политологический журнал*. 1995. № 2. Март—апрель. С.72—86. М.: Феникс. (В соавторстве с А.Б.Николаевым);

22.6. К вопросу о составляющих советского менталитета: советские представления о парламенте // *Советский менталитет: проблемы методологии исследования: Тез. докл. междууз. науч. конф. Армавир: Армавир. гос. педаг. ин-т, 1995. С.35—38. (В соавторстве с А.Б.Николаевым)*.

1996

23.1. *Эволюция российского парламентаризма в 1917 году // История парламентаризма в России: Препринт тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию открытия I-й Государственной Думы России. 25—26 апреля 1996 г. Санкт-Петербург / Секция 3. Революция 1917 года и судьба российского парламентаризма. [СПб.]: Издание науч. общ. историков и архивистов, [1996]. С.207—209. (В соавторстве с А.Б.Николаевым)*;

24.2. *Новый Часовой: Русский военно-исторический журнал*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. № 4. 288 с. (Член редакционной коллегии); научное редактирование.

25.3. *Один из организаторов корниловщины (А.И.Гучков) // История России в портретах. В 2 т. Смоленск: Русич; Брянск: Киев, 1996. Т.2. С.71—88*;

26.4. *Источники по истории Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета I созыва // Исследования источников по истории революции 1917 года. Сб. науч. ст. СПб.: Третья Россия, 1996. С.320—37*;

27.5. *Эволюция российского парламентаризма в 1917 году // История парламен-*

таризма в России (к 90-летию I Государственной Думы): Сб. науч. ст. СПб.: Минерва, 1996. Ч.II. С.21—23. (В соавторстве с А.Б.Николаевым).

1997

28.1. Новый Часовой: Русский военно-исторический журнал. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. № 5. 403 с. (Член редакционной коллегии); научное редактирование.

29.2. Рецензия (рукопись) на кн.: Марсово поле: Санкт-Петербургский военно-исторический сборник. СПб.: Третья Россия, 1997. Вып.II;

30.3. Программа курса “Страноведение: Россия”: Для иностранных учащихся. СПб.: СПб. гос. ун-т, 1997. 9 с. (В соавторстве с А.Б.Николаевым);

31.4. Россия в 1900-1917 годы // Барабанов В.В., Николаев И.М., Поливанов О.А., Рожков Б.Г. История Отечества: Пособие для абитуриентов. 2-е изд., испр. СПб.: Образование, 1997. С.104—137;

32.5. Раздел I [История России: 1917 — начало 20-х гг.] // Поливанов О.А., Рожков Б.Г. Отечественная история 1917—1945. Учебное пособие для абитуриентов и студентов гуманитарных факультетов педагогических вузов. СПб., 1997. С.3—68;

33.6. К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т российск. истории РАН, 1997. С.131—144. (В соавторстве с А.Б.Николаевым).

Из архива В.С.Дякина

Энциклопедические статьи

Продолжая публикацию материалов из архива В.С.Дякина в 6-м номере “Нового Часового”, редколлегия журнала решила поместить еще не известные читателям статьи ученого о Государственной думе Российской империи, специально подготовленные им в середине 1980-х гг. для энциклопедии “Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград”. Энциклопедия эта вышла из печати в 1992 г., однако статей В.С.Дякина там не было; не значился он и в качестве рецензента названного издания. (См.: Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. Энциклопедический справочник.[М.], 1992. С.686).

Данное обстоятельство объясняется тем, что В.С.Дякин был категорически не согласен с внесенной в его статьи редакторской правкой, почему и попросил издательство вернуть весь блок подготовленных им материалов. 12 июня 1987 г. ответственный секретарь редколлегии энциклопедии “Ленинград” (как она тогда называлась) В.Канатов исполнил убедительную просьбу ученого, известив его о возвращении всех ранее подготовленных для энциклопедии статей. Среди них были не только статьи о Думе, но также материалы о концерне Сименса, о партиях октябристов, кадетов, о прогрессивном блоке, черносотенцах, прогрессистах, о П.А.Столыпине и некоторые другие.

Несмотря на то, что и перечисленные выше работы несомненно вызвали бы глубокую заинтересованность наших читателей, мы все-таки решили начать публикацию энциклопедических статей ученого именно “с думских материалов” — ведь в прошлом 1996 г. отмечалось 70-летие создания первого русского парламента, а в нынешнем 1997 г. исполняется 70 лет со времени завершения работ последней в императорской России (четвертой по счету) Государственной думы. Считаем, что на фоне названных юбилеев и в период становления новой “думской государственности” постсоветской России публикуемые материалы будут благожелательно встречены всеми, кто интересуется исторической проблематикой.

Государственная дума (нижняя палата) — вместе с Государственным советом (верхняя палата) — высший орган законодательной власти в России с 1906 г. Создана под давлением революции 1905 г. Избирательный закон 10 дек. 1905 г. предоставил крестьянам большинство выборщиков в Г.д., поскольку царизм еще сохранял веру в их поддержку. Однако в избранных по этому закону 1-й (разогнана 8.VII.1906) и 2-й (разогнана 3.VI.1907) большинство составляли депутаты либеральной оппозиции и революционного лагеря. Избирательный закон 3 июня 1907 г. превратил Г.д. в орган поместного дворянства и верхов буржуазии при перевесе первого. В 3-й (1907—1912) и

4-й (1912—1917) Г.д. подавляющая часть депутатов являлась членами помещичьих и буржуазных партий, составлявших право-октябристское или октябристско-кадетское большинство. Умеренно буржуазные законы, принятые октябристско-кадетским большинством, были отвергнуты Г. советом и царем.

Сфера компетенции Г.д. была уже, чем у европейских парламентов, а правительство не было ответственно перед Г.д. Тем не менее факт существования Г.д. означал значительные перемены в системе государственного управления, а сама она обнаружила тенденцию вживания в общий механизм управления страной благодаря заинтересованности буржуазии и дворянства в ее использовании для давления на правительство и благодаря необходимости для последнего апеллировать к Г.д. по соображениям внешнеполитического свойства и из-за групповой борьбы в верхах. Реакционная часть дворянства и Николай II, напротив, стремились превратить Г.д. в совещательный орган. Последняя попытка Николая отнять у Г.д. законодательные права была предпринята накануне Первой мировой войны.

Государственная дума в России

Вплоть до 1905 г. Россия оставалась единственной в Европе страной с неограниченной монархией, в которой вся власть была сосредоточена в одних руках, а законы разрабатывались разными бюрократическими учреждениями, состав которых назначался царем.

Только в 1905 г. революция вынудила самодержавие пойти на создание представительного органа, выбираемого населением — Государственной думы. В манифесте 17 октября 1905 г. было обещано, что впредь ни один закон не будет принят без одобрения Государственной думы. Но после поражения Декабрьских вооруженных восстаний 1905 г. монархия снова почувствовала почву под ногами и начала постепенно отказываться от своих обещаний. В феврале 1906 г. старый совещательный орган — Государственный совет, существовавший с 1801 г., был преобразован в верхнюю законодательную палату. Половина его членов избиралась, в основном, помещиками и дворянами, а половина назначалась царем. Государственный совет, всегда более реакционный по составу, чем Дума, имел право отвергать принятые ею законы, если они были неуютны окружению царя и поместному дворянству. Затем “Основные государственные законы”, опубликованные 24 апреля 1906 г., отняли у Думы право вмешиваться в управление армией и флотом, во внешнюю политику и, главное, сохранили порядок, при котором министры были ответственны только перед царем. Царю было предоставлено также право издавать, прервав заседания Думы, чрезвычайные указы по вопросам, входящим в сферу ее компетенции. Такими чрезвычайными указами были проведены карательные законы 1906—1907 гг. (в том числе закон о военно-полевых судах) и столыпинская земельная реформа (только летом 1910 г. утвержденная Думой).

Такой строй, когда вся власть управления сохраняется за монархом, а законодательная делится между ним и выборным представительным органом, называется дуалистической монархией. Существование дуалистической монархии свидетельствует всегда о незавершенности буржуазной революции, когда правящая династия и поместное дворянство уже не могут обойтись без представительных учреждений, а буржуазия еще не в силах добиться передачи этим учреждениям всей полноты власти.

В России превращение неограниченной монархии в дуалистическую означало некоторый шаг вперед в приспособлении ее государственного строя к уже господствовавшим в стране капиталистическим отношениям. Важнейшим правом Думы было утверждение ею бюджета страны, хотя и здесь Основные законы предоставляли правительству ряд обходных путей. Необходимость проведения законов через Думу и

Государственный совет до известной степени ограничивала власть царя и правительства, заставляла больше считаться с мнением буржуазии и помещиков. Дума могла помешать принятию нежелательного ей закона, но не имела возможности заставить министров разработать закон, который она считала необходимым. Роль Думы в жизни страны определялась также тем, что с ее трибуны представители помещичьих партий, поддерживавшие основные принципы политики самодержавия, резко критиковали методы проведения этой политики, а либералы уговаривали его предотвратить новую революцию путем проведения более последовательных буржуазных реформ. Для критики монархии и для пропаганды своих взглядов думскую трибуну использовали и представители революционных партий.

Право избирать в Думу имели только мужчины, достигшие 25 лет. Студенты и военнослужащие были лишены права голоса, независимо от возраста. Выборы в Думу были многоступенчатыми. Окончательное избрание депутатов проходило на губернских съездах выборщиков, предварительно отобранных на уездных собраниях землевладельцев, представителей крестьян и городского населения. Прямые выборы депутатов проводились только в крупных городах, к участию в них допускались лишь несколько процентов населения.

При составлении избирательного закона 11 декабря 1905 г. бюрократия понадеялась на монархические иллюзии “серого мужика” и решила предоставить крестьянам почти половину мест выборщиков в губернских съездах. Но русское крестьянство развеяло надежды министров, выбрав в I Думу (27 апреля — 8 июля 1906 г., председатель С.А.Муромцев, кадет) представителей оппозиционных правительству партий. Большевики первоначально решили бойкотировать выборы в Думу, считая возможным новое вооруженное восстание против царизма в ближайшем будущем. Когда стало ясно, что революция идет на убыль, большевики стали использовать и думские формы борьбы. Важнейшим вопросом, обсуждавшимся в I Думе, был вопрос о земле. Крестьянские депутаты, объединившиеся во фракцию трудовиков, выдвинули проект ликвидации помещичьего землевладения. Правительство испугалось широкого обсуждения аграрного вопроса и 8 июля распустило I Думу. Однако во II Думе (20 февраля — 3 июня 1907 г., председатель Ф.А.Головин, кадет) представительство левых партий увеличилось, достигнув 43%.

Воспользовавшись спадом революции, власть 3 июня 1907 г. совершила государственный переворот. Социал-демократические депутаты II Думы были арестованы по ложному обвинению. Дума была распущена, и был издан новый избирательный закон, усиливавший позиции помещиков и крупной буржуазии. Избирательный закон так резко сокращал представительство в Думе от рабочих, крестьян и национальных окраин, что сам автор его — Товарищ министра внутренних дел С.Е.Крыжановский — назвал закон “бесстыжим”. Губернские съезды были отданы в руки помещиков, получивших право посылать на них 50,2% выборщиков. Хотя за крестьянами и представителями городов закреплялось определенное число депутатов от каждой губернии, избрание этих депутатов зависело от согласия помещичьих выборщиков (только в 7 городах были сохранены прямые выборы). В 7 губерниях полагалось избирать по одному депутату от рабочих из числа их выборщиков. Так как рабочие посылали на губернские съезды только членов революционных партий, помещичьему большинству съездов приходилось, скрепя сердце, выбирать в Думу большевиков. Однако 6 депутатов от рабочих и немногие социал-демократы и трудовики, избравшиеся в Думу от Сибири, Закавказья, Литвы и северо-востока Европейской России, составляли в III и IV Думах заведомое меньшинство, не соответствовавшее численности трудящихся, которых они представляли. Выборы помещичьих и буржуазных кандидатов проходили в узком кругу уездных собраний землевладельцев (в среднем по 30 человек на уезд) и

I-й городской курии — по 100 человек на город. Окончательное избирание депутатов проходило, как уже отмечалось, в губернских съездах (в среднем 100 выборщиков на губернию), где большинство помещиков было тесно связано между собой участием в дворянских собраниях, земстве и т.п. Соотношение разных группировок среди них (часто не по политическому, а по семейному или клановому признаку) определяло победу той или иной помещичье-буржуазной партии.

В III Думе (1 ноября 1907 г. — 9 июня 1912 г., председатели Н.А.Хомяков, А.И.Гучков, М.В.Родзянко, все — октябристы) сложились два помещичье-буржуазных большинства: право-октябристское (правые во главе с А.А.Бобринским, националисты во главе с П.Н.Балашовым и октябристы во главе с А.И.Гучковым) и октябристско-кадетское (октябристы, прогрессисты во главе с И.Н.Ефремовым и кадеты во главе с П.Н.Милюковым). Правые отказались поддержать реформы местного управления и самоуправления и местного суда, которые, по замыслу правительства Столыпина, должны были привести систему власти на местах в соответствие с существованием Государственной думы в центре и учесть усиление позиций зажиточного крестьянства в деревне в результате столыпинской земельной реформы. Они выступили также против утверждения Думой реформ, уже проведенных в годы революции чрезвычайными указами (отмена сословного неравенства крестьян, снятие некоторых ограничений с неправославных). Эти реформы были проведены через Думу октябристско-кадетским большинством (с либеральными поправками), но затем либо провалены Государственным советом, либо отвергнуты царем.

IV Дума (15 ноября 1912 г. — 27 февраля 1917 г., председатель М.В.Родзянко) заседала в условиях начавшегося революционного подъема и Первой мировой войны. В предвоенные годы страх перед надвигающейся революцией вынуждал не только либеральную оппозицию, но также октябристов и националистов настаивать на проведении реформ, которые, как они надеялись, могли бы предотвратить беспорядки. При этом октябристы и националисты имели в виду совсем кушые реформы, направленные на увеличение власти помещиков и буржуазии в местном самоуправлении. Либералы, хотя и говорили о необходимости более широкого круга буржуазных реформ (включая введение политических свобод), признавали, что без поддержки народных масс у них нет сил заставить самодержавие пойти на уступки, а такой поддержки они боялись больше, чем реакции. В IV Думе чаще, чем в III, образовывалось октябристско-кадетское большинство. Это отражало углубление кризиса верхов, но не давало возможности “мирного”, эволюционного выхода из предреволюционного кризиса. Одновременно крайне правые и сам Николай II считали, что наилучшим способом борьбы против революции является открытое наступление на все завоевания 1905 г., и, в частности, требовали лишить Думу законодательных прав.

С началом Мировой войны обе социал-демократические фракции в Думе (большевики и меньшевики) выступили с осуждением империалистической войны, впрочем меньшевики вскоре перешли на позиции оборончества.

Помещичье-буржуазные партии заявили сначала о полной поддержке правительства. Но поражение русской армии в 1915 г. вскрыло неспособность царской России выиграть войну. Это привело к образованию в Думе так называемого “прогрессивного блока” (от кадетов до левых националистов), к которому примкнуло и значительное число членов Государственного совета. “Прогрессивный блок” требовал создания правительства, “пользующегося доверием Думы”, в которое вошли бы и более гибкие и дельные министры старого кабинета, и лидеры помещичье-буржуазных партий. Создание блока означало, что в условиях военных поражений буржуазия требует для себя большей, чем прежде, доли при дележе власти в стране.

Восстание в Петрограде в феврале 1917 г. заставило лидеров блока пойти на создание Временного Комитета Государственной думы во главе с Родзянко. Считая себя единственной законной властью в столице, Временный Комитет вел 27 февраля — 3 марта переговоры с правительством и с Николаем II, находившимся сначала в Ставке (в Могилеве), а затем в Пскове. Временный Комитет хотел сохранить трон для царя при условии создания “ответственного министерства”, а затем отстоять монархию, передав престол сыну царя или его брату. В то же время телеграмма Временного Комитета 28 февраля о взятии им власти способствовала распространению революции в других районах России, а заявления Родзянко, утверждавшего, что он является хозяином положения в Петрограде, ускорили решение военных предложить Николаю II отречься от престола. 1 марта в результате переговоров Временного Комитета и Совета рабочих и солдатских депутатов (в котором в этот момент большинство принадлежало меньшевикам и эсерам), было создано первое Временное правительство. В основном оно состояло из лидеров “прогрессивного блока” и близких к ним политиков.

После создания Временного правительства бывшие члены Государственной думы образовали “частное совещание”, стремившееся сохранить влияние на ход событий в стране. В последний раз “частное совещание” состоялось в августе 1917 г.

Из архива В.Г.Бортневского

Материалы по истории русской эмиграции в архивах США

Находящиеся в американских архивах документы русской эмиграции представляют интерес для исследователей, специализирующихся в области изучения Российской империи, революционного и контрреволюционного движений, Русского Зарубежья. Пути поступления этих материалов были различны: это и целенаправленный поиск через представителей в различных странах, и случайные, бесцельные покупки, и великодушные пожертвования владельцев. В результате различные по значимости коллекции эмигрантского происхождения имеются во всех штатах и в большинстве городов США, ими располагают почти все университеты и колледжи, многие федеральные, штатные, муниципальные учреждения, благотворительные фонды, промышленные и финансовые корпорации.

Документальные собрания, имеющие эмигрантские материалы, можно условно разделить на три группы.

К первой из них относятся архивы государственных учреждений США, крупных университетов и научных центров, располагающие необходимыми условиями для хранения и профессиональной обработки материалов, их научного использования исследователями.

Во вторую группу входят различные эмигрантские национально-культурные, общественные, профессиональные, религиозные организации, состояние архивов которых определяется их текущим финансовым положением, приоритетными направлениями уставной и программной деятельности.

И наконец, третью группу составляют архивные коллекции, находящиеся в частной собственности отдельных лиц или семейств.

В распоряжении исследователей-русистов имеется несколько опубликованных справочников-путеводителей по американским документальным собраниям¹. Моя задача — дать обзор важнейших коллекций, которые содержат ценные материалы для изучения истории русской эмиграции между двумя мировыми войнами, поделиться накопленным опытом работы с этими документами.

Из государственных учреждений, имеющих соответствующие коллекции, следует остановиться на Национальном Архиве (National Archives) и Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Manuscript Division, Library of Congress). В первом хранятся документы Службы иммиграции и натурализации (NS) с разнообразными биографическими сведениями о прибывавших в страну лицах, условиях их жизни, получении американского гражданства. Немалый интерес для историка эмиграции представляют также фонды Государственного департамента и различных его структур. В Библиотеке Конгресса на-

ходятся коллекции многих американских дипломатов, военных и военно-морских атташе, различные личные фонды. Так, в собрании Марка Бристоля — документы о русских беженцах в Средиземноморье начала 1920-х гг., деятельности Главного Командования Русской Армии генерала Врангеля. Коллекция Б.Л.Бразоля, известного монархического политического деятеля и ученого-лингвиста (64 архивных коробки), состоит из множества материалов о русских правых и монархических организациях в Америке, о Великом Князе Кирилле Владимировиче и его окружении, попытках объединения сил на антибольшевистской основе. Обращают на себя внимание собрания видных деятелей русской культуры и науки: писателя В.В.Набокова (15 кор. с черновиками многих произведений и обширной перепиской), авиаконструктора И.И.Сикорского, физика С.Тимошенко, а также первого губернатора Закарпатской Руси Григория Затковича.

Основной массив эмигрантских документов сосредоточен, однако, не в государственных учреждениях, а в коллекциях крупнейших научных и учебных центров, из которых наибольшую значимость представляют Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (Калифорния) и Бахметьевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Гуверовский институт вот уже более 75 лет (с момента своего основания в 1919 г.) ведет систематическую работу по выявлению и приобретению архивных материалов, их подробному описанию, каталогизации, созданию исследователям максимально удобных условий для работы. Отдельные коллекции по разнообразию тематики и количеству представленных документов сами представляют собой как бы самостоятельные целостные исторические архивы.

Особое внимание исследователей всегда привлекает гигантская коллекция Б.И.Николаевского, известного меньшевика, историка и собирателя документов. Она состоит из 811 коробок, а также многих фотопленок и звуковых кассет. В ней представлены уникальные сведения практически обо всех важнейших событиях и политических деятелях нашего века. В 1989 г. был издан объемистый путеводитель-справочник по этой коллекции².

Из материалов эмигрантской истории в собрании Б.И.Николаевского следует отметить коллекции меньшевика Р.А.Абрамовича и редакции “Социалистического Вестника” (27 кор.), редакции газеты “Последние новости” и ее сотрудника Н.П.Вакара (19 кор.), Ю.Ф.Семенова и газеты “Возрождение”, материалы об евразийцах, эмигрантах-масонах, о работе чекистов в эмигрантской среде, подборки документов о расселении русских и украинцев в зарубежье, бумаги Н.И.Берберовой, В.Л.Бурцева, С.П.Мельгунова, С.Г.Сватикова, В.И.Чернова, И.А.Бунина и др. Многие документы собрания Б.И.Николаевского были опубликованы (точнее — перепечатаны) в виде отдельных книг зарубежными и российскими издательствами, однако ввиду низкого академического уровня этих публикаций они имеют лишь информативно-ориентировочное значение и никак не могут заменить непосредственную работу исследователей с архивными материалами.

Четыре коллекции Гуверовского архива (П.Н.Врангеля, М.Д.Врангель, П.Б.Струве и Г.П.Струве) в настоящее время микрофильмируются для передачи в Москву по договору с Главным Архивным Управлением России.

Коллекция барона П.Н.Врангеля (168 кор.) была полностью открыта для исследователей в начале 1980-х гг. и несколько лет назад подробно описана³. Из материалов по истории эмиграции особое значение имеет секретная переписка генерала Врангеля 1920-х гг. с его представителями в различных странах, крупными политическими деятелями и близкими соратниками, обширный массив источников об эвакуации и расселении Русской Армии в Турции, Сербии и Болгарии⁴.

Баронесса М.Д.Врангель, мать Белого вождя, посвятила многие годы своей жизни на чужбине собиранию коллекции документов и печатных изданий, по коим будущий историк мог бы воссоздать Русское Зарубежье. “Живая летопись живых” — так назвала баронесса свое начинание. После объявления в эмигрантской печати материалы стали поступать к ней почти со всего мира. Переданная в Гуверовский архив коллекция (59 кор.) состоит из подборок 1920—1930-х гг. по таким темам, как армия, флот, авиация, военные организации, церковь, ученые, студенты, торгово-промышленники, музыка, театр, балет, спорт и т.д. Особый интерес представляют автобиографические материалы, присланные баронессе после ее непосредственного обращения многими известными в русской эмиграции лицами. В их числе 79 высших чинов армии и флота, 32 казачьих военачальника, 92 ученых (включая Д.Д.Гримма, И.А.Ильина, П.Б.Струве, П.Е.Ковалевского), 45 общественных деятелей (в том числе — Н.И.Астров, Н.Н.Чебышев, В.В.Шульгин, А.В.Тыркова-Вильямс) и более 100 деятелей литературы и искусства, среди которых — А.В.Амфитеатров, И.С.Шмелев, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, С.В.Рахманинов, К.А.Сомов и др.⁵

В коллекции П.Б.Струве (45 кор.) впечатляет его гигантская переписка (более 700 адресатов), различные материалы по изданию газет “Возрождение” и “Россия”, документы по подготовке и проведению Русского Зарубежного съезда 1926 г. Коллекция Г.П.Струве (181 кор.) как во многом дополняет собранное отцом, так имеет и самостоятельное научное значение.

В фондах Гуверовского института находятся материалы о самых разных аспектах истории русской эмиграции в межвоенный период. Это и документы военных агентов, военных представителей Главнокомандующего Русской Армии, начальников отделов РОВС (генералов Е.К.Миллера, А.С.Лукомского, П.А.Кусонского, А.П.Архангельского, Б.В.Геруа, Д.Г.Щербачева, С.Н.Потоцкого, А.А. фон Лампе, М.П.Подтягина, полковника В.И.Базаревича), и посольские архивы в США (474 кор.) и Франции (37 кор.), и собрание М.Н.Гирса, возглавлявшего Совещание послов (53 кор.).

В фонде С.Н.Палеолога широко представлена деятельность эмигрантских организаций и жизнь русских в Югославии (53 кор.), В.Д.Пастухова (71 кор.), И.И.Серебрянникова и Н.И.Миролюбова — в Китае, Д.П.Першина — в Монголии, Д.Д.Гримма — в Финляндии, М.В.Вишняка и А.С.Ландсена — в США, Е.И.Муравьевой — во Франции. Коллекции В.А.Маклакова и С.Д.Боткина помимо многих документов русских организаций во Франции и Германии содержат интереснейшую политическую и личную переписку фондообразователей. В коллекциях Великой Княгини Ксении Александровны и Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны — документы о представителях Дома Романовых в изгнании. В собраниях С.П.Мельгунова, С.Л.Войцеховского, Б.В.Прянишникова, В.Л.Бурцева — множество источников о соперничестве различных группировок эмиграции, работе советской агентуры по ее разложению. Документы по истории военных и военно-морских эмигрантских организаций широко представлены в фондах Е.Г.Булюбаша, А.Г.Трасайдзе, А.И.Маркова, Российского Национального Объединения, редакции журнала “Часовой”.

Так называемый “Бахметьевский архив” составляет часть отдела редких книг и рукописей Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Коллекция основателя архива Б.А.Бахметьева — последнего досоветского посла в Вашингтоне (84 кор.) и князя С.С.Белосельского-Белозерского (45 кор.) содержат обширнейший материал о положении русских эмигрантов в США, Е.В.Саблина — в Англии (49 кор.), М.Д.Каратеева — в Югославии, Болгарии и Парагвае (40 кор.), Е.Е.Месснера — в Южной Америке, М.В.Волконской и В.К.Абданк-Коссовского — во Франции, М.П.Головачева — в Китае, Н.Н.Егорова — в Польше, И.Г.Савченко — в Чехослова-

кии, в частности — архивы Русского юридического факультета в Праге и Союза русских, окончивших высшие учебные заведения (17 кор.). Богаты по содержанию фонды Союза русских шоферов в Париже (16 кор.), Союза русских писателей и журналистов в Париже, Особого Комитета по делам русских в Финляндии.

Военная эмиграция, в том числе многие секретные аспекты ее истории, представлена в гигантском собрании РОВСа (156 кор.) и в личных фондах генералов А.И.Деникина (43 кор.), А.А. фон Лампе (56 кор.), А.П.Кутепова, П.Н.Шатилова, Е.В.Масловского, П.С.Махрова, А.П.Архангельского, адмиралов Н.Н.Машукова и В.К.Пилкина, полковников С.Н.Рянянского, С.А.Топоркова, М.И.Бояринцева, В.Е.Павлова, Б.В.Сергеевского; казачья эмиграция — в коллекциях С.Г.Сватикова (61 кор.), А.П.Богаевского, И.А.Билого.

Богато представлены личные архивы эмигрантских политических деятелей различной ориентации: А.В.Каргашева (40 кор.) и С.Н.Прокоповича, Ф.И.Родичева (28 кор.) и Б.В.Савинкова, В.М.Зензинова (52 кор.) и Н.Е.Маркова, княгини С.В.Паниной и Н.М.Зернова, А.В.Тырковой-Вильямс (23 кор.) и М.М.Милукова (8 кор.), В.М.Байдалакова, Г.А.Алексинского (15 кор.) и Ю.И.Лодыженского. В коллекции В.А.Шаховской (22 кор.) находятся дневники и письма М.М.Филоненко, Н.Н.Чебышева, Н.В.Плевицкой.

Материалы “Императорской” Канцелярии Великого Князя Кирилла Владимировича сосредоточены в фондах Башмаковых (25 кор.) и Г.К.Графа, русских торгово-промышленных организаций — П.Н.Финисова, военно-учебных заведений — А.А.Геринга, адвокатуры — В.Ф.Зеелера.

Огромная коллекция Г.В. и Н.В.Вернадских (205 кор.) содержит обширные сведения о русской науке и образовании в Чехословакии и США. Представлены в Бахметьевском архиве и собрания эмигрантских писателей и поэтов: М.А.Алданова (37 кор.), Б.К.Зайцева (5 кор.), А.М.Ремизова, А.М.Ренникова, Н.А.Тэффи, Дона Аминадо (А.П.Шполянского).

История украинской эмиграции отражена в фондах одного из главных деятелей украинского национального движения В.К.Винниченко (138 кор.), министра Украинской Народной республики и основателя Украинского Геральдического общества Е.П.Архипенко (63 кор.), а также В.П.Марченко (21 кор.), генерала Ю.К.Сахно-Устимовича, А.К.Свитича.

Из других американских университетов, имеющих коллекции по истории русской эмиграции в межвоенный период, заслуживает внимания Йельский университет (Нью-Хейвен, штат Коннектикут). В библиотеке Бэйнеке этого университета (Beinecke Library) собраны архивы многих выдающихся деятелей литературы Русского Зарубежья: Н.И.Берберовой (включая материалы о масонах и более 1 тыс. писем), З.И.Гиппиус, Р.Б.Гуля, Г.В.Иванова, Ф.И.Степуна, И.А.Бунина, Б.А.Филиппова, а также редакторов газеты “Новое Русское Слово” Андрея Седых и М.Б.Вейнбаума. Кроме того, в другой библиотеке Йельского университета (Sterling Memorial Library) хранятся коллекции жандармского генерала и историка А.И.Спиридовича (27 кор.), кадета А.И.Петрункевича, историка С.Г.Пушкарева.

В одной из главных библиотек Гарвардского университета (The Houghton Library) находится богатейший эмигрантский архив Л.Д.Троцкого и его личного секретаря (93 кор.), а также оригинальные материалы следователя Н.А.Соколова по делу об убийстве Императорской Семьи в Екатеринбурге. Украинский исследовательский институт Гарвардского университета (Ukrainian Research Institute) располагает большим собранием документов об украинском студенчестве в эмиграции. Ценные коллекции по истории украинских эмигрантских организаций имеются также в Исследовательском центре

истории иммиграции (Immigration History Research Center) Университета Миннесоты в г.Сент-Пол.

Из архивов, которыми владеют различные эмигрантские организации США, следует отметить Музей русской культуры в Сан-Франциско (Калифорния), в котором находятся, в значительной степени, материалы русской дальневосточной эмиграции, включая архивы генералов Д.Л.Хорвата, Н.И.Ефимова, Приамурского правительства, редактора журнала “Жар-Птица” Ю.П.Миролюбова, а также фонды Общества русских юристов во Франции и обширная переписка Ю.И.Лодыженского. Кроме того, в Сан-Франциско, в Музее Общества русских ветеранов Великой войны, находятся документы по истории русских кадетских корпусов в эмиграции, военных обществ и союзов, личные коллекции, в частности русского военного летчика полковника Б.С.Шереметевского.

Богатейшим архивом владеет Свято-Троицкий монастырь Русской Православной Церкви за границей (Джорданвилл, штат Нью-Йорк)⁶. Среди наиболее ценных собраний — фонд особо секретных документов Русского Обще-Воинского Союза, материалы Объединения Корниловского ударного полка, энциклопедическая коллекция В.К.Абданк-Коссовского о русской эмиграции, собрания С.Г.Пушкарева, В.Д.Самарина, разнообразные церковные документы.

В Музее Общества “Родина” в г.Хоувелл (штат Нью-Джерси) оказались собраны коллекции многих русских эмигрантских военных и военно-морских объединений. Документальная их часть включает материалы по личному составу, послужные списки, наградные листы, а также мемуары. Некоторые реликвии этого музея были переданы в последние годы российским учреждениям культуры. Вопрос о целесообразности передачи подобных ценностей является дискуссионным в русской эмигрантской печати⁷.

Богаты историческими материалами и украинские организации. Так, многие сотни тысяч документов о жизни украинцев в Америке находятся в Архиве Украинской Академии искусств и наук и в Обществе Тараса Шевченко в Нью-Йорке, в Украинском музее и в библиотеке в Стэнфорде, в Музее Украинского наследия (Ukrainian Heritage Museum) в Нью-Хейвене (штат Коннектикут).

Огромная, не поддающаяся учету масса материалов по истории эмиграции все еще остается в частных семейных коллекциях граждан и постоянных жителей США. О некоторых из этих коллекций имеется информация общего характера, попавшая на страницы справочников-путеводителей. Несомненный интерес могут вызвать коллекции журналиста Николаса Данилоффа (архив его деда, генерала Ю.Н.Данилова — известного военного и политического деятеля первой эмиграции), Пола Баратоффа (архив генерала Н.Н.Баратова, председателя Зарубежного Союза русских инвалидов), Р.В.Полчанинова (материалы по истории русского скаутизма, русской печати, филателии, бонистики, эмигрантских общественных организаций)⁸.

подавляющее же большинство частных коллекций нигде не зарегистрированы и ни в какие справочники не внесены. Мне довелось работать с документами русской эмиграции, хранящимися в частных коллекциях П.П.Врангеля (Саутхэмптон, штат Нью-Йорк), Кирилла и Николая Гиацинтовых (Маунтэнсайд, штат Нью-Джерси), В.Н.Буткова (Роквилл, штат Мэрилэнд), Н.Н.Протопопова (Санта-Роза, штат Калифорния), И.Л.Новосильцева (Санкт-Петербург, штат Флорида), Б.В.Прянишникова (Силвер Спринг, штат Мэрилэнд), а также ныне покойных Л.И.Барановой-Барбович и Б.А.Павлова. В результате этой работы было подготовлено несколько документальных публикаций по истории эмиграции⁹.

Приведенный краткий обзор свидетельствует, что документальные материалы о русской эмиграции между двумя мировыми войнами весьма широко представлены в различных архивах США и заслуживают самого пристального внимания исследователей.

Примечания

- ¹ См.: *Steven A. Grant and John H. Brown*. The Russian Empire and Soviet Union: a guide to manuscripts and archival materials in the United States. Boston: G.K.Hall & CO, 1981. 632 p.; *Carol A. Leadenham*. Guide to the Collections in the Hoover Archives relating to Imperial Russia, The Russian Revolution and Civil War, and the First Emigration. Stanford: Hoover Institution Press. 1986. 208 p.; *Robert A. Karlowich*. A Guide to scholarly resources on the Russian Empire and the Soviet Union in the New York Metropolitan area. N-Y.: M.E.Sharpe, Inc. 1990. 312 p.
- ² *Anna M. Bourgina and Michael Jakobson*. Guide to the Boris I. Nikolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Stanford: Hoover Institution Press, 1989. 755 p.
- ³ *Olga Verhovskoy Dunlop*. Register of the Baron Petr Nikolaevich Vranghel. Collection on the Hoover Institution Archives. Stanford: Hoover Institution, 1991. 158 p.
- ⁴ См. наши публикации: И.А.Ильин и генерал П.Н.Врангель 1923—1928 гг.: Письмо Д.Д.Грима П.Н.Врангелю от 4 октября 1921 г. // Русское прошлое. Кн.6. СПб. 1995; а также серию статей “Белые воины” // Русская Жизнь (Сан-Франциско). 1994. 17 сент., 13 окт., 1 нояб., 31 дек.; 1995. 8—9 февр., 28 февр., 27 апр., 6 мая, авг.
- ⁵ См. наши публикации: А.В.Линдестрем. Скорбные письма голубого гусара // Русское Прошлое. Кн.6. 1995; Агент “Иванов”, или неудавшаяся провокация ОГПУ против матери генерала Врангеля // Русская Жизнь (Сан-Франциско). 1995. 18 февр.; Скорбные письма голубого гусара 1931—1937 гг. // Там же. 1995. 8—9 апр.
- ⁶ См. вводную статью к нашей документальной публикации “Кубань и Добровольческая Армия в 1918—1919 гг.: из архивных собраний Свято-Троицкого монастыря Русской Православной Церкви Заграницей (СПИА)” в историко-документальном альманахе “Русское Прошлое” (Кн.5. СПб. 1994. С.77—112).
- ⁷ См.: *Бортневский В.* Следует ли эмигрантам передавать исторические реликвии в Россию? // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1995. Август.
- ⁸ *Steven A. Grant and John H. Brown*. Op. cit. P.121—123.
- ⁹ См., например: “Везде чужой...”: грустная история в письмах // Родина. 1991. № 8. С.75—76; *Гиацинтов Эраст*. Записки белого офицера. СПб., 1992. 267 с.; “Ставя Родину выше лиц...”: из архива генерала И.Г.Барбовича // Русское Прошлое. Кн.5. С.112—147.

Д.К.Жеребов

«Любанская» операция 1942 года

1. У Мясного Бора

Не судить, рассказывать...

26 июня 1942 года, пятница. 370-й день войны, 170-й, последний день всей т.н. «Любанской» операции Волховского фронта генерала армии К.Мерецкова и части сил Ленинградского фронта генерала Л.Говорова (до 9.6.42 генерала М.Хозина).

Утро этого жаркого дня встречали мы с комиссаром 539-го отдельного минно-саперного батальона (омсб) Валерианом Ивановичем Богачевым и адъютантом старшим Юрием Шайкевичем в километре от развалин Мясного Бора, на дороге, ведущей к Волхову*.

Накануне командир 1-й роты Владимир Юрчук в очередной раз отправился к развалинам полустанка Мясной Бор, к «долине смерти», к просеке «Эрика», как называли ее немцы, пропускать через минные поля солдат «2-й Ударной армии. С ночи на 24 июня остатки ее с жестокими боями, неся большие потери, прорывались там из «любанского мешка» Мерецкова¹.

Участник Ленинградской битвы, немецкий историк Х.Польман, отметит: «В конце июня организованное сопротивление 2-й ударной армии, раздробленной на отдельные котлы, прекратилось. 26 июня сражение, начавшееся 13 января, окончилось»².

Мы стали свидетелями полного провала у Ленинграда и Новгорода авантюрного плана наступления «от Ладоги до Черного моря», плана, в ходе которого «попутно» должен был быть деблокирован Ленинград³.

В нескольких километрах от нас, в лесу на командном пункте 59-й армии, «сидя на пне», в окружении многих командиров генерал Кирилл Мерецков «...рассказывал об Испании, где он воевал»⁴.

С волнением стояли мы у немецкой полевой кухни, захваченной нами под Тихвином. В ней кроме первого и второго был приготовлен и крепкий горячий чай. По всей

* В декабре 1941 — июне 1942 гг. автор — капитан, майор, адъютант старший, заместитель командира 539-го фронтового омсб. Командир — майор В.Гусаров. Батальон в «Любанской» операции решал три задачи: минирование, разминирование и постановка электрозаграждений в районах Мясного Бора, Спасской Полисти, Теремца Курляндского; разминирование дорог от М.Вишеры до р.Волхов и р.Мста; строительство убежищ и укрытий в Малой Вишере для штаба Волховского фронта.

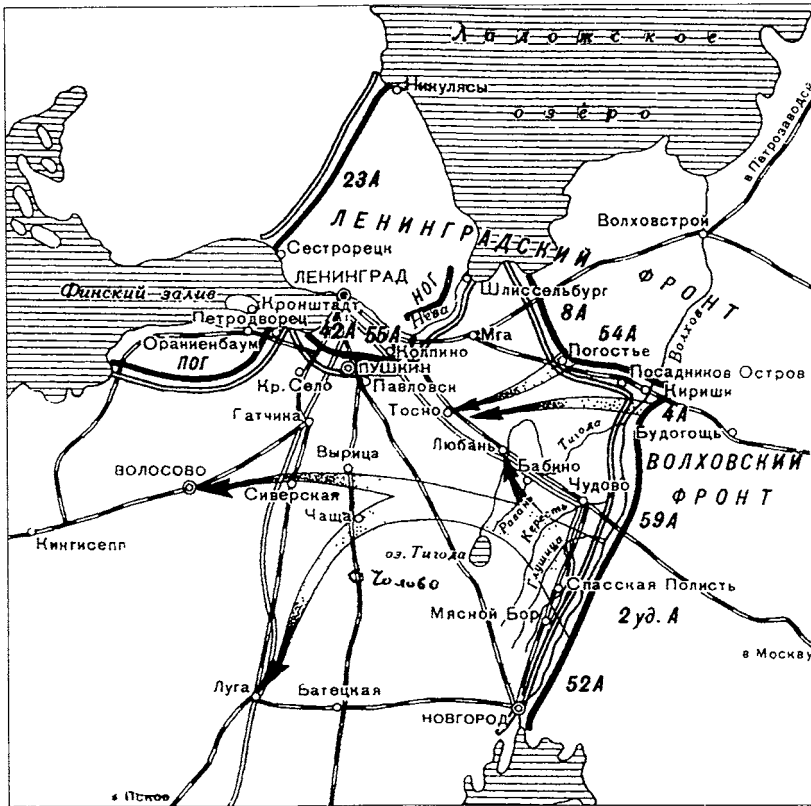

Схема 1. Задачи командующим Волховским и Ленинградским фронтами в сталинском наступлении начала 1942 г. — «от Ладоги до Черного моря» (директива от 17.12.41).

дороге на Волхов и на его восточном берегу были организованы питательные пункты. Героев 2-й Ударной встречали «хлебом и солью». Мы знали, что они голодали в Волховском котле. Когда в командование армией 16 апреля 1942 г., за две недели до окончания наступательных действий в этой операции, вступил генерал Андрей Власов, он в донесениях просил Мерецкова о помощи прежде всего продовольствием⁵.

Мы были поражены тем, что увидели, когда, прорвавшись у Мясного Бора, солдаты поравнялись с нами. С запада, освещаемые солнцем, медленно шли державшиеся друг за друга солдаты-дистрофики с тонкими шеями, изможденными лицами, глазами, полными тоски... Шли полураздетые, в остатках зимнего обмундирования, с опухшими ногами, иногда босиком.

Наша полевая кухня была одной из первых на их пути. Остановившиеся с жадностью принимались за еду. Мы мягко, не навязчиво предупреждали их о том, что нельзя сейчас наедаться, полностью утолить мучивший их голод. Печально смотрели они на опустевшие котелки и брели дальше. Многие подходили к следующим кухням и брали еду и там. Десятки из них, не дойдя до Волхова, жестоко поплатились за это. Желудки дистрофиков не выдерживали, солдаты в муках умирали. Умирали в свой первый день свободы, первый неголодный день...

Более полувека не задумывались мы о том, что солдатам 2-й Ударной армии довелось по вине Сталина и Мерецкова пережить в окружении такой же голод, как и ленинградцам в блокадном городе. Советские историки «забыли» об этом.

*Голодающие солдаты из Волховского окружения.
Фото Г.Гундлаха.*

Все с новой силой всколыхнулось в памяти в 1995 г. после посещения выставки ветерана боев под Любанью, фотокорреспондента 291-й пехотной дивизии 18-й армии Г.Гундлаха, знакомства с ним и внимательного изучения сотен фотографий, сделанных участником “зачистки” Волховского котла, “любанского мешка” Мерецкова. “Документами ужаса” назвал свой фотоальбом Г.Гундлах⁶.

Сейчас, отмечая 55-ю годовщину полного завершения “Любанской” операции, уже не в сталинском Советском Союзе, а в свободной России, имея доступ к материалам В.Хаупта, Х.Польмана, Г.Гундлаха, вспомним еще раз как все это было. И зададимся вопросами: была ли “Любанская” операция — Любанской, были ли 2-я Ударная армия — ударной, кто повинен в ее гибели, в трагедии Ленинграда? Могла ли быть прорвана блокада Ленинграда в начале 1942 г.?

Продолжение следует.

Примечания

- ¹ Жеребов Д. Саперы Мордовии. Край родной. Саранск, 1981. С.56—120.
- ² Poltan H. Wolchow. 900 Tage Kampfum Leningrad. 1941—1944. Vadnauheim. S.58. 24—26.6.42 вышло из окружения около 16 000, попало в плен при “зачистке” Волховского котла — 15 000 солдат и командиров 2-й Ударной армии.
- ³ Жеребов Д.К. Сталин и Любанская операция 1942 года // Киришский факел. 1996. 13—27 января.
- ⁴ Вишневский А. Дневник хирурга. М., 1967. С.180.
- ⁵ Жеребов Д. Генерал Власов на Волхове // Невское время. 1992. 30 апреля.
- ⁶ Гундлах Г. Волховская битва. Документы ужаса. 1941—1942 г. Бинген-на-Рейне, 1995.

А.Н.Шилин

Военная жизнь сельского учителя.

Дневник (1916—1917 гг.)*

13 января

Сменились с позиции и теперь стоим в деревне Вымысловка. Эта деревушка состоит всего хат из пятидесяти. Кругом гладкое снежное поле. Скука. Капитан Шеломок все время сидит в постели, поджав под себя ноги, и “злословит”, а мы “режемся” в преферанс.

22 января

Вчера вечером я отправился с ротой на работу. Со мной была инфлюэнца, которая, по обыкновению, осложнялась у меня воспалением легкого. Отказаться от наряда я постеснялся и пошел. По окончании работ я почувствовал резкую боль в груди. Меня стал мучить болезненный кашель. С невероятным мучением я добрался до перевязочного пункта. Врач напоил меня чаем с вином, впрыснул что-то под кожу, и мне было стыдно, когда меня закутали в меховые одеяла и на конных носилках отправили в околоток. Через 2 дня я выздоровел.

4 февраля

Сижу в низкой и темной конурке, очень холодной. Свечку пристроил на палку, воткнутую в земляную стенку конуры. Дверь завешена палаткой, но меня пронизывает холод. Сижу на голой земле, соломы нет. Мне нужно дежурить здесь всю ночь до 7 часов утра, и ночь кажется мне бесконечной.

Я — начальник заставы № 1. Это окоп, выдвинутый вперед от нашей основной линии. До противника рукой подать — 40 шагов. Участок “роша”, где нахожусь я, считается наиболее опасным. По донесениям перебежчиков, здесь австрийцы ведут под нас минную галерею, и мы в каждую минуту можем “вознестись” на небо. Вот отдергивается палатка, выглядывает обледеневшая до неузнаваемости физиономия моего взводного. С минуту он смотрит на мою свечу и говорит, плохо выговаривая слова: “Ваше благородие, у меня два солдата что-то сомлели, лежат, как бы не замерзли”. Я приказываю отвести их на перевязочный пункт. Палатка закрывается. Скрипят удаляющиеся шаги. Мои телефонисты, чтобы согреть себя, начинают возиться и мять друг друга. Слышен глухой стук бомбометного выстрела. Телефонисты моментально прекращают возню и прислушиваются. Фыркает приближающаяся бомба и где-то близко

* Окончание. См. “Новый Часовой”. 1997. № 5.

от нас стучается об мерзлую землю. Раздается оглушительный взрыв. С противным гнусавым воем разлетаются осколки. Конура вздрагивает. Свеча тухнет. Я снова зажигаю ее; телефонисты снова начинают возиться, согревая друг друга. Я выхожу в окоп. Там идет танец, танец холода. Солдаты, стоя каждый против своей бойницы, прыгают на месте, скрипя по снегу. Со стороны австрийских окопов тоже несется скрип, и там, вероятно, танцуют. Я начинаю быстро бегать по окопу, но вместе с усталюю я ясней чувствую, как сильно зябнут мои ноги. Начинаю и я танцевать до изнеможения. Останавливаюсь лишь прислушаться, когда летит бомба. Когда бомба лопнет, опять по окопу несется скрип десятков ног. А ночь бесконечна...

7 февраля

Случайно сегодня увидел я, как зачерствело мое сердце, и как равнодушно отношусь я к чужим страданиям и к чужой смерти. Сегодня у меня в заставе убит солдат. Обходя заставу, я наткнулся на него. Солдат лежал, прислонившись к стенке окопа. Пробитая пулей голова обвязана бинтом, запачканная кровью. Все лицо и вся шинель были залиты кровью. Он умирал, вздрагивая в предсмертной агонии, а я, глядя на него, не чувствовал ни жалости, ни страха. И даже в дневнике моем я не записываю таких многочисленных случаев. Тернием зарастают здесь сердца человеческие, звереют и ожесточаются люди.

25 февраля

Сегодня я два раза был под артиллерийским обстрелом. В 8 часов утра отправился с ротой на работу блиндажей в 3 линии окопов. Противник заметил нас, и скоро один за другим завизжали снаряды. Я прекратил работу и приказал людям повзводно отходить по ложине обратно в деревню. Но проклятые австрийцы словно угадывали наши действия: они немедленно перенесли огонь в ложину, где мы проходили. Снаряды падали немного позади нас. Осколки и стаканы перелетали через наши головы. Мы прибавили шагу, и по мере того, как мы уходили дальше, противник прибавлял прицел, и снаряды опять подгоняли нас. Но потерь не было. Только у одного солдата осколком согнуло штык на винтовке.

Второй раз в этот же день вечером австрийцы открыли огонь шрапнелью по деревне Ценюву и как раз по району нашей роты. Неожиданно прилетело три очереди снарядов. Заблестели розовые огоньки разрывов; как град, зашелкали шрапнельные пули; испуганно заметались и забились лошади на коновязях. Бабы и ребяташки с криком разбежались по халупам. Но тотчас же наши батареи ответили австрийцам несколькими очередями, и они замолчали. Все успокоилось. Луна выплыла из-за облака и осветила массивную выпуклость “Лысой горы” с сигнальной вехой на ее середине и с неподвижной маленькой фигуркой часового.

4 марта

Сегодня до нас дошли смутные, ошеломляющие слухи об отречении Государя от престола, о новом государе и правительстве. Слухи подтвердились. Начальство приказало немедленно же объявить солдатам о важной перемене внутри государства. Ночью в окопе мы собрали взводы. Капитан Шеломок с растерянным и смущенным видом прочитал солдатам телефонограмму. Трудно в темноте было увидеть, какое впечатление произвела на солдат эта новость. Мне вспомнились слова: “Этой вести смысл, покамест, темен им...”. Когда люди расходились по своим бойницам, то между ними поднялся оживленный обмен мнений. “Бог даст, к лучшему”, — это слышались замечания. Всю ночь мы с Безуглым и капитаном Шеломком провели в яростных спорах.

Как черносотенец, Шеломок не видел в революции ничего хорошего, а мы с Безуглым нападали на него. Теперь мы ожидаем подробностей о событиях.

13 марта

Живем одной политикой. С каким нетерпением ожидаем газет и с каким энтузиазмом обсуждаем прочитанное. Некогда писать дневник...

31 марта

Сегодня пошел с ротой на работу в окопы Владимирского полка. Когда мы стали получать лопаты в саперном депо в д. Выбудув, то австрийцы пустили по нам десятка два снарядов. На дороге у часовни у меня сидело около взвода солдат. Почему-то мне показалось, что сюда должен попасть снаряд. Я немедленно приказать им перебежать вправо от дороги под халупу, и, лишь только они отбежали, туда ударил снаряд, взрывши землю и подняв высоко камни. Предчувствие спасло людей.

22 апреля

Воистину правильно, что детей и пьяных бережет сам Бог. Много раз на моем веку водка приносила мне несчастья и подвергала жизнь опасности. Но особенно будет мне памятен этот случай 20 апреля. Мой товарищ подпоручик Савицкий привез из отпуска водки. Шеломок командовал уже батальоном, и ротным тринадцатой роты был Безуглый. Втроем мы выпили, после чего я почувствовал прилив бодрости и отваги. Стояли на позиции на участке “роща”. Не сказав ничего Безуглому, я ушел на заставу.

Здесь австрийские окопы от нас в 40 шагах. Достаточно было высунуть из окопа голову, чтобы ее пробил пуля, что и было несколько раз на этой страшной заставе. Мне пришла в голову безумная мысль — среди бела дня выйти из своих окопов, подойти к австрийским и посмотреть, что они там делают. Не раздумывая о том, что я ведь пойду почти на верную смерть, я быстро выскочил из окопа, перепрыгнул свои рогатки, быстрым шагом подошел к австрийским заграждениям и заглянул в их окоп. Оттуда пять австрийских физиономий с величайшим удивлением смотрели на меня. Я крикнул им: “Не стреляйте!” А чтобы они окончательно поняли меня, я помахал им каской и запел хохляцкую песенку: “Ні, мамо, не можна...” Австрийские физиономии заулыбались, закивали, а один крикнул: “Пан, підожди — капрал пріде!”

В это время караул 4 роты, приняв меня за перебежчика, открыл по мне стрельбу. Я не обращал внимания на шелкавшие и свистевшие у самого уха пули. Даже австриец крикнул: “Пан, лягай!” Тут я услышал, что кто-то зовет меня из наших окопов. Оглянувшись, я увидел высунувшегося из окопа Савицкого. Один австриец тотчас же выстрелил в него и ранил. Савицкий скрылся в окопе. (Ранен он легко — благодарю Бога). Караул роты все стрелял в меня, но ни одна пуля не попала. Потом я увидел, что по ходу сообщения к австрийцам быстро подходит еще человек. Я догадался, что это, наверно, и есть их капрал, и бросился бежать обратно. Тут австрийцы открыли по мне частый огонь, но я целым впрыгнул в свой окоп — только штаны разорвал о заграждения. На другой день я вспоминал подробно эту историю, и мне было стыдно и жаль Савицкого. И я не знал, за что же Бог пощадил меня? Начальству я объяснил, что ходил на разведку.

27 мая

4 мая я ездил в отпуск. Погода стояла прекрасная, когда я сел в двуколку и поехал на станцию Козова. Встало солнце, щебетали ласточки. Двуколка быстро катилась по

полю, заросшему цветами. Я оглянулся назад. Над позицией висел какой-то туман, огромной змеей во всю длину окопов. Как будто насыщенная кровью, земля выделяла из себя кровавые испарины. Позади меня был мрак, смерть. Впереди — жизнь, красота.

Три недели отпуска я провел большей частью в путешествии по Украине. Благодатный край! Вот я еду от Харькова на Полтаву. Кругом сплошная красота. Цветущие поля, деревни, сады. Попадают огромные дубы (те самые, мимо которых Черевик ехал на Сорочинскую ярмарку). На каждой станции маленькие девочки, все украшенные венками, предлагали цветы. Я спросил одну прелестную маленькую девочку: “Скільки тобі треба за квітки?” Она ответила: “Десять копійек, паночку”. Я дал ей мелочи около рубля, и, пораженная моей щедростью, девочка бросила свои оставшиеся букеты и, усевшись на землю, принялась считать “цю велику купу грошей”.

Я остановился в Кременчуге. Каждый день купался в Днепре, любовался на пристани пестрой толпой пассажиров. Попадались грузчики с типичными лицами запорожцев. Через 4 дня я отправился на пароходе в Киев. Это была очаровательная поездка. Мне вспоминаются слова из одного стихотворения Бунина: “О красота, ширина и раздолье Днепра!”... Как зеркало, блестит и сверкает огромная голубая ширь. Ослепительно блестит солнце. Плывут живописные берега — правый крутой, холмистый, левый — весь заросший зеленью, низкий. День и ночь я провожу на палубе парохода, несмотря на сильную жару. Была Троица. На пристанях стояли толпы девчат в живописных вышитых костюмах. Мягкий украинский говор, красивые загорелые лица девчат, черные брови и цветы, цветы!

На рассвете пароход подходил к тому месту, где была могила Шевченко. Я заранее узнал время прохода мимо нее и ожидал увидеть знаменитую могилу. Учитель-украинец показал мне рукою на чуть видневшийся крестик на холме, говоря: “Ось, бачите, хрестик на горі, оце вам и могилка Шевченка”. Мы подъехали ближе, и я сразу узнал этот холм с тонким белым крестом. Здесь лежит “батько Тарас”. “Що б ланы широкополи и Днипро и кручи було б видно, було чуты, як реве ревучий”, — вспоминал я слова из его “заповита”. Из всех пассажиров только мы двое смотрели на Шевченкову могилу, а все остальные спали вповалку на палубе.

А Днепр все развертывается перед нами, картины меняются — одна другой краше, одна другой очаровательней. О красота! О милая Украина! А я ехал опять в окопы, опять на страдания и, быть может, смерть...

Бой при деревне Конюхи

28 июня

Опять я пережил события, о которых так приятно читать в художественных описаниях. Опять я пережил бой, и он оставил в моей душе свой кровавый след. Если жизнь моя продлится до старости, то все равно этот след не исчезнет.

16-го июня началась артиллерийская подготовка, длившаяся до 10 часов 18-го июня. На время подготовки, во избежание потерь, нас отвели в деревню Вымысловку. И лишь в ночь перед атакой мы пришли на позицию и заняли “Плацдарм”. В эту ночь стояла непроглядная тьма, а канонада все редела. Мрак прорезали красные вспышки орудийных выстрелов и разрывов. Мы промокли и были все в грязи, когда заняли свои места в окопах.

На рассвете канонада опять усилилась. Визг снарядов превратился в сплошной разноголосый вой, а их разрывы и выстрелы в гул, ровный, протяжный, от которого гудело и дрожало под ногами. Опять затянуло дымом и мглой австрийские окопы.

Лишь видно было, как беспрерывно поднимались кверху огромные столбы земли и дыма от снарядов. Обстрел велся всеми нашими батареями, всех калибров и самым частым огнем. Преобладали 6-дюймовые орудия, но были у нас несколько батарей 11-дюймовых с 17-пудовыми снарядами; от них не было спасения ни в каких убежищах. Когда с огромным треском падал этот снаряд, то целое облако земли и дыма все скрывало от глаз. Весь этот хаос звуков был похож на какую-то страшную музыку, музыку смерти, разрушения.

Стон и вой осколков был так разнообразен, имел такую массу тонов, оттенков, что трудно передать словами. Это неслись как бы живые вопли, то отчаянные, предсмертные, раздирающие сердце, то безнадежно тоскливые, то зловещие, жуткие, то какие-то бешеные, дьявольски злорадные. Временами мне казалось, что все происходящее так ужасно, так нарушает все законы природы, что сам Бог не вытерпит и прекратит все это. Мне казалось, что сейчас же потухнет солнце, провалится земля, погибнет мир. Но солнце светило, по небу плыли облака, природа была равнодушна.

В 10 часов 18-го июня мы несколькими цепями двинулись вперед. Артиллерия наша перенесла огонь на резервы, а неприятельская артиллерия, до того молчавшая, обрушилась на нас ураганным огнем. Как стайки мелких птичек, засвистали пульки. В воде и грязи ходов сообщения лежали убитые, раненые, мешая проходу. Ежеминутно рвалась над головами австрийская шрапнель. Я уже решил, что гибель моя неминуема. Солдаты замялись и неохотно и вяло шли вперед. Капитан Шеломок, шедший впереди батальона, закричал солдатам: "Если хотите быть живы — то бегом вперед!". Это, действительно, и спасло многих из нас, потому что когда мы продвинулись вперед, то вся сила артиллерийского огня была позади нас.

Не успели мы выйти из нашего исходного положения, как нам навстречу уже бежали сдающиеся австрийцы. Я удивился, как могли австрийцы почти трое суток сидеть под таким страшным огнем. Потом я уже узнал, что из их окопов назад никто не ушел: их не пускали свои — немцы, и почти все защитники окопов, чешские батальоны, погибли от нашего огня. Каждый день к ним прибывали новые пополнения, и их постигла та же участь. Они скрывались от огня в глубоких подземных убежищах, где их заваливали наши тяжелые снаряды. Уже несколько дней спустя трудно было проходить по их окопам от смрада разлагающихся трупов. Некоторых откапывали живыми.

Мы беспрепятственно заняли три линии их окопов и пошли дальше. Участок "Роша" был теперь позади нас. Высокое плато спускалось огромным крутым скатом в долину реки Имесок, и весь скат был усеян трупами и ранеными австрийцами. Их побила наша артиллерия, когда перенесла огонь на резервы, спешающие на помощь.

Здесь на горе нам приказали на время остановиться. Стрельба стихла. Я стал обходить поле битвы. Убитые австрийцы были молоды. С полным снаряжением, затянутые ремнями, увешанные бомбами, со стальными касками на головах, лежали они во всевозможных позах: и уродливых, и страшных, и спокойно-прекрасных. Скорчившись, стонали раненые. Один курчавый австрийский офицер, по-видимому, немец, просил у наших солдат бомбу, чтобы покончить с собой. "Есть у вас бомба, мощная бомба?" — просил он спокойным, страдальческим голосом. У него было более 10 ран. Горько было на душе, когда наши солдаты отказывались убирать их. Один раненый просил у меня покурить. Я дал ему несколько папирос и зажег одну. Тогда он попросил, чтоб я дал и его товарищу: "Вин ззаду мене". Но сзади его живых уже никого не было, только лежало несколько трупов.

На другой день нам приказали спуститься в деревню Конюхи и атаковать западную опушку урочища Домброво. Когда мы сбежали с крутого ската и проходили дерев-

ней, по нам была артиллерия. Шеломок приказал мне восстановить телефонную связь со штабом полка. Благодаря неустранимости моих батальонных телефонистов, я сделал это. Сидя за толстым стволом огромного дуба, я принимал телефонограмму от полкового адъютанта на имя командира взвода бельгийских броневиков и наблюдал, как наш батальон двигался в атаку.

Солдаты вытянулись цепью по улице деревни, спустились в канаву, по которой и двинулись вперед. Но едва только правый фланг показался из канавы, как из леса раздался треск нескольких пулеметов. Целый град пуль зашелкал по халупам, запел и засвистал в воздухе. И тотчас же по деревне начала бить артиллерия. Солдаты побежали назад. Рота за ротой спускались в лощину. Сзади всех показался из канавы Шеломок. Он придерживал рукою окровавленный бок и на кого-то матерно ругался. Батальон окопался по восточной опушке деревни. Раненный осколком в бок Шеломок ушел на перевязочный пункт. В командование батальоном вступил штабс-капитан Мурашев. Здесь мы провели 2 суток.

Сколько человеческого горя и страданий увидел я за эти двое суток! День и ночь по Конюхам была тяжелая артиллерия. Хаты горели. В огне трещали патроны, взрывались бомбы. Дым пожарища висел над деревней. И всюду — трупы, трупы... По улицам, по халупам, сараям, на огородах. Трупы и раненые без помощи! И здесь, в этой прозванной нами “долине Смерти”, были жители. Старики, бабы, дети. Они были почти сумасшедшие от пережитого. Видел я потрясающие картины. Мальчик и девочка лет шести искали свою мать. С рыданием мальчик рассказывал мне: “Куля снаряда попала у хату, там мамуня була!... Ох, идеже наша матуся! Хата загорилась...” Нечем было помочь им. В одном сарае лежал убитый австриец и трое наших, а рядом у двери хаты сидела старуха. Голова ее тряслась, а глаза спокойно, сурово смотрели куда-то вверх, на дым пожарища.

Ночью среди установившейся тишины, при свете зарева, в соседней хате завывала собака, протяжно, жутко. Красная луна освещала белые стены хат. В двадцати шагах от

Декабрь 1916 г. А.Н.Шилин — первый слева.

меня смутно чернел труп австрийца. Днем я видел его. Он лежал лицом кверху, с оскаленными зубами, с руками, сжатыми в кулаки. От своих нас отделял высокий, крутой склон, на который без отдыха нельзя было взобраться. В случае контратаки австрийцев мы были бы отрезаны от отступления. Опять начала бить по деревне тяжелая артиллерия. Мы были все измученные, голодные, грязные. И опять я почувствовал приступ той страшной, безысходной тоски, которая была со мной прошлый год в ночь на 23 мая.

На другой день вечером стали выселять отсюда жителей. С плачем и причитаниями тянулись они, таща на себе узлы с пожитками. Те же из них, кто не мог идти — больные и раненые — все остались умирать на родном пепелище. Ночью к нам пришел разведчик, сообщивший, что в той части деревни, которая близко подходила к австрийскому расположению, он видел убитую женщину, а около нее двух маленьких детей, живых; никто не решился идти за ними. Там же остались и несколько наших раненых.

Ночью, наконец, нас сменил Владимирский полк. Мы стали в лесу. При смене же остальных наших батальонов произошли интересные явления: полки не хотели сменять друг друга. Не слушались ни приказаний, ни уговоров. Началась дезорганизация.

За этот бой я представлен к ордену св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Полк получил название “18-го июня”. Убиты: Алексей Павлов, Азжауров, подпоручик Бузин, священник Адамович и другие. Теперь стоим на отдыхе в местечке Бяла под Тарнополем.

Отступление. Бой под деревней Остаховцы

13 июля

Пять дней мы были на отдыхе в местечке Бяла под Тарнополем. Шли приготовления к дивизионному спектаклю. Я как член полкового комитета тоже принимал в этом деятельное участие. Никто не подозревал, на краю какой катастрофы мы находимся. 5 июля нас неожиданно потребовали в местечко Езерна. Полк быстро собрался, построился в походную колонну, тронулся, вытянувшись трехверстной змеей по узкому шоссе. Никто не знал, в чем дело. На половине пути навстречу потянулись обозы. Ревели грузовики, громыхали тяжелые тракторные орудия, тянулись бесконечные транспорты и парки. Чувствовалось что-то недоброе. На вопросы никто не отвечал ничего определенного. К вечеру пошел дождь. Слышалось шлепанье тысяч ног по грязи, стук повозок, крики и ругань ездовых. Далеко по сторонам и впереди нас стояли зарева пожаров.

Часа в 3 утра пришли в деревню Остаховцы и расположились на отдыхе по халупам. Не снимая с себя грязных сапог и промокшей накидки, я лег на узенькой скамейке и быстро уснул. “Вставайте! Ротам живо строиться”, — крикнул вестовой. Я вскочил и выглянул в окно. По грязи собирались солдаты, все заспанные, растрепанные, грязные. Наш батальон получил приказание выдвинуться на западную опушку деревни Остаховцы и занять замыкающую ее высоту. Мы вышли и рассыпались по бугру, по овсяному полю. Влево от нас лежала маленькая цепь спешенных казаков; позади в ложине стояли их лошади, а также и далеко вправо виднелись их конные фигурки с длинными палками. Оказывается, что мы спали в деревне только под охраной этих мелких казачьих разведчиков. Больше впереди наших никого не было, хотя нам и сказали, что впереди должны быть части какой-то нашей дивизии. Без сомнения, обстановка была совершенно неизвестна никому из нашего командного состава.

Неожиданный прорыв нашего фронта сразу порвал и расстроил всю сложную махинацию нашей оборонительной линии. Штабы, эти всевидящие, руководящие центры, потеряли свою власть, сложный аппарат поломался, и сотни тысяч войск были предоставлены самим себе.

Версты в полторы от нас, во ржи, показались несколько человеческих фигурок, а за ними на протяжении всего поля, словно из земли, выросла огромная цепь неприятельской пехоты. Она стала приближаться к нам. Наши солдаты открыли по ней частый беспорядочный огонь. Оттуда тоже засвистали пульки. Цепь противника все приближалась. Пули свистали над нашими головами, стучались в землю, взрывая сверху комья.

Я стал окапываться. Наш огонь как бы не причинял противнику никакого вреда. Вправо от меня во весь рост стоял молодой, новоприбывший прапорщик Вагапов. Я как-то взглянул на него, и в эту же секунду он вздрогнул и медленно опрокинулся на спину. В двух шагах от меня, лежа на боку, быстро окапывался бородатый, толстый солдат. Пуля стукнулась во что-то. Солдат быстро спрятал голову в вырытую им ямку и остался неподвижен. Он был убит наповал. Оказалось, что пуля эта стукнула ему в голову. Другой солдат подполз к убитому и стал вытаскивать у него патроны. Наш батальонный штабс-капитан Мурашев бегал по цепи и кричал, чтобы солдаты лучше целились. Казаки, лежащие на нашем левом фланге, тоже стреляли. Выстрелы превратились в сплошной треск, даже не слышно было свиста неприятельских пуль, только видно было, как они кругом нас вскапывали землю. Сзади, в лощине, ржали и бились казацкие лошади. А цепь противника все ближе вырастала перед нами. Видно было, как они на ходу вскидывали ружья и стреляли в нас. На флангах они уже поравнялись с нами. Вдруг казаки один за другим стали спускаться в лощину. Увидя это, солдаты тоже бросились назад. Казаки закричали: «Стойте, стойте, братцы! Мы сейчас в конном строю выедем на них в атаку!» Но уже все пропало. Толчок был дан, весь батальон бросился бежать назад. Напрасно раненые кричали, просили взять их. Каждый думал только о себе. Я со своим вестовым Артемчиком удирал вслед за другими. В числе раненых офицеров остался на поле сражения и поручик Мороховец.

Бой под станцией Езерна

Не успели мы занять позицию под станцией Езерна, как уже немцы (против нас выступала германская гвардия) показали на той высоте, что мы покинули. Опять мы открыли частый ружейный огонь. В лощине, отделявшей нас от немцев, показались две наши сестры милосердия. Откуда взялись они, я не заметил. Они было направились к нам, но как раз в эту минуту наша цепь открыла огонь. Тогда они, взявшись за руки, побежали назад в деревню, куда спускались немцы. На этот раз наш огонь был действенным, потому что немцы не хотели продвигаться дальше деревни и остановились. А к нам прискакал ординарец, передавший приказание отойти немедленно на более выгодную Цебровскую позицию, версты четыре назад.

Батальон потянулся вдоль железной дороги. Саперы-подрывники зажгли оставшиеся на станции вагоны и огромные склады снарядов и провианта. Здесь была заложена масса тяжелых снарядов; было брошено несколько орудий и грузовых автомобилей. Начали раздаваться страшные взрывы. Мы наблюдали их уже с высоты Цебровской позиции. Это была величественная и ужасная картина. Поднималась к небу огромная масса огня с белыми блестками, облачками, змейками. Потом раздавался взрыв — такой стихийный, такой могучий, какой я не в силах был и представить себе. Как от

землетрясения, колебалась земля, а небо покрывалось сплошной черной тучей, из которой на несколько верст летел пепел и горящие головни. Таких взрывов было около четырех, остальные были меньшей силы. От одного взрыва на небе образовалось черное облако в виде большого правильного кольца. Оно долго держалось и плыло в воздухе, как какое-то таинственное и страшное предзнаменование. В несколько минут погибли миллионы народных денег.

Было слышно, что немцы глубоко прошли вправо и влево от нашей дивизии, и мы опять отступили на старую прошлогоднюю позицию у деревни Воробьевка.

Бой под деревней Воробьевка

На этой позиции мы провели ночь. Наши отступавшие части пришли в такое расстройство, что позиция была занята с прорывами. Говорят, что прорывы образовались от того, что некоторые полки отказались стать там. Немцы этим все время пользовались. Как будто чутьем узнавали они у нас слабые места и со всей силой напирала туда. Поэтому наша 16-ая дивизия была вынуждена отходить под их фланговым обходом.

С рассветом показались немецкие дозоры, а скоро полезли и их цепи. Я с удовольствием наблюдал, как разбегались и падали их цепи под нашим огнем, но из ржи показывались все новые. Как черви они пробирались, ползли, накапливались перед нашими окопами, но весь напор их отражался огнем нашей дивизии. Наши пулеметы трещали безостановочно, солдаты стреляли беспрестанно, а немцы не отступали, они падали, скрывались во ржи и вылезали снова другие. Мы поразились их беспредельным мужеством.

Увлечшись этим, я едва заметил, что прямо во фланге, слева, в нас летели пули. Я побежал к Мурашеву и на дороге встретился с вестовым; запыхавшись, он сказал мне, что наш 1-й батальон, стоявший левее нас, отступил и что там уже немцы. Телефон со штабом полка был порван. Связь прекратилась. Потом мы увидели, что левее нас через наши окопы перепрыгивают какие-то солдаты в странных темных мундирах. Это были германцы. Не успев предупредить наши заставы и соседний Углицкий полк, мы бросились бежать по ходам сообщения назад по направлению деревни Куровцы. Все наши 4 заставы попали в плен.

Когда мы были уже у деревни Глубочек-Вельки, то с участка Углицкого полка среди пулеметной и ружейной стрельбы, донеслись крики — это пробивались назад Угличане, уже почти окруженные немцами. Саперы взрывали мосты через реку Серет. Загорелись склады в Тарнополе. Мы отходили к нему.

Бой в Тарнополе

Как только мы дошли до Тарнополя, то начался “грандиозный” грабеж города. Солдаты разбивали магазины, лавки, подвалы, врывались в частные дома. Забирали все ценное, даже никому не нужное. А все, что не могли унести, разбивали, ломали, раскидывали по улицам. Никто не мог остановить мародеров, и они делали, что хотели. На улице топтали под ногами книги, валялись ящики табаку, папирос. Около оптического магазина под ногами хрустели стекла очков, футляры. Одежда, подушки, граммофоны, швейные машины, велосипеды, коробки конфет. Все это ташили, волокли, бросали. Как бешеные, скакали по городу казаки с целыми тюками, привязанными к седлам. Из окон и чердаков некоторых домов в солдат и казаков стреляли, а те отвеча-

ли тоже выстрелами, бросали в окна бомбы. Из домов неслись глухие женские вопли. Так погибал город ближайшего тыла, полный мерзости.

На улице я наткнулся на два трупа. Старый еврей с седой библейской бородой лежал на тротуаре с распростертыми руками, склонивши на грудь голову, а около него, согнувшись пополам, приникла лицом к каменным ступеням маленькая старушка-еврейка. Под обоими на асфальте тротуара стояла грязная лужа крови, а рядом стояла возбужденная ругающаяся кучка солдат. Из расспроса их я узнал, что из того дома, где жили эти старички, кто-то в солдат стрелял. Солдаты бросили туда несколько бомб. После их взрыва из дома в ужасе выскочили несчастные старик и старуха. Солдаты, принимая их за виновников стрельбы, немедленно же закололи их штыками.

Сначала я не верил этим предательским выстрелам, пока наконец на моих глазах не был убит прапорщик Писарев. Хотя мы, офицеры, были без погон или в солдатских шинелях, но стреляли преимущественно по офицерам. Писарев же был в золотом пенсне, по которому его и отличили. Из верхнего окна каменного двухэтажного дома шел выстрел, которым и убит был прапорщик Писарев.

Наш батальон занял окраину города и переправу через реку и озеро. Эту же переправу обороняли несколько броневиков. Неприятель показывался на высоте против города, но броневики огнем прогоняли его. Нам приказали по плотине выдвинуться на эту высоту, но солдаты боялись и не хотели идти. На плотину выехал автомобиль, где сидел старик-генерал Май-Маевский, а рядом с ним какой-то человек в штатском платье. Это был член Петроградского Совета рабочих и (крестьянских) солдатских депутатов. Он поднялся и обратился к солдатам с грозной и пламенной речью. “Я скажу Совету, — закончил он свою речь, — что суздальцы никогда не были трусами и изменниками своей родины! Так ли это?!” — “Так точно!” — отвечали солдаты и толпой двинулись по плотине, ободряя друг друга.

Но с горки сходили волонтеры “батальона смерти”, которые передали, что немцы сейчас уже займут все предместья. Мы возвратились обратно в город и стали окапываться на его окраине. Броневики стали на улице против переправы. Саперы взорвали мост на плотине, но неудачно. Мы получили приказ “упорно оборонять город”. Немцы могли пройти в город только по плотине, по сторонам же плотины было глубокое озеро, образованное от реки, заросшее камышами. И вот мы увидели странное явление: со стороны немцев на плотину выбежали две лошади в хомутах, рядом привязанные друг к другу. Не понимая, в чем дело, мы, как говорится, разинули рты и смотрели. Немцы же пустили лошадей с целью узнать, можно ли пройти по плотине. Нам непременно нужно было застрелить лошадей, но мы прозевали.

Как только лошади перешли на нашу сторону, то немцы открыли по городу сильный огонь из тяжелых орудий. В основном огонь был сосредоточен по части города, прилегавшей к переправе, т.е. по нашему батальону. С громом и треском рушились каменные дома от тяжелых снарядов. Летели кирпичи, черепица, щебень. Негде было укрыться от этого адского огня. Все наши пулеметы, защищавшие переправу, были разбиты, а пулеметчики перебиты. Батальон наш отошел от окраины города. Только один броневик остался против плотины. Под прикрытием этого огня человек 50 немецких гвардейцев по плотине пробрались в город, хотя наша артиллерия открыла по плотине такой огонь шрапнелью, что вся она скрылась в дыму.

Немцы засели за оградой костела и праечной, открыв по улице ружейный огонь. Наш броневик двинулся вперед, засыпая пулеметами плотину, ограду костела и праечную. За броневиком бросилась небольшая кучка офицеров и солдат-охотников с криком “ура”. Это громкое “ура” подхватили и те солдаты, которые где-то там, в цен-

тре города, вероятно, грабили дома. Немцы начали выскакивать к плотине, но почти все были перебиты. Мы опять утвердились на прежних местах.

Ночью нас сменил лейб-гвардии Московский полк, и мы пошли на юг, на отдых, а на другой день Тарнополь уже был сдан.

19 июля

Полк стал в лесу близ деревни Богдановки. Мы уже рядом с Подволочинском, а там и наша “матушка Россия”. В начале реорганизации армии я уже не верил в нее. Армия, управляемая возваниями и речами, уже не есть сила. Позорное отступление доказало это. Не знаю, что будет дальше, но уже есть предчувствие, что судьба России будет печальна.

Стоит сильная жара. Я каждый день ухожу из расположения полка далеко в лес. Ложусь под высокий развесистый дуб и смотрю вверх. Это самые отрадные минуты из моей настоящей жизни. Я стараюсь забыть об окружающей меня военно-боевой обстановке и, созерцая мирную лесную картину, прислушиваюсь к жужжанию пчелок, шелесту листьев, я предаюсь всевозможным мечтам и воспоминаниям. Мечты мои смутны, желания неопределенны. Предо мной проносятся образы из давно прочитанных произведений, обрывки переживаний детства, а картина леса в жаркий летний день возбуждает во мне какие-то неуловимые чувства отрады, красоты и грусти. Мне вспоминаются тургеневские “Записки охотника”. Среди густой лесной травы мне чудится голова Касьяна с Красивой Мечи. Я начинаю размышлять о жизни, но в уме всплывает образ Оленина из “Казаков” и его подобное же размышление в чаше леса.

Ночью, когда в лесу разжигаются многочисленные костры, и над деревьями выплывает луна, я опять уношусь в заманчивый мир фантазии и грез. Я знаю, что моя мечтательность смешна, но я не вижу надобности перевоспитывать себя. С раннего детства я жил фантазией, потому что моя действительная жизнь была бедна и убога. Лежа на печке в долгие зимние вечера, слушая завывание ветра в трубе, шорох тараканов по щелям, я уносился мыслью в далекие жаркие страны, путешествовал по океанам, необитаемым островам. И теперь мои мечты скрашивают мою неприглядную военную жизнь. Я чувствую себя на людях одиноким. Сколько времени я не имею никакого общения с женщинами! Эта изолированность от женщины с самой ранней юности развила во мне застенчивость, и образ женщины стоит в моей душе, заманчиво прекрасный и чистый. В свой жизни я не любил еще и мое сердце полно желанием любви. Я идеализирую женщину. Для любимой девушки я с радостью отдал бы свою единственную драгоценность, свою жизнь...

19 августа

Стоим в деревне Лубянка-Высше. Это, как и все, чудная украинская деревня. Живописно разбросанные беленькие хатки, все утопающие в садах. Но войска наши уже в одну неделю загадили ее. Лошади, привязываемые к плодовым деревьям, обглодали их. Везде навоз, человеческие нечистоты. Можно сказать, что армия наша загадила всю Галицию. Цветущие долины обратились в огромные отхожие места. Я уже не говорю про жителей. Бедные галицийские женщины и девушки! Неволей и волей они почти все обесчещены, и многие заражены венерическими болезнями. Таковы плоды этой “освободительной войны”.

25 августа

Сегодня узнали из газет, что немцы взяли Ригу, наши войска отступают. За что же погибли миллионы наших борцов? За что мы страдали, несли страшные жертвы? Несчастливая Родина наша!

Июль 1916 г. А.Н.Шилин — в центре.

30 августа

По телефону пришло нам известие о выступлении генерала Корнилова. Солдаты молчат; что у них на уме — не знаю.

7 сентября

Батальон наш стоит в городе Збараже. Вчера я осматривал старинный замок польских магнатов Вишневецких. Это огромное полуразрушенное здание, в средневековом стиле. Замок обнесен глубоким рвом и высоким каменным валом, в котором устроены длинные галереи с бойницами. В подвалах замка много тайников, темниц, в которых, вероятно, сидели узники. Мрак там настолько силен, что несколько наших электрических фонариков лишь тускло освещали низкие стены, сводчатые потолки из дикого серого камня. Особенно жуткое впечатление произвел на меня один тайник-темница. Эта круглая низкая камера с круглым каменным столбом посередине. Я представил себе состояние заключенного здесь: могильная тьма и могильная тишина...

Кругом замка раскинулся огромный парк с густыми тенистыми аллеями, с живописными группами деревьев. Парк дивной красоты, но весь загажен нашими солдатами. Я посмотрел на группу бельгийских офицеров, с брезгливыми гримасами проходивших через загаженную аллею, и мне стало стыдно. Стыдно за наш русский народ, за нашу беспросветную дикость и неряшество.

17 ноября 1917 г.

Вероятно, уже кончилась моя военная жизнь. Прощай война! Много ты дала мне страданий. Век я не забуду тебя, проклятое порождение великого зла! Много дней отняла ты у моей жизни. Ты отняла у меня навсегда и мою светлую чистую радость. Ей

нет уже места в душе моей, омраченной великими страданиями и ужасами, которые я видел и переживал. Прощай война, и дай Бог мне никогда вновь не видеть тебя!

Приношу Тебе, мой Бог, мое Провидение, молитву за спасение жизни моей. Ты показал мне ад и целым вывел оттуда, но Ты, мой Бог, показал мне, как безобразна, как ужасна бывает жизнь на Твоей земле.

Случаи и переживания, пропущенные в дневнике

Деревня Стриювка так близко от позиции, что сюда ночью залетали пули. Выйдешь бывало, из хаты, прислушиваешься. Вдруг засипит уже ослабевшая, но еще довольно сильная пуля, и где-то недалеко ткнется в землю. Немного погодя — другая. Я спал в хате против окна, и чтобы одной из этих пуль не вздумалось шелкнуть меня по голове во время сна, я переменял положение: голову спрятал за стену, а ноги уже предоставил им. Я со своим батальоном жил в крайней хате; за перегородкой ютились хозяева — пожилая женщина-полячка с двумя дочерьми. Одна из них была уже взрослая, а другая, Бронька, девочка лет 10. Обе отличались типичной польской красотой: с голубыми глазами, длинными ресницами, тонкими изящными чертами лица, с роскошными русыми косами.

Особенно была прелестна маленькая Броня. Мне было очень жаль ее, когда деревню обстреливала артиллерия. Она забивалась в угол и дрожала, как листок, устремив на нас прекрасные, полные страха, мольбы и слез свои невинные глаза. Старшая сестра ее, тоже перепуганная, но не показывавшая страха, ободряла и ласкала ее.

Мы сидим за преферансом. За перегородкой девушки тихо напевают какую-то песню. Денщики наши ушли за обедом. Вдруг я услышал знакомые мне звуки, от которых всегда щемило сердце, звуки приближающихся снарядов. Оглушительно захлопало где-то кругом хаты. Зазвенели стекла в окнах. Бронька закричала за перегородкой. На улице затопали ногами разбегающиеся солдаты. Хлопнула в сенях дверь, и в хату, запыхавшись, вбежали наши денщики с судками в руках. Опять зажужжало. Снаряды перелетели через крышу нашей хаты с коротким, почти мгновенным визгом, показывавшим всю страшную силу их полета. Стрельба сразу же стихла.

“Денщика 6 роты, должно, вбыло, — сказал мой Афанасий, — вин ззаду шел, як вдарыт, он зараз закричав и упав”. — “Где?” — “От тут у дорози”. Действительно, скоро к нам, как в ближайшую хату внесли для перевязки этого денщика — молодого безусого солдата со скуластым лицом. Он был ранен осколком в бедро. Рана на вид была легкая, хотя солдат на другой день умер. Вероятно, снаряд был отравлен. Его положили на полу и стали перевязывать. Обе девушки выглянули из-за перегородки и со страданием и страхом глядели на раненого. А он был отвратителен. Он стонал тонким, протяжным, приторным голосом и жалобно, по-бабьи, причитал: “Ой, моя ноженька! Ой, ой, головушка моя несчастенькая! Ой, больно!” и вдруг неожиданно заявил: “Братцы, животик заболел... поср<...> бы!” Девушки скрылись за перегородкой. О, война! где же твоя поэзия? твое рыцарство?...

На позиции под деревней Цебров австрийцы стали пристреливаться к нам тяжелыми снарядами-“чемоданами”. Их было выпущено только четыре с довольно большими промежутками. Батарея стояла где-то за Золотой Липой. Выстрел орудия был

похож на отдаленный удар грома. Потом слышался рев снаряда. Рев делался сильнее и все повышался. Вот он уже близко. Этот страшный звук нельзя сравнить ни с чем. Пуля тоже несет смерть, но ее тонкий протяжный или короткий свист только возбуждает, волнует; от него сильнее бьется сердце, а этот адский рев и вой наводят ужас. Он страшнее смерти. Ураганный вой проносится через нас, и саженей в 100 сзади из земли могучим взмахом взлетает вверх большое черное облако. Затем тяжелый громовой удар и разнообразное завывание и жужжанье осколков. Последний снаряд попал в окоп и завалил и разрушил его шагов на 50. Людей там не было, кроме одного наблюдателя. Труп его бросило вихрем взрыва в стоячем положении на край стенки окопа. За всю войну я не видел такого страшного трупа. Солдат был на вид целый; даже шинель не разорвана, только стал толще и ростом вдвое ниже. Это был мешок с костями и мясом. Когда я взглянул на этого низенького уroda с лицом, забитым землей, мне стало жутко и я поспешил уйти к себе в землянку.

Меня перевели во 2-ю роту к поручику Новикову. Офицер этот был произведен из солдат: злой, придиричивый, малограмотный служака. Обыкновенно таких в армии солдаты звали “шкура”.

Мне противно было жить с ним в одной землянке, и я, под предлогом, что левый фланг нашего окопа нуждается в присутствии офицера, перешел туда в крошечную, вырытую в стенке окопа землянку. Глубокая ночь. Я лежу на маленькой ступени (вместо кровати) в своей земляночке и слушаю непрерывные ружейные выстрелы и свист пуль. На потолке у меня возятся и пищат мыши. Я уже не чувствую к ним отвращения, как раньше. Вдруг целая куча мышей, сорвавшись с потолка, падают мне на живот и с писком разбегаются. (Проклятые мыши заполонили все наши окопы. Их везде тысячи и никуда от них не денешься). Я все лежу и, ни о чем не думая, слушаю. Понемногу глухая тяжелая тоска вползает в меня. Эта привычная у меня тоска, которая щемит сердце в самые опасные или тяжелые, безотрадные часы. Я назвал бы ее “тоскою смерти”.

Я встал и пошел в землянку к Новикову. В это время у него был с докладом фельдфебель. Он заявил, что его “отделенный командир” Винниченко почему-то убежал из караула от своего отделения. В трусости Винниченко никогда замечен не был, да и в карауле ничего не случилось, но все-таки почему-то он самовольно ушел из караула в основной окоп. Новиков приказал позвать его. Через несколько минут солдат явился. Это был молодой красивый парень с прекрасными карими глазами, с длинными черными ресницами. На груди крест. “Ты что же это, братец? Самовольно с поста ушел? А? Знаешь, что тебе за это будет?” — накинулся на него Новиков. — “Как ты осмелился?” Солдат молчал. Потом проговорил с усилием: “Не могу знать, Ваше благородие, шось сумно стало, на сердце так важно стало (тяжело), аж не втерпив...” Я понял его. Но “злая шкура” был чужд этих переживаний и, брызжа слюной, скверно ругаясь, он прогнал солдата опять в караул. Я вышел следом за ним и опять лег в своей землянке. Щелкали выстрелы. Свистали пули. Я не знаю, сколько прошло времени. По окопу раздавался топот ног. По-видимому, несколько человек несли кого-то. Я вышел и окликнул их: “Аль ранило кого?” — “Так точно, убило”. — “Кого это?” — “Третьего взвода Винниченко, в карауле”. Я остановил солдат и, нагнувшись над трупом, зажег спичку. Спичка осветила стеклянный карий глаз с длинными ресницами; другой же был залит кровью. Да, этот человек предчувствовал свою смерть, и я знал это, но ничем не помог несчастному.

Прапорщики Пермезский и Мустейкис были между собой очень дружны. Но, странное дело, они всегда спорили и ругались, часто из-за пустяков. Помню, однажды мы были на поддержке 4-й дивизии, находились во 2-й линии, по которой австрийцы подготавливая атаку, открыли сильный артиллерийский огонь. Небольшой недолет, перелет, вправо, влево — то и дело оглушительно рвались снаряды. Настроение у меня было подавленное, а они по обыкновению завели спор о том, какие это снаряды рвутся около нас: один утверждал, что шестидюймовые, а другой кричал, что четырехдюймовые. Вдруг со страшным скрежетом снаряд разорвался на самом бруствере перед нами, даже голове стало больно и в ушах зазвенело. И тотчас же я услышал крик: “Ну что, скажешь, что и это четырехдюймовка?!” — “Конечно!” — “Понимаешь ты черта!” И опять пошли ругаться. Несмотря на свое угнетенное состояние, я не выдержал и рассмеялся, и мне стало веселее.

Красная Армия (Эпизоды) 1918—1922 гг.

Я временно команду батальоном, которого в действительности пока нет, т.к. он только должен сформироваться. Моими неразлучными спутниками всегда являются Сумерский и мой “каптер” Безруков. Остальные 3 или 4 красноармейца, составляющие “штаб” батальона, бредут где-то сами по себе. Все мы направляемся пешим порядком со станции Алексиково в далекую “обетованную землю” — станицу Казанскую, где будем формироваться, стоять и отдыхать. Штаб полка, пулем. команда и нестроевая рота, едут далеко впереди нас. Им хорошо — у них лошади, подводы. А мы, навьюченные мешками, тянемся по снежным донским степям и отводим душу тем, что иронизируем сами над собою, а больше всех достается от нас полковому адъютанту, этому длинному попovichу, тому самому, который у Гоголя объяснялся в любви Хивре — супруге Черевика. Каптер вздыхает: “Эх-хе-хе. Все-то едут кто верхом, кто как, а мы, грешные, вот шагай”. Сумерский переводит его речь на славянский язык: “Оные на конях, оные на колесницах”. Меня разбирает смех, когда они начинают шпиговать меня: “Какой же ты командир батальона? Ведь если тебя с этим мешком поставить на церковной паперти, тебе будут милостыню подавать. Где твой батальон? Эх ты, министр без портфеля!” Я не остаюсь в долгу и начинаю язвить Сумерского: “Это тебе, брат, не старая армия! Ничего, привыкай к мешку-то, золотопогонник. Может тебе, ваше благородие, сапоги почистить?”. Мы хохочем и не замечаем усталости.

Донские казачки ругаются “матерком” так же виртуозно, как и их отцы и мужья. Я слышал, как ругалась матерно 16-летняя девчонка при своих родителях, которые не обращали на это внимания.

“Славный, тихий Дон!” Чем же ты славен? Красные лампасы. Сытые морды. Какая дичь! Один казак объяснял мне, отчего у него мокнут окна в доме: строивший дом плотник “помочился” в окно — вот причина. Ночевал однажды в станичном исполкоме. По случаю тревоги члены исполкома дежурили всю ночь. Чего только я не наслушался от них. Всю ночь шли разговоры про ведьм, оборотней и всякую чертовщину. Огромные станицы, богатые дома и дрянные школы. Видно, царская власть не очень заботилась о просвещении в этом краю.

Казачки открыто называют нас “краснопузиками”. Распевают на улицах песни вроде такой:

Полюбили комиссары
Наших девок молодых
Только пятки салом мажут
От погонов золотых.

Старые казаки скрыто молчат. Они никак не могут переварить евреев. Иногда с иронией спросит: “Правда, будто Троцкий у вас, вроде как из жидов будто?”.

Советские деньги не признают. Свои “донские” берегут наравне с царскими кредитками. В некоторых домах попадались мне белогвардейские газеты. Там везде фигурирует “всевеликое войско донское”, “единая неделимая Россия”. Достается Троцкому за то, что он не Троцкий, а Лейба Бронштейн. В одном стихотворении воспевается, как “камьши на донских заводах шептали грустную легенду про генерала Каледина”. В одной статье, под заглавием “Суды в Совдепии” какой-то юрист издевался над ревтрибуналами и чрезвычайными комиссиями. В общем эта “духовная пища” представляет из себя порядочную дрянь и годилась только для тех, кому всего дороже красные лампы.

Вот она, станица Казанская! Незадолго до нашего прихода здесь было казачье восстание. Ночью казаки нагрянули в станицу откуда-то из степных хуторов. Обезоружили полк красноармейцев, спавших мирно по домам. Только полковому коллективу коммунистов удалось избежать плена. Будучи более бдительными, они во время тревоги быстро собрались на сборный пункт и отстреливались от наседавших казаков, не сдались в плен, а ушли из станицы. Пленных красноармейцев согнали в сарай. Несколько человек расстреляли, над остальными издевались — гоняли их “поить” к Дону, как скотину. Потом налетели красные, вышибли казаков. Когда мы пришли в станицу, она уже была “усмирена”. Из казаков остались только старики и ребятишки, остальные или бежали, или были убиты в стычках. Много домов стояли пустыми.

По почину полкового политпросвета устроили конференцию местных учительниц. Я взял себе доклад на тему “Искусство в советской школе”. Наш политпросветчик Рабинович — насчет марксизма и революционного движения. Учительницы — как воды в рот набрали. Закончилась конференция не без юмора. Рабинович вступил в спор со своим товарищем по вопросу национальной политики. Спорщики так увлеклись спором и затянули его так долго, что все слушатели мало-помалу разошлись. Я ушел последним и оставил их все спорящими и не замечающими, что они остались в зале одни.

Май. Цветут вишневые сады. Вода в Дону все не спадает, так что местами цветущие сады залиты водой. Красота. Полк переводят в станицу Усть-Медведицкую. Мы с учителем Чинкиным выпросили у командира полка разрешение отправиться одиночным порядком на лодке (около 180 верст). Купили старенькую лодку. Расprostились с хозяевами и тронулись вниз по течению. Это путешествие продлилось 10 дней. Были и приключения. Чуть не потонули от внезапно налетевшей бури. А какие картины развертывались перед нами! Какую вкусную стерляжью уху ели мы на остановках, места для которых выбирали самые живописные. Рыбу покупали у встречных рыбаков, молоко — на хуторах и в прибрежных станицах. Подъезжаем как-то, к хутору, чтобы купить молока. Вид у нас воинственный (с винтовками). На берегу встречает нас куча баб и ребятишек, предводительствуемых стариком. С любопытством разглядывают нас, а старик добродушно спрашивает: “Чьей же короны вы будете?” — “Были дед, под Николкиной короной, а теперь живем под Советской звездой”, — отвечаем мы, и дед почтительно удивляется: “А...а... вон как...” “Мама, это краснопузики?” — спрашивает девчонка, дергая мать за подол, и казачки раздражаются хохотом. Молока и хлеба дают нам охотно, и мы едем дальше.

Бой с отрядом Махно (21/IX—1920 г.)

О поле, поле!

Кто тебя усеял мертвыми костями?

Едем на Махно. В нашем 4-ом стрелковом полку только 2 батальона с 3-мя пулеметами. Один батальон от нас отделился и стоял в станице Еланской. (С ним ушел от меня и мой неразлучный Сумерский). У нас 700 штыков, по 50 патронов на каждого. Идем беспечно, про Махно мало думаем. Слышали про него, что появился он на Дону из Украины. Небольшая-де банда. Кружит по степям, — никак его не догонишь. Огромный обоз на быках из обывательских подвод движется с нами. Поздно вечером подошли к станице Боковской. Наша пешая разведка донесла нам, что в станице махновская конница. Остановились. Составили обоз в кучу, а сами рассыпались цепью кругом него и стали коротать ночь. Некоторые красноармейцы штыками сделали себе окопчики.

Холодная сентябрьская ночь. В станице — тишина, только собаки надрываются. Я подложил себе под голову свою кожаную походную сумочку и уснул. Предрассветный холод разбудил меня. Туман клубами плыл по лугу, где был наш “табор”. Недалеко от нас виднелись сады станицы. Тотчас же со стороны станицы, как бы давая нам одуматься, понеслась частая ружейная и пулеметная стрельба. Как стайки шустрых птичек, засвистали рои пуль. Я бросился к своей роте, проверяя цепь. Красноармейцы, дрожавшие от холода, лежали на местах, стараясь рассмотреть невидимого врага. Фронт моей роты был в сторону, противоположную станице, так что пули летели в нас сзади. 2-й батальон, занимавший противоположную сторону обоза, стал отвечать. Стрельба вспыхнула сильнее и закипела бесперывно.

Туман рассеялся. Выглянули сады и дома стоявшей рядом станицы. Наступило утро грозного, рокового для нас дня. Перед фронтом моей роты было пустынное поле с буграми. Вдруг на одном бугре мы увидели плотную массу кавалерии, медленно двигавшейся мимо нас. Некоторые красноармейцы стали в нее стрелять, другие кричали, что эта, должно быть, наша кавалерия. В приказе, действительно, нам было объявлено, что правее нас будут какие-то наши конные части. Я не знал, что мне делать. Но красноармейцы чутьем узнали, что это враг. Огонь наш усилился. Конница ускорила аллюр и скрылась за бугор перед нами. И скоро перед нами показалась уже пешая цепь противника.

Мы были в кольце. Начался упорный бой. Махновцы приближались к нам перебежками по одному. Их пулеметы строчили по нам со всех сторон. Весь воздух визжал от пуль. Наши обозные быки, бродившие по лугу, один за другим падали, пораженные пулями, и скоро весь луг пестрел рыжими пятнами убитых животных. Сзади нас за обозом еще сильнее вспыхнула и заклокотала стрельба, слышались какие-то крики. Скоро и перед нами из-за бугра появилась конная лава и во весь карьер понеслась на нас. Загудело под ногами от конского топота. Множество всадников, махая в воздухе шашками, неслось на нас. Я поглядел на свою реденькую цепь красноармейцев и почувствовал ужас приближающегося.

Без паники красноармейцы открыли частый огонь. Я сначала не понял, почему это моя реденькая цепь открыла такой сплошной, как поток, огонь. Да ведь это наш пулемет! Милый Максимка! Я, как не пулеметчик, не обращал большого внимания на то, что на правом фланге моей роты, стоял замаскированный дерном пулемет нашей команды. Это он дал нашей стрельбе такую могучую поддержку. Грозная лавина конницы не докатилась до нас. Она рассыпалась, смешалась. Некоторое время я видел

мелькавших впереди всадников, скачущих уже не на нас, а назад или в стороны. Несколько лошадей без всадников метались по лугу. Потом луг опустел, и на нем лишь прибавилось число пятен: убитых людей и животных. Мы ободрились, но как бы в наказание за эту дерзость, опять защелкал и запел по нам град пуль, опять перед нами появилась пешая, перебегающая к нам цепь.

Жуткая весть: “Товарищ, командир, патронов больше нет”, — докладывает мне красноармеец. Я знал, что больше патронов нет и в нашем обозе. Их было всего на 50 человек. Я стал бегать по цепи и предупреждать: “Береги патроны!” Наша стрельба стала реже, а со стороны противника она, наоборот, усилилась. Некоторые махновцы стояли в цепи во весь рост. Доносились отдельные их крики: “Подвози пулемет! Никуда не уйдете!” Мне очень захотелось покурить. Я свернул папиросу и не нашел в кармане спичек. Стал перебегать от одного красноармейца к другому, спрашивая спичек. Вдруг, как крепкой палкой, ударило меня по правой ноге выше колена. Ранен. Думая, что я не могу уже ходить, я отполз от цепи назад в какую-то пробоину и увидел там нашего фельдшера. Он перевязал мне простреленную ногу.

Здесь, в этой маленькой канавке лежало и стонало много наших раненых. Я не заметил, когда они собрались здесь, и вообще в цепи я не видел раненых. Здесь оказался и мой взводный командир Копорев. Он не мог говорить, то и дело выплевывая изо рта сгустки крови. Пуля пробила ему обе щеки. Мы лежали, а над нашими головами, поверх рытвины “на все лады” визжали пули! Я поглядел на наш обоз. Масса телег, сбитых в кучу, стояла с поднятым лесом оглоблей. Все было там неподвижно и мертво. А сколько там баб, ребятишек-подводчиков!

В нашей цепи стали раздаваться какие-то крики. Стрельба затихла. Я выглянул и увидел, что красноармейцы 2-го батальона, стоя по весь рост, махали фуражками, кричали “Сдаемся!” Торчали винтовки, воткнутые штыками в землю. Ну, будет теперь расправа. Я быстро отбросил от себя сумку с документами, револьвер и свою, хотя и старую, но офицерского покроя, шинель, и стал ждать. Стрельба окончательно утихла. В нашем обозе зашевелились люди, загудел говор. Опять показалась из-за бугра и понеслась на нас конная лава. Среди всадников очень много донских казаков. Их легко узнать по фигурам. Они приближались. “Эй, хлопцы, не рубай” — крикнул кто-то из рядов. Но я увидел, как казак, проезжая мимо лежащей фигуры раненого, задержал лошадь, замахнулся и ударил лежащего шашкой. Бой кончился. Начиналось нечто ужаснейшее. Начиналась казнь.

Позабыв о своей раненой ноге (кость была цела) я вскочил на ноги. Ко мне подошел мой помощник Кочанов и встал рядом. Четверо китайцев моей роты стояли не выпуская из рук винтовок. Кто-то кричал им: “Бросай, Ходя, винтовки! Зарубят!” Они вертели головами, не понимая. Несколько конных казаков повернули к ним, китайцы бросились бежать. “Стой, Ходя, так твою мать!” — заорал казак. Китаец (Ду Лен Чин) остановился. Казак замахнулся шашкой. Несчастный китаец закрыл голову руками. Дикий ужас глядел из его желтого перекошенного лица. Казак ударил шашкой. Что-то отлетело от рук китайца. Он взвизгнул и побежал, и опять за ним погнался палач с криком: “Стой, так твою мать!”

Я как-то странно воспринимал все последующие события. Некоторые картины, отдельные моменты страшной драмы запечатлелись во мне с поразительной ясностью и, должно быть, до самой смерти моей они будут стоять в мозгу, как живые. Зато другие эпизоды и связь их во времени остались в памяти, как в тумане. Мимо меня проносились лица врагов, суровые, грозные, милостивые.

Один казак обратился к Кочанову: “Зачем стреляли? Так вашу...” — “Я, товарищ, не стрелял”, — робея, отвечает Кочанов. Казак нагнулся с седла, быстрое движение

руки, шашка звякнула по голове Кочанова. “Ах!...” — испуганно-удивленно вырвалось у него, и, как бы раздумывая, он медленно повалился. Лошадь заплясала и рванулась под казаком. Он осадил ее и с тем же жестом, положив шашку на луку седла, обратился ко мне: “Зачем стрелял?” Это была смерть. Я ясно видел смерть и в его жестких зеленых глазах, в безусом лице со стиснутыми скулами. Инстинктивно закрыв голову руками, я сделал от него движение, говоря бессмысленно: “Я не стрелял”, и с содроганием ждал, как сталь врежется мне в голову. Что же долго так? Я вижу: казак поехал от меня прочь, доканчивая матерное ругательство. Всем, проезжающим мимо меня, я стараюсь глядеть в глаза. Мне кажется, что враг зарубит меня, если я не увижу его зора.

Конница стеснила нас, заполнила весь луг. “Есть часы? Давай часы!” — говорит мне кто-то. Я быстро отдаю свои часы, доставшиеся мне за дешевку на германской войне от солдата, который снял их с убитого австрийского офицера. “Снимай фуфайку!” — кричит мне другой бандит. Снимаю фуфайку и вижу, как невдалеке от меня казак с коня тычет шашкой в лицо лежащего раненого. Шашка стучит по зубам, погружается концом в рот, глаза. Раненый фыркает кровавыми пузырями, мотает головой. Лица его не видать за кровью, лишь его длинные черные волосы напоминают мне что-то знакомое. Уже после я припомнил, что это был политрук моей роты. “Снимай гимнастерку, снимай штаны!” — слышу я повелительные окрики. Быстро снимаю. Со штанами вышла заминка. Чтобы снять их, надо было сначала снять сапоги (которые были в заплатах, так что ни один бандит не взял их). Когда я стал снимать сапог с простреленной ноги, я скорчился от боли и застонал. “Ну, помоги ему” — крикнул казак другому красноармейцу, уже раздетому. Тот помог мне и передал победителю мои защитные шаровары, почерневшие и заскорузлые от крови. Кальсоны, оказавшиеся без пуговицы, свалились с меня. Я придерживаю их рукой. Опять надел свои рыжие заплатанные сапоги и поскорее встал, боясь, что зарубят лежачего. “Становись в колонну по четыре”, — командуют нам. Я захромал вслед за другими и встал в строй. Все пленные были в одном белье, многие голые. Понурые, дрожащие фигуры жались друг к другу.

К нам подъехал молодой красавец, увешанный несколькими револьверами, ремнями и грозно скомандовал: “Коммунисты и командный состав — выходи вперед!” Я знал, для чего вызывают, и стоял. Вышел Келин, Садин и еще кто-то. “Ну, выходи все, иначе всех до одного порубим!” — кричит махновец. Кто-то легонько подталкивает меня в спину и шепчет: “Выходи уж, а то весь все пропадем”. Что думал я? Какие были у меня намерения? Мне кажется, что я ничего не соображал. Что-то бессознательное, трепещущее делало и говорило за меня с огромным напряжением. Придерживая рукой окровавленные кальсоны я вышел вперед и оглянулся по сторонам. Кругом стояла конная цепь с шашками на голо. За ней подводы нашего обоза. “Ах, туда бы, в обоз” — мелькнуло у меня. Я еще сделал несколько шагов, отделился от шеренги командиров и заговорил, обращаясь к командовавшему нами махновцу. “Товарищ, — начал я, — я обучал неграмотных красноармейцев, так что я нестроевой. Я ранен, разрешите мне сесть на повозку”. Он не обращал на меня никакого внимания, занятый допросом батальонного командира. Я думаю, что он даже и не слышал моего жалкого бормотания, что мне и было нужно. Мне нужно было, чтоб мой “разговор” с ним видела окружающая нас охрана. Я повернулся к цепи, к повозке, с видом человека, которому вполне законно разрешили выйти из строя. Набежавшие из станицы бабы, ребятишки шныряли кругом.

С замиранием сердца я ждал окрика сзади “куда?”, но окрика не было. Я прошел мимо казаков, подошел к какой-то повозке и прислонился к ней. Повозка была без быков. На ней сидела баба; поглядев на мою дрожащую фигуру, она взяла из повозки чью-то рваную шинель и бросила мне на плечи со словами: “Накройся, вот”. Я сел на

повозку и стал глядеть на оставшихся товарищей. Вижу, к ним подошел в сопровождении двоих конвойных мой красноармеец Иванов Матвей (Казик) и стал указывать пальцем, а некоторых прямо хватал за воротник. Казаки тотчас же вытаскивали их из колонны. Началась омерзительная картина. Командиров рубили, понеслись крики, мольбы. Мой старшина Серов молил казаков: “Братцы, пожалейте, четверо ребятшек дома”. Его полосовали шашками. Он, поднимаясь с земли, начал ухать диким голосом: “Ух, ух”.

Командир 8-ой роты Карамышев спрятался опять в толпу красноармейцев, но все сторонились от него. Его вытащили и зарубили. Мне показалось, что безумные глаза предателя Иванова ищут меня, уже остановились на мне. Я зажмурился. Сидевшая рядом баба-подводница заголосила: “Господи-и! И чего это делается-а-а...” — “Авдотьюшка, Авдотья-а”, — с плачем звала она кого-то. “Авдотья женка — Рязаночка”, — почему-то мелькнули у меня в мозгу слова из какой-то былины или песни про татарское иго. Заскрипели впереди повозки нашего обоза. “Поезжай, поезжай, чего рты разинули!” — заорал кто-то сзади. Моя баба с воем прыгнула с телеги, взялась за оглобли и потянула; повозка поехала.

Опять остановились. Толпы конных и пеших махновцев сновали кругом, рьлись в вещах на повозках. “А ты кто?” — на меня свирепо глядели что-то глаза. “Я? Я — учитель” — “Какой учитель, коммунист?” — “Нет, я просто неграмотных учил”. — “Врешь, сволочь! Мы вас, сволочей всех порежем”, — злобно ругался казак, роясь в мешках на моей повозке.

“Что же делать? Что мне делать?” — мучительно думал я и слез с повозки. Я, хромая, пошел вдоль обоза и вошел в станицу. Она кишела народом. Среди массы подвод, тачанок, солдат, лошадей, бегали бабы, ребятки. Какая-то старуха попалась мне; она согнувшись тащила мешок с красноармейскими пожитками. Я подошел к одной хате, из-за городьбы ее выглядывала казачка. Я обратился к ней (желая скрыться в хате): “Хозяйка, можно к вам зайти напиться?” — “Нет, товарищ, — отвечала она, — я лучше тебе вынесу”. Она вынесла мне кружку воды. Я напился и, ни о чем не думая, пошел вдоль улицы, выломав из плетня палку. Проклятые подштанники не давали мне ходу. Кое-как я закрепил их узлом и двинулся свободнее, опираясь на палку. По улице грохотали тачанки, кареты, где сквозь стекла окошечек виднелись сестры милосердия и чьи-то головы на подушках.

Вдруг из хаты с висевшим у дверей черным флагом вывалила целая толпа махновцев. Они окружили кого-то и вели на дорогу. Я остановился и увидел среди них двоих голых людей со связанными назад руками. Это были наш командир полка Сережников и его временный адъютант Марков. Толпа остановилась. Плотное кольцо бандитов скрыло от меня жертвы. Над ними поднялись винтовки, вниз штыками. О, звери! Кровавая сволочь! Не торжествовали бы вы над нами, если бы были у нас патроны. И все через патроны! Только бы патронов, больше патронов!

Я свернул с дороги: из другой улицы навстречу мне вели колонну наших пленных красноармейцев. Странная “белая” колонна. Я вижу — много голов повернулись ко мне, узнали меня. Но предателя не нашлось среди них.

Я вышел из станицы и лег в канаву на ее околице. Я решил идти в станицу Чернышевскую, где раньше стоял наш батальон и где у меня был знакомый, хозяин моей квартиры. Я медленно двигаюсь степной дорогой. Уже наступил вечер, я подошел к какому-то хутору. И здесь махновцы. Возле крайней маленькой хатки сидела казачка и варила что-то в чугушке. Я подошел к ней и присел у огонька. В кармане своей шинели я нашел кисет с табаком и стал свертывать курить. Баба исподлобья поглядела на меня недружелюбно. “Вы не думайте, хозяйка, что я напрашиваюсь к вам на ужин. Я только отдохну, покурю вот”, — говорю я. Она что-то пробормотала мне, потом сняла чугунок

и ушла в хату. Скоро дверь хаты опять открылась, показался ее муж, казак средних лет и крикнул мне: “Иди, товарищ, в хату, повечеряй с нами”. Я вошел. Ел что-то вкусное. Хозяева молчали, ребяташки тарасили на меня глаза. “А нельзя ли мне переночевать у вас?” — спрашиваю я. “Нет, товарищ, я бы с удовольствием, да тут везде солдаты стоят. Кабы за тебя чего не было?” В этот момент дверь открылась и в хату вошел молодой махновец. “Вот мы лучше спросим, — сказал хозяин, — можно у меня раненому красноармейцу заночевать?” — “Чому же не можна”, — добродушно ответил махновец. “А ну и я с вами повечеряю”. Он сел за стол и спросил меня: “Вы кто, товарищ?” Я начал говорить, что я учитель, нестроевой. “Ну шож, у нас вы пысарем будете.” — “Да я ведь ранен, ходить не могу”. — “Ничего, — успокоил меня махновец, — у нас ходить не будете, у нас все на тачанках. Зараз ходим до командира, он запышет вас у роту”.

Дело принимало опасный оборот. Он встал из-за стола и повел меня “до командира”. На улице играла гармошка. Празднично одетые девки гуляли с махновцами. Мы подошли к дому, у крыльца висел черный флаг с какой-то надписью. “Ось командир, иди смело”, — сказал мой провожатый и прошел дальше. Я медленно поднялся по ступенькам, с намерением уйти обратно, как только скроется провожатый, но вестовой, возившийся в сенях, увидел меня и спросил: “К командиру? Вот в эту дверь иди!”

Я отворил дверь и увидел грузного мужчину в офицерском костюме, но без погон. Он стоял задом ко мне, надевая лакированный сапог на ногу. “Ты что?” — взглянув на меня через плечо, сказал он. Опять помимо моей воли кто-то, сидевший во мне, бессознательно напрягаясь найти спасение, заговорил: “Я учитель, ехал с обозом 4-го полка, ранен. Я не могу ходить, мне обязательно нужно найти перевязочный пункт”. Командир молчал, надевая тесный сапог. Опять оглянулся на меня и спросил: “Учитель? Как же тебя не зарубили?” — “Не могу знать. Меня не тронули”. Молчание. Командир топнул надетым сапогом и сказал громким равнодушным голосом: “Никакого перевязочного пункта здесь нет. Это иди в ту деревню. Понял? В ту деревню ступай”. — “Слушаюсь”, — прошептал я и вышел из комнаты. По темной улице я опять прошел в крайнюю хату и объявил хозяину, что командир полка не взял меня к себе, т.к. я не годен на службу. — “Ну это дело другое. Вон, ложитесь в сенцах. Баба, устрои-ка там ему!”

Ужасная ночь, душившая меня кошмарами. Тело пронизывала дрожь. С поразительной яркостью в воображении встали окровавленные, страшные лица товарищей, как молнии, сменяя друг друга. В пугливом забытии прошла ночь. Забрел в окошечко рассвет. С улицы раздалась дробь выстрелов, затакал пулемет. Несколько пуль шелкнуло в стенку моей хатки, осыпая куски глины. Я машинально сорвался с кровати и лег на земляной пол. Прогрели по улице колеса тачанок. Проскакали какие-то конные, и во время наступившей тишины я слышу топот приближающегося человека. Дверь быстро отворяется, в ее светлом четырехугольнике выросла фигура солдата с винтовкой на изготовку.

Увидев меня, он отдернулся назад и приложился. И в это же мгновение сидевший внутри меня заставил меня протянуть руку и крикнуть пронзительно: “Свой, свой!” Красноармеец опустил винтовку и крикнул: “Выходи! Выходи, махновец!” — “Я не махновец. Я командир 9-ой роты 4-го стрелкового полка”. Казак-хозяин, выскочивший в сени, подтвердил это: “Верно, товарищ, это ваш раненый”. Я вышел из хаты и увидел на улице кучу махновцев, взятых в плен. Им кто-то командовал: “Снимай сапоги! Снимай шинели”. Я потребовал показать мне командира полка. “Вот командир”, — указал взявший меня красноармеец на группу всадников. Я подошел к ним, и они долго не могли понять меня, так как мои губы непроизвольно прыгали. Меня отправили в госпиталь.

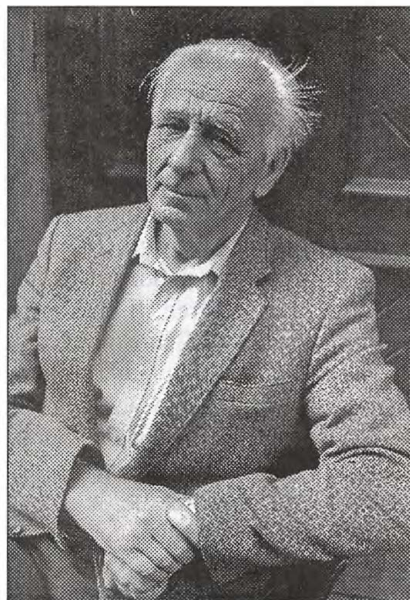
А.М.Агафонов (Глянцев)

В нацистских застенках

В жизни не так много уникальных явлений, чтобы обойти вниманием то, с которым имеет возможность познакомиться читатель нашего журнала. Речь идет о судьбе удивительного человека - Александра Михайловича Агафонова (Глянцева) и о его повести-хронике «Записки бойца “Армии теней”», выпускаемой издательством Санкт-Петербургского университета в продолжающейся серии «Библиотека журнала “Новый Часовой”».

Александр Михайлович Агафонов (Глянцев) родился в России в семье ветерана Первой мировой войны и сестры милосердия. В период Гражданской войны его родители покинули Родину, а мальчик остался с бабушкой в Харькове. В 20-е годы родители через Красный Крест разыскали сына и устроили его выезд в Белград. Так, осенью 1927 года в почти восьмилетнем возрасте Саша Агафонов оказался за границей, на югославянской земле. Здесь он окончил школу, учился на медицинском факультете университета, в Белградском офицерском училище. А затем — война, немецкий плен, побег, участие во французском Сопротивлении. Владеющий французским и немецкими языками, он едет в Берлин для организации актов саботажа, оканчивает школу шоферов, работает на строительстве Атлантического вала. Но следует разоблачение, арест, смертный приговор и ...чудесное спасение от казалась бы неминуемой гибели — на тюремный фургон, который вез Александра Михайловича на расстрел, напали товарищи из Сопротивления. И опять работа в подполье, опять арест, гестаповская тюрьма, кошмар Бухенвальда, новый побег. Конец войны он встретил в Кельне с оружием в руках в рядах антифашистов.

А на Родине его объявляют шпионом, и круги ада продолжают оставаться едва ли не главной составляющей его жизни — очередной смертный приговор (чудом не приведенный в исполнение), Лубянка, ГУЛаг. В 1954-м, после смерти Сталина, пришло освобождение. Жизнь нужно было начинать заново, по сути дела с нуля. Только в 1962 году Александр Михайлович получил советское гражданство, работал учителем в Севастополе. После выхода на пенсию некоторое время жил в Колпине, под Ленинградом. Август-

товский путч 1991 года застал его во Франции, где испытавший все превратности судьбы человек решил остаться навсегда, тем более, что вновь соединился с подругой, с которой был арестован в шюле 43-го и которую нашел через 18 лет.

Поразительно, как одна человеческая жизнь смогла вместить столько драматических событий, невысказанных поворотов судьбы! Перипетий, выпавших на его долю, с лихвой хватило бы на десятилетия.

Читатель имеет возможность познакомиться с фрагментом книги А.М.Агафонова (Глянцева), любезно согласившегося на публикацию в "Новом Часовом". Не сомневаемся, что тот, кто прочтет хотя бы несколько страниц этого захватывающего повествования, приложит все усилия, чтобы познакомиться со всей книгой.

...Да, я понял, что влип здорово. Но здесь, в холодильнике, я знал: главное — впереди! Если хочу остаться в живых (конечно, если в живых оставят!), необходимо дать признание. Такое, какое бы могло удовлетворить гестаповцев. Они ждут, рассчитывая, что со временем я не выдержу, сломаюсь. А я, действительно, ослаб. Сколько можно терпеть? Самое страшное — ожидание, ожидание в неизвестности. И тут, будто в ответ, иголками кольнуло сразу в нескольких местах моего тела: в пальцах ног и еще кое-где. Р-р-раз! и всё, больше никакой боли. Я вспомнил: организм таким образом предупреждает, что там прекратилось кровообращение, кровь замерзла. Так и есть: эти места побелели, обескровились. Я бросился растирать их изо всех сил. Это занятие оторвало меня от мрачных мыслей. Тереть и тереть! Ага, уже становится больно, но я продолжаю свою работу. Судорожность моих движений сломала инертность одеревеневших конечностей. Я еще живой, раз что-то чувствую! Надолго ли? Не начало ли это конца? Неважно! Вспомнилась латинская поговорка: "Dum spiro spero!" — пока дышу — надеюсь! А я дышу, значит надеюсь, живу. А раз живу — долой отчаяние! Отец часто мне говаривал: "Нас все равно с Земного шара не спихнуть!". Нет, не спихнут! Без надежды нет жизни. "Надежды юношей питают, отраду старцам подают!". К этому что-то шуточное добавляли легкомысленные студенты... Ага, вспомнил: "Живых в могилы загоняют, и там покою не дают!". Ну, кажется всё, — отморожения не будет! Чудак же я однако: его угробить собираются, а он печется, как бы перед тем не обморозиться...

Гестаповцы что-то прознали, а хотят узнать всё. От меня! Моя роль — скрыть от них побольше. А еще было бы лучше — запутать их. Нечто вроде дуэли умов. Кто кого? Чтобы удалось одержать верх, необходимо вспомнить всё, что предшествовало аресту. До мельчайших подробностей! Понять, о чем они уже знают, что могут узнать. Что было во время моего последнего пребывания в Париже? Ведь именно здесь произошел какой-то прокол. Сомневаюсь, чтобы гестаповцам была известна моя предыдущая жизнь; разве бы оставляли меня так долго на свободе?! Начнем с конца, с момента доставки меня в гестапо, на рю де Соссэ. Пойдем, как говорят украинцы, "от печки"...

...Итак, в общей комнате сидело несколько. Хоть и узнал я только незначительную часть, — человека три, — но и другие, видимо, были "наши". Мне делали знаки: "Друг друга не знаем, никогда не виделись!". Конечно, а как же иначе! Но все же: что знают они обо мне, что знаю я о них? Надо основательно подумать... Они — последние мои контакты. Двое из них знают, что я — Качурин, но не знают, что я был "Соколов" и "Попович". А что еще? А фотограф? По всей вероятности, мои последние докумен-

ты — его работа. Так, а при каких обстоятельствах мы с ним встречались? Напрягая память, уточняя детали наших мимолетных встреч. Заранее надо разработать возможные версии и контрверсии: какая из них зазвучит в унисон с их показаниями? А если докопаются до моих документов? Если спросят, где достал? — Буду упорно утверждать, что купил их на рынке: там сейчас все можно приобрести! Пойди узнай, у кого!.. Это — на первое время. Хорошо, что я сразу же прикинулся незнающим немецкого, говорю, мол, лишь по-французски... Так, а что было дальше? Ага, меня и Ренэ, сняв с нас наручники (хороший признак!), ввели в кабинет следователя. Вместе! Помню: пристально, как пиявка, впился в нас своими змеиными мелкими глазками гестаповец, этот толстячок среднего роста. Крупные, чуть подернутые жирком (видимо, из гурманов!) черты одутловатого лица, колючие глаза. Прямой нос, усики “а ля фюрер”. Короткие, ежиком, до блеска напوماженные бриллиантином, волосы. Во рту толстая сигара. Ну, как ни говори, буквально все по их стандартной моде: на улице не отличишь одного гитлеровского чиновника от другого, — гитлеровец, и всё тут! На столе перед ним — ничего, ни папки, ни бумажки. Но лежит гибкая, собранная из пластин, чертежная в метр длиной линейка (о-о, мне довелось в Бретани испытать, как она отлично, со свистом, хлещет, приликая к коже! Особенно, если бьют стороной, где барашковые гайки, скрепляющие пластины!). Письменный прибор под мрамор. Рядом, у тяжелого двухтумбового стола, стоял длинный прыщеватый немец, тоже в гражданском. Невыразительное продолговатое лицо с тонкими губами, маленьким ротиком и тонюсеньким носом, — лицо, чем-то напоминающее птичью головку. Воспаленные покрасневшие веки. С первого же взгляда он мне стал более неприятен, чем его начальник. Интересно, какова его роль?

— Садитесь! — перевел он приказание своего шефа на французский.

“Ага, он — переводчик!”. Ну что ж, тем лучше: какой-никакой, а шанс! Мы с Ренэ всем своим видом показываем, что примирились с этим досадным недоразумением, и оно-де нас ну нисколько не тревожит: мы ведь ни при чем! Какая все же молодец, моя Ренэ! Будто угадывает мои мысли и держит себя, как надо!

— Герр гауптштурмфюрер! — угодливо докладывает переводчик: — Это та самая парочка, которую мы подняли с кровати на рю де Ванв... Вот оно что! Переводчик не просто переводчик, — он тоже участвовал в нашем аресте! Вот только среди таких же типов, а их была тьма, растворился и не запомнился. А ведь точно: это его голос кричал за дверь “Уврэ иммедьятман!” (Откройте немедленно!). Но нас отнюдь не интересует, о чем лопочет сейчас этот выродок. Мы заняты друг другом: я нежно смотрю на Ренэ и поглаживаю ее руку, лежащую на моем колене.

— Фамилии? — встрепенул нас громкий требовательный голос переводчика.

— Ренэ... Качурин Александр... — и мы, соблюдая элементарную этику, посмотрели на следователя. Зачем дразнить без надобности! — И давно это вы женихаетесь? — не утерпел поинтересоваться столь “важным” для него фактом гестаповец. Сделав вид, что не поняли, мы оба вопросительно повернулись к переводчику. Тот стал переводить вопрос.

Гимназист Александр Глянец.
Белград, 1936 г.

До чего же деревянный язык, никаких носовых звуков! И как медленно подыскивает он слова! “Даже в школе и то лучше умеют!” — хотелось крикнуть этой дубовой голове. Вместо этого отвечаю спокойно и, будто испрашивая разрешения, нежно поглядев на Ренэ:

— Всего с месяц. На днях поженимся.

Следователь долго молчит, щупая глазами то меня, то Ренэ.

— Ваши документы!

Мы услужливо их протягиваем. Он листает, крутит, затем возвращает. Посмотрел на нас. Что-то неясное, непонятное промелькнуло в его взгляде. И он тихо произнес, а переводчик перевел:

— Такие молодые, симпатичные... а ерундой занимаетесь!..

Затем добавил, глянув на переводчика:

— Скажи им, пусть обнимутся и поцелуются!

“Что-то не совсем по их схеме! Непонятно!”, но мы с Ренэ с удовольствием выполняем “заказ”: может и в самом деле это наше последнее наслаждение, — кто знает, что у них на уме? Вдруг меня охватывает надежда: в словах гестаповца мне почудилось нечто вроде участия, жалости, пожалуй даже симпатии к нам. Мысль, что арест был ошибочен, опять стала брать верх над разумом. Глупо? Но ведь еще ничего не известно. А вдруг?.. А вдруг “вдруг”? Но тут вспоминаю блондинистую “фройляйн”, выводящую красивым готическим шрифтом “Шпионаже”, и надежда улетучивается. Сильнее прижимаю Ренэ, шепчу ей: “Ренэ, родная, держись! Через пару дней разберутся и отпустят. Еще и извинятся... Вот увидишь! И мы опять будем вместе!”.

— Генуг! — как бешеный взревел гауптштурмфюрер и схватился за линейку. — Хватит! — подскочил вплотную длинный.

“Да что они, психи, что ли?”. До чего же гнусный этот долговязый. Так бы и врезал ему!”

Во дворе-колодце стояли машины: тюремный фургон и по легковой спереди его и сзади, с автоматчиками — “почетный эскорт”!

“Урок Нанта пошел им впрок!” — ехидно и с досадой подумал я.

В какой это я тюрьме? В Шерш-Миди или в Сантэ? А может, в Мон-Валерьене? Или во Фрэне? — Первые три почти в самом Париже, сюда же везли долго... Производят обыск, изъятие недозволённых предметов: документов, продовольственных карточек, денег, перочинного ножа, галстука, шнурков... Все записывают, вещи складывают в мешочек, дают расписаться в правильности описи. Расписку кладут тоже в мешочек, привязывают к нему табличку с моей фамилией... Больше ни Ренэ, ни других я не видел. Сфотографировали в профиль и в фас, с номером на груди. Сняли отпечатки пальцев. “Здесь более расторопны, чем у абверовцев в Бретани! Ничего этого там не делали!”. Душ. Меня запирают внизу, в сыром подвальном боксе-камере без окна.

Тот, кто прошел, оставшись невредимым, через “огонь, воду и медные трубы”, вспоминая о своих перипетиях, стремится доказать, каким де он был умным и находчивым, в то время как “те” — допрашивающие — были несмышленищами, чуть ли не дураками по сравнению с ним. Что ж, есть в том некая доля истины. Но я бы лично предпочел отдать долг сложившимся счастливым обстоятельствам, мелким промахам дознавателей. Всё зависит от угла зрения! И уж потом... потом можно было бы перевозносить и свою изворотливость...

Осматриваюсь. Тюрьма капитальная, современная. Не то, что в Сен-Назере или в Нанте. “Параши” нет, а стоит унитаз, рядом раковина. Смывной бачок снаружи, в

коридоре. Над дверьми сумрачно светит лампочка в сетке... Первая мысль — о Мишеле: удалось ли ему избежать “мышеловки”? А вдруг он поленился проверить сигнал? Да-а, Мишель, крепенько я перед тобой виноват: выехал бы я накануне, как ты велел, — и ничего бы этого не случилось! Эх, Ренэ, Ренэ, как ты нас подвела!.. Да нет, она не виновата... Сам, сам, дурак, виноват, казнить надо исключительно себя: я ведь сам был рад, что останусь с ней еще на одну ночь... Интересно, откуда гестаповцам стал известен мой адрес? Знали, видимо, и то, что утром я должен был выехать. Об этом я говорил всем, но кто донес? Из тех, кто был в числе сегодня арестованных, больше всего знали обо мне Ренэ и ее отец Энрико. Они знают, что я был в Берлине, откуда и прибыли к ним вместе с Мишелем. Знают о Мишеле и что мы куда-то с ним уезжали; что недавно я объявился у них в немецкой форме и у них стал Качуриным. Сами в том помогали, изменяли мою внешность. Вряд ли будет в их интересе об этом показывать... Но они не знают, что я был “Поповичем”, “Соколовым”. Это хорошо, очень даже хорошо! И все же... ой, как много, слишком даже много они обо мне знают!.. И тут, пожалуй, таится главная для меня опасность...

Мои раздумья прервал странный стук: три легких удара, один сильный. Еще раз, еще... Это мне что-то напоминает... Три легких, один сильный... Так это же “ти-ти-ти-та” — три точки, тирэ! Позывные! Радист! Наши позывные “Дубль В—Т”! В какой-то камере сидит радист. Наш! Дает позывные, вызывает на разговор. Какой, однако, молодец, — здорово-таки придумал! А вдруг это “подсадка”? Осторожность! Как бы не получилось так, как с Кики и “Интералье”! Пробую ответить костяшками пальцев. Куда там! Больно, а звука никакого. Тут на глаза попадается половая щетка без ручки. Пробую ею стукнуть. Так громко, что страшно! Даю “приём” — та-ти-та. Получилось! В ответ услышал знак вопроса: кто, мол, откуда? Отстукиваю: “Алекс из Парижа”. Тишина. Затем, в раздавшемся стрекоте явного профессионала, который еле успеваю расшифровать, разбираю, что мне желают мужества, хладнокровия, выдержки, удачи. Здорово! Даже в тюрьме, через толщенные стены, можно разговаривать! Мне дан “отбой”. Через мгновение улавливаю более слабый стрекот: стучали в другую стену. В ответ послышался совсем слабый и неразборчивый звук. Итак, тюрьма узнала о новом “постояльце”. Отрадно: хоть и в одиночке, но не один! Вместе с товарищами! Как хорошо, что не один! Так вот почему радист Кристиан на радостях открылся Кики и без всякого сомнения выдал ему адрес Армана! Ничего! Я воспрял духом. Теперь повоюем! Во всяком случае — попробуем!..

Морзянка в политической, да еще в следственной тюрьме — дело опасное, грозит строжайшими наказаниями. В то же время это — мина, способная взорвать всю схему дознания. Чтобы сохранить возможность переговариваться, надо быть постоянно на чеку.

В одиночках живут звуками. Каждый имеет свое определенное значение. Расшифровывать эти звуки, из-за их малочисленности, приучаешься быстро. По раздаче пищи узнаешь о приблизительном времени: утро ли, вечер ли. О прогулках, о бане узнаешь по топоту. По легкому серебристому позвякиванию цепочки наручников или по скрежету кандалов по металлическому настилу пола догадываешься, что привезли или увозят “важного террориста”... Иногда тишина взрывалась истошным криком отчаяния или боли, тут же заглушаемом, и слышишь, как волокут тело. Стал я определять, как кого-нибудь приводят с допроса. Обычно это бывало к вечеру. И всегда гадал: выдержал ли он или нет? Выдал ли или нет?..

Ранним утром от камеры к камере топали сапоги, слышались приглушенные приказы: “Цур фернемунг!” (На допрос!) или “Цум трибунал!”. И через некоторое время один за другим клацали запоры, хлопали двери, раздавался быстрый топот ног: немцы

большие любители быстроты! С замиранием сердца ожидал я своего первого свидания со следователем: в чем меня обвиняют, о ком, о чем будут спрашивать, что именно им известно?..

От “собеседника” по морзе я узнал, что нахожусь в тюрьме “Фрэн”, что на допросы возят или на авеню Фош, или на рю де Соссэ; что в нашем корпусе — мужчины, а в корпусе рядом — женщины. С ними связи нет, как ее нет и с корпусом с другого бока, в котором содержатся немцы. Значит, в нашем корпусе Энрико, фотограф и мужчины из группы; а Ренэ и наши женщины — в другом... Иногда, чтобы ответить на какой-нибудь из моих вопросов, собеседник просил обождать, пока не наведет справок... Эх, Ренэ, Ренэ, как жаль, что ты не в нашем корпусе, не рядом!

Ох, как томительно тянется время! Минуты одиночества кажутся часами, часы — сутками... А на допрос всё не вызывают! Странно! Забыли обо мне, что ли?.. Я то сидел, то ходил. Всё думал: где, в чем оказалось слабое звено в нашей цепи, какую легенду или контрлегенду разработать? Исходных-то пока никаких! И вдруг до меня доносится какой-то потусторонний зов:

— А-лекс!.. А-лекс!..

Это было так неожиданно, что я подскочил на месте. Не схожу ли я с ума? Не началась ли слуховая галлюцинация, начало безумия? Оглядываюсь кругом: нет, вокруг одни толстые стены, шторка на глазке-шпионе опущена. Откуда же могут звать? И имя мое знает! Подошел к отдушине-сетке вентиляционного ствола под потолком. Зов повторился. Нет, не оттуда, а с противоположной стороны. Но там только унитаз и раковина, ничего кроме них! Впрямь галлюцинация! Нагнулся над унитазом и неуверенно и зло сказал в него, скорее, чтобы посмеяться над самим собой:

— Ну да, я — Алекс! И что? Чего дразнишься? — и тут же в ужасе отпрянул:

— Сэ муа... Энрико! (Это я, Энрико!) — загробным голосом ответил мне унитаз. “Заколдованное место”, Гоголь!.. И меня затряс нервный смех: что может быть неестественней и смешней, чем этот диалог с унитазом?!

Это действительно был Энрико. Не имея ничего против управляющего гостиницей, — его прихватили, лишь чтобы устроить в ней “мышеловку”, — гестапо разрешило тюремному начальству использовать его в качестве сантехника. И Энрико стал ходить по этажам, от камеры к камере, проверять и чинить — производить ревизию смывных бачков, водопровода. Когда близко не было тюремных надзирателей, он открывал шторки и заглядывал в камеры. Так и нашел меня. Но сквозь толстую дверь не поговоришь, и Энрико придумал: перекрыв кран в бачок, спустил с него воду и... получил таким образом “переговорную трубу”, как на корабле — от капитана в машинное отделение.

Таким же способом, Энрико по моим описаниям разыскал некоторых товарищей, наладил между нами связь. Первым из них был фотограф. Затем — арестованный днями позже Анри Менье, другие... Теперь мы знали, кого вызывали или не вызывали на допросы, о чем их спрашивали, какими сведениями располагает гестапо. Пока никому не было ясно, кого винить в провале нашей ветви... Наконец, дней через десять вызвали и меня. К тому времени я был уже кое-как подготовлен...

Будто не зная порядка, я придвинул стул поближе к столу, удобно облокотился. Следователь не препятствовал. На этот раз перед ним лежала тощая еще папка-досье. Иногда он листал ее. Задавал вопросы, переводчик переводил. У меня были преимущества, о которых гауптштурмфюрер не догадывался. Первое: через Энрико я уже кое-что знал, врасплох меня поймать было трудно. Второе: я успевал бегло ознакомиться с содержанием досье. Не с самой сутью того или иного листка в нем, а с его видом, почерком. Третье: пока переводчик, подыскивая французские слова, переводил вопрос

следователя, который я и без него понял, у меня было время не только продумать и подготовить ответ, но и заучить его. А это очень важно, чтобы в дальнейшем не запутаться. Меня спасало знание немецкого. Четвертое: благодаря Энрико мы имели возможность, еще в тюрьме, составить некий план. Анри Менье стал руководить нашими ответами, составлять версии...

Допрос гестаповец вел по уже знакомой мне схеме: начинал вопрос тихим ровным вкрадчивым голосом, впиваясь в меня своими ледяными глазками. Затем он начинал “накаляться”, постепенно повышая голос и доводя его под конец до “крещендо” — истерического крика, “пожирая” меня налившимися глазами, брызгая слюной и заканчивая последние слова ударами кулаком по столу (иногда в скулу) и внезапно останавливаясь на полуслове. Этот метод “внезапности и запугивания криком” с целью психологически довести человека до “момента истины” был здесь не очень уместен и удачен, так как отсутствовала сама “внезапность”: за истошным криком гестаповца следовал перевод, на него-то мне и надо было отвечать, а к тому времени я уже успевал “отойти от страха”.

Через несколько допросов началось другое. Тюремная морзянка сообщила, что гестапо обратилось за помощью к сотрудничавшему с ним “Второму Бюро” (французская контрразведка). Так или не так, не знаю. Но через месяц гестаповцам стало известно, что у большинства из нас документы фальшивые. Начались пытки, допросы и пытки. Каждый день, без передышки, кроме воскресенья. Требовали назвать себя. Только это и ничего более. — “Настоящая твоя фамилия, скотина! Твоя!” — орали, впадая в раж, гестаповцы, а с ними и переводчик. Потом в соседней комнате стала допрашивать “бригада”. Но то уже нельзя назвать допросами. То были сплошные моральные и физические издевательства и страдания...

В тюрьме товарищи постоянно подбадривали, просили держаться как можно дольше: арестована была лишь одна ветвь, даже только часть ее. Нужно время, чтобы обезопасить других, дать им замести следы. И я держался. Знал: каждая лишняя минута дорога! Лишь бы Мишель не попался!

На очередном допросе я в досье заметил фотокопию плана Нанта с его противовоздушной обороной. Ой-ой-ой!- ниточка потянулась и до группы “Бретань”, до нашей “Сентюри”! Менье, Мишель, фотограф... Ив Селлье, Анж Ле Биан... Констан Христидис, Тереза Бинэ, Клод, радист, Сава... Конечно, фотокопия — работа фотографа. Значит, план был доставлен в Париж. Но ни о ком, даже о Менье, меня еще не допрашивали. Интересно: успели ли этот план передать по радиотелеграфу в Лондон? Или же всё пошло прахом? Что с бретонскими друзьями?..

После возвращения с этого допроса — разговор с Энрико, который, на счастье, был тут как тут. Он тоже понимал, как дорога для нас каждая минута. Я попросил его спросить у Менье: как попал план в гестапо? Тот ответил, что понятия не имеет, но что саму схему успели передать в Центр. Откуда же она здесь? Я считал, что раз она выполнила свою роль, ее следовало бы уничтожить. Загадка за загадкой!

Про мои фальшивые документы спрашивали у Энрико. Он показал, что не имел о них ни малейшего понятия, — считал их настоящими. Значит, будут и дальше выбивать истину из меня. Видимо — завтра. Этого и надо было ожидать. Страшно! Сперва буду отказываться, потом скажу, что купил их на рынке. Возможно, гестапо еще не знает, что их изготовил фотограф. Тут, через Энрико, фотограф сообщил: сделав фотокопию плана — уменьшенный, годный для трансляции диапозитив — сам оригинал он тут же уничтожил, снимок передал в Центр. А диапозитив он обязан был отдать связному, чтобы тот сдал его в архив сети. Какой еще к черту архив в подполье! Кто связной? Как этот диапозитив оказался в гестапо? Менье передал, что занимается “вычислением” виновника нашего провала, но данных пока маловато...

Мое упорство вывело гестаповцев из себя, и допросы вошли в новую фазу: в самом начале стали раздевать догола. В смежном кабинете, рядом с тем, где до сих пор допрашивали, с привинченным к полу табуретом и столом с какими-то специальными захватами, целая бригада костоломов приступала к моей обработке. Эти нелюди были настоящими мастерами своего дела. Чего только ими не было придумано и разработано, чтобы вызывать самые жуткие страдания! Им нужны были лишь конкретные, четкие ответы, иные им не нужны. До сих пор в ушах раздается их садистический смех, крики, ругательства...

Через Энрико продолжали передавать: держаться, еще чуть-чуть держаться!.. Конечно же, и другим из наших было ничуть не лучше, и я упорствовал...

Наконец и сам переводчик, бывший до тех пор почти бесстрастным исполнителем своей роли, подскочил и заорал:

— Хватит, скотина! Хватит врать! Правду говори, правду!..

Глаза его налились кровью, бешено сверкали. В крике он обрызгал меня своей мерзкой тягучей слюной... Сколько же, гады, вы будете надо мной измываться! Я понимал ярость следователя. Понимал и рвение гестаповских костоломов: они — враги, и я для них — враг. Стараются, как умеют, как их учили, чтобы с моей помощью рассекретить всю сеть. Но при чем тут этот чиновник-переводчик? Ему-то какое дело?.. И вид этого, ни с того, ни с сего взбесившегося недоноска, этой тупой никчемности, наймита, убудка, — именно он и взорвал меня, и я сорвался. Какими только словами не обзывал его, чтобы ранить побольней. Жаль: мало я знал французских бранных слов, и не любил, не привык ругаться, но тут стал изошряться, как мог. Перешел и на русский, — тут я был специалист. Стал добавлять самые смачные ругательства, какие знал и на других языках. Всю перенесенную и переносимую мной боль я перевоплощал в наслаждение выплескивать оскорбления... Наконец, в пылу ярости, я смачно плюнул в его, склонившуюся надо мной, харю... Ну и они в долгу не остались!..

— На отдых его! — было последним, что донеслось до меня сквозь туман...

Очнулся я в камере от холода. Не в своей, а в этом морозильнике на авеню Фош, а может на рю де Соссэ, — до сих пор я толком еще не знал, где. Все мое истерзанное тело ныло, щемило, кусало, пекло... Не помогал и этот холодный наркоз — ледяной пол. Как в тумане представлялся весь путь, который я проделал до этой преисподней... Сейчас голова была светлой, хоть в ней и гудело. Я напряг свой мозг... Нет, они ничего не смогли мне предъявить — ни о моем прошлом, ни о моей причастности к группе “Бретань”... Не узнали, что я был “Соколовым”, “Поповичем”... Но что я не “Качурин” — знали. И их интересовал вопрос, кто же я на самом деле? Тут в голове завертелось, охватила слабость, я стал впадать в странный покой. Ни боли, ни холода, — полное безразличие. Последним вопросом было: сколько суток я уже в морозильнике? Стало казаться, что изувеченное тело оставляло меня. Не я его, а оно меня. Наступило тихое, безмятежное забытье...

Нет, я еще жил. Будто сквозь сон чувствовал, как меня ставят на ноги, выводят, поднимают на лифте, ведут по длинному коридору... Навстречу — две женщины-гестаповки. Куда я попал? Вид женщин заставил глянуть на себя: Боже, я же — голый! В чем мать родила! В таком постыдном виде и... перед женщинами! Безразличие сменилось стыдом, стыд закипел новой злобой. И странная дрожь затрясла все тело...

...Окончательно очнулся на стуле, в теплой комнате следователя. Значит, я все это время находился на рю де Соссэ. Стал ощущать тепло, тело заколотило еще боль-

ше, еле удерживался на стуле. Хорошо, что уперся в его спинку. Конвульсии били, будто тысячу ударов током пронизывали меня с головы до ног. Никогда не думал, что смена температуры способна произвести подобный эффект. И стыд, жуткий стыд! Гестаповцы молча наблюдали. Их передо мной было двое: гауптштурмфюрер и тот прыщавый переводчик. Приведшие меня расположились сзади. Так прошло некоторое время.

— Ну, упрямец, ослиная голова, скажешь теперь, как твоя настоящая фамилия?

Я пытался ответить, но это оказалось не под силу: ни язык, ни челюсти не слушались, стали будто дубовыми, мертвыми, и в то же время прыгающими. Пробовал помочь руками, но и руки не слушались, были ватными, чужими, словно приклеенными. Ноги вытанцовывали сами по себе, стул скрипел, я на нем подпрыгивал. Вот-вот грохнусь. И в то же время мысли судорожно работали: время было выиграно, теперь нет никакого смысла отрицать то, что они и без меня знали, — что паспорт фальшивый. Надо представить себя окончательно сломленным, готовым признаться во всем, и в том, что было, и в том, чего не было. Как объяснить, почему я так долго упорствовал? Чего я боялся? Ведь боялся же чего-то! Эта правдоподобная версия давно оформилась, проверялась и перепроверялась. Уверен, что она пройдет. Надо только вести себя победительней, показать себя до смерти напуганным и одновременно смирившимся со своим горьким поражением:

— Я-я-я... Г-г-г...лян...нн...цев... Беггг...лец из плена... Юггг-гослав... — чуть не по складам выдавливаю из себя признание: — Бежал из Штайнбаха... Ввви-дел, как там вешают пойманных беглецов и... б-б-оялся... Не хочу, чтобы меня повесили...

И зарыдал. Не знаю, текли ли слезы из глаз моего обезвоженного холодом лица, но я усиленно всхлипывал, обхватив голову руками. Все, обступившие меня и пригнувшиеся, чтобы получше услышать и разобрать мое блеяние, при этих словах отпрянули. Будто мина взорвалась! Растеряны, переглядываются... На их последующие вопросы я так же медленно и отрешенным голосом отвечал, что исколесил всю Францию, промышляя то тут, то там поденным заработком, и нигде подолгу не задерживаясь. И вот, подработав, мне удалось купить документы. Заплатил недорого, у меня осталось еще почти на месяц жизни. Устроился в дешевенькую гостиницу, поступил в автошколу, познакомился с дочерью управляющего, мы полюбили друг друга. Думал: закончу школу, наймусь на работу в Германию, — там лучше платят, — накоплю денег, и мы поженимся!.. И вот... теперь все рухнуло: меня ждет виселица! Тут я запричитал по-сербски “Судбина ти моя горка...” и так далее...

Гестаповцы молчали, бросая на меня безразличные взгляды...

...Новая камера во Френе, куда меня привезли все еще голым, находилась на пятом этаже. В нее вбросили и мою одежду. В камере было трое. Они бросились ко мне, уложили на койку и принялись растирать и массировать. Затем накрыли всеми одеялами. Я тут же стал засыпать...

— Все-таки ты выжил!..

— Думали, еще одному каюк... — Ты пробыл там трое суток... — разбирал я сквозь охватившую меня дрему. Затем передо мной все померкло.

— Ты — седой! Сколько же тебе лет? Или всегда был таким? — первое, что я услышал, проснувшись. Говорили, что я проспал двое суток. С постояльцами сразу же установился дружеский контакт.

Старшим по камере, отнюдь не по возрасту — ему было всего сорок — сорок пять — был Ноэль Бюрдейрон. Старожил, сидел уже более года. Своим отношением и поведением он вызывал всеобщее уважение. Уроженец города Довиль в Нормандии, он оказался в Лондоне, где работал метрдотелем в фешенебельной гостинице “Дорчестер”. Чтобы добиться такой должности, надо обладать сверхобаянием, привлекательной внешностью, внутренним лоском, культурой и высокой эрудицией. Ему пришлось удалить все зубы и заменить их блистающими белизной протезами. Да, ради престижной профессии идут и на такое! Семья его — жена и дочь (при мне ей исполнилось девять лет) — по-прежнему жила в Довиле. Оккупация родины привела его в ряды Сопротивления. Французской армии уже не существовало, и он завербовался в агенты “Френч Секшен” — французской секции британских секретных служб, при “Интеллидженс Сервисе” (ИС). В апреле 1941 года он, закончив разведшколу, спустился на парашюте на западе Нормандии, под псевдонимом “Гастон”, он же — “Фрэнк Норман Бёрлей”.

— “Фрэнк” — доверительно разъяснял он: — потому что я француз, “Норман” — нормандец, а “Бёрлей” — толстый. Я был ужасно толст. Смотри: кожа сейчас висит на мне как пленка лопнувшего воздушного шарика. Сверхумеренность здешнего питания сыграла положительную роль: я уже не толстый, а даже грациозный...

И он приятно рассмеялся, довольный своей шуткой. Ноэля никогда не покидало чувство юмора!

Одновременно с ним, из того же самолета, прыгнул и приданный ему радист, по кличке “Ксавье”. Ветром их разнесло. Но “пианисту” не повезло: почти сразу же его опознали, как давно разыскиваемого уголовного, и арестовали. Перед войной он был осужден, но с приходом немцев бежал из тюрьмы. Так Ноэль лишился связи с Центром. Первое время скрывался у жены в Довиле. Времени зря не терял: производя разведку местности, он обнаружил важный объект — немецкую воздушную базу в Камп-Карпике. Составил план аэродрома, средств его защиты, разведал техническое оснащение. Все данные зашифровал. Но как передать все это в Лондон? И тут, на одной из улиц, он лицом к лицу столкнулся с Пьером Вомеркур — “Лукасом”, с которым вместе обучался в разведшколе...

— Постой-постой! Говоришь, “Лукас”?.. Вомеркур?.. Так это же “Автожиро”! — не выдержал я, чтобы не блеснуть своей осведомленностью.

— Вот-те и на! А ты-то откуда это знаешь? — Лицо Ноэля вытянулось, и он уставился в меня с изумлением.

Я рассказал ему все, что слышал от Менье.

— Точно, так оно и было. Очень хорошо и дальновидно придумали: оповестить и предупредить всех своих. Хорошая мера предосторожности! Но о твоём Менье я ничего не слышал...

— Немудрено. За год, что ты здесь, появилось много нового. “Гибнет один, его место займут другие!” — не так ли?

Итак, через Лукаса и его сеть “Автожиро” Ноэль вновь оказался у дел. К сожалению, ненадолго. Кое-что об “Автожиро” все же удалось проведать “Кошечке”...

— Она уже не “Кошечка”, а “Виктуар”! — поправил я.

— Совершенно верно, проклятая “Виктуар”...

Уже многие члены сети Лукаса ходили у абвера “под колпаком”. И когда абвер понял, что его провели и что “Виктуар” никогда больше из Англии не вернется, он решил наложить лапу на всех. В том числе и на Вомеркура, вернувшегося во Францию

под кличкой “Сильвен”. Разведчики попытались скрыться. Ночью к побережью должен был прибыть катер и переправить их в Англию. Увы, на пути к нему они нарвались на засаду. Завязалась перестрелка. Немцы предложили слаться, пообещав им статус “военнопленных” (все они предусмотрительно под гражданское одели английскую форму) и дали им в том честное слово, назвав свои фамилии и звания. Однако трибунал собирался вынести приговор: “К расстрелу, как шпионов”! Тогда взял слово Вомеркур, возмущаясь вероломством и бесчестием немецких офицеров: “Об условии нашей капитуляции известно Лондону. Там станет известно и о нарушении данного нам немецкого офицерского честного слова.” Судьи замялись и выразили сомнение, что Лукас может связаться с Лондоном из тюрьмы.

— Не верите? Что ж, это просто доказать: назовите какую вам угодно фразу, и через две недели вы ее услышите по Би-Би-Си. Это и докажет, что Лондону всегда известно, что творится здесь, даже в тюрьме...

Нацисты дали условную фразу, суд на время отложили. В день и час, указанные Вомеркуром, она прозвучала дважды. Суд отменили, всех объявили военнопленными. В лагерь пока не отправляли. Так я и узнал, что во Фрэне, кроме связи между камерами, существует связь с подпольем. Действительно, в каждой второй—третьей камере сидели арестованные радисты. Это лишний раз доказывало, насколько уязвима их профессия. Но продолжим о Ноэле.

То был настоящий друг и товарищ, всегда приветливый, доброжелательный. Когда кого-нибудь вызывали на допрос, он клал ему руки на плечи и пристально вглядывался в глаза, произнося короткое напутствие: “Помни и никогда не забывай о твоих товарищах!”. Его крепкое рукопожатие, обычное в такие моменты, придавало храбрости и одновременно было требованием помнить, что судьба друзей — в твоих руках. Возвращавшихся с допросов он встречал добродушными шутками: “Вот это да! На славу тебя обработали! Красиво отделали твой фасад! Специалисты! Видно, израсходовали на тебя все силенки, теперь охают и падают от усталости. Бедные мальчики!”. Никто из нас не превозносил самого себя, но, благодаря Ноэлю, каждый сознавал свою моральную силу и свои обязанности.

С раннего утра и несколько раз в день Ноэль заставлял нас заниматься гимнастикой. Требовал идеальной чистоты: паркет должен был блестеть. И поочередно мы брали в руки деревяшку — остаток половой щетки (как та, что была в моей первой камере-боксе) и с силой драили пол. Кроме того, этим же занимались и тогда, когда были выведены из равновесия горячими спорами и ссорами, когда нервы, возбужденные после допроса, были на пределе. Это занятие успокаивало: всю свою желчь мы вымещали на паркет. Правда, ссоры возникали редко, но пол блестел, как каток. На нем никогда не было ни пятнышка! Вспоминаю случай.

Как-то неожиданно ворвался в камеру фельдфебель Гиль (тюремщиками были вермахтовцы, то ли отдохавшие после фронта, то ли поправлявшиеся после ранения). Гиль был старшим по этажу. Возможно, он хотел застать нас врасплох, чтобы произвести обыск. Он ворвался, сделал быстрый шаг, но подковы его сапог скользнули как коньки, и он с размаху шлепнулся навзничь, задрал обе ноги кверху. Мы не поняли, что произошло, ожидали бури. Он, лежа в самой нелепой и смешной позе, смотрел вопросительно на нас снизу. Видимо, и сам растерялся. Обвел нас глазами, перевел взгляд на торчащие в воздухе ноги и... ка-а-к грохнет со смеху! Затем осторожно поднялся и, балансируя растопыренными руками, попятился к двери. Оглянулся и произнес:

— Фабельхафт!.. Фабельхафт — зо гленценд! (Сказочно надраено!)

Дверь за ним захлопнулась, клацнули запоры, и мы услышали его громоподобный голос: он кому-то рассказывал, что, мол, — ”у них в камере так надраено, что я шлеп-

нулся, как куль с мукой! Не “хенде хох!” а “фюссе хох!” (не руки, а ноги вверх!)... Фабельхафт, ха-ха-ха!”. Через час он дошкандыбал, хромая, до нашей камеры и, не рискуя войти, вручил через дверь огромный ящик-посылку “Секур насиональ”: — “За сказочную чистоту!”. Вместо ожидаемого нами разноса — премия!

Тон дружбы и взаимоподдержки царил не только в самой камере. По утрам, сразу после подъема, и ночью, перед отбоем, наш “папа” (так мы его справедливо прозвали) Ноэль высовывался из окна и, выкрикивая соответственно “Гуд морнинг!” или “Гуд найт, олл бойз!”, сопровождал последнее пожелание гимном “Гоод сев зе кинг!” (Боже, храни короля!). Ему отвечали из многих окон на всех этажах.

В тюрьме было много английских, американских, канадских летчиков и радистов. Да и для французов пожелания Ноэля были понятны: английский язык был здесь как бы интернациональным. В торжественные и радостные дни, когда до нас с воли проникали сообщения о победах или значительных успехах на фронтах, вся тюрьма оглашалась пением не только марсельезы и английского гимна, но иногда и “Интернационала”: как-никак, а разгром гитлеровцев под Сталинградом вызвал большие симпатии к русскому народу. При исполнении “Интернационала” тюремщики бесились особенно. Слышался грохот, шум беготни по стальному настилу коридоров, истошные крики: “Руиг!.. Хальт ди шнауце, ферфлюхт нох маль!” (Тихо! Молчать! Проклятье!) и другие ругательства. Лязгали засовы, хлопали двери... И звуки этого гимна заканчивались неразборчивым мычанием затыкаемых глоток. Один раз донеслись до нас “Марсельеза” и “Интернационал”, исполняемые женскими голосами: нас поддержали из женского корпуса! Я уверен, что разобрал и бархатный голос моей дорогой Ренэ... Как она там? Позже я обратил внимание на долгое отсутствие Энрико. Что с ним? Через несколько дней на мой вопрос мне отстучали, что Энрико и его дочь только что выпущены на волю. Если так, то побыли они в тюрьме не более трех месяцев. Увижусь ли с ними? Где? Когда? — Жизнь полна неожиданностей, на эти вопросы ответит одна из них, самая что ни на есть непредвиденная!

Вторым жителем нашей камеры был сразу же меня заинтересовавший молодой парень. Это он осуществлял связь со смежными камерами (моя правая рука после пыток не действовала, — были повреждены нервы и сухожилия, а левой еще не научился). По его стрекоту было ясно, что он — профессионал. Однажды после того, как с довольно странным и настойчивым любопытством приглядывался, он спросил меня:

— Хоть ты и “Алекс из Парижа”, но не доводилось ли тебе бывать в Сен-Назере, Нанте? Не слыхал ли о Пюсе?

Меня бросило в жар. Бисеринки пота выступили на лбу. Он похлопал меня по плечу:

— Ладно, извини. Я, конечно, ошибся... Но чего ты так разволновался? Я же обознался. Видишь ли, сам я из Сен-Назера. Попал в случайную облаву. Но у меня все в порядке, уже сообщили, что скоро выпустят. Там у меня друзья, знакомая Тереза. Если бы ты их знал, мог бы о тебе дать весточку. Ладно, забудем...

Я понял: он меня узнал. Кто он такой? Вдруг “наседка”? Очень подозрительно и опасно! Я заметался, делая самые худшие предположения, обдумывая, как все это связать с Мишелем, с Терезой. Благодаря Энрико я знал, что до них, до Констанана Христидиса руки гестапо еще не дотянулись. И на допросах о них речи не шло. Спросить у

Меньше, но как? Энрико уже нет, стуком тоже нельзя: радист этот тут же расшифрует. Я замкнулся, стал ожидать худшего. Выручил Ноэль. Этот тонкий психолог заметил мое состояние после разговора с парнем и дал понять, что опасаться нечего: в камере нет предателей. На душе отлегло. В дальнейшем выяснилось, что радист этот и был тем, кому “Пюс” передал рацию, с кем контактировала наша связная — Тереза...

— Я сразу же тебя узнал! — признался он позже: — Видел тебя с Пюсом, в такой же униформе. Вы шли вместе. Ну а твоя растерянность подтвердила, что я не обознался. Ладно, но, знаешь ли, надо держать себя в руках получше, управлять нервишками...

“Легко ему болтать!” Пробыл он недолго, его освободили. И запомнился он мне мало. Через него в Сен-Назер я отправил Терезе привет, об остальном он сам ей расскажет. То, что его выпустили, было доказательством, что гестаповцы докопались далеко не до всего. Завидовал: вернется он, и опять за работу, будет тихонечко попискивать, а по его сообщениям будут сыпаться бомбы, нанося немалый урон врагу. А я тут... э-эх!

Третьим постояльцем был пожилой, самый старший в нашей камере, банковский служащий — “бурсье”, по имени Шарль, лет пятидесяти—пятидесяти пяти. Фамилия была громкой — д’Орлеан. Шарль д’Орлеан, как и подобает носителю подобной королевской фамилии, был убежденным роялистом. Отвергая республику, не соглашался даже на конституционную монархию. Мечтал об абсолютизме, естественно с Орлеанской династией во главе. Прочил себя и свою семью в наследные правители. Оккупацию Франции и ее поражение в войне он объяснял многопартийностью предвоенного режима и, как следствие этого, — загнивание строя. За что арестован? — “А ни за что! — считал он: — По просьбе друзей я предоставил кров двум сбитым американским летчикам. Об этом и донесла консьержка.” Оккупантов он не то что не терпел, но поддерживал всех, кто действовал против них: “Франция должна быть только для французов!” — это было его кредо. Одновременно он был против “террористов”. “Из-за них и им в отместку, — считал он, — гитлеровцы ожесточились и прибегают к репрессиям”. Короче, во всем виноваты “террористы”, из-за них страдают такие невинные люди, как он. Сам он никогда не мыслил принимать какое-либо личное активное участие против агрессоров и оккупантов. Зачем? — ему и так неплохо жилось. На то — немало военных специалистов, кадровиков, им и положено заниматься войной. А молодежь? Она тоже должна участвовать в борьбе, но в легальной. Он знал, что занесен в списки “отаж” — заложников, что в любой момент им могут пополнить десятки тех, кто расплатится за чью-то “черную” работу — диверсии, покушения, уничтожение офицеров вермахта. Кроме того, он был твердо убежден, что гитлеровцы не осмелятся поднять руку на столь достойную фамилию. Пожалуй, в этом он был прав... И, по-моему, его пассивность довела до того, что он чувствовал себя, как ни странно это звучит, совершенно спокойно: “Чему бывать, — того не миновать!”

За решетками из толстых прутьев на нашем окне приветливо голубело августовское небо. Я стоял у раскрытых створок. (Как хорошо, что на окнах нашего этажа нет “намордников”-kozyрьков!) С наслаждением полной грудью вдыхал воздух. Наша камера после подвального бокса и морозильника казалась раем. Разве не рай?! Поистине, наш этаж это — “люкс”!

Напротив серой громадиной тянулся корпус, такой же, как и наш.

— Там, — прервал мои наблюдения Ноэль, — сидят немцы из вермахта. Или за дезертирство, или за нарушение дисциплины — за воровство, спекуляцию. А наш корпус — между ним и нашими женщинами...

Тут в глаза ударил солнечный зайчик. Я увидел в одном из окон напротив “светлячок”: осколком зеркала кто-то настойчиво старался привлечь наше внимание. Рискнуть? Немцы ведь тоже люди, а заключенные — почти что братья, хотя бы по несчастью. Я прикрыл одну из створок и на ней, как на бумаге, вычерчивая букву за буквой, задал по-немецки вопрос: “Вер бист ду?” (Кто ты?).

— Скоро освободят, — таким же способом начертали оттуда. — Что и кому передать в Париже?

Я перевел ответ Ноэлю.

— Очень интересно... Думаю, риска не будет.

Закон солидарности — удивительно благородный закон. В данном случае была солидарность между узниками против их тюремщиков. Перед лицом общей беды и опасности вступает в силу закон взаимоуважения и взаимоподдержки, отбрасывая в сторону всю шелуху предубеждений и бывшего антагонизма. Так и здесь: немецкие заключенные перестали быть для нас гитлеровцами. Они — жертвы того же режима, против которого мы боролись. И мы для них перестали быть врагами. Неважно, кто и за что сидит: тюрьма сравнила всех, как всех равняет смерть. Так началась связь с немецкими заключенными. Вначале мы им сообщали адреса только что доставленных в тюрьму арестованных. Пусть сообщат их родным. Немцы после освобождения (большинство из них имело мизерные сроки) минимум две недели проводили в Париже, пока их формировали для отправки как провинившихся на Восточный фронт. Они знали: за помощь французам им тоже могут оказать услугу. А в ней нуждались многие. После Сталинграда, трехдневного траура, последовавшего затем “эластичного выравнивания фронта” (как именовалось начавшееся откатывание перед рвавшимися вперед советскими войсками), а перед тем — крах Роммеля в Африке, — всё это отрезвило солдатские головы, опьяненные ранее легкими победами. Равно, как и бесчисленные массовые бомбардировки самого их “фатерлянда”. За что драться, становиться калеками, погибать? Стоит ли? — Нет, простым людям никакие войны не нужны. Ни “справедливые”, ни “несправедливые”. Мир — лучше и справедливее, но... когда он наступит?

Скоро связь заработала основательно и продуктивно. Немецким солдатам стали давать адреса “родственников”. Кстати, меня поразил один любопытный факт. Из “собеседований” с немцами я узнал о чудесах гитлеровской юстиции-Фемиды: за один мешок украденного цемента ефрейтору дали столько же, сколько за два вагона офицеру — три месяца! Может, офицер, как таковой, пользуется льготами? Справедливость по-гитлеровски? Впрочем, в дальнейшем мне довелось встретиться с не менее интересными капризами богини Справедливости. На этот раз — не немецкой...

Меня интересовал и еще один вопрос: как из тюрьмы осуществляется контакт с волей, о котором намекнул “папа” Ноэль? Как старожил Ноэль пользовался неоспоримой привилегией: только он принимал наши пайки и миски с эрзац-кафе и “зупе” — тюремной баландой. Хлеб делить не надо: здесь выпекали маленькие буханочки на каждого. Ноэль получал пайки через кормушку и передавал их нам. Как только тележка подкатывала по рельсам, что хорошо было слышно еще издали, “папа” уже стоял у кормушки. Принимая порции, он наклонялся, чтобы разглядеть раздатчика-калифактора. Если это был кто-то из его группы (группы Вомеркура), они регулярно обменивались записочками.

— Признаюсь, — ответил на мой вопрос Ноэль, — среди калифакторов бывают наши. Мы, старожилы, через них и общаемся. А те, кто получают передачи, связываются с волей...

И он показал только что полученную записку, на которой с обратной стороны был отмечен номер нашей камеры и его имя.

Дважды в месяц, преимущественно те, над кем следствие было завершено, получали передачи из дому. По первым и третьим четвергам — фамилии от “А” до “К”, по вторым и четвертым — от “Л” до конца алфавита. Бюрдейрон тщательно готовился к своим четвергам. Выдернув длинную нитку из простыни (иголка у нас была, хоть это и “запрещенный” предмет), он “вштопывал” в пятку своего толстого шерстяного белого носка послание, написанное на папиросной бумажке мельчайшим почерком и скатанное в шарик. Вштопав шарик в носок, он старательно пачкал это место и обрызгивал водой. В посылках, кроме еды, всегда передавалась смена нижнего белья и, конечно, пара или две таких же старых, штопанных-перештопанных носков. Обратное в чемодан передачи клалось грязное белье. В чистых носках приходили такие же шарики-записочки. В них были не только лаконичные фразы личного содержания, но и сведения, касающиеся подполья.

Четверг. Вдали загрохотала тележка. Несколько раз останавливается, едет дальше, приближается к нам. Остановилась у дверей. Шуршанье, шум, что-то ухнуло, тележка покатила дальше. Есть передача! Кому — известно: сегодня день Ноэля. Впрочем, только он и получает передачи. Шарлю почему-то их не было. Минут через 10—15 лязгают засовы, дверь открывается. На пороге фельдфебель Гиль. Ногой в несколько приемов, он подфутболивает и вгоняет в камеру чемодан-передачу. Вскрывает, начинает досмотр. Банки с джемом, тушенкой открывает, хлеб разрезает вдоль и поперек, овсяную муку (незаменимая и очень сытная приправа к жидкой похлебке!) пересыпает из кулечка в кулек. Перелистывается разрешенная к передаче тетрабочка “Ри-ля-круа” — папиросной бумаги. Проверяет и табак, “брикэ-а-мэш” — зажигалку со шнуром. Белье прощупывается, просматривается на свет. Так же тщательно осматриваются и носки. Напоследок Гиль крутит в руках кусочек карандаша: “Дать или не дать?”. Махнул рукой и отдал, хоть предмет этот и запрещенный. Очередь за грязным бельем. С видимым отвращением трусит его и бросает в чемодан. Двумя пальцами брезгливо берет влажные (“видимо, потные”) носки. Встряхивает их, велит Ноэлю вывернуть их наизнанку и... они тоже летят в чемодан. Так же ногой Гиль выталкивает его за дверь. Слышно, как тележка совершает обратный рейс, подбирая чемоданы... Друзья и родные на воле получают весточки! А Ноэль не спеша приводит в порядок полученное. Продукты, деля их мысленно на порции на 14 дней, размещает на полке. Закончив с этим, он приступает к самому главному — высвобождению из штопки полученной записки. Мы все на “атасе”, закрывая Ноэля от глазка. Иногда бывают весточки и для нас.

В конце августа, после освобождения радиста, на мои плечи легла обязанность — связь с соседними камерами: я был единственным, кто владел морзе. Первым делом уведомил соседей о причине изменения “почерка”. Учиться стучать приходилось левой рукой. Весть об освобождении товарища была соседями встречена с восторгом.

Идет сеанс передачи. Товарищи у дверей, наострили уши: не шаркает ли поблизости тюремщик в своих соломенных калошах, надетых на сапоги, не шуршат ли шторки глазков на соседних дверях? Если что, меня предупредят, и я оборву перестук условным сигналом тревоги. Шарль д’Орлеан, претендент на трон, по закону солидарности, тоже на атасе...

Т.Л.Пилецкая

Серебряные нити (Воспоминания*)

*Посвящаю эту книгу моей дочери Наталье
Пилецкой*

Мне захотелось назвать эту книгу, первую в моей жизни, “Серебряные нити”, несмотря на то, что это сочетание слов я встречала довольно часто.

Дело в том, что с самого раннего детства меня окружали прекрасные, удивительные, талантливые люди. Они рядом и поныне. И я думаю, что эти люди будут связаны со мной тонкими, чуть видимыми, как паутинка, сверкающими нитями до самых моих последних дней.

Т.Л.Пилецкая.

Годы, годы, годы, встречи, встречи, память, память. Как хочется ничего не забыть и передать читателю все так, как оно было. Моя задача не потрясать художественными выкрутасами, я не писатель и делать это не умею. Всегда удивляюсь, выходят книги, пишут актеры, большие и маленькие, великие и средние, имеющие на это право и нет, и так все складно, неужели вмешательство литературного редактора накладывает такой отпечаток на изложенные события, лишая автора своих, только ему

* Постоянные читатели нашего журнала имели возможность познакомиться с очерком известной актрисы Татьяны Львовны Пилецкой “Луиза Кессених — женщина-улан” (“Новый Часовой”. 1995. № 3). Мы публикуем фрагменты из книги ее воспоминаний, которая скоро должна выйти в петербургском издательстве “Специальная литература”. В книге Т.Л.Пилецкая рассказывает о своей насыщенной разнообразными событиями и встречами жизни. В настоящей публикации читатель обнаружит портреты замечательных людей русского искусства, с которыми актрису свела судьба. Многие годы Татьяна Львовна занимается архивными разысканиями, изучает историю жизни своих предков. Результаты ее поисков, использованные при подготовке рукописи, органично вплетены в ткань воспоминаний. Надеемся, что журнальная публикация вызовет интерес у читателей и побудит их прочесть книгу целиком.

Евгения Давыдовна Урлауб, мать Т.Л.Пилецкой.

Людвиг Львович Урлауб, отец Т.Л.Пилецкой.

присуших особенностей и способностей. Мне бы хотелось, чтобы рука редактора минимально коснулась того, что я напишу, и не потому, что это так прекрасно, нет, пусть будут шероховатости, даже, может быть, некоторая корявость в изложении, но это буду я, моя точка зрения на те или иные события в моей жизни, мой взгляд на того или иного художника, режиссера, актера. Ведь мы привыкли, что больших художников, режиссеров, актеров показывают только с одной стороны — стороны их творчества, и совершенно забываем, что они тоже люди, со своими чудачествами, привычками, иногда милыми странностями, без которых человек, а тем более художник, превращается в ходячего догматика, сухого резонера и просто плоского, неинтересного человека.

Судьба столкнула меня с очень интересными людьми не только творчески, но и в повседневной жизни, и целый ряд черт и свойств характеров этих людей многим не известны. А ведь человек многогранен, и я уверена, чем больше граней, тем он талантливей.

Позвольте начать рассказ с самых истоков. Наступил момент, и я родилась, как рождаются все дети на земле, в семье среднего достатка. Бабушка — папина мама — когда-то была состоятельна, владела домом, в который меня принесла мама, но к тому времени, когда я начала соображать, бабушка жила в 9-ти метровой комнате, где и умерла в блокаду. Так что слово “домовладелка”, как ее называли жильцы дома в те годы, к ней никак не подходило.

Папа много работал — он был инженером-химиком, и день получки у нас с братом всегда был праздником, папа приходил домой с полными руками, это были очень вкусные сардельки и халва, как говорится “пир горой”. Жили мы туго, мама не работа-

Т.Л.Пилецкая с братом Владимиром.

ла, и из ломбарда не вылезали. Это слово было неотъемлемо связано с моим детством. Равно, как и торгсин, — это был какой-то фантастический магазин, магазин, который имел свой запах, запах духов, шоколада, овощей и фруктов. Я, конечно, не знаю, что мама носила туда, там принимали золотые вещи, но поход в торгсин был для меня чем-то особенным. Запахи, вкусовые ощущения — это ведь тоже память. Порой какой-либо запах нас сразу переносит либо в раннее детство, либо туда, где был когда-то такой же аромат, будь то духи, конфеты или апельсины, которые пахли тогда совсем особенно.

Мой крестный Кузьма Сергеевич

В жизни каждого человека есть места, которые вызывают удивительные воспоминания, даже против его желания, невольно. Таким местом для меня является дом № 14 по Каменноостровскому проспекту, на котором совсем недавно появилась мемориальная доска. Сколько сладких, шемящих воспоминаний вызывает этот адрес. Сколько бы раз я не проезжала или не проходила мимо, всегда поднимаю голову и вижу окна той квартиры, в которой столько раз бывала. Хочу вспомнить и попробовать проанализировать, что же связывало моего отца и нашу семью с К.С.Петровым-Водкиным. Почему Кузьме Сергеевичу было интересно с моим отцом и почему их дружба длилась столько лет, до последних дней художника.

Много лет тому назад, когда меня еще не было на свете, папа работал в Шувалове, в лаборатории Калецкого, и как-то в разговоре Калецкий рассказал, что в поезде познакомился с художником Петровым-Водкиным и пригласил его вечером к себе. Он предложил папе присоединиться к их обществу. Папа уже видел на выставке знаменитую “селедку” этого художника, он с удовольствием принял приглашение. Когда отец пришел, у Калецкого еще никого не было, но вскоре раздался звонок, и в комнату вошел человек невысокого роста, наголо бритый, с усами и очень пронзительными серыми глазами. Это и был Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, с ним вместе была его супруга Мария Федоровна. Так состоялось знакомство. Семья Петровых-Водкиных жила тогда в Шувалове, и вот с тех пор папа очень подружился с К.С. и довольно часто бывал у него дома. Вскоре художник с дочерью и женой переехали в Царское Село и поселились в Лицее, в двух огромных комнатах с кухней. Когда я родилась, мои родители крестили меня дома, и моим крестным отцом вызвался быть Кузьма Сергеевич. Мы очень часто бывали в Царском Селе у Водкиных, это я помню очень хорошо, помню застолья, помню игры, в которых принимал участие и Кузьма Сергеевич, помню, как меня, маленькую, просили сыграть что-то на пианино и как я засыпала на руках у папы на обратном пути домой. И очень хорошо помню, как писалась знаменитая “Тревога”, Кузьма Сергеевич надевал на папу жилетку, тапочки, ставил его у открытой двери шкафа, как бы у окна. Так что, когда я вижу эту картину, я узнаю папину спину.

Каждое лето Водкины уезжали на юг до глубокой осени и всегда приглашали нас с мамой пожить у них в Детском — так тогда называли Царское Село. В моей памяти встают воспоминания детских лет, как я уютно устраивалась рядом с Пушкиным и плела венки из цветов. Этот чудный памятник, как мне кажется, стоял совсем близко к Лицею, потому что, сидя под рукой А.С., я видела в окне маму, которая звала меня есть кашу. Сейчас меня уверяют, что памятник стоял там, где он стоит сейчас.

И, к сожалению, немногие работники музея-лицея знают, что в нем жил художник К.С.Петров-Водкин, а ведь в тот период именно в Лицее были написаны многие картины, в том числе “Тревога”, “Смерть комиссара”, “Дети, играющие у туалета” (это дочь художника Елена и мой брат Владимир) и целый ряд других картин.

Отец был инженером-химиком, казалось бы, какие могли быть точки соприкосновения, и все-таки они были. И его близость с К.С. была, видимо, заложена в его генах, так как все папины предки были живописцами. Сам папа неплохо рисовал, но выдающихся способностей не выявлял, да и учиться живописи не смог, так сложилась жизнь. То, о чем хотелось говорить, иногда и поспорить, вероятно, и объединяло этих людей: просто инженера и великого художника. Дружба с К.С. оставила в папиной жизни огромный след. Я помню, как много он рисовал в тот период. Кое-какие рисунки у меня сохранились, и они явно навеяны общением с К.С. Рисунки сказок для меня, маленькой, рисунки моих игрушек, даже портреты, мой и мамин, пейзажи — все это говорило о невероятной силе впечатления, полученного от дружбы с художником. Отец, конечно, был человеком неординарным, в юности играл в театре, прекрасно пел (у него был очень красивый баритон, поставленный от природы), писал стихи.

И когда наши семьи встречались, было очень интересно. Как жаль, что это ушло навсегда и нельзя вернуться туда сегодня.

Мама играла на рояле, а Мария Федоровна, жена К.С., пела, то они с папой исполняли дуэты, часто присоединялся и К.С. Прекрасно помню последний день рождения художника, он уже был болен, но вышел из спальни, выпил маленькую рюмочку и спел с М.Ф. романс “Не искушай меня без нужды”! Теплые отношения сохранились и после войны, когда мы после военных бурь собрались в Ленинграде. Мы с мамой часто навешали М.Ф. с Ленушкой, но потом жизнь завертела, закружила и понесла по своим рельсам. Встречались реже, но самые прекрасные воспоминания остались у моего отца и у меня о тех днях общения с замечательной семьей Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина.

Еще одно воспоминание. Лето 1937 года, поселок Сиверская. Дачи, которые мы снимали, наша и К.С., через дорогу. Наискосок дача ученика К.С.Петрова-Водкина художника Голубятникова с семьей. Елена Водкина и Вера Голубятникова, девушки 15—16 лет, и я рядом с ними. Все мне интересно. Игра в крокет в большом бывшем сарае. Там был очень удобный утопанный пол, и играть можно было даже в дождливую погоду. Участвуют в игре все, в том числе и К.С. А вечером игра в лото на веранде Водкиных.

Играем на гроши, это очень азартно, и, как меня ни гонят спать, я вместе со взрослыми. И вот однажды мы готовили концерт-сюрприз для наших родителей в доме у Голубятниковых. У них были большие сени с выходом на веранду. На веранде сидели зрители, наши родные, а сени были как бы сценой. Артисты были — Елена Водкина, Вера и Севир Голубятниковы и я. Читали стихи, пели хором, я танцевала и, конечно, живые картины. Кузьма Сергеевич сидел в первом ряду. После концерта он подошел к маме и сказал: “Кума, надо Тату отдать в хореографическое училище, смотрите, как грациозна”. Мои родители подумывали уже об этом, так что мнение Кузьмы Сергеевича только подкрепило их решение.

*Портрет работы К.С.Петрова-Водкина.
Фотография Ю.Богатырева.*

Как-то, вскоре после нашего домашнего концерта, мама мне говорит: “Тата, походи на веранду к Кузьме Сергеевичу, он хочет тебя немного порисовать”. Мама надела на меня белое кружевное платице, сунула в руки куклу, которую папа привез мне на день рождения, и я пошла.

Веранда, на которой мы устроились, была очень веселая, солнце глядело сквозь цветные стеклышки, вокруг веранды — зелень, цветы. В одном углу мольберт с натянутым холстом, за которым сидел Кузьма Сергеевич, а в другом — большой круглый стол, накрытый скатертью, и на нем огромный букет цветов, такой яркий и свежий, что невольно хотелось его нарисовать. Кстати, впоследствии он появился на холсте К.С. Пять или шесть раз, я уже точно не помню, я приходила на веранду позировать. Силеть без движения мне было очень трудно, и Кузьма Сергеевич это прекрасно понимал, разрешал немного шевелиться. Так родился “Портрет Татули, или Девочка с куклой”.

Спустя много лет, уже после войны, в Русском музее состоялась одна из первых, после большого перерыва, выставок картин К.Петрова-Водкина, в числе которых был и мой портрет. Мы пошли с отцом на выставку, каково же было наше удивление: подпись под ним была “Дочь рыбака”.

Папа пошел к директору Русского музея и очень вежливо, чтобы никого не обидеть, указал на неточную подпись под портретом, в чем он был совершенно уверен. Папа сказал: “Картина, под которой стоит подпись “Дочь рыбака”, — это портрет моей дочери, писался в 1937 году в поселке Сиверская, называется “Портрет Татули, или Девочка с куклой”. Я же рыбаком никогда не был”.

Апельсин, груша и вишневый кисель

Возвращаясь мысленно в те довоенные годы, я отчетливо помню: поход с мамой в торгсин означал для меня, что обратно я понесу золотой ароматный апельсин, завернутый в тонкую специальную бумажку. Это было прекрасно, настолько прекрасно, что я помню это до сих пор. Поэтому, когда я вижу женщин, несущих сетки, набитые апельсинами, я удивляюсь: куда столько? Ведь когда их так много, это перестает быть событием и, тем самым, проходит бесследно для ребенка. Потому что стоит целая сетка, ешь, сколько хочешь!

Поэтому я, наверное, до сих пор помню и грушу, такую большую, желтую и очень сочную, потому что это не было каждый день.

Груша возникла при следующих обстоятельствах. По совету Кузьмы Сергеевича и по решению родителей меня отвели в хореографическое училище на вступительные экзамены. Помню, нас всех выстроили в большом зале перед комиссией, в которую входили Ваганова, Романова, Пушкин, Шавров, Пономарев, Костровицкая, Люком, дальше не помню, но комиссия была очень большая. Мы должны были похлопать в ладоши под музыку, затем под музыку ходить, бегать, делать небольшие движения руками. Все это происходило несколько дней, потом мелкомиссия и, наконец, сказали, что списки принятых в училище будут вывешены на доске такого-то числа.

В назначенный день мы с мамой пошли на улицу Росси, я осталась у подъезда, а мама пошла к спискам. Я довольно спокойно ждала результата: не то, чтобы мне не хотелось учиться в этом прославленном училище, наверное, я не понимала, что в этот момент решается моя судьба. Через некоторое время вышла сияющая мама и сообщила, что я принята в Хореографическое училище, и, чтоб как-то отметить это событие, мама повела меня в Елисеевский магазин и купила мне самую большую грушу.

И, наконец, не могу забыть еще одно ощущение — от вкусного вишневого киселя. Проучившись два года в училище, однажды я пришла на Кировский, 14 (самого Кузьмы Сергеевича уже не было в живых), среди гостей находился художник Алексей Федорович Пахомов. Он попросил маму, чтобы я ему позировала. А.Ф.Пахомов, известный художник, в основном рисовавший детей, пробовал себя тогда в скульптуре и хотел вылепить фигурку юной балерины. Так она и называлась, когда вышла в свет. Мама согласилась, и после занятий в училище я бежала в мастерскую Пахомова. Долго мы искали позу, которая говорила бы о балетной профессии, и, наконец, нашли. Девочка завязывает балетную туфельку. Я прибежала после школы, позировала, а в перерыве жена Алексея Федоровича Анна Васильевна кормила меня обедом, который завершался вкусным, удивительного цвета, вишневым киселем. Закончилось позирование, закончился вишневый кисель, но зато родилась на Ломоносовском заводе фигурка «Юная балерина». Сейчас смотрю на нее и вспоминаю те дни, А.Ф.Пахомова, скромного, довольно молчаливого и очень трудолюбивого художника.

Его иллюстрациями украшены многие книги, а моя фигурка и по сей день находится в Русском музее. И один из первых экземпляров у меня дома.

Фарфоровый портрет работы А.Ф.Пахомова.

1937 год. Война, эвакуация, встреча

1937 год не обошел и нашу семью. Однажды ночью я проснулась от резкого звонка в дверь, взволнованная мама металась по комнате, пряча на груди ломбардные кви-

танции. В коридоре раздавались тяжелые шаги, и в комнате появились какие-то незнакомые мужчины. Наша собака Джой разрывалась от лая, брат держал ее за ошейник. Папа быстро оделся и пошел куда-то среди ночи с незнакомыми мужчинами, брат с собакой побежал за ними. На улице стояла машина, фургон, папу посадили в эту машину, и фургон тронулся. Джой вырвался из рук брата и с лаем кинулся за машиной. Его еле-еле вернули домой. Через несколько дней папу выпустили, и он вернулся. Я, маленькая, тогда не понимала, что это было и какие это были годы, годы, в которые почти все наши знакомые либо были высланы, либо арестованы.

К великому сожалению, этот эпизод имел свое печальное продолжение. Папа пережил почти всю блокаду в Ленинграде, но в 1943 г. его вызывали в милицию и предложили покинуть город. За что? За то, что в паспорте, в графе “национальность” стояло — немец. Папа, как и моя бабушка, был коренным петербуржцем, всю жизнь прожил на Таврической улице, работал честно, воспитывал двоих детей, меня и брата, брат погиб на войне. А моим родителям предложили в 24 часа покинуть Ленинград. Я была эвакуирована с Хореографическим училищем в самом начале войны, а то бы все это коснулось и меня.

Я очень хорошо помню 22 июня 1941 года. Был яркий, солнечный день, родители собирались прокатить меня на пароход до Петродворца. Отец пошел за газетой на угол, а мы с мамой были почти готовы. Вдруг вошел папа, бледный, с трясущимися губами, и сказал, что объявлена война. Я смотрела на родителей, ничего не понимая. Для меня — ребенка слово “война” означало что-то страшное, но не очень понятное. Мама начала говорить о брате, который служил в армии, о бабушке, которая жила в Каунасе, я смотрела на нее и не могла понять тогда ее слез и отчаяния. Только спустя много лет я поняла ее волнение и слезы, ведь мы так больше и не видели ни бабушку, мамину маму, она погибла в оккупации, ни брата, который в 1941 году погиб на фронте под Гомелем. Вечером собрались всей семьей. Взрослые что-то обсуждали, а я сидела на подоконнике, и каждый пролетающий самолет вызывал у меня страх, мурашки ползли, против моей воли, от затылка до пяток.

И вот уже 3-го июля всех нас, учащихся Хореографического училища, отправляли в эвакуацию. Солнечный день, провожающие родители, ни они, ни мы, не могли предположить, что наша разлука продлится так долго. Даже вещей зимних нам с собой не дали. Ехали мы под Кострому, где нас расположили в доме отдыха 15-летия ВЛКСМ, на разных дачах. Но уже в октябре над Волгой появились какие-то страшные серые самолеты. Нас срочно собрали и отправили на пароход, покрашенном, под цвет воды, в серый, дальше по Волге до реки Белой, на Каму, под город Пермь.

Наше путешествие длилось две недели. День за днем мимо проплывали города, небольшие стоянки, и снова темно-серый пароход отправлялся в путь. На этом пароходe мы были пассажирами 3-го класса и спали по два человека на полке, это было особенно неудобно на верхнем месте. Кормили нас прилично, но так как посуды не было, то каждый получал еду в свои кружки, у кого какие были. На мою беду мама дала мне маленькую кружечку для чистки зубов, не предполагая, что из этого получится. А получилось вот что. Каждый подходил к раздаче со своей кружкой за супом и вторым, но в мою-то кружечку помещалось от силы три столовые ложки супа и столько же второго, поэтому я, съев эти несколько ложек, подходила с кружечкой еще и еще. Моя кружка так примелькалась, что на меня стали сердиться, считая, что я слишком много раз подхожу за едой и злоупотребляю малым размером кружки. Все это было для меня каким-то мучением, в результате почти все 14 суток ехала голодная и с радостью прибежала чуть ли не первая в столовую, когда мы прибыли на место и законно съела

свою тарелку супа. Вероятно, детские воспоминания выработали подсознательную любовь, в последующей жизни, к большим чашкам и кружкам.

Шел третий год войны. Третий год эвакуации. Город Пермь, село Палазна. Все мы, оторванные от дома, чувствовали себя особенно одиноко в дни рождения. Первые годы у каждого еще были какие-то безделушки, которые мы рады были подарить тому, у кого праздник, и этим скрасить даль от дома и разлуку с родителями, но к тому времени, о котором идет речь, наши домашние запасы иссякли совсем. А жизнь шла. Дни рождения, которые мы уже знали наизусть, повторялись. Что делать? Время было суровое, но каждой из нас нужны были ласка и тепло. Наши родители переживали блокаду в Ленинграде — мы знали об их бедственном положении и особенно знали цену внимания и, конечно, знали цену хлеба. Ценнее хлеба тогда ничего не было. Не сговариваясь, мы единодушно порешили: в день рождения отдать новорожденной самое дорогое — хлеб! Пусть в этот день хлеба у нее будет много-много, пусть ест, сколько хочет, в свой день. Ночью вставали, раскладывали на тумбочке именинницы буханку хлеба, что сэкономили всем классом, и маленькое блюдечко с маслом и сахаром. Может быть, “рожденница” и слышала нашу суету, но не подавала виду, а утром, вставая, обнаруживала рядом с кроватью (топчан с матрасом) на тумбочке подарки и открытки с пожеланиями и поздравлениями. Я думаю, эти маленькие радости и сюрпризы не дали зачерстветь нашим сердцам, помогли сохранить тепло и искренность в отношении друг с другом. Кстати, и до нынешних дней. Мы жили единой бедой, единым желанием, чтобы скорее кончилась война, чтобы каждый из нас обрел потерянный дом. И вдруг ко мне приехали родители из блокадного Ленинграда. Встреча произошла очень интересно.

Накануне ноябрьских праздников нашему классу объявили на одном из уроков, что нас повезут в Пермь на праздничный концерт, который будет проходить в театре. Переночуем у старшеклассников, которые живут в Перми, и на следующее утро вернемся пароходом обратно к себе в село Палазну 40 км по реке Каме. Для нас это было событие, ведь ничего, кроме учебы и общежития, мы не видели почти два года, и вдруг такая радость. Начались сборы, стирка, глажка — все-таки ехали в театр.

Собственно, как мы доехали до Перми, я не помню. Только помню вечер в театре — большой, торжественный, праздничный концерт. Все, возбужденные, возвращаемся в общежитие. И не успеваем заснуть, как нужно вставать на пароход, который уходит от пристани в 7 часов утра. Туманно, сыро, холодно, времени 6 утра. Выходим из общежития и идем на речной вокзал. На вокзале суета, полно народу, люди спят прямо на полу, на лавках, под лавками, плачут дети, гудят пароходы. На реке туман. Сели на пароход и отчалили. Мест нет, все забито пассажирами, которые были везде, ну, только что не в машинном отделении.

Мы с девочками расположились на корме, там народу поменьше, туман и сырость загнали всех внутрь. Я пристроилась в уголке на канатах. На мне было пальтишко тоненькое-тоненькое и воротничок такой маленький, как я его ни поднимала, тепла от него не было. Старый пароход шлепал колесами по воде, и под их мерный стук я тихонько задремала. Вспомнился дом, мама, папа, наша квартира, мои любимые вещи. Как я без всего этого скучала. Волнение усиливалось от того, что давно, очень давно я из дома ничего не получала. Обычно писал папа, писал подробно, понимая, что трудно мне, домашнему ребенку, быть так долго вдаль от родных и дома, да еще в такие тяжелые годы. Но почта ходила плохо, и я утешала себя этим. Очнувшись я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидела перед собой девочек, которые одергивали на мне пальто, приглаживали волосы и куда-то тащили. На мои вопросы они хором отвечали, что здесь, на этом самом пароходe, едут мои знакомые из Ленинграда и хотят меня

Т.Л.Пилецкая после эвакуации. 1944.

видеть. Весь этот диалог был на бешеном пробеге с кормы во внутренние помещения и длинный коридор вдоль машинного отделения. Коридор был забит людьми, мы неслись, вернее, они неслись, увлекая меня за собой, спотыкаясь о вещи и людей. И вдруг все для меня остановилось, звуки и люди пропали, а передо мной стоял папа, в военной гимнастерке, худой, подтянутый и улыбающийся. Случилось так, что, уезжая из Ленинграда, они поехали ко мне. Письмо дойти не успело, а билеты они достали на тот самый пароход, на котором мы возвращались с праздничного концерта.

Это событие отозвалось в каждом юном сердце. Как только пароход причалил к пристани, я помчалась к председателю колхоза и заявила: “Ко мне приехали мама и папа из блокадного Ленинграда, мне нужна подвода”. Председатель колхоза посмотрел на меня, 11-летнюю девочку, и сказал: “Хорошо, подвода будет, но людей у меня нет, сама управлять сумеешь?”. Я ответила: “Да”. Мне вывели лошадь с телегой и сказали: “Поезжай за своими родителями на пристань, а потом пригони лошадь”. И я поехала, я не сидела, а почему-то стояла в телеге. Папа потом рассказывал — ждем, ждем и вдруг видим, едет лошадь с телегой, а в телеге стоит Татьяна и погоняет: “Пошла, пошла!”

К этому времени нас переселили из каменного дома в деревянный. Хозяева внизу, а мы на втором этаже, в большой горнице. При входе, когда поднимаешься наверх, направо были небольшие сени, куда я натаскала сена, и там ночевали первую ночь мои мама, папа, тетя и сестра. Обезвав все знакомые дома, собрала молока, что было хлеба, и они, замученные дорогой и радостью встречи, заснули. Дальше жизнь вступила в свои права. Нужно было найти жилье, всех устроить и, конечно, накормить. Жилье я нашла в какой-то избе, первый, почти подвальный этаж, правда, с печкой, которую можно было топить. Две комнаты и кухня. Устроились, перевезли вещи. И тут произошло то, что я никогда не забуду. Утром я прихожу на завтрак, и каждый от своего куска отрезает ломоть хлеба и масла. На обед мне прямо сказали: “Принеси кастрюлю”. Они наполнили ее супом, в миску положили второе. И месяц, целый месяц, эти девочки и мальчики, отрывая от себя, помогали моим родителям подняться на ноги и обрести человеческий вид. Это ли не есть единение и помощь в трудную минуту? Мои дорогие соученики, я Вам низко кланяюсь — не забуду этого никогда. Дружба — это прекрасно, она проверяется в беде.

Но пролетели годы эвакуации. Все мы, эвакуированные дети, повзрослели, пережили трудности и ждали, ждали, когда же домой. И, наконец, нам 20 мая 1944 года объявили: едем в Ленинград. Сложили мы свои немногочисленные пожитки, и бегом, скорее, вбегали по сходням на пароход до Перми, а там на ленинградский поезд домой. Состояние у всех было нервное, когда поезд подошел к платформе. Ведь многих из тех,

кто нас провожал летом 1941 года, не было в толпе встречающих, они погибли. Слезы радости и слезы горя текли по нашим лицам и по лицам родных, близких нам людей. Но мы были дома, в родном Ленинграде, и одно это было счастьем. Человек должен иметь свой родной дом, мы познали это за четыре года эвакуации.

“Книжный шкаф”

История со шкафом связана с трагическим случаем, произошедшим в нашем дворе. Должна сказать, что живя на Таврической, 9 со дня своего рождения, я знала всех, всех жильцов. Двор был типичный для Ленинграда, колодец, и все, что происходило в этом дворе было, как на ладони. В эвакуации, тоскуя по дому и Ленинграду, у меня были сладкие минуты, когда я рисовала по памяти нашу квартиру и вспоминала, кто где жил. Вернувшись домой, я увидела, как поредели ряды наших жильцов: кто не пережил блокаду, кто погиб на фронте, кто не вернулся из эвакуации. Нас, эвакуированных детей, привезли в Ленинград весной 1944 года, и по пути к Хореографическому училищу, меня поражали дома, частью разбитые, частью забитые фанерой, а на фанере нарисованы окна, так было на Невском. Нас встретили в школе педагоги и ученики, все те, кто оставался в Ленинграде. Слезы, улыбки, объятия. Нас поселили в общежитии школы, независимо от того, было ли у кого жилье или нет. Не помню, на какой день я поехала на Таврическую. Сердце выскакивало из груди, когда я взлетела на третий этаж и позвонила в дверь. Открыла мне незнакомая женщина, спросила, что мне надо. “Я здесь живу, это мой дом”, — ответила я. Новые соседи, наконец, поняли меня и провели по коридору, такому знакомому, к комнате, которая была опечатана и числилась за нами, так как брат был военнослужащий. Я открыла комнату и залилась слезами. Окна заклеены бумагой крест-накрест, из мебели осталось только то, что невозможно было продать при отъезде родителей. Три дивана, несколько кресел, старый огромный шкаф красного дерева, разные стулья. Я металась по комнате, хватая то одну, то другую вещь, с которой связана была вся моя, тогда еще небольшая жизнь. В углу были свалены негативы на пластинках, снятых папой, частью битые. На них была запечатлена жизнь семьи, мирные дни, близкие мне люди, некоторых из них уже не было. Пережив первые несколько часов, я решила, что все-таки это счастье, что у меня есть своя комната, и я ее уберу и буду ночевать дома. Дома — какое это прекрасное слово. Началась уборка, намыла полы, окно, все убрала, и, устав, но с ощущением, которое даже сейчас, после стольких лет отчетливо помню, я легла спать, укрывшись одеялом, любезно предоставленным мне соседкой. Каждый день, в свободное время сидя на подоконнике, я наблюдала за жизнью нашего дома, нашего двора, замечала новых жильцов, здоровалась со старыми. В парадной напротив, на третьем этаже, во время войны поселилась семья, состоявшая из двух сестер и молоденькой девушки. Мать этой девушки умерла в блокаду, и она осталась с теткой-учительницей. После войны девушка поступила в театральный институт и вскоре вышла замуж за военного, значительно старше ее. Хороша она была необыкновенно: пушистые светло-русые волосы, с узким разрезом лукавые, смеющиеся глаза, всегда жизнерадостная, легкая, она пробегала по двору на занятия и обратно, и все, кто видел ее, невольно ею любовались. Уезжая из Ленинграда, мои родители обменяли у учительницы на хлеб и крупу несколько вещей из мебели, в том числе небольшой книжный шкаф из красного дерева. И вот однажды, среди дня, в нашем дворе-колодце раздались выстрелы, они прозвучали гулко и страшно. Я выглянула из окна и увидела, как из парадной напротив выбежала учительница. Обливаясь кровью, она упала во дворе. Все, кто был в этот час дома, высыпали из квартир, кинулись к раненой, а она только жестом — говорить уже не

могла — показывала в сторону квартиры. Как потом выяснилось, муж ее племянницы, приревновав жену, выстрелил в нее, в тетку, убил ребенка, которому был месяц, и застрелился сам. Вот какая страшная картина разыгралась в нашем дворе. Вскоре из Москвы приехал брат учительницы, и стали вывозить мебель из этой квартиры. Среди столов, стульев, вешалок и шкафов, выносить которые помогал наш дворник дядя Миша, я вдруг увидела наш небольшой книжный шкаф. Я слетела с третьего этажа, схватила дядю Мишу за руку и стала просить, чтобы этот шкаф он нес прямо к нам на третий этаж. Брату хозяйки мебели я стала объяснять, что это наш, наш шкаф, проданный в войну за продукты.

И так шкаф, свидетель трагедии, водворился на свое прежнее место, а эта страшная история осталась в моей памяти навсегда.

Паспорт

Жизнь вступила в свои права. Я наслаждалась домом, уже переехав из школьного общежития, и с нетерпением ждала приезда из эвакуации мамы. Вскоре нам сообщили, что родители, которые были с нами в Перми, скоро приедут в Ленинград. И этот день настал. Специальным эшелоном наши близкие прибыли в родные пенаты. К приезду мамы я, как могла, благоустроила наше жилье. По дому собрала еще кое-какие наши вещи: у кого стул, у кого кровать, у кого столик, так комната и обставилась. Кстати, за одним из диванов обнаружила несколько непроданных картин, в числе которых сохранился портрет Петра I, папа его очень любил. Он был без рамы, и на него никто не позарился. Все это я развесила, и, как мне показалось, получилось очень уютно. Встретив маму, мы зажили трудно, но счастливо. Во-первых, кончилась война, во-вторых, светило солнце, и мы жили мечтой о том, что скоро приедет папа и все встанет на свои места. Но уже вскоре мы столкнулись с неразрешимыми вопросами, которые нагоняли тучи на ясное послевоенное небо. Главное, что заботило маму, как вырвать отца из ссылки и, конечно, страшная боль за брата. Вскоре мы получили ответ на наш запрос: “Пропал без вести”. Нужно ли говорить, что переживала мама, поднимая меня в трудные послевоенные годы. Мама устроилась куда-то дежурить по ночам, и мы с трудом сводили концы с концами. И вот наступил момент, когда нужно было получать паспорт. Долго мы обсуждали, как же быть. Конечно, в анкете для получения паспорта я напишу в графе “национальность” — русская, но отчество мое должно было быть Людвиговна. Папа так пострадал из-за своей национальности, разбита практически была вся жизнь, ураган военных лет разметал всю нашу семью, смел с лица земли нашу квартиру, налаженный быт; мы с мамой оставались совершенно незащищенными и такими уязвимыми, если я написала бы в анкете все, как есть, всю правду. И мы решили, метрика метрикой, а я напишу свое отчество Львовна, может быть, и проскочит.

Больно было на это идти, ведь я отрекалась от папиного имени, подумать только! Даже сейчас, когда после стольких лет я вспоминаю этот эпизод, мне делается не по себе. Как я волновалась, когда вошла в милицию. В окошечке сидела молодая девушка, рядом с ней на стуле сидел молодой человек, с которым она кокетничала. Не глядя на меня, она дала бланк для заполнения. Я заполнила его так, как мы решили, и с внутренней дрожью подала в окошко вместе с метрикой. Смеясь и продолжая общаться с молодым человеком, девушка взяла у меня документы и просила посидеть подождать. Что это были за минуты! Мне казалось, они длились вечно. Наконец, окошко открылось, и прозвучала моя фамилия. Подойдя к окошечку на каких-то деревянных

ногах, увидела свой оформленный новенький первый паспорт. Папа не обиделся, узнав об этом, он прекрасно понимал, что толкнуло нас на такой поступок. Тем более, что надежд на его возвращение не было никаких.

Высылка

Вскоре после возвращения из эвакуации произошел эпизод, который я не могу не вспомнить, потому что он чуть не перевернул всю мою жизнь. 1937 год, папина высылка в 1943 году и эпизод, о котором пойдет речь, — все это как бы составляло зловещую цепь и чуть было не закончилось трагично. Дело в том, что мама, вернувшись из эвакуации в Ленинград, сразу начала искать юриста, который бы помог ей составить письмо о невинности отца. Куда только не писали — Ворошилову, Кагановичу, Молотову и даже, в конце концов, Сталину. Ответов никаких. И вот однажды нам пришла повестка, в которой нас с мамой вызывали в наше 23 отделение милиции. Это было в 1946 г. Я только-только вышла замуж. Принял нас капитан Федоров, как сейчас помню его лицо, такое красное и круглое, с трудом вмещающееся в тугой воротничок кителя, а уж фамилию никогда не забуду. Мы зашли в кабинет, и он дал нам ознакомиться с документом, под которым нам надо было расписаться. Это было распоряжение о высылке нас из Ленинграда в 24 часа. Я сидела ближе к столу, чем мама, и, прочитав, сразу поняла, что это за бумага. Кровь отхлынула от головы, и все вокруг закружилось. Мама с ужасом смотрела на меня, еще не совсем понимая, что привело меня в такое состояние. А капитан Федоров смотрел на нас, на двух беспомощных, растерявшихся женщин, я почти девочка, у которой вся жизнь была впереди, и так хладнокровно и цинично произнес: “Писать в высшие инстанции надо было меньше, меньше напоминать о себе, и никто бы Вас не тронул, забыли бы”. Мы просили отсрочки, и нам дали 3 дня для устройства своих дел.

В то время я только начала понемножку сниматься в кино, часто бывала на студии “Ленфильм” и познакомилась с известным режиссером Леонидом Захаровичем Траубергом. И первый, кому я позвонила и рассказала о своем несчастье, был Трауберг. Леонид Захарович выслушал меня и сказал: “Вам надо ехать в Москву и попасть на Лубянку!” Легко сказать: попасть на Лубянку! К кому? Я была так растеряна. Леонид Захарович сказал: “У меня есть в Москве большой друг Николай Робертович Эрдман, я знаю, он сейчас пишет программу для ансамбля МВД. Вот Вам письмо к Эрдману, а он направит Вас дальше или, во всяком случае, что-то посоветует”. Я приехала в Москву и отправилась по адресу, где проживал Николай Робертович Эрдман. Жил он тогда в подвальном помещении, дверь мне открыла женщина, и я вошла в длинную, как кишка, комнату. Первая половина комнаты была отгорожена большим шкафом. Справа от двери на кровати лежала женщина. Николай Робертович провел меня во вторую половину комнаты, сказав, что это его больная мать. Я отдала Николаю Робертовичу письмо от Трауберга, он прочитал и удивленно взглянул на меня: “Деточка, чем же я могу Вам помочь? Вот разве что я должен сейчас идти к начальнику ансамбля МВД, нести написанную для них программу, пойдёмте со мной. Он приличный, по-моему, человек, может быть, он что-то посоветует”. Мы поехали. Начальник ансамбля выслушал меня и сказал, что единственное, что он может сделать — это дать телефон, по которому можно позвонить на Лубянку. Я вышла на улицу и прямо из автомата позвонила, а это был прямой телефон генерала Леонтьева. Я не знаю, какй отдел он возглавлял. Я представилась артисткой балета из Ленинграда и попросила принять меня по личному делу. Его это заинтересовало,

и он назначил мне время встречи, спросил фамилию и сказал, что пропуск для меня будет оставлен в бюро пропусков. Но паспорт-то у меня уже был перечеркнут в нашем отделении милиции. Подавая паспорт в бюро пропусков, я молила бога, чтобы охранник не заглянул на прописку в конце паспорта. Он вложил пропуск в паспорт и, отдавая, рассказал, как найти нужный кабинет. Так впервые я попала в жуткие коридоры Лубянки с огромными частыми дверями. Найдя нужный кабинет, я постучала и вошла. В приемной сидела секретарша, которая, увидев меня, любезно улыбнулась и попросила меня присесть, сказав, что я попала в обед, скоро он кончится, и генерал Леонтьев меня примет. Приемная была светлая, довольно большая, с двумя зеркальными шкафами по обе стороны. Каково же было мое удивление, когда минут через 15 вошел бравый, лет 40, генерал, открыл один из шкафов (это оказалась дверь) и вошел в кабинет. Вскоре секретарша пригласила и меня. Я вошла в огромный кабинет, пол которого был устлан ковром. В углу направо, наискосок, стоял очень большой письменный стол со множеством цветных телефонов (красный, синий, желтый, голубой), и за этим столом сидел генерал. Я представилась и рассказала, что привело меня в Москву. Леонтьев внимательно слушал меня, иногда задавал вопросы, потом я немного успокоилась, беседа потекла более непринужденно. Генерал сказал, что он ленинградец, что он очень любит балет и вообще театр. В конце беседы я показала ему паспорт с перечеркнутой пропиской, на что он среагировал очень бурно, сказав: “Ну что это у нас, не разобравшись, берут и перечеркивают. Возмутительно!” Набрал номер и вызвал к себе начальника паспортного отдела генерала Подузова. Через некоторое время в кабинет вошел человек в синей форме, он произвел на меня очень неприятное впечатление. После моего объяснения я показала ему паспорт, он его взял и обещал разобраться. Леонтьев дал мне свой самый прямой телефон и просил через пару дней позвонить. “Но ведь нам в Ленинграде дали только три дня отсрочки”, — сказала я. Он улыбнулся и сказал, чтобы я не волновалась. Я звонила и ходила на Лубянку несколько раз. Паспорт мне вернули и сказали, чтобы я ехала в Ленинград и через неделю позвонила.

Я, возвратившись домой, рассказала о своем посещении Лубянки. Мы с нетерпением ждали, когда же можно будет позвонить. Ровно через неделю я с трепетом набрала московский номер. Действительно, подошел Леонтьев и сказал, что дела обстоят следующим образом: “Вы оставайтесь и танцуйте себе на здоровье, а маме придется уехать к отцу”. Что делать? И вот последняя попытка, мы идем к прокурору города, излагаем наше дело. Он тут же звонит в Большой дом и говорит сокровенную фразу, которую я никогда не забуду: “Вы мне всех русских из Ленинграда выселите”. А дальше то ли звонок прокурора подействовал, то ли изменилась общая обстановка в стране, но нас оставили в покое, и только через месяц пришла повестка из 23 отделения милиции, явиться с паспортом. Мы пришли, у нас взяли паспорта для прописки, и, получив их через неделю, чистенькими, с пропиской, мы наконец успокоились. На этом дело наше прекратилось. Но что пришлось пережить?!

Я работала с Козинцевым

Итак, я получила балетное образование, но... балерина из меня не вышла. Несколько лет я протанцевала в балете театра Музкомедии, но тут совершенно неожиданно вмешалось кино, причем, я не думала о нем серьезно, так, чуть-чуть подработать. Но судьбе угодно было распорядиться иначе, и вся моя жизнь перевернулась. Мне выпало огромное счастье: мои первые кинематографические шаги были связаны с име-

На съемках фильма “Пирогов”.

нем всемирно известного режиссера Григория Михайловича Козинцева. Об этом замечательном, невероятно эрудированном человеке написано очень много интересных книг и материалов, рассказывающих о его творчестве. Но, может быть, мои скромные воспоминания прибавят еще одну черточку к характеру этого сложного, интересного, талантливому человека.

Мне предложили принять участие в картине “Пирогов”. Это был маленький эпизод, связанный с верховой ездой. С огромным желанием начала изучать этот вид спорта. Наверное, этим эпизодом ограничилось бы мое участие в фильме, если бы Г.М.Козинцев в это время не искал бы актрису на роль Даши Севастопольской, первой медицинской сестры при хирурге Пирогове.

Вероятно, мой юный возраст, отсутствие какого-либо актерского штампа, абсолютный наив натолкнули Г.М. на мысль о пробе на роль Даши. Репетиции со мной он поручил своим ученикам Дорману, Ростockому, Катаяну, Рязанову. Ныне все они стали известными режиссерами, мастерами кино.

Пробы прошли благополучно, и меня утвердили на эту первую в моей жизни роль. Она мне запомнилась не только потому, что была первой. Я попала в удивительную творческую атмосферу, о которой не имела понятия и в которой мне хотелось запомнить все. И то, как блистательный оператор Андрей Николаевич Москвин ставил свет, не говоря ни одного слова. Это была точная, выразительная пантомима, которую осветители прекрасно понимали, и каждый кадр становился украшением картины. Как почти на каждой съемке бывал художник Альтман (эти уникальные фотографии хранятся у меня до сих пор), как разрешали нам, актерам, присутствовать на записи музыки Шостаковича...

А как работал Г.М.Козинцев с актерами! Я не пропускала ни одной съемки, даже когда не была занята. Еще бы! Ведь артистов, которые снимались в этом фильме, я знала только по фотографиям и картинам и вдруг получила возможность стоять рядом и наблюдать, как они создают свои образы. Черкасов, Чесноков, Скоробогатов, Дикий, Лебзак...

Помню, снимали сцену, когда Нахимов, которого играл А.Д.Дикий, приходит навестить больного Пирогова-Скоробогатова. Нахимов подсаживался на край кровати, и начиналась большая психологическая сцена. “Мы нужны, и вы своим солдатам и я своим матросам, — говорил адмирал, — так что нельзя нам болеть, Николай Иванович,

никак нельзя”. Эта сцена была так сыграна этими прекрасными актерами, что, когда дали команду “Стоп, мотор”, все, кто был в павильоне, заплодировали. Такого я больше никогда не видела. Григорий Михайлович запомнился мне не таким, каким он был в последние годы, а совсем, совсем другим, каким его, может быть, знали немногие. Было ему тогда чуть больше сорока, он бывал лукав, его глаза так озорно горели. Козинцев очень любил нас, молодежь, которая была у него на картине. Он охотно проводил с нами свободное время, когда оно у него выпадало.

Григорий Михайлович позднее всегда поражал меня удивительным выражением глаз, точно он прислушивался к своим мыслям. Он был сосредоточен, задумчив и грустен...

Мне не пришлось быть на премьере своего первого фильма, так как я уехала к месту службы мужа и только из письма узнала, как была принята картина. Смотрела фильм уже позже, как простой зритель.

Время шло, у меня родилась дочь, и я приехала к маме в Ленинград. Позвонила Григорию Михайловичу, чтобы поздравить с выходом фильма. Он меня, в свою очередь, поздравил с дочерью и спросил, не нужна ли мне коляска: “Сын вырос, если такая нужда есть, приезжайте и забирайте ее”. И мы с мамой вечером пошли на Петроградскую сторону с Таврической пешком, с девочкой на руках, так как транспорт тогда ходил плохо. Козинцев меня уже ждал. Вынес коляску, поставил в лифт, мы тут же положили в нее ребенка, и, счастливые, поехали домой. Прошло много лет, но при каждой встрече Григорий Михайлович с улыбкой вспоминал: “Таня, а помните ту таинственную, детективную историю, когда вы ночью от меня увозили коляску с ребенком?!”.

МИНОГИ

В человеческой жизни иногда бывают невероятные курьезы, которые и представить-то себе даже невозможно и которые порой вносят даже какие-то неожиданности, иногда радостные, а иногда и досадные. Вот о таком курьезном случае, мне и хотелось бы сказать несколько слов. Я только что вышла замуж за К.В.Пилецкого, и мужа направили служить на север, так как он закончил Военно-морское училище им. Держинского и начинал свою службу. Всем выпускникам был дан отпуск, и муж поехал к родителям в Москву. А я в это время заканчивала свою первую серьезную работу в кино у режиссера Г.М.Козинцева на студии Ленфильм в фильме “Пирогов”, где играла Дашу Севастопольскую, о чем я уже рассказывала. Закончив последний съемочный день и распрощавшись с группой, я собиралась в Москву, чтобы ехать с мужем на место службы.

Перед самым отъездом Г.М.Козинцев просил меня отвезти пакет миног для Эйзенштейна, который очень их любил. Здесь в Ленинграде на стажировке у Козинцева были его ученики, один из них — Эльдар Рязанов к тому времени уже уехал в Москву. Собрав все свои немногочисленные пожитки, я двинулась в путь.

К поезду ребята, которые еще оставались в группе, принесли мне пакет миног и сказали: “Элик встретит тебя на вокзале, и ты отдашь ему пакет”. И вот Москва, поезд медленно подходит к перрону. Я стою в тамбуре, волнуясь от предстоящей встречи с мужем. Я знала, он меня, конечно, встретит. Я вижу, как он идет, улыбается мне. Поезд почти остановился, и вдруг кто-то несется по перрону, шевелюра развеивается, и я слышу крик: “Таня, Таня”. Расталкивая всех, он вскакивает на подножку подходящего вагона. Это был Элик Рязанов, так мы его тогда называли. Радостно обняв меня, он выхватил пакет миног и, поблагодарив, умчался.

Я стояла совершенно ошарашенная, на лице мужа пронеслись все эмоции, которые только могли возникнуть в результате этой сцены. Смущенно я начала объяснять, что этот молодой человек не имеет ко мне никакого отношения — это все миноги, миноги для Эйзенштейна.

Прибалтийские воспоминания

1947 год. Наш доблестный военно-морской флот пополнился новыми силами в лице молодых офицеров, закончивших Военно-морское училище им. Дзержинского. Моего мужа направили служить в г.Лиепая. Собрав свои пожитки, а они все уместились в один небольшой тюк, что привело в недоумение мою свекровь, я поехала с ним. При пересадке в Вильнюсе мы встретили знакомых, тоже молодую пару, они, получив назначение, направлялись в Лиепая на место службы и взяли меня с собой. В Вильнюсе мы должны были сесть на рижский поезд. Вокзал был забит народом, жулики шныряли тут и там, смотреть надо было в оба, а то недосчитаешься чемоданов. У вещей все время кто-то из нас дежурил.

Поезд опаздывал, и неизвестно было, когда его подадут. Наступил вечер, вдруг погас свет, огромный Вильнюсский вокзал погрузился во тьму. Что тут началось: визги, крики, раздолье для жульи. Я, для того чтобы уберечь багаж, легла на тюки, надеясь, что уж из-под меня не вытащат. И вот, во время суматохи, подали поезд. Пассажиры выстроили в цепочку, и милиционеры с фонарями, охраняя эту очередь, пропускали нас на перрон к вагону. Вот так я и прибыла в г.Лиепая, где в то время еще можно было прокатиться на лошадке в старинном фаэтоне.

Вскоре приехал с назначением муж, и мы стали искать жилье. Это было не просто, не всегда нас принимали с распростертыми объятиями. И вот, как-то обедая в ресторане “Юра”, разговорились с официанткой, рассказали ей о наших трудностях и приняли предложение пожить у нее. Правда, комнатка маленькая, без удобств, но мы согласились.

Квартира эта находилась на мансарде. Как входишь, кухня, в которой спала хозяйка на большой тахте, дальше дверь в столовую, а налево из столовой — вход в маленькую, со скошенным потолком, комнату с кроватью. Больше там ничего не было, не было даже двери в столовую, просто висела легкая штора, которую я скалывала английской булавкой, если в столовой что-то происходило. А происходило довольно часто. Нашу хозяйку звали Сильва, нрава она была веселого, соответствовала своему имени и работала, как я уже говорила, официанткой в ресторане “Юра”. Гости любили посещать ее. И вот однажды, это было в канун Нового года,

С дочерью Наташей (1949 г.).

муж дежурил на базе, я одна, в комнатухе холодно, света там не было, лежу и думаю, куда это меня занесло, так далеко от дома, от мамы. Вдруг в соседней комнате зажегся свет, раздались голоса, звон посуды и ...очередной ужин. Сквозь мою занавеску просунулась голова Сильвы, которая звала меня ужинать, все-таки скоро Новый год. Как я ни отказывалась, пришлось встать и выйти в столовую. Там сидел гость, довольно пожилой мужчина, уже крепко навеселе, он ужинал в ресторане, и Сильва с подружкой заташили его к себе. Он важно сидел за столом, крепко прижимая к себе толстый, чем-то набитый портфель. Подливая в его бокал напитки, подруги напоили гостя до такой степени, что он уселся мимо стула. Из открывшегося портфеля золотым водопадом посыпались мандарины. Они бросились поднимать беспомощно барахтавшегося гостя, зацепили при этом скатерть, и весь ужин рухнул на пол, что вызвало безудержную волну веселья. Хорошо погуляли... Наконец, жить там стало совсем невозможно: каждый день разные гости. Нужно было искать новое жилье.

На сей раз это был дом на берегу моря, громадная пустая комната и такая же пустая громадная веранда. Рядом в комнате жил кочегар, дверь к нему правда была, но не имела замка. Так как я почти все время была одна, это соседство меня пугало. Пустая темная веранда, шум прибоя, завывание ветра. Этот чужой незнакомый город, где в каждом окне светились яркие абажуры, висели занавески, а я ходила по улице и думала: "Какие счастливые люди, у них есть дом". Наконец, город нам выделил комнату 9—10 метров на первом этаже, вход прямо с улицы. Хозяйка этой комнаты была посажена в тюрьму за деятельность, строго наказуемую законом. Удобств, конечно, никаких, воду надо было брать из колонки, хозяева воды не давали. Но мы были счастливы иметь свой угол. У нас появилась первая мебель: две кровати, стол, два стула и примус. Вот в эту маленькую комнатку я и принесла из роддома нашу дочь Наташу. Через месяц мужа перевели на север, и мне нужно было ехать в Ленинград к маме. Стоял холодный сентябрь, соседи по дому провожали меня на вокзал. Я с ребенком на руках и с вещами погрузилась в вагон, который не отапливался. Проводница сжалась надо мной и устроила меня в отдельном купе. Холод был ужасный, и пеленки не успевали высыхать, приходилось сушить их на себе. Так первый раз в Ленинград приехала новая гражданка, полуторамесячная Наталья Константиновна Пилецкая.

Людвиг Львович Урлауб

Я поехала навестить отца в ссылке, последний раз мы виделись, когда я была девочкой, 7 лет назад, в 1943 году. А сейчас к поселку Краснотурьинск подъезжала женщина, имеющая дочь.

Поезд медленно подходил к станции, перрона не было. Сердце замирало от ожидания предстоящей встречи. Наконец, поезд остановился, и я увидела папу, он протягивал мне руки, и я с высоких ступенек прыгнула прямо в его объятия.

У бабушки было двое сыновей, дочь и пасынок, сын второго мужа. Папа был самый младший и самый любимый. Дом, в котором мы жили, принадлежал бабушке, но, когда стали уплотнять жильцов, ее переселили в 9-метровую комнату, и она все имущество разделила между детьми. Папе достались спальня карельской березы с инкрустациями, столовая красного дерева и часть кабинета с книгами. Но мое детское любопытство почему-то всегда останавливалось на светлом деревянном ящике. Что же это был за ящик? Размером приблизительно 50×50 см, он закрывался на два красивых замка, а когда его открывали, то красота была необыкновенная. Внутри он был обит светло-зеленым бархатом, и в верхнем ярусе лежали, каждая в своем отделении, вилки и ножи

разных фасонов, а когда верхний ряд снимался, то во втором ряду, опять же, каждая в своем отделении, лежали ложки, начиная от разливательной до самых маленьких. Конечно, все серебро. У меня сейчас нет ни одной серебряной ложки. Все, все прожили. Мы жили очень скромно. Из ломбарда не вылезали, а содержимое фантастического ящика все редело и редело. Мама периодически посещала торгсин, куда уходили и ложки, и вилки, и ножи.

Папа, закончив химический факультет университета, поступил на китайское отделение восточного факультета, но тут началась война, и он ушел служить в автомобильную роту. Бабушка была человеком довольно суровым и не очень одобрила папину женитьбу, маму признала только после рождения брата, она его очень любила, гуляла, играла и проводила много времени с ним.

Папа работал инженером-химиком на разных заводах. Был начальником цеха на пятой мармеладной фабрике. Когда приходил домой, по квартире разносился запах ванилина. Иногда приносил коробочку мармелада, что находил у себя на рабочем столе (работники его очень любили). Участвовал на заводе «Фармакон» в создании первого выпуска лекарства сульфидина. Был уютный, гостеприимный дом, со своими сложностями и радостями.

Но страшная война разбила нашу семью, разметала нас. Брат погиб в самом начале войны на фронте, меня эвакуировали на Урал, куда и приехали родители с тетей и двоюродной сестрой. Но не по своей воле они покидали Ленинград... Высылая их из города, им предложили на выбор несколько мест, в том числе и Урал, а так как я была там с Хореографическим училищем, они поехали ко мне. Как мы встретились, об этом я уже рассказывала.

Но папа прожил с нами — со мной и мамой — недолго. Спустя месяц отца вызвали в сельсовет и сообщили, что его отправляют на стройку в соседнее село Добрянку — это 20 км от села Палазна, где мы жили.

Каждую субботу папа приходил к нам пешком, а в ночь на понедельник пешком же отправлялся обратно. И вот однажды, это было зимой, как обычно, в ночь на понедельник, он тронулся в обратный путь. Ночь была лунная, мороз крепкий, на тракте ни души, и кругом тихо-тихо. В морозной тишине скрип шагов особенно громко слышен. И вдруг папе почудилось, что за ним кто-то идет. Стоило ему остановиться, шаги затихали. Ночь. Вокруг лес, и кто-то, идущий сзади. Немного жутко и неприятно. Тогда отец решил: чтобы узнать, кто это, надо идти медленно и быстро обернуться, и когда он это проделал, то довольно далеко от себя он заметил темное пятно. Он пошел, пятно двинулось. Тогда папа стал делать вид, что идет очень быстро, а сам в это время почти стоял на месте. Этот обман удался. Пятно явно было чем-то живым и пододвинулось ближе. Стало светать. Теперь уже можно было разглядеть таинственного попутчика. При свете занимавшейся зари папа увидел маленького черного козлика, вероятно, заблудившегося, такого же неприкаянного и желающего прибиться к живой душе. Отец сразу же отправился на работу (он работал на кране), а когда пришел в общежитие, черный козлик, свернувшись калачиком, крепко спал у него на кровати.

Т.Л.Пилецкая с отцом.
(Красноурьинск, 1950 г.)

Но вскоре и эти короткие встречи с папой прекратились. Всех немцев, работавших на стройке в Добрянке, в один из дней собрали и отправили в Свердловск на пересыльный пункт. Набили в небольшую комнату людей, плечом к плечу, и выкликали по фамилии, направляя кого куда.

Великое стояние затянулось, ноги отекли. Более слабых положили на топчан, что стоял в углу. Шел час за часом. Тогда отец решил залезть под топчан, хоть ноги немного отдохнут. На нем был серый прорезиненный плащ, он его подстелил под себя, к нему присоединился еще один товарищ, они забились в угол, легли на плащ и сверху укрылись пальто, что было у соседа. Так прошла ночь.

Наутро папу вызвали и отправили с группой людей в город Краснотурьинск на Базстрой Аллюминиевого завода при МВД, за проволоку.

Не знаю, как скоро, и кому точно, пришла в голову мысль создать там драмкружок, а ведь для этого надо репетировать, следовательно, при разрешении можно выйти за проволоку в клуб. Эта идея объединила довольно большое количество людей, невзирая, конечно, на таланты. Многие старались попасть в этот кружок. Нашлись художники, режиссеры и начали они осуществлять постановки концертов, целых спектаклей и одноактных пьес. Отец был в этом кружке и актером, и помощником режиссера, и художником, одним словом, одним из вдохновителей и реализаторов всех творческих идей.

Начальство Базстроя поддержало это начинание и бывало на всех премьерах. Деятельность актера и режиссера хоть и не была профессией отца, но это помогло ему выжить, выстоять в трудные минуты жизни, да и не только ему. Эта деятельность спасла многих людей, что попали в эти места, и вселяла надежду на лучшие времена. скрашивая настоящую действительность. За время, что папа прожил в ссылке в Краснотурьинске, а это 15 лет, он сыграл и поставил около 200 спектаклей. В 1956 г. отца направили в Свердловск на месячные курсы повышения творческой квалификации, он закончил их с отличием и мог уже законно руководить драматическим коллективом.

Встреча, с которой я начала воспоминания о папе, закончилась через две недели. Жила я у папы в комнате метров 16, которую к тому времени ему дали. Но мне надо было возвращаться в Ленинград. И увиделись мы вновь только через 8 лет, когда папу реабилитировали и разрешили вернуться домой. Но того дома, из которого он уехал в 1943 году, уже не было. Брат погиб, мама умерла, у меня была своя жизнь. Квартиры, конечно, тоже не вернули, правда, спустя некоторое время папе дали двухкомнатную малюсенькую квартиру, где он и поселился с новой женой.

Но это все было уже другое. Жизнь была сломана и закончилась в 1973 году.

Вертинский в моей судьбе

Я уже работала в балете театра Эстрады как артистка балета, когда пронесся слух — приезжает Вертинский и будет давать концерт в нашем театре. Все мы были взволнованы этим сообщением и вечером собрались на концерт.

Билеты у входа продавались с рук по 10 рублей. Нас, работников театра, устроили в оркестре. Так я впервые в жизни близко увидела Вертинского, о котором много слышала от родителей, — элегантного, очень высокого, прекрасно исполняющего свои романсы.

Акомпанировал ему Михаил Брехес. Зрители бурно встречали артиста, выкрикивали названия старинных песен, и он без конца бисировал.

Спустя пять лет Александр Николаевич опять приехал на гастроли в наш город. У мамы была приятельница — большая поклонница Вертинского, помнившая его по ран-

ним выступлениям. Она-то и пригласила меня на его очередной концерт. Это было в Капелле. Зритель в зале был очень разный: пожилые люди, которые помнили Вертинского и слушали его еще до революции, и совсем молодые, которые только познакомились с его своеобразным творчеством.

Вновь меня покорило его исполнение. Особыми вокальными данными он не обладал, но выразительные жесты восполняли отсутствие большого голоса. Это была своего рода музыкальная пантомима.

С тех пор прошло много времени, и много я видела исполнителей, которые пели песни и романсы уже самого А.Н.Вертинского. Некоторые даже пытались подражать ему, но никто не смог добиться той невероятной точности и тонкости жеста, той виртуозной элегантно выразительности, какой обладал А.Н.Вертинский.

Во время антракта мамина знакомая повела меня за кулисы, чтобы познакомить с Вертинским. Я не соглашалась, мне было неудобно, тем более, что и она не была с ним знакома... Мы зашли в комнату с деревянными дубовыми панелями и шкафами (бывшая библиотека), угол был отгорожен ширмой, из-за которой вышел Александр Николаевич. На извинения маминой знакомой он улыбнулся и протянул мне руку. Фрак был снят, он вышел к нам в очень красивой стеганой куртке. Извинился, что сейчас не может уделить нам времени, так как должен готовиться ко второму отделению, но после концерта ждет нас. И при этом отхлебнул что-то из стаканчика от термоса. Кажется, это был кофе с коньяком.

После концерта А.Н. встретил нас уже как старых знакомых, стал расспрашивать, где я училась, что собираюсь делать. К этому времени я уже снялась в нескольких картинах. А.Н. одобрил мой выбор и сказал, что с такими внешними данными надо сниматься обязательно. Каждый приезд Вертинского в наш город я, конечно, не пропускала, бывала на всех его концертах, стараясь попасть на первый ряд. И мне даже казалось иногда, что он пел для меня.

Прошло еще несколько лет. А.Н. снялся в фильме “Анна на шее” в роли князя и вскоре после успешного выхода картины на экраны опять приехал на гастроли в Ленинград. Мне кажется, А.Н. любил гастролировать в нашем городе, его как-то особенно тепло принимали у нас. Я, конечно, снова была на концерте и повидалась с ним. Мы долго беседовали, и вдруг Александр Николаевич мне сказал: “Голубчик мой, ведь сейчас на студии Горького, где я снимался, готовится фильм “Княжна Мери”, вот ваша работа, вот ваша роль — Вера. Принесите фотографию, я передам ее на картину”.

А.Н. сдержал свое слово. И вскоре я получила вызов с киностудии, ну а потом и роль Веры состоялась. Так, с легкой руки А.Н.Вертинского, началась моя серьезная кинематографическая карьера. Следующая встреча с А.Н. была в Киеве — я снималась в фильме “Мать” у М.С.Донского. В то время на студии им. Довженко снималось много молодых начинающих актеров, ставших впоследствии ведущими мастерами кино.

А.Н.Вертинский снимался в фильме “Джордано Бруно” и часто собирал вокруг себя нас, молодежь. Читал стихи, рассказывал эпизоды из своей жизни, а ему было что рассказать. Мы слушали, затаив дыхание. Слушал наши рассказы и он, он умел и любил слушать других. Этим мне и запомнился А.Н.Вертинский.

Первая большая роль в кино

В моей жизни произошло большое событие!

Меня вызвали на пробу в картину “Княжна Мери” на роль Веры. С замиранием сердца я первый раз переступила порог студии им. Горького. Меня встретили привет-

*Т.Л.Пилецкая — Вера
(к/ф “Княжна Мэри”).*

ливо, новая, молодая актриса вызывала интерес. Я чувствовала на себе пристальные взгляды. В группу, как бы невзначай, заходили люди, пробегали по мне глазами и удалялись. Настал день пробы, но на какую роль? Кто-то предложил попробовать меня на роль Мери, я совсем растерялась. Меня загримировали, подтемнили волосы и сняли на фото, фотографии получились очень неплохие, но, все-таки, тип немного не тот. Ведь у Мери должны быть черные бархатные глаза, да и возраст должен быть совсем, совсем юный, и, хоть я выглядела намного младше своих лет, режиссер И.М. Анненский все-таки стал искать девочку на эту роль, а мне предложили попробовать на роль Веры, как и было решено вначале. Сняли, опять-таки на фото, и отправили домой в Ленинград. Вскоре я получила телеграмму следующего содержания: если я соглашусь покрасить волосы, то меня ждут в группе. Я, конечно, поехала. Ну, какое имеет значение, в какой цвет надо покраситься: в синий, в зеленый, в красный, важно сняться в роли Веры. По счастью, Вера у Лермонтова была блондинка, и, попав в руки гримера, через полчаса я предстала перед режиссером яркой блондинкой. И.А. Анненский посмотрел на меня и сказал: “Ну вот, чудесно, так и будем снимать”. Услышав это, я чуть не заплакала от счастья, значит роль моя, но... как всегда, есть рядом и “доброжелатели”, один из них, видя мою радость, подошел ко мне и сказал: “Вы напрасно радуетесь, на эту роль очень много претенденток”. Я говорю: “Но я же покрашена”. Но он, не моргнув глазом, ответил: “А они тоже все покрашены”.

Мне сказали, чтобы я ехала домой и ждала результатов худсовета. Вскоре из телеграммы я узнала, что на роль Веры меня не утвердили.

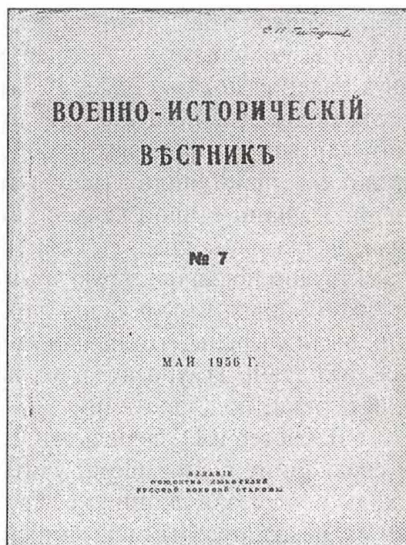
Я расстроилась ужасно. Обиделась на весь кинематограф. И решила, что ни на одно приглашение отвечать и соглашаться не буду. Но не успела я это, решить, как пришла вторая телеграмма, в которой сообщалось, что мнение худсовета разделилось резко пополам, и пришлось созывать второй худсовет, где большинством голосов прошла моя кандидатура.

Я, конечно, забыла все свои обиды, подхватила чемоданы и поехала на место съемок — в Кисловодск и Пятигорск. Все там было овеяно духом Лермонтова, что помогало нам понять и почувствовать ту далекую лермонтовскую эпоху. Вот так и состоялась моя первая большая роль в кино.

Легенда о подземном ходе в Пажеском корпусе

Представляя читателям нашего журнала новую рубрику, редакция руководствуется тем, что военная печать Зарубежья внесла существенный, но, к сожалению, мало известный в России вклад в изучение и популяризацию отечественной истории. Сегодня читатель имеет уникальную возможность познакомиться с "Военно-Историческим Вестником", издававшимся в Париже на правах рукописи Обществом Любителей Русской Военной Старины.

В высшей степени любопытной показалась нам статья князя Н.С.Трубецкого, председателя Главного правления Союза пажей, опубликованная в 7-м номере "Военно-Исторического Вестника" за 1956 г. В следующих номерах "Нового Часового" мы познакомим читателя с другими интересными материалами русской зарубежной военной печати, любезно предоставленными нашим коллегой К.М.Александровым.

Сыздавна существовала легенда о подземном ходе между Пажеским Е.И.В. корпусом и Михайловским (Инженерным) Замком. Как известно, Пажеский корпус помещался в здании, принадлежавшем в середине 18-го века гр. М.Воронцову, откупленном в казну в царствование Императрицы Екатерины II. Император Павел I, ставший с 1797 г. Гроссмейстером Мальтийского рыцарского ордена, передал этот дворец капитулу сего ордена.

Император Александр I, с учреждением в 1802 г. Пажеского корпуса как военно-учебного заведения, перевел туда этот корпус. В нем, помимо православной церкви, имелась во дворе и другая, католическая; обе во имя Св. Иоанна Иерусалимского. В последней помещался трон Гроссмейстера Мальтийского ордена с гербом Императора и мальтийским крестом. Император Павел I имел пребывание в Михайловском Замке.

Откуда пошла легенда о существовании подземного хода между вышеупомянутыми зданиями, мне неизвестно, но целый ряд пажей разновременно старались туда про-

никнуть. Начальство корпуса, конечно, знало об этом, но всегда смотрело сквозь пальцы на все эти попытки.

Вот об одной такой попытке я и хочу поделиться с читателями “Военно-Исторического Вестника”.

В своих воспоминаниях бывший паж, барон В.В.Кистер 2-й (1901—1905 гг.) рассказывает, как он со своим другом и одноклассником, Георгием Гершельманом 10-м, прозванным “зайцем”, потому что он немного косил на один глаз (в 1914 г., будучи офицером Л.-Гв. Конной артиллерии, был убит 6-го августа в бою у Каушена), — оба, из озорства, проникли в подземелье Мальтийской католической церкви, в котором, между прочим, в былые годы, в самом начале учреждения Пажеского корпуса, собирались масоны под председательством великого магистра ложи “Соединенных Друзей” полковника Оде-де-Сион, в то время инспектора классов сего корпуса.

Бродя по подземелью, они случайно обнаружили большое железное проржавевшее кольцо, высывавшееся из-под песка, покрывавшего пол. Начав раскапывать песок, они увидели, что кольцо вделано в какую-то деревянную крышку, плотно пригнанную к полу. После долгих усилий им удалось поднять крышку, под которой оказалось темное, глубокое отверстие. Спичек у них не было, но, зная из прочитанных книжек, как индейцы узнают глубину пещер, они бросили туда кусок попавшегося им дерева; хотя звук падения показал очень незначительную глубину, они не рискнули лезть в темноту и отложили свое исследование до другого раза. Через дня два, снабженные электрическим карманным фонарем и длинной крепкой веревкой, сташенной ими из цейхгауза, они снова приступили к делу. Открыв люк и осветив отверстие, они увидели на глубине 4—5 аршин второй люк, к которому вела совершенно круглая труба. Привязав веревку к тяжелому кресту и скинув вицмундиры, они медленно спустились вниз. С большим трудом подняли вторую крышку люка, но оттуда несло таким испорченным воздухом и такой вонью, что, оставив люк открытым, они поспешили вылезти обратно. Теперь они были уверены, что нашли второе место, откуда начинается подземный ход (первый ход был давно замурован, и он был виден с внутреннего двора, наискось от католической церкви, под воротами).

В.Кистер и Г.Гершельман, решив, что вдвоем им не справиться с этим, посвятили в свою тайну С.Тимашева, учитывая, что его сила может им пригодиться. Через несколько дней, когда они уже втроем пролезли опять туда и приподняли крышки люков, им открылся покатый подземный ход, уходивший в северо-восточное направление. По этому ходу они прошли около 400 шагов, натываясь на кости каких-то животных, вероятно кошек, и на обломки заржавленного оружия. Самое интересное было то, что идти дальше им не позволяла паутина. Она становилась все гуще и гуще и, покрытая пылью, достигала невероятной толщины, спускаясь сверху и по стенам. Они старались ее не задевать, так как тучи пыли разлетались от малейшего к ней прикосновения. В конце концов она настолько закрыла ход, что они были принуждены остановиться. После краткого совещания они решили вернуться. Обсуждая свое открытие, они уже не сомневались, что нашли тот самый ход, который вел из Инженерного Замка — из спальни Императора Павла I — в здание Мальтийского ордена, т.е. в Пажеский корпус. Закрыв тщательно люки и приведя все в первоначальный вид, они обязались между собою никого из начальства не посвящать в тайну своего открытия.

В первый же день отпуска В.Кистер рассказал об этом своему деду бар. Отто Карловичу Кистеру, служившему в Л.-Гв. Драгунском полку (с 1850 по 1857 г.) и вот какой интересный рассказ он от него услышал.

“В начале апреля 1855 года”, — так начал барон О.К.Кистер, — “я сидел после завтрака в офицерском собрании Л.-Гв. Драгунского полка, когда вошедший вестовой

доложил, что в передней меня ожидает писарь из полковой канцелярии с секретным пакетом — «в собственные руки». Расписавшись в книге, я вскрыл пакет. «Секретно — срочно. Ротмистру барону О.К.Кистер. С получением сего предписываю вам отправиться в С.-Петербург в Михайловский Замок и явиться в распоряжение начальника особой комиссии генерал-адъютанта графа В.Ф.Адлерберга. Командир полка барон Энгельгардт». (Бар. Василий Богд. Энгельгардт 2-й командовал Л.-Гв. Драгунским полком с 1849 по 1857 г. — *Прим. кн. Н.Т.*).

На другой день в 9 часов утра я вошел в Михайловский Замок и явился графу Адлербергу. Генерал пояснил мне, что особая комиссия, председателем которой он назначен и в состав которой я вошел членом, учреждена приказом Государя Императора Александра Николаевича для вскрытия запечатанной комнаты, в которой произошло убийство Императора Павла I. Теперь, когда прошло после убийства 50 лет, Государь Император пожелал устроить в комнате церковь.

Все члены комиссии были налицо, и мы по длинному широкому коридору подошли к знаменательной двери. Она была заперта на висячий замок старинного образца и на ней виднелись четыре печати, довольно хорошо сохранившиеся. Поручик Л.-Гв. Преображенского полка (фамилию не помню), самый младший член комиссии, тщательно занес в протокол акта месторасположение печатей, затем специальный слесарь, провозившись добрую четверть часа, вскрыл наружный и внутренний замки двери, которая со скрипом отворилась. Вслед за генералом мы вошли в комнату. Сознаюсь, сердце у меня забилось.

Уже по первому взгляду можно было сказать, что после убийства, когда тело уже было вынесено, эта комната была сразу закрыта наглухо и все в ней оставлено так, как было в момент драмы. Картина была потрясающая. До сих пор, вспоминая ее, я содрогаюсь.

Все, буквально, в ней носило следы борьбы: опрокинутый стул и два кресла, одно с отломленной ножкой; перерытая постель с висящим набок балдахинном; наполовину оборванная старинная тяжелая, плюшевая портьера; оторванная, вышитая гарусом, сонетка от стенного звонка с бронзовым кольцом валялась на полу, рядом — разбитый хрустальный графин и стакан. На полу, у подножия кровати, две подушки, покрытые бурыми пятнами, вероятно, следы крови, и пара бисерных восточных туфель. Почти все ткани от прикосновения разлетались и рассыпались в прах.

Напротив постели большой камин, еще полный золы и угля, часть которого разбросана и растоптана по всему полу до самой постели. Слева от камина я обратил внимание на люк, видимо от подземного хода. Рядом с ним — род продолговатого деревянного подносика, приделанного к паркету и на нем стояла одна большая медная вызолоченная гири. На самой крышке люка стояли на трех углах три точно таких же гири. Не хватало четвертой на четвертом углу люка, видимо, той самой, которая осталась на подносике”.

“Для меня”, говорил дед: “картина убийства Императора стала совершенно ясной. В роковую ночь Император проснулся от шума и лягса сабель у входа в спальню. Это были два казака, стоявшие у двери в спальню, которые геройски защищали своего Императора (Интересно знать, какого они были полка, вероятно, лейб-казаки. — *Прим. кн. Н.Т.*). Они были убиты заговорщиками, но шум и лягс оружия разбудил Государя и затянувшаяся борьба дала ему время броситься к подземному ходу и поставить на люк три гири, как заговорщики ворвались в спальню. Поставить четвертую гирию Государь не успел. Чтобы привести люк в движение, надо было расставить по углам гири и самому стать на середину, тогда люк медленно опускался.

Спасаясь от убийц, Государь, по-видимому, заметался по комнате и, в конце концов, забился в камин, откуда был вытащен, брошен на постель и задушен подушками.

Обратившись к председателю комиссии, я обратил его внимание на гири и угли из камина, разбросанные по прямой линии: камин — постель. По этим данным я восстановил, как я ее представлял себе, вышеприведенную сцену убийства. Генерал согласился со мною. Но, когда я предложил испытать механизм входа в подземелье и поставить четвертую гирю, то получил отказ, — Генерал-адъютант граф Адлерберг не хотел, видимо, рисковать жизнью драгунского офицера и приказал вообще “от греха”, по его выражению, убрать все гири. Через час, подписав акт, я уехал”, — закончил свой рассказ дедушка.

Весьма вероятно, по словам Кистера, это был тот самый подземный ход, который вел в Пажеский корпус. Надо заметить, что в месте, куда проникли наши пажи, имелось отверстие вентиляционной трубы, выходящей на чердак католической церкви.

Что же касается поисков подземного хода со стороны Михайловского Замка, то, оказывается, бывали такие попытки и юнкеров Николаевского Инженерного училища, однако их поиски никогда не давали положительных результатов. Но в 1818 г. один офицер, окончивший это училище, служа в Главном Инженерном Управлении и интересуясь легендой о подземном ходе, случайно наткнулся в архивах Управления на один секретный документ, в котором говорилось, что во дворе Замка существует подземный зал неизвестного назначения, в котором бывали в свое время собрания масонов.

На этом я заканчиваю свое сообщение об этой легенде.

**Председатель Главного правления
Союза пажей князь Н.Трубецкой**

Ю.Г.Епатко

Автопортрет с... Пушкиным. Пушкиниана художника К.С.Петрова-Водкина

Царское Село, дважды переименованное в советское время — в Детское Село, а в 1937 г. в город Пушкин, продолжает оставаться для всех россиян Царским Селом — местом, где жил и учился великий русский поэт. Вакханалия переименований началась задолго до Октябрьской революции 1917 года. Это старая российская традиция. В 1843 г. император Николай I приказал Царскосельский Лицей, в память своего старшего брата императора Александра I, назвать Александровским и перевести его из Царского Села в Петербург, в казенное здание на Каменноостровском проспекте, которое до этого занимал “Александринский сиротский дом”.

Здание бывшего Царскосельского Лицея опустело, было передано Дворцовому ведомству и со временем превратилось в заурядный жилой дом. На месте учебных классов, комнат лицеистов, библиотеки, газетной комнаты, Большого парадного зала появились квартиры частных лиц с кухнями, столовыми, спальнями, туалетами. Менялись жильцы, менялась планировка. Прежний Лицей изменился неузнаваемо...

В декабре 1927 г. квартиру из трех комнат на втором этаже Лицея, на северной стороне, занял с женой и дочерью художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878—1939). Свое образование он получил в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, окончив его в 1905 г. по мастерской известного художника В.А.Серова, затем продолжил учебу в студии Ашбе в Мюнхене. В своем творчестве Кузьма Сергеевич испытал сильное влияние искусства Древней Руси, французского и немецкого символизма и мастеров итальянского Возрождения. С ренессансной широтой восприятия и освоения мира художник работал в самых разных жанрах: портрета, пейзажа, натюрморта, жанровой и тематической картины. Блестящий рисовальщик, он также много трудился как иллюстратор и театральный художник.

В связи с тяжелым легочным заболеванием, по настоянию врачей он вынужден был переехать из Ленинграда в Детское Село. Эти места еще с начала XVIII века славились здоровым микроклиматом. Поселившись в Детском Селе, Кузьма Сергеевич загрустил... В Ленинграде остались друзья, ученики Академии художеств, где он состоял профессором с 1918 г. Из окон его квартиры, выходящих в Лицейский сад, была видна старинная Знаменская церковь, памятник Пушкину-лицеисту работы скульптора Роберта Баха.

Обустроившись, художник взялся за кисть. Много позже, в 1957 г., его жена Мария Федоровна написала на французском языке (полусербка-полубельгийка, она была уроженкой Франции) воспоминания, озаглавив их “Мой великий русский муж”¹. Годы, прожитые в Детском Селе с 1927 по 1936, Мария Федоровна считала “самыми плодотворными” в творчестве мужа. Здесь он создал такие свои знаменитые полотна, как

*К.С.Петров-Водкин. А.С.Пушкин с Андреем Белым и К.С.Петровым-Водкинским.
Местонахождение картины неизвестно.*

Фото с картины находится во Всероссийском музее А.С.Пушкина.

“Смерть комиссара”, “Девушка у окна”, “1919 г. Тревога”, ряд чудесных натюрмортов. Здесь написал автобиографические книги “Хлыновск”, “Пространство Эвклида”. Здесь же обратился к образу Александра Сергеевича Пушкина, создав необычную картину “А.С.Пушкин, Андрей Белый и К.С.Петров-Водкин”. Иначе ее можно назвать “Автопортрет с Александром Сергеевичем Пушкиным и Андреем Белым”.

Замысел картины связан с появлением в Детском Селе известного советского писателя Алексея Николаевича Толстого. В 1930 г. он поселился на Пролетарской (ныне Церковной) улице в доме № 4, расположенном недалеко от Лицея, где жил К.С.Петров-Водкин. В это время Толстой работал над историческим романом “Петр I”. Кабинет писателя заполнился вещами петровской эпохи: старинной мебелью, портретами вельмож в длинных париках, какие носили в начале XVIII века. На бюро лежали подлинники документы, подписанные сподвижниками Петра Великого. По вечерам кабинет специально освещался свечами в тяжелых, медных подсвечниках. Погружаясь в далекий мир стрелецких казней, сражений со шведами, строительства Петербурга, Алексей Николаевич ежедневно в одно и то же время садился за стол и “писал, писал, писал...”.

В 1930-е гг. в Детском Селе жили и отдыхали многие известные деятели искусства. Сложилась целая колония “детскоселов”. Одно перечисление имен впечатляет: писатели В.Я.Шишков, М.М.Зошенко, О.Д.Форш, К.А.Федин, И.Г.Эренбург, поэт Андрей Белый, драматург Б.А.Лавренев, композиторы Ю.А.Шапорин, С.С.Прокофьев, Б.В.Асафьев, певцы И.С.Козловский, И.В.Ершов, художники К.С.Петров-Водкин, М.С.Сарьян, балерина Г.С.Уланова. Этот список можно было бы продолжить.

Написав очередную главу, Алексей Николаевич приглашал “детскоселов” к себе домой и читал им написанное. Кузьма Сергеевич вспоминал: “Толстой Алексей... чи-

К.С.Петров-Водкин. А.С.Пушкин в группе писателей.

Картина уничтожена автором.

Фотография. Всероссийский музей А.С.Пушкина.

тал прекрасное, несколько грубоватые (ведь время-то грубое!) отрывки из “Петра I”². В кабинете, где проходило чтение, стояла тишина. Художник незаметно доставал альбом и карандашом делал портретные зарисовки.

Атмосфера в толстовском доме была творческой. После чтения хозяина композиторы играли на рояле свои новые произведения, а приехавшие из Ленинграда певцы исполняли старинные романсы. На этих вечерах у К.С.Петрова-Водкина зародилась мысль написать групповой портрет писателей, слушающих А.Н.Толстого.

Картина захватила художника. Работал он долго, трудно, переписывая на одном и том же холсте по меньшей мере трижды, а может быть и большее число раз, ее персонажи. Во Всероссийском музее А.С.Пушкина, разместившемся в Петербурге, в последней квартире поэта на набережной Мойки, 12, в фонде документальной фотографии хранятся две любительские фотографии, запечатлевшие картину в процессе работы в двух состояниях³.

Первоначально художник изобразил на полотне А.Н.Толстого, читающего свой роман, и слушающих его К.А.Федина и В.Я.Шишкова. Странное дело. Композиция картины взята из жизни, а на полотне писатели “не уживались” с Алексеем Николаевичем. А что, если к ним прибавить еще одного “детскосела”, поэта Андрея Белого, держащего в руках коробок спичек и папиросу? Так на картине появился новый персонаж.

27 октября 1933 г. художник писал Андрею Белому из Детского Села: “Не икалось ли Вам, не чертыхалось ли от всего того, что я с Вами проделываю: пишу Ваш портрет в группе случайно объединенных детскосельством (Вы, Федин, Толстой и Шишков). Пишу всех по памяти (не считая набросков пустяковых), и в этом трудная и интересная задача”⁴. Но и этот вариант картины не удовлетворил художника: “В процессе работы я почувствовал, что комизм, бытовая шуточка неуместны, когда мы сопоставляем мастеров”⁵.

Работа над картиной зашла в тупик, и неизвестно, что было бы дальше, если бы не “помог” Пушкин. В Детском Селе многое напоминало о “смуглом отроке”, когда-то бродившем по аллеям парка. Жена художника в своих воспоминаниях писала, что Кузьма Сергеевич, гуляя по парку, любил останавливаться у фонтана с бронзовой скульптурой “Девушка с разбитым кувшином”, читал наизусть пушкинские строки:

“Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила. Дева печально сидит, праздный держа черепок. Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой; Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит”⁶.

Кто знает, может быть, во время такой прогулки Кузьме Сергеевичу пришла мысль: “...вместо Толстого не посадить ли Пушкина. Что будет? И тут я должен сказать насчет радости, которая меня ошеломила: на месте Толстого нужно написать Пушкина. Сначала было умилительно, — были Асафьев и Прокофьев — смотрели и умиление это было тонкое”⁷.

Этот этап работы Петрова-Водкина над картиной запечатлен на фотографии, которая впервые публикуется в нашей статье.

Умиление быстро прошло. Из картины “исчезли” К.Федин и В.Шишков. Между Пушкиным и Андреем Белым образовалось пустое пространство, которое надо было кем-то заполнить. Мелькнула мысль о другом великом поэте — об Александре Блоке: “Может быть, Блока? Нет, Блок не сидит, ничего не выходит...”⁸.

Мы не знаем, сколько бессонных ночей провел художник перед своим полотном, думая, кого бы посадить на пустовавшее место между двумя поэтами, кто бы мог соединить несоединимое. В какое-то мгновение художник вспомнил полотна великих итальянских мастеров эпохи Возрождения, которые он в молодости во время заграничного путешествия видел в музеях и соборах Италии, где, как он писал: “Я выбрал себе любимчиков, которых и чту и уважаю до сих пор, которые меня поучают всю мою жизнь, с которыми я перешептываюсь потихоньку и делаюсь от этого крепче”⁹. Они смело вводили свои автопортреты в религиозные, мифологические и исторические картины. “Мне показалось, — вспоминал Кузьма Сергеевич, — что нужно сесть самому на это место. Получился автопортрет”¹⁰. Автопортрет с... Пушкиным.

Окончательный вариант картины с автопортретом нравился самому автору и его близким. Получилась фантастическая картина: Пушкин и Андрей Белый пришли в гости к художнику в его лицейскую квартиру. Они сидят на фоне пейзажа “Девушки на Волге”, на берегах которой родился Кузьма Сергеевич. Художник тактично ввел в композицию картины свой автопортрет, скромно присутствуя на символической встрече двух поэтов, разделенных целым столетием.

Неожиданно разразился скандал. Картина шокировала и друзей, и недругов. Пошли разговоры: как посмел современный художник изобразить себя рядом с “русским божеством” — Пушкиным? Он явно зазнался. Другое дело Владимир Маяковский — “лучший советский поэт”, в прошлом бунтарь и “поэтический хулиган”, мастер эпатажа мог позволить поставить Пушкина и себя рядом: “...нам стоять почти что рядом: Вы на Пе, а я на ЭМ”.

Кузьма Сергеевич, огорченный несправедливыми пересудами, без сожаления расстался с картиной, над которой так долго работал. В 1934 г. “Автопортрет с Пушкиным и Андреем Белым” экспонировался в Филадельфии на выставке “Искусство Советской России”. После закрытия выставки полотно было куплено неизвестным коллекционером и сейчас находится в американском частном собрании, но где именно — неизвестно.

Петров-Водкин был недоволен не только картиной, но и образом Пушкина. “Свой” Пушкин так и не родился под кистью мастера. То, что мы видим на фотографии, — всего лишь тщательно перерисованный и чуть приглаженный Пушкин с портрета

О.А.Кипренского. Тот же поворот головы, тот же взгляд и та же одежда — сюртук, шейный платок, завязанный бантом, белый воротник рубашки. “У меня с Пушкиным были большие недоразумения”, — констатировал мастер.

Вспоминаются творческие муки другого крупного русского художника — И.Е.Репина, также работавшего над образом А.С.Пушкина. Почти двадцать лет он писал картину “Пушкин на набережной Невы”. В письме к писателю Леониду Андрееву от 28 января 1917 г. Илья Ефимович признавался: “Испробованы все мои самые смелые приемы, — нет удачи, нет удачи; а между тем, ведь вот кажется так ясно я вижу этого “неприятного, вертлявого человека”, этого “обезьяну”, этого возлюбленного поэта...”

Передо мной фотографии со всех его портретов, передо мной две маски с мертвого; я уже умею разобраться, что лучше из всего материала; уже совершенно ясно чувствую характер этого чистокровного араба... И вот я... дерзнул изобразить этого гения...”¹¹.

Не было “удачи” и Петрову-Водкину. Жена художника вспоминала: “Кузьма Сергеевич долго и упорно работал над образом Пушкина. Но надо сказать, что Пушкин ему не давался. Он делал различные зарисовки великого поэта, но не был удовлетворен им”¹².

Прошло несколько лет. Приближался 1937 г. — столетие со дня трагической гибели поэта. Кремлевские властители решили превратить скорбную для русской культуры дату в “триумф” своего двадцатилетия. Каждый писатель, поэт, художник, композитор должны были к “юбилею” создать произведение на пушкинскую тему. Откликнулся на “приказ сверху” и К.С.Петров-Водкин. Он задумал написать Пушкина во весь рост в имени Болдино, где в ноябре 1833 г., за короткий срок, поэт создал такие выдающиеся произведения, как “Медный всадник”, “Пиковая дама”, несколько сказок, более десятка стихотворений. Пушкинисты назвали этот творческий подъем “Болдинской осенью”.

Художник поехал в Болдино, чтобы окунуться в историко-бытовую обстановку тех лет, но “в самом Болдине, — вспоминал он впоследствии, — ничего интересного я не нашел; мне запомнилась только комната приказчика и деревянные стены. [...] Я беру их, чтобы придать комнате более деревенскую обстановку, даю также деловский диван, зеркало”¹³. Прямо на полотне Кузьма Сергеевич komponует картину, переписывая ее отдельные части. В первом варианте Пушкин изображен сидящим на диване красного дерева, рядом стоит круглый столик, на котором лежит тетрадь со стихами. Вдова художника вспоминала, что Пушкин был “в рубашке из тонкого полотна, украшенной жабо, нога на ногу, в русских сапогах. Он только что прочитал письмо жены и, будучи раздражен тем, что писала Натали, скомкал его и бросил на ковер рядом с двумя книгами”¹⁴.

К.С.Петров-Водкин. Пушкин в Болдино. 1936 г.

Картина уничтожена автором.

Фотография А.И.Бродского. Всероссийский музей А.С.Пушкина.

*К.С.Петров-Водкин. Пушкин
на набережной Невы. 1937 г.
Гос. музей А.С.Пушкина. Москва.*

письмо"¹⁷. Этот фрагмент хранится в музее А.С.Пушкина на Мойке, 12. Другой фрагмент — голова поэта — принадлежал семье художника.

Вернувшись из Детского Села в Ленинград, К.С.Петров-Водкин снова возвращается к Пушкину и пишет, не спеша, "для себя", большой портрет-этуд "Пушкин на набережной Невы"¹⁸. В этой работе он отказывается от бытовых подробностей, отходит от копирования прижизненных пушкинских портретов и, наконец, создает "своего" Пушкина. Художник возвращается к собственной манере живописи, используя придуманную им трехцветку (сочетание красной, желтой и синей красок) и сферическое построение пространства в картине.

Пушкин, гуляющий по невской гранитной набережной, взят "по-киношному", крупным планом. За ним панорама Невы, вдали горизонтальная линия противоположного берега, справа плашкоутный мост. Поэт одинок, каким он был в последний год своей жизни, в момент противостояния с "большим светом" и самодержавием, непонятый даже близкими друзьями. Особенно выразительным получилось лицо поэта с большим, выпуклым лбом и огромными, печальными глазами. Кузьма Сергеевич любил этот портрет. Он висел в его мастерской над входом. Художник не расставался с ним до самой своей смерти. В 1970-е гг. близкие К.С.Петрова-Водкина передали портрет во вновь созданный музей А.С.Пушкина в Москве, на Пречистенке.

Отвечая в 1935 г. на вопрос анкеты о Пушкине, Кузьма Сергеевич сказал парадоксальную фразу: "Мы не богаты портретами Пушкина". В количественном отношении Пушкин — самый портретируемый исторический персонаж в России. Не было ни

В окончательном варианте, который зафиксировал фотограф А.И.Бродский, отец известного современного поэта, лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского, столика нет, как нет и сапог, дисгармонизировавших с жабо¹⁵.

И снова неудача, окончившаяся для художника трагически. Жюри Всесоюзной юбилейной Пушкинской выставки не приняло картину "Пушкин в Болдино", якобы потому, что невысокого ростом поэта художник написал в своей картине с длинными ногами. Образ поэта также не удовлетворил жюри. Причина неудачи была в том, что Кузьма Сергеевич спешил написать полотно к выставке и лицо Пушкина списал с акварельного портрета П.Ф.Соколова, выполненного в 1836 г. "Я думаю, что вопрос не в ногах, а в том, что я Пушкина не нашел", — считал сам художник¹⁶.

В порыве отчаяния Кузьма Сергеевич разрезал картину на несколько кусков, используя их на этюды. "Однажды, вернувшись домой, — рассказывала Мария Федоровна, — я обомлела — Кузьма Сергеевич уничтожил портрет. Только низ картины был пощажен — видны ножки дивана, ковер, книги и смятое Пушкиным

одного значительного художника, который бы не поработал над образом А.С.Пушкина. А вот удач, подобных картине “Пушкин на набережной Невы”, мало. Этим портретом Кузьма Сергеевич Петров-Водкин достойно завершил свою пушкиниану, которой отдал почти десять лет творческого труда.

Примечания

- ¹ *Петрова-Водкина М.Ф.* Мой великий русский муж // Волга. 1971. № 9. С.155—175.
- ² *Петров-Водкин К.С.* Пушкин и мы // Литературный современник. 1937. № 1. С.214.
- ³ Пушкин в группе писателей. Фото с картины К.С.Петрова-Водкина. 9×12. ВМП КП-10442, П-1035. Пост. 15.XII.1953 из ИРЛИ (Пушкинский Дом). Пушкин в группе с Андреем Белым и К.С.Петровым-Водкиным. Фото с картины К.С.Петрова-Водкина. 9×12. ВМП, КП-104433, П-1036. Пост. 15.XII.1953 из ИРЛИ (Пушкинский Дом).
- ⁴ *Петров-Водкин К.С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы (Сост. вступ. ст. и коммен. Е.Н.Селизаровой. М., 1991. С.279—281.
- ⁵ *Петров-Водкин К.С.* Пушкин и мы // Литературный современник. 1937. № 1. С.214.
- ⁶ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1954. Т.2. С.107.
- ⁷ Стенограмма собрания членов ЛОССХа, посвященного творческому самоотчету К.С.Петрова-Водкина 29 марта 1938 ОР ГРМ. Ф.105. Ед.хр.35. Л.30—131.
- ⁸ *Петров-Водкин К.С.* Пушкин и мы. С.215.
- ⁹ Стенограмма собрания членов ЛОССХа, посвященного творческому самоотчету К.С.Петрова-Водкина 29 марта 1938. ОР ГРМ. Ф.105. Ед.хр.35. Л.12.
- ¹⁰ *Петрова-Водкина М.Ф.* Мой великий русский муж. С.173.
- ¹¹ *Голубев В.* Пушкин в изображении Репина. М.-Л., 1936. С.16—19.
- ¹² Воспоминания М.Ф.Петровой-Водкиной // Вперед. Пушкин, 1975. 3 нояб.
- ¹³ *Петров-Водкин К.С.* Пушкин и мы. С.215.
- ¹⁴ *Петрова-Водкина М.Ф.* Указ. соч. С.173.
- ¹⁵ Пушкин в Болдино. Фото А.И.Бродского с картины К.С.Петрова-Водкина. 29,1×21,7. ВМП КП-11434. Пост. 15.XII.1953 из ИРЛИ (Пушкинский Дом).
- ¹⁶ Стенограмма собрания членов ЛОССХа, посвященного творческому самоотчету К.С.Петрова-Водкина 29 марта 1978. ОР ГРМ. Ф.105. Ед.хр.35. С.30.
- ¹⁷ *Петрова-Водкина М.Ф.* Указ. соч. С.173—174.
- ¹⁸ *Петров-Водкин К.С.* “Пушкин на набережной Невы”. Х. м. 70×51. 1937 г. Москва, ГМП. Инв. № 885.

Ю.Г.Елатко

Флигель-адъютант Александра I, зять Кутузова

Александр Николаевич Бенуа, известный художник, историк искусства, один из организаторов знаменитой историко-художественной выставки 1905 г. в Таврическом дворце, мечтал о создании в Петербурге музея русского портрета. В своих воспоминаниях он писал: “В качестве же идеального здания для такого собрания портретов мне казалось, что трудно было бы найти что-либо более подходящее, нежели Михайловский (Инженерный) замок, который сам по себе является перворазрядным художественным и историческим памятником”¹.

Несколько лет тому назад городские власти передали Михайловский замок — резиденцию императора Павла I — Государственному Русскому музею. На правах филиала в замке проводятся выставки из фондов музея. Мечта А.Н.Бенуа заполнить здание русскими историческими и художественными портретами начинает претворяться в жизнь. Вслед за постоянной экспозицией “Портретная галерея в Михайловском замке” 18 ноября 1996 г. в цокольном этаже в бывших покоях великого князя-младенца Николая Павловича открылась выставка портретной миниатюры, охватывающая два века. Каждая из пятисот выставленных здесь миниатюр может поведать немало интересного “о времени и о себе”.

В одном из залов экспонировались работы выходца из Курляндии, петербургского художника-миниатюриста Петера Эрнеста Рокштуля (1764—1824). Его миниатюры легко узнаваемы. Он любил писать погрудные изображения в профиль на темном фоне. На одной из выставленных миниатюр запечатлен граф Фердинанд (Федор Иванович) Тизенгаузен (1782—1805), флигель-адъютант императора Александра I, зять великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова.

Ф.И.Тизенгаузен — потомок старинного рода, переселившегося из Германии в Прибалтику еще в XII веке². Его дед барон Берендт-Генрих Тизенгаузен (1703—1789) в 1759 г. был возведен в графское достоинство Римской империи. Отец — граф Иван Андреевич (1745—1815) занимал видные придворные должности в царствование императора Павла I. 6 ноября 1796 г. он пожалован в гофмаршалы, с 1796 по 1798 руководил гофинтендантской конторой, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Иоанна Иерусалимского. Придворную карьеру окончил обер-гофмейстером³. Мать, Екатерина Ивановна, фрейлина Екатерины II, происходила из знатной фамилии Штакельбергов.

Их старший сын — граф Павел Иванович Тизенгаузен (1774—1862) с 1781 г. служил в Семеновском полку, был адъютантом великого князя Александра Павловича. В 1799 г., будучи в чине полковника, принимал участие в Итальянском походе А.В.Суворова. К началу XIX века имел ордена: Св. Анны 2 степени с алмазами, Мальтийский

командорский крест и сардинский орден св. Маврикия и Лазаря. В 1800 г. произведен в генерал-майоры. С 1802 по 1805 был комендантом Ревеля*.

Младший сын — Фердинанд (1782—1805) или Федор Иванович, как его звали на русский лад, получил хорошее образование и служил в инженерных войсках, расквартированных в Петербурге. 9 апреля 1801 г. “инженерного корпуса штабс-капитан граф Тизенгаузен всемилостивейше жалуется в флигель-адъютанты к Его Императорскому Величеству”⁵.

Счастье улыбалось молодому офицеру. Он присутствует в Москве на коронации Александра I и торжествах, связанных с этим событием. Ему жалуется специально отчеканенная в количестве 40 экземпляров золотая медаль “За служение во время коронации императора Александра I”. Там же на костюмированном балу он познакомился с Елизаветой Михайловной Голенищевой-Кутузовой, фрейлиной вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Юная красавица оказалась любимой дочерью Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, генерала от инфантерии, петербургского военного губернатора. Двадцатилетний флигель-адъютант императора, которого ожидала блестящая карьера, вскоре сделал предложение, и оно было принято.

6 июня 1802 года в придворной церкви Павловска состоялось венчание молодых в присутствии императрицы Марии Федоровны, великих князей Николая и Михаила Павловичей, великих княжон Марии, Екатерины, Анны и принцессы Амалии Баденской. В камер-фурьерском церемониальном журнале, где фиксировались все события придворной жизни, записано: “После семи часов пополудни... фрейлина госпожа Голенищева-Кутузова препровождена для убирания бриллиантовыми наколками во внутренние Ее Величества покои...”

В Высочайшем присутствии в церкви началось по обряду восточной Церкви браковенчание, а по возложении на бракосочетающихся венцов, держали оные над женихом кавалергардского корпуса поручик барон Унгерн, а над невестою адъютант Его Высочества Государя Цесаревича (Константина Павловича. — Ю.Е.) господин Опочинин.

На совершении браковенчания в церкви, как новобрачные, так за оными и все ближайшие их свойственники и гости к Ее Императорскому Величеству приносили свое благодарение и жалованы к руке”⁶.

Благоволение царской семьи продолжалось и позже. В марте 1803 г. у Тизенгаузен родилась дочь Екатерина. 29 марта состоялись крестины, которые “удостоила личным посещением императрица Мария Федоровна”⁷. Она же была восприемницей новорожденной. Император пожаловал своему флигель-адъютанту алмазный перстень. Через год, 14 октября 1804 г. родилась вторая дочь Дарья (Долли), вышедшая впоследствии замуж за австрийского посланника в Петербурге Ш.-Л.Фикельмона. Она, как и ее мать Елизавета Михайловна Тизенгаузен, вторично вышедшая замуж за генерал-

Рокиткуль П.Э. Портрет графа
Ф.И.Тизенгаузена. Миниатюра. 1801 г.
Гос. Русский музей.

майора Н.Ф.Хитрово, были близкими друзьями поэта Александра Сергеевича Пушкина. Прошло несколько лет...

Осенью 1805 г. началась война коалиции Австрии и России с Францией. Австрийцы, не дождавшись подхода армии М.И.Кутузова, начали кампанию самостоятельно. Под Ульмом они потеряли армию генерала К.Мака и оказались в тяжелом положении. Генерал П.И.Багратион послал им на помощь отряд, в который входил эскадрон Павлоградских гусар, 6-й и 8-й егерские полки и рота артиллерии. В этом отряде находился Ф.И.Тизенгаузен.

Первое сражение между французскими и русско-австрийскими войсками произошло в местечке Ламбехе около города Вельса. Двумя пулями в шею был смертельно ранен командир 8-го егерского полка граф Головин. Атака захлебнулась. Тизенгаузен схватил знамя и повел солдат вперед. Генерал Е.И.Меллер-Закомельский в донесении графу А.А.Аракчееву писал: “Флигель-адъютант Тизенгаузен привел в порядок расстроенные части 8-го егерского полка, лишившегося своего шефа графа Головина”⁸. Командовавший австрийскими батальонами генерал-поручик, граф Мерфельд в письме к Кутузову свидетельствовал “о примерной храбрости посланного к нему князем Багратионом отряда”⁹. Наградой храброму флигель-адъютанту был австрийский орден Марии-Терезии.

Решающее сражение с французами произошло под Аустерлицем. Командовал русскими войсками Михаил Илларионович Кутузов, но присутствие в армии императора Александра I сковывало его действия. Ряд ошибочных маневров Кутузов выполнил, подчиняясь приказам императора. Сражение близилось к кульминации. Наполеон, верный своей тактике, собрал лучшие дивизии в кулак и бросил их в центр русских войск, занимавших Праценские высоты. Удар был страшен. Дрогнувшие войска стали беспорядочно отступать. Был ранен Кутузов, пленение грозило Александру I. Граф Ланжерон писал: “Напрасно Кутузов со своей свитой, император Александр I и его адъютанты делали все, что могли, чтобы... восстановить порядок в войсках... Император кричал солдатам: “Я с вами, я подвергаюсь той же опасности, стой!” — все было бесполезно: неожиданность и панический страх, бывший ее результатом, заставил всех потерять головы”¹⁰.

В момент всеобщей паники Тизенгаузен вскочил на лошадь и повел за собой растерявшихся солдат. Но его тяжело ранило...

Участник Аустерлицкого сражения Ф.И.Глинка, поэт, впоследствии декабрист, вспоминал: “В сражении под Аустерлицем ранен смертельно зять главнокомандующего граф Тизенгаузен, прекрасный молодой человек. Когда пуля пробилась ему грудь, он упал с лошади; генерал Милорадович послал к нему адъютанта Аракчеева с несколькими рядовыми; но лишь только подняли его на ружья, как наступавшая весьма близко французская колонна, открыв батальонный огонь, засыпала пулями тех, кои несли, и принудила их оставить графа.

Неистовые неприятели, набежав, сорвали с него аксельбанты, недавно полученный им орден и в бешенстве били еще прикладами.

Наконец, когда наши прогнали их назад, то и граф был взят почти полумертвый, и чрез несколько дней скончался”¹¹. Ф.И.Тизенгаузен имел две награды. Русский орден Св. Анны 3 степени, который по статуту 1797 г. являлся низшей степенью этого ордена и крепился на холодном оружии¹². Второй наградой был австрийский военный орден Марии-Терезии. Он имел форму креста, и его носили на груди.

Этот орден французы сорвали с мундира тяжело раненного Тизенгаузена.

Елизавета Михайловна Тизенгаузен, точно предчувствуя беду и желая быть поближе к мужу, находилась в обозе русской армии недалеко от поля битвы. Кутузов

скрыл от нее гибель мужа, не решаясь сказать ей горькую правду. Своей жене Михаил Илларионович 30 ноября 1805 г. писал: “Пользуясь отъездом князя Волконского, скажу тебе, мой друг, что я слава Богу здоров. К Лизаньке принужден был послать Опочинина (Ф.П.Опочинин — зять М.И.Кутузова. — Ю.Е.), чтобы отвезти ее в Россию. Письмо, здесь прилагаемое к графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену, вели ему доставить с осторожностью”. Через месяц он послал второе письмо: “Не знаю, мой друг, как ты сладишь с бедной Лизанькой? Ей здесь не сказали об кончине Фердинанда. Дай Бог ей и тебе силу”¹³.

Сам Михаил Илларионович тяжело переживал смерть зятя. По воспоминаниям очевидцев, “он рыдал неутешно”. Своей дочери Кутузов как-то сказал: “Ежели бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанда”.

Федора Ивановича похоронили недалеко от Аустерлица¹⁴. Позже вдова перезахоронила прах мужа в Ревельском (ныне Таллинском) городском соборе, поставив на его могиле надгробие в виде обелиска с профильным мраморным барельефом. Под ним надпись на немецком языке: “Здесь покоится флигель-адъютант Его Величества Императора Всероссийского граф Фердинанд фон Тизенгаузен, кавалер орденов Марии-Терезии и Святой Анны. MDCCCV”¹⁵.

В указе Александра I, подписанном 15 марта 1807 г., повелено придворной контроле “вдове флигель-адъютанта графа Тизенгаузена производить в пенсион получавшиеся покойным мужем ея деньги...”¹⁶.

Мемуарные свидетельства о Тизенгаузене, как о красивом, мужественном и благородном человеке, совпадают с его обликом на миниатюрном портрете, хранящемся в Русском музее¹⁷. До недавнего времени считалось, что на миниатюре запечатлен “граф А.Тизенгаузен”¹⁸. С таким ошибочным определением портрет поступил в музей из собрания графа Д.И.Толстого, находившегося в дальнем родстве с Ф.И.Тизенгаузенем.

Второй миниатюрный портрет, идентичный миниатюре из Русского музея, хранится в краеведческом музее в Теплице (Чешская республика), куда он поступил в составе семейного архива Фикельмон¹⁹.

Можно предположить, что Рокштуль написал два одинаковых миниатюрных портрета. Один из них достался старшей дочери Тизенгаузена — Екатерине Федоровне. Замуж она не вышла, была фрейлиной, а с 6 декабря 1852 г. камер-фрейлиной императрицы Александры Федоровны²⁰. До самой своей кончины в 1888 г. она жила во фрейлинских комнатах Зимнего дворца²¹. Вероятно, после нее портрет попал в семью графа Д.И.Толстого и стал из-за путаницы в семейных преданиях называться портретом “графа А.Тизенгаузена”.

Второй экземпляр портрета хранился у младшей дочери Тизенгаузена Долли (Дарьи Федоровны) Фикельмон и у ее потомков. В их семье всегда считалось, что на миниатюре изображен граф Федор Иванович. Третий вариант профильного портрета, выполненный неизвестным художником масляными красками на холсте, находится в частном собрании в Брюсселе и точно повторяет нашу миниатюру²². Наконец, изображение на обеих миниатюрах совпадает во всех деталях с обликом Ф.И.Тизенгаузена на его надгробном барельефе.

Впервые предположение о том, что на миниатюре из Русского музея изображен граф Ф.И.Тизенгаузен, герой Аустерлицкого сражения, высказали журналисты И.Бочаров и Ю.Глушакова, занимавшиеся поиском и изучением русских реликвий, оказавшихся за границей²³. Их определение было основано на идентичности портретов, хранящихся в Теплице и Петербурге. Чтобы окончательно убедиться в том, что на миниатюре из Русского музея, которая датируется 1800-ми годами, изображен именно Ф.И.Тизенгаузен, мы обратились к спискам лиц, пожалованных во флигель-адъютанты

при Павле I и Александре I. Только один член семейства Тизенгаузенов — Федор Иванович 9 апреля 1801 г. был пожалован званием флигель-адъютанта²⁴.

Тизенгаузен на миниатюре написан в военном мундире фрачного покроя, введенном в 1801 г., с высоким стоячим воротником и двумя рядами мелких пуговиц. “Небрежно” расчесанные волосы, слегка припудренные, с напуском на лоб и густые бачки соответствуют моде первых лет александровского царствования. С правого плеча спускаются витые шнуры аксельбанта. Флигель-адъютанты имели на воротнике серебряное шитье определенного рисунка, что позволяет точно датировать портрет. Рисунок шитья, которое мы видим на портрете, существовал, согласно указу императора, с 12 марта 1801 г. до 25 марта 1802 г., после чего был изменен.

Учитывая, что портреты обычно исполнялись в связи с каким-нибудь важным событием в жизни заказчика (обручение, пожалование чина, ордена), можно предположить, что граф Федор Иванович Тизенгаузен заказал П.Э.Рокштулю свой портрет в военном мундире с флигель-адъютантским шитьем сразу после высочайшего пожалования, и, следовательно, миниатюры, хранящиеся в Русском музее и в краеведческом музее в Теплице, выполнены в 1801 г.

С миниатюрного портрета была сделана живописная копия, и он же послужил оригиналом для мраморного посмертного барельефа. Других изображений графа Ф.И.Тизенгаузена, вероятно, не сохранилось.

Подвиг молодого флигель-адъютанта увековечил Л.Н.Толстой в романе “Война и мир”, положив его в основу знаменитой сцены боя на Праценских высотах под Аустерлицем, где князь Андрей Болконский сумел остановить бегущих в панике солдат, повел их в атаку и через несколько секунд был тяжело ранен. Но если князь Болконский, по воле Толстого, выжил, то граф Федор Иванович Тизенгаузен через трое суток, после невыносимых страданий, 23 ноября 1805 г. скончался...

Примечания

- ¹ Бенуа Александр. Мои воспоминания. Кн.4, 5. М., 1990. С.419.
- ² Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т.65. С.167.
- ³ Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т.Суворова—Ткачев. С.508—509.
- ⁴ Его миниатюрный восьмиугольный портрет, выполненный в 1800-е гг., опубликован в издании великого князя Николая Михайловича “Русские портреты XVIII и XIX столетий”. СПб., 1909. Т.V. № 203.
- ⁵ С.-Петербургские ведомости. 1801. № 33. 16 апреля.
- ⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1802 года. СПб., 1902. С.662.
- ⁷ Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т.2. Императорская Главная квартира. История Государевой Свиты. Кн.2. Царствование Александра I / Сост. В.В.Квадри. СПб., 1904. С.118. В словаре Черейского год рождения Е.Ф.Тизенгаузен указан “около 1803 года” (Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С.433). Прочитированный нами документ позволил уточнить дату рождения графини Екатерины Федоровны — март 1803 г.
- ⁸ Столетие Военного министерства... С.181. Прим.3.
- ⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С.88.
- ¹⁰ Ланжерон А.Ф. Записки. // Военный сборник. 1900. № 11 (ноябрь). С.35—36.
- ¹¹ Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806, а также Отчественная и заграничная войны с 1812 по 1815 год. Писаны Федором Глинкою. М., 1815. Ч.I. С.107—108.
- ¹² Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1802 от Р.Х. СПб., 1802. С.14. “Флигель-адъютанты: Граф Федор Иванович Тизенгаузен, штабс-капитан и ордена Св. Анны 3 класса кавалер”.
- ¹³ Письма М.И.Кутузова к жене // Русская старина. СПб., 1871. Т.111. С.54—55.
- ¹⁴ С.-Петербургские ведомости. 1806. № 14. 16 февраля. “Его Императорское Величество в присутствии своем в СПб. соизволил отдать следующий приказ: Февраля 7-го. Е.И.В. флигель-адъютант, штабс-капитан Тизенгаузен исключается из спис-

- ков убитым в сражении”.
- ¹⁵ Раевский Н.А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1974. С.60. Фотография надгробия Ф.И.Тизенгаузена в Таллинском соборе.
- ¹⁶ Столетие Военного министерства... С.528.
- ¹⁷ Рокштуль Петер Эрнест, 1764—1824. Портрет Фердинанда (Федора Ивановича) фон Тизенгаузена, 1782—1805. Кость, гуашь, акварель. 6,7×5,5 (овал). Исп. в 1801 г. Слева подпись: “Rockstuhl fec”. ГРМ, Ж-371. Пост. в 1919 из собр. Д.И.-Толстого (Петроград).
- ¹⁸ Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. Ленинград, 1974. Т.1. Кат.53, табл.90 (Портрет графа А.Тизенгаузена. 1800-е г.г.); То же. 2-е изд. Ленинград, 1979. Ч.1. Кат.53, табл.90 (Портрет графа А.Тизенгаузена. 1800-е гг.). Без указания биографических сведений. Единственный известный нам граф Александр (Эдуард) Павлович Тизенгаузен, 1809—1884, племянник Федора Ивановича не может быть персонажем нашего портрета, так как он начал службу в 1829 г. при Николае I и, следовательно, не мог быть флигель-адъютантом Александра I. Его портрет в форме офицера Кавалергардского полка см.: Панцулидзе С. Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1908. Т.4. С.40; Карев А.А. Миниатюрный портрет в России XVIII века. М., 1989. Ил.83. (Портрет А.Тизенгаузена, 1800-е гг.); Портретная миниатюра в собрании Русского музея (Буклет выставки). СПб., 1996. Ил.7. Портрет неизвестного из семейства Тизенгаузенов. 1800-е гг.
- ¹⁹ Кишкин Л. Их знал Пушкин // Правда. 1979. 29 мая. Ил. ч/б.
- ²⁰ Сиятельные жены. Биографии и родословные статс-дам и фрейлин русского Двора. По спискам Карабанова П.Ф. СПб., 1992. № 156.
- ²¹ Петербургский Некрополь. СПб., 1913. Т.IV. С.244. “Тизенгаузен, графиня Екатерина Федоровна, камер-фрейлина Ея Величества, ум. 26 апреля 1888. Александро-Невская лавра, Никольское кладбище”.
- ²² Бочаров И., Глушакова Ю. Венецианская пушкиниана // Огонек. 1979. № 7. С.22—24. Цв. ил.
- ²³ Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П. 1) Венецианская пушкиниана // Огонек. 1983. № 23. С.26—28. 2) “Когда б имел я сто очей, То все бы сто на Вас глядели” // Памятники Отечества. 1987. № 1 (15). С.99; 3) Итальянская пушкиниана. М., 1991. С.370.
- ²⁴ Столетие Военного Министерства... С.118—134. Приложение. Выписки из документов, хранящихся в архивах. Свита Александра I. (Фамилии чинов Свиты, пожалованных императором Павлом I, написаны курсивом.)

С.Л.Фирсов

“Архипастырь кроткий, терпеливый и непамятнозлобивый”

Штрихи к портрету Митрополита Антония (Вадковского)

Хороша мудрость с наследством,
и особенно для видящих солнце.
(Книга Екклезиаста. 7,11)

Имя митрополита Антония (Вадковского) сегодня почти неизвестно большинству читающей публики, лишь историки-специалисты, да, пожалуй, те немногие, кто интересуется историей Православной Церкви в России, хорошо знают о судьбе этого человека. А между тем, волею судьбы, митрополит Антоний в течение многих лет (и каких лет!) являлся столичным архиереем империи, первоприсутствующим членом Святейшего Правительствующего Синода и считался одним из главных “виновников” церковного движения 1905—1906 гг., которое, однако, не привело к восстановлению нарушенного Петром I в начале XVIII столетия канонического строя православного управления.

Время, особенно время катаклизмов и бурь, часто не только (и даже не столько) меняет самого человека, сколько ломает установившиеся стереотипы восприятия этого человека со стороны окружающих его людей, а иногда подобный “трансформированный” образ переходит в историю и мешает правильному пониманию как человека во времени, так и самого времени. Слова эти, как мне кажется, в полной мере можно отнести к митрополиту Антонию, жизнь и пастырское служение которого рассматривается исследователями преимущественно через призму Первой российской революции, совпавшей по времени с периодом оживления надежд Православной Церкви на решение старых, накопившихся за много десятилетий “Синодального периода” проблем (прежде всего речь шла о восстановлении Патриаршества и созыве Собора русской Церкви).

Будущий митрополит (в миру — Александр Васильевич Вадковский) родился 3 августа 1846 г. в селе Царевка Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье священника (в дальнейшем ставшего протоиереем). Само происхождение уже во многом определяло будущую участь “поповских детей” — как правило почти все мальчики со временем шли в духовное училище, а затем — в семинарию (а иногда и в академию), чтобы, выучившись и приняв сан, стать православными иереями или же (в иных редких случаях) служить чиновниками, преимущественно по ведомству православного исповедания; девочки же, вырастая, традиционно выходили замуж в основном за лиц, принадлежавших к духовному сословию. Еще со времен Петра I русское православное духовенство стараниями светских властей все более замыкалось в обособленную от других сословий корпорацию, попадало в странное положение своеобразных “отше-

Портрет митрополита Антония (Вадковского). Худ. А.А.Карелин, 1911 г.

пенцев” общества, с одной стороны, имевших целый ряд привилегий и льгот, с другой же — практически лишенных права выбора. Подобное положение, содержащее в себе массу неудобств прежде всего для самого духовенства, просуществовало почти без изменений вплоть до эпохи Великих реформ. Только в 1867 г. Александр II утвердил мнение Государственного Совета, по которому правило о наследовании церковных мест в приходах преимущественно детьми священно- и церковнослужителей, а также закрепление таковых мест за дочерьми или другими родственницами занимавших эти места лиц с правом определения на них тех, кто вступит в брак с названными женщинами, было ликвидировано. Вскоре, в 1869 г., появился новый закон, гласивший, что, хотя дети лиц православного духовенства не принадлежат с тех пор лично к духовному званию, их права на образование в духовных учебных заведениях остаются прежними (т.е. все привилегии и льготы духовенству полностью сохраняются).

Впрочем попытки светских властей разрушить корпоративную замкнутость духовного сословия успехом не увенчались: материальные интересы и “сословные традиции” до конца Синодального периода так и не дали возможности реализовать в полной мере названные законы.

Все это необходимо учитывать при разговоре о судьбе русских “архи-прото- и просто” иереев в XVIII—XIX и начале XX столетий.

Судьба митрополита Антония в этой связи представляется нам вполне обычной. Первоначальное образование будущий церковный иерарх получил в Тамбовском духовном училище, по окончании которого прошел курс обучения в Тамбовской духовной семинарии. Завершив обучение в семинарии, Александр Вадковский решил священнического сана не принимать, продолжив свое богословское образование в одном из главных православных научных центров того времени — Казанской духовной академии. В течение четырех лет, с 1866 по 1870 г., он учился в Казани и писал кандидатское сочинение. Закончив обучение, А.В.Вадковский по предложению профессоров академии был оставлен там в качестве доцента кафедры Пастырского богословия и гомиластики*. Он много и серьезно работает, читает лекции, вместе с другими профессорами и преподавателями академии занимается описанием рукописей и старопечатных книг библиотеки Соловецкого монастыря. В 1871 г. ему присваивается ученая степень магистра за сочинение “Константин, епископ Болгарский, и его Учительное Евангелие”, он становится экстраординарным профессором. Будущая карьера Вадковского в это время уже достаточно ясна и “просчитывается” на много лет вперед: в дальнейшем он может стать ординарным профессором, написать и защитить докторскую диссертацию. Молодой богослов женат, у него двое детей — мальчик и девочка. И хотя в материальном плане не все благополучно, он счастлив и даже не помышляет о какой-либо иной карьере. В 1874 г. Вадковского назначают редактором академического журнала “Православный Собеседник”, он много печатается. Среди студентов профессор пользуется искренней любовью и уважением, его лекции неизменно посещаются.

Все изменилось в 1879 г., когда Александр Васильевич лишился горячо любимой жены, оставившей его с двумя малолетними детьми. Стремясь хоть как-то уменьшить боль утраты, Вадковский весь уходит в работу, не забывая, впрочем, и о воспитании оставшихся без матери детей. Однако судьба подготовила новый страшный удар: один за другим, от неизлечимой в то время инфекционной болезни, умирают его дети. Жизнь на какое-то время как бы обесмысливается — много лет спустя, уже будучи митрополитом, Антоний вспоминал, что тогда, пораженный в самое сердце обрушившимся как снежный ком горем, он не представлял себе будущего. Вера оставалась единственной

* Гомилетика (от греч. — разговаривая) — церковно-богословская наука, излагающая правила церковного красноречия или проповедничества.

поддержкой, позволившей А.В.Вадковскому пережить те мучительные месяцы и сохранить присутствие духа. Личная трагедия была так велика, что он решил уйти из "этого мира", оставить дорогое прошлое и стать монахом. Принять иноческий сан предлагало ему и епархиальное начальство. Вскоре, 4 марта 1883 г., Казанский архиепископ Палладий (Раев) постриг Александра Вадковского в монашество, а уже через два дня инок Антоний был рукоположен в сан иеромонаха. В ноябре того же года — он архимандрит и Управляющий Казанским Иоанно-Предтеченским монастырем, с 8 ноября 1884 г. — инспектор Казанской духовной академии, а в следующем — 1885-м — инспектор сначала в Московской, а затем в Санкт-Петербургской духовных академиях. Через два года архимандрит Антоний назначается ректором столичной академии, а через две с половиной недели после того (3 мая 1887 г.) становится викарием Петербургского архиерея, епископом Выборгским. "Карьера", как видим, стремительная. Скромный, часто остро нуждавшийся в самом насущном, казанский профессор-богослов становится весьма влиятельным православным архиереем и ректором духовной академии.

Чем можно объяснить столь быстрый взлет архимандрита Антония? Прямого ответа на данный вопрос у нас нет. Однако некоторые догадки на этот счет, думается, высказать можно. Как известно, в то время Обер-Прокурором Святейшего Синода был Константин Петрович Победоносцев, в 1880-е гг. пользовавшийся огромным влиянием не только на церковные, но и на мирские дела. Сам выходец "из духовного корня", Победоносцев с большой симпатией смотрел на тех представителей монашеского корпуса, кто не искал "места", не стремился целенаправленно к архиерейству, да и, собственно говоря, монахом-то стал в результате семейной (или какой-либо еще) трагедии, а не "специально" — и выдвигал их на епископские должности. (К примеру, из членов Св. Синода в 1900—1906 гг. почти 40% ранее были женатыми священниками, постригшимися после смерти жен; а среди епископов в 1905, последнем "Обер-Прокурорском" году Победоносцева, около 37% ранее имели семью.) Поэтому неудивительно, что скромный, образованный, "не искавший места" Антоний встретил в лице К.П.Победоносцева влиятельнейшего покровителя, который долгие годы следил за судьбой этого архиерея, ставшего со временем, по словам жены Победоносцева — Екатерины Александровны, своим человеком в их доме.

В 1892 г., когда умер престарелый (93-х лет) С.-Петербургский митрополит Исидор (Никольский), из ведения столичного архиерея была выделена в качестве самостоятельной Финляндская епархия, первым преосвященным которой и стал Антоний. 24 октября 1892 г. он был назначен архиепископом Финляндским и Выборгским. Антоний по многим своим личным качествам был идеальным архиереем для Победоносцева: он никогда не фрондировал, не старался "протолкнуть" своих людей, не пытался ускорить свой путь к митрополичьему клобуку. К тому же в нравственном отношении он был безупречен, со времен безденежной молодости привык обходиться лишь самым необходимым, не расходуя на себя и своих близких казенные суммы. Как ученый он в этот период мало проявил себя, и прежде всего по причине отсутствия свободного от административной деятельности времени. Впрочем, его статьи были изданы в 1892 г. отдельной книгой под названием "Из истории христианской проповеди", что дало повод тогда же присвоить Антонию степень доктора Церковной истории. Почти одновременно с этим Казанская, Московская и С.-Петербургская духовные академии избрали его своим почетным членом. 14 мая 1896 г. архиепископ Антоний был награжден панагией, украшенной драгоценными камнями, что явно свидетельствовало о благорасположении к нему вышестоящих светских и церковных властей. Как особое отличие можно рассматривать и тот факт, что в 1897 г. именно он был послан представителем от Православной Церкви на торжества, посвященные юбилею английской королевы Викто-

рии (в 1897 г. торжественно отмечалось 60-летие ее правления). Характерно и то, что Оксфордский и Кембриджский университеты приняли тогда же решение о возведении Антония в степень доктора. Все это говорило о том, что архиепископ имел все шансы со временем получить кафедру митрополита.

Событие это произошло после смерти в 1898 г. С.-Петербургского митрополита Палладия, того самого, который в 1883 г. постриг Антония в монашество. 25 декабря 1898 г. по указу императора Николая II архиепископ Антоний был возведен в сан митрополита “с возложением на него белого клобука”, и назначен столичным архипастырем и священноархимандритом Александро-Невской лавры. Он был назначен также и постоянным членом Св. Синода. С этого момента, без малого 14 лет, вплоть до своей смерти, митрополит Антоний по существу стоял у кормила православного церковного управления.

Как говорила на закате своих дней (уже в 1920-х гг.) Е.А.Победоносцева, вспоминая о назначении Антония митрополитом, “все архиереи были возмущены его назначением”. Но дело было не в архиереях, в конце концов попасть в столицу мечтали многие епископы, дело было в том, что Антония “любил двор и все в обществе были без ума от него”. К тому же в Петербург обычно назначались императором, по докладу Обер-Прокурора Св. Синода “люди покладистые, спокойные, часто безынициативные, иногда — беспринципные”. Антоний же, как считали осведомленные современники, “попал в Петербургские митрополиты только потому, что при многих блестящих дарованиях его ума и сердца, он отличался обидной безынициативностью и слишком большой покладистостью”. Его называли человеком, желавшим со всеми ладить, даже если ладить было в принципе невозможно (мнение протопресвитера Георгия Шавельского).

При этом лично митрополит Антоний являлся человеком исключительной скромности — все свои “архиерейские” средства (несколько тысяч рублей в год) он тратил на тайную благотворительность, ежемесячно раздавая стипендии и пособия нуждающимся. Он искренно, по-русски, жалел “тюремных сидельцев” — в Пасху, на Рождество, а также и в другие праздничные дни имел обычай посещать заключенных, беседовать с ними. Бывал он и у “политических” — в Шлиссельбургской и в Петропавловской крепостях. “Он был человек веротерпимый и умел понимать других”, — как-то сказала о нем В.Н.Фигнер, с которой митрополит дважды встречался в тюрьме. Ничего не зная о внутренней истории “русской каторги”, он, впервые услышав эту историю от Фигнер, по ее словам, “был взволнован, потрясен”. Известная революционерка, видимо, своей искренностью произвела огромное впечатление на митрополита, который обещал ей узнать, будет ли изменена участь шлиссельбуржцев в связи с вышедшим тогда (в 1904 г.) манифестом о рождении наследника. Однако реально на что-либо повлиять Антоний, с 1900 г. являвшийся первоприсутствующим членом Св. Синода, также не мог; реальная власть находилась в руках Победоносцева. Практически все свои действия митрополит должен был согласовывать с Обер-Прокурором, являвшимся своего рода “светским папой” русской Церкви.

Говоря о митрополите Антонии, стоит упомянуть также и об обстоятельствах, связанных с ролью столичного архиерея в деле открытия в С.-Петербурге в 1901 г. Религиозно-философских собраний, целью которых было свободное обсуждение вопросов Церкви и культуры между богоискательски настроенной интеллигенцией и представителями Православной Церкви. Если в лице К.П.Победоносцева инициаторы открытия этих собраний (Д.С.Мережковский, Д.В.Философов, В.В.Розанов и др.) встретили лишь скептически настроенного чиновника, согласившегося после долгих раздумий на “молчаливое попустительство” — “пока что”, то столичный архиерей благословил это начинание, разрешив своему викарию, ректору духовной академии епис-

копу Сергию (Страгородскому), председательствовать на них. Не был Антоний также и инициатором закрытия в 1903 г. Религиозно-философских собраний, лишь подчинившись (как обычно) Обер-Прокурорскому решению.

По всей вероятности в другое время митрополит Антоний вошел бы в историю как обычный “хороший” архиерей, несколько, правда, “либерально” настроенный, однако ничем особым не прославившийся. Именно революционные события 1905—1906 гг. во многом повлияли на изменение устоявшегося мнения правящих кругов о Петербургском митрополите. Он не был “левым”, как его любили называть в период Первой российской революции в правых и черносотенных кругах, но он не был и тем “ловким политиком”, который действует заранее предусмотрев все *pro et contra*, как об этом писали некоторые отечественные историки. Скорее всего, его деятельность в 1905 г., о которой более подробно будет говориться ниже, определялась постоянно менявшейся тогда политической конъюнктурой, о чем Антоний, кстати сказать, откровенно написал охладевшему к нему Победоносцеву еще в апреле 1905 г. Не желание стать “Патриархом республики”, а здравый смысл и природная мудрость заставили покладистого и мягкого Антония использовать инструменты светской власти для решения внутрицерковных дел.

События того времени и деятельность митрополита Антония были столь важны для будущего Православной Российской Церкви, что, думается, об этом периоде жизни столичного иерарха стоит рассказать наиболее подробно.

1905 год был для Православной Церкви годом надежды на возрождение, что подразумевало прежде всего обретение независимости при решении собственно внутрицерковных дел: созыв Собора, голоса которого в России не слышали со времен Петра Великого, реформы церковного управления, православного прихода и т.п. Следовательно, речь шла о корректировке взаимоотношений Церкви и государства в изменяющихся внутривластных условиях. Процесс этот шел параллельно с революционным движением, с каждым месяцем 1905 г. становившимся все более интенсивным.

Стоя у кормила управления Православной Российской Церковью в переломное во многих отношениях время, митрополит Антоний пытался в первый период революции вывести Церковь из состояния полной зависимости от обер-прокурорской власти, используя для этого заинтересованность как некоторых представителей власти светской (прежде всего — С.Ю.Витте, являвшегося тогда председателем Комитета Министров), так и большей части православного епископата и духовенства, которые выступали за укрепление самостоятельности Церкви по отношению к государству.

Активность столичного митрополита была вызвана во многом событиями косвенными: начавшейся разработкой указа 12 декабря 1904 г. “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” и грядущими изменениями в области взаимоотношений государства и неправославных конфессий, а также — взаимоотношениями с последователями старообрядчества, что, на мой взгляд, гораздо важнее. Поэтому в условиях обозначившихся в стране перемен и максимально усилившейся социальной напряженности в обществе, Антоний был принужден чрезвычайно быстро реагировать на появившиеся возможности укрепления позиций главенствующей конфессии империи. Он воспользовался приглашением С.Ю.Витте и принял участие в нескольких заседаниях Особого совещания Комитета Министров и председателей департаментов Государственного Совета, на которых рассматривались вопросы о пересмотре положения Православной Церкви в связи с готовившимся тогда указом о веротерпимости.

Перенесение этого вопроса для обсуждения в Св. Синод, осуществленное Победоносцевым, добившимся личного на этот счет указания императора, не привело, однако, к изменению существа дела. 18 марта 1905 г. члены и присутствующие Св. Сино-

да отправили Николаю II послание, в котором содержалась благодарность за то, что царь “вспомнил о Церкви” и “сам” поднял вопрос о необходимости преобразований в ней, передав дело Синоду, а 22 марта “духовное правительство” в полном составе приняло решение о желательности восстановления института патриаршества “чести ради Российской Церкви” и созыве в Москве Поместного Собора, не собиравшегося 200 лет.

Кроме того, иерархи составили проект указа Св. Синоду, в котором от имени царя говорилось “о желании монарха” в “благопотребное по нынешним обстоятельствам время” созвать Собор. Проект не был принят, причем в резолюции Николая II, составленной Победоносцевым, использовались те же выражения и обороты, что и в проекте указа, подготовленном иерархами, но только в обратном смысле: созыв Собора обещался, “когда наступит благоприятное для сего время”, т.е. “нынешнее время” признавалось явно неподходящим для реформы.

В том, что Синод “взбунтовался” (выражение К.П.Победоносцева), Обер-Прокурор обвинил прежде всего столичного архиерея, “связавшегося”, по его мнению, с Витте. Уже с первых совещаний Синода, в первой половине марта, Победоносцев понял, что “все направлено главным образом против должности Обер-Прокурора”, о чем и написал в те дни императору. В его письмах основной объект нападков — митрополит Антоний, который-де и “изобрел церковную реформу”. Здесь характерно отнюдь не то, что митрополит был инициатором дела церковной реформы, а то, что его таковым считали как в консервативных кругах русского общества, так и в кругах либерально настроенного белого духовенства столицы (особо подчеркнем: речь идет о начале 1905 г.). Именно эти взгляды и повлияли на формирование облика митрополита Антония — “архиерея-реформатора”. Данному обстоятельству способствовало также и его покровительство зарождавшемуся (первоначально в С.-Петербурге) обновленческому движению. Так называемая “Записка 32-х священников”, положившая начало открытой полемике в печати по вопросу о реформе Церкви (17 марта 1905 г.) и составленная либерально настроенными представителями белого духовенства, была, как мне кажется, в определенном смысле “санкционирована” главой Св. Синода, желавшим, во-первых, воздействовать на общественное мнение и, во-вторых, через него (опосредованно) влиять на церковную общественность и светские круги, заинтересованные в реформировании Православной Церкви. В этой связи стоит отметить и тот факт, что лично Антоний относился к идее “обновления” некоторых сторон церковной жизни с симпатией, однако за исключением короткого промежутка времени (в начале 1905 г.) это никак в его деятельности не проявилось. В принципе, он может быть назван традиционалистом с некоторыми “либеральными интересами”. Примечательно, что несколько его викариев в 1920-е гг. стали обновленческими иерархами: обновленческие митрополиты Вениамин (Муратовский) и Антонин (Грановский), а также — на короткое время — и Сергей (Страгородский), в 1943 г. избранный Патриархом Московским и всея Руси.

Естественно, все это лишь усугубляло и без того напряженные отношения между Обер-Прокурором Св. Синода и митрополитом Антонием, который всячески стремился конфликта избежать. Написанные им тогда же (май—апрель) два письма К.П.Победоносцеву носят явно оправдательный характер, объясняя “инициативу” владыки в деле проведения церковной реформы только внешними обстоятельствами (“пригласили”; “спросили мнение”, “приготовил по просьбе” и т.п.).

“Подрывающим” по мнению правых, устои, его сделали обстоятельства революционных лет, опосредованное (а иногда и непосредственное) влияние которых самым существенным образом сказалось на деятельности этого честного и прямого иерарха в

1905 г. Закулисные "игры", имевшие целью выдворить митрополита из Синода и настроить против него "православное общественное мнение", не привели к отставке Антония или даже просто к перемещению его на другую, более скромную кафедру; однако его отношениям с "обществом" (подразумеваем под этим словом близкие ко двору круги) был нанесен тяжелый удар: его терпели, но не "любили", как прежде.

Подобное положение можно рассматривать как исторический курьез, в большей степени, нежели естественный и закономерный итог деятельности этого архиерея: запутанность церковно-государственных отношений была проиллюстрирована на личном примере первого по значению иерарха Православной Церкви, невольно в 1905 г. сделавшего робкий шаг в сторону реформы, которая в случае последовательного ее проведения могла закончиться изменением прежних отношений между светскими и духовными властями.

Со второй половины 1905 г., особенно в 1906—1907 гг., митрополит Антоний постепенно переходит на более консервативные позиции, что было отмечено даже теми его современниками, которые относились к столичному архиерею как к "левому". Этим же временем датируется все яснее прослеживаемое стремление светской власти отложить вопрос о церковной реформе "до лучших времен". Но получившую такое ускорение в начале 1905 г. проблему снять с повестки дня немедленно не представлялось возможным. На созванном в 1906 г. Предсоборном Присутствии, призванном разработать вопросы, подлежащие рассмотрению Поместного Собора, Антоний являлся председателем, сумев провести разработку основных положений предполагавшейся реформы. Однако никакой настойчивости в деле проведения реформирования Церкви в тех условиях он уже не проявлял. Желая ослабления светской власти в Церкви, Петербургский митрополит по старой привычке ее в то же время боялся, всячески стремился ни с кем не ссориться, избегать конфликтов, "не выделяться" излишней оппозиционностью. В это время он выступает уже не как "инициатор", а как человек, волею случая поставленный в "неприятные" обстоятельства. Весной 1906 г. Антоний, совместно с Киевским и Московским иерархами, представил царю записку о подготовительных предсоборных работах, заявив, что чрезвычайный Собор мог бы быть созван не ранее весны 1907 г. Как известно, ни в 1907 г., ни позже Собор так и не созвали. Митрополит, считая, что именно Николай II сам должен поставить этот вопрос, вплоть до своей смерти, лишь ожидая Высочайшего "соизволения".

На конец 1906 г. пришлось и резкое выступление против Антония черносотенного Союза Русского Народа, деятельность которого владыкой осуждалась: в декабре в газете "Русское Знамя" было опубликовано за подписью лидера Союза А.И.Дубровина "Открытое письмо", представляющее собой пасквиль, направленный против столичного иерарха. Поддерживать "полемику" владыка отказался, чем еще более усилил нападки "союзников", требовавших его отставки или же публичной поддержки "их дела". Глубоко оскорбленный и уязвленный несправедливой и пристрастной критикой, Антоний, тем не менее, нашел в себе силы уже в середине следующего года публично примириться с Дубровиным (инициатива "примирения" исходила от последнего). На этот раз, правда, он дал свое благословение "союзникам", однако только "на всякие добрые христианские дела". Думается, что подобные действия митрополита воспринимать как слабование или, наоборот, как лицемерие, не совсем правильно. Антоний был человеком своей среды, своего времени, и многие его поступки были продиктованы не корыстью или политическим расчетом, а порывом, минутой, то есть всегда были искренни и поэтому, увы, не всегда последовательны.

В апреле 1906 г. он был избран членом реформированного Государственного Совета (от монашеского духовенства), но вскоре сложил с себя эти полномочия.

Революционные бури в определенном смысле сломали его, митрополит тяжело переживал то обстоятельство, что старые и большие проблемы, стоявшие перед Церковью, остались нерешенными, хотя “жить по-старому”, как до революции, главная конфессия империи уже не могла. Скандалы с епископом Саратовским Гермогеном, иеромонахом Илиодором, начавшаяся распутиница свидетельствовали о том, что Православная Российская Церковь переживала острейший внутренний кризис, выйти из которого, не реформировав свои отношения с государством, не могла. Однако как реформировать эти отношения в тех условиях, было неясно. Время безвозвратно ушло, а все оставалось по-прежнему.

Последние годы жизни митрополит Антоний много болел, быстро уставал. Он желал покоя, стремился (как, впрочем, и всегда в жизни) к миру со всеми... Его не стало 2 ноября 1912 г. Согласно выраженному им при жизни желанию, он был погребен на братском кладбище Александро-Невской лавры под скромным деревянным крестом.

Думается, что сегодня, изучая историю Православной Российской Церкви, необходимо принимать в расчет и такие субъективные факторы, как влияние конкретного исторического лица не столько на реалии современной ему действительности, сколько на восприятие этих реалий его современниками. Судьба митрополита Антония (Вадковского) и его роль в деле инициирования реформы высшего церковного управления в 1905—1907 гг. в этой связи особенно показательна. Внутрицерковный кризис, осознававшийся многими, в годы революции вылился в первую за 200-летнюю историю “Синодальной Церкви” попытку иерархии противопоставить собственно церковные интересы сугубо практическим интересам государства, что выразилось в стремлении восстановить соборное начало. Первоприсутствующий член Св. Синода митрополит Антоний в тех условиях естественно стал центральной фигурой, на которой сфокусировалось (в определенном смысле) все дело реформы. Симпатии (и антипатии) иерарха в этом случае на какое-то время перестали быть его личным мнением, став определяющими для всех тех, кто интересовался вопросом о каноничности устройства Церкви или же был напрямую связан с главенствующей конфессией империи.

Судьба митрополита Антония, однако, интересна для нас не только этим. В его лице мы видим честного человека, доброго пастыря и крупного церковного администратора, облик которого, волею обстоятельств, был искажен революционными событиями и в котором историки видели прежде всего политическую величину определенного направления.

Как бы то ни было, пример этого архипастыря — грустное доказательство того старого, как мир, факта, что обстоятельства очень часто оказывают определяющее влияние на человека, давая историкам его искаженный портрет, лишь в некоторых частностях напоминающий подлинные черты оригинала.

Людмила Дмитриева

О моей семье*

В нашей семье не забывают историю предков. Митрополит Антоний — один из родственников семьи Вадковских—Аплаксиных, связанных с историей культуры и архитектуры Петербурга.

Я отношусь к шестому поколению нашей семьи, живущему в Санкт-Петербурге.

Митрополит Антоний (Александр Васильевич Вадковский) был родным братом моего прапрадеда Владимира Васильевича Вадковского. Мой прадед был врачом в Санкт-Петербурге; его дочь, Зинаида Владимировна Вадковская была образованной, эрудированной женщиной, свободно владела французским и немецким языками. Преподавала музыку, в конце жизни работала в библиотеке Первого медицинского института. Она вышла замуж за епархиального архитектора и инженера А.П.Аплаксина (1879—1931). По проектам Андрея Аплаксина были построены несколько подворий монастырей (например, подворье Кашинского Сретенского женского монастыря, подворье Ягодинского женского монастыря, подворье Вышневолоцкого Казанского женского монастыря и другие) и православных церквей в неорусском стиле (например, Успенская церковь на Волковском кладбище). Строил он и доходные дома (доходный дом Введенской церкви). К сожалению, большинство культовых зданий этого периода (1907—1915 гг.) не сохранились. Архитектор Аплаксин был также историком архитектуры и в течение многих лет — главным хранителем Казанского собора. Он автор уникального труда по истории и архитектуре Казанского собора, опубликованного в 1911 г. Эта книга и сейчас находится в экспозиции Музея истории религии. Архитектор Аплаксин работал и в Москве, занимался железнодорожным и военным строительством, преподавал в Институте научной педагогики, являлся главным инженером Экспортлеса.

Мой дед, Борис Андреевич Аплаксин, член Союза Архитекторов, посвятил свою кандидатскую диссертацию строительству ленинградского метро, выступал с лекциями по истории и архитектуре Петербурга. Он прошел всю войну, участвовал во взятии Берлина.

Моя бабушка, Людмила Федоровна Дмитриева, окончила Ленинградское хореографическое училище им.Вагановой (была ученицей М.Ф.Романовой — матери Г.Улановой). Училась в Ленинградской Консерватории у А.Я.Вагановой, а затем 20 лет руководила художественной самодеятельностью в Доме народного творчества г.Ленинграда. Это был самый замечательный период в истории ленинградской танцевальной самодеятельности.

Интерес к истории и архитектуре Санкт-Петербурга продолжает жить в нашей семье. Моя мама, Ольга Борисовна Дмитриева, — филолог, театровед, в течение многих лет работает гидом-переводчиком и преподавателем французского языка.

Я и моя сестра продолжаем семейные традиции. Мы являемся членами Ассоциации гидов-переводчиков г.Санкт-Петербурга, интересуемся историей, архитектурой нашего города.

* В адрес редакции “Нового Часового” поступило письмо от правнучатой племянницы Митрополита Антония — Людмилы Дмитриевской. Нам показалось интересным поместить его в журнале как своего рода дополнения к публикуемому очерку жизни владыки.

С.В.Яров

Владимир Триандафиллов и его дело*

Среда

Счет советским военным теоретикам обычно ведут с М.В.Фрунзе, забывая при этом о Л.Д.Троцком. Это не случайно и не объясняется только влиянием политической конъюнктуры. Будучи трезвым прагматиком, Троцкий с недоверием отнесся к “пролетарской” военной доктрине, во многом созданной усердием Фрунзе. Отчасти его реакция была обусловлена тем теоретическим уровнем, на котором созидалась новая доктрина. Для Фрунзе вообще было характерно своеобразное сочетание практицизма и ориентации на ортодоксальные клише. Знакомство с его военно-научным творчеством 20-х гг. наглядно убеждает в этом. Вот его выступление 1921 г.: “Троцкий говорит, что маневренность, подвижность... не могут быть связаны с тем, что во главе Красной Армии оказались пролетарские элементы. По-моему, это не совсем так. Возьмем старую царскую армию. Кто стоял по главе ее? Российское дворянство. Что такое было наше дворянство? Распавшийся экономический класс: дезорганизованный, выбитый из классово-позиции, он не мог ничего сделать. Возьмем теперь германское юнкерство. Это был класс крепкий экономически, державший бразды правления в своих руках”. А вот и продолжение этой темы в 1922 г.: “Внутри Красной Армии в полной мере царит дух пролетариата... Этим обстоятельством... объясняется в значительной мере то, что маневренность с ее величайшей подвижностью нашла такое широкое применение в боевом опыте Красной Армии”¹⁸.

Вот этого Троцкий и не любил. С “пролетарским духом” он познакомился в годы войны; он сделал ставку на бывших офицеров и на дисциплину расстрелов и выиграл. Он тоже был прагматичным импровизатором, под стать Тухачевскому. Он не претендовал на лавры военного теоретика. Война не может иметь вечных законов. “Военное дело очень эмпирическое, очень практическое дело. Попытки возведения его в систему, где из основных принципов выводятся и полевой устав, и штаты эскадрона, и покррой шинели, являются очень рискованным упражнением”, — все это он писал в 1922 г.¹⁹. В военных сочинениях Троцкого виден скорее блестящий литератор, который принужден писать на армейские темы. Те формы полемики, которые были отточены Троцким в политических и литературных дискуссиях, были словно механически перенесены и в сферу военных споров. Политический термин заменялся военным, но ход и приемы полемического упражнения оставались прежними.

* Окончание. См.: “Новый Часовой”. 1997. № 5.

Троцкому часто напоминали его слова о предпочтительности чистки сапог перед военно-теоретическими прениями. Его вину увидели в ограниченности в даже в примитивности. Но это — лишь одна из граней его практицизма, высказанного, правда, в заостренно-провоцирующей форме, стать характерной для его литературных поединков. Цену истинно научному военному творчеству он знал. У него мы можем найти, например, следующее рассуждение: “Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта... Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях, больших и мелких, было сопоставлено с формулой устава и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет и если расходятся, то в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, подытожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их к армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей и в какой мере они могут заменить ей самодельщину — вот действительно большая и насущная задача”²⁰. Сколько бы ни был далек Триандафиллов от Троцкого, но эта программа очень точно выражает и его теоретические подходы и его практические приемы. Системность и порядок, водворяемые в армии Фрунзе, были ему близки — но схоластику он отвергал напрочь.

Военных теоретиков 20-х годов условно можно разделить на две группы. Первая из них связана с “генштабовской” традицией. Ее составляли по преимуществу бывшие офицеры Генерального штаба либо лица, получившие академическое военное образование до революции. Это были люди, быстро примкнувшие к новым властям и сделавшие скорую карьеру в гражданскую войну. Вторая группа объединяла более молодых военачальников. Они также поступили на службу еще до 1917 г., но уже всецело были обязаны своим положением большевикам. Разумеется, эта классификация схематична, но она позволяет оттенить специфику и истоки стиля военных писателей 20-х гг. Их политические амбиции и групповые пристрастия она не объясняет; это было следствием более сложного переплетения многих причин.

Из “генштабовских” мыслителей наиболее известны Б.М.Шапошников, А.И.Верховский, И.В.Вацетис, А.А.Свечин, С.С.Каменев. Их общая и характерная черта — это особое внимание к вопросам политики и стратегии. Тактических проблем и оперативных тонкостей они касались редко. Так, у Б.М.Шапошникова, в его работе “Мозг армии”, мы находим описание и дипломатии, и военной истории и подробное, почти ритуальное сличение практики с цитатами классиков коммунизма. Сама книга имеет вид популярных очерков об армейском штабе. Ее основное достоинство — систематичность. Вообще это типичная работа “общего плана” — интерес к деталям здесь невелик. Близкой к ней по настрою была и книга А.И.Верховского “Огонь, маневр, маскировка” (1928 г.). Ее отличают не только заметный “технократизм”, но и обилие исторических экскурсов — к Каннам, к 1-й мировой войне, вообще к западным образцам. Большой практицизм показателен для С.С.Каменева; его труд “Очередные военные задачи” (1922 г.) содержит достаточно прагматичный разбор операций гражданской войны.

Очень талантливым в этой когорте был А.А.Свечин. Он выделялся и глубиной теоретического анализа и эрудицией. Пожалуй, это был и один из лучших стилистов среди военных писателей тех лет. В отличие от Триандафиллова, он не уснашал свою “Стратегию” (1927 г.) цифровыми выкладками. Многое описывалось традиционно, в общем плане — но тонко, блестяще и умно. Даже самые названия глав “Стратегии” указывают на четкость, сжатость и напряженность его мысли. Он эффектнее прочих дал образец общей тактической и стратегической систематизации, виртуозно отшлифованной затем Триандафилловым.

Однако со Свечиным Триандафиллов и спорил. Это было во время дискуссии о стратегии “измора”, начатой со второй половины 20-х гг. Объектом нападок стала вполне ортодоксальная идея Свечина о чередовании обороны и наступления. Ослабления, “измора” противника предлагалось достигать и изнурительными позиционными боями, а не только таранным ударом. Эта идея была односторонне искажена и абсолютизирована — в силу разных причин. Свечина оценили как противника наступательных действий — и сразу сделали политические выводы. Вся эта полемика являлась одной из фаз групповой борьбы среди нового советского “генералитета”. Ее теоретическая значимость невысока, но в эволюции Триандафиллова она сыграла определенную роль. Она дала ему возможность обозначить именно активное начало в планировании и проведении операций. Это, собственно, инициировало особо изошренный, продуманный, напряженный поиск тех средств, которые могли стать “материальной” основой для наступления. Шел бой с выдуманным противником — но делались выводы и расчеты, очень значимые для борьбы с противником реальным.

Наиболее резким оппонентом Свечина был Тухачевский. Он рано начал писать на военные темы, и его взгляды со временем претерпели характерные изменения. Работы Тухачевского конца 1910-х — начала 1920-х гг. имели ярко выраженную политическую направленность. “Стратегия классовая и национальная” (1920 г.) и сборник статей “Борьба классов” (1921 г.) — все это было его попыткой разобраться не столько в военных вопросах, сколько в политике. Его теоретические поиски иногда вызывали едкую критику и в военной среде и в правящих кругах; замечания делал и Троцкий, в целом высоко его ценивший. Тухачевский вскоре и сам почувствовал чрезмерность иных своих построений — но инерция прежнего мышления преодолевалась с трудом.

Ранее упоминалось о предложенной Тухачевским концепции последовательных операций. Именно она, как и ряд смежных с ней тактических проблем, была в центре внимания армейской “красной профессуры” — другой из групп военных теоретиков. Известность среди них приобрели, помимо Триандафиллова, С.М.Белицкий, Н.К.Коленковский, Н.Н.Мовчан, Н.Е.Варфоломеев, А.М.Вольпе. Политико-стратегические аспекты войны мало интересовали этих авторов. Определяющим здесь стал конкретный анализ различных фаз последовательных операций и, что очень важно, их технического обеспечения. Правда, чрезмерная детализация и почти математический расчет всех элементов операции примечателен, пожалуй, лишь для Триандафиллова.

Книга Коленковского “О наступательной операции армии, входящей в состав фронта” (1930 г.) — все еще имеет форму популярного очерка. Но расчеты здесь уже есть, хотя их и мало. Ближе к манере Триандафиллова работа Белицкого “Стратегические резервы” (1930). Здесь мы уже видим очень дотошный, в истинно “триандафилловском” духе, разбор и систематизацию одной из частных, но важных оперативных проблем. Автор изучает такие вопросы, как обеспечение операций, переброска и использование стратегических резервов, ввод их в линию фронта, работа штабов. Это, собственно, уже военная монография, хотя кое-где Белицкий ограничивался только “постановкой проблемы”. Заслуживает внимания и еще одно исследование — “Фронтальный удар” Вольпе (1931). Это анализ различных видов таранных бросков, их специфики, продолжительности и глубины — темы, получившие у Триандафиллова и системную формулу, и цифровое обоснование.

Отметим, что все эти работы, как и книга Триандафиллова, увидели свет почти в одно и то же время. Вопрос о влияниях здесь очень сложен. Взгляды Триандафиллова — это и синтез коллективных разработок и индивидуальные поправки к ним. Прежний канон военного мышления и его трансформация, обусловленная духовной ситуацией эпохи — все это одинаково сказалось в его теоретическом поиске. Он брал и

старое и новое, он их и перемешивал и видоизменял. Источник его идей — это и чужой, и собственный опыт, и пережитое, и прочитанное.

История

Исторические сочинения Триандафиллова были своеобразной лабораторией, в которой оттачивалась его терминология и приобретали отчетливость оперативные идеи. Выше уже предлагалась их общая оценка. Здесь мы попытаемся выявить их связь со стилем мышления Триандафиллова.

Одна из первых его работ — о наступательной операции Южного фронта по ликвидации деникинской армии — опубликована в 1921 г. Ее отличает предельная конкретность изложения, подчеркнутая отсутствием агитационных “вступлений”. Это отчасти вызвано и самым принципом структурирования текста. Материал разбит на ряд главков, имеющих краткие названия. Нормативность формы здесь очевидно является элементом становления прагматического мышления. Эта четкость и жесткость изложения получили свое адекватное воплощение и в выводах, заключающих статью²¹.

Следующая статья — о “ликвидации Врангеля” — увидела свет в 1922 г.²². Формальным образцом для нее послужила предыдущая работа. Структура текста здесь повторена почти в деталях. Вместе с тем выводы статьи более обширны, стройны, аналитичны и глубоки. Ранний писательский опыт оказался полезным — в выводах не было ни случайного, ни банального. Весь этот раздел работы скорее напоминал уже систематический эскиз его будущих теоретических изысканий. Об этом напоминают дробящие его подглавки: “маневр и бой”, “принципы боя”, “формы маневра”, “укрепленные позиции”, “преследование”, “внешние и внутренние линии”, “действия отдельных родов войск”. Как и в раннем опыте, в основе построения выводов — не хронологический, а тематический принцип; здесь он проведен даже более последовательно.

Данная традиция была упрочена в третьей статье — о форсировании Перекопского перешейка²³. Ее главной задачей стала детализация предыдущей работы — и историческая, и военно-оперативная. Здесь автор в своих “Выводах” затрагивает уже такие темы, как “выбор пункта решительной атаки”, “второстепенные участки”, “прием атаки укрепленной позиции”, “огонь и движение”, “взаимодействие пехоты и артиллерии”, “средства обороны и их использование”. Теоретические части обеих статей о Крымской кампании 1920 г. представляют неразрывное единство, дополняя, развивая и поправляя друг друга.

Эта манера превращать историческую статью в практическое пособие была утрачена в поздних работах Триандафиллова в данном жанре. Возможно, в том уже и не было нужды — оперативные вопросы тогда подробно освещались в его специальных исследованиях. Наиболее интересной из исторических штудий 1925 г. была статья о наступлении Красной Армии на Вислу в 1920 г. Видимо, она инициирована Тухачевским, искавшим любой повод для своей апологии в польской кампании. Это вообще одна из лучших работ Триандафиллова, но выводы ее очень кратки и аморфны: от командиров требовалась “большая твердость”, “ясное и четкое понимание задач” и т. п.²⁴.

Для Триандафиллова обращение к данной теме не было случайным. Польский опыт был главной лабораторией для изучения концепции последовательных операций. Характерно уже название одной из работ военного теоретика Н.Н.Мовчина, выпущенной в 1928 г., — “Последовательные операции по опыту Марны и Вислы”. Военные идеи Тухачевского — своеобразный протограф теории глубокой операции, разработан-

ной Триандафилловым. Между обеими концепциями такое же сходство, как между эскизом и законченной картиной. Стратегические замыслы и догадки должны быть “заземлены”, просчитаны, систематизированы — только в этом виде они и обрели реальность.

Идеи

Теоретические работы Триандафиллова можно разделить на две части. Первая из них включает его военно-учебные пособия. К ним позднее мы еще вернемся. Собственно идеи Триандафиллова в наиболее полном виде аккумулированы в одной его книге — “Характер операций современных армий”. Она увидела свет в 1929 г. Через три года появилось новое, чуть дополненное издание — последнее. Книге предшествовал ряд его небольших теоретических эссе. Самые значительные из них — “Возможная численность будущих армий” (1927) и “Размах операций современных армий” (1926). Обе они — в измененном виде — станут частями его главной книги. Первая статья — это своеобразное военно-статистическое исследование с элементами “футурологии”. Во второй статье очень заметно тяготение к цифровым раскладам. Оно не будет еще столь вызывающим, как в последней книге, но оформление его несомненно.

Основной труд Триандафиллова имеет четкую и разветвленную структуру. Он разделен на две части. Первая из них — “Состояние современных армий” — быстро устарела и ныне интересна лишь историкам. В ней изучены развитие военной техники после мировой войны, возможная численность мобилизованных армий и организация войск. Ценнейшей считалась вторая часть — “Операции современных армий”. Она состоит из трех глав. В разделе “Исходные положения” рассмотрены плотность оперативного развертывания, авиационная плотность, оборонительные и наступательные возможности дивизии и корпуса. В разделе “Операция” даны характеристики ударной армии, изучены подход к полю сражения, завязка и ведение сражения, длительность и глубина операции, наступление на широком фронте, оборонительные операции. В заключительном разделе книги анализируются последовательные операции. Здесь в центре внимания — продвижение наступательных армий, размах последовательных операций, характер действия ударных группировок, задачи политического обеспечения, вопросы управления.

Уже одно перечисление этих тем дает представление об энциклопедичности замыслов автора. Здесь мы не заметим “строительных лесов” новой теории. Результаты подготовительной работы скрыты за предписывающими формулами, почти безапелляционными, несмотря на оговорки. Но этот труд лишь внешне имитировал спокойствие и размеренность энциклопедий.

В аннотации к книге сказано, что “она не страдает отвлеченностью и беспочвенной абстрактностью”²⁵. С этим согласуются и позднейшие ее оценки. Вся она — царство цифр. Тут все рассчитано — сколько в день проходит полк, дивизия, корпус, какое число орудий, танков и бронемашин должно быть им придано, как быстро двигаются самолеты и тыловые поезда, каков радиус действия артиллерии и насколько точны ее удары. Все это достигает такой изощренности, что начинает казаться педантизмом. Триандафиллов предвидел возможность подобных обвинений. Он писал, что “нельзя принимать приводимые в настоящей работе цифровые нормы безоговорочно для всех случаев. Весь цифровой материал этой работы имеет только ориентирующее значение: он дает те исходные данные, от которых надо идти при тех или иных конкретных расчетах. Для каждой конкретной обстановки эти нормы могут измениться. Установить характер и степень таких изменений — дело полководца, дело практичес-

кого деятеля”²⁶. Но и этого ему показалось мало. Он еще и особо подчеркнул, что ввиду возможных изменений в боевой технике и организации войск “все тактические и оперативные положения и выводы автора имеют силу главным образом для операций первого периода этой войны”²⁷.

Главная цель, однако, была достигнута. Военный успех был представлен не как следствие только полководческих озарений, но и как “материальный” результат умелого использования различных факторов — экономических, политических, психологических, технических и организационных. Опрокинуть военную “алгебру” Триандафиллова можно было уже не остроумным полемическим приемом, а скрупулезной проверкой его расчетов. Это помогало не столько опровергнуть его идеи, сколько их обогатить.

Теория глубокой операции создавалась не сразу. Позднейшие модификации мешают реконструкции ее раннего ядра. Первый, кто заговорил о глубоком бое, был знаменитый военный теоретик Фуллер. Фуллер предлагал дополнить танковую атаку на позиции противника прорывом с помощью быстроходных танков и всей глубины его тактической обороны. Танками все дело и ограничилось — Фуллер скептически оценивал возможность взаимодействия машин и пехоты²⁸.

Внешне что-то в построениях Триандафиллова напоминает фуллеровскую схему. Внутренние различия, однако, велики. Предлагается использовать два типа маневров (или ударов). Атакующие войска (“эшелон прорыва”) разрывают фронт, но не идут вглубь, а действуют по внешним операционным связям. В образовавшуюся брешь врывается “эшелон развития прорыва”. Он наносит мощный удар по всей глубине фронта, по его внутренним операционным связям. Триандафиллов считал более эффективным не таранный удар в одном направлении, а несколько ударов по пересекающимся векторам. Это облегчало расчленение и окружение противника.

Важный фактор “развития прорыва” — технические средства. Быстроту прорыва должны были обеспечить в первую очередь авиация и воздушно-десантные войска. Они помогают выйти на оперативный простор основной массе армий. Один из главных элементов прорыва — танки. Предполагалось использовать их в виде трех эшелонов — непосредственной поддержки пехоты (НПП), дальней поддержки пехоты (ДПП), дальнего действия (ДД). Каждый из них имеет особую задачу. Танки НПП оказывают прямую поддержку пехоте в прорыве, танки ДПП — расширяют и укрепляют его коридор, танки ДД проникают на всю тактическую глубину расположения противника. Все танки действуют одновременно, но с разным оперативным радиусом. Одно из необходимых условий их успеха — это правильное взаимодействие с пехотой, авиацией, дальнобойной артиллерией.

Много внимания уделял Триандафиллов подготовке операции. Мысль о зависимости глубины наступления от состояния тыла атакующих войска принципиально новой не была. Однако Триандафиллов, пожалуй, впервые в советской литературе столь математически изощренно рассчитал основные параметры этой связи.

Продолжительность операции ударной армии он оценивал в 6—7 дней; ее ширину и глубину — в 35—50 километров. Позднее, готовя новое издание книги, он предложил уже иные нормы — 80—100 километров при нормальной работе авиации и транспорта. Для развития и закрепления успеха нужно было, чтобы одна операция непрерывно следовала за другой — и на одном направлении. Схема последовательных операций, предложенная Тухачевским, была сохранена и уточнена. Цикл этих операций должен был длиться около 30 дней и позволить войскам продвинуться на глубину 250—300 километров. Предлагать большее при тогдашнем уровне техники для Триандафиллова было уже авантюрой. Расчеты доказывали, что это приведет к отставанию тыловых частей.

Указанные нормы, кроме технического обоснования, имели еще и политический смысл. Два цикла операций позволяли сделать бросок на 500—600 километров. Этот радиус, как нетрудно заметить, охватывал территории ближайших соседей СССР. Многие из них воспринимались как потенциальные военные противники.

Это, возможно, одно из тех положений книги, которое он вскоре бы пересмотрел — и не единственное. Ко второму изданию его основного труда был приложен краткий план его будущей переработки. Это настолько сжатые, конспективные заметки “для себя”, что трудно определить их военно-теоретическую значимость. Они символичны другим. Они открыто указывают на принципиальную “нестабильность” триандафилловских расчетов, изначально заложенную в концепцию книги.

Но главное было не в том, точными или устаревшими оказались его вычисления. Главным была механика, самый метод проверки оперативных деталей цифрами. Главным было обнаружение сложного переплетения разнородных военных факторов. Главным стало открытие и глубокий анализ зависимости между различными элементами и фазами борьбы. Главным была целостность и уникальная системность взгляда на военную операцию, где нашлось место всему — и отдельному солдату, и ударной армии.

Стиль

Стиль Триандафиллова необычайно точно передает особенности его военного мышления. Разумеется, стилевая унификация неизбежна для человека, который творит в рамках определенной интеллектуальной традиции. Обязательный набор терминов, даже целые лексические штампы, точно и адекватно обозначающие какое-либо явление, должны были заимствоваться и изначально проявляться в его писательской манере. Но стиль оттеняет и индивидуальность человека. Жесткость, прагматичность и чисто “милитаристская” направленность мысли наложили своеобразный отпечаток и на стиль Триандафиллова, сделав его напряженным, нервным, “сухим”, кратким.

Конечно, краткость слога не является для него самоцелью, это не сознательная литературная вычурность. Она всегда имеет нормативные пределы и не становится причудливой. Его язык — это язык приказов, понятных, простых и безапелляционных. Но кое-где он переходит допустимую черту. Необходимые, связующие слова утрачиваются, лексические конструкции становятся хрупкими. “Интеллигенция совсем охладела”, “времени порядочно. Надо более рационально использовать”, “поездки в том виде, как это понимали до сих пор, оставить только окружные” — в этих предложениях заметно, как пресловутая краткость деформирует словесные структуры.

Вообще его язык не столько лаконичен, сколько “сух”, то есть лишен художественной отделки и однообразен по словарю. Метафоричность и даже ирония ему чужды. “Алгебраические” тенденции в его работах неизбежно ограничили их литературную обработку. Основной “беллетристический” элемент — это поговорки и устойчивые идиомы, но и они редки. Их употребление к тому же не учитывает специфики лексий. Они зачастую чужды их стилистике. “Эти бои были фактически его лебединой песней”, “главное командование с легким сердцем разрешило Юго-Западному фронту свернуть на юг” — характерные примеры такого стилевого смещения.

“Сухость” изложения в какой-то мере компенсирована наличием жаргонизмов в его письменной речи. Это своеобразный “низовой” способ “разнообразить” слово. Примечательно, что они почти не видны в его теоретических и исторических сочинениях. Здесь терминологический канон жестко регулирует нормативное профессиональное словоупотребление. Жаргонные слова чаще встречаются в его учебных и практических

пособиях: “горячка на фронте”, “сажаются на роль”, “должны нажать на технику управления”. Они словно воспроизводят отрывистую, полусвязную речь, привычную для полевых учений.

Одно из следствий краткости слова — его внутренняя напряженность. Эта зависимость отчетливо видна в уже упомянутом плане переработки его главной книги.

“На местности, оставленной противнику, стремление:

— задержать

— собраться

— ударить”, — так сформулировано одно из его положений²⁹. Разумеется, это специфический случай, когда краткость из-за структуры текста стала предельной, но есть и другие примеры.

Триандафиллов менее всего заботился о стилистической отточенности своих работ — у него были иные задачи. Свои таланты он проявил не здесь. Интерес к этой проблеме, однако, не случаен. Его новаторские концепции требовали и особой формы. Спокойное, плавное, литературно обработанное письмо своих предшественников он перенять не смог. Оно годилось скорее для глобально-стратегических рассуждений и для военной эссеистики. Аналитическая напряженность его поисков неизбежно разрушала канонический, общепринятый стиль. Он дал уже иное оформление военной мысли — но пока не отшлифованное, разностилевое, основанное на фрагментах различных типов письма. Его стиль — это еще не фасад, а “строительные леса” фасада, снятие и замена которых могли быть лишь делом будущего.

Практика

В Триандафиллове в редком сочетании проявились и дар теоретика, и навыки практика. Его выводы не были кабинетными — они рождались на полевых занятиях, общевойсковых учениях, в командно-штабных играх. Расчетные обоснования их проверка были прямой обязанностью Оперативного управления Штаба РККА. Неудивительно, что Триандафиллов являлся неременным участником многих из окружных учений 20—30-х гг.; он ставил перед ними прагматичные и конкретные цели, считая излишними показательные и “парадные” маневры. В 1927 г. он уже удовлетворенно замечал, что на учениях наметился отказ “от всяких походных движений, долгих маршей, “красивых” оперативных вензелей и всего прочего”³⁰.

Детальный разбор учений дан в его статьях “Некоторые выводы” (1927) и “Борьба за качество в боевой подготовке” (1929). Сравнивая эти работы, разделенные двумя годами, видишь, насколько усложнились предлагаемые Триандафилловым формы управления боем. Но ими дело не ограничилось. Параллельно с этим готовились и учебные пособия, также опубликованные в виде статей. “Материалы для задачи на штабную военную игру” по своей методике предвосхищают “Характер операций современных армий” — цифры, сводки и таблицы буквально теснят друг друга. Две работы — “К вопросу об очередных задачах по усовершенствованию боевой подготовки высшего командного состава” (1927) и “Вопросы подготовки войсковых штабов” (1927) имеют более приметную педагогическую направленность. Здесь он скорее поучает, чем рассчитывает.

Интенсивное литературное творчество Триандафиллова проявилось не только в журнальных статьях. Его логичное продолжение — обширные докладные записки, составлением которых он занимался вплоть до своей смерти. Одна из них — о новых основах глубокого боя (1929 г.) — важный элемент официальной канонизации его идей в советской военно-оперативной науке.

Посещал он, однако, войсковые учения не только в России... Недавно были раскритикованы документы о его тайных поездках в Германию в конце 1920 г., где он вместе с И.И.Федько и другими военачальниками присутствовал на маневрах и тактических занятиях рейхсвера. Весной 1927 г. он и И.Уборевич изучали образцы немецкой боевой техники.

Советско-германские армейские контакты были нарушением Версальского договора и потому не афишировались. Встречи офицеров обеих стран приносили взаимную выгоду. Германия получала помощь в тех военных областях, где ее активность была запрещена, а командиры РККА знакомились с ее военно-техническими новинками. Последнее было очень поучительно. Сильное впечатление составил у Триандафиллова и Уборевича зенитный пулемет, пробивавший броню более чем на 200 миллиметров. Это делало уязвимыми все виды применявшихся тогда легких и средних танков. Дальность его действий была более чем в четыре раза выше, чем у советского станкового пулемета. “Наши пулеметы против танков совершенно не годятся” — такова была реакция этих двух военных практиков. Привлекла их внимание и противотанковая мина — плод многолетних усилий немецких специалистов³¹.

Вполне очевидно, что германские впечатления отчасти сказались на его усилиях по техническому перевооружению РККА. По предложению Триандафиллова в конце 1920-х гг. Реввоенсовет СССР сформировал опытный механизированный полк. В 1929 г. полк уже привлекают на всеармейские учения в Белорусском военном округе. И не случайно в числе лиц, руководивших ими, вместе с К.Е.Ворошиловым и Б.М.Шапошниковым, мы находим и Триандафиллова³².

Убедиться в правоте своих расчетов он смог в 1929—30-х гг., когда командовал 2-м стрелковым корпусом в Московском военном округе. Это не было служебным понижением — он остался на посту заместителя начальника Штаба РККА. Корпус был предоставлен ему как некий опытный полигон. Здесь проверялась обоснованность предложенных им военно-оперативных норм. А.М.Василевскому, тогда командиру одного из полков корпуса, надолго запомнились и новаторские приемы обучения войск, примененные Триандафилловым³³.

Он вернулся в Оперативное управление в ноябре 1930 г. Конец 1930 г. и первые месяцы 1931 г. — это время все более интенсивной теоретической и оперативной работы. Он начинает перерабатывать свою книгу — широко и детально, меняя уже установленное и обдуманное. Он готовит для Штаба РККА доклад “Основные вопросы тактики и оперативного искусства в связи с реконструкцией армий”. Его цель — окончательно узаконить свои концепции и для этого он работает с той страстностью, о которой потом расскажут и Тухачевский, и Василевский. Его мысль усложняется и углубляется, он пишет и изучает, он рассчитывает и проверяет — он живет.

Конец

Все оборвалось внезапно. 12 июля 1931 г. Триандафиллов и несколько штабных офицеров вылетели в Киев на окружной командный сбор. В полете отказал мотор. Летчик быстро выбрал площадку, но долететь не смог — не хватило ста метров. Самолет врезался в лес. Погибли все.

Газеты сообщили о катастрофе 14 июля. Вот полный текст официального извещения: “12 мая, в 6 час. 30 мин. в районе платформы Алабыно Западной ж. дороги в результате аварии самолета погибли при исполнении служебных обязанностей зам. нач. Штаба РККА тов. Триандафиллов В.К., зам. нач. УММ РККА Калиновский К.Б., ко-

мандир корабля тов. Рыбальчук С.И., летчик отряда особого назначения Богданов В.С., авиационные техники Шендриков А.Н. и Половинкин С.М., пом. нач. сектора I управления Штаба РККА тов. Аркадьев М.И. и летчик-наблюдатель тов. Белков И.И.". Была создана комиссия по организации похорон. Совнарком СССР для семей погибших решил "установить пенсию в размере полного месячного оклада этих товарищей"³⁴.

Хотя обычай и требовал упомянуть всех, основное внимание в траурных публикациях уделялось Триандафиллову. Во многих газетах помещались посвященные ему статьи Тухачевского "Командир — большевик" и Егорова "Оборвалась жизнь". На его смерть откликнулись Эйдеман, Щаденко, Иссерсон, Гай, Корт, Алкснис. В этом, возможно, и не было "иерархического" уклона — большинство писавших знало его лучше, чем других. В соответствии с традицией прощанию была придана форма некоей "кампании". Она длилась два дня — 14 и 15 июля. После этого газеты замолчали — словно по команде.

Сама трагедия нашла и утилитарное применение. Широко публиковались сообщения о коллективных и индивидуальных взносах в различные "фонды безопасности". Этот порыв не был унифицирован, но, несомненно, его определял уже сложившийся ритуал подобных действий.

Панихида состоялась 14 июля 1931 г. в Центральном Доме Красной Армии. Выступали Куйбышев, Тухачевский, Гамарник, Алкснис, Уншлихт. Последний путь погибших в отчетах прослежен только до крематория. У Кремлевской стены был захоронен лишь один из них — Триандафиллов.

Посмертное

"История Красной Армии будет заполнена сотнями страниц о Владимире Кириковиче, товарищи напишут много поучительного о его работах и идеях" — утверждалось в одном из некрологов³⁵. Этого не произошло. Писали мало и глухо, и реже всего в конце 30—50-х гг. Единственное исключение — статья А.В.Голубева, глубокая и открытая³⁶. С 1960-х гг. о нем иногда упоминали и мемуаристы — в их числе Г.К.Жуков, А.М.Василевский, М.В.Захаров, К.А.Мерецков. Его облик стал отчетливым, но мозаичным. Он был известен — но в этой известности нет ничего индивидуального, его трудно выделить из когорты аналитиков 20-х гг.

В начале 30-х гг. симптомы будущего забвения ощущались слабо. Его часто вспоминали и цитировали Тухачевский. Книга "Характер операций современных армий" была самой популярной среди командиров РККА. "Это была первая теоретическая книга в области оперативных вопросов, на которой можно было поучиться", она "изменила привычный ход мышления очень и очень многих оперативных работников" — так ее воспринимали в 1932 г.³⁷. О ней много спорили, ее изучали. Споры — это признак особенности его труда, они выявляли его проблематичность и новизну.

Инерция движения, которую Триандафиллов придал советскому военному мышлению, оказалась более устойчивой, чем известность его реформатора. Это хорошо видно на примере официальной канонизации теории глубокой операции. Уже упомянутая записка Триандафиллова 1931 г. оказалась ядром доклада начальника Штаба РККА А.И.Егорова Реввоенсовету СССР. Он подробно изучался в войсках, были замечания и поправки. Плод этой работы — издание в 1933 г. "Временных указаний по организации глубокого боя". Их практическая значимость определялась затем в полевых условиях, на учениях и играх³⁸. "Инструкция по глубокому бою" 1935 г. и стала итогом нормативного оформления триандафилловских идей.

Вся эта сложная ступенчатость обсуждения — одна из тех причин, по которым позднее историки оттеняли коллективное, а не авторское начало в данной теории. Отчасти они правы. В концепции Триандафиллова учтены и политико-стратегические идеи (здесь очевидно влияние не только Тухачевского, но и “генштабистов”), и прикладные разработки военных операторов. Все это так. Но изменение парадигмы военного мышления — многоактное действие. Исследование частных тактических проблем и общие и фрагментарные стратегические рассуждения — всего лишь его начало. Решающим условием здесь был синтез всех оперативных комбинаций — широкий, энциклопедический и системный. Его и оформил Триандафиллов. Только тогда и могла возникнуть новая теория, которая определяла код и последующую диалектику советской военно-оперативной мысли.

Примечания

- ¹⁸ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917—1940. М., 1965. С.43—44, 55.
- ¹⁹ *Троцкий Л.* Военная доктрина или мнимо-воспнос доктринерство. Пг., 1921. С.12, 18.
- ²⁰ Там же. С.51.
- ²¹ *Триандафиллов В.* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта по ликвидации Деникинской армии (период с октября 1919 г. по 15 февраля 1920 г. // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной Академии. Кн.1. 1921. С.151—153.
- ²² *Триандафиллов В.* Ликвидация Врангеля (Стратегический разбор наступательной операции Южного фронта с 25 октября по 15 ноября 1920 г.) // Сборник трудов Военно-научного общества. Кн.2. 1922. С.106—151.
- ²³ *Триандафиллов В.* Форсирование Перекопского перешейка 7—11 ноября 1920 г. (Действия 51-й Московской стр. дивизии) // Сборник трудов Военно-научного общества. Кн.4. 1927. С.135—190.
- ²⁴ *Триандафиллов В.* Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами во время летнего наступления Красной Армии на Вислу в 1920 г. // Война и революция. 1925. № 2. С.50—51.
- ²⁵ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. 2-е изд. М., 1932. С.3.
- ²⁶ Там же. С.6.
- ²⁷ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М., 1929. С.5.
- ²⁸ *Иссерсон Г.* Эволюция оперативного искусства. М., 1937. С.132—133.
- ²⁹ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. 2-е изд. С.181.
- ³⁰ *Триандафиллов В.* Некоторые выводы // Военный вестник. 1927. № 42. С.1.
- ³¹ *Дьяков Ю.А., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ворвался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1923. Тайные документы. М., 1992. С.22, 252, 263, 264.
- ³² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1971. С.118.
- ³³ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1984. С.61—62.
- ³⁴ Известия. 14 июля 1931 г.
- ³⁵ Красная звезда. 14 мая 1931 г.
- ³⁶ *Голубев А.В.* Выдающийся советский военный теоретик // Военно-исторический журнал. 1968 № 3.
- ³⁷ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. 2-е изд. С.3.
- ³⁸ История военного искусства. М., 1986. С.106—107.

В.М.Лурье

Адмиралы Военно-Морского Флота СССР*

ВЕРХОВСКИЙ Сергей Борисович — 24.5 (6.6.) 1909 м.Ильино, ныне Витебская обл., Республика Белоруссия — 24.12.1963 Ленинград.

Еврей. Контр-адмирал (5.11.1944). В ВМФ с 1927. Член компартии с 1939. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (10.1927—2.1931), подводный класс УОПП (12.1931—6.1932).

Штурман ПЛ “М-4” (1931), пом. ком-ра ПЛ “Батрак” (6.1932—5.1934) МСБМ. Ком-р ПЛ “Щ-115” (5.1934—3.1937), “Л-17” (3.1937—8.1938), нач-к штаба (5—12.1938), ком-р (12.1938—8.1940) БПЛ, зам. нач-ка штаба ТОФ с августа 1940.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. Ком-р 69-й мор. стрелковой бригады (11.1941—01.1943), успешно действовавшей в составе 7-й отд. армии. После вывода бригады в резерв В. был возвращен в ВМФ. Ком-р БПЛ КБФ (01.1943—4.1945). Нач-к отдела подводного плавания ЧФ (с апреля 1945). После расформирования отдела подводного плавания вновь продолжил службу на Балтике. Ком-р учебной БПЛ (12.1945—3.1946), БПЛ (3.1946—6.1949), Рижской ВМБ (6.1949—12.1951) 8-го ВМФ. Нач-к кафедры тактики ВМС 4-го ВВМУ (2.1952—9.1953).

С сентября 1953 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1935), 2 орд. Красного Знамени (1945, 1947), орд. Ушакова II ст. (1945), Красной Звезды (1944), медалями.

Похоронен на Еврейском кладбище.

ВИНОГРАДОВ Николай Игнатьевич — 13 (26.)12.1905 дер. Суриха, ныне Шарьинский р-н Костромской обл. — 27.04.1979 Москва.

Русский. Адмирал (31.5.1954). В ВМФ с 1926. Член компартии с 1930. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (10.1926—4.1930), подводный класс УОПП (12.1931—6.1932), команд. факультет Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (10.1936—2.1939).

Ст. флаг-секретарь при команд. МСЧМ (5.1930—10.1931), штурман ПЛ “Металлист” (10—12.1931), дублер ком-ра ПЛ “М-25” (6—8.1932), пом. ком-ра ПЛ “М-25” (8—12.1932), “М-22” (12.1932—2.1933) МСЧМ. Ком-р ПЛ “М-1” (2.1933—11.1934), “Щ-121” (11.1934—10.1936) ТОФ. Нач-к штаба 3-й БПЛ (2—7.1939), ком-р этой бригады (7.1939—12.1940) КБФ. Ком-р БПЛ СФ с декабря 1940.

В Великую Отечественную войну бригада под команд. В. успешно вела боевые действия и была награждена орденом Красного Знамени, а сам В. был назначен с повышением. Нач-к отдела подводного плавания СФ (1—12.1943). Зам. нач-ка (10.1943—

* Продолжение. См.: “Новый Часовой”. № 1—5.

6.1944), нач-к (6.1944—3.1945) Управления подводного плавания ВМФ. Команд. Юго-Западным МОР КБФ с марта 1945. После окончания войны оставался в команд. МОР. Нач-к штаба ЮБФ (2—6.1946), команд. Камчатской фл-лией (7.1946—3.1948), зам. нач-ка Гл. штаба ВМС (3.1948—3.1950), зам ВММ по кадрам и нач-к ВМУЗов (3.1950—5.1953), нач-к Вооружения и судоремонта ВМФ (5.1953—7.1958), с февраля 1954 одновременно и зам. ГК ВМФ. Зам., пом. нач-ка Генштаба ВС по ВМФ (7.1958—2.7.1962). в распоряжении ГК ВМФ (7—10.1962). Нач-к ВМУЗов ВМФ — пом., зам. ГК ВМФ (10.1962—9.1968).

Контр-адмирал (3.01.1942), вице-адмирал (20.4.1945).

С ноября 1968 в отставке.

Награжден: 2 орд. Ленина (1935, 1950), 5 орд. Красного Знамени (1942, 1943, 1945, 1946), орд. Ушакова I ст. (1945), Красной Звезды (1944), медалями, польским орденом Крест Грюнвальда.

Соч.: Подводный фронт. М., Воениздат. 1989. 301 с.

ВЛАДИМИРСКИЙ Лев Анатольевич — 14 (27). 9.1903 Гурьев, — 7.9.1973 Москва.

Русский. Адмирал (31. 5.1954). Кандидат военно-мор. наук (1970). В ВМФ с 1921. Член компартии с 1937. Окончил один курс военного факультета Ташкентского государственного университета (11.1921—7.1922), Военно-мор. уч-ще (7.1922—5.1925), артиллерийский класс Спецкурсов состава ВМС РККА (6.1926—10.1927), АКОС при Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (1—3.1947), военно-мор. факультет Высшей воен. акад. им. К.Е.Ворошилова (1.—11.1951).

Штурман ЭМ “Лейтенант Шмидт” (5.1925—6.1926), “Петровский” (1—5.1926), вахтенный нач-к КР “Червона Украина” (5—10.1926), артиллерист ЭМ “Шаумян” (10.1927—1.1929; 12.1929—3.1930), “Незаможник” (1—4.1929), “Петровский” (4—12.1929), дивизионный артиллерист д-на ЭМ (5—12.1930), пом. ком-ра ЭМ “Шаумян” (12.1930—5.1932), ком-р СКР “Шквал” (5.1932—4.1935), ЭМ “Петровский” (5.1935—10.1936), лидера “Москва” (10—12.1936), “Харьков” (12.1936—8.1937), нач-к штаба бригады КР (8.1937—6.1938) ЧФ. Принимал участие в организации доставки оружия для Испанской республики на пароходе “Бонифацио”. Ком-р отряда ГС “Полярный” и “Партизан” на переходе из Кронштадта во Владивосток (6.1938—2.1939). В распоряжении НКВМФ на строительстве в Италии корабля для ВМФ СССР (в последующем лидер ЧФ “Ташкент”) (2—6.1939). Команд. эскадрой кораблей ЧФ с июня 1939.

В Великую Отечественную войну В. вступил в прежней должности, внес значительный вклад в организацию совместных боевых действий кораблей с войсками, действовавшими на приморских направлениях. В июле корабль эскадры наносил артиллерийские удары по портам Румынии, вели активные боевые действия при обороне Одессы и Севастополя. В сентябре во время высадки десанта у с. Григорьевки, находясь на ЭМ “Фрунзе”, В. был ранен, но продолжал руководить операцией. В ходе Керченско-Феодосийской десантной операции руководил действиями кораблей отряда высадки. С мая 1943 команд. ЧФ, который под его руководством и во взаимодействии с войсками 18-й армии успешно провел Новороссийскую операцию (сент.1943), в Керченско-Эльтигенской десантной операции (окт.—дек. 1943) ЧФ совместно с АВФ провел одну из наиболее крупных десантных операций войны, как по масштабам, так и по ожесточенности борьбы. Но в марте 1944 за неудовлетворительное проведение набеговой операции в октябре 1943, в результате которой погибли 3 ЭМ, Постановлением ГОКО В. был освобожден от должности команд. флотом, снижен в воинском звании до контр-адмирала и назначен команд. эскадрой кораблей КБФ. После окончания войны продолжал оставаться в прежней должности. В распоряжении Управления кадров ВМС

(12.1946—1.1947). Адмирал-инспектор инспекции флота Гл. инспекции ВС СССР (3.1947—3.1948). Нач-к Управления ВМУЗ ВМС (3—9.1948), зам. Гл. инспектора Гл. инспекции ВС по ВМС (9.1948—3.1950), зам. Гл. инспектора ВМС (3.1950—1.1951). Нач-к Гл. управления боевой подготовки — зам. нач-ка МГШ (11.1951—5.1953), нач-к Управления боевой подготовки Гл. штаба ВМФ (5.1953—3.1955), зам. ГК ВМФ по кораблестроению (3—10.1955). В распоряжении ГК ВМФ (10.1955—2.1956). Нач-к Мор. научно-технического комитета (2.1956—8.1959), руководитель научно-исследовательской группы при ГК ВМФ (8.1959—3.1961), при ВМА (3.1961—2.1962). Зам. нач-ка ВМА — нач-к АКООС (2.1962—2.1967), профессор-консультант Ученого совета акад. (2.1967—5.1970). В 1967—1969 возглавил две комплексные океанографические экспедиции в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах по исследованию возможностей решения актуальных проблем ВМФ. Лауреат премии им. М.В.Фрунзе (1969).

С мая 1970 в отставке.

Контр-адмирал (4.6.1940), вице-адмирал (17.6.1942), контр-адмирал (4.3.1944), вице-адмирал (24.4.1945).

Награжден: 2 орд. Ленина (1947, 1948), 3 орд. Красного Знамени (1941, 1944, 1951), орд. Суворова II ст. (1943), Ушакова II ст. (1945), медалями.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ВЛАСОВ Василий Григорьевич — 1 (13). 2.1896 Тверь, — 13.7.1959 Ленинград. Советский ученый, кораблестроитель, специалист в области теории корабля.

Русский. Инженер-контр-адмирал (4.6.1940). Доктор технических наук (1957), профессор (1935). В ВМФ с 1918. Окончил Морское инженерное уч-ще в Кронштадте (10.1914—7.1918), подводный класс Спец. курсов состава ВМС РККА (12.1918—4.1919 и 10.1919—3.1920). В службе с 1914. Ст.гардемарин (1915).

После окончания уч-ща и курсов проходил службу на судостроительных и судоремонтных заводах в Саратове, Петрограде, Севастополе (6.1919—12.1921). Пом. нач-ка дистанции аварийных доков Гл. военного порта БМ (12.1921—8.1922). Преподаватель Военно-мор. инженерного уч-ща (8.1922—11.1925). Заведующий дистанции аварийных доков (11.1925—4.1926), техническим бюро судоремонтного завода (4.1926—10.1928) Кронштадтского военного порта. Член кораблестроительной секции НТК УВМС РККА (10.1928—10.1931), в 1931 была опубликована его первая научная работа. Одновременно (с 1930) преподаватель в Ленинградских горном и кораблестроительном институтах. Нач-к кораблестроительного отдела (10.1931—4.1934), кафедры теории корабля (4.1934—7.1938) Высшего военно-мор. инженерного уч-ща им. Ф.Э.Дзержинского. В. создает новый курс теории корабля, который и поныне с небольшими изменениями читается в вузах.

Когда развернулось строительство первых подводных лодок типа “Д”, “Щ”, “Л”, “М”, В. выступил с серией статей “Об остойчивости подлодки”, “Остойчивость подводной лодки на больших углах крена” и др., которые и поныне составляют основу современной теории подводных кораблей.

Нач-к кафедры теории корабля Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (7.1938—7.1940). Зам. нач-к НТК ВМФ с июля 1940.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. В первые месяцы войны В. выполнял отдельные задания Комиссии по обороне Ленинграда, а затем выехал на Восток, где находился филиал НТК. Там он руководил ответственными работами по изучению и использованию опыта борьбы личного состава боевых кораблей за живучесть и непотопляемость.

Нач-к кафедры теории корабля (3—9.1943), нач-к кораблестроительного факуль-

тета (9.1943—10.1944) ВВМИУ им. Ф.Э.Дзержинского. С окт. 1944 консультант управления кораблестроения ВМФ. В период войны занимался вопросами обеспечения прочности эскадренных миноносцев, повышением эффективности корабельной артиллерии, разработал специальные диаграммы качки, носящие его имя. Они позволяют выбрать наиболее благоприятные сочетания курса и скорости хода на волнении.

После окончания войны оставался в прежней должности. Постоянный консультант при нач-ке ГУК ВМС (4.1946—4.1954), постоянный консультант при зам. ГК ВМФ по кораблестроению с апреля 1954.

В. известен научными работами в области остойчивости и непотопляемости корабля, качки, спуска судна на воду, которые используется в РФ и зарубежом. Ему принадлежит метод расчета мореходных качеств корабля, в т.ч. расчет с использованием ЭВМ.

За время научно-педагогической деятельности В. воспитал сотни высококвалифицированных инженеров-кораблестроителей.

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1947), орд. Отечественной войны I ст. (1945), медалями.

Похоронен на Большеохтинском кладбище.

ВОЛКОВ Василий Трофимович — 21.7.(3.8). 1905 с. Заозерье, Нагорьевский р-н Ярославской обл. — 2.3.1977 Ленинград.

Русский. Контр-адмирал (22.1.1944), в ВМФ с 1927. Член компартии с 1930. Окончил Артиллерийскую школу Учебного отряда МСБМ (9.1927—5.1929), Коммунистический ВУЗ (1930—1932), военно-мор. факультет Военно-политической акад. (6.1934—2.1935).

Артиллерийский электрик (5.1929—9.1931), политрук (9.1931—5.1932), пом. ком-ра по политчасти (5.1932—9.1933) ЭМ “Энгельс”, секретарь партбюро Кронштадтского р-на СН и С (11.1933—6.1934) МСБМ Ст. инструктор информационного отделения (2—8.1938), нач-к моботдела (8.1938—4.1939), отдела мобработки (4.1939—8.1940) ПУ, инспектор I-го отдела Гл. Управления политической пропаганды (8.1940—1.1941) ВМФ. Зам. нач-ка АУ ВМФ по политчасти с января 1941.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. Военком (7.1941—10.1942), зам. нач-ка по политчасти (10—12.1942) АУ ВМФ. Зам. нач-ка Гл. мор. штаба по политчасти (12.1942—4.1943). Нач-к ПУ КБФ (4.1943—5.1945).

После окончания войны нач-к ПО эскадры ЧФ (5.1945—2.1948). Зам. нач-ка Управления по политчасти 3-го Гос. Центрального полигона МВС СССР (2—8.1948), нач-к ПО — зам. ком-ра по политчасти УОПП им. С.И.Кирова (8.1948—8.1950), нач-к ПО — зам. нач-ка НИИ № 8 ВМФ по политчасти (8.1950—11.1955).

С ноября 1955 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1952), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1947), орд. Нахимова II ст. (1945), 2 орд. Красной Звезды (1942, 1944), медалями, именованным оружием (1955).

ВОЛОСАТОВ Борис Михайлович — 25.6.(8.7.) 1908 Шадринск. — 25.5.1980 Москва.

Русский. Инженер-контр-адмирал (5.11.1944). В ВМФ с 1925. Член компартии с 1928. Окончил Военно-мор. инженерное уч-ще им. Ф.Э.Дзержинского (10.1925—1930), машинное отделение факультета военного кораблестроения Военно-мор. акад. им. К.Е. Воршилова (12.1934—4.1938).

Котельный механик (1930), вахтенный механик (12.1930—12.1931) ЛК “Октябрьская революция”, ком-р котельной группы (12.1931—1.1934), д-на движения (1—12.1934)

ЛК “Марат” МСБМ. Ст. военный представитель Технического управления ВМФ в Ленинграде (4.1938—1.1939), нач-к Кронштадтского мор. завода Гл. воен. порта КБФ с января 1939. Участник сов.-фин. войны 1939—1940.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. Зам. нач-ка тыла КБФ с апреля 1943, одновременно по вооружению с января 1944.

После окончания войны нач-к тыла СФ (5.1945—4.1949), 4-го ВМФ (4.1949—1.1953), Нач-к военно-мор. кафедры Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства (5.1953—3.1956). Зам. нач-ка тыла ВМФ (3.1956—6.1957), исп. обяз. нач-ка тыла ВМФ (6.1957—12.1960), нач-к отдела службы тыла ВМФ — зам. нач-ка тыла ВМФ (12.1960—3.1969).

Переаттестован. Контр-адмирал-инженер (18.11.1971).

С марта 1969 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1951), 3 орд. Красного Знамени (1944, 1946, 1956), орд. Отечественной войны I ст. (1945), 3 орд. Красной Звезды (1940, 1942, 1944), медалями.

Похоронен на Головинском кладбище.

ВОРОБЬЕВ Сергей Михайлович — 24.9 (6.10.) 1904 дер.Батеевка, ныне Весьегонского р-на Тверской обл. — 8.8.1974 Москва.

Русский. Контр-адмирал (4.6.1940). В ВМФ с 1925. Член компартии с 1928. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (10.1925—9.1928), командный факультет Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1934—3.1938).

Пом. вахтенного нач-ка, вахтенный нач-к СКР “Красный вымпел” (9.1928—1.1931), участник боевых действий на КВЖД (1929). Завхоз (1—4.1931), артиллерист (4.—11.1931) МН “Свердлов”, пом. нач-ка оперативного отдела штаба (11.1931—5.1934). нач-к отдела боевой подготовки (5—11.1934) Амурской Краснознаменной воен. флотилии. Мл. пом. нач-ка (3—5.1938), нач-к (5.1938—5.1939) 1-го отделения отд. боевой подготовки Гл. мор. штаба. Нач-к инспекции тактической подготовки (5.11.1939) Управления боевой подготовки ВМФ. Зам. нач-ка пограничных войск НКВД СССР по мор. части с нояб. 1939.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. С июля 1941 в кадрах ВМФ. Ком-р Учебного отряда на р.Волга (7—11.1941), ком-р 3-й бригады речных кораблей, он же исп. должн. командующего Волжской военной флотилией (11—12.1941). Ком-р 1-й бригады речных кораблей (1—12.1942), одновременно (11—12.1942), ком-р Сталинградской опергруппы. Зам. нач-ка погранвойск по мор. части Управления ПВ НКВД Приморского края (1.1943—11.1944). Нач-к мор. отдела Гл. Управления ПВ МВД СССР (11.1944—1.1951), Гл. Управления ПВ МГБ СССР (1.1951—5.1953), Гл. Управления ПВ МВД СССР (5.1953—6.1956).

С ноября 1956 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1950), 3 орд. Красного Знамени (1941, 1943, 1945), орд. Кутузова II ст. (1945), Отечественной войны I ст., Красной Звезды (1944), медалями.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ГАВРИЛОВ Виктор Михайлович — 11(24).11.1903 Санкт-Петербург — 12.4.1957 Ленинград.

Русский. Инженер-вице-адмирал (5.11.1944). В ВМФ с 1920. Член компартии с 1920. Окончил Военно-мор. уч-ще (10.1920-6.1924), класс связи (11.1925—5.1926), штурманский класс (10.1926—12.1927) Спецкурсов комсостава ВМС РККА, отд-е связи факультета военно-мор. оружия Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (9.1930—3.1934).

Пом. вахтенного нач-ка, вахтенный нач-к КР “Аврора” (6.1924—10.1925) ст. флагсекретарь при команд. МСБМ (10.1925-5.1926), ст. связист ЛК “Марат” (12.1927—3.1929),

пом. нач-ка 2-го отдела штаба МСБМ (3—5.1929), флагманский связист штаба дивизии ЛК (5.1929—9.1930), пом. флагманского связиста (3.1934—11.1937) штаба КБФ.

Во время нац.-революц. войны в Испании 1936—1939 советник по связи в аппарате гл. военно-мор. советника (12.1936—9.1937). За участие в боевых действиях на стороне республиканцев награжден орденом Красной Звезды. Флагманский связист штаба КБФ (11.1937—1.1938). С января 1938 — нач-к связи ВМФ. В ноябре 1939 — член советской торговой делегации в Германии.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. Неоднократно находился в командировках на воюющих флотах и флотилиях.

После окончания войны Г. оставался в прежней должности. Нач-к факультета связи (5.1947—2.1949), зам. нач-ка по УР (6—12.1949), исп. должн. нач-ка (12.1949—8.1950), зам. нач-ка по УНР (8.1950—5.1951) Военно-мор. акад. кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова. Зам. нач-ка Каспийского высшего военно-мор. уч-ща по УНР (5—9.1951), в распоряжении Управления кадров ВМС (9—12.1951). Нач-к кафедры материальной части радиостанций Высшего военно-мор. уч-ща связи (12.1951—10.1953).

С октября 1953 в запасе.

Инженер-контр-адмирал (4.6.1940).

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1943, 1944), орд. Нахимова I ст. (1945), Отечественной войны I ст. (1944), Красной Звезды (1937), медалями, именным оружием.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

ГАЛЛЕР Лев Михайлович — 17 (29). 11.1883 Санкт-Петербург — 12.7.1950 Казань.

Русский. Адмирал (4.6.1940). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1932. Окончил Морской кадетский корпус (1902—1905), Артиллерийский офицерский класс (1911—1912), Высшие мор. акад. курсы при Военно-мор. акад. (11.1925—4.1926).

В службе с 1902. Вахтенный нач-к КР “Азия” (5.1905—5.1906), “Генерал-адмирал” (5—9.1906), УС “Герцог Эдинбургский” (10.1906—8.1907), ЛК “Слава” (8.1907—8.1911). В 1908 принимал участие в оказании помощи пострадавшим во время землетрясения в Мессине (о.Сицилия), мл., ст. артиллерист ЛК “Андрей Первозванный” (9.1912—7.1914), флагарт бригады ЛК (7.1914—9.1916), в составе которой принял участие в 1-й мировой войне. Ком-р ЭМ “Автроил” (9.1916—1.1917), ст. офицер ЛК “Слава” (1.—10.1917). Капитан 2 ранга (1917). Будучи ком-ром ЭМ “Туркменец-Ставропольский” (10.1917—7.1918) перешел на сторону Сов. власти. Участвовал в Ледовом переходе БФ весной 1918.

В годы Гражданской войны 1917—1922 в России ком-р ЭМ “Мечислав” (7.1918—2.1919), КР “Баян” (1919), ЛК “Андрей Первозванный” (4.1919—4.1920), нач-к штаба отряда действующих судов БМ (1920), нач-к дивизии миноносцев (9.1920—1.1921). Принимал участие в боевых операциях против войск генерала Н.Н.Юденича и английских интервентов, в подавлении мятежа на фортах Красная Горка и Серая лошадь. С января 1921 по ноябрь 1927 (с небольшим перерывом) нач-к штаба МСБМ. Ком-р дивизии ЛК (11.1927—3.1932). В 1930 возглавил переход отряда кораблей из Кронштадта в Севастополь. Команд. МСБМ (3.1932—1.1935), КБФ (1.1935—1.1937). Зам. нач-ка Мор. Сил РККА (1.1937—1.1938). Нач-к Гл. мор. штаба ВМФ (1.1938—10.1940). Зам. НК ВМФ по кораблестроению с октября 1940. В результате проделанной Г. работы накануне войны, весной 1941 почти весь состав флота был в состоянии выйти в море для решения боевых задач.

С началом Великой Отечественной войны и практически все время до ее окончания исполнял обязанности первого заместителя НК ВМФ и оставался за наркома при

его отъездах. Благодаря настойчивой и целеустремленной работе Г., правильно организованной связи с Действующими флотами, флотилиями и тыловыми учреждениями, удалось обеспечить их потребности с использованием всех видов транспортов и связи, несмотря на сложную и часто меняющуюся обстановку. В конце войны под руководством Г. был разработан проект десятилетней (1946—1955) программы строительства кораблей и судов ВМФ.

Зам. ГК ВМС по кораблестроению (4.1946—2.1947). Нач-к Военно-мор. акад. кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова (2—11.1947).

В феврале 1948 Г. был незаконно репрессирован совместно с адмиралами Н.Г.Кузнецовым, В.А.Алафузовым и Г.А.Степановым по обвинению в передаче бывшим союзникам торпеды высотного торпедометания (парашютной), документации по артиллерийскому вооружению кораблей, дистанционной 130-мм гранаты, некоторых навигационных карт и трофейной торпеды с акустическим самонаведением, с потопленной в 1944 в Выборгском зал. гитлеровской ПЛ. 3.2.1948 осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 4-м годам лишения свободы. Постановлением Совета Министров СССР от 10.2.1948 лишен воинского звания “адмирал”. Заключение отбывал в Казанской тюрьме, где и скончался, место захоронения не установлено. Постановлением Совета Министров СССР от 13.5.1953 посмертно восстановлен в прежнем звании “адмирал” и полностью реабилитирован.

Награды России: орд. Св. Станислава 3 ст. (1909), Св. Анны (1913), Св. Станислава 2 ст. с мечами (1916).

Награды СССР: 3 орд. Ленина (1938, 1943, 1945), 4 орд. Красного Знамени (1933, 1935, 1940, 1944), 2 орд. Ушакова II ст. (1944, 1945), орд. Красной Звезды (1935), медалями, польским орд. Крест Грюнвальда I класса (1946).

Лит.: Зонин С.А. Адмирал Л.М.Галлер. М. Воениздат. 1991. 415 с.

ГАРКУША Лев Георгиевич — 8.10.1919 Майкоп.

Русский. Вице-адмирал (4.11.1973). В ВМФ с 1939. Член компартии с 1943. Окончил 2 курса института механизации сельского хозяйства (1937—1939), Высшее военномор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (7.1939—10.1941), Высшие спец. офицерские классы ВМС (12.1946—9.1947), командный факультет Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1950—10.1953), 2-х месячные курсы при этой же акад. (1971).

В Великую Отечественную войну вступил ком-ром БЧ-1 (10.1941—4.1943), штурман (4.1943—3.1944) 1-го д-на СКР, флагштурман ОВРа Гл. базы БВФ (3.1944—2.1945), штурман д-на 27-го д-на ТЩ (2.1945—2.1946), флагштурман Печенгской БТКА (2—12.1946), в распоряжении команд. СФ (9—10.1948), ст. офицер-оператор по надводному флоту оперативного отдела штаба СФ (10—12.1947), ст. офицер 2-го отделения там же (12.1947—10.1948), офицер-оператор Печенгской БТКА (10—12.1948), нач-к штаба д-на там же (12.1948—12.1950). Нач-к штаба 185-й БТКА (10.1953—11.1956), ком-р 186-й БТКА (11.1956—6.1960), нач-к штаба (6.1960—10.1962), ком-р (10.1962—9.1965) Иоканьгской ВМБ СФ. В распоряжении 10-го Гл. управления Генштаба ВС (9.1965—1.1968). Нач-к Вооружения и Судоремонта — зам. нач-ка тыла СФ (1-4.1968), зам. команд. этим же флотом по тылу нач-ка тыла флота (4.1968—12.1974). Нач-к кафедры тыла флота Военно-мор. акад. (12.1974—9.1978).

С сентября 1978 в запасе.

Контр-адмирал (22.2.1963).

Награжден: орд. Отечественной войны I ст. (1985), II ст. (1945), 2 орд. Красной Звезды (1944, 1945), медалями.

ГЕОРГИАДИ Иван Александрович — 27.7. (3.8.) 1895 Санкт-Петербург — 14.3.1974 Ленинград.

Русский. Контр-адмирал (21.5.1941). Доцент (1938). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1943. Окончил Псковский кадетский корпус (9.1908—6.1913), Морской корпус (6.1913—7.1915), штурманский класс Соединенных классов специалистов комсостава флота (12.1918—6.1919; 12.1919—5.1920).

В службе с 1913. Вахтенный нач-к на кораблях “Двина”, “Николаев”. “Рында”, ком-р ТЩ “Крамбол” БФ. Мичман. Участник Ледового перехода из Гельсингфорса в Кронштадт весной 1918. Артиллерист ЭМ “Всадник” (5—8.1918). В годы Гражданской войны 1917—1922 в России воевал в составе Астрахано-Каспийской и Волжской военных флотилий. Ком-р ММ “Карл Либкнехт”, “Прыткий”, нач-к сводного д-на ММ. Штурман и ком-р ЭМ “Внимательный” (5—6.1920), штурман д-на ТЩ (5—7.1920) с оставлением в должности ком-ра ЭМ. Ком-р д-на ММ (7.1920—4.1922), флаг-секретарь дивизии траления (4.1922—2.1923), ком-р ТЩ “Стрела” (2—10.1923), ком-р МЗ “Березина” (10.1923—12.1924), “9 Января” (12.1924—4.1925), ком-р ЭМ “Урицкий” (4.1925—10.1930) МСБМ. Преподаватель (10.1930—6.1934), ст. руководитель (6.1934—6.1938), ком-р УК “Мартынов” по совместительству (11.1935—1937), доцент (6.1938—7.1940), исп. должн. профессора (7.1940—8.1943), ст. преподаватель (8.1943—6.1944) кафедры тактики надводных кораблей командного факультета Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова. Пом. нач-ка — он же нач-к Учебного отдела (6—11.1944), зам. нач-ка по УНР (11.1944—4.1949) Управления ВМУЗов ВМС. Зам. нач-ка кафедры оперативного искусства и общей тактики Военно-мор. академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова (5—10.1949). Автор наставления по боевой деятельности миноносцев.

С октября 1949 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1947), орд. Отечественной войны I ст.(1945), Трудового Красного Знамени (1944), медалями.

ГЛАДКОВ Михаил Павлович — 14(26).2.1897 Севастополь — 1.1987 Ленинград.

Русский. Инженер-контр-адмирал (31.5.1944). В ВМФ с 1918. Член компартии с 1926. Окончил Одесское уч-ще торгового мореплавания (1914—1917), школу мичманов военного времени в Петрограде (4—9.1917), Военно-транспортную академию им. Л.М.Кагановича (1.1933—11.1937).

В старом флоте с 1917. Комиссар техотдела БФ (11.1917—3.1918). В годы Гражданской войны воевал на Балтийском море на ЛК “Петропавловск” против белофиннов и англичан, в экспедиционном отряде моряков на Южном фронте против войск генерала А.И.Деникина. Ст. котельный механик бригады ЛК (3.1918—11.1920), трюмный механик Петроградского военного порта (11.1920—4.1921), наблюдатель по ремонту судов Севастопольского военного порта (4—9.1921), преподаватель машинной школы в Кронштадте (9.1921—7.1922), вахтенный и ст. механик ЭМ “Энгельс” (7.1922—12.1927) МСБМ. Нач-к мастерских (12.1927—1.1929), производственного отдела (1.1929—1.1933) Севастопольского военного порта. Нач-к отделения Управления ВМС РККА (11.1937—1.1938), 3-го отдела Инженерного управления (1.1938—9.1940), ст. уполномоченный ППК (9.1940—5.1941). С мая 1941 нач-к отдела плавсредств и гаваней.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности. В июне—июле 1941 Г. лично руководил обеспечением подвоза техники, боезапаса и бойцов для операций флота и воинских частей на южном побережье Финского залива и о-вах, в сентябре—октябре 1941 г. руководил перевозками грузов через Керченский пролив и меж-

ду портами Одесса—Севастополь. Нач-к Управления вспомогательных судов и гаваней ВМФ с июля 1943.

После окончания войны оставался в прежней должности. Зам. нач-ка Управления судоремонтных предприятий и доков (8.1950—9.1951), нач-к кафедры эксплуатации водного транспорта факультета военно-мор. и речных систем Военно-транспортной акад. им. Л.М.Кагановича (9.1951—4.1953).

С апреля 1953 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1947), орд. Нахимова II ст. (1945), Отчественной войны I ст. (1943), медалями.

ГЛОБА Яков Николаевич — 19.10.1919 с. Нижняя Сыроватка, ныне Краснопольский р-н Сумской обл. — 29.2.1988 Ленинград.

Украинец. Вице-адмирал (30.4.1970). Доцент (1978). В ВМФ с 1938. Член компартии с 1943. Окончил Высшее военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (7.1938—7.1941), Спец. курсы комсостава УОПП ТОФ (7—10.1941), команд. отделение Высших спец. классов офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны ВМС (2—7.1946), командный факультет Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1950—10.1953), военно-мор. факультет Воен. акад. Генштаба ВС (9.1960—6.1962).

Участник Великой Отчественной войны. В распоряжении Военного совета ЧФ (12.1941—1.1942), ком-ра I БПЛ (1—7.1942), ком-р БЧ-I ПЛ “М-2” (7—8.1942), пом. ком-ра ПЛ “М-35” (8—10.1942), ком-р БЧ-3 ПЛ “М-111” (10.1942—4.1944) ЧФ. Пом. ком-ра ПЛ “В-Ч” (4—8.1944) Отряда кораблей ВМФ, (8.1944—1.1945), ком-р этой же ПЛ (1—12.1945) СФ. В распоряжении команд. флотом (12.1945—2.1946). Ком-р ПЛ “С-101” (7.1946—11.1949), “Б-7” (11.1949—12.1950), нач-к штаба 152-й БПЛ (10.1953—1.1957) ЧФ. Ком-р 22-й отд. БПЛ (1.1957—9.1959), нач-к штаба (9.1959—6.1960), ком-р (7.1962—3.1964) дивизии ПЛ, эскадры ПЛ (3.1964—1.1967) СФ. 1-й зам. команд. КБФ (1.1967—1.1971). Пом. представителя ГК Объединенными Вооруженными силами по ВМФ в национальной народной армии ГДР (2.1971—11. 1974). Нач-к Высших спец. офицерских классов ВМФ (12.1974—8.1979). В распоряжении ГК ВМФ (8.1979—2.1980).

С февраля 1980 в отставке.

Контр-адмирал (13.4.1964).

Награжден: 5 орд. Красного Знамени (1944 — 2, 1956, 1959, 1968), 2 орд. Отчественной войны I ст. (1943, 1985), II ст. (1944), 2 орд. Красной Звезды (1956, 1960), орд. “За службу Родине в Вооруженных Силах СССР” III ст. (1975), медалями, немецким орденом.

Похоронен на Богословском кладбище.

В.М.Лурье

Военно-морские атташе

ГЛИНКОВ Евгений Георгиевич — 8(21). 11.1902 Николаев, — 1.7.1973 Ленинград. Русский. Инженер-контр-адмирал (24.5.1945). В ВМФ с 1922. Член компартии с 1940. Окончил курс Московского высшего технического уч-ща (9.1921— 2.1922), Военно-мор. гидрографическое уч-ще (2.1922—9.1925), гидрографический ф-т Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (2.1933—3.1935). Владел английским языком.

Пом. ком-ра ГС “Соломбала” (9.1925—4.1926), “Таймыр” (4.1926—11.1928), “Помор” (11.1928—5.1929) Убеко Север. Производитель (5.1929—3.1930), ст. производитель (3.1930—6.1931) работ на ГС “Купава”, нач-к береговой партии (6—12.1931), нач-к партии и ком-р ГС “Купава” (12.1931—2.1933), нач-к гидрограф. отряда (3.1935—12.1939) Северной гидрограф. экспедиции, одновременно зам. нач-ка 4 отдела (5—10.1949), нач-к 1 отд. картографическо-составительского отдела (10.1939—4.1940), гл. редактор картографического отдела (4.1940—2.1941) Гидрограф. управления ВМФ. В 1940 участвовал в комиссии по установлению демаркационной линии в р-не п-ова Ханко. С февр. 1941 — зам. нач-ка Гидрограф. управления ВМФ.

В Великую Отечественную войну вступил в той же должности. За хорошую работу по обеспечению ВМФ картами в военный период Г. был награжден орденом Красной Звезды. С июня по декабрь 1944 находился в США для изучения гидрограф. службы. За отличную организацию картографического обеспечения ВМФ картами награжден орденом Нахимова II ст. Нач-к Картографического управления Гидрографии ВМФ с декабря 1944.

После окончания войны оставался в прежней должности. Нач-к Мор. картографического института ВМФ (1—5.1946). Зам. нач-ка Гидрограф. управления ВМФ (5—8.1946). В распоряжении ГРУ Генштаба ВС (8.1946—1.1947).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в США (1.1947—7.1950), в распоряжении 2-го Гл. Управления (ГРУ) Мор. Генерального штаба (7.1950— 2.1951). Зам. нач-ка Гидрограф. Управления по гидрографии (2.1951— 6.1955), Гидрограф. службы ВМФ (6—11.1955).

С ноября 1955 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1947), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1952). орд. Нахимова II ст. (1945), Красной Звезды (1942), медалями.

РОДИОНОВ Константин Константинович — 11(24).10.1901 Белозерск, — 2.01.1981 Москва.

* Продолжение. См. “Новый Часовой” № 3—5.

Русский. Контр-адмирал (5.8.1944). В ВМФ с 1919. Член компартии с 1932. Окончил Военно-мор. уч-ще (9.1920—6.1924), военно-мор. факультет акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1931—11.1934). Владел французским, турецким и итальянским языками.

Ученик-рулевой, рулевой УОПП в Петрограде (12.1919—9.1920). Вахтенный нач-к КР “Коминтерн” (6.1924—7.1925), ком-р СКР “Бесстрашный” (7—9.1925), ст. пом. ком-ра (9.1925—5.1926), ком-р (5.1926—3.1928) ЭМ “Незаможник” МСЧМ. Пом. нач-ка курса (3.1928—5.1929), нач-к курса (5.1929—12.1931) Военно-мор. инженерного уч-ща им. Ф.Э. Дзержинского. Пом. нач-ка сектора (11.1934—6.1936) отделения оперативного отдела штаба КБФ. Преподаватель ВМУ им. М.В.Фрунзе (6—11.1936).

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Турции (11.1936—9.1943), одновременно в Греции (9.1939—1.1941). В распоряжении Разведуправления Гл. Мор. штаба (9—12.1943), зам. нач-ка (12.1943—4.1945), исп. обяз. нач-ка (4—11.1945) РУ Гл. Мор. штаба. В это же время работал в комиссиях НКВД СССР как член делегации СССР в США (8.1944), где участвовал в согласовании проекта будущего ООН в Сан-Франциско (4.1945).

Посол СССР в Греции (11.1945—9.1947), в Швеции (2.1950—31.12.1956), зав. отделом скандинавских стран МИД СССР (12.1956—1.1958). Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла.

С января 1958 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1942, 1944), орд. Нахимова II ст. (1945), Красной Звезды (1944), медалями.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

СЛАВИН Семен Васильевич — 5.8.1905 Сольвычегодск.

Русский. Капитан 1 ранга (24.2.1944). В ВМФ с 1925. Член компартии с 1932. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (11.1925—9.1928), Курсы усовершенствования при IV Управлении (Разведупр.) РККА (6.1933—3.1936).

Ком-р бронекатера отд. отряда судов на р.Днепр (9.1929—1.1933), МН “Активный” (1—6.1933) Днепровской воен. фл-лии. Преподаватель Курсов усовершенствования IV Управления (3.1936—3.1938). Пом. нач-ка, нач-к отделения (6.1938—9.1939) РУ РККА.

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Италии (9.1939—8.1941). В разведотделе ЧФ (8.1941—4.1942), в распоряжении мор. отдела ГК войсками Северо-Западного направления (4—5.1942), нач-к мор. разведки Мор. группы при зам. команд. войсками Закавказского фронта (5—9.1942), нач-к развед. отдела ТОФ (9.1942—9.1944), в распоряжении РУ ГМШ ВМФ (9.1944—7.1945).

Военно-мор. атташе при посольстве СССР в Италии (7.1945—7.1951).

Нач-к отделения внешних сношений 2-го Гл. управления МГШ (10.1951—6.1953).

С июня 1953 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1950), 3 орд. Красного Знамени (1938, 1944 — 2), орд. Красной Звезды (1937), медалями.

СОБОЛЕВ Александр Александрович — 12(24).2.1890 Москва

Русский. В ВМФ с 1918. Окончил Кадетский корпус (1906), Морской корпус (1910), Артиллерийский офицерский класс (1914).

В службе с 1907. Вахтенный нач-к, ком-р роты (1910—1913), артиллерист (1914—1916), ст. артиллерист (1916—1917) ЛК “Император Павел I”. лейтенант.

После Февральской и Октябрьской революций продолжил службу офицером ЛК “Республика” (“Император Павел I”). 30.01.1918 уволен в запас, 24.9. этого же года добровольно вступил в РККФ.

Принял участие в Гражданской войне. Пом. нач-ка отделения Моргенштаба (2—7.1919), исп. долж. флагарта штаба команд. всеми Морсилами Республики (7—8.1919), нач-к оперативного отдела Волжской фл-лии (9.1919—2.1920), ст. флагсекретарь при штабе команд. всеми Морсилами Республики (2—3.1920). пом. нач-ка Моротдела Юго-Западного фронта по оперативной части (3—8.1920), нач-к оперативного отдела штаба Морских сил Черного и Азовского морей (8—11.1920), врид. нач-ка Морских сил Каспийского моря (11—12.1920), нач-к штаба там же (11.1920—11.1922). Сотрудник Мор. исторической комиссии (1—6.1923), Ученый секретарь и редактор по истории Гражданской и мировой войн Оперативного управления штаба РККА, одновременно преподаватель в Военно-мор. политическом уч-ще им. Рошаля на кафедре “Красный флот в Гражданской войне” (6.1923—1.1925).

Военно-мор. атташе при полпредствах СССР в Турции (1.1925—1.1928), в Швеции (1.1928—4.1930); одновременно в Финляндии (2—4.1930), в апреле 1930 должен был выехать в Сов. Союз для назначения его в Центральный аппарат НКВД СССР. Остался в Швеции, опубликовал письмо с отказом возвращаться на Родину. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила С. “...вне закона с конфискацией имущества, за присвоение крупной суммы денег и отказ вернуться в СССР...”

Дальнейшая судьба С. автору неизвестна.

ТАРАДИН Алексей Тимофеевич — 11.10.1903 Новочеркасск.

Русский. Капитан 1 ранга (28.6.1943). В ВМФ с 1921. Член компартии с 1924. Окончил Военно-мор. политическое уч-ще им. Рошаля (10.1925—10.1928), военно-мор. факультет Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1931—11.1934), командный класс УОПП им. С.М.Кирова (11.1934—12.1935). Владел шведским языком.

Нач-к клуба 1-й артбригады (10.1928—10.1930), политрук роты Балтийского флотского экипажа (10.1930—8.1931), пом. ком-ра ПЛ “Щ-303” (1.1936—1.1938), исп. долж. пом. нач-ка 7-го отдела (подводное плавание) штаба КБФ (1—2.1938), исп. долж. нач-ка штаба (2.1938—1.1941), ком-ра (1—2.1941) 4-й БПЛ УОПП. В распоряжении РУ ВМФ (2—3.1941).

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Финляндии (3—6.1941), в распоряжении ВМФ (6.1941—6.1942).

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Швеции (10.1942—12.1945), до этого там же — пом. военно-мор. атташе. В декабре 1945 отстранен от должности и назначен в распоряжение команд. ВМФ (12.1945—5.1946). Зам. нач-ка разведотдела СБФ (5.1946—1.1947), 8-го ВМФ (1.1947—8.1949), зам. нач-ка отдела по агентуре (8.1949—8.1950) того же флота. С августа 1950 на преподавательской работе в Военно-дипломатической акад. СА.

Награжден: орд. Ленина, 3 орд. Красного Знамени, Отечественной войны I ст., Красной Звезды, медалями.

ХАРЛАМОВ Николай Михайлович — 6(19)12.1905 Жуковка, ныне Брянской обл. — 9.4.1983 Москва.

Русский. Адмирал (11.5.1949). Кандидат военно-мор. наук (1968). В ВМФ с 1922. Член компартии с 1925. Окончил Военно-мор. политическое училище им. Рошаля (10.1922—10.1924), Военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (10.1924—10.1928), артиллерийский класс Спец. курсов состава ВМС РККА (10.1930—5.1931), КУВНАС при Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (11.1940—4.1941), военно-мор. факультет Высшей воен. акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1954—7.1956).

Вахтенный нач-к, завхоз ЭМ “Дзержинский” (10.1928—9.1930), артиллерист

(5.1931—1.1932), пом. ком-ра (1.1932—10.1933) ЭМ “Фрунзе”, ком-р ЭМ “Дзержинский” (10.1933—2.1937), “Бодрый” (2—10.1937), КР “Ворошилов” (10.1937—2.1938), нач-к штаба ЧФ (2.1938—4.1941). Нач-к Управления боевой подготовки с апр. 1941.

В Великую Отечественную войну вступил в прежней должности.

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Великобритании и Глава воен. и военно-мор. миссии в этой же стране (7.1941—10.1944). Х. предстояло решить следующие вопросы: создание общего с англичанами фронта на Севере Европы, куда союзники могли направить флот, авиацию и несколько пехотных дивизий, занятие ими о-вов Шпицберген и Медвежий; высадку значительного контингента английских войск на севере Франции, при второстепенном значении боевых действий на Балканах. Х. в течение этих лет много сделал в осуществлении конвойных операций, которые начались первым военным летом и уже к весне 1942 в составе арктических конвоев было отправлено в общей сложности 103 судна союзников. Возглавляемая Х. миссия поддерживала контакты с команд. вооруженных сил Америки и Великобритании, решила многие вопросы, связанные, прежде всего, с открытием второго фронта в Европе, с поставками вооружения и воен. материалов в Советский Союз. Х. лично присутствовал при высадке англо-американских сил 6 июня 1944 г. в Нормандии. Его миссия в основном была успешно выполнена. Нач-к Управления боевой подготовки (11.1944—4.1945). Зам. нач-ка ГМШ ВМФ — нач-к Оперативного управления с апреля 1945. Зам. нач-ка Генштаба ВС по ВМС (4.1946—2.1950). Член Суда чести в 1948 над группой адмиралов. Команд. 8-м ВМФ (2.1950—12.1954), нач-к военно-мор. факультета Высшей воен. акад. им. К.Е.Ворошилова (7—11.1956), команд. КБФ (11.1956—5.1959), воен. специалист по ВМС Народно-освободительной армии Китая (5.1950—1.1961), председатель НТК ВМФ (1.1961—1967) нач. Военно-научного управления ВМФ (1967—8.1971).

Контр-адмирал (4.6.1940), вице-адмирал (21.7.1944).

С августа 1977 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1947), Октябрьской Революции (1975), 3 орд. Красного Знамени (1944 — 2, 1953), орд. Ушакова I ст. (1945), Нахимова I ст. (1945), Трудового Красного Знамени, 2 орд. Красной Звезды (1938—1965), медалями.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Соч.: Трудная миссия. М.: Воениздат, 1983. 224 с.

ШЕЙ Борис Павлович — 14.6.1900 Санкт-Петербург, — 2.9.1975 Ленинград

Русский. Капитан 1 ранга (8.4.1941). Кандидат воен-мор. наук, доцент (1954). В ВМФ с 1919. Член компартии с 1925. Окончил военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (10.1919—8.1923), артиллерийский класс Спец. курсов ВМС РККА (2.1925—3.1926), артиллерийскую группу факультета военно-мор. оружия Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (10.1929—11.1932). Владел итальянским языком.

В годы Гражданской войны в России воевал в составе коммунистического отряда против войск генерала Н.Н.Юденича под Ораниенбаумом и Петроградом. Красноармеец 49-го стр. полка 7-й армии (4—10.1919). Вахтенный нач-к КР “Аврора” (8.1923—3.1924), артиллерист ЭМ “К.Маркс” (3.1924—1.1925), КР “Аврора” (3.1926—10.1929) МСБМ. Председатель комиссии по приемке вооружения в Италии (11.1932—11.1934), пом. военно-мор. атташе (11.1934—1.1936).

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Италии (1.1936—9.1937). В распоряжении Разведуправления ВМФ (9.1937—4.1938). Нач-к 1-го отдела Управления вооружения и снабжения боеприпасами ВМФ (4.1938—8.1939), зам. нач-ка Научно-исследовательского минно-артиллерийского полигона ВМФ (8.1939—6.1940), гл. инженер (8.1940—2.1942) там же. Ст. преподаватель (2—5.1942), нач-к кафедры (5.1942—2.1943)

военно-мор. дисциплин ВВМИУ им. Ф.Э.Дзержинского. Инспектор по арт. подготовке инспекции ВМУЗ ВМФ (2.1943—12.1944). Пом. нач-ка Артиллерийского научно-исследовательского морского института ВМС (12.1944—5.1948). В этот период Ш. "...за выдающиеся заслуги в области создания отечественных образцов морского артиллерийского вооружения..." награжден орденом Отечественной войны I ст. Зам. нач-ка Артиллерийской кафедры научно-исследовательского института (5—10.1948). Ст. преподаватель кафедры тактических свойств боевых средств (10.1948—5.1949), кафедры тактики родов и оружия ВМС (5.1949—12.1951), нач-к артиллерийского факультета (12.1951—11.1958) Военно-мор. акад. кораблестроения им. А.Н.Крылова.

С ноября 1951 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1947), орд. Отечественной войны I ст. (1947), Красной Звезды (1944), медалями.

ЯКОВЛЕВ Василий Данилович — 26.1.1906 с. Белый Колодезь, ныне Волчанский р-н Харьковской обл. — 2.1.1980 Москва.

Украинец. Вице-адмирал (18.2.1958). В ВМФ с 1925. Член компартии с 1932. Окончил Военно-мор. уч-ще им. М.В.Фрунзе (9.1925—5.1928), командный факультет Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова (12.1932—4.1936).

Вахтенный ком-р КЛ "Верный" (5.1928—11.1929), пом. ком-ра КЛ "Передовой" (11.1929—11.1932) ДВФ. Пом. нач-ка отделения штаба РККА (4.1936—3.1938), нач-к отделения ГМШ (3—9.1938). Ком-р ЭМ "Бдительный" (9.1938—3.1939), "Быстрый" (3.1939—11.1940) ЧФ. Ком-р по оперативной части 3-го отд., Оперативного управления ГМШ (11.1940—1.1941), нач-к 6-го отдела (оперативная подготовка) (1—7.1941) Оперативного управления ГМШ ВМФ. В распоряжении РУ ГМШ (6—9.1944).

Военно-мор. атташе при полпредстве СССР в Англии (10.1944—2.1949), до этого пом. военно-мор. атташе там же.

В 1947 принимал участие в работе Лондонской и Парижской сессий Совета Министров иностранных дел, где исп. обязанности военно-мор. эксперта. Нач-к 2-го Гл. управления Генштаба СА (2.1949—3.1950). Нач-к Оперативного управления (3.1950—12.1951), Гл. оперативного управления — зам. нач-ка МГШ (12.1951—4.1953), Оперативного управления ГШ ВМС (4.1953—1.1956).

Нач-к штаба КБФ (1.1956—4.1957), зам. нач-ка ГРУ по стратегической разведке — нач-к стратегической разведки (4.1957—5.1958). Зам. нач-ка Военно-мор. акад. им. К.Е.Ворошилова по НИР (5.1958—12.1960). Нач-к 1-й секции (12.1960—4.1965), зам. председателя МНТК (12.1960—9.1966), НТК (9—12.1966), пом. нач-ка Гл. штаба ВМФ (12.1966—4.1970).

С апреля 1960 в отставке.

Контр-адмирал (27.1.1951).

Награжден: орд. Ленина (1950), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1950), 4 орд. Красной Звезды (1944, 1945), медалями, английским орд. Британской Империи 3 ст. (1944).

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Продолжение в следующем номере.

Автор использовал материалы ЦВМА МО РФ и РГА ВМФ.

Автор настоящих публикаций вносит дополнения и изменения в биографии, опубликованные в предыдущих номерах журнала:

Г.А.Абашвили. Вице-адмирал (8.8.1955).

Л.К.Бекренев. Умер 21.4.1997 в Москве и похоронен на Троекуровском кладбище.

А.И.Бражник. Назначен начальником штаба — первым заместителем командующего Балтийским флотом.

С.П.Варгин. ПЛАРБ “К-178”, инспектор ПУ ТОФ.

В.А.Вихторов. Уволен в запас.

В.Р.Косов. Умер 18.8.1948 в Ленинграде и похоронен на Серафимовском кладбище.

Список сокращений

АУ	Артиллерийское управление	МГШ	Морской Генеральный штаб
БВФ	Беломорская военная флотилия	МЗ	Минный заградитель
БМ	Балтийское море	ММ	Миноносец
БПЛ	Бригада подводных лодок	МН	Монитор
БТ и МВ	Бронетанковые и механизированные войска	МНТК	Морской научно-технический комитет
БЧ	Боевая часть	МОР	Морской оборонительный район
ВВМУ	Высшее военно-морское училище	МСБМ	Морские силы Балтийского моря
ВВМИУ	Высшее военно-морское инженерное училище	МСЧМ	Морские силы Черного моря
ВВС	Военно-воздушные силы	НИИ	Научно-исследовательский институт
ВМБ	Военно-морская база	НК ВМФ	Народный комиссариат ВМФ
ВМА	Военно-морская академия	НТК	Научно-технический комитет
ВМС	Военно-Морские Силы	ОВР	Охрана водного района
ВМУЗ	Военноморские учебные заведения	ПВ	Пограничные войска
ВМФ	Военно-Морской Флот	ПЛ	Подводная лодка
ВО	Военный округ	ПО	Политотдел
ВС	Вооруженные Силы	ПУ	Политическое управление
ГК	Главнокомандующий	СКР	Сторожевой корабль
ГМШ	Главный морской штаб	СНиС	Служба наблюдения и связи
ГРУ	Главное разведывательное управление	СФ	Северный флот
ГС	Гидрографическое судно	ТОФ	Тихоокеанский флот
ГУК	Главное управление кораблестроения	ТШ	Тральщик
Д-н	Дивизион	Убеко	Управление по безопасности кораблевождения
ДВФ	Днепропетровская военная флотилия	УК	Учебный корабль
КЛ	Канонерская лодка	УОПП	Учебный отряд подводного плавания
КОС	Курсы офицерского состава	УР	Укрепленный район
КР	Крейсер	УНР	Учебной и научной работе
КУВНАС	Курсы усовершенствования высшего начсостава	УрВО	Уральский военный округ
ЛК	Линкор	УС	Учебное судно
МВС	Министерство Вооруженных Сил	ЧФ	Черноморский флот
		ЭМ	Эсминец
		ЮБФ	Юго-Балтийский флот

П.А.Аптекарь, В.М.Лурье

Военные атташе

АБСАЛЯМОВ Минзакир Абсалямович — 10.12.1896 дер. Верхние Отары, ныне Сабинский р-н Республики Татарстан — 10.6.1981 Москва.

Татарин. Генерал-майор (4.6.1940). Доктор военных наук. В СА с 1919. Член компартии с 1919. Окончил Военную акад. РККА (1922), Курсы усовершенствования высшего начсостава (1928).

В службе с 1915. Ком-р татарского отряда, принявшего участие в 1-й мировой войне. Унтер-офицер. В годы Гражданской войны А. ком-р повстанческого отряда на Южном и Западном фронтах в 1919. После окончания академии в распоряжении Разведотдела штаба РККА. Пом. нач-ка военного отдела турецкого правительства, сотрудник генконсульства в Турецкой восточной провинции. Нач-к разведотдела (7-го и 4-го) Краснознаменной Кавказской армии (1928—1931).

Военный атташе при полпредстве СССР в Иране (1932—4.1934). Нач-к курса спец. факультета (4.1938—1.1940), одновременно исп. долж. нач-ка кафедры разведки (1939) Военной акад. им. М.В.Фрунзе. Будучи нач-ком разведотдела штаба Северо-Западного фронта (1—3.1940) принял участие в сов.-фин. войне 1939—1940, за боевые действия в которой награжден орденом Красного Знамени. Нач-к кафедры разведки (4.1940—7.1941) Военной акад. им. М.В.Фрунзе.

В Великую Отечественную войну командовал отд. бригадой в УрВО (7.1941—5.1943). Зам. ком-ра (5—11.1943), ком-р (11.1943—8.1944) 18-й стрелковой дивизии, 131-го (8—9.1944), 31-го (9.1944—5.1946) стрелкового корпусов.

Ст. преподаватель (5.1946—1959), нач-к Научно-исследовательского отдела (1959—1963), Ученый секретарь совета (1963—1967) Воен. акад. Генштаба ВС.

С 1967 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1945), 4 орд. Красного Знамени (1940, 1944, 1949), орд. Богдана Хмельницкого I ст. (1944), Суворова II (1944), Трудового Красного Знамени, “Знак Почета”, медалями.

АЛЕКСАНДРОВ Василий Георгиевич — 6.3.1902 Санкт-Петербург — 23.5.1960 Ленинград.

Русский. Полковник (1939). В СА с 1920. Окончил 1-е Советские образцовые Тверские кав. курсы (5.1920—8.1923), командный факультет Военной акад. механизации и моторизации РККА (11.1934—8.1938).

Ком-р отделения Тверской кав. школы (8.1923—8.1925), взвода 71-го кав. полка (9.1925—11.1929), пом. ком-ра 70-го кав. полка по политчасти (12.1929—2.1930), отв. секр. бюро ВКП(б) (3.1930—11.1931) этого же полка. Ком-р эскадрона 72-го кав. пол-

ка, нач-к 2-го отделения штаба 4-й отд. кав. бригады (3.1933—10.1934). Пом. ком-ра 23-й мех. бригады (9.1939—9.1939).

Военный атташе при полпредстве СССР в Иране (10.1939—6.1941). В распоряжении РУ КА (6—9.1941). Преподаватель тактики Военной акад. механизации и моторизации (9.1941—11.1943), нач-к штаба 3-го гв. мех. корпуса (12.1943—2.1944), оперативного отдела штаба 4-й танковой армии (2—6.1944), БТиМВ 1-й гв. армии (6—9.1944), в распоряжении команд. БТ и МВ, 4-го Украинского фронта (9.1944—4.1945). В это же время команд. БТ и МВ, нач-к штаба БТ и МВ 38 армии (1—2.1945), нач-к штаба БТ и МВ ПрикВО (5.1945—6.1946), ком-р 42-го отд. гв. тяж. танко-самоходного полка (7.1946—11.1948), в распоряжении Управления кадров БТ и МВ СА (12.1948—10.1950), Министерства национальной обороны Польской народной республики (11.1950—10.1953).

С ноября 1953 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1945), Красного Знамени (1944), Отечественной войны I-й ст. (1944), медалями, польскими орденами.

БЕГУНОВ Владимир Михайлович — 20.2.1899 Калязин, — 1940, Москва.

Русский. Военинженер I ранга (11.1935). В РККА с 1919. Окончил Высшую автобронетанковую школу в Петрограде (1922), Петроградский технологический институт (1924), Военно-техническую акад. в Ленинграде (9.1924—8.1927).

Мл. арт. приемщик (8.1927—7.1929), инженер высшего оклада (7.1929—11.1929) НТК АУ РККА, член 1-й секции НТК Управления механизации и моторизации РККА (12.1929—9.1932), пом. нач-ка НТК (9.1932—2.1933), нач-к 1-го отдела (2.1933—1.1934) того же Управления.

Военный атташе при полпредстве США (11.1936—5.1938), до этого пом. военного атташе в той же стране (1.1934—10.1936).

Нарком оборонной промышленности СССР (5—9.1938). Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Награжден: орд. Красной Звезды (1933), медалью “XX лет РККА” (1938).

БЕНЕДИКТОВ Александр Иванович — 1.9.1893 Симбирск, — Москва.

Русский. Полковник (11.1935). В СА с 1919. Окончил КУВНАС (10.1925—8.1926), восточный факультет Воен. акад. им. М.В.Фрунзе (9.1925—7.1928).

В службе с 1914. Матрос Черноморского флота. Инструктор ПО, комиссар батальона связи (8.1919—5.1920), службы связи (9—12.1920) 3-й стрелковой дивизии. Пом. комиссара 26-й стрелковой бригады (12.1920—4.1921), 9-й стрелковой дивизии (4—7.1921). Комиссар штаба 2-го кав. корпуса (7.1921—7.1922), 13-й стрелковой дивизии (8.1922—11.1924), пом. комиссара стрелково-тактических курсов комсостава (12.1924—9.1925). В распоряжении РУ РККА (7.1928—8.1930; 2.1933—10.1933). Пом. военного атташе в полпредстве СССР в Персии (Иране) (9.1930—2.1933).

Военный атташе при полпредствах СССР в Афганистане (11.1933—2.1937 и в Болгарии) (3.1937—10.1939).

Ст. преподаватель высшей спец. школы Генштаба РККА (10.1939—10.1941), зам. ком-ра 66 мор. бр. Карельского фронта (11.1941—3.1942), нач-к штаба 263-й стрелковой дивизии (4—5.1942), нач-к отдела усовершенствования комсостава курсов мл. лейтенантов Карельского фронта (5.1942—9.1943). Зам. нач-ка кафедры разведки (10.1943—1.1947), агентурной разведки (2.1947—4.1950) Высшей спец. школы СА.

С мая 1950 в отставке.

Награжден: орд. Ленина (1945), орд. Красного Знамени (1944), Отечественной войны II ст. (1945), медалями.

БИЯЗИ Николай Николаевич — 1.4.1893 Тифлис, — 1973 Москва.

Русский. Предки Б. — итальянские переселенцы, осевшие в Одессе. Генерал-лейтенант (2.11.1944). В РККА с 1918. Член компартии с 1932. Окончил ускоренный курс Павловского воен. уч-ща (1916), восточный факультет Военной акад. им. М.В.Фрунзе (10.1927—7.1928). Владел 14 языками, кроме европейских — хинди, урду, турецким.

В службе с 1915. Участник 1-й мировой войны. Поручик. В годы Гражданской войны осуществлял охрану железных дорог Республики. Ком-р роты (6—11.1918), 38-го стрелкового полка (12.1918—8.1919), 17-й бригады (8—12.1919), нач-к охраны железных дорог Юго-Восточного, затем Кавказского фронта (12.1919—9.1920), ком-р 29-й дивизии (внутренней службы) (10.1920—3.1921), 38-й стрелковой дивизии (4—5.1921), учебно-кадровой бригады (6.1921—1.1922), восточной бригады курсантов (1—6.1922). Нач-к Бакинской пехотной школы (7.1922—9.1923), Ташкентской объединенной воен. школы им. В.И.Ленина (9.1923—9.1927). Военрук Тифлисского (1928), Томского (12.1928—5.1933) госуниверситетов; Северо-Кавказского сельхозинститута (5.1933—3.1934), одновременно адъюнкт Военной акад. им. М.В.Фрунзе, ст. руководитель (4.1934—6.1936) той же акад.

Военный атташе при полпредстве СССР в Италии (7.1936—4.1938).

Ст. преподаватель кафедры службы штабов, нач-к 3-го курса 2-го факультета (4.1938—10.1940) Воен. акад. им. М.В.Фрунзе. Нач-к воен. факультета при 2-м Московском педагогическом институте иностранных языков (10.1940—4.1942), Военного института иностранных языков КА (4—8.1942). Нач-к штаба Северо-Кавказского ВО (8—9.1942), зам. команд. Закавказским ВО (1943). Нач-к Института иностранных языков КА (8.1944—1947).

Чемпион СССР по стрельбе из боевой винтовки в 1928, один из первых в стране получил диплом футбольного судьи, судья Всесоюзной категории по боксу. В 1948 гл. судья соревнований, посвященных 50-летию отечественного бокса. Как спортсмен сделал очень много в период войны по формированию из альпинистов и лыжников горнострелковых частей и подразделений.

Генерал-майор (4.6.1940).

Награжден: орд. Ленина (1945), 3 орд. Красного Знамени (1922, 1943, 1944), медалями.

БОБРИЩЕВ Ардальон Александрович — 24.3.1879 Кобеляки, ныне Полтавская обл., Украина.

Русский. Полковник (1935). В СА с 1918. Окончил Константиновское артиллерийское уч-ще (1899), Николаевскую акад. Генштаба (1906).

В службе с 1896. Участник 1-й мировой войны. Ком-р батальона л.-гв. тяж. арт-дивизиона. Полковник (1915).

В годы Гражданской войны зав. команд. арткурсами (2—8.1918), инспектор артиллерии Петроградского ВО (9—11.1918), военрук Петроградской трудовой коммуны (11.1918—2.1920), нач-к штаба Петроградского УР (2—3.1920). Член контрольной комиссии РСФСР в Эстонии (4—7.1920), пом. военного представителя при полпредстве РСФСР в Армении (8.1920—3.1922).

Военный атташе (4.1922—4.1924) при полпредствах СССР в Финляндии (5.1924—8.1927) и в Персии (Иране).

В распоряжении РУ РККА (9.1927—8.1928). Нач-к сектора (9—12.1928), пом. нач-ка (1.1929—12.1930) 3-го аналитического отдела РУ РККА. Преподаватель тактики Военной акад. им. М.В.Фрунзе (1.1931—4.1935), Военной акад. химической защиты им. К.Е.Ворошилова (5.1935—2.1937).

Уволен в запас 23.2.1937. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ВАСИЛЬЕВ Василий Ефимович — 23.6.1897 Сызрань, — 22.10.1981 Киев.

Молдаванин. Генерал-лейтенант (3.8.1953). В СА с 1918. Член компартии с 1918.

В службе с 1916. Участник 1-й мировой войны. Окончил курсы агитаторов-организаторов при Смольном (12.1917—1.1918), восточный факультет Воен. акад. им. М.В.Фрунзе (9.1924—7.1928). Владел шестью языками, в т.ч. хинди.

В годы Гражданской войны ком-р красногвардейского отряда (2—4.1918). В мае 1918 убыл в Сибирь, где вынужден был оставаться в подполье ввиду начавшегося восстания против Сов. власти. Ком-р партизанского отряда (3—5.1919), 4-го (6—10.1919), 15-го (10.1919—3.1920) стрелкового полков. Комиссар 35-го запас., впоследствии 261-го (3.1920—9.1921) стрелкового полка, 85-й бригады, 85-го стрелкового полка (10.1921—7.1923), пом. ком-ра 87-го стрелкового полка (8.1923—9.1924). Ком-р 4-го Туркестанского стрелкового полка (8.1928—12.1930).

Военный атташе при полпредстве СССР в Афганистане (1.1931—10.1933). Нач-к РО Среднеазиатского ВО (11.1933—2.1938). Репрессирован (2.1938—9.1943). Восстановлен в кадрах КА и направлен в распоряжение Военного совета Среднеазиатского ВО (9—12.1943). Зам. ком-ра 66-й гв. стрелковой дивизии (1—2.1944). Ком-р 138-й (2.1944—7.1945), 50-й (7.1945—5.1946) стрелковых дивизий, 27-й мехдивизии (6.1946—11.1948), 73-го стрелкового корпуса (12.1948—7.1952), пом. команд. ПрикВО, он же нач-к отдела боевой подготовки округа (8.1952—3.1960).

С апреля 1960 в отставке.

Генерал-майор (11.7.1945).

Награжден: орд. Ленина, 3 орд. Красного Знамени, Суворова II ст., Кутузова II ст., Трудового Красного Знамени, медалями.

ВАСИЛЬЕВ Константин Павлович — 23.12.1897 дер.Сафонино, ныне Галичский р-н Костромской обл. — 21.4.1959 Калинин.

Русский. Полковник (17.2.1938). В СА с 1918. Окончил Ленинградскую пехотную школу (10.1922—8.1924), курсы “Выстрел” (7.1930—5.1931), ускоренные курсы при Академии Генштаба РККА (12.1941—4.1942). Красноармеец 1-го пулеметного полка (3—12.1918). пом. ком-ра пулеметного взвода 162-го стрелкового полка (12.1918—3.1919), зав. экспедицией ПО Котласского р-на (4.1919—4.1920), пом. нач-ка пулеметной команды 478-го и 165-го стрелковых полков (5.1920—5.1921), ком-р батальона 172-го стрелкового полка (6.1921—1.1922), ком-р 13-го стрелкового полка (2—9.1922). Ком-р взвода Московской военно-политической школы (9.1924—10.1926), роты Рязанского территориального полка (10.1926—6.1930), нач-к штаба 3-го отд. территориального стрелкового батальона (5.1931—3.1933), пом. нач-ка штаба 3-го отд. территориального стрелкового полка (3.1933—3.1935). Начальник оперативной части штаба 2-го Вятского территориального стрелкового полка (3.1935—3.1936), штаба 10-й стрелковой дивизии (3—6.1937), начальник штаба 6-й стрелковой дивизии (7.1937—4.1938).

Военный атташе при полпредстве СССР в Латвии (5.1938—2.1940).

Нач-к отделения по исследованию опыта подготовки кадров КА и иностранных армий 1-го отдела Управления сухопутных военных уч-щ КА (3—9.1940), зам. нач-ка этого отдела (9.1940—7.1941), нач-к Гомельского пехотного уч-ща (8—11.1941). Нач-к оперативного отдела — зам. нач-ка штаба 27-й армии (5—6.1942), нач-к штаба 47-й армии (6—9.1942; 11.1942—2.1943), Туапсинского ОР (10—11.1942), зам. нач-ка штаба 45-й армии (2.1943—8.1945). В распоряжении ВС ДВО (9—11.1945). Ком-р 137-го стрелкового корпуса (12.1945—5.1947). В распоряжении Управления кадров Сухопутных войск (6—8.1947), зам. нач-ка кафедры общей тактики и оперативного искусства Академии тыла и снабжения (9.1947—9.1956).

С октября 1956 в запасе.

Награжден: орд. Ленина (1945), 2 орд. Красного Знамени (1944, 1947), орд. Красной Звезды (1942), медалями.

ВАСИЛЬЧЕНКО Николай Николаевич — 19.12.1896 дер.Просница, ныне Фастовский р-н Киевской обл. — 23.2.1942 Саратов.

Украинец. Комдив (19.2.1938). В РККА с 1918. Член компартии с 1919. Окончил Особый факультет Военной акад. им. М.В.Фрунзе (10.1930—8.1932).

В службе с 1916. Участник 1-й мировой войны. В годы Гражданской войны военный летчик, ком-р авиаотряда. Ком-р 2-й авиаэскадрильи (10.1925— 6.1927), пом. нач-ка ВВС Белорусского ВО (6—7.1927), нач-к ВВС Краснознаменной Кавказской армии (7.1927—7.1928), ком-р 10-й авиабригады (8.1928—11.1929), пом. команд. ПривВО по ВВС (12.1929—7.1933).

Военно-воздушный атташе при полпредстве СССР во Франции (8.1933—2.1939). Принимал активное участие в отправке сов. летчиков и воен. материалов в республиканскую Испанию. Уволен из РККА (2—9.1939). Определен в кадры РККА и назначен преподавателем Военно-воздушной акад. им. Н.Е.Жуковского (9.1939—8.1940), пом. Гл. инспектора по ВУЗ ВВС РККА (8.1940—6.1941). Арестован 1.6.1941. Особым Советом при НКВД СССР 13.2.1942 В. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже приговорен к расстрелу.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован посмертно 17.9.1955.

Награжден: 2 орд. Красного Знамени, медалью “XX лет РККА”.

ВЕНЦОВ-КРАНЦ Семен Иванович — 1.1.1897 Режица — 8.9.1937 Москва.

Еврей. Комдив (26.11.1935). В РККА с 1919. Член компартии с 1918. Окончил Иркутское военное уч-ще (8.1917), Военную акад. РККА (8.1921—10.1922).

В службе с 1916. Участник 1-й мировой войны, ком-р 43-й отд. саперной роты. В годы Гражданской войны комиссар 3-й бригады 34-й стр. дивизии (5.1919—7.1920), ком-р Московской территориальной бригады (8.1920—5.1921), нач-к штаба особой кавгруппы Уборевича (по подавлению восстания в Тамбовской губернии 5—6.1921), Минского р-на (6—7.1921), ком-р батальона 18-й стр. дивизии (10.1922—3.1923), альюнкт Военной акад. РККА по кафедре гражданской войны (4.1923—3.1924), нач-к организационного, затем оргмоб. Управления штаба РККА (4.1924—12.1926; 12.1929—3.1931). Для особых поручений при Председателе РВС СССР (12.1926—4.1928). Ком-р 15-го стр. полка (4.1928—12.1929), пом. нач-ка штаба РККА (нач-к 2-го Управления) (12.1929—3.1931). Нач-к штаба Белорусского ВО (3.1931—3.1932), Московского ВО (4.1932—3.1933), нач-к Управления делами НКВоенмора и РВС СССР (3—5.1933).

Военный атташе при полпредстве СССР во Франции (5.1933—10.1936). Ком-р 62-й стр. дивизии (11.1936—6.1937). Уволен из РККА 27.6.1937 в связи с арестом, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 8.9.1937.

Реабилитирован посмертно в 1955.

Награжден: орд. Красного Знамени (1921).

Продолжение в следующем номере.

Авторы использовали материалы ЦАМО РФ.

О.Ф.Сувениров

Мартиролог РККА. 1936—1941 гг.

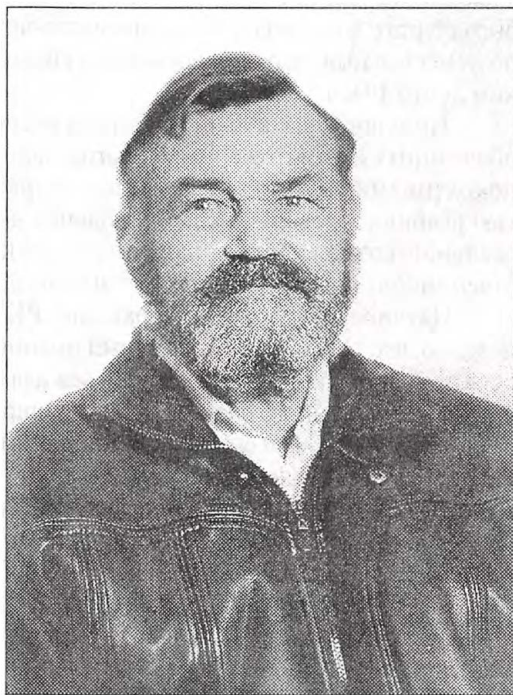
Олег Федотович Сувениров родился 30 сентября 1917 г. в крестьянской семье, в дер. Станки Псковской губернии. С сентября 1934 г. — студент первого набора исторического факультета Ленинградского государственного университета. Окончил его в 1939 г., получив диплом с отличием. В 1939—1941 гг. — аспирант и ассистент ЛГУ. В конце июня 1941 г. боец ленинградского народного ополчения; с июля 1941 г. — в рядах РККА. С декабря 1941 г. до конца войны — в Действующей армии, на Ленинградском фронте. Дважды ранен. Награжден тремя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, медалью “За оборону Ленинграда” и многими другими медалями. Полковник в отставке.

Последние 30 лет работает в Институте военной истории Министерства обороны СССР (РФ). Специализируется на изучении истории РККА в межвоенный период. Был руководителем авторского коллектива 1-го и 2-го томов многотомной “Истории второй мировой войны 1939—1945 гг.”. В

настоящее время — ведущий научный сотрудник Института. Доцент (1967). Доктор исторических наук (1978). Почетный академик Российской академии естественных наук (1993). Академик Академии военных наук Российской Федерации (1994).

Печатается с 1940 г. Автор ряда фундаментальных трудов по истории Красной Армии в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. О.Ф.Сувенировым подготовлена к печати рукопись книги “Трагедия РККА в 1937—1938 гг.” (1996 с.).

Редакция журнала “Новый Часовой” поздравляет Олега Федотовича с 80-летием, желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

О. Ф. Сувениров

*Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидиши во царство Твое.
Иван Савин*

От автора

За семьдесят с лишним лет своего существования Рабоче-Крестьянская Красная (с 1946 г. — Советская) армия на полях сражений с различными противниками потеряла миллионы бойцов и командиров. Трудно подчас судить, всегда ли они были достаточно оправданы. Но, в конечном счете, людские потери на войне неизбежны у любой армии.

Но у Красной армии были и иные, в основном присущие только ей специфические потери. Многие тысячи ее первостроителей, активных участников Гражданской войны и межвоенного укрепления РККА в 1936—1941 гг. были подло оклеветаны и опозорены, облыжно объявлены предателями, заговорщиками, шпионами вражеских разведок — “врагами народа” и беспощадно уничтожены тоталитарным государством. Целая генерация высшего начсостава РККА, а также командиров старшего и среднего звена, любовно выпестованная молодой республикой, была стерта с лица земли. Истребление значительной части начсостава нанесло тогда тяжелейший, полусмертельный удар по вооруженным силам страны, роковым образом сказавшийся трагическим летом 1941 г.

Тогдашние палачи-истребители военных кадров кичливо похвалялись, что имена оболганных и уничтоженных “врагов народа” будут прокляты и забыты последующими поколениями. И хотя все безвинно репрессированные военные были позднее полностью реабилитированы, новое поколение воинов Российской армии до сих пор не имеет реальной возможности узнать имена своих теперь уже сравнительно далеких предшественников, коварно убитых “от имени своего народа” в предвоенные годы.

Научное исследование трагедии РККА в 1937—1938 гг. только начинается, и я полагаю, что возможно более полный именной список безвинно убиенных воинов РККА послужит не только серьезным подспорьем для каждого исследователя этой проблемы и вообще истории предвоенного периода, но и для широких кругов российской общественности.

Представляемый вниманию читателей мартиролог (список мучеников) воинов РККА составлен по персональным военным званиям на момент их ареста особыми отделами НКВД. Давным-давно сказано, что в науке нет царского пути. Я не думаю, что даже в самых суперсекретных архивах существует составленные по военным званиям списки злодейски умерщвленных тогда воинов Красной армии. Палачи не любят лишний раз оставлять уличающих их следов. Современным историкам приходится терпеливо и кропотливо, звеньшкo за звеньшкoм реконструировать до сих пор тщательно укрываемую историю давно минувшего. Ведь все это было с нашей, с моей страной и армией. И мы должны все это познать и честно передать нашим детям и внукам. И еще раз напомнить миру, что ныне живущие потомки безвинных жертв могут гордиться своими имевшими столь трагическую судьбу предками.

Все фактические данные, включенные в список (фамилия, имя, отчество; год рождения и год принятия в члены ВКП(б); персональное военное звание и должность в момент ареста; дата ареста, вынесение обвинительного приговора, приведения его в исполнение и посмертной реабилитации) выявлены мною и приводятся в абсолютном большинстве случаев по таким хранящимся в Архиве военной коллегии Верховного суда Российской Федерации, имеющим высокую степень достоверности и юридическую силу документам, как заключения и протесты Главной военной прокуратуры и определения военной коллегии Верховного суда СССР в 50—60-е гг. об отмене вынесенных в 30 — начале 40-х гг. приговоров “за отсутствием состава преступления” и посмертной реабилитации необоснованно осужденных.

В качестве типовой приводится дата вынесения расстрельного приговора военной колле-

гией Верховного суда СССР. Если ее приговор ограничивался тюремным сроком, или был вынесен иной инстанцией, это специально оговаривается. Некоторые сведения уточнялись по энциклопедическим изданиям и другим публикациям. Но здесь приходилось быть осторожным. Главная беда в том, что во многие энциклопедии включены ложные даты гибели погубленных военнослужащих, на протяжении нескольких десятков лет сознательно и умышленно представляемые военной коллегией в ЗАГСы. Например, комкор Е.И.Ковтюх был расстрелян 29 июня 1937 г., а в ЗАГС (а оттуда — родственникам) сообщили, что он скончался 12 апреля 1943 г. “от припадка сердечной недостаточности” и т.п. В “Мартирологе” дата приведения расстрельного приговора в исполнение указана по специальным справкам Центрального архива КГБ при Совете Министров СССР (там, где они в изученных надзорных производствах имеются). При отсутствии этой даты (прочерк) за таковую можно принимать даты вынесения приговора к высшей мере наказания (ВМН), поскольку по существовавшему тогда, прямо скажем, зверскому порядку, установленному ЦИК СССР постановлением от 1 декабря 1934 г. приговор к ВМН за некоторые “контрреволюционные преступления” должен был приводиться в исполнение в течение 24-х часов с момента его вынесения (никакие кассационные жалобы и даже просьбы о помиловании по этим делам не принимались и не рассматривались — били сразу и наповал).

В этот скорбный список включены и выявленные лица начсостава РККА, которые были арестованы по политическим мотивам, но либо сумели дожить до своего освобождения, либо их судьба точно не установлена.

Всякие списки хороши для историка, когда они полные. “Мартиролог” отражает современный уровень наших познаний проблемы и не является исчерпывающе полным. Все зависит от того, о какой категории репрессированных военных идет речь. Если будем говорить о маршалах, флагманах флота, командармах 1 и 2 ранга, армейских комиссарах 1 и 2 ранга — то здесь, насколько я знаю, учтены все до единого. При рассмотрении корпусного звена возможны единичные дополнения. Несколько большие дополнения могут быть сделаны (по мере выявления) в дивизионном и особенно бригадном звене. Еще большие — в полковом звене. А что касается других категорий старшего и особенно среднего начсостава, расстрелянных в 1937—1938 гг., то здесь еще предстоит большая дополнительная работа. В данный список мною включены лишь те лица, коих удалось мне выявить к концу 1996 г. Особые трудности предстоят при выявлении казенных “за политику” младших командиров, красноармейцев и краснофлотцев. Очевидно, это можно сделать только коллективными усилиями историков. А сделать это абсолютно необходимо, ибо как справедливо сказал поэт:

Это нужно не мертвым,

Это нужно живым.

Считаю своим приятным долгом высказать искреннюю благодарность всем коллегам, которые бескорыстными ценными советами помогли уточнить те или иные сведения данного списка и, прежде всего А.И.Русенчику (Белоруссия), М.И.Гусеву (Нижний Новгород) и Н.С.Черушеву (Москва).

Отдельные фрагменты “Мартиролога” публиковались в “Военно-историческом журнале” в 1993 г., а также в журналах “Кентавр” и “Отечественная история”. В данном виде публикуется впервые.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Членство в ВКП(б)	Занимаемая должность в момент ареста	Дата ареста	Приговор к ВМН		Дата помертной реабилитации
						Вынесение	Исполнение	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Маршалы Советского Союза								
1	Блюхер Василий Константинович	1890	1916	Командующий Дальневосточным фронтом (до августа 1938 г.)	22.10.38		Умер в тюрьме 09.11.38	12.03.56
2	Егоров Александр Ильич	1883	1918	Командующий войсками ЗакаВО (быв. первый заместитель наркома обороны СССР). Уволен из РККА 25.02.38	апрель 1938	22.02.39	23.02.39	14.03.56
3	Тухачевский Михаил Николаевич	1893	1918	Командующий войсками ПриВО (быв. первый заместитель наркома обороны СССР)	22.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57
2. Командармы 1 ранга								
1	Белов Иван Панфилович	1893	1919	Командующий войсками БВО	07.01.38	29.07.38	29.07.38	26.11.55
2	Каменев Сергей Сергеевич	1881	1930	Быв. Главнокомандующий Вооруженными силами Республики	Не арестовывался	Скончался своей смертью 25.08.36	Объявлен "врагом народа" помертно	---

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Уборевич Иероним Петрович	1896	III/1917	Командующий войсками ВВО	29.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57
4	Федько Иван Федорович	1897	1917	Первый заместитель наркома обороны СССР	07.07.38	26.02.39	26.02.39	26.05.56
5	Фриновский Михаил Петрович	1898	1918	Нарком Военно-Морского Флота СССР (быв. первый заместитель наркома внутренних дел СССР)	06.04.39	04.02.40	— [*]	
6	Якыр Иона Эммануилович	1896	IV/1917	Командующий войсками ЛВО (быв. командующий войсками КВО)	28.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57
3. Флагманы флота 1 ранга								
1	Викторов Михаил Владимирович	1894	1932	Быв. начальник Морских Сил РККА	22.04.38	01.08.38	—	14.05.56
2	Орлов Владимир Митрофанович	1895	1918	Заместитель наркома обороны СССР — начальник Морских Сил РККА	10.07.37	28.07.37	28.07.38	23.06.56

[*] Прочерк означает, что соответствующие данные пока не найдены.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4. Армейские комиссары 1 ранга								
1	Гамарник Ян Борисович (Яков Пудикович)	1894	1916	Первый заместитель наркома обороны СССР — начальник Политуправления РККА (отстранен и уволен из РККА 30 мая 1937 г.)	Не арестовывал- ся	Покончил жизнь самоубийством 31.05.37	Объявлен “врагом на рода” посмертно	06.08.55
2	Смирнов Петр Александрович	1897	III/1917	Нарком Военно- Морского Флота (быв. начальник Политуправления РККА)	30.07.38	22.02.39	23.02.39	16.05.56
5. Командармы 2 ранга								
1	Алкнис (Астров) Яков Иванович	1897	1916	Заместитель наркома обороны СССР — начальник ВВС РККА	23.11.37	28.07.38	29.07.38	01.02.56
2	Вацетис Иосаим Иосаимович	1873	б/п	Профессор Военной академии им. М.В.Фрунзе (быв. первый Главнокомандую- щий Вооруженными Силами Республики 1918—1919 гг.)	июль-август 1919, 29.11.37	28.07.38	28.07.38	28.03.57

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Великанов Михаил Дмитриевич	1893	1920	Командующий войсками ЗабВО (освобожден 28.11.1937 г.)	20.12.37	29.07.38	29.07.38	01.09.56
4	Дубовой Иван Наумович	1896	1917	Командующий войсками ХВО	21.08.37	28.07.38	29.07.38	14.07.56
5	Дыбенко Павел Ефимович	1889	1912	Управляющий трестом "Камлесостлав" (быв. командующий войсками ЛВО)	26.02.38	29.07.38	29.07.38	16.05.56
6	Каширин Николай Дмитриевич	1888	1918	Начальник Управления боевой подготовки РККА	август 1937 г.	14.06.38	14.06.38	01.09.56
7	Корк Август Иванович	1888	1927	Начальник Военной академии им. М.В.Фрунзе	12.05.37	11.06.37	12.06.37	31.01.57
8	Левандовский Михаил Карлович	1890	1920	Командующий Приморской группой войск (ШТВ) ОКДВА	23.02.38	29.07.38	29.07.38	28.04.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
9	Седакин Александр Игнатьевич	1893	V/1917	Командующий ПВО Баканского района (быв. начальник Управления ПВО РККА)	02.12.37	29.07.38	29.07.38	04.08.56
10	Халепский Иннокентий Андреевич	1893	1918	Нарком связи СССР (быв. начальник Бронетанкового управления РККА)	13.11.37	29.07.38	—	03.09.56
6. Флагманы флота 2 ранга								
1	Киреев Григорий Петрович	1890	1918	Командующий Тихоокеанским флотом (ТОФ)	10.01.38	29.07.38	29.07.38	13.06.56
2	Кожанов Иван Кузьмич	1897	1917	Командующий Черноморским флотом (ЧФ)	05.10.37	22.08.38	22.08.38	07.07.56
3	Смирнов-Сыстловский Петр Иванович	1897	1914	Заместитель наркома Военно-Морско- го Флота СССР	26.03.39	16.03.40	17.03.40	23.06.56
7. Армейские комиссары 2 ранга								
1	Амелин Михаил Петрович	1896	1917	Начальник политуправле- ния ВО	19.06.37	08.09.37	—	18.04.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2	Ароншам Лазарь Наумович	1896	1915	Начальник популуправления ОКУДА	31.05.37	25.03.38	—	02.06.56
3	Берзин Ян Карлович (Кюнас Петерис Янович)	1889	1905	Начальник Разведуправления РККА	27.11.37	29.07.38	29.07.38	28.07.56
4	Бултин Антон Степанович	1894	1914	Начальник Управления по командному составу РККА	05.11.37	28.07.38	—	08.10.55
5	Векляев Георгий Иванович	1898	1918	Член Военного совета СКВО (быв. начальник популуправления МВО)	07.05.37	08.01.38	08.01.38	07.07.58
6	Гришин Александр Сергеевич	1890	III/1917	Начальник популуправления Краснознаменного Балтийского флота (БФ)	Не арестовывался	Покончил жизнь самоубийством 15.07.37	Объявлен "врагом народа" посмертно	
7	Гутин Григорий Иванович	1896	1915	Член Военного совета Черноморского флота	30.08.37	26.11.37	—	10.11.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8	Иппо Борис Михайлович	1898	1914	Член Военного совета САВО (быв. начальник Военно-политической академии им. Н.Г.Толмачева) (ВПАТ)	31.07.37	26.11.37	26.11.37	22.09.56
9	Кожеников Сергей Николаевич	1896	1917	Начальник политуправления ХВО	09.09.37	28.07.38	09.01.38	14.07.56
10	Ланда Михаил Маркович	1890	1918	Ответственный редактор газеты "Красная звезда" (освобожден 27.10.1937 г.)	05.11.37	28.07.38	28.07.38	07.07.56
11	Мезис Август Иванович	1894	1912	Член военного совета БВО	26.11.37	21.04.38	21.04.38	28.07.56
12	Окунев Григорий Сергеевич	1900	1917	В распоряжении Политуправления РККА (быв. член военного совета Тихоокеанского флота, освобожден 11.11.37)	01.12.37	28.07.38	28.07.38	19.05.56
13	Осепян Гайк Александрович	1891	1913	Заместитель начальника Политуправления РККА	31.05.37	10.09.37	—	14.05.55 и 07.07.56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	Славин (Бас) Иосиф Еремеевич	1893	1937	Начальник Управления ВВУЗ РККА	05.10.37	15.03.38	15.03.38	07.01.56
15	Шифрес Александр Львович	1898	1917	В распоряжении Полуправления РККА (быв. начальник Военно-хозяйственной академии РККА, освобожден 10.11. 1937)	13.11.37	25.09.38	25.09.38	18.05.56
8. Армвсеноюрислы								
1	Розовский Наум Савельевич	1898	1917	Главный военный прокурор РККА	1939 г.	16.06.41 "10+5"	Умер в ИТЛ в 1942 г.	Приговор частично изменен 06.12.56
9. Генерал-полковники								
1	Локтионов Александр Дмитриевич	1893	1921	В распоряжении НКО (быв. командующий войсками ПрибОВО)	19.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	—
2	Штерн Григорий Михайлович (Герой Советского Союза)	1900	1919	Начальник Управления ПВО НКО	07.06.41	Расстрелян без суда	28.10.41	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10. Комкоры								
1	Алафузо Михаил Иванович	1891	б/п	Начальник кафедры Военной академии Генштаба (ВАГШ) РККА	15.04.37	13.0.37	—	12.11.60
2	Аппога Эрнест Фрицевич	1898	Ш/1917	Начальник Ш отдела Генштаба и начальник Военных сообщений РККА	23.05.37	28.11.37	—	18.04.56
3	Базилевич Георгий Дмитриевич	1889	1917	Секретарь Комитета обороны при СНК ССР	23.11.38	02.03.39	—	27.07.55
4	Баторский Михаил Александрович	1890	б/п	Начальник кафедры ВАГШ РККА	17.07.37	07.02.38	08.02.38	24.08.57

С.И.Романовский

Нетерпение мысли

“Я не берусь решить, [...] чудо она или чудовище, я только знаю, что это, в самом деле, нечто единственное в современной европейской культуре”. “Она” — это русская интеллигенция. А написал эти слова Д.С.Мережковский в 1906 г.

Об интеллигенции размышляли многие, особенно в конце XIX века и в продолжение всего века XX: писатели и поэты, ученые и политики. Пытались давать четкие (как казалось авторам) определения этого понятия, анализировали характерные черты, коими наделена интеллигенция, выясняли ее роль в многочисленных трагических разворотах российской истории. Однако ни одно из определений так и не прижилось, и в конце концов было признано, что русская интеллигенция — понятие ассоциативно-эмоциональное, допускающее, к сожалению, произвольное его толкование.

В русском лексиконе слово “интеллигенция” широкое распространение получило лишь во второй половине XIX века с легкой руки “торопливого”, как его назвал В.О.Ключевский, писателя П.Д.Боборыкина. Прижилось это слово сразу и навсегда только потому, что Боборыкин удачно обозначил им специфическую *социальную группу* русских людей, наделенную — помимо интеллекта — еще рядом качеств, что обеспечивает им особое предназначение в жизни общества. Мы еще поговорим об этом предназначении. Пока лишь заметим, что на Западе русским интеллигентом чаще всего называют интеллектуала, находящегося в оппозиции к власти. Этим подчеркивается не столько культурологическая, сколько общественно-социальная значимость интеллигенции.

А.И.Солженицын в смрадных 70-х годах пришел к выводу, что коммунистическое общество, вытравившее из России все духовное, полностью вытравило и интеллигенцию как дух нации. Осталась, мол, не интеллигенция, а *образованщина*. Думаю, что это не вполне соответствует действительности, поскольку дух нации можно истребить только вместе с самой нацией. Пока она жива, жив и ее дух, жива и интеллигенция. К тому же в данном случае коммунистическая тирания почти полностью заглушила живой голос интеллигенции, но ее дух противостояния, напротив, только окреп. Ибо сам факт существования такого феномена, как русская интеллигенция, свидетельствует о своеобразной многовековой *болезни* российского общества. Как только оно станет выздоравливать, влияние на него русской интеллигенции начнет падать.

Интеллигенция родилась задолго до реформ Петра, в те далекие времена, когда в людях стало просыпаться общественное сознание и они начали сверять христианские идеалы с родимой “туземной действительностью” (В.О.Ключевский). Время не сохранило имени первого русского интеллигента. Да это и не суть важно. Те единичные

“смутьяны мысли”, которые осмеливались “подавать свой голос власти”, были, конечно, и в XV, и в XVI, и в XVII веках. Но погоды они не делали и заметного следа в истории не оставили. Но даже петровские реформы, вырвавшие Россию из привычного болота и резко усилившие культурное расслоение нации, к рождению интеллигенции не привели, ибо в условиях жесткой диктатуры Петра I люди предпочитали работать, не разглагольствуя об общественных благах.

Русская интеллигенция начала серьезно влиять на жизнь общества только во время “исторической хляби” (С.М.Соловьев), когда страна свернула с наезженной веками колеи на тропу “великих реформ” и общество закипело в поисках истинно русского пути.

Однако помимо факторов социально-политических, прекрасной питательной средой для вызревания интеллигенции явились государственные механизмы сословного расслоения русского общества. Один из них — знаменитая петровская “Табель о рангах”. Внутри сословия каждый имел свой чин: писарь — почетного гражданина, купец — гильдию, чиновник — ранг. Если случалось так, что кто-либо попадал между прутьями этой железной решетки, то он неизбежно становился разночинцем. Число таких людей с развитием культуры, науки, образования, просто с увеличением возможного разнообразия жизни общества неуклонно росло. Люди, имевшие университетский диплом, но не попавшие в число “нужных” государству людей, оказывались для него “лишними” (не имевшими чина). Они-то и составили основной костяк русской разночинной интеллигенции. Классические типы “лишних людей” Гончарова, Тургенева и других великих писателей XIX столетия — прекрасные портреты с натуры русских интеллигентов того времени. Они, как справедливо заметил профессор В.Г.Сироткин, — порождение “табеляной российской действительности”.

Понятие “лишний человек” — не литературная выдумка классиков, в нем сосредоточено важнейшее и самое, пожалуй, пагубное свойство интеллигенции: ее органическая неспособность заниматься живым, каждодневным, утомительным делом. Когда-то интеллигенцию действительно отлучили от практически нужной стране работы, зато не очень активно затыкали ей рот, когда она о ней рассуждала. У нее и выработалась обманчивая иллюзия, что любое громкое слово и есть то самое настоящее дело. Как только интеллигенту надлежит решиться на что-либо конкретное, он охотно будет прислушиваться к своему внутреннему голосу и не сможет вполне отрешиться от обуявшего его нравственного недоумения. Он сам создает свой комплекс, преодолеть который не в состоянии.

Я думаю, понятно, что речь идет не о житейских и даже не о профессиональных занятиях интеллигента. В них он всегда на высоте и делает свое дело так, что здесь ему нет равных. Но суть в том, что такого рода деятельность для истинного интеллигента — не главная забота его жизни. Его предназначение — миссия спасителя: народа, России, человечества. Он выстраивает в своем сознании множество химерических проектов, искренне считая их благодетельными; однако практические его действия всегда оглядочны. Именно по этой причине, как считал русский юрист и философ П.И.Новгородцев, пружиной кризиса интеллигентского сознания является его собственный “рационалистический утопизм”. Для интеллигента он неразрешим, ибо кризис этот — порождение его сущностного начала. Неделовитость русской интеллигенции оказывается, таким образом, оборотной стороной ее идейности.

Сознание интеллигента неизбежно раздваивается: его миссия — осчастливить народ, он один знает, как это сделать, но сам ничего сделать не может и потому, отвечая в своем сознании как бы за все, он, на самом деле, ни за что не отвечает. З.Н.Гиппиус подобрала для этого феномена русской интеллигенции очень точные слова: “трагедия безответственности”. Так интеллектуальная свобода, свобода как ка-

тегория нравственная, вступая в зацепление с другими нравственными началами, оборачивается для русского интеллигента гордiveм узлом психофизических комплексов. Интеллигент всегда — друг разума и раб собственного сознания.

А.П.Чехов, писатель поразительно тонкий и чуткий, жалевший русскую интеллигенцию, как жалеют тяжело больного человека, но вовсе не любивший ее, однажды написал резкие, как будто совсем не свойственные ему слова: “Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же среды”.

В 1897 г. В.О.Ключевский поделил русскую интеллигенцию на три типа. Их, сохраняя авторскую интонацию, мы поименуем более конкретно. К первому относится интеллигенция с примитивным интеллектом, это “люди с лоскутным мирозерцанием, шитым из обрезков газетных и журнальных”. Ко второму типу принадлежат люди с догматическим интеллектом, “сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению”. Наконец, к третьему типу Ключевский причислил интеллигентов без всякого интеллекта вообще. Такие люди, как “щепки, плывущие по течению”, они “без верований и без мыслей, с одними словами и аппетитами”.

Не очень симпатичная характеристика. Но великий историк, наблюдая за деструктивной словесной суетней русской интеллигенции и точно зная, к чему это может привести, имел на нее право.

Можно, изобразив “интеллигентность”, не обращать внимания на сердитую оценку Ключевского и не отнимать у интеллигенции единственное ее богатство — интеллект, а поступить иначе: просто перечислить то существенное, без чего интеллигент уже и не интеллигент вовсе. Тем более над этим размышляли многие, и было бы несправедливо пренебречь плодами их анализа. Иными словами, если Чехов нарисовал эмоциональный портрет интеллигенции, то мы попытаемся подойти к этой задаче аналитически, т.е. разложить цельный образ на составные элементы, но так, чтобы из них этот цельный образ легко складывался.

Итак, основная черта русского интеллигента — его внутренняя оппозиционность Системе, он ее не приемлет, а потому не помогает власти, а противостоит ей. Но противостояние интеллигенции не конструктивное, а деструктивное, ибо русская интеллигенция всегда отличалась беспочвенностью, у нее никогда не было той точки опоры, к которой она могла бы приложить свой рычаг, чтобы перевернуть мир. Ф.А.Степун остроумно заметил, что именно беспочвенность интеллигенции и есть ее основная почва. “Будь это иначе, пригоршня беспочвенных идей, брошенных на вспаханную войной (I Мировой. — С.Р.) землю кучкою “беспочвенных интеллигентов”, не могла бы дать тех всходов, которые она дала, — всходов, от которых содрогается мир”.

Самой же неприглядной чертой можно считать целостное (по сути тоталитарное) мирозерцание интеллигента, из него проистекает люта я нетерпимость к инакомыслию и крайне опасный максимализм во всем. Эти качества как бы обобщают столь же типические штрихи: любовь ко всему народу и полное равнодушие к человеку, стремление к свободе для всех и пренебрежительное отношение к свободе каждого. Русскому интеллигенту свойственны к тому же чисто нервические протуберанцы интеллекта, причудливо переплетающиеся с удивительной “ленью души” (С.Н.Булгаков), от коей проистекает историческое беспамятство, а часто и забвение собственной гордости, которое не может оправдать даже Христианское всепрощение.

Этот портрет дополняет еще один мазок, наложенный М.О.Гершензоном, — интеллигенция, по его мнению, в массе своей “безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью”.

Что означает сей странный портрет? Вероятно, он требует некоторого пояснения.

Н.А.Бердяев замечает, что “русская интеллигенция всегда стремилась выработать себе тоталитарное, целостное мирозерцание, в которой правда—истина будет соединена с правдой—справедливостью”. Причина та же: отщепенство интеллигенции, сознание того, что она не нужна власти, и полная внутренняя убежденность, что Россия без нее пропадет. Такая взаимонеприемлемая раздвоенность сознания диктовала свое, чисто интеллигентское видение окружающей действительности, в нем все было взаимосвязано и не оставалось места для сомнений и додумок. Такая целостность в глазах интеллигенции была гарантией истинности. Именно отсюда и проистекают максимализм интеллигенции, ее абсолютная нетерпимость к инакомыслию. Надо ли говорить, что именно тоталитарное мирозерцание у русской интеллигенции сводилось к погоне за миражами и абсолютами.

Все это, разумеется, не претендует на фотографическую точность. Но все же получившийся портрет интеллигенции вполне узнаваем. А это — главное.

Возьмем теперь увеличительное стекло и взглянем на нарисованный образ более внимательно. Прежде всего бросается в глаза основное: непереносимое отчуждение интеллигенции от господствовавших в России политических систем: тоталитарно-монархической, тоталитарно-коммунистической и, конечно, криминально-демократической. Если интеллектуал заодно с Системой, можно не ошибиться — это не интеллигент. Типичными русскими интеллигентами были Чаадаев, Герцен, Бакунин, Писарев, Михайловский и еще сотни других инакомыслящих. Тогда как Бенкендорф, Победоносцев, Столыпин к интеллигентскому братству не причастны, хотя их интеллектуальный уровень ничуть не ниже, а коэффициент полезного действия на благо России даже несоизмеримо больше.

Причем оппозиционность интеллигенции чисто внутренняя, не заметная начальствующему оку. Крайне редко интеллигент решается на открытую конфронтацию с властями. Чаще он протестует молча, исподтишка. А возвышает свой голос только тогда, когда это позволено. К.И.Чуковский подметил в своем дневнике за 1925 год мелкий, но крайне характерный для интеллигенции штрих: “Был вчера на панихиде (Н.А.Котляровского, академика, литературоведа. — С.Р.) — душно и странно. Прежде на панихидах интеллигенция не крестилась — из протеста. Теперь она крестится — тоже из протеста. Когда же вы жить-то будете для себя, а не для протестов?” — с иронией спрашивает Чуковский.

Российским властям интеллигенция была не нужна, они относились к ней с плохо скрываемым пренебрежением; но и массам, за интересы которых витийствовали русские интеллигенты, они были чужды. Русский мужик, познакомившись поближе с “ходаками в народ”, досадливо сплевывал под ноги и спокойно возвращался к своим нехитрым земным делам. Народники же, пытавшиеся навязать народу свою любовь, подавленные его неблагодарностью, ретировались по своим усадьбам да городским комфортным квартирам и начинали вынашивать более изощренные формы “любви”.

Весь трагизм народолюбия русской интеллигенции в его несомненной искренности. Корни этого нравственного порыва уходят в мрачные времена раскола и неистовых петровых реформ. Их итогом, в частности, явилась пропасть, разверзнутая между господами жизни и невидимым их взору людским муравейником.

В XIX веке, отторгнутая властью интеллигенция искренне верила, что тайна подлинной жизни и религиозной правды хранится в народе. Ничего, мол, у власти не получается, поскольку она сильно обидела народ и тот спрятал в себе правду русской жизни. За этой-то правдой интеллигенция и пошла “в народ”. Народничество, по справедливому заключению Бердяева, стало формой своеобразного покаяния русской ин-

теллигенции. Она таким способом хотела вернуть свой долг народу. Вот только народ никак не хотел этого понять, он не желал ни от кого принимать долги и в первую очередь от интеллигенции. Ее он вообще всерьез не воспринимал.

Ничего удивительного в этом нет. Русская интеллигенция никогда не знала, да и знать не могла своего народа, ибо жила не его, а своей жизнью. Более того, она, навязывая народу свою заботу, даже не пыталась защищать его каждодневные насущные интересы не только потому, что не имела о них представления, но главным образом в силу своих собственных взглядов на народные нужды. Их интеллигенция, как заметил Ф.Степун, “всегда видела издали, на горизонте западноевропейских идеологий и в глубине своей беспокойной совести”.

Нравственной базой популярного у интеллигенции второй половины XIX века “социалистического миража” оказался невероятный сплав веры и атеизма как абсолютной веры. Русская душа, склонная к абсолюту во всем, не могла смириться с тем, что Господь допускает массу несправедливостей в реальной земной жизни. Раз так, то Божья жизнь не во всем правильна, и значит, Его влияние не абсолютно. Абсолютным тогда можно провозгласить атеизм, допускающий самим влиять на жизнь так, чтобы сделать ее более справедливой, более Божеской. Допустив такое, русская радикальная интеллигенция душой приняла возможность, а главное — *допустимость* насильственного передела жизни. Это было фундаментальным нравственным преступлением перед верой. Совершив его, русские радикалы стали спорить уже по частным вопросам, касающимся средств такого передела.

Одним из первых истинный ужас за будущность России без Бога испытал Достоевский. Его “Бесы” — это вопль русского писателя, его заклинание: люди, не давайте волю гордыне. Гордыня — это без Бога. А без Бога — все дозволено. В этом — беспросветность, в этом — конец. Достоевский подобную будущность России не столько даже понял умом, сколько прочувствовал душой, сколько провидел сквозь время.

Приведу классический образчик чисто интеллигентского видения “светлого будущего”. Великий русский кристаллограф Е.С.Федоров, захваченный революционным бунтарством 1905 г. и даже вознесенный его волной на выборный пост директора Петербургского Горного института, публикует в 1906 г. в двух номерах практически недоступного для широкой публики ведомственного журнала (и на том — спасибо) философско-методологическое эссе “Перфекционизм”. В нем он обосновал так называемый “закон перфекционизма”, т.е. более общее выражение закона эволюции Ч.Дарвина. Он, как ученый-естественник, понимал, что “в лоб” эволюционную теорию к развитию общества не пристегнешь. А очень хотелось, ибо она содержала все желанные для русского интеллигента факторы эволюции общественного развития: борьбу и выживаемость более совершенных форм.

И Федоров сочиняет свой вариант “неравномерной эволюции”. Правила же этой неравномерности и выводятся через законы перфекционизма. Для их обоснования он сделал все необходимые уступки строгой методологии: ввел представление о “консервативных душах”, наилучшим образом приспособленных именно к данному моменту. Ясно, что консерватизм, по Федорову, естественным образом переходит в реакцию. Появляются “реакционные души”. Эти ради собственного спасения пускаются уже во все тяжкие, у них нет не только стремления к истине, но даже представления о ней; вместе же с истиной, само собой, гибнет и справедливость.

Этим силам зла Федоров в лучших традициях русского фольклора противопоставляет добрые силы. Это, конечно, “прогрессивные души”. Дальше лучше предоставить слово самому Федорову. Он в восторге от своих гонимых “прогрессивных душ”: “В своем стремлении к высшей стройности, к «идеалу», они нарушают стройность, уже

укрепившуюся, и чем глубже укоренилась такая стройность, тем уничтожение ее требует больше жертв, требует крови. Против этих душ законы, обычаи, общественная организация; но за ними истина, справедливость, нравственная высота, высшая красота". "Бесы" Достоевского у Федорова играют роль "прогрессивных душ". Как говорится, приехали...

Интеллигент живет в мире слов. Слова для него все: через них он видит мир, с их помощью выстраивает теории улучшения мира и считает их единственным благом. Интеллигент в мгновение ока становится рабом своей доктрины и непримиримым хулителем спасительных идей других. Своя теория для него — идол. Русский интеллигент в силу все того же тоталитарного мирозерцания не мыслит своей жизни без идолов. Он их делает, как писал Е.Н.Трубецкой, «изо всего на свете: из народа, из партии, из формулы, из учения, в котором он видит "последнее слово науки"».

И самое страшное — в том, что из предмета поклонения идол неизбежно становится единственным критерием нравственных обязанностей. Идолопоклонники по природе своей мечтатели. И коли идол для них тождествен идеалу, то нетрудно себе представить, сколько зла в период "исторической хляби" принесли русскому обществу эти интеллигентские мечтания. М.И.Цветаева не зря заметила, что откровенные властолюбцы менее страшны государству, нежели мечтатели. Да, "революции делаются Бальмонтами, а держатся Брюсовыми".

На идеологическом горизонте приблизительно с 70-х годов прошлого столетия замаячила крайне соблазнительная для поверхностного интеллекта "религия социализма". С ее высот опускаться на грешную землю интеллигенция не пожелала. "Кто раз был соблазнен этой оптимистической верой, — писал русский философ С.Л.Франк, — того уже не может удовлетворить непосредственное альтруистическое служение, изо дня в день, ближайшим нуждам народа; он упоен идеалом радикального и универсального осуществления народного счастья, — идеалом, по сравнению с которым простая личная помощь человека человеку, простое облегчение горестей и волнений текущего дня не только бледнеет и теряет моральную привлекательность, но кажется даже вредной растратой сил и времени на мелкие и бесполезные заботы, изменой, ради немногих ближайших людей, всему человечеству и его вечному спасению".

Иллюзиям единения интеллигенции и народа положили конец реальные события. Зашедшаяся в революционном экстазе народная стихия попросту отбросила интеллигенцию с дороги, как отбрасывают пинком ненужную ветошь. Революция, которую интеллигенция готовила почти целое столетие, холодной осенью 1917 г. подхватила пожелтевшую от страха русскую интеллигенцию, как опавшую с деревьев листву, и безжалостно разметала ее по землям своим и заморским.

Д.С.Мережковский, сочиняя в 1906 г. своего "Грядущего хама", уже окинул мысленным взором новую, еще неведомую ему Россию. Он желал ее, как желают любимую женщину, и одновременно терпеть не мог ту Россию, в которой реально жил. Он насквозь пропитался идеями Герцена, Бакунина, Писарева, с удовольствием внедрял в головы читающей публики их разрушительный пафос. Он пытался расшевелить своим воспаленным нетерпеливостью журналистским пером народ, не желая понять глубинных, основополагающих начал русского характера: терпения, смирения и покорности; ему неведомо было, что это не рабы, а божеские черты, а потому грех обращать в недостаток то, что является достоинством. Неудивительно, что когда такие знатоки народного счастья, как Мережковский, своими прямолинейными идеалами все же расшевелили распластанного на двух континентах спящего зверя, то "зоологическое начало" темного русского человека мгновенно прорвало тончайшую культурную пленку, покрывавшую Россию, и он, толком не понимая, что происходит, взъярился и в пер-

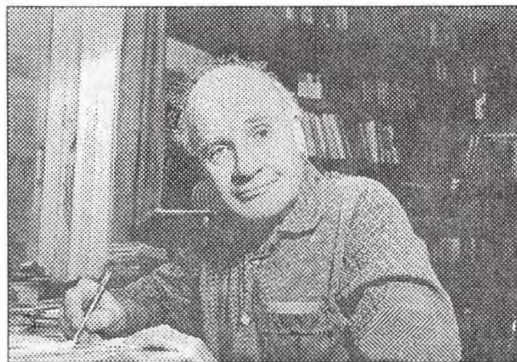
вую очередь прихлопнул тех, кто оторвал его от многовековой сонной одури, — интеллигентов. Если бы Мережковскому в 1906 г. приснился год 1917-й, то он враз бы охолодел и, отерев со лба липкий пот, трясущимися губами промямлил: чур меня...

Уже в 1919 г. академик В.И.Вернадский, за два года до того бесславно завершив свою деятельность демократа-преобразователя, стоя на капитанском мостике кадетской партии (партии русских интеллигентов), полностью осознал всю нереалистичность для России того времени демократического максимализма. Вернадский понял также, сколь губительным для будущности страны было разрушение российской государственности, которая в муках, крови и поте складывалась веками. Теперь она утрачена. Но вместе с Россией безвозвратно ушла с исторической сцены и старая русская интеллигенция, — рухнувшие обломки российского государства раздавили ее. “Это хорошо, — пишет Вернадский, — ибо вина за многое, что совершилось и совершается, лежит на ней ... Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны — интеллигенция не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности”.

Русская интеллигенция, таким образом, пала жертвой собственной эмпирической близорукости. “Духовное отчуждение” между интеллигенцией и народом, о котором еще в 1908 г. говорил русский философ и по совместительству депутат II Государственной Думы С.Н.Булгаков, в 20-х годах завершилось *мутацией* русской интеллигенции в советскую интеллигенцию. Народолюбие по-интеллигентски кончилось и для нее, и для России трагически.

Густав Александрович Богуславский

Густав Александрович Богуславский родился в 1924 г. в Москве. В 1952 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета. Работал в Государственном Историческом музее, Оружейной Палате, преподавал в школах Москвы. В 1976 г. переехал в Ленинград, работал в Ленинградском кораблестроительном институте. С 1984 г. работает в школах города. В 1980 г. он стал организатором и первым председателем Клуба знатоков Петербурга–Петрограда–Ленинграда.

Автор 126 опубликованных научных работ по истории России, Петербурга–Петрограда–Ленинграда и уникального курса петербурговедения. Директор Университета Петербурга.

“НЧ”: Густав Александрович, не вызвала ли у Вас удивления просьба “Нового Часового” согласиться на это интервью?

Г.А.Богуславский: Вызвала. Мне очень нравится Ваш журнал. Я полагаю, что это одно из лучших изданий нашего времени. Общий настрой журнала и высочайший уровень профессионализма меня, конечно, привлекают, и для меня это предложение — большая честь. Но я удивился еще и потому, что журнал все-таки военно-исторический, а я не имею основания считать себя военным историком.

“НЧ”: Вы приобрели широкую известность как краевед и петербурговед. Как случилось, что Вы, будучи коренным москвичом, 20 последних лет своей жизни посвятили Петербургу?

Г.А.Богуславский: Получилось так не случайно. Когда я стал серьезно интересоваться историей, серьезно, углубленно ей заниматься, будучи в 6–7 классе, это 1938 г., я четко определил свой интерес к Петровской эпохе. Именно эта тема меня очень волновала, привлекала и я ей очень необычно занимался. Начало моей карьеры сложилось своеобразно и очень интересно. Я об этом почти никогда не рассказывал, но иногда бывает приятно вспомнить: 1938 год. Какой литературой в то время мог пользоваться обыкновенный московский школьник, если он интересовался Петровской эпо-

хой? Никакой. Фигура Петра отсутствовала в нашем историческом преподавании, никаких книг не было... Я оказался в очень трудном положении и решил, что другого способа, кроме того, как самому пойти в Государственную публичную библиотеку*, чтобы получить доступ к ее книжным сокровищам, у меня нет. Довольно быстро меня из нее выпроводили, так как у меня даже паспорта не было. Не отличаясь каким-то нахальством или настырностью, тем не менее, я считал, что имею право обратиться к самому директору библиотеки. Я спросил: “Где находится директор?”. Мне ответили, что надо спуститься во двор главного здания, войти в подъезд № 2 и подняться на второй этаж, где находились все административные помещения. И вот однажды летом 1938 г. я нашел этот подъезд, вошел в него и оказался в полной темноте. Кто-то спускался сверху вниз и я, чтобы не наткнуться на спускающегося, решил подождать на площадке первого этажа. И когда спускающийся поравнялся со мной, я спросил его, где находится кабинет директора. Он сказал: “На втором этаже. А зачем Вам кабинет директора?”. Я объяснил, что занимаюсь историей Петровской эпохи, мне хочется как можно больше об этом узнать, а книг нет. А записывать в библиотеку меня не хотят. И вдруг этот человек говорит: “Положение трудное. Дело в том, что директор библиотеки — я”. Это был Николай Никифорович Яковлев. “Понимаете, — сказал он, — я не могу нарушить правила и отдать распоряжение о том, чтобы Вас записали читателем библиотеки. Но в моем распоряжении находится научный зал библиотеки. И вот отдать распоряжение, чтобы Вас записали читателем научного зала Государственной публичной библиотеки я могу”.

Так в 15 лет я стал читателем научного зала Государственной публичной библиотеки. Это были потрясающие залы Дома Румянцева, большие столы, солидные лампы. Соответствующие посетители — профессора, доктора — и между ними какой-то мальчишка, в очках, с тонкой шеей читал какие-то книги. Мне довольно часто отказывали в моих запросах, главным образом в книгах по истории Северной войны. Мне говорили, что книга находится в чтении, и всегда указывали один и тот же читательский номер. Через какое-то время я выяснил, что обладателем этого читательского номера является один из читателей по фамилии Тельпуховский. Он тоже занимался Северной войной. Мы с ним не познакомились, хотя вот так неоднократно пересекались.

Для того чтобы иметь больше времени для занятий, я перешел из своей 268-й школы в ту, которая была построена и открыта прямо напротив моего дома. Я ничуть не проиграл, потому что оказался учеником почти всех тех же учителей, что учили меня в 268-й школе. В те годы существовал такой глупый порядок: учителя тогда имели право работать по совместительству только в разных районах Москвы. В школах одного района им совмещать не разрешалось. Моя 268-я школа находилась на 1-й Мещанской улице, ныне проспекте Мира, я родился и прожил весь московский период своей жизни на 3-й Мещанской, ныне улице Щепкина. Там же находилась моя новая 254-я школа. По 2-й Мещанской проходила граница районов — Сокольнического и Дзержинского. Поэтому все учителя, которые работали в 268-й школе, совмещали в школе № 254, находившейся на соседней улице, но в другом районе. Я учился в 254-й школе... У нас был очень хороший исторический кружок, к которому совершенно замечательно относился наш директор, человек необыкновенной доброты, исполненный уважения к детям, великодушный, Шелихман Шелихманович Ялимханов. И дети, и учителя отвечали ему любовью и искренним уважением. Он погиб в ополчении в первые дни войны.

* Имется в виду Российская Государственная библиотска (в то время — Государственная библиотска СССР им. В.И.Ленина)

И вот однажды, где-то в начале апреля 1940 г., я случайно в какой-то московской газете прочитал маленькое извещение о том, что 15 апреля 1940 г. в помещении исторического факультета МГУ на улице Герцена в доме № 5 в Актовом зале состоится защита кандидатской диссертации батальонным комиссаром Борисом Семеновичем Тельпуховским по истории Северной войны. И там было маленькое примечание: “С диссертацией можно ознакомиться в кабинете истории СССР исторического факультета”. Я пришел туда, мне дали толстый, переплетенный том диссертации, и я его внимательно прочитал. Вместе со всем нашим историческим кружком и даже вместе с директором мы явились на защиту. Защита проходила в обыкновенной обстановке. Полный актов зал исторического факультета, доклад диссертанта... Диссертант расположил всех словами: “Война продолжалась 20 лет, а вы мне даете 20 минут, чтобы я о ней рассказал”. Затем выступления официальных оппонентов: академика Владимира Ивановича Пичеты, профессора Новицкого и кого-то еще. Я послал записку о том, что прошу предоставить мне слово. Записка дошла до председателя комиссии, декана исторического факультета профессора Старосильцева. Видимо, он углядел, откуда пришла записка, потому что встал из-за стола, прошел через зал и подошел ко мне, спросил: “Это Вы писали? — Да, я. — А Вы кто? — Я школьник. — А в какой школе Вы учитесь? — В 254-й. — А в каком классе? — В восьмом”. Он отошел. Прошло какое-то время, выступил какой-то оппонент, и вдруг профессор Старосильцев объявляет, что слово для выступления предоставляется ученику 8-го класса 254-й школы г.Москвы Густаву Богуславскому. Я выступал минут 25. Были разные замечания к диссертации, приводилось большое количество фактов, которые в диссертации не получили освещения или оказались несколько неточно приведены... Выступил. Слушали меня вроде внимательно, и выступление оставило благоприятное впечатление. И после перерыва мы ушли.

21 апреля я утром пришел в школу, а меня ребята спрашивают: “Ты радио вчера вечером слушал?” Я отвечаю: “Нет, не слушал. У меня нет радио”. “Вчера о тебе рассказывали по радио”. Потом действительно выяснилось, что в “Последних известиях” состоялся большой разговор о защите в Университете и заканчивался он такой фразой: “Сегодня ректор Московского университета профессор Путягин подписал приказ о зачислении ученика 8-го класса 254-й школы Густава Богуславского студентом исторического факультета”. Тогда были возможны такие вещи. Через день появилась огромная статья в “Комсомольской правде”, которая называлась “Мой неофициальный оппонент”, автором которой являлся Борис Семенович Тельпуховский. Он беседовал с директором, с ребятами и написал статью, в которой был уловлен момент, не связанный совершенно со мной лично: статья заканчивалась словами: “Только в нашей стране возможно, чтобы 15-летний школьник во всей широте своей эрудиции выступал на заседании Ученого Совета и проявил себя таким образом...” Дело продолжалось.

1 мая 1940 г. “Правда” вышла с моим фотопортретом, а “Известия” вышли со статьей “Рождение ученого”. Так все это началось. А в августе 1940 г. в “Историческом журнале” была помещена моя первая большая серьезная работа. После этого начались мои страдания, связанные с тем, что надо было выходить на документы ленинградских архивов и материалы, книги Ленинградской публичной библиотеки. В Ленинграде у меня не было абсолютно никого. В Ленинград я впервые попал летом 1940 г., когда меня премировали путевкой на 10 дней за научную работу, и я сразу же был пленен этим городом, его мостами, белыми ночами, парками, дворцами, фонтанами и почувствовал, что это мой город. И далее случились интересные обстоятельства, заслуживающие внимания.

Осенью 1940 г. я получил возможность заниматься в своей школе экстерном, а в мае 1941 г. сдал экзамены за полный курс средней школы. И вот осенью 1940 г. в разных районах Москвы проходили встречи старшекласников с видными политическими деятелями страны. В нашем Дзержинском районе была такая встреча в клубе Института железнодорожного транспорта. Меня просили выступить. Я выступил, о чем-то говорил, боюсь, что это было не самое интересное выступление. Тем не менее, оно привлекло внимание Президиума на сцене, в том числе усидившего меня рядом с собой сразу же после выступления тогдашнего Народного Комиссара Просвещения Владимира Петровича Потемкина. Сидя в президиуме, он начал тихо расспрашивать меня о моей жизни: как я живу, с кем и т.д. В том числе он спросил: “А какие бы у тебя были желания?” Я ответил: “Самое мое большое желание иметь возможность ездить в Ленинград, но у меня там никого нет”. И все. Через полтора месяца на адрес школы № 254 пришла телеграмма, которую я сохранил. Ее текст гласил: “Немедленно выезжайте Ленинград получения ордера комнату. Зав. ГОРОНО Егоров”. Я приехал в Ленинград, пришел в ГОРОНО на Малую Садовую улицу, встретился с Егоровым, и он велел мне пройти по адресу: улица Дзержинского, дом 4. Там находилось Управление домами Ленсовета. В Управлении мне дали адрес, по которому я должен был получить ключи от совершенно великолепной комнаты в одном из домов Ленсовета. Оказалось, что Владимир Петрович Потемкин в один из своих приездов в Ленинград вспомнил о нашем разговоре и обратился со специальной просьбой по поводу комнаты к тогдашнему председателю Ленгорисполкома Петру Сергеевичу Попкову, и Попков дал распоряжение о предоставлении мне комнаты. С тех пор духовная, душевная связь с Ленинградом, в котором я был в командировках 4 раза во время войны, я приезжал в Ленинград позднее, никогда не прерывалась. И вот с годами полностью ошущая себя в некоем московском стиле, некоем московском укладе, я все чаще чувствовал себя ленинградцем и стремился сюда переехать. Недавно я отыскал в своем архиве документы тех лет — читательский билет научного зала Государственной публичной библиотеки 1940 г., пропуска в Ленинградский архив народного хозяйства, архив Института истории, Военно-морской архив, пропуска в Московский Архив древних актов, который тогда назывался Государственным архивом феодально-крепостнической эпохи, и Московский Военно-исторический архив. Вот это было самым поразительным, что к моей мальчишечьей работе взрослые, самые разные солидные люди относились с необыкновенным уважением и достоинством. Мне были предоставлены все возможности для работы.

И, наконец, в апреле 1941 г. произошло еще одно важное событие, о котором необходимо упомянуть. В этом месяце Ленинградский Дворец пионеров устроил совершенно удивительную конференцию. Она называлась “1-я научная конференция школьников Ленинграда”. Эта конференция работала в составе 11 секций. У меня сохранилась брошюра, выпущенная тиражом 500 экз., с полной программой этой конференции. Я не знаю, сохранилась ли она еще где-нибудь? И вот в этой брошюре указаны не только темы, названия секций, не только имена и фамилии докладчиков, их классы и школы, но и на каждой странице указан состав Научного совета данной секции. Все выдающиеся ученые Ленинграда. Все крупнейшие академики. Все замечательные представители ведущих отраслей науки. Все они были указаны в списках Научных советов. И это не были списки почетных членов жюри. Это были списки тех людей, которые непосредственно присутствовали, принимали участие в работе секций и которые с необычайным уважением относились к юным докладчикам, обращаясь к ним со словом: “коллега”. И это не было игрой. Это было свидетельством необычайного интереса больших, настоящих ученых, представителей очень высокой науки того поколения к

тем, кто должен был прийти им на смену. И это было не только наградой нашим первым маленьким научным успехам, но и верой в будущее своей науки. Конференция закончилась в воскресенье, 27 апреля 1941 г. Это был очень яркий, весенний, солнечный день. Закончилась она огромным, пятичасовым заседанием по двум секциям: истории и литературы. На этом заседании единственный доклад был мой, ученика 10-го класса 254-й школы города Москвы на тему: “Пушкин и проблема Петра”. Текст доклада занимал 130 страниц. Записки, которые в огромном количестве были поданы мне во время доклада, хранятся у меня и поныне, как один из уникальнейших раритетов.

Я вышел из Дворца пионеров на Невский.. Это был очень яркий, воскресный, солнечный день... И я не знаю, кто из участников той конференции дожил до сегодняшнего дня. Мы и не предполагали, что от этого воскресенья до 22 июня 1941 г. оставалось всего лишь 55 дней.

“НЧ”: Густав Александрович! Не могли бы Вы рассказать поподробнее о деятельности Университета Петербурга? Тем более, что “Новый Часовой” в каждом номере помещает материалы, связанные с историей Санкт-Петербурга.

Г.А.Богуславский: Мы очень часто забываем о том, что у петербурговедения, если под этим словом понимать строгую, самостоятельную, комплексную научную дисциплину, есть великолепная традиция. Традиция, восходящая к 20-м гг. нынешнего столетия, когда петербурговедение как отрасль исторической науки сложилось и сделало блистательные первые шаги. Это было связано с участием в изучении истории Петербурга—Петрограда, с участием в популяризации истории города тех замечательных историков, архитекторов, философов, музееведов, которые в этой работе принимали участие. И можно назвать имя человека, который был истинным главой данной отрасли — это знаменитый медиевист и выдающийся педагог-историк, работавший одновременно в вузах и средних учебных заведениях, профессор Иван Михайлович Гревс. Он был отцом петербурговедения. Он скончался в 1941 г. в очень преклонном возрасте, ему был 81 год. И рядом с Гревсом постоянно находился его ученик, любимый ученик, продолжатель Николай Павлович Анцыферов. Человек очень яркий, очень творческий, который гордился тем, что он — ученик Гревса, и постоянно подчеркивал свою вторую роль в петербурговедении по отношению к Ивану Михайловичу Гревсу. К сожалению, сейчас получилось как-то странно, что мы гораздо больше знаем об Анцыферове и гораздо больше о нем говорим, чем о Гревсе, который был истинным отцом петербурговедения.

Возникший весной 1921 г. семинар по Петрограду, а затем семинар по Павловску, который собрал огромное количество петроградской интеллигенции и был занят изучением прошлого города, вырос в серьезное научное общество “Старый Петербург”, целью которого стала популяризация истории города. Через несколько лет оно приобрело официальный статус и название: “Старый Петербург — Новый Ленинград”. Это общество действовало с 1921 г. до весны 1938 г., когда его ликвидировали, правда, без репрессий по отношению к руководству. Затем были некоторые попытки после войны развернуть какую-то работу по изучению Петербурга. Эти попытки возникали то при Дворце культуры им. Ленсовета, то при Музее Истории города, но вот как-то получилось, что семинары Гревса—Анцыферова возникли в очень трудное для страны время, в начале 1921 г. И в очень трудное для страны время, осенью 1991 г., возник и наш университет. Он является одним из дел, затеянных сложившимся еще весной 1991 г. Институтом Петербурга. Институт был задуман как общественное объединение, в стенах которого можно было собрать большое количество разрозненных людей, интересующихся историей города, тех, кто бы занимался ею и пропагандировал ее. Но это не получилось

по разным причинам. Мы по-прежнему разъединены и разобщены. И хотя людей, серьезно занимающихся историей Петербурга, не так много, “раздерганы” по разным организациям, которые действуют вразброд и большой симпатии к друг другу не испытывают, равно как и интереса. И вот Университет Петербурга был открыт 3 октября 1991 г. Его идея чрезвычайно проста: не только собрать людей, занимающихся историей Петербурга, но и создать программу, которая позволила бы подготовить за короткий срок новый, введенный тогда же, осенью 1991 г., курс истории и культуры Петербурга, появившийся в наших школах. Дисциплину ввели, но преподавателей не было, пособий не было, учебников не было, нужно было что-то такое подготовить. Поэтому дисциплина эта была введена сначала как факультативная — то есть для тех школ, где были люди, способные ее преподавать. Для того, чтобы увеличить число таких людей и подготовить их на хорошем уровне, был организован наш Университет. Он существует до настоящего времени и все больше и больше крепнет. Программа наша совершенно уникальная. Ни одно высшее учебное заведение ничего подобного не имеет, даже в малой степени. И мы считаем, что наше название — “университет” — не для самовозвеличивания, не для моды, а отвечает полностью содержанию деятельности. В Университете затрагиваются на высоком уровне все вопросы, связанные с Петербургом. “Все о Петербурге!” — вот наш девиз. Это генеалогия, выдающиеся люди Петербурга, экономика, политика, военная история. “Петербург — морская столица”, “Наука и Петербург” и так далее... Лекционные курсы, которые читают крупнейшие ученые города, уникальные семинары... У нас, например, единственный в городе семинар, посвященный проблеме источниковедения Петербурга. Или семинары, посвященные методикам преподавания курса истории Петербурга, краеведения, экскурсионной деятельности; семинар, который называется “Петербургское литературоведение”, семинар “Театральный и музыкальный Петербург”, “Петербург как один из центров мировых религий”... В Университете двухлетнее обучение, дипломные работы и дипломы на право профессиональной работы в области петербурговедения. Слушатели — на 98% люди среднего возраста, с высшим образованием и приходящие к нам, что удовлетворить свой гуманитарный интерес, а иногда и поменять техническую специальность на краеведческую. У нас есть юношеский факультет, детская дошкольная группа и группа младших школьников. Мы осуществляем, таким образом, программу непрерывного петербурговедческого образования.

“НЧ”: Как Вы оцениваете современное положение дел в области изучения истории и культуры Петербурга?

Г.А.Богуславский: Это очень трудный вопрос, — безусловно, что за последние годы значительно вырос общественный интерес и понимание важности работы по изучению и популяризации истории Петербурга, скажем, выросло понимание необходимости закрепления в обществе каких-то важнейших понятий и представлений, связанных с историей города. Но, с другой стороны, следует отметить, что огромное количество людей занимается часто не тем: отдельные события, здания, частные сюжеты... Гораздо реже звучат вещи проблемного характера. Вот проблемы, связанные с Петербургом, мы ставить не научились. Поэтому очень многие книги и статьи по истории города носят частный характер. Из последних работ, действительно поднимающих серьезные проблемы истории Петербурга, можно назвать две: это работы московского философа Коганова и петербургского доктора философских наук, профессора Моисея Самуиловича Кагана “Град Петров в истории русской культуры”, вышедшая летом 1996 г.

Конечно, петербурговедение привлекло к себе за последние годы много людей, работающих в разных областях. Среди них есть и географы, и геологи, и математики. Они делают очень интересные вещи! Но все-таки исторический труд, работа историка

требуют определенной профессиональной подготовки. И вот когда за исторический труд берутся непрофессионалы, то, с одной стороны, их рвение заслуживает серьезного поощрения, но, с другой стороны, бывают профессиональные проколы, и общий уровень таких работ не слишком высок. И наконец... Мы продолжаем быть разобщенными. 15 разных организаций так или иначе касаются истории Петербурга! Но эти организации не контактируют, не взаимодействуют и даже не обмениваются информацией, из-за чего возникают параллелизмы, дублирование, пустая трата времени на то, что уже было изучено еще до революции. Конечно, здорово, что существует Университет Петербурга. Интересные доклады звучат на ежегодных чтениях “Ассоциации историков Петербурга”, которую возглавляет академик архитектуры Татьяна Андреевна Славина. Правда, между Университетом Петербурга и “Ассоциацией историков Петербурга” существует одно различие. Ассоциация опирается на работы, сделанные разными людьми в разных учреждениях. А в Университете Петербурга выносятся только те работы, которые сделаны непосредственно в стенах Университета. Сейчас мы готовим к выходу 4-й сборник тезисов дипломных работ наших слушателей, которые были доложены на ежегодных слушаниях Университета. Но при этом! Два крупнейших исторических вуза, готовящих профессиональных историков — СПбГУ и РГПУ им. А.И.Герцена, практически серьезной работы по подготовке исследователей-петербурговедов не ведут. Это печально. Если что-то и делается на историческом факультете РГПУ — это целиком заслуга очень увлеченных и профессиональных преподавателей, работающих на кафедре методики преподавания истории Любови Константиновны Ермолаевой и Олега Борисовича Островского. А в “большом” университете курс истории Петербурга занимает всего 20 часов! Что это такое?

“НЧ”: Густав Александрович, Вы известны, как человек разносторонних интересов. Каковы они?

Г.А.Богуславский: Я бы не сказал, что это какие-то специфические интересы. Я говорил в самом начале, что не считаю себя военным историком. Кстати, вот для “Нового Часового” очень серьезная тема. Ведь дореволюционная русская военная историография имеет блестящие традиции! Она заполнена именами огромного значения. Начиная от профессора Леера, мы можем перечислить выдающихся военных историков, таких, как Дмитрий Алексеевич Милютин, Александр Петрушевский, Д.Ф.Масловский, А.З.Мышлаевский, Байов, Соколовский... Труды их до сих пор нисколько не утратили своего научного значения. Затем эта традиция была прервана. Последний отголосок ее здесь — это работы А.А.Свечина, а в Зарубежье — генерала Н.Н.Головина. Ведь для русских военных историков было характерно то, что они занимались не только реконструкцией тех или иных событий! Они видели в военной истории очень важную часть истории культуры! И определенную отрасль культуры! Ну как можно представить себе Петербург и петербургскую культуру без военного элемента, который был важнейшей составляющей этого города, как и всей России. Поэтому проблемы военной истории как проблемы историко-культурные меня всегда больше интересовали, чем проблемы чисто военно-исторической фактологии, тактические и так далее.

Меня также очень интересуют вопросы, связанные с историей отечественной культуры, через эти вопросы я размышляю об исторических судьбах России, ее прошлом, настоящем и будущем. В течение многих лет я занимался изучением истории памятников культуры, которые разбросаны по всей нашей огромной территории страны. Это было изучение, основанное на непосредственном, визуальном общении с этими памятниками. Я объехал всю территорию бывшего Советского Союза, кроме Средней Азии. Я являюсь автором 4-х томного собрания “Память России”, которое выпускалось в 60–70-е гг. (Поволжье, Европейский Север, Сибирь и Дальний Восток). Во время ра-

боты я проделал 14 больших путешествий, которые отражены в этих трудах. В 1975 г. к 30-летию Победы, в конце апреля, вышла огромная книга, автором которой я являюсь, “Вечным сынам Отчизны”, посвященная памятникам Великой Отечественной войны и охватывающая огромную территорию, на которой происходили военные действия. Я подготовил материалы для 2-го тома, в который бы вошли описания памятников, установленных после 30-летия Победы, но, к сожалению, это не получилось по причинам, от меня не зависящим, хотя я своевременно обращался с соответствующими предложениями.

Особая история с Соловецкими островами... На Соловки я попал летом 1963 г., будучи участником грандиозного шлюпочного похода, затеянного Кораблестроительным институтом. Две шестивесельные шлюпки прошли своим ходом за 49 суток через всю северную речную систему России. На Соловках мы пробыли 5 суток, и после первого посещения мной Ленинграда это впечатление от Соловков осталось самым сильным на всю мою жизнь, самым большим потрясением моей жизни. За дни, проведенные там, я влюбился в эти острова, в 1964 и 1965 гг. я пробыл там по месяцу со своими учениками, в 1966 г. вышло первое издание моей книги о Соловках и с тех пор я Соловками занимаюсь. Я там был 9 раз, я знаю острова очень хорошо, это совершенно необыкновенная страница нашей истории — и религиозной, и культурной, и экономической, и политической. Соловки — это самый центр высочайшей культурной традиции, связанной с крупнейшими событиями истории страны. Это единственная полностью сохранившаяся монастырская библиотека древнерусской литературы, колоссальный архив, удивительная традиция созидательная. Соловки в течение длительного времени были центром притяжения для громадной русской территории. В приходно-расходных книгах монастыря конца XVI— начала XVII веков сохранились списки монахов, чернецов, трудников, послушников, и при каждом имени указаны места, откуда они пришли в монастырь. Это вся география России! Калужанин, пермяк, тихвинец, смолянин, москвич, рязанец, новгородец, тверитин — кто угодно! Как и в Петербурге, на Соловках происходило смешение, переплетение разных культур, образывавших одну, феноменальную, региональную культуру — соловецкую культуру. Соловки можно назвать, в этом смысле, своеобразным предшественником Петербурга. Они собирали людей со всей России, приносивших свой опыт, свои представления, свое умение в монастырь... И все это здесь воплощалось в грандиозные постройки и циклопические сооружения, образцы умнейшего преобразования природы — в дорогу, систему каналов, которой связаны 70 озер на острове, в просеки, которыми прорублен Соловецкий лес, который, кстати, создает очень любопытную вентиляцию от комаров...

“НЧ”: Лагерные Соловки Вы исключаете из истории Соловецкого монастыря?

Г.А.Богуславский: Нет. Не исключаю. Но с историей Соловецкого лагеря Особого Назначения тоже многое нами как-то недодумано. Вполне естественно, что к СЛО-Ну, мы относимся очень эмоционально-напряженно — первый советский настоящий концентрационный лагерь, место, которое получило широчайшую и определенную известность в России... СЛОИ вообще включал в себя и Белбалтлаг, и строительство канала, и огромное количество лагерей на территории Карелии... Причем лагерь на Соловецких островах был наиболее спокойным и стабильным. Но отношение наше к этому совершенно ясное. Однако с Соловками ОГПУ есть одна вещь, которая требует не только серьезного отношения, но и специального исследования. Я даже мечтал этим заниматься и собрал несколько лет тому назад огромный материал для такого труда. Мне думается, что СЛОИ в 20-е гг. характерен тем, что в нем были собраны необыкновенно высокого профессионального и человеческого свойства люди, и тем, что это был лагерь, где политзаключенные спасались лишь одним: продолжением сво-

ей профессиональной деятельности. Мы не имеем права забыть того, что на Соловках был большой музей, который делали интересные искусствоведы, проводились интересные археологические исследования, раскопки, находилось знаменитое Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения. В Соловецкой типографии, в монастыре, в 1925–1929 гг. были опубликованы 8 томов научных материалов Соловецкого общества краеведения, среди которых есть работы Глаголева, посвященные геологии Соловков, работы Виноградова, посвященные археологии Заяцкого острова, работы Захваткина, посвященные Соловецким озерам. Юный Лихачев занимался своей профессиональной работой. Мы знаем, как интересно работал на знаменитой Соловецкой биостанции русский мыслитель Павел Александрович Флоренский. Ведь Соловки были не только местом заключения, угнетения, подавления, но и местом, где проявлялась громадная энергия, характерная для многих представителей русской интеллигенции, которые даже в условиях лагеря не могли прекратить этой деятельности. Для СЛОНа это чрезвычайно интересно. Ни один другой лагерь России такого количества научных результатов не дал. А журнал “Соловецкие острова?” Он выходил ежемесячно, и на него можно было подписаться по всей территории СССР! По объему и по качеству материалов он был нисколько не хуже современных “толстых” журналов. Выходила ежедневная газета “Новые Соловки”. Но этим всем надо заниматься и в этом надо отдавать себе отчет.

“НЧ”: Несколько слов, пожалуйста, о главных вехах Вашего жизненного пути.

Г.А.Богуславский: Мой жизненный путь складывался из нескольких составляющих. Во-первых, это была очень большая часть жизни, проведенная в залах архивов, библиотек и дома за письменным столом. Это особый вид одиночества и особый вид радости. Я горжусь тем, что большая часть жизни по времени ушла в это. Это общение с друзьями школьными и друзьями из числа учеников, которых немало. Это очень широкое общение с поколениями моих учеников. Я их очень люблю, всех помню и очень ими горжусь. Не какими-то там их успехами, а тем, что это хорошие и достойные люди. И третья часть жизни — педагогическая деятельность, без которой не мыслю себе жизни. У меня 26-летний стаж педагогической работы, хотя в нем были перерывы из-за разъездов по стране. Ну, и четвертое — это путешествия, о которых я уже говорил. Но на этом жизненном пути я многое не успел сделать. Я остался по-детски наивным — я не успел повзрослеть, не успел жениться, не успел накопить состояния, хотя у меня прекрасная библиотека, не успел увидеть мир, но зато по-настоящему увидел свою страну... Надо понять в какой необыкновенной стране мы живем.

“НЧ”: У Вас есть любимый класс?

Г.А.Богуславский: Это не один класс. Во-первых, это совершенно удивительный класс, с которым мы до сих пор поддерживаем самые теплые отношения. Он существовал в некоей московской особой школе. Особой она была не потому, что называлась 19-й спецшколой им. В.Г.Белинского с углубленным изучением английского языка. Особой она была и не потому, что из ее окон открывалась панорама Кремля. Рядом со школой были Британское посольство и Дом на набережной. Мои ученики называли его “допром” и... все жили в этом доме. В классе, о котором я говорю, учились дети и внуки семей Микояна, Куйбышева, Косыгина, Семичастного...

“НЧ”: И на родительские собрания они ходили?

Г.А.Богуславский: А как же, конечно ходили... Но потрясающим было отношение ребят к школе, к учителям, друг к другу! Вот в этом заключалась ее особенность. Они ее по-настоящему любили. Это был 1966 год. И прошло уже 30 лет, и мы собираемся каждый год. И, во-вторых, есть еще один 10-й класс, любимый класс, 1989 г. выпуска, 307-й школы Ленинграда. В этом классе учились очень хорошие люди; интеллектуаль-

ный уровень жизни этого класса был очень высок. В нем собрались очень порядочные, интеллигентные и тонко думающие люди. Они умели уважать друг друга.

“НЧ”: На протяжении своей жизни Вы наверняка встречались с множеством самых замечательных людей...

Г.А.Богуславский: Да, безусловно... Это были иногда мимолетные встречи, иногда длительные общения.. Пример? Ну...

Был такой замечательный человек, очень достойный, который недавно ушел из жизни. Он учился вместе с моим самым большим другом в школе-студии МХАТ в одной группе. В группе было 12 человек будущих актеров. Среди них были Олег Ефремов, Лева Золотухин, Клава Трофимова.. И был доучившийся до конца 2-го курса и перешедший на филологический факультет МГУ Алексей Иванович Аджубей. К его уходу из группы студии МХАТа, которую вел Павел Васильевич Массальский, я имел некоторое отношение, потому что Алеша неоднократно советовался со мной по этому вопросу, мы это обсуждали и т.п.

У моей подруги, которая замечательная учительница, педагог, был класс, в котором она начала работать в конце войны. Она вела этот класс. Поступила в пединститут, окончила его и продолжала класс вести в средней и старшей школе. И оставалась его классным руководителем, учителем литературы до выпуска. 10 лет она его провела. Я был близко связан с этим классом. Один из его учеников, лет 25 назад, на страницах “Нового Мира” писал: “Когда я был девятиклассником, я был влюблен в свою учительницу”. Учительница была Инна Макарова, а ученик — Миша Рошин, наш знаменитый драматург. Я дружил с одним из питомцев Сергея Аполлинарьевича Герасимова — Сергеем Гурзо. Мы очень дружили с Сережей. Поэтому через Гурзо я был вхож в его курс. Вместе с Гурзо тогда учились очень многие. Ведь именно на основе своего курса Герасимов снял свою “Молодую гвардию”. Там снимался Володя Иванов, игравший Олега Кошевого, снимался Боря Битюгов, который играл Ивана Земнухова, снималась Инна Макарова, игравшая Любу Шевцову, снималась Нонна Мордюкова, игравшая Ульяну Громову... Снимался Слава Тихонов, который никак не обратил на себя внимания в этом фильме, и, наконец, это была первая роль Сергея Бондарчука, который играл Валько в этом фильме! И над всем этим царил Сергей Аполлинарьевич Герасимов.

“НЧ”: Густав Александрович, Вы прожили очень большую и интересную жизнь, на которую выпали все тяготы, пережитые нашей страной. Что, с Вашей точки зрения, представляется в ее прошлом, настоящем и будущем наиболее драматичным?

Г.А.Богуславский: Вероятно, то, что наиболее полно выражено в известном и трагическом стихотворении, в его первой строке: “Мы живем, под собою не чуя страны...”. Сегодня мы живем, под собою не чуя страны. Вот это ощущение разрыва со страной, может быть, самое страшное, что происходит. На этом фоне более страшным представляется все более углубляющийся разрыв между поколениями. Происходит страшная вещь: поколения старшее и младшее, которые должны быть связаны между собой не только родственными, но и более тесными гражданскими узами, перестали быть интересны друг другу. Они очень, мягко говоря, равнодушны друг к другу. Если сказать более жестко — они могут быть жестокими по отношению друг к другу. Недавно меня спросили в одном интервью: “Какой главный вывод я смог бы сделать из своей педагогической деятельности?” Я ответил: “Основа педагогики и основа жизни — взаимный интерес. Дедов и внуков, отцов и детей. Вот пока есть этот интерес — жизнь прекрасна и любопытна. Как только он ослабевает — становится плохо”.

“НЧ”: Подобное явление носит временный характер или постоянный?

Г.А.Богуславский: Очень временный. Я полагаю, что оно безусловно временное, но очень трудное, и его очень тяжело нам преодолеть. Несколько дней тому назад у меня была очень интересная встреча с весьма любопытным человеком. Мужчина, очень представительный, высокого роста, верх солидности. Он — психиатр. Действующий психиатр, принимающий в одном из диспансеров города уже много лет. Через него проходят сотни людей. Он мне сказал: “Знаете, Густав Александрович, у меня впечатление, основанное не на статьях, прочитанных в научных журналах, или каких-либо данных статистики, а впечатление, вынесенное из моей работы, моих собственных наблюдений. Я полагаю, что этот процесс идет во всем мире.. Но у нас в силу ряда причин он проявляется с особой силой — это процесс дебилизации общества”. И когда тебе это говорит не ученый или социолог, а произносит в обычной форме практик-психиатр — становится страшно.

“НЧ”: Огромное спасибо за интереснейшее интервью. И последний вопрос, ставший уже традиционным. Нас очень волнует Ваше отношение к журналу. Что бы Вы могли пожелать “Новому Часовому”?

Г.А.Богуславский: Свое отношение к журналу я уже высказал в начале интервью. С журналом произошла очень странная вещь. Обычно журналы затеваются, оглядываются, долго ищут свой путь, свою нишу, свой вектор, своего читателя, своих авторов, а “Новый Часовой”, я имею в виду не громкость события, а сущность, ворвался в нашу журнальную жизнь сразу. Журнал с первого номера твердо стал на ноги. И дальше он в чем-то улучшается, становится глубже, больше объемом, приобретает нового читателя, но не оставляет тех завоеванных позиций, на которых закрепился с первого номера. Профессионализм журнала, равнодушие авторов журнала к тому, о чем они пишут, широкий охват и не узко военно-историческая, а широкая культурно-историческая направленность, в которой военная история России в первую очередь рассматривается как часть культуры — мне кажутся огромными завоеваниями. Я думаю, что “Новый Часовой” самый интересный, самый солидный из всех журналов, касающихся военной истории России, каких-то этических проблем. И конечно, совершенно потрясающие документы, появляющиеся на страницах журнала. Портреты, замечательные исследования... Необыкновенно интересный журнал.

“НЧ”: Большое спасибо.

Санкт-Петербург, март 1997 г.

Иеромонах Сергей

В Москве при храме Сошествия Святого Духа на Апостолов в магазине православной книги появились в продаже “Новый Часовой” и другие наши издания. Настоятель храма иеромонах Сергей (Рыбко) любезно согласился ответить на несколько вопросов нашего корреспондента.

“НЧ”: Отец Сергей, как долго существует Ваше издательство?

Отец Сергей: Наше издательство существует при храме Сошествия Святого Духа на Апостолов на Лазаревском кладбище в Москве с конца 1994 г., с того момента, как я стал настоятелем. До этого времени мы несколько месяцев сотрудничали с издательством “Русский хронограф”. Когда у нас появилась издательская лицензия, мы стали свободнее работать в том направлении, которое нам представлялось более предпочтительным. Наше издательство православное, поэтому в первую очередь мы издаем святоотеческие творения, духовные. Большой интерес представляет судьба современного монашества, которое своими корнями уходит в монашество древнее. Мы очень почитаем Святителя Игнатия Брянчанинова как наставника русского монашества, поэтому наше издательство носит его имя. В нашем храме один из приделов посвящен этому святому подвижнику. Конечно мы говорим и о современных духовных проблемах, современных подвижниках. Издаем мы и писания, и жизнеописания русских подвижников. Особое место в нашей издательской деятельности занимает все, что связано с Новомучениками и Исповедниками Российскими, ибо без них нет Русской Церкви в XX веке. Нельзя без значения Новомучеников понять, что происходило в России в 70-летний период гонений на Церковь. Мой личный приход в Церковь связан с Новомучениками. Та среда, в которую я попал в конце 70-х годов, очень почитала Новомучеников. Память о них была гонима. Патриарх Тихон считался “врагом народа”. Имя митрополита Киевского и Галицкого Владимира и имя митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина можно было произносить только шепотом. У одного из знакомых священников в начале 80-х годов на обыске нашли фотографию императорской семьи, и в результате он оказался выслан из области. И вот в этой среде, в которую я попал, ходило много произведений Самиздата, в том числе жизнеописаний священномучеников Владимира, Вениамина и многих других. С их жизнеописаниями я тогда впервые столкнулся наряду с жизнеописаниями преподобного Серафима, преподобного Сергия.

“НЧ”: Ваш магазин поражает обилием прекрасно изданных книг не только святоотеческих, но и посвященных истории России. Между тем, далеко не при всех храмах существуют книжные лавки, не говоря уже о своих издательствах. Что Вас побудило к издательскому начинанию?

Отец Сергей: Я к книгам тянулся с детства, хотя никакого образования не имею. Либо я ходил в храм, либо читал. Читал, конечно, духовную литературу, то, что можно было, что-то приносили... И я очень хорошо понимаю значение печатного слова. Был период, когда приходилось из атеистических книг вырезать какие-то необходимые, нужные цитаты, наклеивать их в тетрадь и потом к ним возвращаться. А сейчас возможность издательской деятельности представляется мне не менее важной, чем открытие храмов. И вот как-то все хорошо у нас сложилось, появились люди, и мы начали работу. Это дело сразу же меня увлекло, потому что книга — это ведь хорошая, живая проповедь. Ну, у меня несколько сотен прихожан... Я сам не считаю себя достойным проповедником, читаю чужие проповеди. Но значение проповеди очень хорошо понимаю. А книга — она сразу же может охватить несколько тысяч человек. Мне кажется, что сейчас недостаточно внимания уделяется церковной книгоиздательской деятельности. В Москве, в Санкт-Петербурге книги есть, а где-то в провинции, в глубинке их нет.

“НЧ”: Отец Сергей, какое количество книг Вы издали?

Отец Сергей: Несколько десятков. Сначала это были тоненькие брошюрки, потом появились настоящие книги. Первоначально печатали мы репринты, сейчас появились уже свои материалы.

“НЧ”: Простите за бестактный вопрос, а финансирование?

Отец Сергей: Исключительно своими силами, бюджет прихода. И храм строим тоже своими силами. Вообще такая идея была, что православный магазин должен был помочь нам завершить реставрацию. Магазин наш носит просветительский, не коммерческий характер. Я считал, что в нем должно быть представлено все, что можно читать православному христианину. Мы связаны с рядом подобных издательств, обмениваемся, что-то нам привозят... Книги расходятся. Нам из Сибири пишут, с Алтая пишут, и книги продаются. Хотя, конечно, широкой сети распространения пока нет.

“НЧ”: Наложным платежом книги Вы не высылаете?

Отец Сергей: Пока нет, у нас не хватает людей этим заниматься. А так читателям приходится либо приезжать, либо пользоваться оказией. Вот, например, книга об архиепископе Луке “Я полюбил страдания” выдержала уже 4 издания. Находятся люди, которые сами привозят материалы о новомученичестве и Новомучениках. Хочется как-то показать, что страдал весь народ, что страдали в первую очередь за Христа. Конечно, не все были православными, но большинство страдало от Советской власти с верой, вера их укрепляла. Уверен, что путь страданий — это был путь к Богу нашего народа. Хотя оступилась Россия не в 1917 г., а гораздо раньше. И отпадение от Церкви произошло не во время революции, а задолго до нее. Но я глубоко верю в возрождение, в воскресение России. У России не только великое прошлое, но и великое будущее. Надеюсь, что книги нашего издательства хоть какую-то капелючку в это дело внесут.

“НЧ”: Дай Бог Вам сил в Вашем благородном деле. Большое спасибо.

В Москве “Новый Часовой”, альманах “Русское прошлое”, книги серии “Библиотека журнала “Новый Часовой” можно приобрести в магазине православной книги при храме Сошествия Святого Духа на Апостолов на Лазаревском кладбище. Часы работы: с 11 до 19.00, в воскресенье до 16.00.

Во время богослужения в храме магазин не работает.

Тел.: (095) 289-24-75.

*Проезд: м. “Рижская”, авт. 84, тролл. 18, 42 до остановки “Кинотеатр “Гавана””.
Адрес: 129272, Москва, ул. Советской Армии, д.12, с. 1 и 2.*

Наш журнал и другие издания можно также приобрести в Москве в магазине “ГРА-ФОМАН” (ул. Бахрушина, 28).

РУССКИЙ СКАУТЪ

*Орган связи и информации Российского отдела
Организации Российских Юных Разведчиков*

Хроника деятельности (январь—май 1997 г.)

Российский отдел ОРЮР

(и.о. начальника отдела — инс. Кирилл Александров)

Ноябрь—декабрь 1996 г. явились организационными периодами в деятельности отдела на территории России после ликвидации на съезде в Москве 8—9 ноября 1996 г. бывших отделов ОРЮР в России МБО, СЗО, СРО, ЮРО и перехода их личного состава в новую организацию. В декабре 1996 г. к своей работе приступил штаб РО ОРЮР во главе с инс. О.Денисенко (Обнинск). Штабом отдела издается вестник отдела — “Белая линия” (гл. ред. — инс. О.Денисенко), из печати вышли №№ 1—5. В начале мая 1997 г. из печати вышел № 1 бюллетеня “МЫ”, издававшегося в 1938—1940 гг. в Белграде, в 1948 г. в Зальцбурге и возобновившего свое издание в 1997 г. в Санкт-Петербурге под редакцией инс. Ю.Звягина. В состав отдела входят около 200 членов ОРЮР, проживающих на территории Российской Федерации и Крыма, а также следующие единицы и соединения ОРЮР: дружина “Каламита” инс. С.Ревина (Севастополь), 124-й отдельный сводный отряд Верховного Правителя России адм. А.В.Колчака шин. И.Ивашенко (Краснопереконск), дружина “Таврическая губерния” инс. Н.Чернова (Армянск), 50-й отдельный сводный отряд генерал-фельдмаршала М.Б.Баркляя-де-Толли инс. М.Клейна (Екатеринбург), отдельный сводный круг Киевского князя Владимира Мономаха вит. А.Виноградова (Москва и Подмосковье), 60-й отдельный сводный отряд кн. Д.М.Пожарского и старосты К.Минина-Сухорука шин. А.Мотовилова (Н.Новгород), 48-й отдельный сводный отряд Донского Атамана генерала от кавалерии П.Н.Краснова¹ инс. О.Денисенко (Обнинск), 136-й отдельный отряд разведчиков кн.

Г.Засекина вит. В.Яковенко (Самара), дружина “Тверь” шин. О.Быстрецких (Тверь), дружина “Ставрополь на Волге” шин. С.Воробьева (Тольятти), 1-я городская дружина “КРЫМЪ” шин. А.Ниткина? (Санкт-Петербург), 2-я областная дружина “Лицейский Сад” инс. Н.Соколовой (Санкт-Петербург). Всего в отделе 7 инструкторов, 10 штаб-инструкторов, 14 витязей и дружинниц, 180 новичков, разведчиков и разведчиц, около 50 нежнолапок, волчат и белочек.

С 21 по 30 марта 1997 г. в Твери на базе дружины “Тверь” шин. О.Быстрецких прошли 1-е КДВ РО ОРЮР “Град Китеж”, посвященные 60-летию первых КДВ, проведенных сараевскими руководителями НОРС-Р в Шуметлице (Югославия) в 1937 г. КДВ приветствовал организатор 1-х шуметлицких КДВ скм. Р.В.Полчанинов, который в письменном послании курсантам пожелал возродить дух и смысл традиционных разведческих КДВ. 38 курсантов из 12 городов изучали следующие предметы: история разведчества, идеология ОРЮР, основы православной веры, страницы истории России XX века, традиции и символика ОРЮР, основы православной педагогики, история искусств, звеновая система, работа с отрядом, выживание в различных средах, медицина, история Церкви, лагерное дело, узлы и изготовление лагерных патентов, церковное пение, наука о понимании прочитанного текста (герменевтика). КДВ прошли по благословению архимандрита Андриана (Ульянова) и открылись молебном, на котором о.Иоанн произнес прочувствованное слово. Полностью сдали зачеты, получив квалификацию КДВ, 11 курсантов, 3 курсанта получили право досдачи письменных работ. Лучшим курсантом признан рк.3 Александр Ким (Обнинск), лучшим курсовым звеном — звено “Зайцы” (куратор звена — вит. П.Бояршинов). Обеспечивали проведение КДВ: начальник КДВ — инс. О.Денисенко, преподаватели и кураторы — инс. К.Александров, шин. А.Александрова,

Инструкторский состав 1-х КДВ отдела “Град Китеж”. Тверь, 29 марта 1997 г.

Стоят слева направо: држ. Наталья Фоминых (Тверь), инс. Наталья Соколова (Пушкин), нов. Максим Ткач (Самара), вит. Павел Бояршинов (Тверь), инс. Кирилл Александров (Санкт-Петербург), инс. Олег Денисенко (Обнинск), шин. Анастасия Александрова (Санкт-Петербург), шин. Олег Быстрецких (Тверь), вит. Дмитрий Горякин (Севастополь), шин. Анатолий Мотовилов (Н.Новгород), вит. Александр Виноградов (Москва).
Сидят слева направо: вит. Михаил Вихров (Обнинск), ?, инс. Михаил Клейн (Екатеринбург), ст.рк.2 Алексей Соколов (Пушкин), шин. Андрей Ниткин (Санкт-Петербург)

вит. П.Бояршинов, шин. О.Быстрецких, вит. А.Виноградов, шин. С.Воробьев, вит. Д.Горякин, инс. М.Клейн, шин. А.Мотовилов, шин. А.Ниткин, инс. Н.Соколова, нов. М.Ткач, држ. Н.Фоминых.

9—10 мая 1997 г. в Москве состоялось совещание руководителей отдела, посвященное работе РО ОРЮР летом-осенью 1997 г., организации лагеря БКС — собора руководителей в пос. Сомино Бокситогорского района Ленинградской области, слета отдела в пос. Старица Тверской области и Дня Непримируемости 7 ноября 1997 г. в Москве.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: 1-я городская дружина “КРЫМЪ” (начальник дружины — шин. Андрей Ниткин)

38-й сводный отряд начальника 3-й пешотной дивизии Добровольческой армии Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского (н.о. — инс. К.Александров).

С 4 по 9 января 1997 г. в пос. Сомино Бокситогорского района Ленинградской области прошел XVII-й лагерь дроздовцев по благословию и при активном участии настоятеля Соминского собора Св.Первоверховных Апостолов Петра и Павла иерея Геннадия (Беловолова). Лагерь был посвящен встрече Рождества Христова, работе на подворье собора и разнообразным творческим делам. Особенно теплый прием оказали дроздовцам прихожане в Подборовье, где была устроена рождественская елка.

1/14 января 1997 г. в 78-ю годовщину кончины генерал-майора Генерального штаба М.Г.Дроздовского, в штаб-квартире Дроздовского отряда в Санкт-Петербурге иереем Геннадием (Беловоловым) была отслужена панихида в память генерал-майора М.Г.Дроздовского, генерал-лейтенанта В.К.Витковского, генерал-майора А.В.Туркула и всех чинов Дроздовской дивизии на поле брани павших и в миру скончавшихся. На панихиде присутствовал преподаватель СПбДА протоиерей Георгий (Митрофанов), разведчики дружины “Лицейский Сад”, инс. Н.Соколова, инс. Ю.Звягин, инс. О.Денисенко, шин. А.Александрова, шин. А.Ниткин, разведчики сводного отряда Генерального штаба генерал-лейтенанта С.Л.Маркова. После панихиды состоялось освящение штаб-квартиры и траурный сбор.

19 февраля 1997 г. в одном из корпусов детской больницы им. К.Раухфуса разведчиками Дроздовского отряда был показан больным детям спектакль по повести В.П.Кривина “В ночь большого прилива”.

С 21 по 26 марта 1997 г. под руководством заместителя начальника отряда шин. А.Александровой и по благословию и при активном участии иерея Геннадия (Беловолова) в Сомино состоялся XVIII лагерь дроздовцев, целиком посвященный подготовке Соминского собора к встрече Пасхи.

Лучшее звено КВД “Град Китеж” — “Зайцы”

Слева направо: рк.3 Николай Егоров (Тверь), рк.3 Константин Бритарев (Обнинск), нов. Анатолий Слобожанин (Самара), вит. Павел Бояршинов, куратор звена КВД (Тверь), рк.3 Сергей Ворончихин (Санкт-Петербург), рк.3 Ярослав Кремнев (Тольятти), рк.3 Антон Меснянко (Севастополь).

Сводный отряд Св. Бл. Кн. Михаила Тверского (дружина "Тверь")

В Страстную субботу 26 апреля 1997 г. на литургии в храме Св.Бл.Кн. Александра Невского — бывшем дивизионном храме 1-й гвардейской пехотной дивизии Императорской Армии в Красном Селе, дроздовцы причастились накануне светлого праздника.

С 30 апреля по 2 мая 1997 г. дроздовцы устроили совместный бивак с разведчиками дружины "Лицейский Сад" в Гатчине, во время которого работали на подворье Покровского собора, участвовали в крестном ходе, провели соревнование по фехтованию, конкурс актерского мастерства и т.д.

С 16 по 18 мая 1997 г. дроздовцы находились в весеннем походе по маршруту ст. Белоостров—Выборгское шоссе—р.Сайменка—ст.Солнечное, который организовал шин. А.Ниткин.

Сводный отряд начальника 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии Генерального штаба генерал-лейтенанта С.Л.Маркова (н.о. — шин. А.Ниткин).

С конца марта 1997 г. марковцы начали серию радиальных походов по Карельскому перешейку, проходивших порой в тяжелых условиях, что служило подготовкой к большому июньскому походу отряда.

16 апреля 1997 г. на штаб-квартире Марковского отряда состоялся общий с дроздовцами дружинный сбор, посвященный 79-й годовщине гибели при штурме Екатеринодара 31 марта / 13 апреля 1918 г. командующего Добровольческой армией генерала от инфантерии Л.Г.Корнилова. Сбор вели руководители дружины: шин. А.Ниткин, инс. К.Александров, шин. А.Александрова.

В походе 16—18 мая 1997 г., который готовил Марковский отряд, марковцы разделились на две группы, преодолели трудности и с честью выдержали выпавшие на их долю походные испытания.

2-я областная дружина "ЛИЦЕЙСКИЙ САД" (начальница дружины — инс. Наталья Соколова).

С 3 по 7 января 1997 г. разведчики дружины провели серию концертов для пенсионеров и инвалидов в Пушкине и Гатчине, на которых исполняли русские народные, рождественские и хоровые песни.

С 18 по 21 января 1997 г. в пос. Можайское под Санкт-Петербургом состоялся бивак 13-го сводного круга генерал-майора В.Я.Захаржевского дружины "Лицейский Сад".

С 28 по 31 января 1997 г. — лагерь дружины "Лицейский Сад".

19 февраля 1997 г. дружина провела на территории Гатчинского парка военно-историческую игру “Битва при Дрездене—Кульме в 1813 г.”

С 28 февраля по 1 марта 1997 г. 36-й сводный отряд полковника Б.Н.Свежевского под руководством шин. М.Бушмелева провел очередной бивак в пос. Александровское Ленинградской области. Бивак был посвящен масленице и масленичным гуляниям, играм, народным забавам. Отряд устроил концерт для прихожан храма Иконы Казанской Божьей Матери пос. Александровское. В апреле 1997 г. дружина постоянно работала на подворье названного храма, подготавливая его к встрече Светлого Праздника. В Пасхальную ночь отряд отстоял всенощную и участвовал в Пасхальном крестном ходе.

30 апреля 1997 г. дружина “Лицейский Сад” организовала бивак совместно с Дроздовским отрядом из Санкт-Петербурга, посвященный 88-й годовщине со дня рождения русского разведчества, а также 1-й годовщине со дня рождения дружины “Лицейский Сад”.

31 мая 1997 г. разведчики дружины работали на строительстве храма в пос. Суйда Ленинградской области.

ТВЕРЬ

С 1 по 4 мая 1997 г. новички, разведчики, разведчицы, витязи и руководители из сводного отряда Св.Бл.Кн. Михаила Тверского (дружина “Тверь”), 48-го сводного отдельного отряда Донского Атамана генерала от кавалерии П.Н.Краснова (Обнинск) и сводного круга Киевского князя Владимира Мономаха (Москва) провели увлекательную игру — поход “Викинги”, которая запомнилась всем ее участникам. Игра служила подготовкой к большому июльскому лагерю “Богатырская застава” с 10 по 18 июля 1997 г. в пос. Старица под Тверью.

Адреса служб отдела

И.о. начальника РО ОРЮР инс. Кирилл Михайлович Александров	192241. Россия, Санкт-Петербург, ул. Пражская—33—195
Начальник штаба РО ОРЮР инс. Олег Олегович Денисенко (редакция “Белой линии”)	249020. Россия, Обнинск, ул.Калужская—2—96
Начальник Таврического района — Крымского представительства РО ОРЮР инс. Сергей Федорович Ревин	335016. Украина, Крым, Севастополь, ул. Циолковского—21—26
Главный редактор бюллетеня “МЫ” РО ОРЮР инс. Юрий Юрьевич Звягин	198328. Россия, Санкт-Петербург, пр. маршала Захарова—11—35
Центр отдела по организации работы с младшей ветвью ОРЮР (стаи ОРЮР)	170000. Россия, Тверь, ул.Жигарева—33—157 Начальнику штаба дружины “Тверь” шин. Сувориной Елене Александровне

Примечания

- ¹ До апреля 1997 г. отряд в Обнинске назывался отрядом полковника Д.В.Давыдова. По желанию отряда на Пасху 1997 г. отряд принял новое имя — генерала от кавалерии П.Н.Краснова, 50-летие смерти которого отмечалось в 1997 г.
Назначен приказом и.о. начальника РО ОРЮР инс. К.Александрова № 5 от 22 марта 1997 г.

Сокращения

адм.	— адмирал	НОРС-Р	— Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков
БКС	— “Будем как солнце!”	пос.	— поселок
вит.	— витязь	р.	— река
гл. ред.	— главный редактор	рк.3	— разведчик 3-го разряда
држ.	— дружинница	РО ОРЮР	— Российский отдел ОРЮР
инс.	— инструктор	Св.	— Святой
и.о.	— исполняющий обязанности до утверждения в должности Старшим Скаут-мастером ОРЮР	Св.Бл.Кн.	— Святой Благоверный Князь
КДВ	— Курсы для Вожаков разведческих звеньев	СЗО	— Северо-Западный отдел
Кн.	— князь	СПБДА	— Санкт-Петербургская Духовная Академия
МБО	— Московско-Богородский отдел	СРО	— Средне-Российский отдел
Н.Новгород	— Нижний Новгород	ст.	— станция
н.о.	— начальник отряда	щин.	— штаб-инструктор
нов.	— новичок	ЮРО	— Южно-Российский отдел

Борис Борисович Марино

(к 35-летию смерти)

Тридцать пять лет назад 22 июля 1962 г. в Мюнхене после тяжелой болезни скончался замечательный русский педагог и талантливый руководитель Организации Российских Юных Разведчиков скаутмастер Борис Борисович Марино. Русское Зарубежье оставило нам целый ряд примеров подвижнического и самоотреченного служения, отразившихся в жизненном пути личностей ярких и незаурядных. Не последнее место в перечне имен занимает имя Бориса Марино.

Борис Борисович Марино родился 5 июня¹ 1917 г. в семье офицера военно-морского флота в Кронштадте. Его отец — Борис Иванович Марино был участником Белого движения и в 1919 г. получил назначение в русскую военную миссию в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Так семья Марино оказалась за пределами России. В 1920 г. после эвакуации Русской армии генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля из Крыма Б.И.Марино демобилизовался и начал преподавать французский язык в одной из гимназий Сараево. Здесь же маленький Боря ходил в детский сад и в 1926 г. закончил курс начальной русской школы. Большинство детей беженцев поступало в Русский кадетский корпус, находившийся в Сараево до 1929 г. Однако Б.И.Марино отдал сына во 2-ю югославскую гимназию, считавшуюся лучшей в городе. С первого до последнего класса Боря учился на „отлично“ и осенью 1934 г. успешно сдал экзамены на юридический факультет Белградского университета.

Еще будучи гимназистом, в 1930 г. Борис вступил в Союз Югославянских Ска-

Ст. Скм. ОРЮР (1945-1962)

Борис Борисович Марино

Родился 5 июня 1917 г., умер 22 июля 1962 года

утов (СЮС), где на него сразу же обратили внимание, оценили его ум и энергичность. Он не успел еще сдать 3-й разряд, как ему предложили собрать собственное звено. 1 февраля 1931 г. появилось русское звено “Ласточка” в составе СЮС, в которое входили вожак звена Борис Мартино и два его друга — Святослав Пелипец и Ростислав Полчанинов. Вскоре в журнале СЮС “Нови Скаут” появилось объявление штаб-квартиры одиночных скаутов Национальной Организации Русских Скаутов (НОРС), возглавлявшейся полковником О.И.Пантюховым.

Друзья решили вступить в контакт с НОРС, тем более, что югославянские скауты допускали параллельное членство и в НОРС. 4 апреля 1931 г. возникло одиночное сараевское звено “Волк”. 15 июня из приехавших на каникулы из корпуса кадет Борис создал второе звено — “Белый медведь”, объединив оба звена в Сараевский отряд, получивший имя генерала от инфантерии Л.Г.Корнилова. В августе 1934 г. Борис окончил руководительские курсы “Будем как солнце!” (БКС), став одним из лучших курсантов. Создателем системы курсов БКС для руководителей был талантливый старый русский скаутмастер Максим Владимирович Агапов-Таганский, работавший в СЮС. Созданным им курсам довелось сыграть очень важную роль в истории русского скаутизма и разведчества. В 1935 г. Бориса Мартино произвели в помощники скаутмастера и назначили начальником отряда в Сараево. В новой должности Борис ездил на 3-е джембори³ скаутов Югославии в сентябре 1935 г., где познакомился с начальником Инструкторской части НОРС-Р³ скаутмастером Александром Шатерником, оказавшим на Бориса очень большое влияние. Шатерник был ярким руководителем, одним из тех, кто пытался разработать для НОРС-Р национальную систему воспитания, национальную методику и терминологию взамен интернациональной английской. Позднее историк разведчества скаутмастер Р.В.Полчанинов писал: “У Бориса формировались совсем иные взгляды на разведчество, чем те, которые господствовали в Югославии и во многих других отделах НОРС-Р”⁴. В 1937 г. Борис Мартино переехал в Белград и основал 2-й Белградский отряд, носивший имя генералиссимуса А.В.Суворова и являвшийся по своему духу и облику полной противоположностью старому 1-му Белградскому отряду. В 1938 г. приехавшие в Белград другие сараевцы основали еще два отряда, и появился крылатый афоризм: “В Белграде 1 белградский отряд и 3 сараевских”. Летом 1938 г. в Шуметлице сараевцы провели первые в истории НОРС-Р Курсы для Вожаков разведческих звеньев (КДВ), в основу которых положили принципы курсов БКС. В дальнейшем это резко изменило не только облик организации, но и идейное содержание воспитательной работы. Но помимо знакомства с системой БКС Агапова-Таганского, на саморазвитие Мартино оказал очень серьезное влияние и еще один фактор. В 1937 г. в Белграде Борис Мартино вступил в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП), члены которого пытались противопоставить молодежный, “новопоколенческий”, идеализм, национализм и активизм эмигрантскому пассивному ожиданию событий. Вообще, члены НТСНП, ставшие скаутмастерами НОРС-Р, оказали очень серьезное влияние на русское разведчество. Они принесли в НОРС-Р дух Союза, его жертвенный порыв, побуждающий новое поколение Зарубежья отдать все свои силы далекой Родине. Для Бориса Мартино и многих других созвучными самым глубоким чаяниям души стали материалы НТСНП: “Трагедия России остро переживается подрастающим поколением. Тревога за дальнейшее будущее своего великого и несчастного народа, боль и стыд за родную страну — породили в нем жгучее чувство личной ответственности. Осознав, что на сменяющихся поколениях лежат судьбы Нации, молодое поколение ощутило неумолимую потребность немедленных дел и действий за Россию. В службе России многие и многие из молодежи нашли смысл своего земного пути”⁵. Благодаря Союзу и полученному от него идеалистическому порыву, Борис Мартино

постепенно готовил себя к той роли, которую ему предстояло сыграть в дальнейшей истории НОРС-Р.

В 1939 г. Борис едет к своей тетке в Финляндию. Эта поездка через Чехословакию и Прибалтику оказалась богата интересными встречами, беседами и эмоциональными потрясениями. В 1940 г. сменивший Шатерника начальник Инструкторской части НОРС-Р скаутмастер М.В.Агапов-Таганский поручил Мартино издание “Вестника Инструкторской части”, с чем Борис успешно справился. В апреле 1941 г. после оккупации Югославии Германией Агапов-Таганский назначил Мартино начальником Инструкторской части. К лету 1941 г. НОРС-Р фактически перестала работать: в странах Балтии и в Восточной Польше любые эмигрантские организации были разгромлены НКВД, на Дальнем Востоке НОРС-Р самоликвидировалась, а во Франции, Югославии и ряде других стран оккупированной Европы нацисты запретили разведческую деятельность. В сложившихся обстоятельствах судьба НОРС-Р, казалось, была предрешена, какая-либо связь с проживавшим в США полковником О.И.Пантюховым — Старшим Русским Скаутом, полностью отсутствовала. В этот тяжелый для русского разведчества момент Инструкторская часть НОРС-Р во главе с Борисом Мартино явилась тем центром, вокруг которого объединились все, кто хотел продолжать работу с молодежью, несмотря на Вторую мировую войну. Весь Югославянский отдел НОРС-Р перешел на нелегальное положение. Во главе подпольной работы и существования организации стал Мартино. Разведческие отряды существовали под видом Национальной Организации Русской Молодежи (НОРМ), формально разрешенной германской администрацией. Однако пределом мечтаний Бориса Мартино оставалась оккупированная территория России. Как и большинство членов НТСНП, он стремился на Родину, чтобы найти применение своим силам там. 26 января 1942 г. Мартино убыл из Югославии в Берлин, “завербовавшись” на работу в рейх. В действительности произошло следующее. Отправленный транспортом иностранных рабочих из Берлина по маршруту биржи труда, Борис бежал из эшелона и тайком начал пробираться на восток. В феврале 1942 г. в мороз по пояс в снегу через густой лес в районе Ченстохова он перешел немецко-польскую границу, тяжело заболев пневмонией. В Варшаве из-за болезни Борис задержался. 6 мая 1942 г. в варшавском Доме Молодежи разведчики праздновали День Св. Георгия Победоносца — небесного покровителя, одновременно провожая в Россию Бориса Борисовича Мартино и Анну Владимировну Давыдовскую. Внезапно у Мартино пошла горлом кровь — дал о себе знать приобретенный в ченстоховском лесу туберкулез легких. Ни о какой работе в России речи идти не могло, и он вынужден был остаться в Польше. Помимо руководства разведчиками, Борис продолжал выполнять задания НТС. В частности, в 1943 г. он некоторое время работал под началом члена Совета НТС А.Э.Вюрглера в особом штабе “Россия” в Варшаве. Вюрглер являлся политическим советником начальника управления штаба майора Абвера “Регенау”, под псевдонимом которого скрывался капитан Русской армии, чин РОВС Б.А.Смысловский. Главной задачей штаба являлась борьба с партизанскими отрядами самой различной ориентации. Члены НТС пытались налаживать контакты с партизанами самостоятельно, тайно от “Регенау”, чтобы оказывать на них политическое влияние. Вюрглер поддерживал связи с референтурой Армии Крайовой. В конце концов Гестапо ликвидировало проникновение НТС в этот штаб, А.Э.Вюрглер был убит 24 декабря 1943 г. на улице агентом Гестапо, штаб упразднили, а “Регенау” арестовали и этапировали в Торнскую крепость⁶. Мартино избежал неприятностей, но Польшу пришлось оставить. После создания Гражданского Управления КОНР генерал-лейтенанта А.А.Власова Борис Мартино занял должность помощника начальника молодежного отдела. Однако развернуть работу ввиду кратковременности существования подразделений КОНР ему

не удалось. Как и многие из русских беженцев, Мартино оказался летом 1945 г. в одном из лагерей “Ди-Пи” в американской оккупационной зоне Германии. К этому моменту практически во всех лагерях “Ди-Пи” в западных оккупационных зонах Австрии, Германии и Италии возникли отряды и дружины разведчиков. В связи с тем, что на подпольных КДВ и КДР в 1942—1945 гг. были подготовлены кадры вожаков и руководителей, разведческая деятельность стала очень заметной. Благодаря Инструкторской части и ее руководителям НОРС-Р, переименованная Пантюховым в 1941 г. в Организацию Разведчиков (ОР), преодолела все тяготы войны, которых не перенесли многие другие общественные и культурные организации Зарубежья. 4—6 ноября 1945 г. в Мюнхене при участии протоиерея Александра (Киселева) состоялся съезд руководителей юных разведчиков, который и стал 1-м съездом Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР). Заместителем Старшего Русского Скаута в Европе руководители ОРЮР избрали скаутмастера Бориса Борисовича Мартино. Вскоре случайно связь с Пантюховым восстановилась, но он не утвердил избрание Мартино, предложив руководителям ОРЮР, насчитывавшей более 1000 членов, подчиниться малочисленному отделу НОРС во Франции. Бывшие скаутские руководители Французского отдела НОРС подпольной работы не вели, после военного перерыва возобновили свою работу лишь в декабре 1945 г. Но самое главное — они сохранили приверженность довоенным, интернациональным принципам английского скаутинга, не поняв и не приняв тех изменений, которые произошли под влиянием бывших сараевских руководителей. ОРЮР отказалась подчиниться НОРС, 21 декабря 1946 г. Мартино изменил название своей должности, став Старшим Скаутмастером ОРЮР. 11—12 января 1948 г. на 1-м съезде Совета ОРЮР в Шляйхсгейме под Мюнхеном был принят новый устав ОРЮР, согласно которому Старший Скаутмастер подчинялся Старшему Русскому Скауту. Лишь в 1957 г., когда был принят следующий устав ОРЮР, Старший Скаутмастер стал официальным главой ОРЮР и разделение на НОРС и ОРЮР приняло не только фактический, но и юридический характер.

Последние 15 лет своей жизни Мартино полностью посвятил ОРЮР. Им были написаны сотни статей, бесед, методических разработок для руководителей.

Семьи у Бориса Борисовича не сложилось: отец в 1944 г. в Югославии был арестован “СМЕРШ”, этапирован в Советский Союз и погиб в одном из концентрационных лагерей, мать последовала за отцом, и будучи “лишенкой”, умерла на одном из поселений, жениться Мартино так и не успел. От какой-либо политической деятельности он тоже постепенно отходил. Правда, в 1949—1953 гг. Мартино преподавал в “зеленом лагере” НТС под Франкфуртом-на-Майне, где добровольцев из членов Союза готовили к отправке в СССР, а до 1955 г. являлся членом Руководящего Круга Союза. Но после 1955 г., когда НТС из-за тактических и идейных разногласий с Советом Союза покинула большая группа его членов, вместе с ними оставил ряды организации и Борис Мартино, сохранив с НТС хорошие отношения, что для эмиграции в подобных ситуациях не являлось частым явлением.

Будучи тяжело больным, Мартино находил в себе силы выезжать в лагерь, проводить различные курсы, вести огромную переписку с разбросанными по всему миру руководителями и отделами ОРЮР от Европы до Австралии. Болезнь не мешала ему работать и на радио “Освобождение”, вещавшем на Советский Союз, фактически вплоть до самой кончины. В последние годы болезнь все больше давала о себе знать — единственная почка все чаще отказывала, усиливалось отравление организма. 4 июля 1962 г. скаутмастер Е.Е.Поздеев вместе с женой отвезли находившегося в беспомощности Мартино в госпиталь Отобрунн близ Мюнхена. Врачи диагностировали уремию в сильнейшей стадии. В последующие мучительные для Бориса Борисовича дни возле него все-

гда находились друзья — руководители ОРЮР, духовник о.Корнилий — игумен монастыря Св.Иова в Оберменцинге, он пытался разбирать письма и отвечать на них. За несколько дней до смерти о.Корнилий исповедовал и причастил умиравшего. В воскресенье днем 22 июля 1962 г. Бориса Борисовича Мартино не стало. В проходившем это время под Мюнхеном лагере никто не скрывал слез. Похороны состоялись 25 июля 1962 г. на кладбище Перлахер Форст в Мюнхене, где нашли упокоение многие наши соотечественники. Тело Старшего Скаутмастера ОРЮР лежало в открытом гробу, в полной руководительской форме ОРЮР, при всех орденах и знаках отличия ОРЮР. У гроба стоял почетный караул разведчиков от мюнхенской дружины со знаменем. И хотя у покойного никогда не было семьи, проститься с ним пришли сотни взрослых и детей, многие в форме ОРЮР.

Позднее скаутмастер М.В.Агапов-Таганский писал: “Глубокая искренняя вера, высокая идейность, служба ближним и родине, убеждение, что воспитание молодежи имеет первичное значение и играет самую важную роль — вот сознание всего этого заставляло его до самого последнего момента оставаться на капитанском мостике ОРЮР... А нам лишь остается преклониться перед беспримерным подвигом Бориса, с верой и надеждой, что не «вокруг творцов нового шума, но вокруг творцов новых ценностей вращается мир»”.⁷

И эти слова как нельзя лучше отразили суть жизненного пути столь замечательного человека.

Инструктор ОРЮР Кирилл Александров

Примечания

¹ По новому стилю.

² Слет.

³ В 1934 г. НОРС получила измененное название — Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков (НОРС-Р).

⁴ *Полчанинов Р.В.* Б.Б.Мартино // Ст.Скм. ОРЮР Борис Борисович Мартино. Издание Австралийского отдела ОРЮР. Б.д. 195 с.

⁵ Национальный Союз Нового Поколения. Издание Исполнительного Бюро Совета Союза. Белград, 1935. С.3.

⁶ *Пряпишников Б.В.* Новопоколенцы. Силвер Спринг, 1986. С.178—180.

⁷ *Агапов-Таганский М.В.* Светлой памяти “Старого Волка”. Борис Борисович Мартино // Ст.Скм. ОРЮР... С.192.

Скаутмастер Р.В.Полчанинов

Будем как солнце!

К 60-летию русских БКС курсов для руководителей

Основателем югославянских руководительских курсов был русский скаутмастер Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890—1973), который вместе с тремя русскими скаутмастерами: Гарднером (1898—1984), ставшим впоследствии музыковедом с мировым именем, Ивашинцевым и Лебедевым, провел в 1924—1925 гг. первый курс для руководителей с девизом “Будем как солнце!”, взятым из стихотворения Бальмонта.

В 1921 г. Агапов основал в хорватском городе Огулине югославянскую скаутскую дружину, которая вскоре была признана образцовой, а когда в 1923 г. все югославянские скауты в Хорватии и Славонии были объединены в один отдел, Агапов был избран начальником этого отдела. Его первой заботой было проведение курса для руководителей. Британские курсы в Гилвелле Агапов считал образцовым скаутским лагерем, где курсантам показывают, как надо вести скаутскую работу, но не дают ответа на вопрос — зачем это все делается.

На первом курсе для руководителей он читал лекцию по идеологии скаутизма, которая в начале 1930-х гг. была издана Союзом скаутов королевства Югославии как учебное пособие для руководителей под названием “Идеолошке основе скаутизма”, подписанное: “М.Таганский” (второй частью фамилии). Агапов как идеолог имел огромное влияние на югославянских скаутских руководителей, и через него и его учеников чувствовалось сильное влияние русской эмиграции на югославянскую молодежь.

Я закончил югославянский IX БКС курс для руководителей в 1935 г., который оказался последним. В 1937 г. вместе с Борей (Борисом Борисовичем) Мартино (1917—1962), окончившим годом раньше VIII БКС курс, мы провели по БКС программам первый русский курс для вожаков, а в 1938 г. первый русский БКС курс для руководителей.

Бальмонтское “Будем как солнце!” было Агаповым положено в основу югославянской скаутской идеологии и дало название курсам, проводившимся по его программам. И Б.Мартино и я были учениками Агапова и его учеников югославян. Таким образом получилось взаимное влияние — русских на югославян и югославян на русских.

Свои “Идеологические основы скаутизма” Агапов закончил словами: “Будем как солнце!”. давая им такое объяснение: “Смысл всего, о чем мы говорили, сводится к значению всего одного слова, а это — Любовь. Эту любовь, которая является двигателем всего хорошего и красивого и на чьем пламени горят наши сердца, для того, чтобы лучше понять и почувствовать, мы обозначали наглядным понятием источника света и тепла — Солнцем”.

Б.Мартино окончил курс в 1934 г. если не лучшим, то во всяком случае одним из лучших, и получил приглашение читать лекции курсантам на следующих курсах. Это был единственный случай за всю историю югославянских БКС курсов, чтобы только что окончивший курсант получил такое приглашение.

Получив приглашение быть инструктором на курсе в 1935 г., Б.Мартино ходатайствовал за меня, чтобы я был, в виде исключения, принят в число курсантов, хотя там и не было свободных мест и мне к тому же было всего 16 с половиной, а полагалось иметь 18 лет. Это ходатайство было поддержано М.Агаповым, и я был принят на правах гостя, как член русской скаутской организации.

В 1935 г. как и не раз в прошлые годы, БКС курс проводился на Плитвицких озерах. Мы приехали в Загреб на несколько дней раньше, чтобы вместе со всеми ехать по железной дороге до станции Врховине, а затем идти пешком еще 21 километр.

Поздно вечером 4 августа мы собрались со своими рюкзаками на загребском вокзале. На запасных путях стоял специальный вагон для нас, а перед ним на перроне был сложен лагерный инвентарь — огромные палатки, котлы и т.д. Мы все это погрузили в вагон, и сами устроились кто как мог поудобнее.

Было около 5 часов утра, когда на станции Врховине наш вагон отцепили, а поезд сразу поехал дальше. Нас встретил квартирьер с подводами. Мы сперва погрузили лагерное снаряжение, а потом, взвалив рюкзаки на спины, пошли пешком к озеру Козьяк, если не ошибаюсь, самому большому из всех 16-ти Плитвицких озер, около которого должен был бы быть наш лагерь.

Пройдя несколько километров, мы с Борей (Борисом Марино) оказались одни. Вдруг нас нагнала телега с “поварами”. Оказывается, что начальник дружины в г.Винковци, как только мы выгрузились, нанял подводу, усадил на нее малышей, навалил на нее все рюкзаки, а сам с курсантами зашагал за подводой налегке. Увидев нас, он предложил и нам положить наши рюкзаки туда же, что мы, конечно, сделали с радостью и благодарностью. Правда, Боря был этим немножко смущен, сказав мне, что ему, как инструктору, не следовало бы пользоваться услугой курсанта, но добавил, что раз курс еще не начался, то это, в общем, допустимо.

Кухня должна была быть устроена около ручья, а недалеко от кухни — лагерь курсантов. Для курсанток была выбрана другая поляна, примерно 15 минут ходьбы от кухни. Сперва мы разгрузили подводу с кухонным инвентарем, и “повара” сразу взялись за работу. Руководил ими один из лучших загребских руководителей — Данко Облак. Известно, что кухня — самое важное место в лагере. Любое опоздание срывает план работы, а на курсах этого не смело бы быть. Чтобы дать курсантам больше времени для занятий, мы были освобождены от дежурства на кухне.

Телега с палатками для курсанток продолжила путь, а мы взялись разгружать лагерный инвентарь. Работали дружно и инструктора, и курсанты, и кое-кто из “поваров”. Палатка с инвентарем и палатки инструкторов были поставлены недалеко от кухни и лагеря курсантов, но так, чтобы их никто не видел.

Не отдохнув от пути, мы все взялись за строительство палаток, за исключением тех, кому было поручено копать “холивуд” (уборную). Я до сих пор и не знаю, откуда это слово попало в югославянский скаутский жаргон, но подозреваю его русское происхождение. Не успели мы поставить палатки, как появились курсантки, и нам был дан сигнал идти на завтрак. Мы были усталые, злые и голодные, но горячее какао со свежим белым хлебом (нигде я потом не ел такого вкусного хлеба) вернуло нам и бодрость, и хорошее настроение.

Мы были разделены на три звена, которые по традиции назывались: “Олень”, “Гризли” и “Волк”. Потом нас распределили по палаткам и сказали, чтобы мы к обеду

были готовы. После обеда уже начались занятия. Начальник курса Мича (Митя) Енич начал с того, что объяснил нам, как мы должны себя вести, как будут протекать лекции, как мы должны вести записи и как будет вестись оценка курсантов. Оказалось, что мало вести в порядке запись лекций (чистота и аккуратность тоже входили в оценку), но надо было и вести себя по-руководительски. Что значит “вести себя по-руководительски”, было темой его первой лекции, названной “Этика руководителя”.

После короткого перерыва мы снова собрались на лекцию, но Мича начал нам читать нотацию, перечислив все мелкие склоки, нежелание помочь сокурсникам, сквернословие, плохое обращение с инструментами и массу других мелочей. На первый раз была объявлена всеобщая амнистия, но мы были подавлены фактом, что руководители все видят и все знают. Кроме побудки и отбоя, никаких сигналов не полагалось. Руководители должны были уже на курсе входить в свою роль руководителя, а не быть руководимым, ожидающим сигналов и указаний, что делать. Объяснил нам Мича и систему “плюсов и минусов”, которые будут выдаваться не заслужившим или провинившимся, а всему звену, и будут объявляться не вечером, чтобы не портить настроения перед сном, а утром, для поощрения.

Вечером был костер, на котором, чтобы “не выносить сора из курсантской избы”, не было “поваров”. Они устраивали свои отдельные костры. Считалось, что из курсантов должны были бы потом выйти руководители, а “повара” как были рядовыми скаутами, такими и останутся. Кроме того, соблюдалась дистанция и между инструкторами и курсантами. У костра инструкторы сидели отдельно, наблюдали за курсантами и кое-что иногда записывали.

Для Британской империи индейщина была имперской экзотикой, фольклором покоренных народов, так же как и песня индусских нищих: “келе, келе, воч...” Для славян это было пустой тарабарщиной, отнимавшей у костра время для хороших народных и патриотических песен. Курсы БКС должны воспитывать руководителей, которые будут руководить молодежью, а не быть на поводу у ребят с примитивными вкусами.

На курсантских кострах у БКС-овцев не было так называемых “криков” из непонятных, якобы индейских слов, вроде “ай, джи, джи”, но, учитывая потребность ребят покричать, предлагались более осмысленные “крики”. На скаутском жаргоне “крик” не значит просто крик или любой крик, а только — организованный. Кричать неорганизованно у скаутских костров не разрешается так же, как и хлопать в ладоши. Мы, мол, не в театре.

“Рум”, — выкрикнул один из инструкторов, и все повторили это слово. “Норум”, “цинорум”, “пуцинорум”, “капуцинорум”, — продолжал выкрикивать инструктор, делая все более и более короткие паузы между словами, пока таким образом не получилась латинская фраза “O, venerabilis barba capucinorum” (O, прекрасная борода капуцинеров).

О том, как надо проводить костры и как ставить “точки” (номера программы), была на курсе специальная лекция и ежедневные практические занятия. В дождливые дни вместо лагерного костра устраивалась в большой палатке “лагерная лампа”. Все это, включая и жаргон, создавало БКС-овский дух, который ни описать, ни нарисовать невозможно.

День начинался с подъема, зарядки, умывания и уборки палаток. Утром и вечером были официальные осмотры палаток, а в разное время дня — неофициальные. Палатки должны были быть всегда в порядке.

Утром, на свежую голову, были теоретические занятия, а после обеда, после “мертвого часа” (когда нельзя ни ходить, ни громко говорить) и вольного часа, были практические занятия.

БКС курсы давали молодым руководителям основы педагогики, психологии, обзор течений и движений молодежи и необходимый минимум знаний для работы с отрядом зимой в городе и летом в лагере. На лекциях по психологии Агапов (а это было его специальностью, он был заведующим Психометрической секции Центрального гигиенического института в Белграде), говорил нам об инфантильности западной молодежи. Он говорил, что для французских и английских студентов было бы нормально танцевать у костра, украсив себя перышками, индейский танец, в то время как для студентов славян, и даже для гимназистов старших классов это было бы просто нелепо. Славянская молодежь была всегда более склонна к философствованию и рассуждениям о смысле жизни, вечной правде и справедливости, чем западная, которая при более высоком уровне жизни, была более легкомысленной и поверхностной.

Курс продолжался три недели. Для тех, кто сдал все зачеты, был устроен в последний день туристический поход вдоль Плитвицких озер, одного из самых красивых мест Европы. Помню, как Агапов подошел ко мне и спросил меня о моем мнении о курсе. Я откровенно сказал, что я на курсе особых знаний не приобрел, но он открыл передо мною окно, через которое я увидел бесконечное количество тем, прямо или косвенно связанных с работой с молодежью. Агапов остался очень доволен этим ответом, сказав, что в этом и заключается цель трехнедельного курса.

Вечером был последний костер с церемонией принятия курсантов в руководительскую семью. На этом костре присутствовали все, включая и “поваров”. Ведь их труд на кухне давал нам лишнее время для занятий. Костер начался с пения югославянского скаутского гимна “Пламен се диже” (“Огонь разгорается”) и обращения к курсантам Агапова, — “брата Максима”, как его с уважением все называли. Потом вызвали меня. Начальник курса “брат Мича” приветствовал меня как гостя, как члена братской русской скаутской организации, отметив заслуги русских руководителей, “брата Максима”, Гарднера и других в создании БКС курсов. “Брат Мича” сказал, что он рад вручить мне солнечный курсантский галстук золотистого цвета с красной каймой как погашение долга русскому скаутизму.

Я стоял спиной к костру, а лицом к “брату Миче” и “трону”, на котором восседал “брат Максим”, окруженный инструкторами и приехавшими на торжество скаутскими руководителями из Загреба. Двое руководителей пронесли курсантский галстук над костром и над моей головой. Кто-то дал “брату Миче” веточку из костра, а он, взяв третий угол галстука, прожег на нем дырочку и повязал его мне на шею. Руководители запели на мотив из оперы Бородина “Князь Игорь”:

“Слава на небу сунцу високому, слава! слава! слава!

Здрavo брат воджо (руководитель) наш, здравo! здравo! здравo!”

“Брат Мича” дал мне веточку на память, а другой предложил мне на крышке от котла кусочек посоленного хлеба, в знак, что руководители принимают меня с хлебом-солью в свое братство.

После этого “брат Мича” предложил мне сесть туда, где сидели наши инструктора и приехавшие гости. С одной стороны, это была большая честь, оказанная только мне, но с другой стороны, руководители рассчитывали на меня, что я им помогу петь русские песни, которые, по традиции, полагалось петь у последнего костра.

Когда последний курсант занял свое место, все запели: “Агапов, Агапов, Агапов”, на мотив ковбойской песни, а потом руководители затянули любимую песню Агапова — “Бородино”, которой он их когда-то научил.

Курсанты сперва удивились, откуда я знаю песню руководителей, но потом сообщили, что я “рус”, а это значит, что мне сам Бог велел ее знать. Потом один из руководителей встал и запел “журавля” про инструкторов и приехавших руководите-

лей. Этим руководители хотели показать все нам, только что закончившим курс, что мы стали такими же руководителями, как и они.

Куплеты пелись по-хорватски, а припев неизвестно на каком языке, только слегка напоминавшем русский: “Жура, жура, жураве, жураушка мала е”.

“Журавель”, это русские двухстрочные частушки с припевом “Жура, жура, журавель, журавушка молодой”, которые более ста лет распевались сперва в офицерских компаниях и среди кадет, а затем, в годы гражданской войны, получившие широкое распространение среди гимназистов и скаутов.

По традиции руководители спели еще одну, на этот раз русско-хорватскую песню. В середине 1920-х гг. патрульный роверов (вожак звена витязей по современной терминологии) Владимир Львович Гальской (1908—1961), ставший потом известным в эмиграции поэтом, сочинил на мотив “За Уралом, за рекой казаки гуляли” роверскую песню:

На Авале на горе роверы гуляли
И на утренней заре флаг свой поднимали...

с припевом

Хей, хей, хей гуляй, флаг свой поднимали.

Югославянские скауты пели этот первый куплет по-русски, а затем по-сербско-хорватски: “И седимо сада ми край логорске ватре. И певамо опет ми старе песме наше” с припевом: “Хей, хей, хей певай старе песме наше” (И сидим сейчас мы у лагерного костра и поем снова мы наши старые песни). Под конец мы спели прощальную лагерную песню “Логор е срушен, више га нема” (лагерь снят, его больше нет), после чего, закалывая в пень топор, мы давали лагерное обещание: “В будущем году снова в лагерь”.

На станции, в ожидании погрузки, подошел ко мне начальник дружины в г. Винковци, с которым я успел подружиться, с просьбой написать ему слова “Бородино” и “На Авале”. Я продиктовал ему и другим винковчанам слова русских песен, а потом мы стали их вместе разучивать. Особенно старались “повара”, которые хоть и не были курсантами, но хотели доказать и себе, и другим, что они были где-то тут около.

В 1935 г., когда мы были на БКС курсе, в Югославии пользовались особой популярностью две советские песни: “Легко на сердце” и “Есть много девушек хороших” из фильмов, которые тогда шли по всей Югославии. Популяризовал их белградский издатель русских песен Страхов, снабдивший их нотами и переводом на сербский язык. Курсанты знали эти песни и часто их пели у костра. Обычно, я сперва пел первый куплет по-русски, а потом уж все переходили на сербско-хорватский.

Осенью, когда в Винковцах начались занятия в школах и работа в скаутской дружине, вся дружина разучила “Бородино” и “На Авале” и на одном школьном выступлении привела в восторг публику пением русских песен.

Подобных случаев в Югославии было немало.

Империи нового времени: типологии и эволюция (XV—XX вв.)

**Вторые петербургские кареевские чтения
по новистике. 22—25 апреля 1997 г.**

Краткое содержание докладов

Издательство Санкт-Петербургского университета готовит к печати краткое содержание докладов участников Вторых петербургских кареевских чтений по новистике. Этот научный форум был учрежден в 1995 г. кафедрой истории нового времени исторического факультета СПбГУ в честь выдающегося российского историка Н.И.Кареева (1850—1931). Если в первых чтениях приняло участие около 60 докладчиков из 11 городов России, то вторые собрали около 120 участников из более чем 20 городов нашей страны.

Особенность Чтений состоит в том, чтобы рассматривать новое время, т. е. последние шесть веков мирового развития, как единый исторический процесс, пользоваться не множеством национальных, региональных, континентальных времен, а единым историческим временем. Этот подход можно назвать историческим глобализмом. Причем это отнюдь не означает отказа от изучения многокрасочной картины цивилизаций. Но их конкретика изучается не изолированно, а в тесной взаимосвязи — так, как это было в новое время в действительности, когда человечество, ошибаясь и принося огромные жертвы, все же построило общий дом — Землю.

Если первые Чтения были посвящены общим проблемам новистики, ее специфике как исторической дисциплины, а также подведению итогов разработки некоторых конкретно-исторических сюжетов, то вторые Чтения носили сугубо тематический характер. Внимание их участников было сосредоточено на истории империй в новое время (в XV—XX вв.), их типологии и эволюции, империй континентальных, колониальных, неформальных. История империй пронизывает новое время. Это одна из стержневых проблем новистической конкретики. Она весьма актуальна в мире и особенно в России, переживающей ныне глубокие исторические перемены. Имперское сознание, имперские идеи, имперский синдром — не пустые слова, а реалии современного российского бытия. Организационный комитет Чтений исходил из того, что ученые — не политики, их задача отрешеннее, глубже, свободнее от сиюминутных интересов дня исследовать прошлое, исследовать без любви и ненависти, чтобы лучше толковать настоящее и увереннее смотреть в будущее.

В теоретическом разделе сборника можно отметить доклады: Э.Д.Фролова “Демократия и империализм в античной Греции”, А.Б.Егорова “Римский империализм: проблемы понятия, идеологии и исторического содержания”, С.В.Лурье “Традиции Рима: трансляция империи. Римская, Византийская, Российская империи”, М.И.Бацера “Идеологические предпосылки решения проблемы человека в тоталитарных империях”, А.Б.Клионского “К изучению империй как сложных систем”, Л.Г.Фошенко “Империя

как понятие и категория историософии”, О.Б.Повинцева “Распад империй нового времени: общее и особенное”, А.В.Гринева “Колониальный политаризм в Новом Свете”, М.П.Лаптевой “К вопросу о цивилизационном взаимодействии в рамках колониальных империй”, Д.А.Александрова “Наука и империализм”.

Среди докладов раздела “Континентальные империи XV—XVIII вв.” внимание читателей привлекут выступления: А.В.Гордона “Юг в политической культуре России (XVIII—XX вв.)”, В.Е.Семенкова “Украинский фактор в конституировании Российской империи”, А.Г.Портянкиной “Православная Россия и западный мир в первой половине XVII века: внешняя политика и идеология русского государства”, С.В.Семенцева “Создание Санкт-Петербурга как составной части формирования российской имперской государственности при Петре I”, А.Ю.Прокопьева “Саксония и Империя в раннее новое время: от Фридриха Воинственного до Фридриха Августа III. Модель взаимодействия региональных и имперских сил”, Ю.Е.Ивонина “Империя Габсбургов и территориальные государства Германии в XVI—XVIII вв.”, В.И.Гончаровой “Специфика эволюции империи ранних Габсбургов (XV — первая половина XVI в.)”, С.Н.Ислюля “Священная Римская империя: заключительная фаза”, Б.Г.Доронина “Империя Цин (1644—1911): к оценке исторического места (некоторые вопросы)”, В.Е.Дефоржа “Французские университеты конца XVI — начала XVIII вв.”, Н.Ю.Балошиной “Империальное мышление и становление науки в России XVIII в.”.

В обширном разделе “Континентальные империи XIX—XX вв.” интересны доклады В.Г.Ревуненкова “Империя Наполеона: споры и проблемы”, О.В.Соколова “Иностранцы под знаменем Наполеона”, Т.В.Фоминой “Париж в эпоху Консулата и Империи: победа либерализма или наступление реакции?”, И.В.Поповой “Проблемы развития имперского самосознания в монархии Габсбургов в первой половине XIX в.”, Г.В.Рокиной “Австро-Венгерская империя: национальная политика в Транслейтании”, С.М.Иванова “Османская империя в мировой экономической системе (XIX — начало XX в.)”, Б.Н.Мельниченко “От феодальной монархии к современному государству (Таиланд в середине XIX — конце XX вв.)”.

Рубрика “Колониальные империи” включает среди других доклады В.Л.Афанасьева “Так называемый “первый раздел мира” (1493—1494 гг.) и возникновение первых империй нового времени”, Е.С.Соболевой “К проблеме формирования португальской колониальной империи (терминологический аспект)”, Ю.Г.Акимова “Французская колониальная империя в Северной Америке в эпоху Людовика XVI”, А.Д.Дридзо “Забываемая страница истории колониальной политики (курляндские заморские владения середины XVII в.)”, М.Г.Кулагинной “К вопросу о формировании имперской элиты Великобритании в середине XVIII в.”, Р.В.Костюка “Итальянская империя: неудавшийся эксперимент”, В.В.Носкова “Империальный океан”.

В разделе “Неформальные империи” читатель найдет доклады Р.Н.Красавцева “Суфийские тарикаты: опыт строительства “империи” в Западной Африке”, А.Н.Дмитриева “Веймарская республика как “немецкий Рейх” в государственно-правовых воззрениях Макса Вебера и Карла Шмидта”, В.К.Фураева “Неформальная империя: США в ядерную эру (специфика, функция, модификации)”, К.Б.Егорова “Империальное сознание и английский офицерский корпус второй половины XIX — начала XX вв.”, А.Е.Кутейникова “Империалистическая экспансия” международных организаций в конце XX в.”. Попытка дать прогноз ситуации в мире в первой трети будущего века предпринята в докладе Б.Н.Комиссарова “Неформальные империи XXI в. в условиях глубокого техногена”.

Корниловские чтения

8—9 апреля 1997 г. на Гуманитарном факультете Санкт-Петербургского технического университета состоялись Корниловские чтения, посвященные 135-летию со дня рождения выдающегося русского историка Александра Александровича Корнилова, преподававшего в 1909—1914 гг. в Петербургском политехническом институте. Во вступительном слове заведующая кафедрой истории СПбГТУ профессор Р.В.Дегтярева отметила, что, хотя чтения планировались как составная часть подготовки к 100-летию Политехнического института, они вышли за эти узкие рамки и стали мероприятием, в котором в той или иной форме приняли участие историки из многих вузов.

Первый блок выступлений был посвящен общественно-политическому и научному наследию А.А.Корнилова.

С.Б.Ульянова (СПбГУ) остановилась на концепции гуманитарного образования в негуманитарном вузе, которая была разработана в начале века обществоведами-политехниками (Н.И.Кареевым, В.Э.Дэном и др.), и ярким примером которой стал курс лекций по русской истории XIX в. А.А.Корнилова.

По мнению В.С.Боброва (СПбГТУ), противоречивость исторической концепции А.А.Корнилова связана с методологическим эклектизмом и, главное, с политизированностью теоретических построений и выводов историка.

В выступлении С.Н.Полторака (СПбГТУ) анализ исторической концепции А.А.Корнилова стал поводом для размышлений о плодотворности многомерного подхода к изучению исторического процесса. Идеи историков прошлого и современных исследователей носят не взаимоисключающий, а взаимодополняющий и взаимопроникающий характер. Следовательно, во имя познания истины необходима консолидация идей.

На особенность Корнилова-биографа обратила внимание Л.Н.Жукова (СПбГТУ). А.А.Корнилов является представителем традиции исторического жизнеописания XIX — начала XX в., для которой характерны основательная выписанность биографической канвы, выяснение роли изучаемой личности в общественной жизни. Корнилов-биограф основательно документирует каждый факт, опираясь на огромный круг источников, комментирует его, стремится выявить не только поступки людей, но и их мотивацию. Ярким примером подобной работы стал очерк, посвященный Н.И.Тургеневу (1789—1871) — государственному деятелю и члену тайного общества, русскому патриоту и эмигранту (Корнилов А.А. Николай Иванович Тургенев и “союз Благоденствия”: Исторический очерк // Мир Божий. 1903. № 6—8).

А.Н.Мичурин (РГПУ им.А.И.Герцена) в выступлении “А.А.Корнилов и кадетская тактика в “Прогрессивном блоке” в 1915 г.” обратился к непосредственной политичес-

кой деятельности А.А.Корнилова в годы Первой мировой войны. Политическая нетерпимость, максимализм были отличительной чертой большинства членов кадетской партии, которые не хотели мириться с умеренностью своего руководства. Докладчик обратил внимание на важный источник по политической истории России этого периода — брошюру А.А.Корнилова “Парламентский блок”, вышедшую в 1915 г., в которой автор откровенно говорил о том, о чем по тактическим соображениям умалчивали кадетские верхи. Выступающий сделал вывод о том, что кадеты в годы Первой мировой войны были далеки от согласия даже внутри собственной партии.

В рамках чтения логичным было обращение и к историкам—современникам А.А.Корнилова. А.Г.Андреев (Балтийский гос. технический университет) в сообщении “Г.В.Вернадский: взгляд евразийца на историю России” рассмотрел как составную часть евразийского учения концепцию видного историка-эмигранта Г.В.Вернадского, создавшего в США свою историческую школу. Г.В.Вернадский не только развивал историко-софские построения евразийцев, но и подкрепил их конкретно-историческими исследованиями. Обращение к трудам Г.В.Вернадского сегодня, по мнению А.Г.Андреева, может помочь научному осмыслению современных проблем России.

Н.А.Богданова (Балтийский гос. технический университет) обратила внимание на другой юбилей 1997 г. — 120-летие со дня рождения одного из первых историков российской социал-демократии Н.Н.Батурина.

Корниловские чтения были призваны, по замыслу их организаторов, показать, что лучшие традиции вузовской исторической науки и сегодня сохраняются и приумножаются. Не случайно целый ряд выступлений был посвящен различным актуальным в научном отношении проблемам отечественной истории.

Свою периодизацию русской средневековой культуры предложила Н.Е.Выжлецова (РГИ при СПбГУ). Многообразие точек зрения на хронологические рамки этой эпохи обусловлено различием методов исследования и разным пониманием сущности культуры. Постигание культуры может быть плодотворным через осмысление ее содержания, исходя из представлений, ценностных критериев, религиозных воззрений эпохи. Для русского средневековья доминантой развития культуры стали овладение системой христианских ценностей и формирование собственной национальной самобытной традиции. С этой точки зрения в истории русской средневековой культуры выделяются следующие периоды: период “самостояния” русской средневековой культуры, когда она обретала и отстаивала свой собственный неповторимый облик (X—XIII вв.); время Святой Руси, в котором русская средневековая культура раскрылась во всей своей полноте (XIV — вторая половина XVI в.); культурный перелом конца XVI — первой половины XVII в. как следствие династического, государственного, социального и нравственного кризисов, разрушивших средневековые авторитеты на пути становления русской культуры нового времени.

О.В.Кузьмина (Санкт-Петербургский гос. институт точной механики и оптики) обратилась к государственной деятельности одного из ярких представителей плеяды “Константиновских орлов” министра просвещения А.В.Головина (1861—1866 гг.).

С.Г.Лагушкин (СПбГТУ) в сообщении “Высшее образование России в пореформенный период” отметил характерное для этого времени сочетание, взаимодополнение государственной и неправительственной, “вольной” высшей школы. Возникновение частных учебных заведений было связано, как правило, с неповоротливостью государственной системы. Именно в рамках частной школы развивалось женское образование, вводились новые методы преподавания. В то же время научные школы возникали в основном в государственных учебных заведениях, так как в их основе всегда лежат

фундаментальные исследования, требующие определенной материальной базы, которую могло предоставить только государство.

А.Н.Пилипенко (СПб. филиал ИРИ РАН) осветил малоизвестный эпизод русско-японской войны 1904—1905 гг. — “активные операции” владивостокских миноносцев. Эти небольшие суда, предназначенные для сторожевой службы, оказались способны совершать далекие и рискованные походы и заставили японское командование считаться с ними.

В выступлении А.Н.Кашеварова “Неисследованные проблемы государственно-церковных отношений в советском обществе 20-х гг.” на основании изучения ранее неизвестных архивных документов рассматривалась проблема высшего церковного управления в первые годы Советской власти. Следствием гражданской войны стало тяжелое материальное положение церкви (власть конфисковала свечные заводы, национализировала кладбища и т.п.). Высшее церковное управление в это время не стремилось к конфронтации с государством, сосредоточившись на внутрицерковных делах. Такая позиция не нашла понимания у властей, стремившихся к разгону высшего церковного управления.

Завершая чтения, Р.В.Дегтярева в заключительном слове подчеркнула, что интерес к личности и научному наследию А.А.Корнилова не иссякает. Корниловские чтения это подтвердили и еще раз продемонстрировали научный потенциал историков, работающих в высшей школе.

С.Б.Ульянова

Ожоги прошлого: война и плен как трагедия (О двух научных конференциях в Германии)

В первые летние месяцы в Германии состоялись две конференции, посвященные совместному и неизбежному историческому прошлому Германии и России — Второй мировой войне.

Та, что прошла с 29 мая по 1 июня 1997 г. в Берлине (в Диаконической Академии в Панкове и Музее Берлин-Карлсхорст), называлась “Война на уничтожение и народоубийство”. Ее организовали боннский Фонд им.Ф.Эберта, берлинский Фонд “Топография террора”, Немецко-Российский музей Берлин—Карлсхорст и объединение “Против забвения — за демократию”.

В открывших конференцию докладах директора музея в Карлсхорсте П.Яна и сотрудника Военно-исследовательского ведомства в Потсдаме Р.-Д.Мюллера говорилось о формировании фашистской пропагандой “образов врага” из еврейства и большевизма и о войне против СССР как о войне на уничтожение.

Интересную попытку классификации нацистских лагерей на территории СССР предприняла М.Бланк (Гаага): по предложенной ею схеме, следует различать лагерь уничтожения, концлагеря, лагеря для военнопленных, лагеря-гетто, исправительно-трудовые лагеря, лагеря для интернированных, лагеря для хиви (Hilfswillige). От себя заметим, что этот, на первый взгляд, сугубо терминологический вопрос имеет и свое практическое значение — в связи с выплатой различных компенсаций узникам нацизма и в свете их произвольной тенденции называть любые лагеря концентрационными. В то же время реальные условия содержания концлагерников и обоеденных какими бы то ни было компенсациями советских военнопленных в шталагах, по существу, ничем не отличались, что нашло отражение даже в резолюции конференции.

Доклад К.Дикмана (Франкфурт-на-Майне) представлял собой обзор состояния последних исследований по теме, вынесенной в название всей конференции. Особый интерес — новизной и проработанностью материала — вызвал доклад К.-М.Малльмана (Саарбрюкен) о роли так называемой “зеленой полиции” (“Ordnungspolizei”, или “полиции правопорядка”), набравшейся из местных жителей завоеванных стран и соучаствовавшей в проведении в жизнь гитлеровской оккупационной политики на востоке, включая и геноцид. На территории СССР, например, в ней служило порядка 300 тыс. чел., так что термин “массовые убийства” должен быть распространен не только на жертв, но и на палачей¹.

Р.Фербе (Германия) рассказал о проектировании и строительстве крупнейших в нацистской практике лагерей Аушвиц-Биркенау и Майданек (последний планировался

¹ Интересующихся деталями отсылаем к статье Малльмана в “Тель-Авивском ежегоднике по немецкой истории” за 1997 г.

на 250 тыс. чел!). Главными задачами, которые при этом решались проектировщиками, были снабжение питьевой водой и канализация. Доклад был насыщен интересной и новой информацией, но дискуссия неожиданным образом сосредоточилась на проблеме: можно ли считать архитектуру лагерей архитектурой (“баракко”, как съязвил докладчик) или нельзя.

Большие документальные массивы по проблематике конференции хранятся в различных архивах России, Украины и Белоруссии, пусть не до конца, но уже приоткрывших свои плотные двери для исследователей. Пишущий эти строки рассказал о сегодняшнем архивном ландшафте в России, сделав особый упор на фонде Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецких злодеяний в Государственном архиве Российской Федерации в Москве.

Участники конференции обсудили обновленную экспозицию музея в Карлсхорсте. Если ранее это был мемориал безоговорочной капитуляции нацистской Германии и своего рода музей славы советского оружия, то сейчас концепция музея трансформировалась. Не утратив своей мемориальной привязанности к последнему аккорду Второй мировой войны, он в то же время сумел сжато и образно распространить свое экспозиционное поле практически на всю военную сферу — от боевых действий и бесчеловечного обхождения с военнопленными до насилия по отношению к мирному населению и геноцида евреев.

Отдельных презентаций на конференции удостоились еще три музейных учреждения — Еврейский государственный музей в Вильнюсе (Р.Костанян, Вильнюс), Центр документации шталага 323 в Зенне (К.Мюльдорфер-Фогт, Шлосс Хольте-Штукенброк) и Центр документации шталага в Зандбостеле (К.Фолланд, Бремерфюрде).

Заметим, что именно представители аналогичных центров, разбросанных по всей Германии, а также учителя гимназий — энтузиасты историко-краеведческой работы составляли большинство аудитории конференции (по существу, это была их традиционная ежегодная встреча). Среди собравшихся было немало и просто пожилых людей, живых свидетелей истории: их вопросы, реплики и эмоциональные выступления нередко приносили в ход конференции столь живительный для нее дискуссионный и даже полемический заряд. Зазоры между их личным опытом и литературно-архивным опытом профессиональных историков молодого и среднего поколения иногда обнаруживали себя, но в целом такой контакт был скорее благотворен и плодотворен как для тех, так и для других.

Завершила конференцию обобщающая дискуссия, посвященная историко-политическим и прикладным аспектам работы документальных центров и экспозиций как локального, так и центрального общенационального уровня. В частности, обсуждалась перспектива создания в Берлине Музея Холокоста, соприродного и соразмерного всемирно известным музеям в Иерусалиме (Яд-Вашем) и Нью-Йорке. Многие из выступающих, однако, высказали и свои опасения: нет, разумеется, они не против самого музея, но против опасности невольно придать ему функцию некоего “Супермузея”, что в будущем может привести к угрозе подмять под себя (в дидактическом и, отчасти, финансовом смысле) сеть небольших, но чрезвычайно важных в историко-воспитательном плане местных мемориалов.

В то же время заметим, конференция обнажила известный дефицит обобщающих знаний и централизующих усилий: энтузиасты на местах готовят и публикуют замечательные книги, но у них нет ни времени, ни средств, а главное и интереса — к совмещению своих результатов, к поиску выводов на общефедеральном уровне. В итоге даже на такой вопрос, как суммарное число узников во всех концлагерях Третьего Рейха, на сегодняшний день нет даже самого приблизительного ответа.

Вторая конференция прошла с 3 по 5 июля 1997 г. в Дрездене. Конференция “Немецкие военнопленные в советском плену, советские военнопленные — в немецком плену (1941—1956)” как бы подхватила разговор, начатый на выставке с почти таким же названием, в 1994 г. проведенной в боннском Доме Истории, а позднее показанной и в Москве. Устроителями на сей раз выступали дрезденский Институт по исследованию тоталитаризма им. Ханны Арендт (директор — К.-Д.Ханке) и Федеральный архив Германии (директор — Ф.Калленберг), а инициатором и душой — Г.Г.Вагенлинер, директор Института архивного дела (Бонн), сам проводивший около 10 лет в советском плену и употребивший весь спектр своего жизненного опыта на розыск в некогда непреступных московских архивах документов о немецких военнопленных, на их научную оценку и, так сказать, практическое употребление в данном случае в интересах реабилитации немецких военнопленных и интернированных граждан.

Естественно, что среди выступавших было немало представителей как раз тех российских ведомств, где хранятся и собираются соответствующие материалы, в частности, Росархива (Т.Аниканова), Центра хранения историко-документальных коллекций (М.Мухамеджанов, В.Коротаев), Военно-исторического центра Генерального штаба Министерства обороны РФ (В.Мухин), Главного информационного центра Министерства Внутренних Дел РФ (К.Никишкин), Государственного архива Российской Федерации (И.Горбунов, А.Костенецкий), Комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий (Л.Решин), Музея немецких антифашистов в Красногорске (А.Крупенников) и Научно-исследовательского центра общества “Мемориал” (Н.Петров). Большинство из них посвятили свои выступления именно немецким военнопленным. Своего рода обобщением их докладов явилось выступление проф. С.Карнера (Институт по исследованию последствий войны, Грац), одного из первых зарубежных посетителей перечисленных архивохранилищ и признанного знатока “Архипелага ГУПВИ”.

Определенная благостность картины с немецкими военнопленными в России, вытекавшая из нормативной и отчетной документации ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР), вступала в достаточно жесткое противоречие с реалиями плена, пережитого некоторыми из присутствовавших на конференции непосредственно. Думается, что за этим стояло не столько желание приукрасить, подлакировать действительность, сколько не всегда критическое отношение к источникам. Тоже своего рода “плен”.

Что касается вопросов реабилитации, то им было посвящено отдельное заседание. В общей сложности было осуждено за послевоенные годы не менее 100 тыс. иностранных граждан, главным образом немцев. Практическую работу по их реабилитации ведут Центр по реабилитации жертв политических репрессий при МВД РФ (К.Никишкин) и специальные отделы Главной военной прокуратуры (В.Купец) и Генеральной прокуратуры РФ (Г.Весновская). Согласно действующей процедуре, пострадавшие и реабилитированные лица вправе претендовать на денежную компенсацию в размере от 40 до 100 минимальных российских зарплат (то есть в сумме, максимально составляющей сегодня около 1400 долларов США). Интересный юридический факт наблюдается в вопросе реабилитации так называемых “мобилизованных и интернированных” гражданских немцев: как разъяснил К.Никишкин, реабилитация лиц, административно (т. е. внесудебно) репрессированных вне пределов СССР, действующим законодательством не предусматривается.

Отдельное заседание было посвящено и плену советских военнослужащих в Германии. К.Штрайт из Гейдельберга, автор обобщающего, ставшего классическим исследования о советских военнопленных (“Keine Kameraden!”), рассказал о непростой и

поучительной истории исследования этой проблематики в Германии. Й.Остерлох (Дрезден) доложил о новых исследованиях об условиях жизни военнопленных в Германии (в ближайшее время выйдет его книга о шталаге 304 в Цайтхайне). О советских военнопленных как о жертвах политических репрессий, о длительных процессах их репатриации и политической реабилитации говорилось в докладах Л.Решина и П.Поляна (Москва). В частности, последний впервые попытался свести противоречивые цифровые данные о советских гражданах в Рейхе в годы войны (депортация, интернирование, смертность, репатриация, невозвращенчество и др.) в некий консолидированный ба-ланс.

На конференции время от времени вспыхивали дискуссии. Дебатировались, в частности, цифры (друг с другом, кстати, взаимосвязанные), рисующие масштабы пленения советских военнослужащих, а также степень коллаборационизма советских граждан. Обе задачи в научном плане более чем сложны и окончательно еще не разрешены, но от их политической подоплеки пора бы уже и избавиться. В первом случае “конкурируют” оценки К.Штрайта и историков Генерального штаба РФ (соответственно 5,7 и 4,6 чел.), во втором — оценки Й.Хоффмана и ряда других историков, с одной стороны, и Л.Решина из Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ (соответственно, 0,8—1,0 и около 0,3 млн чел.), с другой, думается, что вместо отстаивания чести мундира Красной Армии, а точнее, ее руководства, с самого начала отвернувшегося от военнопленных и мирных граждан, отданных ими же самими на произвол врага, гораздо продуктивнее было бы раскрыть карты и приступить к последовательной сверке понятий (ведь конечный результат полностью зависит от того, что понимается в том или ином случае под “военнопленным” или “коллаборантом”), методик и источников.

Еще более странен спор о том, выполняется или не выполняется Указ № 63 Президента РФ от 24 января 1995 года “О восстановлении законных прав российских граждан — бывших военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период”. Согласно этому указу, бывших военнопленных окончательно признают участниками войны, о чем им обязаны выдать соответствующие удостоверения. Само по себе это звучит несколько гротескно, но имеет все же ряд практических следствий, поскольку несет с собой установленные законодательством льготы. Но вот жертвами нацизма их как не признавали, так и не признают и сегодня: иначе бы непременно и с самого начала включили в число лиц, имеющих право на гуманитарное урегулирование с Германией (эвфеизм компенсации), для чего Германия в свое время выделила трем государственным фондам “Взаимопонимание и примирение” в России, на Украине и в Белоруссии миллиард марок.

Прочитую неизданную книгу воспоминаний одного из них, Дм.Левинского: “Концлагерь — это особо тщательно разработанная система насильственного уничтожения заключенных. Сказанное не означает, что обычный лагерь военнопленных намного лучше. Увы, это тоже не так. В зиму 1941—1942 гг. в лагере Будешти нас никто и пальцем не тронул, а смертность от голода, холода и болезней была настолько высокой, что не успевали убирать трупы, и они штабелями лежали вокруг бараков — об этом уже говорилось. Люди погибали сами, их организм не мог побороть лишения, выпавшие на их долю”. И хотя условия содержания в шталагах были сопоставимы с условиями содержания в концлагерях, а смертность зачастую даже существенно выше (об этом говорилось и в Дрездене), право на компенсацию имеют лишь те военнопленные, что побывали в концлагерях.

Ссылка на якобы резкие возражения немецкой стороны против того, чтобы советским военнопленным что-либо выплачивалось из этого фонда, по меньшей мере не

соответствует действительности, что подтвердил в своем заключительном слове на конференции и Г.Вагенлинер.

Напомним, что Б.Ельцин обязал Правительство РФ "...рассмотреть вопрос о распространении на бывших советских военнопленных условий и порядка выплаты компенсации лицам, подвергшимся нацистским преследованиям, ...с отнесением этих расходов за счет Фонда взаимопонимания и примирения либо изыскания других источников финансирования". О каких бы то ни было переговорах Правительства с Фондом пока не слышно, хотя именно сейчас выплаты жертвам нацизма начинаются по второму кругу.

Но надежды увидеть среди тех, кого это коснется, военнопленных по-прежнему минимальны. Так что пишущий эти строки здесь присоединяется к мнению не подготовителей президентского указа, а тех, о ком и для кого он издан: указ оказался холостым, наподобие салюта, выстрелом, а они, несколько десятков тысяч бывших военнопленных, в очередной раз — в роли обманутых и дискриминированных.

Павел Полян

Международная научно-практическая конференция “Проблемы военного плена: история и современность”

(г. Вологда, 23-25 октября 1997 г.)

23—25 октября 1997 г. в Вологде состоялась Международная научно-практическая конференция “Проблемы военного плена: история и современность”, учредителями которой выступили Министерство обороны РФ, Министерство внутренних дел РФ, Министерство культуры РФ, Центр германских исторических исследований Российской Академии наук, Языковой центр С.-Петербургского государственного университета, Красногорский мемориальный музей, Администрация Вологодской области, Вологодский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Главную роль в подготовке конференции сыграла Администрация Вологодской области. Оргкомитет по ее подготовке и проведению возглавил первый заместитель губернатора области Е.А.Поромонов. Конференция вызвала огромный научный интерес в России и за рубежом, приковала к себе внимание педагогической общественности Вологодской области, а также населения города и области.

В адрес конференции направили приветствия председатель комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, доктор исторических наук, профессор, генерал-майор В.А.Золотарев, президент комиссии по военной истории Иоганнис Кирокристос (Греция), президент комиссии по военной истории Дж. Кр. Аллмайер (Австрия), генеральный секретарь комиссии по военной истории Аймо Пайюнен (Финляндия). Конференцию также приветствовали: председатель Центра германских исторических исследований РАН, профессор, доктор исторических наук Я.С.Драбкин, директор Института по изучению последствий войны С.Карнер (г.Грац, Австрия), профессор Гейдельбергского университета К.Штрайт, профессор, доктор исторических наук В.Е.Король (г.Киев). К участникам конференции обратились бывшие военнопленные, ветераны Второй мировой войны.

В конференции приняли участие такие видные историки-германисты, специалисты в области Второй мировой войны, как академик-секретарь отделения военной истории Академии военных наук, профессор, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации М.И.Семиряга, профессор Липецкого государственного университета А.И.Борозняк, директор Института по изучению архивов ФРГ, доктор Г.Вагенленер, Почетный доктор Мюнхенского университета К.Кирхнер, профессор М.Росси (университет г.Триест), капитан 1 ранга ВМФ США (в отставке), директор Управления по поддержке совместной российско-американской комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести Коннел Джеймс, доктор Харальд Кислих-Кехер (г. Дрезден), директор Музея “Карлхорст”, доктор Питер Ян (г.Берлин).

В рамках конференции прошли “круглый стол” по проблеме “Чистый вермахт: был ли легенда?”, встреча с представителями журналов “Отечественная история” и “Новый Часовой”, методические семинары для педагогов-историков Вологодской области.

Участники Международной научно-практической конференции “Проблемы военного плена: история и современность” констатируют, что доклады и сообщения отличались научная новизна, актуальность и дискуссионный характер. Конференции удалось ликвидировать многие “белые пятна” в истории военного плена. Участие в форуме представителей Генеральной прокуратуры РФ, Министерства обороны РФ, Министерства внутренних дел РФ подтвердило практическую значимость затронутых проблем для российских и иностранных граждан, чьи судьбы в свое время опалила Вторая мировая война.

В свете новых документов и новых подходов звучала на конференции тема примирения, взаимопонимания и сотрудничества между народами. Трагедия миллионов людей, оказавшихся в плену, до сих пор не снята с повестки дня и требует к себе пристального внимания правительств и международной общественности.

Конференция отметила большой вклад ее организаторов в научную разработку проблем истории Второй мировой войны. Начиная с 1971 г., Вологда берет на себя инициативу в исследовании вопросов германской истории и антифашистского сопротивления (симпозиум в октябре 1971 г., симпозиум в ноябре 1973 г., республиканская конференция в ноябре 1981 г. и республиканское научно-координационное совещание в мае 1983 г.). В 1995 г. в Вологде проходит Российская научно-практическая конференция “Уроки и проблемы изучения истории Второй мировой войны”. Только что состоявшийся форум еще раз подтвердил преемственность научных традиций, заложенных на Вологодской земле. Рассматривая крупные глобальные проблемы, конференция одновременно сыграла большую роль в развитии школьного исторического образования. Творческое содружество ученых и педагогов особенно ярко проявило себя в ходе проведения “круглых столов”, посвященных изучению войн в рамках школьной программы, отражению этой же проблемы на страницах современных учебников.

Конференция выявила ряд существенно важных проблем, требующих решения на всероссийском и международном уровнях. В этой связи участники конференции считают целесообразным:

1. Сформировать на базе Оргкомитета данной конференции постоянную рабочую группу по координации исследований в области военного плена.
2. Поручить рабочей группе обратиться к руководителям российских и зарубежных правительственных комиссий по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести с предложением о создании Международного банка данных. В МБД предполагается внести информацию о всех военнопленных, интернированных и пропавших без вести.
3. Поручить рабочей группе осуществить распространение книги “...Пока не похоронен последний солдат”, в которую вошли действующие государственные акты и межправительственные соглашения по вопросам увековечения памяти защитников Отечества и участников войн из числа иностранных граждан.

Просить Комиссию по делам военнопленных, интернированных и пропавших без вести при Президенте Российской Федерации подготовить к публикации ныне действующие государственные акты и межправительственные соглашения, затрагивающие статус военнопленных и интернированных российских и иностранных граждан.

4. Просить Комиссию историков Российской Федерации и ФРГ, созданную в соответствии с соглашением Президента Б.Н.Ельцина и канцлера Г.Коля, включить в

программу работ Комиссии совместный научный проект “Немецкие военнопленные в России и советские военнопленные в Германии”.

Просить конференцию о проведении в ближайшее время в ФРГ научной конференции “Проблема количества пленных, умерших и репатриированных граждан Германии и СССР (1941—1956 гг.)”.

5. Поддержать инициативу администрации Красногорского мемориального музея о создании на имеющейся базе постоянно действующей экспозиции “Трагедия плена”.

6. Просить Институт военной истории Министерства обороны РФ и издательство “Терра” ускорить издание сборника документов “Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР”.

7. Просить руководство Федеральной архивной службы опубликовать путеводитель, охватывающий максимально полный перечень документов, характеризующих правовой статус и различные стороны жизни российских и иностранных военнопленных. Просить Техническую комиссию при Президенте РФ Архивной службы России и ведомственных архивов ускорить рассекречивание материалов, связанных с проблемой военного плена.

8. Ходатайствовать перед Правительством Российской Федерации о включении бывших советских военнопленных в число категорий узников нацизма, правомочных получать материальную компенсацию в рамках программы гуманитарного урегулирования, финансируемой правительством ФРГ. Такое решение, на наш взгляд, не потребует изменения уставных документов, поскольку места содержания военнопленных в третьем рейхе (шталаги, дулаги, штрафлаги) по своим условиям могут быть приравнены к таким местам содержания жертв нацизма, как концентрационные лагеря и гетто.

9. Как показывает практика, Указ Президента РФ № 63 от 24.01.95 “О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период” в части, касающейся материальной компенсации не нарушившим присягу бывшим советским военнопленным, не выполняется. В этой связи конференция просит Администрацию Президента РФ и Правительство РФ в срочном порядке рассмотреть данный вопрос о выплате компенсации этой категории граждан, средний возраст которых сегодня составляет около 80 лет.

10. Просить Всероссийскую телерадиокомпанию (председатель Н.К.Сванидзе) более широко освещать проблему военного плена и, в частности, ее нравственный аспект, судьбу конкретного человека — бывшего военнопленного, нуждающегося не только в юридической, но и моральной реабилитации. В этой связи заслуживает внимания просьба участников конференции о показе по российскому телевидению документального фильма “Русский плен” и, одновременно, о создании аналогичного документального фильма “Германский плен”.

11. Просить Правительство Российской Федерации принять такую федеральную программу, которая бы предусмотрела установку памятных мемориальных знаков на месте захоронений советских военнопленных в России. Одновременно просим поддержать инициативу Ассоциации бывших узников нацистских лагерей по публикации мемуарных и эпистолярных источников.

По поручению Оргкомитета:

Председатель — Первый заместитель губернатора Вологодской области

Е.А.Поромонов

Заместитель председателя — профессор, Заслуженный работник культуры РФ

В.В.Судаков

Секретарь — доцент, кандидат исторических наук

В.Б.Конасов

В.Б.Конасов, В.В.Судаков, А.Н.Быстрицкий

Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы.

Вологда; Москва, 1997

Проблема увековечения памяти погибших воинов была актуальной во все времена. В современной России она приобрела особую остроту и значимость в силу того, что до сих пор не решены вопросы, связанные с установлением судьбы и захоронением как наших соотечественников, так и иностранцев, погибших в войнах и вооруженных конфликтах XX века. По-прежнему на российских просторах лежат не преданные земле, омываемые дождями останки воинов, о судьбе которых родным в лучшем случае известно лишь из строки извещения: "Пропал без вести"...

Вышедший в Вологде сборник очерков и документов, подготовленный В.Б.Конасовым, В.В.Судаковым, А.Н.Быстрицким, наверняка привлечет внимание как профессионалов (историков, журналистов, представителей властных структур), так и широкой общественности. Его отличительные черты состоят прежде всего в том, что авторы и составители акцентировали внимание на разных аспектах рассматриваемой проблемы — правовых, политических, нравственных. Безусловным достоинством сборника является то, что заинтересованный читатель найдет в нем обширную подборку нормативных документов, относящихся к вопросам учета, погребения погибших военнослужащих, увековечения их памяти, в том числе последние международные соглашения и постановления российского правительства. Органично вписывается в книгу информация о задачах и первых итогах работы Ассоциации "Военные мемориалы" (учреждена в ноябре 1991 г.), подготовленная А.Н.Быстрицким.

Известное наставление русского полководца А.В.Суворова, суть которого заключается в том, что никакая война не может считаться законченной, пока не похоронен последний солдат, вынесенное в заглавие книги, не только не утратило актуальности, но, наоборот, приобрело сегодня новые, главным образом этические, нюансы. Уверен, что анонсируемая книга не останется незамеченной и внесет свою лепту в благородное дело увековечения памяти погибших.

А. Терещук

Н. Рутыч

Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения).

М.: Regnum — Российский архив, 1997

До последнего времени историки, занимающиеся исследованием Гражданской войны в России 1918—1922 г., равно как и широкая читательская аудитория, интересующаяся драматическими страницами истории Отечества, не имели возможности обратиться к справочно-энциклопедическому изданию, которое с достаточной полнотой выстраивало бы биографический ряд действующих лиц Белого движения. Выход книги Н.Рутыча в значительной мере изменил ситуацию, ликвидировал существовавшую лакуну.

Николай Николаевич Рутыч (Н.Н.Рутченко), известный историк, общественный деятель Русского Зарубежья, один из учредителей и главный редактор Общества Ревнителей Русской Истории в Париже, много лет занимается изысканиями в области биографики Белого движения. Осязаемым результатом проделанной им гигантской поисковой и аналитической работы стал рецензируемый справочник, содержащий 327 биографий высших чинов Добровольческой армии и ВСЮР, в том числе 144 биографии генералов и полковников Генерального штаба. К бесспорным достоинствам книги Н.Н.Рутыча следует отнести прежде всего то, что она существенно расширила персональный спектр истории Гражданской войны на Юге России. При этом автор, тщательнейшим образом проанализировав результаты исследований своих коллег (А.Р.Кавтарадзе, В.Г.Бортневского, И.Л.Архипова и других), дополнил опубликованные ранее биографии материалами о жизни военных деятелей в эмиграции. Во многих случаях Н.Н.Рутычу удалось установить или уточнить дату смерти, указать название кладбища, на котором нашел упокоение тот или иной воин. Эти сведения могут лечь в основу Русского военного некрополя в Зарубежье, составление и публикация которого является благородной задачей, к сожалению, пока не осуществленной.

Будучи ценнейшим вкладом в биографику Белого движения и русской военной эмиграции, настоящий справочник не ставил целью добиться исчерпывающей полноты, расставить все точки над *i*. Не случайно Николай Николаевич настоял на подзаголовке книги — “Материалы к истории Белого движения”. Поиск продолжается. В поле зрения автора и его коллег определенно появятся новые имена, новые человеческие судьбы. Да и в отношении опубликованных уже в справочнике биографий, возможно, кое-что будет уточнено или даже пересмотрено. Уверен, что Н.Н.Рутыч отнюдь не случайно ограничился информацией сугубо констатирующего свойства, когда работал, к

примеру, над биографиями П.Н.Врангеля, Н.В.Скоблина, Я.А.Слашова и не мог проигнорировать обстоятельства их смерти. Тем более, что ему известны различные версии гибели названных генералов. Однако, следуя незыблемым принципам академизма и исторической правды, Н.Н.Рутыч оставляет эти и некоторые другие вопросы до поры до времени открытыми.

В заключение подчеркну, что отечественная историография обогатилась прекрасным изданием, которое займет достойное место в книгохранилищах, на письменных столах и книжных полках людей, трепетно и заинтересованно относящихся к историческому прошлому.

А.Терещук

Д.С.Фоглсонг

Секретная война Америки против большевизма: Интервенция США в период Гражданской войны в России (1917—1920)

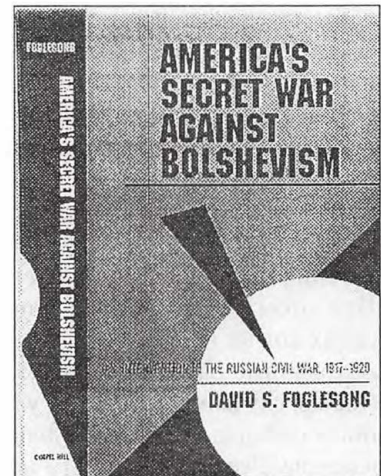
Изд-во университета Северной Каролины, 1995.

Foglesong David S. Americas' secret war against bolshevism:

U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920.

Chapel Hill; London: University of North Carolina Press., 1995.

В своей книге профессор университета Ратгез (Нью-Джерси) Д.С.Фоглсонг обращается к теме, неоднократно привлекавшей исследователей, однако избранный им аспект делает эту книгу непохожей на другие. В разработку затрагиваемой автором проблематики внесли вклад такие разные ученые, как А.С.Линк и У.Э.Уильямс, Л.К.Гарднер и Н.Г.Левин, Б.М.Антербергер и Ф.Катц, Л.Э.Амбросиус и Дж.Ф.Кеннан, К.Лэш и А.Майер, однако проф. Фоглсонг сумел найти такой поворот темы, который позволил ему занять достойное место в этом почетном ряду. Фактически он бросает вызов историографическим традициям, сложившимся за долгие годы как в советской, так и в американской исторической науке, сумев при этом убедительно аргументировать свою собственную позицию*.

Автор выступает противником односторонних подходов, предлагая “более широкий взгляд на американскую политику”, чем прежде. Он отходит от упрощенных толкований вопроса об американском вмешательстве в российскую гражданскую войну, свойственную не только специальной историографии, но и прежнему вильсоноведению в целом. Шаг за шагом, очень подробно в книге прослеживается, как админис-

* Отзывы американских коллег о книге Д.С.Фоглсонга см.: American Historical Review. 1997. April. P.575 (by G.B.Ostrower); Journal of American History. 1996. December. P.652—653 (by L.E.Gelfand).

трация В.Вильсона втягивалась в борьбу с большевизмом, которая, как показывает проф. Фоглсонг, являлась главным импульсом, определявшим политику президента в отношении послеоктябрьской России. Основной части предшествует анализ предыстории формирования взглядов В.Вильсона и деятелей его окружения на проблемы революции, при этом заслуженно большое внимание уделяется опыту, приобретенному ими в период Мексиканской революции 1910—1917 гг. Реакция на революцию в Мексике во многом помогает понять и реакцию Белого дома на большевистский переворот.

Февральская революция породила большие надежды в Америке, поскольку открывала, как поначалу представлялось в Вашингтоне, радужные перспективы для сотрудничества двух “величайших демократий” мира не только на завершающем этапе Первой мировой войны, но и в послевоенном мире. Расчет на это был так силен, что захват власти большевиками и последовавшее вскоре заключение ими мира с Германией породили сильнейшие разочарования, своеобразный кризис надежды. Однако Вильсон не спешил отказываться от своих иллюзий. Стремление возродить “российскую демократию”, как он себе ее представлял, стало главным стимулом для начала антибольшевистского похода. Поскольку прямое выступление против большевиков могло иметь неблагоприятные последствия, а также вступило бы в противоречие с декларируемыми внешнеполитическими принципами, Вильсон избрал путь “тайной войны”, история которой наглядно воссоздана на страницах рецензируемого сочинения.

Книга проф. Фоглсонга является прекрасной иллюстрацией к той ситуации непростого выбора, в которой постоянно приходилось действовать В.Вильсону. Провозглашаемые им высокие, но абстрактные идеалы звали в одну сторону, а требования реальной политики — в прямо противоположную. Как показывает опыт его президентства, Вильсон добивался успеха там, где открыто следовал велениям “реалполитик” — достаточно вспомнить многие карибские интервенции или вмешательство в европейскую войну. Там же, где интересы государственной политики приносились в жертву либеральным догмам, он терпел фиаско. Попытки совместить несовместимое, как это и произошло в случае с Россией, закономерно вели к провалу. Разрабатывая свою русскую политику, Вильсон долго оставался заложником собственных иллюзий и ложных представлений, что и предопределило провал стратегии “непрямой интервенции”, констатируемый в книге. Он боролся за воображаемую Россию, за ту Россию, какую он сам хотел видеть, а потому оказался не в состоянии предложить внешнеполитический курс, адекватный реальной ситуации.

Проф. Фоглсонг совершенно справедливо полагает, что политику Вильсона невозможно объяснить, исходя из декларируемых им идеалистических принципов. “Старая дипломатия” довоенного образца умерла, заключает автор, а на смену ей шла не только широко рекламируемая “новая дипломатия”, но и новые методы тайной войны, в разработке которых Соединенным Штатам суждено было выступить пионером. Объяснение этому факту нетрудно найти, если согласиться с главным тезисом книги, что не только идеализм руководил действиями администрации Вильсона, но и вполне конкретные политические расчеты. Идеалистичными были только иллюзии президента, но и они родились не на пустом месте. В основе лежали соображения реальной политики, приобретавшие в сознании Вильсона столь далекие от действительности и даже причудливые формы.

Утверждение лидирующей роли США в мире, всемерное расширение рынков, противодействие распространению чужеродной идеологии — все это были вполне конкретные внешнеполитические цели. И России в американских планах принадлежала немаловажная роль. Вопрос заключался в выборе средств для проведения успешной политики, однако тут и начинал действовать ограничитель в виде идеалистических

представлений Вильсона. Средства могли быть любые, но с одним исключением — они не должны были откровенно противоречить либеральным принципам, которые стали главным предметом американского экспорта в период президентства Вильсона. Его готовность прибегнуть к использованию силы и методов тайной войны объясняет решение об интервенции в России, а желание соблюсти при этом видимость верности официально провозглашенным принципам — ее неудачу.

Отказываясь от узких рамок политики изоляционизма, Вильсон гораздо чаще, чем его предшественники, прибегал к разнообразным методам вмешательства в дела других государств с целью воздействовать на их политическое развитие в соответствии с американскими интересами. В связи с этим выработался особый, “вильсоновский” тип интервенции, понимаемой в самом широком смысле этого слова. Придя к выводу, что годы президентства Вильсона стали решающим переломом в становлении методов тайной войны как инструмента внешней политики США, автор вместе с тем подчеркивает, что администрация Вильсона оказалась не в состоянии найти убедительное объяснение для своего решения вмешаться в гражданскую войну в России. Его просто не могло быть в том риторическом арсенале, который использовался Вильсоном во взаимоотношениях с внешним миром.

Хотя антибольшевистский характер деятельности администрации Вильсона не раз уже подчеркивался в предшествующей историографии, в книге проф. Фоглсонга этот тезис впервые становится центральным. Автор справедливо отмечает, что решение об интервенции в России было обусловлено многими факторами, главным из которых было стремление Вильсона устранить большевизм как препятствие на пути восстановления мифической “российской демократии”, занимавшей важное место в глобальных планах президента. Автор последовательно рассматривает иные мотивы, повлиявшие на принятие решения об интервенции (воссоздание восточного фронта борьбы с Германией, противодействие японской экспансии на Дальнем Востоке, закрепление за Америкой российских рынков, помощь чехословацкому корпусу), но в итоге приходит к заключению, что ни один из них по степени важности не имел в сознании Вильсона такого значения, как борьба с большевиками. В книге содержится прямое опровержение официального тезиса, до сих пор сохраняющего сторонников среди американских историков, что помощь чехословакам была главной целью организации Сибирской экспедиции. Администрация Вильсона, как убедительно показано автором, стремилась использовать чехословацкий корпус в своих целях, но вовсе не спешила вывести его из-под удара.

С другой стороны, проф. Фоглсонг не разделяет и подход прежней советской историографии, согласно которому Вашингтон выступал чуть ли не как главный организатор всемирного империалистического заговора против советской власти. В связи с этим представляет интерес проведенный им анализ англо-американских разногласий по вопросу о характере и масштабах союзной интервенции. Американская стратегия основывалась на концепции “ограниченной интервенции”, позволявшей избежать ширококомасштабной войны с РСФСР. Упор делался на проведение тайных операций, которые в представлении Вильсона могли способствовать достижению поставленных целей без публичного оповещения о них. В итоге американское участие свелось к полумерам, которые значительно снизили эффективность союзной интервенции в целом и только помогли большевикам укрепить свои позиции. Результат оказался прямо противоположным тому, что ожидалось.

Большое внимание в книге уделено показу роли различных деятелей, влиявших на разработку российской политики президента. Их круг хорошо известен, однако деятельность этих государственных мужей получила во многом новое и более полное освещение. Знакомство с их взглядами значительно расширяет наши представления о

том, как обе революции 1917 года в России воспринимались за ее пределами. Особое место среди героев книги занимает последний российский посол в США Б.А.Бахметьев, вписавший важную и очень интересную страницу в историю русско-американских отношений. Детальный анализ того влияния, которое Бахметьев оказывал на подготовку решений администрации Вильсона относительно России, является одной из наиболее заметных творческих удач автора.

Через всю монографию красной нитью проходит указание на взаимосвязь процессов, начавшихся в первые годы советско-американского противостояния, с тем, что получило законченное выражение во время “холодной войны”. В связи с этим закрытая, казалось бы, в серьезной литературе тема актуальности внешнеполитического наследия Вильсона приобретает новое звучание. На место Вильсона — проповедника бессодержательных либеральных идеалов становится Вильсон — основоположник современной тайной дипломатии. При этом автор показывает, что речь идет об изначальной предрасположенности к секретной политике, а не о вынужденном отступлении от принципов, предназначенных для публичного использования. Образ Вильсона-идеалиста давно уже подвергается критическому переосмыслению. Книга проф. Фоглсонга подводит прочный фундамент под расплывчатый образ Вильсона-реалиста, определяя, вместе с тем, какое место в его практической политике занимало все же стремление подогнать реальность под свои идеалистические представления.

Одной из главных отличительных особенностей Вильсона было то, что если действительность не укладывалась в его схемы, он изобретал для ее определения такие обозначения, которые помогали уходить от реальности и давали возможность продолжать иметь дело с собственными иллюзиями. Так интервенция переставала быть интервенцией, а война не считалась войной даже тогда, когда американские батальоны сражались в снегах под Шенкурском. И только тогда, когда сама жизнь вынуждала президента изменить решение, он делал это, хотя и не спешил признавать очередное поражение. В большинстве случаев Вильсон как политик оказывался все-таки большим реалистом, чем это обычно считалось. Его проблема заключалась в том, что зачастую он жертвовал своим вынужденным реализмом в пользу желаемого идеализма. Эта невероятная смесь профессорского расчета с мессианскими иллюзиями и составляет ту загадку политического поведения В.Вильсона, над которой историки бьются до сих пор. Книга проф. Фоглсонга позволяет значительно продвинуться на пути к раскрытию этой загадки.

Книгу сопровождает впечатляющий перечень архивных фондов, использованных при ее подготовке. Хотя автор справедливо отмечает, что российские архивы до сих пор открыты лишь частично, даже в них он сумел сделать важные исследовательские находки. У себя же на родине проф. Фоглсонг исследовал более ста документальных коллекций в 24-х архивохранилищах 17-ти городов, уделяя основное внимание личным фондам практически всех героев своей книги. Автор демонстрирует прекрасное знание американской и хорошее знакомство с советской историографией вопроса. Для его стиля характерны взвешенный подход, четкость формулировок, точность определения явлений и событий, внимание к нюансам. Хотя вынесенная в заглавие тема не могла быть исчерпана в одной книге, работа Д.С.Фоглсонга представляет собой неординарное явление в современной исторической науке и вносит большой вклад в разработку целого комплекса важных в научном и практическом отношении вопросов.

Е.А.Вишленкова

**Религиозная политика:
Официальный курс и “общее мнение”
России александровской эпохи
Казань: Казанский государственный
университет, 1997**

Как известно, история государственно-церковных отношений, имевших место в Российской империи XVIII — начала XX столетий, исследована явно недостаточно. Это связано с целым рядом причин, прежде всего политических: если до 1917 г. объективно изучать названную проблему мешала конфессиональная “заданность” империи, к тому же построенной на порочном, антиканоническом по своей сути основании, то после революции анализ государственно-церковных отношений “петербургского периода” отечественной истории перестал считаться чем-то принципиальным, важным для понимания глобальных вопросов российской государственности. Преобладал “схематический” подход, выводы обычно заранее предопределялись политической пристрастностью ученого, историческими стереотипами. Говоря это, я ни в коем случае не имею намерения осудить исследователей прошлых лет, зачастую вынужденно не обращавшихся к изучению вопросов религии и Церкви XVIII — начала XX столетий или же обязанных делать идеологические реверансы и более констатировать, чем исследовать. Хотелось бы лишь отметить, что подобные перекосы в итоге привели к образованию огромных “исторических лакун”, без заполнения которых совершенно невозможно понять как формировалась, развивалась и постепенно сама себя уничтожила официальная государственная идеология Российской империи, государства, уже с XVIII столетия являвшегося многоконфессиональным образованием при формальном господстве в стране Православной Церкви. Без исследования религиозной политики конца XVIII и первой трети XIX в., думается, будет трудно понять, как складывалась “идеология официальной народности”, связанная с именем министра императора Николая I графа С.С.Уварова, но корнями своими уходящая в предшествующее царствование. Поэтому изучение религиозной политики во многом противоречивой александровской эпохи нельзя не назвать вполне актуальным и важным. Именно тогда на повестку дня были поставлены (хотя и не решены) многие вопросы государственно-церковных отношений, в том числе и вопрос о роли и значении господствовавшей православной конфессии, находившейся в положении религиозной (и поэтому идеологической) службы империи.

В связи со сказанным выше появление в Казани монографии Е.А.Вишленковой можно только приветствовать. В своем исследовании автор рассматривает вопрос о государственно-церковных отношениях, отраженных в политической мысли России начала XIX в., церковном управлении (1801—1810), идеологии “евангельского государства” и создании духовного ведомства, существовавшего под руководством фаворита царя князя А.Н.Голицына до 1824 г. Согласно гипотезе Е.А.Вишленковой, можно говорить о последовательной смене двух официальных концепций политического разви-

тия страны: идеологии “легитимизма” в 1801—1810 гг., когда приоритетным являлось преобразование политической системы; и социальной утопии “евангельского государства”, появление которой (в качестве официальной идеологии) связано с наступлением политического и идеологического кризиса власти, продолжавшегося до 1814 г.

Названная утопия “ориентировала власти на достижение буржуазно развитого государства посредством религиозного просвещения общества. Ее кризис начинается с 1819—1820 гг. и приводит к победе реакционных сил к концу правления Александра I” (с.13). Исследуя религиозную политику первой четверти XIX в., автор вполне закономерно уделяет значительное внимание протестантскому фактору. Действительно, кризис рационалистической философии и секулярных идей, который можно рассматривать и как одно из следствий Великой французской революции, стал своего рода мировоззренческим кризисом для поколения императора Александра, сочетавшего принадлежность к православию и протестантский взгляд на государственно-церковные отношения, нарушенные (вернее сказать, порушенные) еще во времена Петра Великого. При этом поиски оптимального решения идеологических головоломок шли в русле политики европейской модернизации страны и, следовательно, в русле веротерпимости.

Е.А.Вишленкова, исследуя “механику” вопроса государственно-церковных отношений александровской России и проводя аналитический разбор различных на этот счет мнений, совершенно справедливо уделяет внимание такому фактору, как масонство, замечая, что “оно было выходом из противоречия между усвоенными с детства вероисповедными ценностями и воспринятой в процессе образования гуманистической культурой, культивирующей разум” (с.18). В самом деле, именно в эпоху Александра I противоречие между формой и содержанием в религиозной жизни образованного меньшинства достигает своего апогея и начинает всерьез беспокоить мыслящую часть общества. Впрочем, автор указывает, что Александр I и его советники эпохи “легитимизма” были скорее религиозно индифферентны и смотрели на религиозный вопрос преимущественно с точки зрения политических прагматиков, придавая религии значение лишь просветительского фактора. Поэтому отношение к Церкви как к вспомогательному государственному институту было вполне естественно и логично. Более того: официально главенствующая Православная Церковь в тех условиях *de facto* являлась лишь одной из многих. Подобная трактовка вопроса о роли религии в государственной жизни отличалась, как это показывает Е.А.Вишленкова, от идеологии масонов-мистиков, считавших все исторические Церкви учреждениями “внешними”, политическими. Масонов более волновала правительственная политика в отношении верующих, чем тема государственно-церковных отношений.

Стоит также особо подчеркнуть внимание автора к такому принципиальному явлению первой трети XIX столетия как “мистический ренессанс” Европы и России. Именно на таком фоне и разворачивалась полемика вокруг вопроса государственно-церковных отношений. И хотя трудно согласиться с наименованием уважаемым автором православных мистиков того времени исихастами (скорее их можно назвать наследниками традиций Григория Паламы и Сергия Радонежского), тем не менее факт появления в русском православии названного течения трудно переоценить.

Говоря о различных подходах к вопросу о государственно-церковных отношениях, Е.А.Вишленкова отмечает и так называемый традиционалистский подход, свойственный широким кругам российского образованного общества. Такие деятели как Н.М.Карамзин, А.С.Шишков, О.А.Поздеев и их единомышленники, по мнению автора, “при всем различии политических идеалов и мировоззренческих ценностей, отстаивали за православием значение господствующей веры, а за Православной Церковью

статус “государственной”, так же как отстаивали приоритет русского начала перед российским” (с.47). В преддверии 1812 г., делает вывод Е.А.Вишленкова, возобладало традиционалистское видение взаимодействия духовной и светской власти в России.

Рассматривая церковное управление в империи в 1801—1810 гг., автор исследует не только отношения главенствовавшей конфессии и государства, но и вопрос управления Католической, Униатской и протестантскими Церквями, а также управление нехристианским духовенством (что, на мой взгляд, неправильно: иудеи и мусульмане, равно как и ламаисты, не имеют священнослужителей — в христианском понимании этого слова, а в двух первых случаях речь идет вообще о религиозных учителях и наставниках). То же можно сказать и об управлении диссидентскими организациями: исследовать их в главе, посвященной церковному управлению, думается, совершенно неверно — ведь все они (за исключением староверов-поповцев) церковную организацию принципиально отрицали.

Некоторые ошибки, к сожалению, встречаются в разделе, посвященном изучению процесса институализации государственного отношения к Православной Церкви. Во-первых, в описываемое время в России еще не существовало должности протопресвитера военного и морского ведомства (с.55): она появилась лишь в 1890 г. Во-вторых, в правление Павла I император не объявляется главой Православной Церкви (с.55), а объявляет себя сам, что не одно и то же. В третьих, употребление словосочетания “автокефальная русская Церковь, управляемая государственно-церковным органом — Св. Синодом” (с.57) не совсем корректно: автокефалия характеризует внешнюю независимость Церкви от других поместных Церквей, а наличие Св. Синода говорит о ее вынужденно неканоничном управлении, вызванном внутривластными реформами петровской эпохи. Впрочем, эти замечания никак не могут повлиять на общую положительную оценку рецензируемой работы, богатой интересным фактическим материалом и отличающейся глубокой продуманностью выводов и заключений.

Исследовав вопрос о состоянии религиозных институтов, действовавших в то время на территории империи (от главенствовавшей конфессии до религиозных диссидентов включительно), Е.А.Вишленкова обращается к рассмотрению идеологии “евангельского государства”, заявляя, что победившая Наполеона страна “явно испытывала идеологический и политический кризис” (с.97). “В изменившихся условиях государственного развития верховная власть нуждалась в идее, способной интегрировать население западных территорий в состав империи и стать ориентиром для общественного развития страны в целом, — отмечает автор. — <...> Эту функцию могла выполнить теория “евангельского государства”. В новой ситуации “общее мнение” должно было стать основной действующей силой нового политического курса, почему верховная власть и санкционировала существование в стране с официально господствовавшей Церковью многоконфессиональной общественно-религиозной организации — Библейского Общества”. Логику, которой руководствуется автор, изучая эти непростые проблемы, необходимо признать безупречной: в самом деле, “без восстановления духовных координат, в рамках которых жило и действовало российское общество того времени, политическая жизнь прочитывается в категориях, ему не свойственных” (с.107). Таким образом, изучая идеологию “евангельского государства”, Е.А.Вишленкова помогает исследователям уяснить многие не имеющие к религии прямого отношения политические проблемы александровского правительства. Утопия рано или поздно наказывает мечтателей, так произошло и с “евангельским государством”, — ведь подобная химера могла рассчитывать на реальность только в случае полного успеха идеи просвещения и уж, разумеется, в рамках полной веротерпимости. “Сама проблема веротерпимости, — пишет автор, — ставится на повестку дня тогда, когда обществом востребовывает-

ся активная личность, индивидуализм. Как раз эта-то особенность современного развития политической культуры и была дискредитирована в глазах верховной власти России и ряда европейских правительств в начале 1820-х гг.” (с.119). Исходя из этих посылок, вполне понятными (и даже оправданными) видятся запрещение властями масонства, репрессии против Библейского Общества, на первых порах своего существования пользовавшегося монаршей милостью, а также отставка (в мае 1824 г.) князя А.Н.Голицына с поста руководителя Министерства духовных дел и народного просвещения.

Истории создания духовного ведомства и его функционированию в монографии Е.А.Вишленковой посвящена специальная глава. Первым шагом по пути централизации управления религиозной политикой в России стало создание в 1810 г. Главного Управления Духовных Дел Иностранных Исповеданий, а следующим — создание в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения. Рассматривая причины, приведшие к появлению этого странного Министерства и судьбу его лидера, автор постоянно помнит о том, что названный политический институт в качестве своей основы полагал протестантское убеждение в “множественности истин”, а различные религиозные конфессии и просветительские учреждения рассматривал как различные пути к Истине. При этом Е.А.Вишленкова весьма удачно, на мой взгляд, отмечает, что “для многих образованных россиян протестантизм не был религией, это было мировоззрение” (с.138). Описывая, как постепенно в стране складывалось такое положение, когда не только “над” конфессиональный принцип функционирования Министерства духовных дел и народного просвещения, но и стиль управления религиозной жизнью империи перестал удовлетворять практически все заинтересованные стороны, автор доказывает закономерность отставки князя А.Н.Голицына и конечной победы консерваторов, в построении управленческого ведомства руководствовавшихся конфессиональным принципом, а в вопросе построения церковно-государственных отношений — укреплением союза империи с главенствовавшей конфессией — Православной Российской Церковью. Уже никогда более государственная власть в России не возвращалась и к идее воссоздания специального Министерства духовных дел и народного просвещения — опыт alexandrovского царствования оказался достаточно полным доказательством “от противного”: централизация управления религиозными и церковными организациями не привела к “прививанию” в обществе буржуазных свобод, в том числе религиозной толерантности. Этот факт, убежден, необходимо особо учитывать при рассуждении о “реакции” последовавшей николаевской эпохи, о своеобразной “консервации” многих важных вопросов — *ad calendas graecas*. И хотя путь к конфессиональной интеграции оказался для Александра I и его единомышленников тупиковым и закономерно “привел к обострению и актуализации религиозных и конфессиональных проблем в стране и, как следствие, к всплеску обскурантизма (религиозной реакции)” (с.186), нужно признать доказанным, что “создание единого ведомства стало необходимым условием разработки концепции и курса религиозной политики в Российской империи” (с.187). Спустя несколько лет это обстоятельство и было использовано (правда, для других целей) николаевским правительством.

Книжные новинки

*Словарь американской истории / Под редакцией акад.
А.А.Фурсенко. СПб., 1997.*

В словаре отражены основные события и понятия американской истории и представлены ее главные действующие лица с колониального периода до конца Первой мировой войны. Содержит 1450 статей.

Поздравляем действительного члена Российской Академии Наук Александра Александровича ФУРСЕНКО с юбилеем!

11 ноября 1997 г. исполнилось 70 лет известному петербургскому историку, главному научному сотруднику, заведующему отделом всеобщей истории С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН, академику-секретарю отделения истории РАН А.А.Фурсенко. Высокие академические регалии достойно отражают вклад Александра Александровича в развитие исторической науки, вместе с тем, они не дают ему повода для самоуспокоенности. Ученый продолжает полноценную научную деятельность, свидетельством чего стал выход в юбилейном году двух серьезных работ, потребовавших огромного многолетнего труда.

“Словарь американской истории”, авторский коллектив которого академик А.А.Фурсенко возглавлял на протяжении пяти с лишним лет, является первым изданием такого рода на русском языке и не уступает по научному уровню своим американским аналогам. Особый интерес отечественного читателя может вызвать большое количество материалов по истории русско-американских отношений, помещенных в этой книге.

Большой резонанс вызвала публикация книги, посвященной “тайной истории кубинского ракетного кризиса”. В то время, как американский соавтор Александра Александровича вел поиски в архивах ЦРУ, Совета национальной безопасности, госдепартамента, сам он поднял целые пласты уникальных документов в Президентском архиве, архивах ЦК КПСС, КГБ и даже ГРУ. Американские коллеги, первыми получившие возможность ознакомиться с книгой, подчеркивают сильную сторону именно “советской” половины исследования. Как отличительную особенность книги они отмечают, что она полностью захватывает внимание читателя.

Желаем Александру Александровичу новых успехов, ждем новых работ.

Коллеги, друзья, ученики

Журнал “Сержант”

С сентября 1996 г. в Москве издается независимый военно-исторический журнал “Сержант”. На его страницах читатель обнаружит информационно-справочные материалы по следующим основным направлениям: военная история, оружие и вооружение, униформология, военные структуры, персоналии, вспомогательные военно-исторические дисциплины и др. К ноябрю 1997 г. вышли из печати четыре номера журнала, а также первый выпуск серии “Шеврон” (приложение к “Сержанту”) — “Германские боевые награды 1939—45 гг.”.

С 1998 г. на журнал можно подписаться по каталогу АПР, система “Книга-сервис”. Очередной номер журнала можно заказать в редакции.

Адрес редакции: Россия, 117526, Москва, пр. Вернадского, 89, 315. Плоткину Г.Л.
Тел.: (095) 434-89-67.

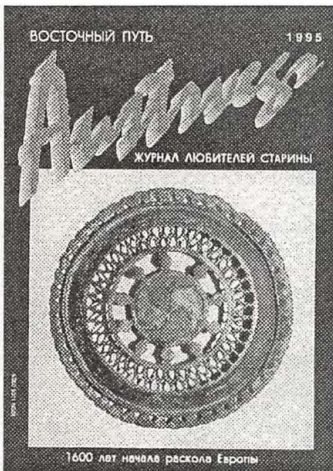

Журнал “Восточный путь”

Вышел в свет третий номер журнала “Austvegr” (“Восточный путь”). Если первый номер, вышедший весной 1996 г., был посвящен в основном скандинавской теме, то проблематика второго номера несколько иная. Большая часть статей посвящена морской археологии или же касается тем, связанных с древними морскими путями, торговлей (Г.С.Лебедев. Из варяг в греки — под парусом и на веслах; Л.Галкин. Балтийские ладьи у побережья Каспия).

Здесь же ряд статей, переносящих читателя в древнейшее прошлое обитателей берегов Балтийского моря (А.Крийска. Древнейшие следы поселений на Хийума;

Л.Лыугас. Охотники на тюленей — первые “покорители” Балтийского моря).

Во втором номере также затрагивается уже ставшая традиционной для северо-западной археологии скандинавская тема (Т.Джаксон. “Восток” в картине мира древних скандинавов).

Содержание журнала составляют не только популярные статьи о различных аспектах археологии, но и работы, посвященные этнографии финно-угорских народов (Я.Хиши. Пеленальные пояса в эстонской народной традиции), а также языкознанию (А.Кюппаг. Уральские языки: Их происхождение и судьба).

Тематика третьего номера — проблема появления первых городов на Руси. Здесь помещены статьи таких известных археологов, как Е.Н.Носов, С.В.Белецкий, А.И.Кирпичников, А.И.Сакса.

Хотелось бы сказать немного о самом журнале. “Austrvegi” — это научно-популярный журнал, издаваемый в Таллинне. Статьи публикуются на русском и эстонском языках с английским резюме. Тематически журнал очень разнообразен — это всевозможные аспекты изучения древнего прошлого человечества: от каменного века вплоть до позднего средневековья. Весь материал, снабженный графическими иллюстрациями и цветными фотографиями, представляет интерес для широкого круга читателей. В журнале печатают свои работы авторы не только из Эстонии, но и из России, Финляндии, Скандинавии, Латвии, Литвы.

Подписаться на журнал можно с в любом почтовом отделении России по сводному каталогу Федерального управления почтовой связи (“ФУПС”), академические журналы помещены в этом каталоге в разделе “АРЗИ”.

Г.Г.Вербицкий. Почта оstarбайтеров Второй мировой войны / Документы и переписка. Hermitage Publishers, 1996. [На русском и английском языках.]

В США опубликован труд Георгия Григорьевича Вербицкого, посвященный трагическим судьбам оstarбайтеров — наших соотечественников, угнанных нацистами на работы в Германию. Этот труд — в полном смысле слова документальный, ибо в его основу легла главным образом переписка “восточных рабочих” с родными. На страницах прекрасно изданной книги воспроизводятся почтовые карточки, полученные оstarбайтерами из дома и отправленные ими из неволи. Трудно представить себе что-либо более пронзительное, доходящее до самых глубин

человеческой души, чем эти скупые воистину выстраданные строки, эти свидетельства драм, разыгравшихся полвека назад. Ценность книги Г.Г.Вербицкого неизмеримо возрастает ввиду того, что автор предпослал документальным публикациям своего рода краткий очерк истории остарбайтеров, в котором идет речь об условиях работы в Германии, побегах, послевоенной судьбе, нагрудных знаках и т.д., а также подготовил приложения, включающие в себя документы “восточных рабочих” (немецкие трудовые книжки граждан СССР, рабочие паспорта). Представляя читателю книгу Георгия Григорьевича, мы выражаем чувство искренней признательности автору и надежду на то, что он продолжит свой благородный труд во имя восторжествования исторической правды и сохранения памяти о трагических страницах прошлого. Здоровья Вам и новых творческих удач.

Редакционный коллектив журнала “Новый Часовой”

Павел Полян. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ”, 1996.

Это первая монографическая попытка исторического анализа судьбы советских военнопленных и гражданских рабочих (“остарбайтеров”), угнанных немецкими оккупантами в годы Второй мировой войны на принудительные работы в Германию. Их судьба прослеживается в книге хронологически и последовательно. В первой главе показаны исторические предпосылки принудительного трудоустройства гражданских лиц в Германии, охарактеризована не менее тяжкая участь советских военнопленных в немецком плену и приводится критический анализ данных о количестве и структуре советских граждан, оказавшихся по ходу войны на территории Германии. Во второй — на фоне общего хода военных событий и развития германской экономики и внутренней политики описываются обстоятельства собственно принудительной “вербовки” и депортации в Германию. В третьей — обстоятельства жизни и трудоустройство этих людей в Германии (их правовой статус, условия труда и быта, питание, медицинское обслуживание, досуг и т. п.). В четвертой главе обозначены создание в СССР органов репатриации (договоры в Ялте и др.). В пятой — показан ход репатриации из европейских государств и США, в первую очередь из союзнических оккупационных зон в Германии и Австрии. В шестой — обстоятельства приема репатриантов на родине и их, фактически на правах второсортных граждан, послевоенной жизни, а также судьба оставшихся на Западе “невозвращенцев”. Наконец, в седьмой рассмотрен вопрос о гуманитарном урегулировании Германией проблемы выплаты компенсации за принудительный труд бывших остарбайтеров и военнопленных.

Книга написана с привлечением больших массивов ранее неизвестных или малоизвестных — как советских, так и немецких — архивных и печатных источников, а также данных анкетных опросов и писем остарбайтеров.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг лиц, интересующихся историей Второй мировой войны и послевоенного времени, включая и тех, кому эта книга посвящена — бывших остарбайтеров и военнопленных.

Из глубины времен: Альманах. № 8 / Гл. ред. А.В. Островский. СПб., 1997.

Содержание

I

В.С.Измозик, Н.С.Тихонова. Временное правительство: Социально-политическая характеристика.

А.Б.Николаев. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: Персональный состав.

В.А.Иванов. Операция “Бывшие люди”: Ленинград, 1935 год (персональный список № 1).

II

Н.П.Матханова. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С.Корсаков.

И.А.Персианов. “Спаситель” императора: О.И.Комиссаров-Костромской.

Ю.В.Тихомиров. Ф.К.Сан-Галли — фабрикант и изобретатель.

Н.М.Корнева. Дмитрий Николаевич Набоков (1826—1904).

Л.В.Марченкова. Н.Н.Кутлер: Материалы к биографии.

Ф.-К.Кокен. Пьер Паскаль (1890—1983): его политический и духовный путь.

III

Е.В.Марьянова. К истории дворянского рода Давыдовых.

А.А.Бовкало, А.К.Галкин. Родственные связи св. митрополита петроградского Вениамина.

И.И.Иванова. Князь В.В.Бярятинский и общественное движение в России конца XIX — начала XX в.

В.Д.Бобров. Династия Кшесинских.

М.Д.Бриллиант. Моя родственница.

IV

Во главе департамента полиции (формулярные списки М.И.Трусевича и Н.П.Зуева).

Н.Е.Буренин. “Фаня Беленькая”: Афанасия Леонидовна Шмидт.

С.Н.Искюль. Россия и германские государства. (1801—1808 гг.). СПб.: ИНАПРЕСС, 1996.

В книге, впервые в историографии, исследуется внешняя политика России по отношению к германским государствам в первую половину царствования Александра I. На основе документальных материалов отечественных архивов, привлеченных к исследованию публикаций и литературы освещаются события внешнеполитической истории 1801—1808 гг., сложные дипломатические коллизии тогдашней европейской действительности и многообразная деятельность российской дипломатии.

Политический сыск в России: История и современность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1997.

В сборник вошли материалы международной научной конференции “Политический сыск в России: история и современность”, проходившей в Санкт-Петербурге 13—15 мая 1996 г.

Адресован научным работникам, аспирантам, студентам.

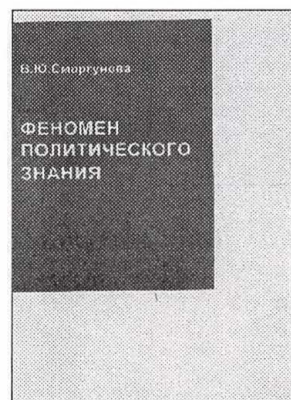
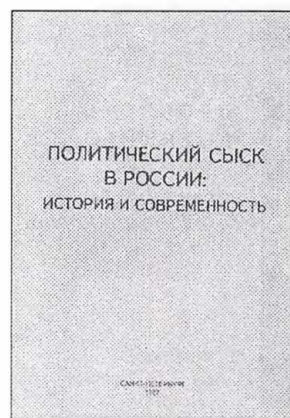
Евгений Эдуардович Месснер: Судьба русского офицера. (Серия «Библиотека журнала “Новый Часовой”»). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997.

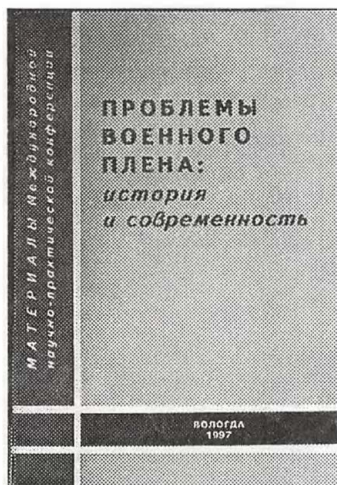
В книге воспроизводится “Послужной список” офицера Русской императорской армии полковника Е.Э.Месснера, публикуются комментарии к “Списку”, написанные самим Евгением Эдуардовичем в мемуарном жанре в период жизни в эмиграции, в Буэнос-Айресе. Книга содержит любопытные сведения о жизни русских офицеров накануне Первой мировой войны, о событиях 1914—1917 и 1918—1920 годов.

Для широкого круга читателей.

В.Ю.Сморгунова. Феномен политического знания. СПб.: Образование, 1996.

В монографии обсуждаются актуальные и дискуссионные вопросы исследования политического знания, его содержание, функции, его многоуровневость, анализируется самобытность политического знания как формы социального отражения действительности, предметом которого является политическое. Рассматривается историческая традиция интерпретации политического в системах политической философии, начиная от античности и кончая современностью. Особое значение уделяется истории и проблематике американской политической науки, специальному анализу подвергаются прагматические проблемы политического знания, изучается политический дискурс о справедливости и истине, в который включается настоящее исследование и его результаты. Монография адресована философам, занимающимся проблемами социального познания и политической философией, политологам, историкам философии, преподавателям философии, студентам, аспирантам, всем, кто интересуется гносеологическими проблемами политики.

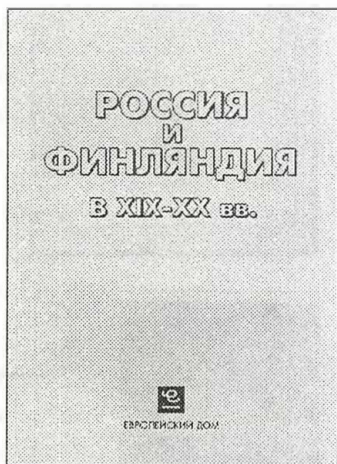

Проблемы военного плена: История и современность. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации и переподготовки педагог. кадров, 1997.

Настоящее издание включает в себя тезисы, сообщения и доклады, представленные на Международной научно-практической конференции “Проблемы военного плена: история и современность”.

Сборник состоит из двух частей. В первую вошли публикации о советских военнопленных, антифашистских организациях Национальный комитет “Свободная Германия” и Союз немецких офицеров, о проблемах войны и военного плена в истории человечества. Вторая часть представлена материалами о судьбах иностранных военнопленных в бывшем СССР.

Публикации российских и зарубежных исследователей отличают научная новизна, ярко выраженный дискуссионный характер.

Россия и Финляндия в XIX—XX вв.: Историко-культурный контекст и личность. СПб.: Европейский Дом, 1996.

Содержание

Предисловие.

Терюков А.И. А.И.Шегрен и М.А.Кастрен.

Мигаев Н.В. Академик А.В.Гадолин.

Сакса А.И., Тавитсайнен Ю.-П. А.М.Тальгрэн и российская археология (по материалам переписки А.М.Тальгрэна).

Цамугали А.Н. Петербургский период в жизни Э.К.Энгмана и О.К.Энкеля как повод для сопоставления военной и военно-инженерной мысли в России и Финляндии.

Новикова И.Н. Секретная миссия генерал-адъютанта Ф.Ф.Трепова в Финляндию, февраль 1916-го года (По материалам российских архивов).

Барышников Н.И. К.Энкель — первый представитель независимой Финляндии в Петрограде.

Барышников В.Н. Дипломатия А.Ирьё-Коскинена (Петроград—Хельсинки—Москва).

Заднепровская А.Ю. Этнографическая коллекция графа Н.В.Адлерберга.

Федоровская Л.А. Финские обрядовые мотивы на русской сцене (первая четверть XIX века).

Иезуитова Р.В. “Певец финляндки молодой” (Баратынский и Пушкин: диалог поэтов).

Файнштейн М.Ш. М.П.Благовещенская: Из истории русско-финских литературных связей.

Хартанович М.Ф. К вопросу о статусе Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе: 30-е годы XIX в.

Тишкин Г.А. Профессор П.А.Плетнев и некоторые вопросы истории празднования юбилеев Петербургского и Александровского (Гельсингфорского) университетов (1840—1844).

Чистиков А.Н. Советская Россия и Финляндия в 1918 г., проблема границ.

Рупасов А.И. К истории советско-финляндских отношений второй половины 20 — начала 30-х гг.

Английская набережная, 4. СПб.: Лики России, 1997.

Только что увидел свет первый выпуск ежегодника Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов, содержащий материалы обсуждений спорных и малоизученных проблем исторической науки, статьи и очерки, публикации архивных материалов и источниковедческие исследования, информацию о научной жизни города, материалы мемориального характера.

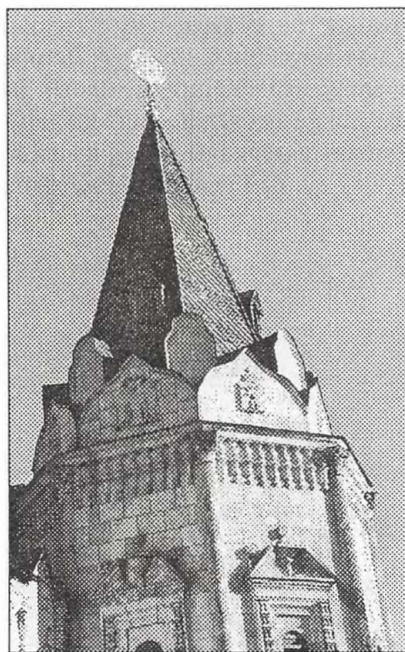
Главный редактор Ежегодника — Л.Е.Шепелев.

Где должны быть погребены жертвы екатеринбургской трагедии 1918 года?

Осталось два месяца до решения о захоронении останков царской семьи. Рассматривались три варианта. Претендует то Екатеринбург, то Москва. Но никогда не хоронили жертв на месте их гибели — так поступают только убийцы. Что же касается Москвы, то еще в 1881 году для упокоения императора Александра II предлагался Храм Христа Спасителя, но и тогда эта мысль не нашла поддержки. В действительности самым естественным местом выглядит Санкт-Петербург. Почти все российские государи, начиная с Петра I, погребены в Петропавловском соборе. Однако по отношению к Николаю II и его близким такое решение будет неэтичным и неканоничным. Останки в этой ситуации окажутся разделенными — императора и императрицу похоронят в соборе, великих княжен — в великокняжеской усыпальнице, прочих — на комендантском кладбище. Такое посмертное разделение жертв убийства, погибших вместе и пролежавших вместе восемьдесят лет, представляется едва ли не кошунственным. К тому же император не только сам отрекся от престола, он отрекся и за своих потомков, поэтому для захоронения его в соборе необходимо вторичное миропомазание (как это было с прахом Петра III), — непонятно, кто его совершит; непонятно, как на кладбище заслуженных кавалеров — комендантов крепости, может вдруг оказаться женская могила горничной... Захоранивать их всех вместе негде — Петропавловская крепость охраняется ЮНЕСКО и будут проблемы с установлением мемориала.

Нам представляется естественным и разумным другое решение. Семья Николая II очень любила Царское Село. В Александровском дворце они проводили весну и осень, а с 1904 года стали в нем жить постоянно, выезжая лишь в Петергоф, Ливадию, за границу. Собственно, только здесь была (и частично сохранилась) их собственная “квартира”. Именно тогда по их желанию напротив дворца арх. В.А.Покровский в 1909–1912 гг. построил собор во имя образа Федоровской Божией Матери — покровительницы дома Романовых. Когда-то “Федоровской” иконой был благословлен на цар-

*Башенка Федоровского городка
в Царском селе.*

Федоровский Государев собор в Царском селе.

ство Михаил Федорович — первый царь династии Романовых. Храм выдержан в формах северной русской архитектуры, украшен мозаикой, росписями. Собор был полковым для Собственного Его Императорского Величества конвоя и Сводного полка, но в храме существует и нижняя церковь — в крипте, специально оформленная для царской семьи, и личная молельня императрицы Александры Федоровны. Все покойные, чьи останки ждут упокоения, были прихожанами этого храма.

В начале XX века в Санкт-Петербурге возродился обычай строить церкви с криптами для захоронения, — таковы Воскресенская церковь на Смоленском кладбище и церковь Казанской Божией матери на Новодевичьем. Глубоко почитаемый императорской семьей, ныне канонизированный, Св. Иоанн Кронштадтский специально построил в здании Иоанновского монастыря храм в крипте, освященный в день его смерти, где его и похоронили. Собор сохранился, ныне действует и представляет собой, возможно, лучшее место для захоронения останков царской фамилии и их верных служащих. Собственно, мемориал уже создан самим императором Николаем II и его близкими: собор, видный из бывших его личных комнат; ансамбль Федоровского городка (1913–1914 гг., С.С.Кричинский) напротив собора, где император собирался создать центр русской национальной культуры, где были дома для причта собора и палаты для торжественных церемоний; во время Первой мировой войны в госпитале, здесь размещенном, работали императрица и дочери императора. Здания “городка” выполнены в разнообразных формах — новгородских, владимирских, московских — русского зодчества. Позади собора стоит Ратная палата (1913–1917 гг., С.Ю.Сидорчук) — лекционно-музейный комплекс, построенный для изучения русской военной истории, с галереей Георгиевских кавалеров. Таким образом, комплекс зданий у Александровского дворца, на территории Фермерского парка Царского Села может стать усыпальницей и, одновременно, мемориалом и музеем жертв революции, в котором все уже возведено по желанию и сообразно вкусам самих усопших.

Е.Жерихина, В.Яранцев

Санкт-Петербургский государственный университет,
 Центр экологии культуры филологического факультета. 26 ноября 1997 г.

Г.Г.Вербицкий

ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

Воспоминания остовки

В течение всей Второй мировой войны Германия ощущала острый недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве и военной индустрии. После того, как была преодолена первоначальная боязнь воспользоваться рабочей силой из оккупированных областей Советского Союза, в конце 1941 г. первые россияне все же оказались на работах в Германии. Нацисты поначалу считали, что эти люди завезут “большевистскую заразу” в “идеологически чистую Германию”. Но, как показала история, зрелыми антикоммунистами оказались именно те, кто на себе испытал “блага” советской власти и “мудрость” партии и правительства. Нацисты до конца своих дней так этого и не поняли (да и не могли понять); не поняли этого и западные союзники Сталина, хотя им следовало бы иметь в виду это обстоятельство.

Так как победоносное поначалу шествие по российской земле обернулось для немцев затяжной войной со все возрастающими потерями, руководство Третьего рейха было вынуждено самим ходом событий пересмотреть свою первоначальную установку и начать набор россиян на работу в Германию.

Первые рабочие были добровольцами. Многие, очень многие тогда считали, что немцы пришли в Россию и на Украину освобождать, а не поработать. Безумие и жестокость нацистской расовой политики скоро рассеяли такие иллюзии. Приток добровольцев иссяк и начался насильственный вывоз рабочей силы.

Точного учета насильственно вывезенных “восточных рабочих”, т.е. остовцев, как немцы сразу же начали называть наших соотечественников, нет. В сборнике “Национал-социалистическая система лагерей” (Das national-sozialistische Lagersystem, von M.Weinmann. Frankfurt am Main, 1990), приведены следующие цифры: к сентябрю 1944 г. в Германии работало около 6 млн иностранных рабочих, из 2 174 644 вывезенных из оккупированных областей Советского Союза, в том числе 1 062 507 мужчин и 1 112 137 женщин. Цифры эти надо считать условными, заниженными.

По окончании войны многие насильственно вывезенные на работу в Германию россияне не желали возвращаться под иго домашней диктатуры и старались всячески избежать репатриации. Постепенно растет список литературы о жизни остовцев в немецком рабочем плену и о приеме дома¹. В 1996 г. в издательстве Эрмитаж (США) вышла моя книга “Почта остовцев Второй мировой войны”. На нее мною были получены отклики остовцев. О том, как одной остовке удалось остаться на Западе, и пойдет речь в этой статье. На эту тему в российской литературе написано очень мало, а о советском периоде и говорить не приходится. Если что-нибудь и попадало в печать, то это была явная ложь.

Эта бывшая остовка живет сейчас в Бельгии и желает остаться анонимной. Рассказ ее я привожу дословно, без переделки и исправлений, так, как написано в рукописи, мною полученной.

“Вас интересует как избежала насильственной репатриации. Это тысяча и одна ночь, чтобы все точно описать. Что я помню то вам опишу. Если б в это время была старше и грамотной. А только окончила 6 классов. Как вы знаете то у Государства был подписан договор, чтоб всех выходцев Советского Союза были выданы и с большой скоростью. Вы наверно знаете, что в Бухенвальде был Концлагерь, и очень большой. Большие части там уничтожали Евреев. По окончанию войны кто в этом лагере остался жив, их куда-то перевезли на лечение и поправку. А нас остовцев и другие нации стали вести в Бухенвальд чторб Американцам было скорей народ отправить на Родину. Как немцы народ практичен. Так, поездом приходили к самому лагерю, то есть в лагерь. Как и везли немцы на расстрел евреев, или других.

Хочешь или нет, а едем на счастливую родину. И с нами не церемонились записали и отправляли. Один эшалон за другим шел, так что за три недели лагерь очистили от всех иностранцев. Нас привезли Американцы до Дису на реке Эльба, и через этот мост нас переводили с по одной стороны то есть стояли Американцы по 2. А с другой Советские и были 2 женщины военных. Как всех перевели, то сразу объявили, девушки в одну сторону, хлопцы в другую. Кто женат размениша словно чтоб все женщины были с одной стороны мужчины с другой. Как это сказали, то многие свои вещи побросали в Эльбу реку. Конечно Американцы все это видели что стояли на посту. Нас женщин то посадили на грузовики, а мужчин погнали на своих ногах. Куда их дели не знаю. А нас привезли, я только не помню в какой город или как назывался этот лагерь, он был почти что сгорелый и вокруг лес также спаленый. В лагере этом были совсем голые нары, без всяких соломенных матрасов. Как разделили по этим баракам так стали инкаведисты вызывать в бюро и выпрашивать как попал в Германию и почему. Есть нам не дали, провереных на другой день стали посылать на работу, где резали доски, чтоб починять бараки и наверно строить другие. И дали нам в обед по 3 печеньи в пачечки, соленные которые употребляют сейчас и наверно к пиву или выпивки.

Подруга моя Таня была старше меня на 3 года. Больше ума было в голове, говорит нам нужно бежать опять на свою фабрику, может поработаем еще немного, но хоть лучше кормить будут немцы Мы никогда не знали, что некоторые люди попытались чтоб не возвращаться на счастливую родину. Как нас послали на работу, то мы в чем были, так и стали итти. Да и какие могли у нас быть и вещи. Голые почти что приехали в Германию так и с ней назад. Это наше великое счастье. Что сразу решили бежать. Идем дорогой 2 дуры, а тут машина с инкаведистами куда девки идете, да вот упали с грузовика по своему делу сходить, а он уехал вот идем но что вы идете не в ту сторону. Посадили нас и привезли в свою часть, бросили в подвал с решеткой. И посадили старого солдата, чтобы нас стерег. Этот старый солдат как наш отец, дай Бог ему царство небесное. Сказали нам через решетку, ох плохая ваша судьба, вас отправят в лагерь, и расстреляют чтоб все видели, как бежать или уходить. Но у вас есть немного счастья, наша часть завтра будет уходить в другое место, то все инкаведисты повезут к своим подругам красавиц, они тоже остовки. И от них вас и увезут. Как войны уедут, у вас ничего нет собой, говорите что вещи свои не взяли, если они вас отпустят, то бежите куда есть, иностранные лагеря их такие пересылают на Американскую сторону. Может вам удастся с ними перейти. Мы нашли лагерь, но он охранялся русскими солдатами, но по деревне их пускали погулять. То мы у одного француза спросили как нам быть. Он нам сказал что*

* В этом месте письма сделана следующая вставка: “Куда нас привезли побыли 3 дня мы только”.

их выпускают с лагеря и строятся в шеренгу на 100 человек и идут, а вы спрячьтесь в буряке, и как уже немного людей будет вылезте и станьте, и как им уже покажется что сотня есть и будут гнать пешком. До опять Дисау, где нас и передовали русским. Шли 2 дня, спали в поле. Как дошли до этого моста знаменитого на Эльбе. А тут Русские, Французы, Англичане, Американцы. Раньше чем пропускать проверяли докуманты. А у нас нет никаких, да и французского языка не знаем. Таня мне говорит, только на проверку, подходить к французам и сказать, по немецки что нет никаких документов. Мы подошли, а он говорит, вы посидите потом проверим кто вы такие.

Это была разваленная вила, на русской стороне где проверяли и сохранилась от вилы стена и 2 двери, впускали в другую проверенный выходил и подле каждой двери стоял Американец. И живал гуму. Таня говорит не бойся и выходи как проверенная то он за нами наблюдает. Я вышла первая она за мной. Опять должны ждать эту группу, но как проверенные и одной такой уже на Американской стороне. То Американцы как собрали на камиион народу, то сразу увозили. Но думаем уже вольные, а тут то не так было, везут нас опять в лагерь, это был для военных лагерь. Хороший лагерь, большой красивый железный забор. Уже вокруг забора ходит немец в цивильном но с винтовкой, с лагеря не выпускать, опять будет проверка. Кого и когда отправлять. Этот лагерь был раньше города Зондергаузен. Сидим мы на скамейке и горюем. Что нас ждет, выдадут опять Советской власти. Смотрим как немец завернул за угол, а один парень, раз дыра в заборе, открыл и был такой, мы подождали пока немец круг зделает, и сами так поступили, то есть одна за другой через эту дырку, и сразу побежали в город Зондерхаузен. По дороге зашли к немецким бауерам, попросили чтоб дали нам поесть хоть картошки. Она дала и даже нам сварила по 2 яйца. Сказали ей правду, удрали от своих родных, а теперь опять идем на свою фабрику, если работать то будем работать. Но фабрики своей мы не дошли. Уже вольные, идут и везут высокую бауерскую подводу, впереди мужчина вместо лошади а зади женщина подпихает, и полная нагружена всяким барахлом. Мы толкаем зади, снами говорят по русски. Мы к ним, куда вы едите, да в лагерь, где люди нехотят ехать на родину. Скажите нам где, а вот здоровые вы девки, упрягайтесь в бричку, и так мы и доедем все вместе. Нам выхода нет, должны вести ихние награбленное барахло. Так и доехали до разваленного лагеря, уже пришли камиионы, и нас развозить в Буддыревский лагерь². Я была в лагере Фирстенвальд недалеко от города Кассель. Но в этом лагере пришлось пройти комиссию называли скрининг³. Те которые были во Власовской армии, некоторых выгнали. Но и Американцы не могли нас всю жизнь кормить. Мы то в анкетах написали что хотим ехать в Канаду, другие в Америку и так дали. В лагери я вышла замуж и Американцы чтоб освободить немного немцев от остовцев стали набирать в Бельгию на шахты, вот муж записалса, то есть подписал контракт ехать в Бельгию работать на шахту. А нас женщин только через 3 месяца привезли. Немцев военнопленных отпускали домой а мы занимали ихнее место. Первое время пришлось очень и очень тяжело. Хорошо кто накрал у немцев. А у нас было 2 одеяла ватных, что выдали Американцы, 2 тарелки, 2 ножа, 2 ложки, 2 вилки. Сразу тоже жили в железных бочках как называли эти бараки. Потом в старых шахтерских не домов а просто бедные хатки. Уборных небыло, нужно было рыть яму на огороде и закрывать железом и как наполнилась, то эту закапывать, а другую рыть. Как приехали все было на карточки. Один год приблизительно. Бельгийцы тоже были бедные, ходили тоже латаные и в деревяных колодках. А с нашим приездом, то стали открывать магазинчики и становиться на ноги и богатеть. Хотя я и старая и не грамотная, но что точно пережила, то вам пишу правду. С искренним приветом и желаю вам удачи”.

Особых пояснений к этому крайне интересному рассказу не требуется. Но два замечания все-таки нужны:

1) Буквально в течение часов русская девушка и ее подруга поняли, что надо уходить от “своих”. Советская власть оставалась верна себе: все всегда под подозрением! А был бы человек, статья всегда найдется!

2) Маленькая Бельгия, разоренная войной, быстро встала на ноги благодаря разумной государственной власти, разумным законам и столь же разумной экономической системе.

Г.Г.Вербицкий
2 апреля 1997 г.

Примечания

- 1 *Семи́н В.* Нагрудный знак “ОСТ”. М., 1983; *Поля́н П.* Жертвы двух диктатур. М., 1996.
- 2 Константин Васильевич Болдырев (1909–1995), один из старейших членов НТС, сразу по окончании войны основал беженский лагерь и этим спас многих россиян от насильственной выдачи. См.: Посев. № 5. 1995. Памяти друзей.
- 3 Скрининг (от английского слова “screening”) — проверка, просивание. В 1945–1947 гг. многим беженцам пришлось предстать перед советско-союзными комиссиями, чтобы доказать, что они не были под властью Советов на 1 сентября 1939 г. По позорному Ялтинскому соглашению все, кто этого доказать не мог, подлежали насильственной репатриации.

Главному редактору журнала “Новый Часовой” Терещуку А.В.

Уважаемый Андрей Васильевич,

малоизвестная история военно-кооперативного движения в России в наше время возвращения к рыночным отношениям, развития различных форм кооперации требует глубокого исследования, объективного социально-исторического размышления и отражения в литературе. Это тем более важно потому, что военная кооперация, адекватная по своим социальным и экономическим параметрам нынешним российским условиям, могла бы, при известных условиях, вновь раскрыться.

Еще недавно мне как исследователю этой проблемы пришлось поговорить с десятками офицеров — выпускников бывшей Военно-политической академии и Военной академии тыла и транспорта и каждый раз в ответ — недоуменное пожимание плечами: “Что-то где-то вроде бы встречалось в литературе”, “Это, наверняка, военные совхозы?” и т.п. Отрадно, что на кафедре экономики и военного права Академии тыла и транспорта повернулись лицом к теме, к не востребовавшему пока историческому опыту. Я имею в виду письмо преподавателя А.Харламова “Предприниматель в военной форме” в “Новом Часовом” (1997. № 5. С.365–370). Однако допущенные в результате недостаточно глубокого анализа источников неточности и ошибки небезобидны и поэтому нуждаются в комментариях и серьезных поправках, которые я и хотел бы предложить редколлегии уважаемого журнала.

Ю.Братюшенко*

Автор письма указывает: “В 1860-е гг. в армии России стали возникать так называемые “Общества потребителей”. Идея их создания была позаимствована в Германии”. Но в указанные годы офицерские объединения на экономической основе как общества потребителей (потребительные общества) еще не оформились. Во всяком случае официальные статистические издания их таковыми не зафиксировали¹. Путь к ним оказался сложным, противоречивым и относительно долгим.

Начальными попытками на этом пути были единичные хозяйственные комитеты при командирах воинских частей и других воинских начальниках², ссудные кассы, именовавшиеся еще офицерскими капиталами³, полковые офицерские артели⁴, офицерские собрания, ставившие не только цели сближения офицеров и развития в их среде образования, но и попутно удешевления их жизни⁵.

Более высокими типами объединения военных являлись обмундировальные и потребительные офицерские капиталы. Первым упоминается капитал, оформившийся

* Настоящее письмо печатается в сокращении.

в одном из полков в 1883 г.⁶ Хотя это объединение и ему подобные имели некоторые признаки потребительного общества, они еще не соответствовали принципам, сформулированным рочдельскими пионерами⁷. Так что говорить об “Обществах потребителей” пока рано.

Теперь о заимствовании германской идеи. Оно произошло не в 1860-х гг., как утверждает автор письма, а позднее и не у Германии. Немцы учредили первое “Германское офицерское общество” 25 апреля 1884 г.⁸ Для них примером послужило английское армейско-флотское кооперативное объединение, начавшее свою жизнь 15 сентября 1871 г.

В исторической справке об учреждении первого в России военно-потребительного общества говорится: “Блистательные результаты, достигнутые потребительными обществами и в Западно-Европейских армиях и в России: в Морском ведомстве и С.-Петербургском Арсенале¹⁰, побудили Командира Гвардейского Корпуса Генерал-Адъютанта Манзей возбудить вопрос об учреждении такого же общества в Гвардейских войсках”¹¹. 16 июля 1891 г. он подал соответствующий рапорт, а “в 14-й день Декабря 1891-го Его Величеству благоугодно было одобрить «Проект» Устава Экономического общества офицеров Гвардейского корпуса”¹². Именно оно и было официально признано как потребительное общество и начало отсчет подобным офицерским ассоциациям в России. В 1912 г. в “Списке всех потребительных обществ России...”, которым был положен “конец поискам за истинным числом потребительных обществ”, значилось 46 офицерских обществ, включая отделения¹³.

Автор, на наш взгляд, не вник глубоко в содержание и приоритетные направления деятельности офицерских экономических обществ, заявив, что они “изначально ставили перед собой задачу обеспечить своих членов необходимыми продуктами питания и предметами потребления...”. Однако известно, что с пропитанием офицеров было относительно благополучно, хуже с обмундированием. Поэтому по Уставу общества были обязаны “доставлять своим членам главным образом — предметы обмундирования, снаряжения, обувь и белье...”¹⁴. “Положением об офицерских экономических обществах” 1898 г. предусматривалась строгая последовательность открытия действий обществ: отдел обмундирования и снаряжения (офицерские вещи), отдел обуви и белья, отдел съестных припасов и продуктов, отдел мануфактурных товаров. Продуктовые магазины и отделы часто вовсе не открывались. Положение по существу закрепляло шестилетнюю практику. Днем фактического открытия деятельности Экономического общества офицеров Гвардейского корпуса стало 14 апреля 1892 г., когда начала работать портновская мастерская, в которой в 1892 г. было выполнено заказов на сумму 127 922 р. 45 к., в 1896 г. — на 303 499 р. 30 к. От 63 до 68 процентов заказов поступало в эти годы от офицеров армии и флота, остальные — от офицеров гвардии¹⁵.

Не совсем верно утверждение автора письма, что “первоначальный капитал общества создавался, как правило, только за счет членских и вступительных взносов офицеров части”. Нельзя сбрасывать со счетов и помощь государства.

Состоявшие в членах общества высочайшие особы двора, военный министр, офицеры Генштаба¹⁶ и штабов военных округов были заинтересованы в процветании обществ, приносивших солидные дивиденды. Это в известной степени предопределяло материальную поддержку экономических обществ со стороны государства. Она выражалась в основном в высочайших пожалованиях: Гвардейскому экономическому обществу — 25 тыс. руб., Киевскому, Казанскому, Кавказскому, Одесскому — по 7 тыс. руб., Экономическому обществу офицеров Московского военного округа — 10 тыс. руб. Кроме того, ему, согласно постановлению Военного совета от 12 ноября 1898 г.,

было отпущено из Государственного казначейства безвозвратное пособие для расчета с войсковыми частями по ссудам в размере 23 220 руб.¹⁷.

С автором нельзя согласиться в том, что “первоначально такие общества возникли в отдельных частях, но наиболее перспективными оказались те из них, которые объединяли офицеров корпуса”. Первыми возникли общества в Гвардейском корпусе (это был единственный корпус в Варшавском округе (1893 г.) и в Московском военном округе (1895 г.)). Анализ состава и структуры офицерских экономических обществ показывает, что на первое место следует поставить гарнизонные общества (14) и отделения окружных экономических обществ (13) — Горийское и Карское Кавказского офицерского экономического общества, Брест-Литовское Варшавского общества, Петергофское, Красносельское, Царскосельское, Гатчинское Экономические общества офицеров Гвардейского корпуса и т.д.; на 2-е место — экономические общества в войсковых частях (бригада, полк) — (10) и на 3-е место — офицерские экономические общества военных округов — (6).

Насчет тезиса: “Офицеры — не профессиональные предприниматели и их цель — не извлечение максимальной прибыли”. С этим нельзя не согласиться в части, касающейся всего офицерского корпуса. Но сами общества не были бы коммерческой структурой, если бы не добивались получения прибыли. Прибыль “гвардейки” (так ее называли офицеры) за время войны с Японией была огромной. Вот что говорится на этот счет в официальных документах: “Общий оборот за время действия отделения с 1 июля 1904 г. по 28 марта 1905 г. (1 г. 9 мес.) 5 826 096 р. В год = около 3 1/2 млн, цифра, до которой достигали обороты общества в Петербурге только за последние два года... Чистая прибыль — 78 355 р.”¹⁸ Чистая прибыль Экономического общества офицеров МВО за 1904 г. составила 72 135 тыс. р., что на 36 944 тыс. р. больше, чем в 1903 г.¹⁹ Правление общества считало, что “в результате напряженной деятельности во время войны 1904–1905 гг., образовался достаточный запасной капитал”²⁰, позволивший построить в Москве свое здание с магазином и доходным домом (Воздвиженка, 10).

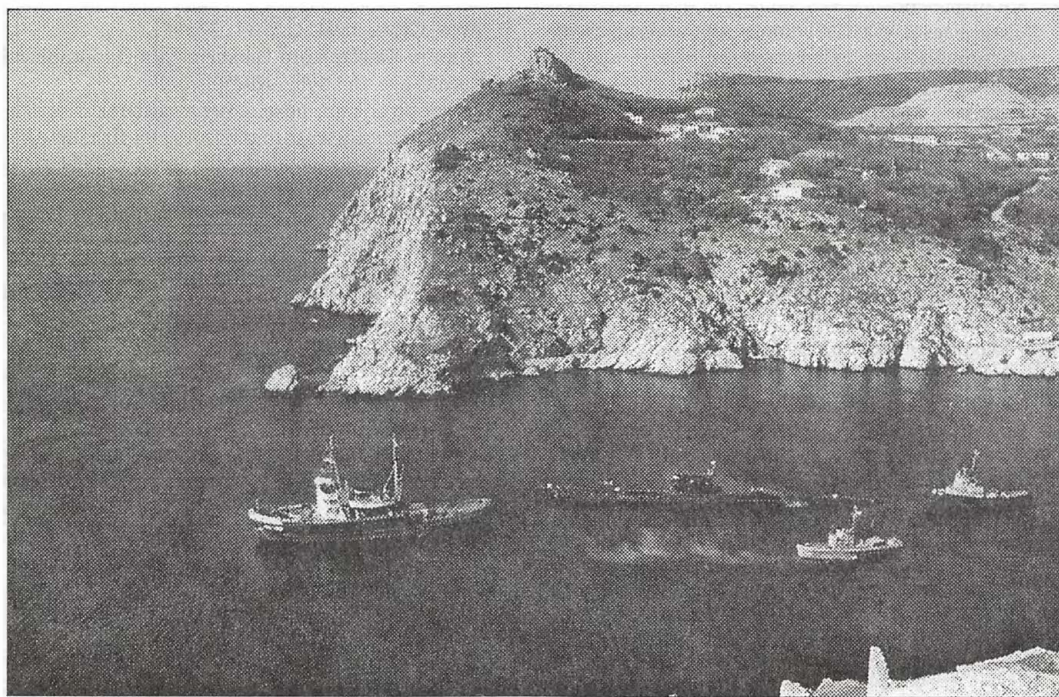
Характеризуя финансовое состояние общества офицеров Гвардейского корпуса С.-Петербургского гарнизона (такого названия не существовало. — Ю.Б.) и Киевского офицерского экономического общества, автор сообщает, что “Киевское общество на свои доходы могло выдавать долгосрочные кредиты...”. Невольно создается впечатление, что только это общество могло позволить себе такое. На самом же деле все общества в больших масштабах постоянно осуществляли краткосрочное и долгосрочное кредитование своих членов, для чего разрабатывались специальные инструкции и правила²¹. В 1893 г. в Экономическом обществе офицеров Гвардейского корпуса из 4 843 человек 665 пользовались кредитом²². В последующем это число заметно возросло. Кредитование членов было одной из основных отличительных особенностей военно-кооперативных объединений, отличающее их от кооперативов “гражданского характера”.

Переходя к истории кооперации в РККА, автор указывает, что “товары закупались оптом, в основном у госорганов”. В качестве примера приводится процент закупок по ВПО “Боец” — 64 (за 1926 г. — Ю.Б.), а в 1924–1925 финансовом году этот процент был еще выше и составлял 70,6²³. Но ВПО “Боец” в силу ряда причин не может быть примером, тем более характеризующим состояние заготовительно-закупочной деятельности всей системы военной кооперации. В годы НЭПа государству особенно-то нечем было торговать ни оптом, ни в розницу. В Закавказье потребительская кооперация была крайне слаба, частник не мог удовлетворить запросы армии в ширпотребе. Военная кооперация и не возрождалась бы, если бы у государства хватало сил содержать армию и флот.

Примечания

- ¹ См.: *Баллин Н.* Памятная книжка русских потребительных обществ. СПб., 1870; Правительственный вестник. 1870. № 180; Сборник материалов об артелях в России. Вып.1. 1873; Вып.2. 1874; Вып.3. Потребительные общества. 1875.
- ² См.: Военный сборник. 1865. № 7. С.145, 155.
- ³ См.: Русский инвалид. 1864. № 212.
- ⁴ См.: Военный сборник. 1867. № 7. С.96, 98–99, 101.
- ⁵ См.: Там же. 1885. № 1. С.26; № 9. С.130.
- ⁶ См.: Там же. 1886. № 1. С.122–123.
- ⁷ Пионерами потребительной кооперации принято считать Рочдельских (Англия) ткачей, возродивших потребительские общества и проложивших путь к современной кооперации. Основными правилами в своем обществе они провозгласили: паевое участие в кооперативе; распределение прибыли не по участию капиталом, а по забору; отпуск товаров по рыночным ценам; продажа не в кредит, а за наличные; право каждого члена на один голос, общедоступность в членстве; демократичность и выборность правления и т.п.
- ⁸ Военный сборник. 1891. № 3. Ч.II. С.83.
- ⁹ Там же. С.81.
- ¹⁰ В “Списке всех потребительных обществ России как действовавших, так и закрывшихся на 1 января 1912 года”. (СПб., 1912. С.86) Петербургское общество “Бережливость” при Арсенале значится с 1886 г.
- ¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2177. Оп.1. Д.225. Л.144.
- ¹² Там же.
- ¹³ Список всех потребительных обществ... С.1 в — 180.
- ¹⁴ Военный сборник. 1892. № 3. С.39.
- ¹⁵ РГВИА. Ф.2177. Оп.1. Д.225. Л.144об.
- ¹⁶ В 1898 г. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович имел 100 паев по 1000 руб., кроме него пайщиками были 10 Их Императорских Высочеств и 4 Их Высочеств (см.: Отчет Экономического общества офицеров Гвардейского корпуса с 1 июля 1898 года по 30 июля 1899 года: (Восьмой отчетный год). СПб., 1899. С.1–2; В 1894 г. в числе пайщиков этого общества были: военный министр П.С.Вановский, комендант Санкт-Петербурга генерал-лейтенант Н.О.Адельсон, главный советник военного министра генерал-лейтенант С.И.Толстой, сенатор генерал-лейтенант П.П.Голицин и др. (см.: Список членов Экономического общества офицеров Гвардейского корпуса. СПб., 1894. С.5, 17, 27, 98).
- ¹⁷ Листок Кавказского Офицерского Экономического Общества. 1909. № 259.
- ¹⁸ Отчет по военно-походному отделению гвардейского экономического общества на Дальнем Востоке во время войны с Японией с 1904 г. по 1906 г. СПб., 1906. С.41–42.
- ¹⁹ Отчет о деятельности Экономического общества офицеров Московского военного округа за девятый год существования с 1-го Января по 31 Декабря. М., 1904. С.35. То же... за десятый год существования... М., 1905. С.46.
- ²⁰ Сбережение. 1915. № 162. С.1.
- ²¹ Например, Правила для пользования кредитом в Экономическом обществе Офицеров Гвардейского Корпуса. 1895. 30 с.; То же. 1901. 15 с.; и др.
- ²² Отчет об оборотах экономического общества офицеров Гвардейского корпуса за 1893 год (год второй). СПб., 1894. С.23.
- ²³ Экономический вестник Закавказья. 1927. № 10. С.62.

Из фотоархива журнала "Новый Часовой"

*Выход последней подводной лодки Черноморского Флота из Балаклавской бухты.
Снимок сделан в апреле 1997 г., передан в редакцию Севастопольским
представительством "Нового Часового".*

Новый часовой

Военно-исторический журнал

№ 6-7

Зав. редакцией *Г.Чердниченко*

Редакторы *Е.Михайлова, Д.Копелев*

Техн. редактор *Л.Иванова*

Художник *Е.Соловьева*

Компьютерная верстка: *С.Лобачев, С.Стремилев*

Лицензия ЛЗ № 040050 от 15.08.1996 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 15.01.98.

Формат 70×100/16. Печать офсетная. Физ. печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 35,47. Уч.-изд. л. 41,53

Тираж 2000 экз.

Издательство Санкт-Петербургского университета.

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр офсетной печати типографии издательства СПбГУ.

199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41.

